

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Zhizn'

WHD-LC

AP

50

.Z428

vol. 1901

t. 3

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЪ.

Томъ III.

Мартъ

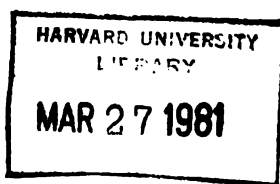
1901 г.

Контора и редакція: Спб., Знаменская, 20.
Телефонъ № 2782.

A
WID-LC
AP
50
.Z428
vol. 1901
t. 3
✓

Дозволено цензурю. С.-Петербургъ, 27 марта 1901 г.

51121

Типографія А. Е. Колпинскаго, Спб., Конная ул., д. 3—5.

ТОМЪ III.

МАРТЪ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТРАН.
1) Омуть. <i>Психологическая фантазія</i> Н. Тетмайера . Переводъ съ польскаго П. Ф. Кудели	1
2) Трое. (<i>Продолженіе</i>). <i>Повѣсть</i> М. Горькаго	54
3) Какъ возникъ „Заратустра“. Е. Ферстеръ-Ницше . Переводъ М. Антоновской	85
4) Русская кустарная промышленность. (<i>Окончаніе</i>). М. Курчинскаго	97
5) Роза. <i>Стих. въ прозѣ</i> К. Тетмайера	123
6) Странники. <i>Разсказъ</i> В. Успенскаго	124
7) Джузеппе Верди. П. Г.	153
8) Къ аграрному вопросу. <i>Критика критиковъ</i> . П. Маслова	162
9) Изъ міра критическихъ увлеченій. А. Богданова	187
10) Изъ Италіи. Д. Протопопова	201
11) Очерки текущей русской литературы. „Три сестры“—О „новыхъ пѣсняхъ“ г. Минскаго. Андреевича	220
12) Жили-были. <i>Разсказъ</i> Л. Андреева	233
13) Русскіе живописцы конца XIX вѣка. (<i>Продолженіе</i>). П. Гѣ.	252
14) Изъ пѣсенъ скитальца. <i>Стих. Скитальца</i>	266
15) Трудъ. (<i>Продолженіе</i>). <i>Романъ</i> Эм. Золя . Перев. А. Коморской	267
16) Затерянный. (Изъ Лонгфелло). К. Бальмонта	292
17) Поѣздка въ Манчестеръ. (Письмо изъ Англии). Д. Сатурина	294
18) Городскіе выборы. (Письмо изъ Саратова). А. В. Панова	313
19) Одна изъ нуждъ земства. (Письмо изъ Торжка). Он.	322
20) Библиографія. <i>Н. Брешко-Брешковскій</i> . Мятая душа и др. разсказы. А.—А. Л. Волинскій . Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ . Замѣтки. А.—А. Н. Майковъ . Полное собраніе сочиненій. А.—А. Нь-	

- моевскій. Листопадъ. Стихотворенія въ прозѣ. А. Н.—*Труды комисси, избранной XIII съѣздомъ нефтепромышленниковъ для разработки вопросовъ объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ. П. Маслова.*—*Законодательная охрана труда.* Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Перев. съ нѣм. подъ ред. М. Туганъ-Барановскаго. П. Б.—*D-r. Franz Oppenheimer. Das Bevölkerungsgesetz des T. R. Malthus und der neueren Nationalökonomie. Darstellung und Kritik.* П. Берлина.—*К. В. Трубниковъ.* Богатства Россіи. Н. Рожкова.—*Павелъ Ардашевъ.* Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка 1774—1789 г. Н. Рожкова.—*А. Беклей.* Побѣдители въ жизненной борьбѣ. Великая семья позвоночныхъ. Перев. съ англійскаго. *Николая Малышева.*—Художественныя сокровища Россіи. П. Г. 324
- 21) Провинціальныя картинки. „Человѣкъ въ футлярѣ“, какъ герой нашего времени въ провинціи.—Милые разговоры енисейскихъ думцевъ.—Переполохъ въ г. Барнауль.—Курскія гимназистки въ роли балеринъ.—Инженеры, водяные и сухопутные.—Новый бычъ нашихъ путей сообщенія.—Какъ проглотили саратовскаго журналиста г. Марковича.—Какъ опекаютъ китайское имущество въ Благовѣщенскѣ.—Батюшка съ матушкой.—Боязнъ „отупѣть“, какъ причина бѣгства изъ деревень.—Любитель музыки. **Евгеній Чирикова.** 346
- 22) Хроника внутренней жизни. Нѣсколько словъ о голодѣ.—Московский съѣздъ дѣятелей по начальному народному образованію.—Послѣднія распоряженія относительно печати.—Объявленіе отъ совѣта Московскаго университета.—Опредѣленіе святѣйшаго синода объ отпаденіи отъ православія графа Льва Николаевича Толстого.—Г. министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ.—Покушеніе на жизнь оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева.—Обязательное постановленіе с.-петербургскаго градоначальника отъ 8-го марта.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 марта.—Распоряженіе сиб. градоначальника о закрытіи Союза русскихъ писателей.—Послѣднія распоряженія по финляндскимъ дѣламъ и относительно финляндской печати 360
- 23) Иностранное обозрѣніе. Иезуиты.—Законъ объ ассоціаціяхъ.—Мефистофель и Марта.—Вильгельмъ II и князь Мещерскій.—О тѣлесныхъ наказаніяхъ.—„Новое Время“ и Бебель.—Смерть „короля“ Штумма.—Статья „Вѣстника Финансовъ“.—Правительственное сообщеніе о китайскихъ дѣлахъ.—Парижская корреспонденція „Новаго Времени“ **В. П.** 377
- Новыя книги, поступившія въ редакцію
Объявленія.
- Иллюстраціи.** „Жена рабочаго“. *Касаткина.* — „Бивуакъ казаковъ“. *Орловскаго.* — „Явленіе Христа народу“. *Иванова.* — „Тайная вечеря“. *Леонардо да Винчи* по гравюрѣ *Рафаэля Моргена.* — „Приказъ объ освобожденіи“. *Миллеза.* — „Гадальщицы“. *Венеціанова.* — „Заводъ“. *Менцеля.* — „Урокъ танцевъ“. *Вотье.* — Портретъ Джузеппе Верди.

Издація Л. Ф. ПАШТЕЛЪЕВА:

Масперо. Египетъ и Ассирія, съ 192 рис. Ц: 1 р. 50 к.—**Гиро.** Частная и общественная жизнь грековъ, съ 70 рис. Ц. 3 р.—**Тома, Э.** Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Ц. 1 р. 50 к.—**Ланглау.** Исторія среднихъ вѣковъ (305—1270 г.), съ 81 рис. Ц. 3 р. 50 к.—**Марьемоль.** Исторія средн. вѣковъ и новаго времени (1270—1610 г.), съ 111 рис. Ц. 2 р.—**Лануръ-Гайе.** Исторія новаго времени (1610—1789 г.), съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к.—**Бецольдъ.** Исторія реформаціи въ Германіи. 2 т. Ц. 5 р. 50 к.—**Штраусъ, Ф.** Ульрихъ ф.-Гуттенъ. Ц. 3 р.—**Гаусратъ.** Абельяръ. Арнольдъ Брешіанскій. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассизскій. Вѣчное евангеліе. Сегарелли. Дольчино. 2 т. Ц. 4 руб. 50 к.—**Мюллеръ.** Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. 4 т. Ц. 10 р.—**Куглеръ.** Исторія крестовыхъ походовъ, съ рис. и планами. Ц. 3 р.—**Шаниъ.** Исторія нормановъ въ Сициліи. Ц. 2 р. 50 к.—**Долю.** Исторія монархическихъ учрежденій латино-іерусалимскаго королевства. Ц. 2 р.—**Грегоровіусъ.** Исторія города Аеннъ въ Средніе вѣка. Ц. 3 р. 50 к.—**Штернъ.** Исторія революціи въ Англіи. Ц. 3 р.—**Сорель.** Европа и французская революція. 4 т. Ц. 11 р. 50 к.—**Бобржинскій.** Очеркъ исторіи Польши. 2 т. Ц. 5 р. 50 к.—**Е. Бъловъ.** Русская исторія до реформы. Петра В. Ц. 3 р.—**Мерцаловъ.** Очерки изъ исторіи Смутнаго времени Россіи. Ц. 1 р.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и квакеры. Ц. 1 р. 50 к.—**Метемъ.** Соціализмъ въ Англіи. Ц. 1 р. 50 к.—**Джорджъ.** Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.—**Вотье.** Мѣстное управленіе въ Англіи. Ц. 2 р.—**Мануйловъ.** Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.—**Фриманъ.** Сравнительная политика. Ц. 2 р. 50 к.—**Дрестъ.** Изслѣдованія по исторіи права. Ц. 2 руб. 50 коп.—**Монтескье.** Духъ законовъ. Ц. 4 р.—**Бартъ.** Философія исторіи какъ социологія. Ц. 1 р. 75 к.—**Морганъ.** Первобытное общество. Ц. 3 р.—**Нидерле.** Люди въ до-историческую эпоху. Ц. 5 р.—**Дриль.** Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.—**Киттиновскій, А.** Изслѣдованія о смертной казни.

Поль-Луи-Курье. Политическіе памфлеты (сочиненія 1 ч.) Ц. 2 р.—**Ларра.** Общественные очерки Испаніи. Ц. 2 р. 50 к.—**Паональ.** Письма о морали и политикѣ Іезуитовъ. Ц. 2 р. 50 к.—**Лихтенбергъ.** Афоризмы. Ц. 1 р. 50 к.—**Лесагъ.** Исторія Жиль Блаза де-Сантьяльяна. Ц. 2 руб. 50 к.—**Лазарилло изъ Тормезъ,** пер. съ испанскаго. Ц. 75 к.—**Рейбо.** Жеромъ Патуро въ поискахъ социальнаго положенія. Ц. 1 р. 25 к.—**Апулей.** Золотой оселъ. Ц. 1 р. 50 к.—**Сърошевскій.** На краю лѣсовъ. Ц. 1 р. 25 к.—**Д'онзо.** На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.—**Кенетъ Грэмъ.** Золотой возрастъ. Ц. 75 к.—**Дни грезъ.** Ц. 75 к.—**Симонъ.** Средняе царство. Основы китайской цивилизаціи. Ц. 2 р.—**П. Леруа-Болье.** Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (нѣсколько главъ посвящено Трансваалу). Ц. 2 р.

Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы (сжатый курсъ). Ц. 1 р. 25 к.—**Шереръ.** Исторія нѣмецкой литературы. 2 т. Ц. 5 р. 50 к.—**Тенъ-Бринкъ.** Шекспиръ. Ц. 75 к.—**Бойезенъ.** „Фаустъ“ Гёте. Комментарій къ поэмѣ. Ц. 1 р. 50 к.—**Левель.** Женскіе типы Шекспира. Ц. 2 р.—**Бельшовскій.** Жизнь Гете. 1 т. Ц. 2 р. 50 к.—**Гюйо.** Искусство съ точки зрѣнія социологіи. Ц. 2 р. 50 к.—**Сейаль.** Леонардо да Винчи. Ц. 2 р.—**А. Н. Майновъ.** Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к.—**Идановъ.** Русскій былевой эпосъ. Ц. 5 р.—**Бълозерская, Н. А.** Нарѣжный. Ц. 1 р. 75 к.—**Слиноза.** Этика. Ц. 1 р. 50 к.—**Спенсеръ.** Основныя начала (полное изданіе, пер. Н. Г. Чернышевскаго). Ц. 2 р.—**Риглажъ.** Социологія Конта (сжатое изложеніе). Ц. 2 р. 50 к.—**Ланге.** Исторія материализма. 2 т. Ц. 1 р. 50 к.—**Ибервергъ-Гейнце.** Исторія новой философіи. Ц. 6 р.

Складъ изданій: книжные магазины Н. П. Карбасникова: С.-Петербургъ, Москва, Вильна, Варшава.

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“

(С.-Петербургъ, Невскій, д. № 92).

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ:

- М. Горькій.** Разсказы. Второе изданіе въ 4 томахъ. Въ 4 тома поступили въ продажу одновременно. Цѣн. каждаго тома—1 р.
- Фальборкъ и Чернолуоскій.** Народное образованіе въ Россіи. 1 р. 50 к.
- Фальборкъ и Чернолуоскій.** Учительскія семинаріи и школы. 2 р.
- Фальборкъ и Чернолуоскій.** Учительскія общества, кассы, курсы и съѣзды.
- Фальборкъ и Чернолуоскій.** Испытанія на званія уѣздныхъ, домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей и на первый классный чинъ. 50 к.
- Левассеръ.** Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. 3 р.
- Лемлеръ.** Воспитаніе и общество въ Англіи. 3 р.
- Гюйо.** Исторія и критика современныхъ ученій о нравственности. 2 р.
- Его же.** Происхожденіе идеи времени.—Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями. 2 р.
- Его же.** Задачи современной эстетики — Очеркъ морали. 2 р.
- Его же.** Воспитаніе и наслѣдственность. 2 р.
- Его же.** Стихи философа.
- Майръ.** Статистика и обществовѣдѣніе. 2 тома. 6 р.
- А. Мертваго.** Не по торному пути. 1 р. 50 к.
- Вандервельде.** Притягательная сила городовъ. 40 к.
- Мутеръ.** Исторія живописи. (Отъ среднихъ вѣковъ до новѣйшихъ временъ). Часть I. 2 р. 50 к.
- Гиббинсъ и Сатуринъ.** Исторія современной Англіи. 1 р. 20 к.
- Сеньобосъ.** Политическая исторія современной Европы. Второе изд. 3 р.
- Курти.** Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи. 1 р.
- Зомбартъ.** Идеалы соціальной политики. 40 к.
- Каутскій.** Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ. 40 к.
- Клейнъ.** Астрономическіе вечера. Третье изд. 2 р.
- Клейнъ.** Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Второе изд. 1 р. 50 к.
- Юнгъ.** Солнце. Второе изд. 1 р. 50 к.
- Никольскій.** Лѣтнія повѣзки натуралиста. 2 р.
- Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. 1 р. 20 к.
- Нисаровъ.** Современная Франція. 2 р. 50 к.
- Штраусъ.** Вольтеръ. 1 р.
- Гобсонъ.** Общественные идеалы Рѣскина. 1 р. 50 к.
- Эрманъ-Шатрианъ.** Гаспаръ Флаксъ. 65 к.
- Э. Бернштейнъ.** Историческій матеріализмъ. 80 к.
- Каутскій.** Аграрный вопросъ. 1 р. 50 к.
- Вигуру.** Рабочіе союзы въ Сѣв. Америкѣ. 1 р. 50 к.
- Вурмъ.** Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ. 80 к.
- Люнсембургъ.** Промышленное развитіе Польши. 50 к.
- Финляндія.** 3 р. 50 к.
- Гуго.** Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. 1 р. 50 к.
- Гертцъ.** Аграрные вопросы. 80 к.

П Р И Н И М А Е Т С Я П О Д П И С К А :

- Мутеръ.** Исторія живописи въ XIX столѣтіи. Безъ перес. 10 р., съ перес. 12 р.
- Клейнъ.** Чудеса земного шара. Безъ пер. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- Боммеля.** Исторія земли.
- Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища.
- Его же.** Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Ц. за 3 книги безъ пер. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.
- Фальборкъ и Чернолуоскій.** Настольная книга по народному образованію, 3 т. Безъ перес. 5 р., съ перес. 6 р.
- Гюйо.** Собраніе сочиненій. 4 т. Безъ пер. 4 р., съ перес. 5 р.
- Его же.** Собраніе сочиненій. 5 томовъ. Безъ пересылки 5 руб., съ перес. 6 руб. 30 коп.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

- Эсхиль, Софокль и Эврипидъ.** Трагедіи.
- Эсхиль.** Прометей.
- Софокль.** Эдипъ-царь.
- Софокль.** Эдипъ въ Колонѣ.
- Софокль.** Антигона.
- Эврипидъ.** Медея.
- Эврипидъ.** Иполитъ.
- Гюйо.** Искусство съ точки зрѣнія социологіи.
- Куно Фишеръ.** Исторія новой философіи Кантъ.

Просятъ обращаться: контора т-ва „Знаніе“, С.-Петербургъ, Невскій, 92. Выписывающіе по этому адресу за пересылку книгъ, поступившихъ въ продажу, не платятъ.

Библиотека „ЖИЗНЬ“.

- № 1. **Хельбекъ изъ Баннисдэля.** Ром. *Гемфри Уордъ.* Перев. съ англ. подъ ред. *Л. Я. Гуревичъ.* Ц. 1 р.
- № 2. **Тома Гордѣевъ.** Повѣсть *М. Горькаго.* Ц. 1 р.
- № 3. **Умиращая земля.** Ром. *Ренэ Базэна.* Пер. съ франц. подъ ред. *Е. Смирнова.* Ц. 50 к.
- № 4. **Конецъ Андрея Ивановича.** Пов. *В. Вересаева.* Ц. 50 к.
- № 5. **Жюльенъ Дарто.** Романъ *Эд. Эстонье.* Перев. съ фр. Ц. 60 к.
- № 6. **Христіанинъ.** Ром. *Голь Кэна.* Пер. съ англ. *А. Н. Линдегрень.* Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданій „ЖИЗНИ“ въ книжномъ магазинѣ О. Н. Поповой, Спб., Невскій, 54.

ОМУТЬ.

Психологическая фантазія

Казимира Тетмайера.

Переводъ съ польскаго *П. Ф. Кудели.*

Знаете ли вы, что значитъ страдать? Что значитъ навиваться въ конвульсіяхъ отъ скорби? Что значитъ повторять себѣ въ душѣ: „безъ возврата, безъ возврата!“ Знаете ли вы, что значитъ положеніе безъ выхода? Постарайтесь понять, постарайтесь выкинуть въ эти слова... И не такъ, какъ говорится это сто разъ въ день,—по выкиньте въ нихъ. Ткачъ, у котораго нѣтъ копейки за душой, который трудомъ своимъ содержитъ всю свою семью и который чувствуетъ, что слѣпнетъ,—вотъ вамъ положеніе безъ выхода.

Что онъ можетъ сдѣлать?

Убить себя и не знать ни о чемъ...

Убить себя и свою семью...

Да, такъ!.. И я такъ могъ бы сдѣлать! Убить себя и се!.. Могъ бы такъ сдѣлать—убить себя и се... Себя и се... Или только себя... Или только ее...

Проклятая!.. Она, она и она!.. Развѣ въ жизни нѣтъ ничего, кромѣ женщины?! Цѣлый океанъ жизни, кромѣ нея, а между тѣмъ—мы живемъ для женщины...

Человѣкъ ли женщина, или же только добавочная часть человѣка?.. То ли она, что и человѣкъ-мужчина? Одинаково ли женщины живутъ для мужчинъ, какъ мужчины для женщинъ? Не есть ли она нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ другое? Вся ея нравственная организація не есть ли только ошибка природы, какъ

и организація нашего тѣла, и не такъ ли жалка она, какъ и тѣло? И не въ этомъ ли трагедія жизни, такая частая трагедія, что женщина есть нечто совсѣмъ другое? И всегда она!.. Повсюду и всегда она!.. Какъ будто бы въ жизни нѣтъ цѣлаго океана жизни кромѣ нея, какъ будто бы она жизнь жизни...

А если есть...

Не терплю ея!.. Ненавижу ее!.. Ненавидѣть ее всегда и буду ненавидѣть до послѣдней минуты!.. Моя мужская гордость, все, что во мнѣ есть, возмущается противъ нея, влечетъ къ этой ненависти и укрѣпляетъ въ этомъ отвращеніи...

Я не могу жить безъ нея!..

Не могу!..

Не могу жить безъ женщины...

Видите, —я могу лишиться себя жизни, могу вырвать себѣ глаза, могу заморить себя голодомъ, могу броситься съ моста, могу сдѣлать съ собою все, что хочу, а жить безъ нея —не могу.

Я —свой собственный царь, свой абсолютный повелитель, но то, что я не могу жить безъ нея, является царствомъ надъ моимъ царствомъ, моимъ повелителемъ.

Не могу...

И вы не можете, и мы всѣ не можемъ,—но я также и съ ней не могу жить.

Также не могу!..

Представьте себѣ ткача, у котораго нѣтъ копейки за душой, который содержитъ всю семью и который слѣпнетъ,—представьте себѣ и поймите, вникните, что значить положеніе „безъ выхода“.

Да, я съ ней не могу жить и безъ нея также не могу...

И у меня единственный выходъ: убить ее и себя.

Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!..

Что за страшный крикъ!.. Мнѣ кажется, что я разодралъ воздухъ этимъ крикомъ, какъ разрывають бархатную матерію, разодралъ небо, какъ левъ пса... Не обрушились ли городскія колокольни?! Не повалились ли деревья?!

Между тѣмъ нѣтъ, я, кажется, не кричалъ вовсе.—она тамъ спитъ и не проснулась, спитъ тамъ за драпировкой въ другой комнатѣ. О Господи!.. Это въ моей душѣ былъ этотъ крикъ, страшный, красный крикъ!.. Онъ былъ такъ красенъ, какъ будто бы кровь ворвалась въ мою душу краснымъ потокомъ, краснымъ пламенемъ. Это былъ страшный крикъ!.. Мнѣ кажется, что матери, у которыхъ выдирали бы плодъ изъ внутренности, не могли бы кричать страшнѣе... Онѣ кричали бы и за себя, и за дѣтей своихъ, и за мужей своихъ. Ха-ха!.. и за мужей!..

О Боже!.. я дохожу до изступленія... А все-таки есть такіе.

которыя ихъ любятъ... Вѣдь и Мариня меня любила. Развѣ не прижималась она ко мнѣ?.. Развѣ не цѣловала?.. Развѣ не отда-лась она мнѣ до потери сознанія, какъ безумная, въ ту свадеб-ную ночь?.. Развѣ я не чувствовалъ подъ своими губами ея полуоткрытыхъ трепетныхъ устъ, развѣ я не видѣлъ ея полу-сомкнутыхъ глазъ, которые все выражали тѣмъ, что ничего ска-зать не могли?.. Развѣ я не чувствовалъ ея груди подъ своею?.. Развѣ не бросалась она мнѣ на шею?.. Развѣ не была моею до мозга, до костей... Развѣ...

Ахъ!..

Но не есть ли она нѣчто совсѣмъ другое?! Развѣ то, что мнѣ казалось ея чувствомъ, было и на самомъ дѣлѣ ея чувствомъ? Можетъ ли разумъ мужчины постигнуть женщину? Не такъ ли это ему трудно, какъ растенію постигнуть камень или камню постигнуть природу свѣта?..

Развѣ процессъ нашего общаго мышленія такъ же одинаковъ, какъ и процессъ пищеваренія и умиранія?.. Не такъ ли мало похожи мы другъ на друга снаружи, какъ брилліантъ изъ алмаза на брилліантъ изъ стекла, а внутри не такъ ли различны, какъ и ихъ органической составъ?..

То ли самое женщина называетъ своимъ я, что и я называю этимъ именованіемъ? Не такъ ли мы различны, какъ двѣ краски оди-наковаго цвѣта, изъ которыхъ на настоящую не дѣйствуетъ вода, распускающая искусственную, холодъ портитъ настоящую и не дѣйствуетъ на искусственную, а между тѣмъ цвѣтъ одинъ и тотъ же—голубой, розовый или фіолетовый? Однимъ словомъ, не такъ ли я ударяюсь о женщину, какъ вода о скалу, которыя никогда не сольются въ одно, не соединятся, не сгармонизируются... А женщина ударяется о меня, какъ вѣтеръ о воду, которую онъ можетъ взмутить, взволновать, но никогда не претворить въ свою сущность?

Такъ, такъ!.. Мы любимъ, стремимся и отыскиваемъ другъ друга, но стихійно чужды одинъ другому, психически чужды сливаемся, какъ рѣки съ моремъ, но никогда не бываемъ огнемъ который всегда одинъ, изъ чего ни образовался бы. Кромѣ нужды и смерти—это и есть наибольшая трагедія въ жизни.

Да, конечно... Нужда, смерть и любовь—три вакханки міра, справляющія свои оргіи. Ясно вижу ихъ передъ собою и, если бы былъ художникомъ, нарисовалъ бы ихъ въ эту минуту.

Восковая нужда съ птичьими глазами и птичьимъ лицомъ, костяная смерть, нагой скелетъ, пляшущій по цвѣтамъ, и эта Астарта, хватающая за горло, дикая, жадная, страстная, нена-сытная.

А подь всѣмъ этимъ земля, свѣтъ,—прошелъ по немъ Моисей, за нимъ Будда и многіе мудрецы,—и что же они такое на-ряду съ нуждой, смертью и любовью?..

Спи, спи, Мариня!.. Спи и улыбайся!.. Спи и улыбайся такъ, какъ мнѣ улыбалась, улыбайся такъ ему!..

Боже! Какой позоръ!.. Онъ! Опять онъ, этотъ третій, банальный любовникъ чужой жены. Боже!.. Разбить себѣ голову объ него, объ этотъ столбъ, къ которому каждый песь подходит. Боже!.. Что за стыдъ!.. Утопиться въ ваннѣ!.. Умереть отъ муки!.. Броситься съ моста!.. Застрѣлиться!.. Какъ все это смѣшно!.. Онъ, вѣчный онъ, этотъ третій, женинъ любовникъ!.. О жизнь!.. Иронія—имя твое!..

Спи, Мариня, и улыбайся ему, этому третьему, своему любовнику. Улыбайся, какъ когда-то мнѣ улыбалась. И подумай: сотни, тысячи, миллионы, миллиарды женщинъ уже улыались такъ своимъ любовникамъ, какъ раньше своимъ мужьямъ, и сотни, тысячи, миллионы и миллиарды женщинъ еще будутъ такъ улыбаться въ будущемъ... О, какое страшное чувство испытываешь при мысли о будущемъ!.. Все повторяется!.. Тѣ же скорби, страданія, печали, огорченія—все повторится въ будущемъ, какъ въ насъ повторяется прошедшее. О жизнь! Жестокость—имя твое!..

Никто не будетъ меньше страдать отъ того, что я теперь страдаю, точно такъ же, какъ и мои страданія не уменьшаются отъ того, что другіе страдали. О, жизнь! Вражда—имя твое!..

Страданіе, одно только страданіе! Наивысшій идеаль духа и сердца, до какого могло только подняться человѣчество.—Христось,—одно страданіе. Наивысшее чувство изъ чувствъ—скорбь. Самая лучшая пѣснь—печаль. Самое чистое въ жизни—слезы. О жизнь, скажи, какъ же назвать тебя?!

Спи, Мариня, спи, спи!.. Богъ, судьба, неизбежность,—ничто не касается тебя... Спи!..

Подлая!.. Гнусная!.. Негодная!.. Дьявольская!..

Ножь!.. Ножь!..

О, нѣтъ, я не могу ее убить!.. Для этого нужно быть больше самаго большаго изъ дьяволовъ!.. Поэтъ!.. Поэтъ!.. Глупый и смѣшной геній!.. Глупый и смѣшной невольникъ жизни, своей крови, своего тѣла, души своей!.. Есть вѣдь что-то, что выше тѣла, крови и души!.. Глупый и смѣшной геній!.. Ты—земной богъ, но ты глупъ и смѣшонъ!.. И ты любилъ, и ты доходилъ до изступленія, и ты не могъ убить!..

О Христось, что за судьба!..

За что? За что? За что?..

А она... спить.

Спать...

Такъ спать скала, когда вода, обращаясь въ парь, стремятся къ солнцу, когда морозъ леденить ее, а она спитъ.

Должно быть и онъ спитъ...

Онъ!

Отчего мнѣ никогда не приходитъ въ голову убить его? Не трушу ли я? Точно такъ же страдалъ бы изъ-за него, какъ и изъ-за нея... Но она—моя жена, а онъ—мой врагъ...

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не врагъ мнѣ.

Врагъ мой только она и его врагъ—тоже она. Она стоитъ между нами, какъ машина съ двумя поршнями между двумя стѣнами. Она сближаетъ ихъ и отталкиваетъ. Если бы ея не было, ничто ихъ не сблизало бы и не отталкивало. Развѣ я *его* ненавижу? Но она въ немъ. Развѣ онъ *меня* ненавидитъ? Но она моя жена. Я въ немъ, а онъ во мнѣ ненавидитъ ее. Онъ ненавидитъ ее, какъ мою жену, я ненавижу ее, какъ его возлюбленную. Развѣ мы не могли бы быть равнодушными одинъ къ другому? Или развѣ не могли бы работать вмѣстѣ во имя одной идеи, что онъ, то и я?.. Тотъ „я“, что былъ раньше...

* * *

Боже, Боже, какъ я измучился! Руки мои опускаются, какъ приподнятыя вѣтви, голова клонится, какъ верхушка увядающаго растенія, и все тѣло мое—какъ поздняя осень. И душа моя измучена, жестоко измучена. Я—какъ долина, злитая водой. Ахъ умереть! Умереть—не существовать... Что же случилось? Пришелъ человекъ и взялъ у меня ее. О темный, тихій, печальный, какъ смерть, ангель покоя, стань передо мною! Я никого не хочу видѣть, кромѣ тебя. О ангель покоя, какъ бы я хотѣлъ быть теперь гдѣ-нибудь далеко среди безлюднаго моря, на какомъ-нибудь островѣ, отдаленномъ отъ всего свѣта, и смотрѣть только на тебя, ангель молчанія, на твое лицо, темное и грустное, какъ смерть, въ твои очи безъ блеска... Я—какъ дерево, разбитое грозою.. хотѣлось бы уснуть...

Нѣтъ, не усну...

Тянется ночь, длинная, тихая, звѣздная, безконечная, безсонная ночь. Никогда не усну... И никогда ужъ ничего не будетъ, кромѣ этой долгой, звѣздной, безконечной и безсонной ночи. Никогда больше не наступитъ день, не взойдетъ солнце, не станетъ ясно. Христось, я теперь одинъ изъ Твоихъ избранныхъ дѣтей: я страдаю.

Тяжко страдаю. Не знаю, что со мной, но чувствую, что страдаю и умираю отъ страданій. И отъ того еще страдаю, что умереть не могу...

Если бы кто-нибудь плакалъ надо мной, если бы кто-нибудь сочувствовалъ моему страданію!..

Ненавижу тебя!.. Это ты должна была бы страдать со мною-ты, ты, жена моя, изъ-за которой я страдаю!..

Тяжко страдаю!

Ха-ха — я, кажется, становлюсь теперь нормальнымъ чело-вѣкомъ...

* * *

Что же дѣлается вокругъ меня?.. Какія-то трубы играютъ, гудятъ и воютъ надо мной. О трубы, трубы, гремите!.. Можетъ-быть душа моя вырвется изъ тѣла и вмѣстѣ съ вашимъ гуломъ улетитъ къ пустому небу. Если бы душа была червякомъ, если бы можно было ее раздавить собственной ногой! Если бы можно было свою жизнь, какъ червяка, растоптать сапогомъ! Если бы можно было не страдать!..

Ко мнѣ протягиваются чьи-то исхудалыя руки, ко мнѣ тянутся чьи-то лица съ блѣдными, худыми и впалыми щеками, ко мнѣ приближается толпа несчастныхъ, и слышится крикъ: „братъ! братъ!..“ Я, кажется, стою гдѣ-то на холмѣ, а внизу, въ долинѣ, илеть эта толпа и кричитъ: „братъ! братъ!“ Это тѣ, кто страдаетъ, это они!.. Сколько миллионѡвъ! Христось!.. Какъ велика эта толпа! Сколько насъ,—мы въ большинствѣ!..

Такъ пойдемте же!.. Задушимъ, зальемъ слезами горсть счастливыхъ! Затопимъ ихъ, какъ море островъ, занесемъ, какъ песокъ въ пустынь заносить оазы. Но ихъ нѣтъ ни на островѣ, ни на оазѣ... Они также въ этой толпѣ. Они также страдаютъ... Они страдаютъ, потому что она—жена моя. Трубы, трубы, демонскія трубы!.. Потрясите небо своимъ гуломъ! Потому что она—жена моя!..

Нѣтъ, нѣтъ, это неправда... Луга зеленѣютъ, ручьи журчатъ, цвѣты цвѣтутъ,—нѣтъ, нѣтъ, все такъ, какъ есть: я не сошелъ съ ума. И то неправда—его нѣтъ, все такъ, какъ есть, такъ, какъ было. Такъ, такъ: луга зеленѣютъ, ручьи журчатъ, цвѣты цвѣтутъ. Все такъ, какъ было...

Нѣтъ, нѣтъ, не такъ. Есть только пустое, пустое пространство и на немъ ничего... Безконечное пространство, залитое мягкимъ свѣтомъ, и полная, глубокая тишина... И нѣтъ ничего, никого, даже ея. Нѣтъ ея. Никогда ея не было. Никогда!..

О, горе...

Неужели эта ночь никогда не окончится? Неужели боль въ моей груди никогда не прекратится? Какъ колесо, которое вода приводитъ въ движеніе, не можетъ остановиться, потому что вода на него льется,—а въ ней нѣтъ недостатка,—цѣлый ручей!..

Въ этомъ колесѣ много зубьевъ, каждый изъ нихъ цѣпляется за мое сердце и на каждомъ много крови... О Христосъ!..

Ты стоишь предо мною, бѣлый, тихій, грустный!.. Смертельная грусть въ душѣ Твоей. Ты всѣмъ пожертвовалъ для любви, Ты хотѣлъ оторвать насъ отъ земли, чтобы мы не страдали, а мы страдаемъ страшно, жестоко... Не можемъ быть духомъ, не можемъ возвыситься надъ своимъ тѣломъ. Что бы мы ни думали, что бы ни говорили, чего бы ни хотѣли—душа для насъ—тѣнь, а тѣло—птица. Никогда тѣнь не вознесется надъ птицей, никогда не поднимется надъ нею. Напрасно желать этого.

О Христосъ, Ты много страдалъ, Ты знаешь, что значить страданіе. И поэтому Ты стоишь передо мной такой бѣлый, тихій и смертельно грустный. *Tristis est anima Tua usque ad mortem.* Люблю Тебя! Люблю Тебя! Дай мнѣ обнять Твои колѣни, дай мнѣ поцѣловать ихъ. Ты знаешь, что грудь моя, какъ огромное зданіе, которое вмѣщаетъ въ себѣ безграничную скорбь. Ты знаешь это.

О ночь, ночь! Или пошли мнѣ слезы, или пусть всѣ звѣзды твои всплывутъ слезами и поглотятъ меня своей волною. Я хочу погибнуть въ слезахъ.

А ты, Мариня, спишь...

Итакъ, что же случилось? Для того, чтобы имѣть возможность назвать эту женщину своей, назвать ее своей женой, прильнуть къ ея устамъ, упиться чистотой ея души, имѣть возможность прижимать ея ручки къ своимъ губамъ, потонуть въ ея сердцѣ, чтобы обладать ею и чувствовать, что и она мною обладаетъ,—развѣ можетъ быть еще высшее наслажденіе, чтобы обнять ее и быть обнятымъ ею,—чтобы чувствовать, какъ она теряетъ всякую власть надъ собой, прижимаясь ко мнѣ, какъ она впиваетъ меня въ себя глазами, устами и всѣмъ тѣломъ; чтобы чувствовать, что, когда я безъ силъ склоняю свою голову на ея грудь, то она не безъ силъ, но почти безъ дыханія принимаетъ ее; чтобы жить одной жизнію, одной мыслию, однимъ чувствомъ и однимъ воображеніемъ, однимъ дыханіемъ, однимъ свѣтомъ и одной ночью, однимъ существованіемъ, однимъ сознаниемъ, однимъ понятіемъ, однимъ бытіемъ въ пространствѣ и времени,—я убилъ себя. Да, такъ. Задушилъ въ себѣ все: если не вѣру свою, то, по меньшей мѣрѣ, надежду, свое самолюбіе, свое я, свою жизнь, свое право на жизнь и свой долгъ въ жизни, свою мысль, свою волю, свою силу, свое мужество и отвагу, свое геройство,—всего себя! Для одной женщины, проща говоря, для того, чтобы удержать ее, чтобы имѣть возможность жить съ ней, чтобы заработкомъ своимъ не дать ей страдать отъ голода и холода, чтобы всегда были деньги на платье и на квартиру,—я

сдѣлался измѣнникомъ, отступникомъ, ренегатомъ. Друзья мои отвернулись отъ меня,—одни съ отвращеніемъ, другіе съ презрительной улыбкой, нѣкоторые съ равнодушіемъ людей, дѣйствительно преданныхъ своему идеалу, одни съ негодованіемъ, другіе просто съ пренебреженіемъ. Изъ человѣка, который вмѣстѣ съ ними размышлялъ, мечталъ и надѣялся, изъ идеалиста, для котораго жизнь заключалась въ мысли, цѣли и идеѣ,—я сдѣлался чиновникомъ, самымъ обыкновеннымъ чиновникомъ, съ гибкой шеей для начальства, ищущимъ протекціи и пользующимся ею, съ идеаломъ все возрастающаго жалованья, съ надеждой, что мнѣ его прибавятъ, съ фанатизмомъ, какъ бы не опоздать на службу и какъ бы получше сдѣлать свое дѣло, чтобы обратить на себя вниманіе начальника, съ мыслию, какъ бы заработать, съ волей, какъ бы стать выше другихъ, чтобы добиться жалованья въ 2 тысячи ежегодно. Честолюбіе мое, мысль моя, воля моя, мечта моя, идеаль мой, идея моя—двѣ тысячи ежегоднаго жалованья. Теперь я получаю полторы,—съ тѣмъ, что зарабатываю кромѣ того,—три. Я думалъ, что подымусь орломъ, блесну звѣздой, сверкну молніей, соберусь тучей и гряну животильнымъ дождемъ; моимъ энтузіазмомъ, экстазомъ была жертва. братство, душой моей—работа и служеніе обществу во имя идеи... Я какъ будто бы свалился съ высокой скалы. Сразу лопнули связки въ моей шеѣ, размягчился мозгъ, опустились плечи: я умалился, уничтожился... сдѣлался мужемъ жены съ небольшимъ приданымъ и поступилъ на службу. Я не слышу больше человѣческаго слова,жимаю теперь не человѣческія руки, а какія-то машинки, смотрю не въ человѣческіе глаза, а въ стекла галантерейныхъ лавокъ. Я не сталкиваюсь больше съ героями, а съ прислужниками золотого воротника и высшаго ранга. Разговариваю не съ вихрями, а съ рельсами, по которымъ катятся колеса буржуазно-правительственной колени. Упиваюсь не шумомъ крыльевъ, а звяканьемъ денегъ. Моя клятва—гербъ: моя вѣра—ксендзь; моя цѣль—первое число cadaго мѣсяца; мое стремленіе—касса; мой богъ—директоръ; мое небо—одобреніе ревизора; моя жизнь—канцелярія; мое слово—лойяльность... До сихъ поръ я не сдѣлалъ еще ничего такого, что меня опозорило бы, но думаю, что и это придетъ въ свое время. Иногда уже одно молчаніе становится позоромъ, а я молчу такъ часто. Такъ часто давлюсь и молчу, душусь и молчу,—злора кипитъ во мнѣ, а я молчу.

Лицемѣріе, ложь, безправіе, преступленіе, личная выгода, безстыдство, развратъ, разбойничество льются рѣкою,—я молчу; вижу все это и молчу: обида востъ подъ моими окнами,—я слушаю и

молчу. Душа моя терзается отъ скорби,—молчу. Грудь моя сжимается, кровь застываетъ въ жилахъ,—молчу. Да, да, молчаніе также можетъ быть позоромъ. Я опозорилъ себя, я—подлый,—молчу.

Подль ли я? Нѣтъ, это называется иначе: я—оппортунистъ. „я не вмѣшиваюсь“. Плюютъ въ мои идеалы, въ мои убѣжденія, въ мою вѣру,—„я не вмѣшиваюсь“. Плюютъ въ мою душу, въ мое сердце,—„не вмѣшиваюсь“. Вотъ какой адъ мученій придумалъ для меня дьяволъ: внутренно, въ самомъ себѣ, я остался такимъ же, какъ и былъ: идеалистомъ и фанатикомъ, вихремъ и пламенемъ. Я не измѣнился,—измѣнилась только моя шкура. Я не снялъ своей души вмѣстѣ съ поношеннымъ сюртукомъ свободнаго, бѣднаго человѣка, какъ дѣлаютъ многіе,—я остался съ ней, остался самимъ собою и въ этомъ приличномъ костюмѣ. Остался тѣмъ, чѣмъ былъ,—но у Марини было только пять тысячъ приданаго, и мнѣ оставалось только одно—умереть. Это очень странное чувство,—немногіе люди испытали его,—существовать послѣ своей смерти. Если кого-нибудь лишаютъ всѣхъ его правъ, чина, званія, привиллегій, перерѣзываютъ всѣ артеріи, которыя соединяли его съ прежней жизнію до какого-нибудь несчастнаго событія, напримѣръ, измѣны своей странѣ или шулерничества, и отпускаютъ его опозореннаго, безъ положенія, безъ знакомыхъ и друзей, безъ возможности жить въ нормальныхъ условіяхъ,—то онъ ходитъ по свѣту уже послѣ своей смерти. Я точно такъ же: все, что потерялъ этотъ человѣкъ, потерялъ и я. Я самъ у себя сорвалъ погоны съ плечъ и галуны съ груди, самъ сломалъ свою саблю надъ своей головою, самъ унизилъ себя, обезчестилъ, оттолкнулъ отъ себя друзей и знакомыхъ. Но вмѣсто всего этого я обладалъ женщиной, которой жаждалъ, и она мной обладала,—можетъ ли быть еще высшее наслажденіе?! Я чувствовалъ, что она охватываетъ меня, притягиваетъ къ себѣ и обладаетъ мною. Вмѣсто всего у меня была моя Мариня и наслажденіе принадлежать ей. А теперь, теперь приходитъ третій человѣкъ и беретъ ее у меня! И чѣмъ?.. Беретъ ее у меня тѣмъ, что я для нея убилъ въ себѣ, беретъ ее смертью моею, пробуждаетъ въ ней новую жизнь, ту самую, что я въ себѣ задушилъ для нея!.. Истинно! Вотъ это и есть омутъ жизни!..

* *
* *
* *

И можно подумать, что это я самъ, я самъ,—третьяго собственно никого здѣсь нѣтъ,—я самъ сталъ своимъ собственнымъ врагомъ, я самъ у себя отнял свою жену,—потому что этотъ человѣкъ не что иное, какъ только то, чѣмъ былъ я до своей смерти.

Онъ ничѣмъ не отличается отъ меня; у него есть только то, чего у меня не было: самообладаніе, воля, характеръ.

Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и въ высшей степени отличается отъ меня, но то, *что привело къ тому*, что онъ отнимаетъ у меня жену, есть то именно, что я убилъ въ себѣ для нея: фанатизмъ, идейность, увлеченіе,—словомъ, все, чѣмъ я былъ...

Когда я боролся съ собой, когда совѣсть рычала во мнѣ, заглушаемая любовью къ этой женщинѣ, когда мнѣ оставалось на выборъ: или дыры на локтяхъ, вѣрность идеѣ и отчаяніе, что навсегда потеряю Мариню, или же мѣсто въ канцеляріи, отступничество и счастье, что Мариня будетъ моею. — она даже не замѣчала моей борьбы, страшной внутренней борьбы. Она хотѣла только быть моей женой, скорѣе, какъ можно скорѣе.

Я обладалъ ею и чувствовалъ, что и она мною обладаетъ, — можетъ ли быть высшее наслажденіе?! Она любила меня такъ страстно, упивалась каждымъ моимъ и своимъ движеніемъ, любила безъ памяти, — а у меня не было ни одного дня, ни одного часа, ни одной минуты счастья.

Съ самаго момента моей капитуляціи и измѣны совѣсть моя возмутилась и начала меня мучить. Что это была за борьба!.. Сколько разъ говорилъ я себѣ, что все вздоръ, что будетъ, то будетъ, — и всякій разъ называлъ себя подлымъ! Каждый вздохъ упоенія и наслажденія Марини заглушался голосомъ моей души и воплемъ моего сердца. Потому что, если бъ я былъ такой же, какъ другіе, и, перемѣнивъ сюртукъ, измѣнилъ бы и душу; если бъ я, убивая себя въ себѣ, убилъ бы и душу свою... но нѣтъ, — я остался такимъ же, какъ былъ, и мои двѣ любви стали терзать меня, какъ львицы, — вырывая другъ у друга, стали разрывать на части. Я бросался въ объятія Марини, какъ безумный, прижималъ ее къ себѣ такъ, что она кричала отъ боли; она думала, что я неистовствую отъ наслажденія, а я приходилъ въ неистовство отъ страданія. Что значить пожертвовать *всею* для чего-нибудь, а потомъ чувствовать себя самымъ несчастнымъ человекомъ.

Вотъ это и есть омутъ человѣческой жизни...

* *
*

Все, чѣмъ тѣшилъ я себя послѣ свадьбы, постепенно поблекло. Сломленный разъ, я не могъ больше овладѣть собою.

Остался только мужемъ, любящимъ до безумія, и чиновникомъ.

И — проклятіе!.. — у меня осталось воспоминаніе о томъ, чѣмъ я былъ...

Такъ шли года, одинъ, другой, третій. Мариня меня любила;

чувствовалъ, что любила меня больше всего за то, что я любилъ ее болѣе всего. Была такой доброй, нѣжной, упоительной...

Какъ вдругъ явился намъ мой двойникъ, я,—только съ волей и характеромъ, чего мнѣ недоставало, и... Лучше было бы лишиться себя жизни, если я не могъ жить безъ Марини, но я не долженъ былъ жертвовать для нея своей душою.

Этотъ желѣзный человѣкъ покорилъ ее тѣмъ, что у меня было изъ глины и трескалось, а у него изъ желѣза.

Пріѣхалъ сюда изъ-за-границы мѣсяца два тому назадъ и сразу занялъ выдающееся положеніе,—онъ желѣзный. Онъ пожертвовалъ всѣмъ: его мать и сестра, кажется, почти гибнуть отъ голода, но онъ не сынъ и не братъ. Его не растрогаютъ ни плачь, ни стонъ: онъ возлюбилъ міръ.

Есть такіе люди, которые съ спокойной совѣстью могли бы приказать содрать кожу съ одного человѣка, если бы это массѣ могло принести пользу. Какъ-то мы говорили о процессѣ Дрейфуса. Онъ доказывалъ, что если бы Дрейфусъ былъ наименѣе виновѣйшимъ человѣкомъ, но если бы его оправданіе какимъ-нибудь образомъ могло повредить Франціи, то его слѣдовало оставить на Чортовомъ островѣ.

Я доказывалъ, что хотя бы Франціи предстояло провалиться, справедливость все-таки должна быть удовлетворена. Кто изъ насъ былъ правъ?.. Конечно, теоретически я, а практически онъ. Однимъ словомъ, это—человѣкъ, который ничего не хочетъ знать, кромѣ своей вѣры.

Любить ли этотъ человѣкъ Мариню,—не знаю. Не знаю, можетъ ли онъ вообще любить? Та жизненная энергія, которая у меня разливается по тысячѣ дорогъ, въ моей душѣ и разумѣ, та энергія, которая у меня съ безумной силой вспыхиваетъ въ чувствѣ любви, ненависти, наслажденіи, страданіи и въ сотнѣ стремленій,—у него она сжата въ одно желѣзное дуло, сдавлена, сконденсирована. Не знаю, любить ли онъ Мариню; вижу только одно, что онъ идетъ своей дорогой. Чувствую, что если бы онъ протянулъ свои стальные руки, то взялъ бы ее у меня, потому что не можетъ быть такой вещи, которой нельзя было бы взять этими стальными руками. Его рука похожа на лапу металлическаго автомата въ образѣ орла: что схватятъ эти когти, то будетъ принадлежать имъ.

Въ то же самое время я не могу себя представить, чтобы могла быть какая-нибудь вещь, которой нельзя было бы взять у меня. Я сразу потерялъ вѣру въ себя, всякое довѣріе къ себѣ, всякое уваженіе къ собственнымъ силамъ, что даже не могу вообразить такого слабого человѣка, который не смогъ бы взять у

меня то, что ему понравилось. Я даже не знаю того мгновенья, когда онъ взялъ у меня Мариню. Любитъ ли онъ ее—не знаю, но онъ ее взялъ. Любитъ ли онъ ее—не знаю, но она его любить.

Мнѣ говорятъ это ея глаза, ея трепетныя губы, ея ноздри, расширяющіяся отъ желанія, внезапная блѣдность ея лица, ея пальцы, которые невольно протягиваются къ нему, и ея грудь, которая невольно мгновеньями какъ бы отдается ему. У Марини душа чиста, какъ слеза, а темпераментъ испанки. Она способна на самое чистое духовное увлеченіе и на горячность до потери самообладанія. Знаю ее и вижу, что съ ней дѣлается. Она хотѣла бы ночью перелетать съ нимъ съ звѣзды на звѣзду и окрывать человѣческую душу и душу міра распускать по звѣздамъ, какъ небо, чтобы потомъ упасть въ его объятія и прижаться къ его губамъ. Знаю ее,—такъ же было и со мной. Помню тѣ дни ночи экстаза. Если мы были, какъ въ лихорадкѣ, передъ свадьбой, то потомъ жили, какъ будто бы не на землѣ. Я не различалъ ея руки отъ ея словъ, ея головы отъ ея дыханія, ея устъ отъ ея движеній, ея взгляда отъ запаха ея волосъ, ея мысли отъ ея шеи, ея плечъ отъ ея сновъ.

Она слилась въ моемъ воображеніи въ одно упоеніе, въ нѣчто такое, что я не могъ назвать, это не была женщина, не была моя жена, не была Мариня, а какая-то энергія свѣта, тѣпла и восторга. И несмотря на это я не былъ счастливъ, я чувствовалъ только, какъ безконечно я могъ бы быть счастливъ. Не могъ быть счастливъ—я измѣнилъ всему для меня святому, высокому и чистому... О жестокая, дьявольская, адская иронія! Да, да! Не могъ быть счастливъ... О торжествующая иронія, всепобѣждающая, безжалостная иронія!..

О иронія!.. Вѣрю въ одну тебя, вѣрю въ царство твое, вѣрю въ божество твое, вѣрю въ могущество твое, вѣрю въ тѣло и кровь твою, которой мы питаемся, хотя бы доходили до безумія отъ скорби, хотя бы падали отъ изнеможенія отъ скорби, хотя бы чувствовали хрустѣніе костей своихъ и сотрясеніе мозга, хотя бы терніи язвили чело наше, хотя бы мы не могли ни жить, ни умереть. Мы вѣдь хотимъ умереть! Ахъ!.. сколько насъ такихъ!.. Цѣлыя семьи, цѣлыя поколѣнія, цѣлыя народы — и не можемъ умереть.

..О смерть, сойди съ высоты,—не сойдешь...

О смерть, выйди изъ нѣдръ земли,—не выйдешь...

О смерть, погуби насъ громомъ небеснымъ,— не погубишь...

О смерть, покрой насъ мракомъ могильнымъ,—не покроешь..."

Да, такъ: мы не можемъ умереть. А сколько насъ хотѣло бы...

Тысячи и миллионы,—а все-таки живутъ они, потому что иронія создала то, что, какъ въ тискахъ, держитъ человѣка: „любовь къ жизни“. *Timor fecit deos*, но любовь къ жизни привела къ страху смерти.

Страдаемъ, терзаемъ отъ скорби, проклинаемъ жизнь, готовы были бы разорвать ее на части и въ то же время любимъ жизнь. Ты, иронія, достигла своего зенита. Человѣкъ виситъ на цѣпи надъ бездной, мучится, страдаетъ, но ни подняться не можетъ, ни разорвать цѣпь, чтобы броситься внизъ и покончить съ собою. И — о дьявольская иронія!..—онъ любитъ свое положеніе висѣльника на цѣпи, онъ полюбилъ и его, и ее,—онъ такъ живетъ!..

* * *

Что сдѣлалось со мной, когда я въ первый разъ замѣтилъ, что Мариню влечетъ къ Ричарду,—не могу себѣ представить. Не знаю—было ли это недѣлю, двѣ, годъ, два или двѣсти лѣтъ тому назадъ. Съ того часа я или почти не приближался къ Маринѣ, не жилъ съ ней, или же бросался на нее, какъ безумный, впивался въ нее, хотѣлъ забыться ею или вернуть ее къ себѣ. Но было ли это недѣлю, двѣ, двѣсти лѣтъ или день тому назадъ—не знаю. Я совсѣмъ какъ мертвецъ. Ымъ, пью, мыслю, работаю, живу, но во мнѣ нѣтъ и признака жизни. Я умеръ въ одну секунду, въ ту секунду, когда взглянулъ на Мариню. Мы сидѣли за столомъ; Мариня нѣжно перебирала крошки хлѣба на скатерти, я курилъ сигару—хорошую сигару—подарокъ своего добраго начальника за мой хорошій отчетъ; Ричардъ говорилъ. Онъ говорилъ, какъ всегда, свободно, ровно, ни громко, ни тихо, только слова его звучали, какъ куски стали: такъ-такъ-такъ, словно куски стали ударялись о мѣдь. Онъ говорилъ все то, что я убилъ въ себѣ однимъ короткимъ словомъ: люблю. Я никогда не пытался говорить съ Мариной объ этомъ: каждый разъ, когда эти слова душили меня, я замыкалъ ихъ поцѣлуемъ на устахъ Марини. Только душа моя выла и стонала отъ боли...

Вдругъ Мариня перестала перебирать крошки на скатерти, подняла голову и, глядя прямо ему въ глаза, сказала: „Вы на стоящій Ричардъ Львиное Сердце“... Онъ улыбнулся, а я полетѣлъ въ пропасть. Хотя я и не уронилъ сигары,—подарка своего добраго начальника за мой хорошій отчетъ,—но полетѣлъ въ пропасть и разбился въ куски, какъ черепаха, случайно выпущенная орломъ. Въ эту минуту у Марини зародилось какое-то пренебреженіе ко мнѣ. Что можетъ быть ужаснѣе этого пренебреженія, выраженнаго хотя бы однимъ только легкимъ прищуриваніемъ глазъ женщины.

Мариня въ эту минуту поразила меня въ самую душу и сердце.

несмотря на то, что я все, все бросилъ ей подъ ноги, пожертвовалъ для нея, для ея любви, чтобы обладать ею и знать, что и она мною обладаетъ.

О адская иронія!.. О омутъ жизни!..

Если бы Ричарда звали иначе, если бы его звали Иванъ, Карлъ или Францъ, тогда, можетъ быть, не пришло бы ей это на мысль, можетъ, и теперь между нами было бы такъ же, какъ и раньше. Можетъ быть, ей пришелъ бы на мысль Іоаннъ Креститель, Іоаннъ Евангелистъ, Францискъ Ассизскій,—что бы ни пришло ей на мысль, ничто не сдѣлало бы съ ея сердцемъ того, что сдѣлалъ Ричардъ Львиное Сердце, а со мною того, что я испыталъ. Это было какое-то фатальное стеченіе обстоятельствъ. Пусть глупцы смѣются, а все-таки большимъ мудрецомъ былъ тотъ, кто сказалъ, что если бы глаза Клеопатры были менѣе красивы, то свѣтъ выглядѣлъ бы иначе.

Да, такъ!.. если мнѣ недоставало чего нибудь, то именно того, что имя Ричарда подсказало Маринѣ. Я могъ быть, чѣмъ угодно, но никто не могъ назвать меня львинымъ сердцемъ. Для женщины я пожертвовалъ всѣмъ, плюнулъ на свою душу, на свою совѣсть, на свой долгъ и свѣтъ... Но сдѣлалъ все это для тебя, Мариня!..

Для одной женщины,—то есть для пары рукъ, пары глазъ и розовыхъ губъ, я растопталъ все, что называлъ свѣтомъ, отбросилъ, какъ ненужную ветошь, или, вѣрнѣе, продалъ все, какъ Исавъ, за миску чечевицы.

Ну и, конечно, чего же я достоинъ, какъ не пренебреженія? Мариня еще не пренебрегаетъ мной, она не чувствовала еще этого и въ ту минуту, не сознаетъ, не представляетъ даже, а все-таки я знаю, что такъ будетъ. Ей кажется, что относительно меня въ ея душѣ ничто не измѣнилось, а я знаю, что на самомъ дѣлѣ все измѣнилось и никогда не перемѣнится. Чувство, какъ вѣтъ: разъ она сломлена, ее можно сростить такъ, что и слѣда не останется, но уже никогда не будетъ она первоначальной литой цѣльностью. Говорятъ, что послѣ катастрофъ въ любви наступаетъ еще болѣе сильное единеніе, какъ тишь послѣ бури... Такъ, но человѣка нельзя сравнить съ средой, вѣчно возрождающейся и вѣчно способной возражаться подъ вліяніемъ воздуха: каждая катастрофа оставляетъ слѣды на сердцѣ, и никто не знаетъ, сколько иногда въ любви бываетъ взаимнаго сожалѣнія, разочарованія и скорби. Люди, любовь которыхъ нельзя уже назвать единой, цѣлостной гармоніей, покоряются, примиряются... столько взаимной жалости, скорби и разочарованія таятъ они, что бросаются другъ другу въ объятія, чтобы только не смотреть въ

глаза, одинъ другому и—не отдалиться безъ возврата. Сколько бываетъ грустныхъ объятій и раздирающихъ душу погѣлуевъ... Если бы даже этотъ человѣкъ ушелъ отъ насъ, если бы мы снова остались одни, никогда ужъ не исчезнетъ изъ нашей памяти то, что случилось. Опустивъ голову и тихо, тихо склоняясь другъ къ другу, мы, наконецъ, разразились бы слезами и бросились бы въ объятія съ крикомъ: „Мы очень, очень несчастны!“

Я не герой романа,—и не могу сказать: „счастье мое разбито“ Я только человѣкъ и говорю: „не мое счастье, а то, что было у меня въ жизни, то разбито, что, какъ мнѣ казалось, могло бы походить на счастье“. Въ романахъ для эффектныхъ контрастовъ должны быть очень счастливые и очень несчастные. Мы люди, бываемъ очень несчастны безъ контраста, бываемъ скучны и монотонны, наконецъ умираемъ, и если бы Богу вадумалось судить насъ, то мы могли бы сказать Ему: „Мы только страдали“. Какъ рѣдко изъ нашей жизни выходитъ „поэма“ и какъ часто—только трагедія для насъ самихъ.

Если и дальше все будетъ идти такъ же, какъ и теперь, то Мариня никогда даже и не узнаетъ, что со мной дѣлается... Къ переменамъ въ моемъ расположеніи духа, къ частой грусти, задумчивости, углубленію въ себя—она привыкла. Это называетъ она „моей натурой“, „моей особенностью“. Если бы я обратилъ вниманіе на то, что съ ней дѣлается... но, знаю: она этого не допустить. Она сама себѣ еще не отдаетъ отчета, не сознала,—она пока какъ твореніе, рождающееся слѣпымъ: не открыла еще глазъ, только чувствуетъ. Еще ничего не видитъ. Только двѣ недѣли, какъ узнала Ричарда, и три дня, какъ отдалась ему душой. Она еще не понимаетъ. Но я понимаю, понимаю все съ полнымъ совершенствомъ наитрагичнѣйшаго продукта XIX вѣка: совершеннаго и полнаго познанія.

* * *

Какъ мнѣ жаль, какъ мнѣ жаль своего прошлаго... Если бы ты, Мариня, могла только знать, какъ мнѣ жаль... Не знаю, есть ли на свѣтѣ другой человѣкъ, который былъ бы способенъ такъ глубоко сожалѣть, какъ я. Все проходитъ, проходитъ такъ безжалостно, такъ и кончается. Когда плывешь въ лодкѣ и ударяешь весломъ, то каждый взмахъ уже прошелъ, никогда не вернется,—уже умеръ. Жизнь человѣческая есть постоянное движеніе,—ничто не остается безъ переменъ. Безнадежно проходитъ время, безнадежно бросаемъ мы что-нибудь въ пропасть, въ бездну прошлаго. Вся жизнь одна только бездна.

Какъ мнѣ жаль того, что кончилось между нами... Той тихой задумчивости плечомъ къ плечу, склонившись головой другъ

къ другу. Я былъ для тебя цѣлымъ свѣтомъ, всѣмъ, альфой и омегой жизни. Если я метался въ душѣ, какъ безумный, зато ты была спокойна, увѣрена, уравновѣшена. Стремленіемъ твоей жизни было любить и быть любимой, осчастливить и быть счастливой. Любила меня и была любимой, была счастливой, и казалось тебѣ, что и я счастливъ. Не понимала меня. То, что я любилъ до тебя и что долженъ былъ бы любить больше тебя,— было тебѣ чуждо. Не научили тебя думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ своей семьи, своего дома, своихъ близкихъ. Ты знала только, что нужно любить своихъ родителей, родственниковъ, потомъ своего мужа и дѣтей, что нужно имѣть доброе сердце и „быть милосердной по мѣрѣ возможности“. Не пробудили въ тебѣ ничего того, что окрыляетъ. Религіей твоей была честность, евангелиемъ— „такъ, какъ всѣ“, потребностью — семейное счастье, цѣлью — семья, стремленіемъ — исполненіе обязанностей. Да, такъ. Если бы честность эта была честностью тѣхъ, кто послѣднимъ дѣлится съ другими, если бы „эти всѣ“ любили ближнихъ, какъ самихъ себя, если бы семейное счастье основывалось на разумѣ, если бы семьей твоей былъ цѣлый свѣтъ, а исполненіе обязанностей имѣло бы отношеніе ко всѣмъ, тогда нельзя было бы желать ничего большаго. Подумай, если бы мнѣ не нужно было для тебя отречься отъ себя, чтобы занять извѣстное положеніе, если бы я нашелъ въ тебѣ преданную послѣдовательницу идеи, которой и я хотѣлъ быть послѣдователемъ, если бы я нашелъ въ тебѣ помощницу, если бы мы могли идти вмѣстѣ, какъ вихрь съ вихремъ, какъ огонь съ огнемъ, какъ свѣтъ со свѣтомъ... подумай, что могла бы ты изъ меня сдѣлать? Могла бы сдѣлать героя. Если я для тебя самого себя убилъ, точно такъ же для тебя я бросился бы въ адъ пламенный, хотя бы даже безъ тебя, но напутствуемый только твоимъ взоромъ, твоей улыбкой, твоимъ одобреніемъ. Да, такъ. Я не родился героемъ, какъ Муцій Сцевола, но все изъ меня могла сдѣлать женщина, все, все... И что же сдѣлала? Чиновника. Люблю Мариню больше жизни, больше души своей, но женщину ненавижу!..

* * *

Какъ я смѣшонъ, какъ я страшно смѣшонъ съ своимъ недоношеннымъ, на третьемъ мѣсяцѣ выкинутымъ, героизмомъ. Никогда не говорилъ я объ этомъ съ Мариной, не хотѣлъ огорчить ее, боялся этого, а теперь не сказалъ бы, чтобы она не разсмѣялась мнѣ прямо въ лицо. Я увѣренъ, что со дня на день она начинаетъ понимать, что становится умнѣе и глубже, чѣмъ прежде. Что за стыдъ!.. Не я, не я, ея мужъ, помогъ ей въ этомъ. Какъ ничтожна человѣческая природа?! Я боюсь больше

ея насмѣшливой улыбки, нежели прежняго чувства огорчить ее доставить ей страданіе. Я не любилъ, значить, своей идеи больше себя, такъ какъ пожертвовалъ ею изъ-за любви къ женщинѣ, но даже и этой женщины я не люблю больше себя. Что же я такое? Не что иное, какъ только персонифицированный эгоизмъ, только я, для себя, черезъ себя... Боже!.. Развѣ на свѣтѣ ничего нельзя любить больше себя? Развѣ всегда я самъ долженъ быть для себя цѣлью, свѣтомъ, всѣмъ? Развѣ никогда человѣкъ не можетъ потерять себя, забыть о себѣ? Развѣ нельзя существовать для другихъ, не принимая въ расчетъ того пріятнаго удовлетворенія, какое доставляетъ мнѣ эта жизнь для другихъ? Развѣ нельзя быть чистымъ, одной абстракціей?..

Такъ, такъ!.. я теперь ясно вижу: Мариня понимаетъ меня, но это не будить въ ней сочувствія, состраданія, признательности даже, а только отвращеніе, пренебреженіе, иронію. Женщина, какъ ребенокъ, любить, чтобы ей что-нибудь импонировало. Кто можетъ ей импонировать: я ли, пожертвовавшій для нея всѣмъ, или человѣкъ, о которомъ она знаетъ, что пожертвовалъ бы ею безъ колебанія для каждой частицы своей идеи? Теперь она видитъ, что я въ ея рукахъ, какъ клокъ ваты, а она въ рукахъ Ричарда была бы шарикомъ изъ хлѣба. Лучшей защитой любви женщины есть возвеличеніе: развѣ можетъ она меня возвеличить? Развѣ можетъ она не возвеличить Ричарда? Какое можетъ быть сравненіе между бесплоднымъ кустомъ и кедромъ? Развѣ во многихъ отношеніяхъ я не стою на одномъ уровнѣ съ бесплоднымъ кустомъ, а развѣ онъ не возносится надъ нею, какъ кедръ ливанскій? Если бы женщинѣ пришлось сдѣлать выборъ между человѣкомъ, который для нея пожертвовалъ собою, потому что былъ слабъ, и человѣкомъ, который растопталъ ее, какъ былинку, потому что силенъ, то—о, горе тебѣ, глупецъ, если ты бросилъ всего себя къ ея ногамъ!.. Въ лучшемъ случаѣ надъ тобой сжальятся,—но тотъ ее увлечетъ, захватитъ, доведетъ до энтузіазма. Женщинѣ, какъ и ребенку, болѣе всего импонируетъ сила. Бей ее, но пусть только она находитъ тебя достойнымъ удивленія, видитъ въ тебѣ что-то, чего сама не понимаетъ, что выше ея, что кажется ей недоступнымъ, что принадлежитъ только мужчинамъ. Любви твоей она удивляться не будетъ, потому что она умѣетъ любить и лучше тебя: въ любви женщины всегда будутъ нашими учителями, а отъ насъ ждуть воли, энергіи, подвиговъ, высоты мысли и духа... Амазонки выжигали себѣ грудь, чтобы походила на мужскую,—мы, любя, смягчаемъ голосъ, который становится похожимъ на женскій. Женщина сотворена для того, чтобы любить и быть человѣкомъ, а мужчина—чтобы быть человѣкомъ,

который также любить. Не борись съ женщиной любовью: ты побѣдишь ее не нѣжною рукою, а богатырскою грудью. Только та женщина, которая что-то львиное находитъ въ тебѣ, можетъ серьезно полюбить тебя.

* * *

Предо мною двѣ дороги: или сдѣлать видъ, что я ничего не замѣчаю, ничего не чувствую, ничего не понимаю, или постараться найти въ себѣ то, что я потерялъ, и выйти на борьбу съ Ричардомъ. Кто знаетъ,—можетъ быть, если бы я вдругъ высказалъ Маринѣ, что я задыхаюсь въ этой жизни, что кромѣ всей своей любви къ ней, кромѣ того, что люблю ее такъ, какъ только на свѣтѣ мужчина можетъ любить женщину, послѣ нея люблю людей, человѣчество, идею свою; если бы я сказалъ ей, что зову ее даже умереть со мною съ голоду, но хочу вмѣстѣ съ нею жить жизнью духа, идеи и мысли, хочу кормить ея душу, — не только тѣло,—зову ее хотя бы на одинъ годъ настоящей жизни, а тамъ—лучше броситься въ пропасть, чѣмъ прозябать долгое время,—кто знаетъ, не воскресла ли бы она для меня? Тогда я головой сравнялся бы съ Ричардомъ, а сердцемъ былъ бы выше его, она видѣла бы тогда во мнѣ такое же львиное сердце, какое видитъ въ немъ, и, кромѣ того, любовь мою. Несомнѣнно, что два года нашего знакомства до свадьбы и три нашей со-вмѣстной жизни, привычка, традиція и сознаніе, что она жена моя, моя женщина, моя собственность, а я ея мужъ, ея собствен-ность, ея мужчина,—не могли пройти безслѣдно, безъ всякаго значенія для нея. Ричардъ можетъ представляться ей идеаломъ, архангеломъ Михаиломъ съ огненнымъ мечомъ въ рукахъ, но, какъ бы то ни было, онъ для нея—человѣкъ посторонній. Она никогда не видѣла его руки выше манжетки и не знаетъ также, какая душа скрывается за его словами. Традиція имѣетъ большую силу. Традиціей держатся цѣлыя государства, традиція свя-зываетъ людей между собою и—больше всего людей. Сколько супруговъ живетъ вмѣстѣ единственно потому, что уже давно живутъ вмѣстѣ.

А вѣдь Мариня меня любила. Сколько разъ говорила она мнѣ и до свадьбы, и послѣ, что никогда не вышла бы замужъ, если бы не могла выйти за меня, что считаетъ меня своимъ типомъ, что я сотворенъ для нея, а она для меня. Сколько разъ говорила она мнѣ это. И она не обманывала самое себя: у женщины есть инстинктъ, не обманывала также и меня: она правдива. Зачѣмъ ей было выходить за меня?! Она очень красива, имѣла большой успѣхъ, ей представлялись лучшія партіи. Могла бы выйти за богатаго, могла быть миллионершей, а она хотѣла только

обезпеченнаго матеріальнаго положенія, только не нужды, не полной бѣдности. Не обращая вниманія на свои блистательныя партіи, она вышла за меня, такъ какъ наивысшимъ счастьемъ для нея было „быть при мнѣ, жить со мной, для меня и черезъ меня“. Сколько разъ говорила она мнѣ это. И не мужчину любила она во мнѣ, но меня одного — свое избранное существо. Теперь Мариня занята Ричардомъ, можетъ быть она постепенно выясняетъ себѣ свое отношеніе къ нему, можетъ быть даже уже выяснила, — но она безконечно правдива, безконечно честна, безконечно вѣрна и добра. Все въ ней возстанетъ противъ нея же самой. Ея честность, ея вѣрность, ея религія, ея понятія и убѣжденія, — вся ея натура. Нарушеніе супружеской вѣрности представляется ей чѣмъ-то грязнымъ, отвратительнымъ. Она нравственна до мозга костей. Я увѣренъ, что даже одна только мысль измѣнить человѣку, которому она клялась въ вѣрности, своему мужу — ужасаетъ и поражаетъ ее до глубины души. Однимъ словомъ, въ ней поднимется страшная борьба — и перевѣсъ останется на моей сторонѣ. Если бы даже Мариня вполнѣ разочаровалась во мнѣ, то и тогда ея воспитаніе и честность были бы моими союзниками. Какъ благодаренъ я ея родителямъ за то, что воспитали ее въ такихъ понятіяхъ. Ужъ не имѣтели основаніе ли поговорка, утверждающая, что въ концѣ концовъ все возвращается къ тому, что говорили старыя тетки? Несомнѣнно, что эти избытныя, банальныя, шаблонныя понятія часто бываютъ очень смѣшны, иногда даже невыгодны, но въ данныхъ обстоятельствахъ не до разсужденій. Итакъ, я могу положиться на Мариню, потому что она такъ воспитана. Все представляется иначе, пока лично не задѣнетъ человѣка. „Кто ранъ не зналъ, тотъ смѣется надъ желѣзомъ“, — говоритъ гдѣ-то Шекспиръ. Пока я не былъ чиновникомъ, пока стоялъ за полную свободу любви, все, что говорили „старыя тетки“, казалось мнѣ посягательствомъ на личную свободу человѣка, но развѣ есть въ эту минуту какое-либо право, кодексъ, средство, за которое не ухватился бы я, чтобы удержать Мариню?! Развѣ есть какое-либо вѣское слово, которымъ не воспользовался бы, рисуя ей позоръ супружеской измѣны, хотя бы только мыслью, хотя бы только мыслью о мысли, хотя бы ея тѣнью? Развѣ, если бы это было только въ моей возможности и если бы я былъ вполнѣ увѣренъ, что Мариня и Ричардъ взаимно любятъ другъ друга, я не схватилъ бы ее и не унесъ бы куда-нибудь на безлюдный островъ? Развѣ не связалъ бы ее съ собой, хотя бы это было для нея мученіемъ? Развѣ не злоупотребилъ бы своею властью, если бы только могъ? Развѣ не бросилъ бы ей прямо въ лицо эти грубыя слова: „Ты моя, ты клялась

мнѣ, ты должна быть моей!“ Развѣ не сказалъ бы: „должна!“—я, говорившій когда-то, что этого слова не должно существовать на человѣческомъ языкѣ? Оно (будетъ вычеркнуто изъ нашего словаря вмѣстѣ со словомъ „страсть“, т. е. никогда. Единственная защита отъ нея, это—смерть.

Сдѣлалъ бы все, до чего довела бы меня любовь къ Маринѣ, называя себя въ то же самое время подлымъ. Я страдалъ бы еще и отъ того, что Мариня страдаетъ изъ-за подлаго человѣка. Я все понималъ бы до тонкости, не побоялся бы всѣ свои поступки назвать ихъ собственнымъ именемъ, извивался бы отъ боли, какъ червякъ на шпилькѣ, и вокругъ себя чувствовалъ бы одно: омутъ...

* * *

Люди моего поколѣнія или, вѣрнѣе, моей природы стремятся все понять и все назвать своимъ именемъ. Люди другой природы очень часто бросаютъ намъ въ лицо упрекъ въ цинизмъ. Если вы называете цинизмомъ уже одно то, когда ясно и просто смотришь въ свою душу или вообще въ человѣческую душу, когда наблюдаешь ее и познаешь или по крайней мѣрѣ тебѣ кажется, что познаешь ее, если все это цинизмъ, то пусть это и будетъ цинизмъ. Люди все равно какъ та падшая женщина, которая, во что бы то ни стало, хотѣла увѣрить всѣхъ, что она должна была пасть, не могла иначе, такъ и люди любятъ, когда говорятъ имъ, что отъ рожденія они добры, если же дѣлаются иными, то лишь подъ вліяніемъ жизненныхъ отношеній и обстоятельствъ. Если желаете заручиться людской симпатіей, то твердите имъ непрестанно о первоначальной добротѣ человѣка. Это не трудно, зато очень выгодно. Итакъ, я съ полнымъ цинизмомъ смотрю въ себя, вижу всѣ пружины, которыя приводятъ меня въ движеніе, могу каждую назвать и знаю ихъ взаимныя отношенія. Какъ часовщикъ смотритъ на часы въ лупу, такъ я смотрю въ себя. Такъ же смотрю я и въ чужую душу и въ душу міра. Если бы въ моемъ глазѣ былъ какой-либо недостатокъ, тогда я видѣлъ бы плохо, но мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, что я вижу хорошо. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но зато вполне искренно высказываю свое мнѣніе: люди отъ рожденія болѣе склонны къ злу, чѣмъ къ добру. Не судить ли каждый самъ по себѣ?! Во всякомъ случаѣ, я охотно ставлю передъ собою этотъ афоризмъ. Я самъ могу быть очень злымъ, но у меня есть одно хорошее качество: я не лицемерю. Если глубоко вѣрующіе люди дорожатъ спасеніемъ души, то всѣ другіе за самыми незначительными исключеніями дорожатъ лицемеріемъ и ненавидятъ тѣхъ, кто срываетъ съ нихъ маску.

Я питаю отвращеніе къ лицемѣрью даже въ четырехъ стѣнахъ, наединѣ съ самимъ собою и, называя вещи своимъ именемъ, говорю: „Я, считающій всякое насиліе сильнаго надъ слабымъ подлостью, готовъ совершить эту подлость относительно Марини. Моя теорія, что каждый разумный человекъ обязанъ предоставить женщинѣ полную свободу дѣйствій, — есть глупость. Люблю ее, и она должна остаться моею. Добровольно или поневолѣ, но должна!“ Не звѣрь ли я дикій? Пусть такъ. Нѣтъ высшаго самоистязанія, какъ то, когда женщина живетъ съ вами по принужденію! Хорошо, она все-таки должна остаться моею. Пусть ненавидитъ меня, презираетъ, плюетъ на меня: должна остаться моею. И я плюю на все, кромѣ любви своей.

* * *

Итакъ, на борьбу!.. Ха-ха-ха!.. Борьба!.. При одномъ этомъ словѣ я не могу удержаться отъ смѣха. Я—и борьба... Я такъ измученъ, что съ трудомъ поддерживаю голову руками, чтобы она у меня совсѣмъ не свалилась съ шеи. Я, у котораго въ сердцѣ адъ, а въ нервахъ судорожное онѣмѣніе, — я хочу бороться! Бороться съ женщиной, которая меня не любитъ!.. Нѣтъ болѣе сильнаго и жестокаго врага, какъ женщина, которая не любитъ! Бороться съ людьми, имѣя всѣхъ „людей“ противъ себя... Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ черезчуръ ужъ смѣшно! Ахъ!.. Если бы я могъ сбросить эти оковы! Довольно съ меня этой жизни! Если бы я могъ куда-нибудь убѣжать, убѣжать и никогда не возвратиться, никогда... Дайте мнѣ какой-нибудь безлюдный островъ, а вокругъ него море, безбрежное, безграничное, чтобы не видно было вокругъ ни паруса, ни лодки. И ничего, ничего,—ни мечты, ни сновъ, никакихъ видѣній, только покой...

Духи покоя, возьмите меня къ себѣ! Мнѣ не нужно никакихъ призраковъ, ни волшебницъ, ни наявъ, только бы отдохнуть, лежать безъ движенія, безъ мысли, безъ чувства, безъ жизни... Измучено мое сердце, болитъ... А все-таки нѣтъ, нѣтъ!.. Наберусь энергій, напрягу всѣ свои силы до послѣдней капли крови, хотя бы это усиліе было для меня смертельно... Напрягу всѣ свои силы и выйду на борьбу. Проиграю,—знаю, что проиграю,—зато не будетъ у меня потомъ упрековъ, что не испробовалъ всего, что только возможно. Это будетъ пилатовскимъ омытіемъ рукъ относительно себя, т. е. человека, летящаго въ пропасть; сдѣлавъ все, что могъ, и съ чистой совѣстью лечу въ пропасть, сдѣлавъ все, что могъ. Когда я почувствовалъ, что теряю равновѣсіе и падаю, что ноги мои скользятъ по камнямъ, я поднялъ руки вверхъ и распростеръ ихъ, чтобы снова придать равновѣсіе своему тѣлу, но пошатнулся и, упавъ на скользкій камень, сразу понялъ, что нѣтъ

мнѣ спасенія, что слечу въ пропасть. Но я все-таки хватался за гладкую поверхность, поломалъ себѣ ногти, содралъ кожу съ рукъ, пробовалъ даже зубами схватиться за камень, готовъ былъ даже и вѣками хвататься, если бъ было за что, не теряя при этомъ увѣренности, что я долженъ упасть, и что всё мои усилія ни на минуту не замедлят моего паденія. Внизу—омуть: лечу въ него, но я сдѣлалъ все, что могъ. Разобьюсь на куски, какъ стекло, но со спокойнымъ сознаниемъ, что сдѣлалъ все, что могъ. О иронія! О жестокая, страшная, чудовищная, кровавая иронія!

* * *

Нѣтъ, невозможно такъ мучиться болѣе: я дошелъ до своего предѣла. Вотъ ужъ три мѣсяца, какъ я каждый день терзаюсь какъ въ аду, а ночью и того хуже. Съ ней не разговариваю, но она давно все понимаетъ. Что съ ней дѣлается—не знаю: блѣдна, молчитъ, не ѣстъ, ея глаза обведены синими полукругами и дышитъ какъ чахоточная. Она знаетъ, что я знаю, знаетъ давно. Между тѣмъ ничего еще не случилось. Онъ даже руки ея ни разу не поцѣловалъ. Но все-таки она принадлежит ему душой и тѣломъ,—всѣмъ, что въ ней есть.

Что онъ думаетъ, также не знаю: онъ все такой же желѣзный, преданный своей идеѣ, такой же фанатикъ, т. е. такой же, какъ и я былъ когда-то, только съ волей и характеромъ, чего мнѣ недоставало, только съ львинымъ сердцемъ, чего у меня не было. Любитъ ли онъ ее, не знаю, но, если только протянетъ свои руки съ орлиными когтями, то, знаю,—возьметъ ее у меня, потому что она его любитъ: это ключомъ бьетъ въ ней.

Меня никогда она такъ не любила!

Я испытываю теперь двойную ревность: она любитъ его, а не меня, и меня никогда не любила такъ, какъ теперь любитъ его. Ревность моя чувствительна, какъ листъ мимозы, глубока, какъ море, и пространна, какъ свѣтъ... и жгуча, какъ рубашка Гераклеса, которую онъ не могъ сорвать съ себя,—она жжетъ меня до кости. Вотъ ужъ три мѣсяца, какъ каждую ночь я просиживаю въ своемъ кабинетѣ почти до утра, пока не погружусь въ какой-то мертвый сонъ въ своемъ креслѣ. Мариня уже не спрашиваетъ меня больше, почему я не ложусь въ постель, какъ дѣлала это вначалѣ. Три мѣсяца, какъ мы почти не говоримъ другъ съ другомъ,—она одна уходитъ въ нашу спальню, а я тутъ же рядомъ въ свой кабинетъ. Она раздѣвается, ложится, тушитъ свѣчу, но, право, не знаю, спитъ ли она, или нѣтъ. Никогда ни одного вздоха, ни стона.. Ничего, ничего. Раньше она каждое свое огорченіе выплакивала на моемъ плечѣ, если же плакала изъ-за меня, то бросалась на свою постель и громко

рыдала, а теперь молчить, какъ гробъ. Она страшно страдаетъ,— я вижу это. Я зналъ, что все въ ней возстанетъ противъ нея же самой: всѣ традиціи, впитанныя ею съ молокомъ матери, соединятся со мною и пойдутъ противъ нея; только одного я не зналъ, не могъ даже предположить, чтобы два человѣка могли бы такъ жить другъ около друга, какъ мы теперь живемъ, безъ слова, безъ движенія. Такъ, вѣроятно, чувствуютъ себя отецъ съ матерью во время чумы, когда у нихъ въ одинъ день умерли всѣ дѣти.

Она не сдѣлала ни одного шага къ Ричарду, и я до сихъ поръ ничего не предпринялъ противъ него. Все идетъ своимъ чередомъ. Мнѣ кажется, что мы оба чувствуемъ, что одно какое нибудь слово, какой-нибудь незначительный фактъ могутъ послужить поводомъ къ чему то, чего мы оба боимся, потому что не можемъ ни взвѣсить, ни предвидѣть, какъ и когда это произойдетъ. Я намѣревался было бороться съ Ричардомъ тѣмъ же оружіемъ какимъ онъ побѣдилъ меня: хотѣлъ „найти себя“,—но все это было тщетной мечтою. Найти себя теперь менѣе возможно, чѣмъ когда бы то ни было. Все во мнѣ умерло. Я—какъ городъ послѣ морового повѣтрія. Если бъ я даже могъ найти себя, если бъ попросту могъ начать кокетничать съ Мариной своимъ прежнимъ я, то не сдѣлалъ бы этого. Какое-то страшное безсиліе тяготѣетъ надо мною, будто ангелъ смерти дотронулся до моего чела.

Живемъ молча. Ричардъ приходитъ два раза въ недѣлю вечеромъ, говорить о своихъ планахъ, обличаетъ, захватываетъ бездну будущаго, чувствуется, что онъ не принимаетъ въ соображеніе ни одной капли своей крови, ни одной частицы своего тѣла, ни одного атома своей души: все отдано имъ въ собственность массамъ, которыя требуютъ помощи, а Мариня слушаетъ и унивается. Отчего я никогда не говорилъ ей объ этомъ? Нѣтъ!.. Три года тому назадъ она не слушала бы меня такъ, она не поняла бы меня!.. Что съ ней сдѣлалось? Какое злое божество околдовало ее, обративъ изъ женщины-ребенка въ женщину-человѣка? Что за проклятое божество! А между тѣмъ я вѣдь ничего такъ ни желалъ, какъ именно этого превращенія. Моя мечта исполнилась: Мариня стала женщиной-человѣкомъ. А я теперь проклинаяю это. О иронія, иронія жизни, убей меня, но не мучь такъ страшно!

По немъ ничего узнать нельзя. Догадывается ли онъ, что происходитъ между нами? Если бы онъ отличался переменчивымъ настроеніемъ, тогда—другое дѣло, а то онъ всегда одинъ и тотъ же: металлическій пророкъ будущаго, герой и фанатикъ,

для котораго ничего не существует, кромѣ его идеи. Когда говорить о чемъ-нибудь другомъ, то онъ не улыбается презрительно, какъ глупецъ, а молчитъ. Это его не касается: вся жизнь у него концентрируется въ одномъ: въ его идѣ. Контрастъ имѣеть здѣсь большое значеніе. Я всегда былъ человѣкомъ, который всѣми порами души и тѣла воспринималъ всѣ жизненные явленія: я могъ переходить отъ сумашедшаго веселья къ тягостной печали; впечатлительность мою можно было сравнить развѣ съ впечатлительностью растенія, зависящаго отъ всѣхъ атмосферическихъ перемѣнъ; иногда это проявлялось у меня, какъ у ребенка. Я былъ способенъ отъ чисто экономическаго вопроса перескочить къ вопросу о поцѣлуѣ, кажется, могъ даже думать о томъ и о другомъ одновременно. Мариня смотритъ на меня и говоритъ: „ребенокъ“, смотритъ на Ричарда и говоритъ „человѣкъ“. Хотя, можетъ быть, нѣкоторые, глядя на меня, сказали бы: „человѣкъ“, а глядя на Ричарда: „духъ“. Какъ бы то ни было, онъ все-таки выше меня. Это значитъ, что идея всегда выше жизни. Это значитъ, что тотъ, кто приближается ко Христу, всегда будетъ выше того, кто похожъ на пеликана. Сколько страданій долженъ былъ я перенести, чтобъ придти къ этому заключенію? Такъ, такъ!.. Все на свѣтѣ не болѣе, какъ безформенная масса гипса, и только наши руки придаютъ ей тотъ или другой образъ. Старая правда является новымъ открытіемъ. Каждый самъ для себя открываетъ истину, что дважды два четыре. Я знаю, что не слѣдуетъ дотрагиваться до раскаленнаго металла, знаю это изъ опыта другихъ, но какъ болитъ ожогъ,— это я пойму вполне только тогда, когда самъ обожгусь. Если бы я жилъ въ началѣ вѣка, то, можетъ быть, застрѣлился бы подъ вліяніемъ Вертера изъ-за теоріи, но только теперь я знаю, что значитъ страдать отъ любви. Все уже было, но все наново ново. И все зависитъ отъ угла зрѣнія: теперь мои прежнія страданія кажутся мнѣ раемъ, а, можетъ быть, придетъ время, когда мнѣ представятся раемъ мои теперешнія мученія.

* * *

Ночь. Одна изъ тѣхъ безконечныхъ ночей, которыя уже три мѣсяца посѣщаютъ меня. Луна свѣтитъ тихо и спокойно. Мы могли бы быть теперь съ Мариней въ какой-нибудь роцѣ на берегу тихаго озера. Луна освѣщала бы насъ, и мы, склонивъ головы другъ къ другу, сидѣли бы въ тихой задумчивости. Не разъ такъ было. Мариня тогда прижималась ко мнѣ и говорила, такъ мило не выговаривая букву р: „Дорогой мой, дорогой мой!..“ Она въ самомъ дѣлѣ любила меня, очень любила. Нѣтъ, это невозможно: она никогда не будетъ такъ любить Ричарда, она не

можетъ такъ полюбить его. Я былъ ея первой любовью. Ко мнѣ первому забилось ея сердце, я былъ первымъ воплощеніемъ ея мечтаній... Она меня такъ любила, какъ никого больше любить не можетъ...

Какое у меня великое утѣшеніе! Когда кто-нибудь, потерявъ все имѣніе свое, умираетъ съ голоду, то что ему съ того, что онъ когда-то былъ сытъ?

Что мнѣ съ того?..

*
*
*

Хотѣлось бы мнѣ знать, спитъ ли она? Въ ея комнатѣ такая тишина, какъ будто бы она умерла. О Боже, какое страшное слово произнесъ я! Развѣ Марія можетъ умереть?

Какъ тихо у нея въ комнатѣ!.. Если бъ я зналъ, спитъ ли она? Какъ хотѣлось бы взглянуть на нее! Мнѣ кажется, что я не видѣлъ ея цѣлую вѣчность. Который теперь часъ? Половина второго. Я видѣлъ ее два часа тому назадъ. Какъ хотѣлось бы взглянуть на нее!.. Она, конечно, спитъ на правомъ боку, лицомъ къ окнамъ и ея руки лежатъ на подушкѣ. Почти всегда она спитъ такъ. Иногда спитъ навзничъ, но никогда не ляжетъ лицомъ къ стѣнѣ... Боже!.. Боже!.. До чего дошло,—мнѣ хочется взглянуть на свою жену, а я задумываюсь, можно ли къ ней войти. И страшно, и смѣшно!.. И что есть у меня противъ нея, кромѣ подозрѣній, предчувствій и наблюдений?! Развѣ я засталъ ихъ цѣлующимися въ передней? Развѣ встрѣтилъ ихъ гдѣ-нибудь? Какіе у меня доводы? Знаю ли что-нибудь? Нѣтъ! Я просто думаю, мнѣ кажется, я допускаю, но ничего не знаю; можетъ быть, все это мнѣ только кажется?!

А она тамъ спитъ, и мнѣ кажется, что я не видѣлъ ея цѣлую вѣчность... Ее мягкое, гибкое тѣло обрисовывается подъ одѣяломъ, ея лицо при розовомъ свѣтѣ ночника кажется лепесткомъ розы, волосы рассыпались на подушкѣ... мои чудные, дорогіе, золотые волосы, мои волосочки!.. „Это все твое, все твое“... чудится мнѣ, какъ шепчетъ она у моего уха, вся трепетная отъ любви... Ты вѣдь жена моя, жена моя!..“ А я не вхожу въ ея комнату!

Боже, Боже!.. Развѣ, кромѣ трагической ироніи, ты ничего не дашь мнѣ?..

Войду... Тихо... должно быть, спитъ... Темно... Даже ночникъ погашень... Если бы я вошелъ и зажегъ свѣчу, если бъ она меня увидѣла и протянула бы мнѣ свои бѣлыя ручки... Сколько разъ блуждали онѣ по моей шеѣ... Войду... Какъ темно тамъ у нея... Тс!.. зажгу спичку... Я увѣренъ, что она проснется и, улыбувшись, протянетъ мнѣ руки... Не былъ у нея шесть недѣль...

больше... прошло уже два мѣсяца. Она ни разу не вспомнила объ этомъ. Она все о чемъ-то думаетъ... Это былъ сонъ, это былъ страшный сонъ!.. Все пойдетъ по-старому... Правда, Мариня? Все будетъ такъ же хорошо, какъ и раньше. Зажечь свѣчу или лампу?.. Зажгу свѣчу,—она у меня подъ рукой, ближе...

Спать... Какъ она прекрасна!.. Какъ красива, какъ прекрасна! Руки лежатъ на подушкѣ... Она улыбается во снѣ... Боже!.. Жена ли это моя или Твой ангелъ съ яснаго неба?!! Улыбается во снѣ... Закричу!.. Мариня! жена моя!!

О Боже!..

* * *

Просыпаюсь, какъ послѣ глубокаго сна... На самомъ ли дѣлѣ спалъ я? Что случилось со мной и гдѣ? Гдѣ и когда... и что?.. Что-то случилось, однако, со мной. Была ночь—и теперь—тоже ночь, но та ли? Я въ своей комнатѣ, но въ кровати, которой здѣсь раньше не было... Ее внесли сюда должно быть... Около меня стоятъ какія-то склянки, лѣкарства... Развѣ я былъ боленъ? Что случилось? Здѣсь на стѣнѣ долженъ быть календарь,—дни и мѣсяцы передвигаются на немъ автоматически... Лампа горитъ... увижу!.. Было семнадцатое февраля... Ахъ!.. какъ мнѣ трудно поднять голову... Что это? Деятнадцатое... Я спалъ два дня?! Я просто былъ боленъ, лежалъ безъ сознаниа... Мариня, должно быть, ухаживала за мной... Закричу!.. Мар!.. Нѣтъ, нѣтъ, она вѣроятно уснула, измучившись со мной. Пусть спитъ. Пусть успокоится!.. Любовь моя!.. Единая моя!.. Мое чудное созданіе!.. Бѣдняжка, какъ она, должно быть, измучилась... Она еще такъ молода... Всего двадцать три года... Почти ребенокъ... Я, должно быть, былъ сильно боленъ, если лежалъ въ безсознательномъ состояніи и если меня сюда перенесли. Эти окна во дворъ... Здѣсь спокойнѣе,—потому меня и перенесли сюда...

Какъ же я захворалъ?.. Былъ въ своей канцеляріи. Такъ, такъ!.. помню... составлялъ купчую о продажѣ Загаевиць... потомъ пришелъ домой... А!.. Знаю!.. знаю!.. знаю!.. Вошелъ въ комнату Марини, думалъ, что она проснется и улыбнется мнѣ. Она улыбалась во снѣ. Я громко вскричалъ: Мариня!.. жена моя!.. Она вздрогнула, проснулась, открыла глаза, и въ нихъ выразился упрекъ, зачѣмъ я разбудилъ ее, какое-то отвращеніе ко мнѣ, такое отвращеніе, что у меня сразу потемнѣло въ глазахъ и я почувствовалъ, что падаю... Я, должно быть, упалъ и только теперь пришелъ въ себя. А она, конечно, видѣла во снѣ Ричарда... Ей снилось, что она прижимается къ нему, обнимаетъ его, цѣлуетъ, отдается ему. А я въ эту минуту разбудилъ ее.

Негодная!.. Фи!..

А за это время, за это время... что могло случиться?..

Два дня!.. Два дня!.. Такъ, такъ!.. иначе и быть не могло, Мариня отдалась ему... О, адъ кромѣшный!..

Но этого больше не будетъ... она погибнетъ!..

Погибнетъ!..

Голова моя горитъ, какъ въ огнѣ... Въ головѣ, въ груди, въ плечахъ, въ ногахъ,—всѣ жилы полны огня. Какъ трудно подняться!.. Мнѣ кажется, что я еще боленъ.. Тамъ въ моемъ столикѣ лежитъ револьверъ. Ее и себя... себя или ее... Не будетъ она твоей!.. И ты не будешь ему отдаваться!.. Боже, какъ я страшно несчастливъ... Такъ, съ мокрыми еще отъ слезъ глазами пойду и застрѣлю ее. А можетъ быть, и онъ тамъ... Тогда и его. Такъ, такъ!.. и его. Онъ также долженъ погибнуть. Если его нѣтъ здѣсь, то пойду къ нему и тамъ его убью... А потомъ себя... и себя!..

У меня есть револьверъ... иду... Ноги у меня подкашиваются, голова кружится... Еле держусь на ногахъ...

Прелюбодѣйка!.. Спать?.. Да. Одна: слышу по дыханію. Его нѣтъ. Иду!..

Но если она на меня взглянетъ? Если взглянетъ?! Боже!.. Если даже тысячи омутовъ поглотятъ меня, то и туда ея глаза пойдутъ за мной! Голубые, ясные глаза, не смотрите на меня!.. О ужасъ!.. Ангелы святые, спасите меня!.. Вокругъ меня только глаза и глаза,—ея глаза...

Куда бѣжать? Гдѣ скрыться? Они преслѣдуютъ меня, бросаются на меня... Какъ цвѣточный дождь, летятъ на меня эти глаза... Не выдержу, не выдержу!.. Чувствую, что падаю, гнусь, они давятъ меня... У нихъ есть голосъ, они кричатъ... воютъ, кружатся... Какой-то хаосъ, вьюга. Это не глаза,—это смерть!.. Это смерть моя... умираю... А вѣдь это только ея глаза, ея голубые глаза,—и ихъ-то я хотѣлъ покрыть вѣчною ночью... проклятый!!

* *

Десять часовъ утра. Мариня отдаетъ приказанія служанкѣ. Что она говорить? „Купишь два фунта полендвичи, картофеля...“ Какъ давно не слышалъ я ея голоса... Два дня... „Керосину... Только торопись, дорогая моя, дорогая моя!—говоришь она, такъ мило не выговаривая букву р.—И принеси большой букетъ ландышей: поставимъ ихъ въ комнату пана, какъ всегда“... Правда, у меня стоятъ ландыши... Помнить, что я люблю ихъ...

Мариня, Мариня, взгляни на меня,—я плачу... Что говорить она? Что?! „Зайди къ пану Гальницкому и скажи ему, что панъ еще не пришелъ въ себя...“

Не пришелъ въ себя—означаетъ, вѣроятно, что можешь без-

опасно придти, или ждать у себя, или въ отелѣ. О, подлая! Я нарочно не приду въ себя, останусь такъ долго, долго...

Я долженъ поймать ихъ... Притворюсь, что сплю. Накрою ихъ. Онъ придетъ. Пошла зачѣмъ-то въ свою комнату, возвращается, зоветъ служанку... Говорить: „Отдай пану Ричарду эту книжку и попроси другой томъ...“ Называетъ его Ричардомъ, по имени, передъ служанкой! „Или скажи ему, что если придетъ сегодня послѣ обѣда, то я сама ему отдамъ, потому что мнѣ нужно кое-что спросить у него; только другой томъ мнѣ принеси. Иди же, моя дорогая,—опять съ этимъ проклятымъ своимъ р,—уже поздно, десять часовъ“.

Итакъ, онъ придетъ. Погодите же!.. Я сплю, какъ мертвый!..

* * *

Жду—и страшно страдаю. Мариня часто подходитъ ко мнѣ, перемѣняетъ холодные компрессы на головѣ; глаза мои открываются почти сами собою: едва могу удержать ихъ; минутами меня охватываетъ такое желаніе прильнуть своими губами къ ея рукѣ или прижать ее къ своей груди, что я едва овладѣваю собою. Что будетъ? Боюсь даже, что ничего не будетъ, ничего не случится. Хотѣлось бы имѣть у себя какія-нибудь улики... Такъ продолжаться дальше не можетъ.

Звонокъ!.. Кто это можетъ быть?.. Ричардъ?!

* * *

Вошелъ только на минуту. Пришелъ узнать, какъ я себя чувствую. Ушелъ изъ дома до прихода служанки. Оба очень грустны. Я смотрѣлъ сквозь рѣсницы. Мариня блѣдна, какъ полотно. Здороваясь, подали другъ другу руки; на прощанье онъ поцѣловалъ ей руку... Не остался... Придетъ послѣ обѣда и принесетъ книгу. Я вынесъ только одно впечатлѣніе, что оба они очень грустны. Онъ также... Въ первый разъ я уловилъ перемѣну въ его голосѣ. Мариня говоритъ сквозь слезы. Если она знаетъ, что я знаю, если любить и его, и меня, то—и она въ омутѣ... Бѣдняжка!.. Но между ними за эти два дня ничего не произошло,—я увѣренъ въ этомъ... Итакъ, Ричардъ придетъ послѣ обѣда,—подслушаю ихъ разговоръ. Такъ, такъ... Сдѣлаю эту подлость и подслушаю... Они будутъ сидѣть или около меня, такъ какъ Мариня перемѣняетъ мнѣ компрессы, или рядомъ въ моемъ кабинетѣ, чтобы быть близко отъ меня. Дверь будетъ открыта, чтобы не скрипѣла. Никто имъ не помѣшаетъ,—знаю, что докторъ придетъ вечеромъ. Тогда я открою глаза или навсегда останутся они у меня закрытыми... Такъ было бы лучше!.. Что я могу еще ожидать отъ жизни, что мнѣ въ ней?..

* * *

Пришелъ! Пришелъ!.. Садятся въ моемъ кабинетѣ... Я услышу каждое слово... Поцѣловалъ ей руку...

— Какъ чувствуетъ онъ себя теперь?

— Мнѣ кажется, что жаръ уменьшился... Ужасны были эти два дня.

— Что съ нимъ сдѣлалось?! Вы сами были почти въ безпамятствѣ...

— Что сдѣлалось съ нимъ?.. То, что въ самомъ дѣлѣ можетъ убить...

— Но что такое?

— Ахъ!.. Не могу я скрываться дольше! Я не люблю его!

Плачешь... Плачь!.. Плачь!.. Я не плачу, но въ груди моей что-то ноетъ; я не плачу, но во мнѣ гробъ открывается; я не плачу, но сердца моего ужъ нѣтъ,—червь источилъ его. Плачь! Плачь, Мариня. Я не плачу,—всѣ слезы мои сдѣлались кровью, а вся кровь моя застыла въ жилахъ... Я не плачу... Она продолжаетъ:

— Не люблю и никогда не любила его, никогда, никогда! Я заблуждалась, что люблю его... А теперь я вижу, что никогда не любила его!..

* * *

Кто-то держитъ меня за руку—смотрю... Докторъ Жавельскій...

— А!.. Открылъ глаза!.. Видите ли меня?—говоритъ онъ.—Кто я такой?

— Докторъ Жавельскій,—шепчу я, такъ какъ не могу говорить.

— А какъ меня зовутъ?

— Болеславъ.

— Сколько мнѣ лѣтъ?

— Около шестидесяти.

— Сѣдой ли я, блондинъ, или брюнетъ?

— Сѣдой.

— Какъ вы себя чувствуете?..

— Хорошо. Развѣ я былъ боленъ?

— Гм... долго и съ рецидивомъ.

— До этого также былъ боленъ?

— Такъ, но только два дня.

— Развѣ я съ тѣхъ поръ не приходилъ въ себя?

— Иногда, но только не вполнѣ... Довольно, однако. Не говорите больше... Покой, покой и покой!

— Еще только одинъ вопросъ. Гдѣ Мариня?

— Жена ваша? Нѣтъ ея...

— Ушла?

— Да. И такъ, покой и покой!..

Я срываюсь съ постели и кричу:

— Скажите мнѣ, гдѣ Мариня?.. Ея нѣтъ здѣсь?!

— Клянусь, что здѣсь! Она вышла на минутку... Хотите видѣть ее?.. Сейчас вернется. Ей также нуженъ покой... Я за нее еще больше боюсь, чѣмъ за васъ. Необходимо, чтобъ все было спокойно. Не испугайте ее, понимаете меня?.. Она не спала почти три недѣли.

— Ухаживала за мной?..

— Такъ!.. какъ жена, какъ мать и какъ сестра. Это ангель, а не женщина.

Я опускаюсь безъ силъ.

— Ну, до свиданія, до свиданія. Приду утромъ... Дайте мнѣ слово, что будете совершенно спокойны.

— Даю.

— Дайте мнѣ руку. Хорошо. Ни слова, ни движенія!

— Хорошо.

— Ни думать, ни говорить, не быть человѣкомъ... Такъ, до свиданья!.. И полный покой!..

— Знаетъ ли онъ?! Сказала ли она ему? Или онъ самъ догадался? Хорошо, что ушелъ. Гдѣ можетъ быть Мариня? Поднимаюсь немного и заглядываю въ столовую. Что это такое? Мои волосы посѣдѣли... Заглянулъ въ зеркало. Посѣдѣлъ, какъ старикъ...

Я долженъ былъ посѣдѣть въ ту минуту, когда она сказала: „А теперь я вижу, что не любила его никогда, никогда!“.

Слѣдовательно, я заблуждался... Слѣдовательно, она меня не любила... Слѣдовательно, это былъ только сонъ. И она заблуждалась, что меня любить... Отъ начала до конца не было правды... Всѣ ея слова были ложь, ея поцѣдуи—ложь, ея объятія—ложь!? И когда въ первый разъ сказала мнѣ: „люблю тебя“—то это было только заблужденіе. Никогда не было между нами правды. Только иллюзія, только маска правды? Я никогда не былъ любимъ ею?..

Отчего же это меня не убиваетъ? Боже, судьба, неизбежность, убей меня!.. Развѣ есть еще какой-нибудь омутъ, изъ котораго меня можно было бы втолкнуть въ другой? Развѣ можно погрузить меня еще глубже? Развѣ есть адъ еще болѣе глубокій?!

„Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. Ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о себѣ. Довольно для каждаго дня своей заботы“. Правда, о Христосъ Назарейскій: „завтрашній самъ будетъ заботиться о себѣ“... Правда, о Христосъ Назарейскій, правда!..

Покой, покой!.. Не нужно огорчать Мариню,—она не спала почти три недѣли, ухаживала за мной, какъ жена, какъ мать.

какъ сестра: у меня ангель, а не жена... И отчего я не умираю? Отчего это меня не убиваетъ?!. Чтобы завтрашній день самъ заботился о себѣ?!. О Христось! Пусть приходитъ этотъ день, пусть приходитъ!..

Нѣтъ такого ада, котораго бы я испугался!

* * *

Кто изъ насъ заговорить первый? Съ полчаса сидимъ мы другъ противъ друга, смотримъ и не говоримъ. Ахъ!.. Что она дѣлаетъ?.. Она бросается на колѣни у моей кровати, цѣлуетъ мои руки, прижимаетъ ихъ къ своимъ губамъ, и ея горячія слезы обжигаютъ меня... Мариня!..

* * *

Снова бѣгутъ дни за днями. Я всталъ уже съ постели и сажусь въ кресло. Наступаетъ весна, но изъ своего окошка я ничего не вижу, кромѣ каменныхъ домовъ. Боже, если бъ хоть немного зелени, запаха сѣна... Мариня приноситъ мнѣ цвѣты. У меня ихъ цѣлые букеты. Пріѣхала ея кузина съ дѣтьми. Дѣти ходятъ гулять и приносятъ мнѣ съ прогулокъ много полевыхъ травъ и бузины.

Мариня—настоящій ангель, ангель, погрузившійся въ адъ души моей. Я не думаю ни о чемъ: ни о томъ, что происходитъ теперь, ни о томъ, что можетъ быть завтра, думаю только о томъ, что она меня не любила, что не любила меня тогда, когда я это думалъ.

Если бъ на моихъ глазахъ она упала въ объятія Ричарда, это было бы мнѣ почти безразлично: она меня не любила. Жизнь свою я раздѣлилъ на двѣ половины: пока она меня любила и когда перестала.

Мы не сказали другъ другу еще ни одного значительнаго слова. Ричардъ не приходилъ. Мариня никуда не выходитъ безъ служанки и возвращается очень скоро. Выходитъ только по дѣламъ. Ничего не говоримъ другъ другу... И что можемъ мы сказать?!. Теперь между нами нѣтъ никакой тайны. Ея слезы, ея горячія слезы на моей рукѣ сказали мнѣ, что она знаетъ все, что и я знаю... все. Все-таки спрошу ее, что съ Ричардомъ? Спрошу какъ можно проще и спокойнѣе... Она дремлетъ въ креслѣ, но знаю, что не спитъ.

— Мариня!

— Что?

— Ты не спала?

— Нѣтъ.

— Не правда ли, какъ пахнутъ эти цвѣты?

— Дѣти Елены ихъ принесли.

Не могу спросить... Но, однако, почему же онъ не приходитъ?

— Мариня, слушай, можетъ быть, мнѣ можно уже пойти погулять?—Зачѣмъ я спрашиваю у нея объ этомъ? Она отвѣтила, что нужно спросить у доктора,—но какое ей до этого дѣло? Какое теперь ей дѣло? Теперь?.. А раньше—не то ли самое? О Боже!.. Боже!.. А все-таки я долженъ знать, что съ Ричардомъ.

— Мариня, слушай, у насъ теперь никто не бываетъ?

— Но вѣдь всѣ знаютъ, что ты боленъ.

— А Ричардъ Гальницкій?.. Гдѣ онъ теперь?..

— Уѣхалъ.

Мариня лжетъ. Она поблѣднѣла, когда я спросилъ о Ричардѣ. Я видѣлъ, какъ задрожали ея губы. Она лжетъ: онъ не уѣхалъ, онъ въ городѣ,—она сказала ему только, чтобъ не приходилъ, пока не уѣдетъ Елена съ дѣтьми. Конечно, это ангелъ, а не женщина... Если бъ я ей сказалъ, что это неправда,—онъ здѣсь, и я знаю, почему не приходитъ; если бъ я сказалъ ей, что хотѣлъ ее убить, и не убилъ только потому, что испугался ея глазъ, большихъ голубыхъ глазъ, которыми она, могла бы смотрѣть на самого Бога... если бъ я сказалъ ей всё это?! Интересно, переписываются ли они, или нѣтъ? Спрошу ее,—между нами нѣтъ теперь никакихъ тайнъ,—спрошу.

— Вы переписываетесь?

— Нѣтъ.

Не лжетъ, знаю, что не лжетъ. Она чиста и правдива.

— Былъ ли онъ еще разъ потомъ?

— Нѣтъ.

Буду спрашивать дальше, буду. Она блѣдна, какъ смерть. Все-таки буду говорить. Не боюсь ничего.

.. Вы переписывались когда-нибудь?

— Нѣтъ.

— Ты знаешь, что сдѣлалось со мной въ ту ночь, какъ я вошелъ къ тебѣ?

— Знаю.

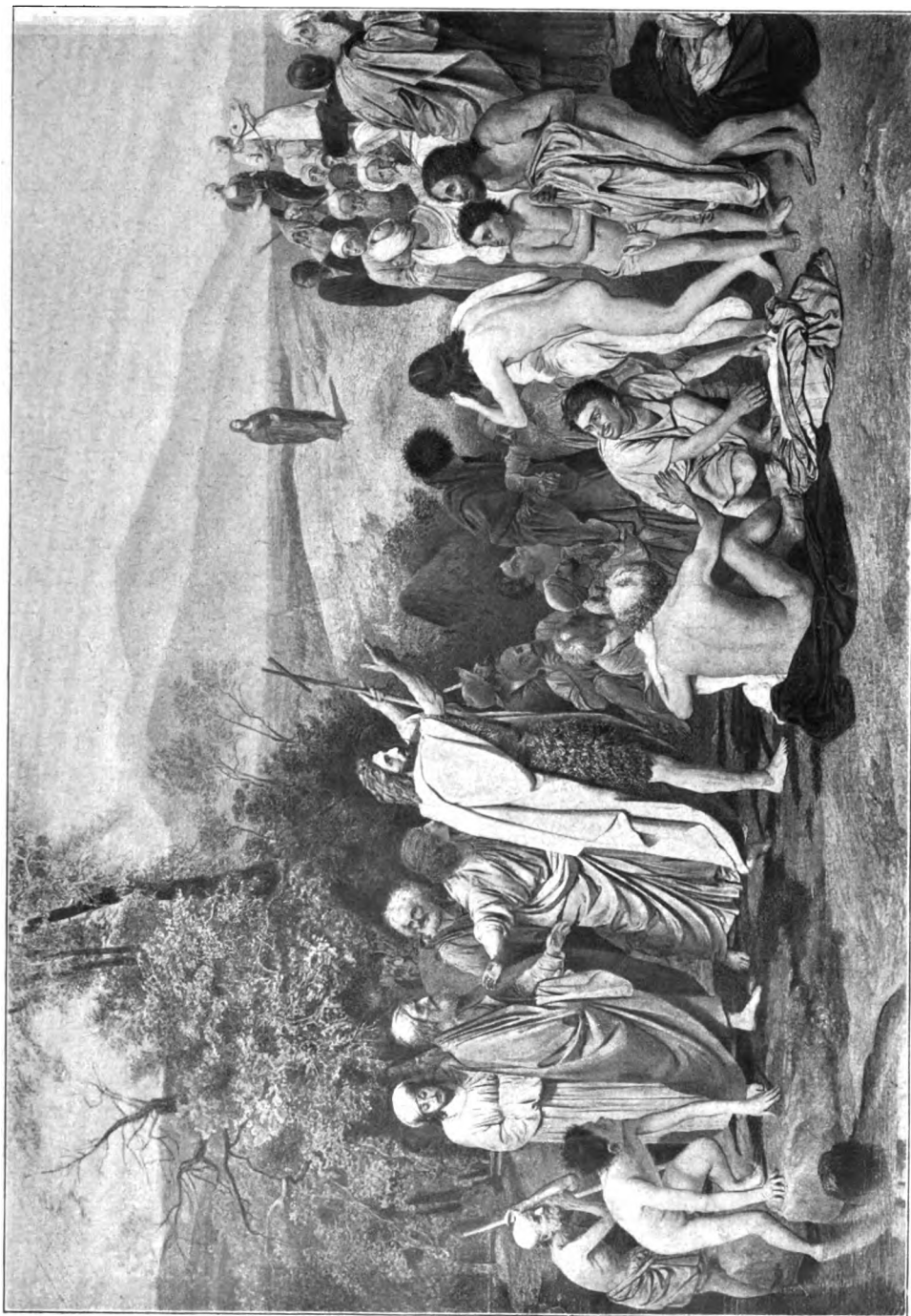
— Что тебѣ снилось?

Волна крови ударила ей прямо въ лицо. Отвѣтить или не отвѣтить? Подымаетъ на меня глаза и снова опускаетъ. Отвѣтить ли?.. Говорить:

— Я видѣла его.

Она смотритъ на меня, какъ серна, попавшая въ сѣти, какъ будто сы къ головѣ ея уже приложили острый гвоздь, чтобы вбить въ ея мозгъ. Если бъ она меня любила раньше, я бы не спрашивалъ.

— Скажи, что тебѣ снилось?

Явление Христа народу. — Картина Иванова.

— Я видѣла его.

— Но какъ?

Грудь ея пачинаеть волноваться.

— Мнѣ снилось, что я была его.

Знаю,—я видѣлъ тогда на ея лицѣ улыбку наслажденія.
Она даже во снѣ его любила, а меня никогда...

— А ты знаешь, что я слышалъ то, что ты ему сказала?

— Знаю,—ты вскрикнулъ.

— Что же вы тогда сдѣлали?

— Вбѣжала къ тебѣ въ комнату,—ты былъ въ обморокъ.

— Онъ также вошелъ?

— Да.

— Что жъ вы сдѣлали?

— Я сказала ему, чтобъ онъ пошелъ за докторомъ и больше
не возвращался.

— А онъ что?

— Ушелъ.

— Поцѣловалъ ли тебѣ руку?

— Нѣтъ.

— Онъ все знаетъ?

— Что?

— Что ты его любишь?

— Не знаю.

— Ты никогда не говорила ему?

— Нѣтъ.

— Никогда ничего?

— Никогда.

— А онъ тебѣ говорилъ?

— Нѣтъ!

— Но знаетъ?

— Не знаю.

— Мариня, онъ знаетъ, онъ любить тебя!

— Не знаю.

— Знаешь, знаешь!.. И онъ знаетъ. Не можетъ быть иначе!

Вы любите другъ друга!?

Она блѣднѣеть снова.

— Правда? Говори!

— Да.

— Любишь его?

— Да.

— А онъ тебя?

— Онъ никогда не говорилъ мнѣ!

— А ты?

- Да, люблю его.

— Боже! Боже!.. Зачѣмъ я выдралъ изъ ея груди это признание? Хоть я и самъ зналъ это, но теперь какъ будто гвоздь вонзился въ мое сердце!.. Цѣлое море новой боли заливаетъ мой мозгъ. Но дальше, дальше, дальше!..

— Что жъ ты теперь думаешь дѣлать, Мариня?

Она прикладываетъ платокъ къ губамъ и не отвѣчаетъ.

- - Что ты думаешь дѣлать, что теперь будетъ?!

* * *

Какое это было рыданіе!.. Мнѣ казалось, что всю свою душу она выплачетъ у меня на груди. Если бъ на землѣ часто плакали такъ, то никогда солнце не сіяло бъ надъ нами...

Чего только не выплакала эта женщина на моей груди?! Всѣ свои обманутыя надежды, свои разочарованія, жалобу на судьбу, допустившую такой обманъ; выплакала свое отчаяніе, что обманула меня и себя, что все то, что ей и мнѣ казалось правдой и наслажденіемъ, было заблужденіемъ и иллюзіей; выплакала скорбь свою надо мной и надъ собой!.. Выплакала изъ омута души своей весь омутъ своего страданія. Выплакала все это на моей груди,—вѣдь я не чужой ей: я мужъ ея!..

Часъ проходилъ за часомъ, а она не отрывала своей головы отъ груди моей. Стемнѣло. Я взялъ ее на руки и отнесъ на кровать, сѣлъ около нея, взялъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ, но она схватила мою и стала цѣловать. Я не могъ вырвать. Но что мнѣ съ этихъ поцѣлуевъ?! За что я могу простить тебя?.. Ты душу мою разрываешь, но ты не виновата!.. Не твоя вина, не твоя вина, бѣдное дитя мое!.. Видитъ Богъ, если бъ мнѣ предстояло страдать вдвое болѣе, но только бы ты не страдала,—это было бы моимъ наслажденіемъ. Въ чемъ виновата ты?.. Бѣдное, дорогое дитя мое!.. Но что же мнѣ теперь дѣлать? Жить съ ней? Нѣтъ... Отпустить ее?.. Но что съ ней будетъ? Отдать ее Ричарду?..

О, нѣтъ! Ни за что! Ни за что!.. Если моей она не будетъ, то и твоей также! Никогда.. О, какъ я тебя ненавижу! Зубами грызть бы твое тѣло! Ты, негодяй, вошелъ въ мой домъ, чтобы взять у меня самое дорогое, все, что у меня было!.. Отчего не удалился ты, когда замѣтилъ, что эта женщина интересуется тобою? Развѣ ты не зналъ, что она жена моя? Но для тебя ничего не существуетъ, кромѣ закопа природы, только влеченіе природнаго инстинкта, только вольная воля или, вѣрнѣе, то, что мы ею называемъ... Но... но это вѣдь и мой собственный взглядъ!..

О, страшный хаосъ!.. Поступки противорѣчатъ мыслямъ, мысли поступкамъ, на каждомъ шагу мечта разбивается о дѣй-

ствительность, гармонія, покой, счастье бываютъ только во снѣ!.. О мировое заблужденіе, которое мы называемъ жизнію!.. Нужно быть Богомъ, чтобы жить людскою жизнію!..

Ты, пророкъ и апостоль, ты хочешь осчастливить милліоны, а начинаешь съ того, что вносишь несчастье?! Но чего я хочу? Гдѣ нашъ кодексъ? Кто изъ насъ можетъ знать, какъ нужно жить?

Если Ричардъ любитъ Мариню, если видитъ, что она его любитъ, то въ томъ ли мое преимущество передъ нимъ, что я пришелъ раньше? Если мужчина любитъ женщину, то прежде всего стремится дать ей счастье, но если онъ видитъ, что и она его любитъ, что ея счастье было бы въ ихъ союзѣ, то къ чему другому ему нужно стремиться? И на кого оглядываться? На меня? Что и кто я для него? Развѣ онъ пожертвуетъ Мариней для меня? Для моего счастья, для счастья человѣка, который является его врагомъ, онъ пожертвуетъ счастьемъ дорогого существа? Развѣ я на его мѣстѣ расплатился бы счастьемъ Марини? Если жертвовать своимъ счастьемъ въ пользу другого есть героизмъ, то пожертвовать счастьемъ любимой женщины — глупость и сумасшествіе! Сдѣлалъ ли бы я иначе?.. Развѣ разумъ не говоритъ мнѣ, что я долженъ уйти? А съ другой стороны... Это какое-то колесо, какое-то страшное колесо!.. Не сошелъ ли я съ ума или только на пути къ сумасшествію?

Однако нѣтъ, нѣтъ! Я не уйду. У васъ есть свое право, у меня — свое. Если законъ природы позволяетъ вамъ топтать меня, то мнѣ тотъ же законъ позволяетъ защищаться. Мариня не будетъ твоей! Въ моемъ несчастіи пусть мнѣ останется хоть то, что она ничья.

Я страдаю изъ-за васъ, вы страдаете изъ-за меня. — око за око, зубъ за зубъ, рана за рану...

Но не подло ли это?.. Да по мнѣ все равно!

Но что изъ этого? Хоть я удержу Мариню при себѣ, но душой она будетъ съ нимъ, и помѣшать этому я не въ силахъ!..

Что же мнѣ дѣлать?

Убить его?

Она будетъ любить его память, а меня еще больше ненавидѣть...

Если онъ меня убьетъ, то моя темная тѣнь вѣчно будетъ стоять передъ душой Марини... Какъ страшно!.. Безъ исхода!.. Безъ исхода!.. Представьте себѣ ткача, который работой своей содержитъ семью и который слѣпнетъ, — положеніе безъ выхода!..

* * *

Не могу смотрѣть на Мариню. Она исчезаетъ передо мной

въ какомъ-то туманѣ. Опять не говоримъ другъ съ другомъ, кромѣ самаго необходимаго. Я совсѣмъ переселился въ кабинетъ и даже не вхожу въ нашу бывшую спальню... Нѣтъ болѣе мучительнаго ощущенія для мужчины, какъ то, когда онъ чувствуетъ, что противенъ женщинѣ. Въ особенности, если онъ любить ее, въ особенности, если она была женой его... Попрошусь въ отпускъ и уѣду. Хотя и не моя очередь, по меня отпускаютъ непременно, — я былъ боленъ и директоръ меня любитъ, какъ исправнаго чиповника! Теперь я работаю съ такимъ рвеніемъ, что, кажется, былъ бы готовъ отнять заработокъ у своихъ сослуживцевъ. Несомнѣнно меня ожидаетъ повышение. „Коллеги! знаете ли вы, почему я такъ усиленно работаю?.. Я одуряю себя работой, чтобы не думать. Приношу даже на домъ и работаю до смѣшнаго. И знаете ли еще, почему я такъ работаю? Вотъ почему: когда я рѣшилъ было „найти себя“, когда заглянулъ въ глубину своей души, когда думалъ, что, можетъ быть, брошу вашу канцелярію и начну мозгъ свой разрывать на кусочки, чтобы доставить Маринѣ все необходимое, — то я ясно увидѣлъ, что мнѣ уже нечего разрывать... Увидѣлъ въ себѣ пустоту, ничтожество... Я теперь глупѣе нашего курьера... И, испугавшись этой пустоты и смерти своей души, работаю и работаю, чтобы не мыслить, не видѣть, не чувствовать, не вспоминать и не помнить... И работа эта не безъ корысти: начальникъ хвалитъ, директоръ меня уважаетъ, — непременно получу повышение... Опронія, пропія, дьяволъ міра!.. Все это произошло для того, чтобы я получилъ повышение... Конечно, намъ можно будетъ теперь лучше жить, позволить себѣ кое-что... Нѣтъ зла безъ добра. Что значить утрата любви Марини, ея страдапія и мои въ сравненіи съ блинчиками съ вареньемъ?! Моя моральная смерть пошла на то, чтобы мы могли ѣсть блинчики съ вареньемъ. И толстѣю, вижу, что толстѣю. Кто толстѣетъ, тотъ здоровъ. Здоровье — самое главное въ жизни. Все вздоръ — было бы здоровье!.. Смѣюсь, но сердце у меня разрывается отъ этого смѣха!

* * *

Бродимъ на берегу моря, какъ приговоренные къ смерти. Мариня блѣдна и грустна, и такъ теперь прекрасна, какъ никогда... Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ она только носитъ мое имя...

Морскія волны плещутся у нашихъ ногъ, по что онѣ приносятся намъ?... Что намъ даетъ и это солнце на небѣ и въ морѣ, что даетъ намъ вся эта природа, чудная, какъ мечта?

Неаполитанскій заливъ сверкаетъ лазуревымъ блескомъ, но что намъ его лазурь?..

Бродимъ у моря, какъ приговоренные къ смерти. Получилъ отпускъ,—уѣхали. Мариня относится ко всему пассивно: она не радовалась нашему отъѣзду и не противилась ему. Собралась, вошла въ вагонъ,—поѣхали.

Это наше первое большое путешествіе вдвоемъ; мы не были дальше Тироля. Часто мечтали о томъ, какъ бы побывать вдвоемъ у моря. Чуда ожидали мы отъ него. Намъ казалось, что сердца наши сдѣлаются такими же огромными, такими чистыми и такими глубокими, какъ море. Очень часто разговоръ кашъ начинался такъ: „Когда поѣдемъ къ морю“... или же кончался: „Мы должны непременно хоть разъ съѣздить къ морю“. „Вмѣстѣ съ тобой у моря“...—это была любимая фраза Марини. Ну вотъ мы и у моря вмѣстѣ, „вмѣстѣ съ тобой“.

О бурное, бурное море, можешь ли ты высказать, какая буря въ душѣ моей. О море!.. Взоволнуйся, взволнуйся!.. Взыграйся, темно-синій океанъ!.. Волна на волну, пучина на пучину!.. Вотъ передъ тобой человѣкъ... онъ стоитъ, плачетъ и рыдаетъ съ отчаянія... Развѣ плачутъ такъ о людскомъ несчастіи или о собственной помощи? Нѣтъ, я плачу только объ одной утраченной жещинѣ. Море, что же слышу я въ твоёмъ плескѣ и шумѣ?. Презрѣніе!..

По волнамъ твоимъ плыветъ корабль, вижу его, вижу!.. Куда плыветъ онъ? Онъ ищетъ прекрасной смерти. Въ Грецію! Въ Грецію!.. Въ Миссолунгахъ гремитъ оружіе... Вся Европа протягиваетъ руки къ этой гробницѣ... цѣлый свѣтъ... Онъ погибъ за святое дѣло свободы въ Греціи... А я стою у моря и плачу объ одной утраченной жещинѣ... И если бъ я былъ теперь такъ же великъ, какъ Байронъ, могучъ, какъ онъ, и если бъ мнѣ нужно было плыть по этому морю, какъ онъ въ Миссолунги, то что бы я сдѣлалъ?.. Онъ, утомленный жизнью, но съ великой душой, плылъ съ глазами, устремленными впередъ, туда, туда, гдѣ были битвы при Мараѳонѣ и Саламинѣ, съ одной только цѣлью: совершить прекрасное, геройское дѣло, жертвуя своей славой и жизнью... И я отплылъ бы, если бъ общественное мнѣніе меня къ тому принуждало, по въ глубинѣ души я отдалъ бы все, весь свѣтъ, все прекрасное и доброе, справедливое и неизбежное, благородное и геройское—за любовь Марини. О море, шуми, шуми, посылай мнѣ свое презрѣніе!.. Какъ я ничтоженъ передъ тобою, стихія!.. Ты потрясаешь землю, ты мечешь свои волны отъ края и до края!.. Если великая душа могущественнѣе всего свѣта и неба со звѣздами, то комокъ болотной грязи цѣннѣе низкой, самолюбивой, ничтожной душонки!.. О море, шуми, посылай мнѣ свое презрѣніе!..

* * *

Ночь. Ночь, безмолвная, какъ гробъ, длинная, какъ вѣчность. Вѣтеръ вздымаетъ волны; все съ большей и большей силой ударяются онѣ о берегъ. Темныя тучи закрываютъ горизонтъ; душно, какъ передъ бурей. Въ воздухѣ какая-то тревога.

Везувій выбрасываетъ огненные столбы, ярко свѣтящіеся среди полного мрака. Глухой шумъ моря растетъ, усиливается... Душно невыносимо.

Слышно съ балкона, что Мариня ходитъ по мраморнымъ плитамъ. Ея шаги какъ-то необыкновенно грустно отдаются на мраморѣ.

Никогда, никогда, не придешь ты ко мнѣ въ тихую ночь склониться головой къ моему плечу... Никогда уже не будемъ сидѣть другъ около друга, безъ словъ, безъ движенія, какъ бы слившись въ одно... Развѣ тебѣ не жаль, Мариня?.. Никогда болѣе я не назову тебя своей женой, никогда ужъ ты не придешь ко мнѣ, не сядешь на мои колѣни, не обнимешь меня за шею... Развѣ тебѣ не жаль, Мариня?!

Вѣдь намъ хорошо было вмѣстѣ. Развѣ ты не говорила мнѣ, что ты такъ счастлива, что другого счастья и знать не хочешь? Скажи, Мариня, развѣ тебѣ не хорошо было со мной? Развѣ ты ужъ никогда не вернешься ко мнѣ? И неужели ты въ самомъ дѣлѣ заблуждалась, что меня любишь?

Слышу, какъ ходитъ она все скорѣе и скорѣе. Она всегда ходитъ такъ, когда думаетъ. Съ нѣкотораго времени я замѣчаю, что въ ней что-то происходитъ: она какъ будто бы рѣшается на что-то. Я смотрю на нее и не предчувствую ничего дурного... Можетъ быть, все еще можетъ поправиться, можетъ, это былъ просто страшный сонъ, можетъ быть, это останется только страшнымъ воспоминаніемъ. Если бъ она подошла ко мнѣ теперь, обвила бы руками мою шею и шепнула: „Людвигъ!“,—сколько разъ такъ было, когда ей хотѣлось приласкаться,—я упалъ бы къ ея ногамъ, цѣловалъ бы ея колѣни, на рукахъ носилъ бы ее и плакалъ бы, плакалъ отъ счастья. Мариня моя, Мариня, приди ко мнѣ... Идетъ, да, да, наклоняется, обнимаетъ меня... Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Это мечта! Это сонъ!.. А если бъ я подошелъ къ ней?! Но вѣдь она любитъ другого? Она „меня даже никогда не любила“!.. Нѣтъ, не могу подойти къ ней!..

А я такъ каждую ея поцѣлуй, что, кажется, жизнь свою отдалъ бы за одинъ ея поцѣлуй...

О Боже!.. она идетъ сюда... входитъ въ двери... мнѣ страшно... Зачѣмъ она идетъ сюда?.. Стоитъ въ дверяхъ, будто не рѣшаясь войти. Ея платье бѣлѣетъ въ темнотѣ... Она представляется мнѣ

чѣмъ-то неземнымъ... какимъ-то духомъ... Чего ты хочешь, Маринья?.. Не смѣю спросить ее...

Темно... Слышенъ плескъ волны... Тихо... Мнѣ кажется, что какой-то темный духъ стоитъ между нами.

Она приближается ко мнѣ, беретъ за руку и говоритъ:

— Людвигъ, послушай, такъ не можетъ быть дальше...

Что могу я отвѣтить? Я чувствую ея руку на своей, чувствую ее близко около себя, чудную, красивую, любимую, жену мою...

— Людвигъ, послушай,—повторяетъ она,—я хочу поговорить съ тобою, потому что такъ не можетъ продолжаться дальше. Сдѣлай... чтобы все перемѣнилось...

О божество мое! Она о томъ же думала. Она думала обо мнѣ. Чтобы мнѣ лучше было... Не смѣю взять ея руку другой рукою, не смѣю пошевелиться. Что скажетъ она?

— Видишь, наша жизнь,—говоритъ она, —наша жизнь до сихъ поръ была очень скверною жизнью. Мы жили только для себя, только для своего счастья, только для своего эгонизма. Развѣ сдѣлали мы что-нибудь доброе?..

Понимаю!.. Понимаю!.. Она хочетъ попробовать снова полюбить меня по-новому, хочетъ, чтобы я былъ достоинъ ея любви. Понимаю тебя: ты даешь мнѣ въ руки способъ, какимъ я могъ бы „найти“ себя. О святая моя! О ангелъ мой! Такъ, такъ!.. Пусть жизнь у меня возьмутъ, пусть посылаютъ на эшафотъ, только попрощайся ты со мной однимъ словомъ: люблю!..

Отчего я не могу вслухъ сказать ей всего этого? Отчего? Оттого, что мое мужское самолюбіе и достоинство страдаетъ страшно. Не я, не я научилъ ее, что слѣдуетъ жить не только для себя, не только для своего счастья, для своего эгонизма; не я показаль ей, что жизнь безъ жертвы—скверная жизнь; не я уяснилъ ей безцѣльность и бесплодность нашей прежней жизни... все это сдѣлалъ Ричардъ Гальницкій, который сталъ между мною и ею, какъ призракъ смерти.

Она говоритъ: „Не правда ли, Людвигъ?..“

Да, да, правда... Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ за эти слова я на рукахъ поднималъ бы тебя до устъ своихъ, а теперь — Боже!.. теперь эти слова, эти святые твои слова какъ огнемъ жгутъ меня...

— Видишь,—продолжала она,—я знаю, я теперь только поняла это, чѣмъ ты пожертвовалъ для меня, чѣмъ ты былъ и чѣмъ могъ бы быть. Ты отрекся отъ себя для меня и для меня и изъ-за меня губишь себя; у меня сердце болитъ, когда подумаю, что ты надъ собой сдѣлалъ... Я никогда не останавливалась надъ этимъ, ты никогда не говорилъ мнѣ, что ты бросилъ, чтобы имѣть

возможность окружить меня всё́мъ необходимымъ... Я не понимала этого. Я хочу быть такой же, какъ и другія женщины-люди, которыя работаютъ на общую пользу... Я также хочу работать, хочу быть бѣдной, голодной, но пусть не будетъ у меня упрека, что украдала человѣка, украдала его у тысячъ людей... Я хочу также быть человѣкомъ!..

Говори!.. Говори!.. Каждое твое слово какъ новый ножъ въ мое сердце. Пять лѣтъ ты меня знаешь, и никогда тебѣ это на мысль не приходило. Пять лѣтъ меня знаешь, была моею невѣстой, а теперь женой, и всё эти пять длинныхъ лѣтъ твое сердце и душа спали около меня,—я не сумѣлъ пробудить тебя!.. Пришелъ посторонній человѣкъ, и въ нѣсколько вечеровъ душа твоя и сердце распустылись пышнымъ цвѣтомъ... О, какая скорбь!.. Развѣ ты не чувствуешь, Мариня, какъ страшно ты меня ранишь. О, какъ я глупъ!.. Она даже и не думала о томъ, чтобы опять полюбить меня... Ей хотѣлось только не чувствовать ко мнѣ презрѣнія, хоть одного презрѣнія...

Она такъ близко около меня, такъ близко... Я чувствую ея дыханіе на своемъ лицѣ... Вижу, какъ грудь ея то поднимается, то опускается... Она около меня, она моя... Кто смѣетъ ставить преграды между мужемъ и женою?! Зачѣмъ я отдалился отъ нея?.. Пусть земля провалится, пусть небо рухнет!..

* * *

Какимъ грустнымъ жестомъ она оттолкнула меня отъ себя... Мариня чиста и горда,—даже мужу не можетъ отдаться безъ любви.

Я обнять ее за плечи, привлечь къ себѣ, губами своими исцалить ея губы, говоря: „Скажи, полюбишь ли ты меня опять?.. Сдѣлаю все, что ты хочешь, пойду на смерть, по скажи мнѣ—можешь ли ты меня еще полюбить? И скажи правду, ты вѣдь не ошибалась, когда любила меня, ты на самомъ дѣлѣ любила меня?! Ты забудешь все, ты снова будешь моею!..

Я прикоснулся къ ея губамъ, но она не отдала мнѣ поцѣлуя. Она освободила свои руки и отстранила меня отъ себя. Я не сталъ настаивать. Могъ бы сдѣлать съ ней все, что хотѣлъ, она не сопротивлялась бы и, если бъ она усиленно стремилась освободиться, я, можетъ быть, такъ бы и сдѣлалъ,—но она отстранила меня такъ мягко и такъ грустно... Какъ можетъ женщина отдаться, когда любить другого?! Если бъ она даже бросилась къ ногамъ моимъ, то и тогда не выразила бы большей жалости и скорби, какая свѣтилась въ ея глазахъ, когда она смотрѣла на меня изъ дверей своей комнаты...

А ты, море, шуми, шуми!.. Огненная гора, сверкай! Молвія,

слети съ неба!.. Слети и ударь въ эту страшную пустоту, въ мое одиночество!..

* * *

Такой, какъ теперь, Мариня еще никогда не была. Она блѣдна, какъ смерть. Смотрить и не видить, слушаешь, но не слышишь. Что могло съ ней случиться? Когда я уходилъ изъ дома, она была, какъ всегда, т. е. полна какой-то тихой, мягкой, покорной грусти. Какъ весела была она раньше?!.. Полгода уже не слышу я ея смѣха, ея щебетанья, пѣнія, не вижу ея улыбки...

Мы стоимъ на обрывѣ Salto di Tiberio; у ногъ нашихъ отвѣсная стѣна въ нѣсколько сотъ метровъ вышины. Внизу море. Отсюда императоръ Тиверій приказывалъ сбрасывать свои жертвы. Они падали прямо въ этотъ изумрудъ, сверкающій внизу. Такихъ чудныхъ красокъ я никогда еще въ жизни не видѣлъ. Вокругъ пась сапфировое и голубое море, и на немъ кое-гдѣ видѣются паруса, какъ огромные первобытные мотыльки, когда земля производила еще чудеса, достойныя лицезрѣнія одной природы.

Мариня смотритъ внизъ; съ полчаса стоимъ мы здѣсь. Не смѣю отозваться, не смѣюдохнуть. Вижу, что въ ней происходитъ какой-то процессъ мышленія, который два раза въ жизни повториться не можетъ. Она была, какъ мраморъ, и неподвижна, какъ мраморная статуя. Она проникнута величьемъ забвенія, какое могло быть только у святыхъ, когда они молились. Мнѣ страшно я боюсь чего-то, мнѣ кажется, что въ этомъ золотомъ воздухѣ, надъ золотой поверхностью воды носится какой-то страшный, невидимый духъ, какой-то ангелъ проклятія съ мраморнымъ лицомъ и холодными, какъ мраморъ, руками.

Если бъ она стояла такъ, глядя на море, до самой ночи и до утра, я не осмѣлился бы позвать ее, не осмѣлился бы дотронуться до нея. Она не принадлежитъ теперь намъ, людямъ. Ея духъ говоритъ съ чѣмъ-то, что намъ недоступно. Она отошла отъ пась, какъ корабль отъ берега. Не зовите его—не услышите!..

Говоритъ: Людвигъ, послушай, какъ ты думаешь, тамъ ждетъ моментальная смерть?..

Дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу. Голосъ ея спокоеенъ.

— Гдѣ?..

— Внизу—въ морѣ.

— Думаю, что туда долетѣлъ бы уже трупъ: человекъ умеръ бы въ воздухѣ. Зачѣмъ ты спрашиваешь меня объ этомъ?..

Колѣни мои дрожатъ, руки сами собой протягиваются къ ней. Она достаетъ изъ-за корсажа письмо и говоритъ:

— Прочти...

Читаю:

„Черезъ нѣсколько дней по полученіи вами этого письма я буду далеко отсюда: уѣзжаю въ дальнюю дорогу—въ дальній край за океаномъ. Не могу жить, не видя васъ. Въ первый и послѣдній разъ говорю вамъ объ этомъ,—никогда ничего не говорилъ я вамъ. Но вы знаете, вы знали, что почувствовалъ я съ первой же нашей встрѣчи. Къ несчастью вы замужемъ. Если бъ не преданность своей идеѣ, то въ то время, когда вы будете читать эти строки, меня уже не было бы на свѣтѣ, давно не было бы. Если бъ вы были въ городѣ, я пришелъ бы къ вамъ за однимъ только словомъ на дорогу. Но такъ какъ васъ нѣтъ, то прошу объ этомъ письменно. Такіе люди, какъ я, любятъ только разъ. Никогда не любилъ, никогда больше любить не буду. Несмотря однако на все свое самообладаніе, я не могу жить и работать близко отъ васъ. Уѣзжаю. Тамъ я не сдѣлаю того, что могъ бы сдѣлать здѣсь, но оставаться дольше не могу. Чувствую, что погибъ бы, а я еще нуженъ. И тамъ люди...

„Я самъ до сихъ поръ не зналъ, что любовь можетъ быть такъ сильна. Прощайте! Пришлите же хоть одно слово на дорогу. Любовь моя не можетъ оскорбить васъ: я умѣлъ молчать.

Ричардъ Гальницкій“.

Она смотритъ на меня широко-раскрытыми стеклянными глазами... Въ глазахъ ея страшный знакъ вопроса. Въ своей груди и горлѣ я чувствую какой-то камень.

— Людвигъ!..

Знаю, что хочетъ она сказать мнѣ, знаю, о чемъ думаетъ... Я хватаю ее за руку и отвожу отъ перилъ, ограждающихъ пропасть...

— Людвигъ,—говоритъ она, вѣрнѣе старается говорить,—я—какое-то проклятіе надъ вами: погубила тебя, теперь гублю его, убила твое счастье и его счастье, я приношу одну гибель,—даи мнѣ умереть...

Въ глазахъ моихъ темнѣетъ,—не вижу ничего, кромѣ ея блѣднаго лица.

— Пойдемъ, пойдемъ!.. Пойдемъ!..

Я не иду, а бѣгу съ нею внизъ... Ничего не понимаю, ни о чемъ не думаю, вижу только ея блѣдное лицо, отвѣсную стѣну скалы, бездну и море внизу... Въ глазахъ моихъ сверкаютъ золото и изумрудъ моря, какъ глаза тигра, подстерегающаго добычу.

— Пойдемъ!.. Пойдемъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Ты его не погубишь... Не будетъ на твоей душѣ этого упрека... Ты не потеряешь его, не бойся!.. Не ты погубила бы его, а я. Онъ будетъ здѣсь работать... Онъ чудо совершить... Онъ вѣрить въ это...

Вѣра есть все... Если бъ я вѣрилъ?!.. Онъ нуженъ... Такъ, такъ!.. А я?.. Въ канцеляріи меня замѣнитъ Ловчевскій или Рымко... Ихъ очередь... Ловчевскій служить годомъ больше...—очень способный и усердный чиновникъ... Не погибнетъ... Никогда не говорилъ ей о своей любви... Они чисты... Лишилъ бы себя жизни, если бъ не преданность идеѣ... Идею любить выше всего, а Мариню еще больше... Любовь есть страшная сила... Сгибаетъ и ломаетъ даже такихъ желѣзныхъ людей... Губить такихъ людей было бы злодѣйствомъ... Человѣкъ, изъ-за котораго онъ уѣзжаетъ, достоинъ былъ бы публичнаго оплеванія... Нѣтъ, нѣтъ, не уѣдетъ... Если я телеграфируюему, чтобы ждалъ, долженъ ждать,—иначе оказался бы трусомъ... Долженъ ждать... А вотъ и почта.

— Что ты хочешь сдѣлать?—спрашиваетъ Мариня.

... Остановить его.

Она смотритъ на меня; въ глазахъ ея вопросъ и ужасъ.

— Не бойся... не погубишь его...

Падаетъ!..

Всѣ объяснили это очень просто... Нужно было послать очень спѣшную депешу,—синьора взволновалась и упала въ обморокъ, къ тому же день жаркій... Со всѣхъ сторонъ шопотъ и восклицанія: „Какая красивая!.. Какая красивая!..“— слышу я на разныхъ языкахъ. Приходить въ себя, открываетъ глаза. Какая-то крестьянка поддерживаетъ ее... Я тѣмъ временемъ влетаю въ бюро:

„Подождите. Ъду.

Людвигъ“.

Мариня совсѣмъ овладѣла собой... Дорожка вьется подъ гору, Передъ нами опять изумрудно-золотое море...

— Что ты хочешь сдѣлать?—спрашиваетъ Мариня.

— Задержать его.

Она схватываетъ мою руку и подноситъ къ губамъ,—я не мужъ ея больше, а ея братъ, ея другъ!..

Море, море!.. Развѣ ты не можешь убить однимъ своимъ изумрудно-золотымъ взглядомъ? Не можешь?.. Что же можетъ убить въ одно мгновеніе? Тѣло, а не душу. Душу мою давно уже убила Мариня однимъ взглядомъ своимъ, моя Мариня...

* * *

Мы стоимъ въ жизни лицомъ къ лицу, но что можемъ мы сказать другъ другу? Безсильна моя скорбь, безсильно мое отчаяніе, безсильны мой гнѣвъ: что значать они? Отъ вѣка и до вѣка одинъ вопросъ: почему?.. Почему счастье проходитъ мимо меня, какъ будто бы я и не существую вовсе? Почему? Почему все прекрасное и доброе, что было въ моей душѣ, сгнило и исчезло, почему душа моя обратилась въ ничто? Почему то, что

могло бы быть двигателемъ моей жизни, сдѣлалось преградой, почему то, что должно было бы быть счастьемъ, явилось бѣдствомъ? Почему?..

Поѣздъ летить, какъ вѣтеръ. Его однообразный лязгъ—единственный отвѣтъ на мои вопросы. Время отъ времени мелькають огни сторожевыхъ будокъ. Ѳдемъ безъ остановокъ: теперь мы или еще въ Тиролѣ, или уже въ Зальцбургѣ. Поздняя ночь, но Мариня не спитъ; хотя глаза ея закрыты, но вижу, что не спитъ. Пересаживаемся изъ поѣзда въ поѣздъ и Ѳдемъ. Зачѣмъ мы Ѳдемъ, что ждетъ насъ? Я не могу отдать себѣ отчета. Знаю только, что произойдетъ нѣчто вродѣ „поединка благородныхъ“. О ироніи жизни!.. Какія смѣшныя слова... а что за трагедія!..

Одно знаю, что Мариня не погубитъ другого человѣка. Напрасно я обвиняю ее: не она меня погубила, а я самъ погубилъ себя. И не потеряють его тѣ, кому я намѣнилъ. Но что будетъ? Какъ будетъ?.. Не могу себѣ представить... Ожидаетъ ли насъ громъ, или только хмурья тучи закроють небо? Не знаю, и нѣтъ у меня никакого предчувствія. Одно только кажется мнѣ, что смерть близко, около насъ, но физическая или моральная,—не знаю. Ѳду какъ будто бы на судъ и не знаю, къ чему приговорять меня: къ плахѣ, тюрьмѣ или пыткѣ? Ничего не знаю, кромѣ того, что понесу какое-то наказаніе. Если можно страдать еще больше, то, знаю, что буду страдать.

Кому изъ насъ троицъ выпадеть главная роль въ этомъ дѣлѣ? Мы, всѣ трое, исполняемъ одинаково героическія роли. Онъ—герой по своему чувству, по силѣ своего характера и своей преданности идеѣ; она въ свои двадцать три года видитъ единственный исходъ въ смерти,—героння; я, изъ-за идеи остававливающей человѣка, который добровольно хочетъ сойти съ моей дороги,—также герой. И изъ-за идеи, которая уже для меня не болѣе, какъ абстракція, такъ какъ ни любить ее, ни вѣрить въ нее я больше не могу... Знаю, что это идея, идеаль, но уже этого не чувствую. Если бъ во мнѣ былъ какой-нибудь огонь, порывъ, сильная любовь или ненависть... Но во мнѣ ничего нѣтъ, кромѣ страшной, смертельной подавленности. Ангелъ смерти повѣялъ надо мною крыломъ своимъ,—я умеръ. Существуетъ глупое и смѣшное мнѣніе, что жепщина—печаль, что любовь—зло; я самъ былъ когда-то близокъ къ этой мысли, но съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилъ Мариню, думаю иначе: я думаю, что идея объ ангелахъ въ небѣ могла явиться только потому, что на землѣ существуютъ жепщины. Можетъ ли быть что-нибудь болѣе чистое, благородное и прекрасное, какъ душа этой жепщины? Я убѣжденъ и вѣрю въ это, что ничто на свѣтѣ не можетъ имѣть

болѣе благотворнаго вліянія, какъ любовь, но что же дѣлать, если добро обращается во зло. Это приноситъ жизнь... Какое ужасное чувство овладѣваетъ человѣкомъ, когда ему приходится сказать себѣ: „Я никогда болѣе не буду счастливъ“. Смотрѣть прямо въ глаза своему настоящему, прошедшему и говорить себѣ: „Что бы ни произошло, чтобы ни случилось, я никогда болѣе не буду счастливъ“. Не живешь вѣдь для того, чтобы ѣсть и пить,—всѣми путями и способами ищешь себѣ счастья. И если оно разъ навсегда заграждено отъ тебя—то зачѣмъ жить?.. Но я не воленъ и въ своей смерти,—я не рѣшился бы доставить новое страданіе Маринѣ..

Что же мнѣ дѣлать? Какой выбрать путь, чтобы хоть одинъ лучъ солнца согрѣлъ эту женщину? Что дѣлать?

Повадъ летитъ; его монотонный гулъ и лязгъ, его стремительный бѣгъ говорятъ какъ будто о какой-то трагедіи. Все вокругъ насъ летитъ съ такимъ же глухимъ гуломъ. Существованіе—фикція. Все пролетаетъ, какъ сонъ, въ которомъ такъ много скорби, выплаканныхъ и невыплаканныхъ слезъ.

Но что же дѣлать?..

А!.. знаю!..

Судьба, судьба!.. Вызываю тебя!.. Развѣ нѣтъ у тебя больше стрѣлъ въ колчачѣ? Если я и это исполню и перенесу, то на свѣтѣ не останется больше ничего такого, что могло бы меня уязвить, убить или просто затронуть. Но это единственный путь...

* * *

Скажу ей, что разлюбилъ ее.

* * *

И я сдѣлалъ такъ, и нѣтъ ея больше со мною. Я не могъ убить себя: я отравилъ бы ей жизнь...

Но чтобы она въ самомъ дѣлѣ повѣрила тому, что я разлюбилъ ее, пужно было ее какъ-нибудь къ этому подготовить. Нужно было время. Я притворился больнымъ. Мы остановились въ небольшомъ австрійскомъ городкѣ. Ричарду послалъ новую телеграмму, говоря, что болею и требую подождать меня. Я нарочно споткнулся, выходя изъ вагона, закричалъ какъ будто бы отъ боли и не могъ ѣхать дальше. Двѣ недѣли сидѣли мы въ гостиницѣ. Ногу нужно было обкладывать льдомъ и ходить какъ можно меньше. Къ счастью по близости нигдѣ не было доктора; я упорно отъ нихъ отказывался. Мариня хотѣла ухаживать за мной. Я, поблагодаривъ ее, старался все дѣлать самъ. Видѣлъ, что она не понимаетъ, изумляется и чего-то страшится. На третью недѣлю своей болѣзни я сказалъ ей въ первый разъ въ жизни, чтобы она вышла изъ комнаты, такъ какъ я хочу остаться

одинъ. Ушла,—мы занимали одинъ номеръ, и ей пришлось со-всѣмъ уйти изъ дому. Я упалъ тогда лицомъ въ подушку, но это не былъ плачь, а какія-то судороги въ горлѣ: какъ бы смерть душила меня. Черезъ часъ, два или три я услышалъ легкій, не-сильный стукъ въ дверь. Вошла мокрая и озябшая: на дворѣ шель дождь. О Боже!.. Какое усиліе долженъ былъ употребить я, чтобы не броситься къ ея ногамъ и не осушить ихъ своими поцѣлуями... Но это было для нея... Ея глаза... они полны страха и грусти... Ея глаза... Она боится меня... меня?!..

Я испытывалъ страшную муку... меня охватила какая-то горячка, ярость. То, что вначалѣ казалось труднымъ, стало представляться легкимъ.

Какъ актеръ, которому дана несвойственная ему роль, я принялся за игру со страстью и горячностью, повторяя самому себѣ: „для ея же добра, для ея добра!“ Я сталъ морально пугать Мариню. И удивительно! Чѣмъ больше я страдалъ и терзался самъ, тѣмъ съ ббльшимъ остервенѣніемъ терзалъ ее для ея же добра. Дрожащая и блѣдная, смотрѣла она на меня глазами ребенка, котораго бьютъ напрасно, а я билъ и билъ безчеловѣчно, немилосердно. Подъ конецъ это стало доставлять мнѣ наслажденіе, какое испытываютъ вѣроятпо тѣ, кто въ любовномъ изступленіи бьетъ и калѣчитъ женщину. Ненависть была теперь моею единственной цѣлью. Ты должна меня возненавидѣть, должна меня возненавидѣть!...—повторялъ я себѣ. Но такъ какъ я долженъ былъ возбудить въ этой женщинѣ ненависть къ себѣ, то я добивался этого, проявляя ненависть къ ней. Два чувства извивались, переплетались и бились во мнѣ: искреннее—отдать за нее послѣднюю каплю крови—и искусственное—мучить ее. Искусственное, какъ нагноившаяся язва, стала расти и вздыматься. Моя любовь и ненависть срослись въ какое-то одно отвратительное тѣло, взаимно уничтожая другъ друга. Чтобы такъ ненавидѣть, нужно было такъ любить. Вся неправда представилась мнѣ какъ бы правдой. Нога, должно быть, вслѣдствіе усиленнаго лежанія и ненужныхъ перевязокъ, стала ныть, появился жаръ, я измѣнился въ лицѣ: искусственная болѣзнь перешла въ настоящую. Я былъ очень радъ этому: то моею волѣ нужно было раздвоиться—думать еще, какъ бы придать себѣ видъ больного, а теперь я могъ всѣ свои силы направить къ одной цѣли. Мариня сама не знала, какъ со мною быть, потеряла всякую почву подъ ногами... Но если бъ она проявила хоть какой-нибудь признаковъ не-терпѣнія, гнѣва или раздраженія!.. Ничего... Развѣ ты не видишь, что я хочу увѣрить тебя, что не люблю тебя?!—кричалъ я въ своей душѣ. Я хотѣлъ какого-нибудь подтвержденія, какого-ни-

будь документа, что она догадывается, въ чемъ дѣло. Рѣшилъ дать ей свободу, но такъ, чтобъ это не легло упрекомъ на ея совѣсть. Она должна была непременно увѣриться въ томъ, что я ее не люблю, что она не нужна мнѣ. Если бъ хоть какая-нибудь сцена, если бъ, бросившись на кресло, она вскричала, наконецъ, со слезами: „не могу, не могу больше!“ Если бъ бросила мнѣ прямо въ глаза: „ненавижу тебя!“ а то ничего, ничего!! И я не могъ узнать, что она думаетъ,—видѣлъ только, что думаетъ не то, чего я добивался. Что могла она думать?.. Что я мучу ее, раздраженный катастрофой въ нашей жизни и болѣзнью. Что еще могла она думать? Что я человекъ подлый, что я мщу ей и тиранию ее. Меня охватывало бѣшенство. Почему она не цѣнитъ, не чувствуетъ моего самопожертвованія? Вѣдь я страдаю и неистовствую для ея же добра. Отчего она не знаетъ, что я мучу ее для ея же счастья? Я вовсе не подлъ,—я благороденъ, идеально, героически, адски благороденъ!.. Почему она не видитъ этого, не понимаетъ, не чувствуетъ, не цѣнитъ? Она, конечно, не должна была бы дать мнѣ знать, что понимаетъ, тогда все погибло бы, но я долженъ былъ бы почувствовать, что она понимаетъ. Это былъ бы какъ бы нѣмой, безмолвный уговоръ, нѣмое взаимное обязательство. Между тѣмъ я видѣлъ, что многое приходитъ ей въ голову, только не то, чего я хотѣлъ и жаждалъ.

Какое-то страшное отвратительное раздраженіе душило меня. Я почти задохался. Было уже слишкомъ.

Будь, что будетъ, но рѣшилъ кончить. Это не было уже какимъ-либо обдуманнымъ постановленіемъ,—это была послѣдняя попытка повѣшеннаго разорвать петлю, не думая о томъ, что подъ висѣлицу палачъ положилъ мѣшокъ съ ножами. Было отъ чего задыхаться...

Разъ вечеромъ, возвратившись съ прогулки, Марина застала меня за укладываніемъ ея вещей.

- Что ты дѣлаешь?—спросила она, стоя у порога.
- Укладываю твои вещи.
- Развѣ мы ѣдемъ?
- Ты ѣдешь.
- Куда? Одна? А ты?
- Куда хочешь. А я еще останусь.

Она зашаталась и поблѣднѣла. Я ее прогоняю отъ себя... Я ее прогоняю...

Она стояла у порога въ своемъ длинномъ сѣромъ плащѣ и смотрѣла на меня. Ея сухіе, широко раскрытые, неподвижные глаза хотѣли заглянуть въ мою душу до самаго дна. Я дѣлалъ свое дѣло, не глядя на нее, но все видѣлъ.

Не понимает! Не понимает!..

Ничего, ничего не понимает!..

Не может повѣрить, не может представить себѣ, что я ее не люблю!..

Меня охватилъ какой-то безумный гнѣвъ. Бываютъ же такія женщины, которыя не вѣрятъ, не представляютъ себѣ даже, что ихъ могутъ не любить! Неужели ты, любящая другого, думаешь, что я долженъ любить тебя, что иначе и быть не можетъ, что я непременно долженъ любить тебя?! Внезапно мною овладѣло чувство независимости, воли, энергіи и сопротивленія. Я бросился отъ сундука, въ который укладывалъ ея вещи, и крикнулъ:

— Развѣ ты не видишь, что такъ больше продолжаться не можетъ?! Развѣ ты не видишь, что я не хочу больше жить съ тобою: ты перестала любить меня, я также разлюбилъ тебя!.. Развѣ ты не можешь понять, не можешь представить себѣ, что я могъ разлюбить тебя?.. Ты думаешь, что я долженъ любить тебя?!. Что иначе и быть не можетъ?!

Въ эту минуту я ни любилъ ее, ни ненавидѣлъ,—я задыхался отъ самопадѣянности этой женщины... Я говорилъ долго; рассказавъ ей, что чувство можетъ быть только взаимно, что, какъ ни была велика моя любовь къ ней, но съ перваго же момента катастрофы она начала и должна была постепенно уменьшаться. „Должна была“,—я ставилъ особенное удареніе на этомъ словѣ, подчеркивалъ его, вбивалъ ей въ мозгъ. Я ясно видѣлъ одно,— что мое рѣшеніе должно быть доведено до конца. Она должна повѣрить, что я не люблю ея — въ противномъ случаѣ, зачѣмъ вся эта мука? Задача, поставленная мною себѣ, облегчалась тѣмъ, что у меня все время не выходило изъ головы, что она не вѣритъ тому, что я смогъ, сумѣлъ, осмѣлился, позволялъ себѣ разлюбить ее. Не люблю ея и не падаю трупомъ! Пересталъ любить ее, а все-таки живу!.. Не люблю ее, а свѣтъ не рушился, звѣзды не поблекли, солнце не померкло. Сначала я говорилъ, потомъ языкъ мой сталъ свистать надъ нею, какъ бичъ. Я охватилъ ее огнемъ своего глумленія.

Я забылъ даже, зачѣмъ все это дѣлалъ,—это было какое-то желаніе показать себя передъ ней. Я ходилъ на хирурга, который ошибся, вырѣзывая язву, послѣ чего сталъ своимъ скальпелемъ выдѣлывать удачные и чувствительные порѣзы. Я побѣждалъ ее, упиваясь своей побѣдой. Я началъ испытывать то чувство, какое испыталъ въ дѣтствѣ, когда, подравшись со школьнымъ товарищемъ на дворѣ, повалилъ его, а онъ кричалъ. Побѣждалъ ее, упиваясь побѣдой.

Слова мои были, какъ иглы. А она стояла у порога въ своемъ длинномъ сѣромъ плащѣ и смотрѣла на меня сухими, широко раскрытыми глазами, блѣдная, какъ смерть. Я чувствовалъ, что танцую на краю пропасти.

Одно опрометчивое слово, дрожь въ голосѣ могли открыть ей всю правду, сорвать маску съ моего лица, которую я самъ въ безпамятствѣ могъ бы въ зеркалѣ принять за свое собственное лицо. Но эта опасность вдохновляла меня еще больше. Мнѣ казалось, что я разсыпалъ въ воздухѣ множество иголъ, съ необыкновенной ловкостью тоненькой палочкой ловилъ ихъ, задерживалъ на мгновение и бросалъ въ лицо Марини, чтобы онѣ кололи ее, отскакивали и снова, покругившись, падали бы на нее. Въ заключеніе я достигъ своей цѣли: она должна была повѣрить. Отошла отъ порога и безмолвно стала помогать мнѣ укладывать вещи. Первое ея движеніе едва не сбило меня съ ногъ. Потемнѣло въ глазахъ... я собралъ всѣ свои силы, чтобы не упасть.

Все, что было раньше, было ничтожно, — только теперь увидѣлъ я края настоящей пропасти: ея не будетъ со мною!

Сразу почувствовалъ себя согбеннымъ, изнуреннымъ старцемъ; почувствовалъ себя калѣжкой, паралитикомъ, странникомъ, заблудившимся въ безбрежныхъ пескахъ, утопленникомъ въ безбрежномъ океанѣ, — конецъ...

Но все-таки я понималъ, что утратить такую побѣду — безуміе. Я умолкъ, не позволяя ничего прочесть на своемъ лицѣ, и снова принялся укладывать ея платья, милыя, дорогія платьица... Я готовъ былъ цѣловать ихъ и прижиматься къ нимъ!.. Кажалось, они говорили мнѣ: „Зачѣмъ ты насъ прогоняешь? Развѣ мы не хороши? Развѣ мы грязны? Знаешь ли ты, что съ нами будетъ? Развѣ мы тебѣ надоѣли? Развѣ ты никогда не любилъ насъ?..“

Бѣдныя, бѣдныя платьица!.. Уложили ихъ, заперли сундуки. Я выпилъ воды, потомъ коньяку, посмотрѣлъ въ распisanіе поѣздовъ... Какое счастье!.. Поѣздъ отходитъ черезъ четверть часа. Я невольно вздохнулъ при мысли: „что за счастье!“ Это было ужасное мученье... Я видѣлъ, что, если не заговорю, то мы разставемся безмолвно. У Марини губы были сжаты. Что она думала, — не знаю: ея лицо какъ бы окаменѣло. Нужно было выпить чашу до дна, выдержать до конца. Такъ мать, страдая, улыбается ребенку, чтобы не выдать своихъ страданій. Я вынулъ бумажникъ, вложилъ въ конвертъ триста рублей и, отдавая ихъ Маринѣ, сказалъ: „Это твои деньги, проценты съ твоего приданого. Приданое, какъ тебѣ извѣстно, лежитъ въ банкѣ до твоего

распоряженія. И еще передашь отъ меня пару словъ...“—и написалъ: „Многоуважаемому пану Ричарду Гальницкому. Увѣдомляю васъ, что жены своей я не люблю и ничего не имѣю противъ вашего союза. Дѣло о разводѣ начинаю въ самомъ непродолжительномъ времени“. Затѣмъ слѣдовала подпись.

Хотѣлось прибавить: „работайте вмѣстѣ“, но это могло меня выдать, испортить все мое страшное дѣло.

Я вложилъ письмо въ другой конвертъ, написалъ адресъ и отдалъ Маринѣ. Она положила оба пакета за корсажъ и застегнула его—навсегда... Потомъ я позвонилъ, сказалъ, что барыня уѣзжаетъ и что нужно отправить ея вещи на поѣздъ. Потомъ... Потомъ мы пожали другъ другу руки, холодно, кратко...

Ей было меня жаль... жаль... что я не люблю ея... Женщина!..

Ей было жаль, что я отправляю ея... жена!.. Мариня!..

Такъ я съ ней разстался... Одно краткое, холодное пожатіе руки... навсегда... Не могъ иначе... Долженъ былъ выдержать до конца... Для нея... Потомъ она направилась къ двери, глаза наши встрѣтились, но ни я, ни она ничего не сказали другъ другу... Такъ я съ ней разстался... Потомъ закрылась дверь, я слышалъ ея шаги...

Ушла съ сожалѣніемъ, обиженная... выгнанная, какъ метресса, какъ любовница... Она!.. Нѣтъ, она ничего не поняла, но если бъ она хотъ тѣнь моей мысли схватила, то не могла бы быть никогда больше счастливой, а я хочу, чтобъ она была счастлива, не хочу, чтобъ она была несчастлива со мной, безъ меня, или черезъ меня...

Ушла... только ея сѣрый плащъ увидѣлъ я въ окно. Такъ я съ ней разстался, такъ я съ ней разстался. Навсегда... Такъ я разстался съ моей Мариной, съ женой своей... Навсегда...

Если бъ я умиралъ, то умиралъ бы на ея груди; если бъ она умирала, то умирала бы на моей... Такъ разстались бы навсегда... А теперь только краткое, холодное пожатіе руки...

И не вернется никогда, никогда, никогда!..

* * *

Что я въ сравненіи съ жизнью? Машина должна двигаться, колеса вращаться, зубья этихъ колесъ грохотать и звенѣть... Горе тому, кто попадетъ въ зубья жизненной машины: она сожметъ его и размечетъ, какъ щепку. Жизнь не знаетъ ни состраданія, ни снисхожденія,—она знаетъ только свое движеніе. Вихри человѣческихъ чувствъ несутся въ продолженіе дѣлой вѣчности, человѣческія страсти волнуются, какъ океаны. Бѣгите отъ нихъ!.. Горе тому, кого захватятъ онѣ!.. Разорвутъ на куски!.. На землѣ есть атмосфера понятій и чувствъ, въ ко-

торую не слѣдуетъ входить,—убьетъ своимъ жаромъ... Освирѣпѣлые вихри и волны жизни играютъ единичными личностями, какъ щепкой. Жизнь пожираетъ насъ, какъ муравьеѣдъ муравьевъ; безмолвно, безслѣдно, безъ сопротивленія гибнемъ мы въ ея омутѣ.

А надъ всѣмъ этимъ возносится холодная, спокойная, таинственная и неразгаданная, какъ сфинскъ, иронія...

Демонская иронія...

А подъ ногами нашими—омуть... Я, отрешившись отъ себя и отъ всего, являюсь ренегатомъ для тѣхъ, кому я пожертвовалъ женщиной, самымъ дорогимъ земнымъ сокровищемъ, а для ея счастья принесъ въ жертву самого себя...

Идите и вы въ свѣтъ, въ вѣчную жизнь и сіяніе, вы, двое, счастливые и свѣтлые... Идите! Ты, Мариня, будь ангеломъ мужества, опоры и утѣшенія, а я—въ омутъ, въ омутъ, въ омутъ...

* * *

Есть гробъ, и въ томъ гробѣ она. Въ бѣломъ платьѣ съ цвѣтами въ волосахъ. Ея руки сложены на груди,—она спитъ.

И такъ навсегда, навсегда, навсегда!..

Напрасно я повторяю себѣ: такъ должно было быть; напрасно вбиваю себѣ въ мозгъ: не могло быть иначе.

Безсиленъ мой разумъ; одна сила во мнѣ—чувство.

Напрасно я думаю о томъ, что искупилъ свою вину, что жертвой своего счастья я далъ счастье двумъ людямъ, болѣе меня достойнымъ его, что Мариня счастлива черезъ меня... Напрасно... Эгоизмъ, какъ Протей, измѣняется, какъ хочетъ. Онъ похожъ также на резиновый мячикъ: гнется, когда сожмешь его, а отнимешь пальцы,—онъ сейчасъ же расправится. Эгоизмъ, какъ вода: лодка разрѣзаетъ ее, а только отъѣдешь—уже ровно.

Напрасно хотѣлъ я любить что-нибудь больше себя.

Я, какъ странникъ, погибающій съ голоду въ пустынѣ, какъ паралитикъ во время пожара.

Что постоянно будетъ со мной до конца моей жизни?

Она—въ этомъ гробѣ... Смотрю на ея бѣлое, тихое, спокойное лицо... Она не умерла... такой я увидѣлъ ее, это счастье мое, которое не пришло ко мнѣ, котораго не было на свѣтѣ...

Сколько людей живетъ такъ—рядомъ съ гробомъ.

Спи!..

Мариня моя! Счастье мое!

Какъ только я родился, тебя сразу положили въ гробъ.

Ты не жила никогда,—это была мечта, это былъ сонъ.

Въ тебѣ единеніе всего, что могло быть счастьемъ; въ тебѣ

всѣ мои идеалы и стремленія, все, чего жаждала моя душа и мое гѣло,—все въ тебѣ.

Отблескъ твой доходилъ до меня въ образѣ той женщины...

О, какъ я тоскую по ней, какъ страшно тоскую!..

Напрасно стараюсь я вдохновиться какой-нибудь мыслью, идеей!.. Ничто земное не захватываетъ меня. Есть разныя жизни, но есть и такія, которыя являются однимъ воплощеніемъ несчастья, омутомъ скорби, положеніемъ безъ выхода. Я теперь какъ тотъ ткачъ, ослѣпшій среди голодающей семьи, — что онъ можетъ сдѣлать?..

Если жизнь можетъ быть глубокимъ, безграничнымъ несчастьемъ, если самыя чистыя, благородныя и святыя идеи могутъ оказаться недостаточными для укрѣпленія духа и заглушенія сердца, то—куда идти?..

Омуть, омуть, омуть!..

И это можетъ быть послѣдней мыслью?.. Только отрицаніе?.. Только вопросъ? Только омуть?

* * *

Письмо... Отъ нея? Отъ нея!..

„Людвигъ!.. Благодарю Бога, что ты разлюбилъ меня. Я счастлива. Каждый день молюсь за тебя и прошу Бога, чтобъ послалъ тебѣ другое, настоящее счастье, истинное. Мы не были созданы другъ для друга. Это было страшное заблужденіе! Мы тяжело искупили его. Ты былъ добръ ко мнѣ, ты былъ убѣжденъ, что любишь меня, я также была убѣждена, что люблю тебя,—никогда этого не забуду. Вѣрю, что тебя интересуетъ мое счастье. Я счастлива. Будь и ты!.. Каждый день прошу Бога о счастья для тебя.

Марія Гальницкая“.

Число? Ужъ скоро годъ... Это было страшное заблужденіе... Итакъ это было заблужденіе... Мы не были созданы другъ для друга... Это было заблужденіе...

Что человѣкъ знаетъ, что онъ можетъ знать?..

Эта же самая женщина говорила мнѣ изъ глубины души и сердца, говорила разъ сто, что я созданъ для нея, а она для меня, что если бъ не могла быть моей, то была бы ничьей... Что человѣкъ знаетъ?

И тотъ человѣкъ, о которомъ я сомнѣвался, можетъ ли онъ любить что-нибудь, кромѣ идеи, который изъ-за идеи не обращалъ вниманія на нищету матери и сестры, этотъ автоматъ фанатизма со стальными орлиными когтями, и онъ удивился и испугался, что любовь „можетъ быть такъ сильна“... Что онъ зналъ? Ни я его души не зналъ, ни онъ своей. Что же есть у насъ?.. Вѣра

обманываетъ; героизмъ не удовлетворяетъ; сознание добраго дѣла не вознаграждаетъ.

Если бъ у меня была власть указывать путь толпѣ, бороться противъ отрицанія, пессимизма и угнетенія, я сказалъ бы: „самопожертвованіе, отреченіе отъ себя, любовь ближняго больше самого себя—лѣкарство отъ всякихъ ранъ, награда и утѣшеніе. Сознание, что дѣлаешь доброе дѣло, вознаградить тебя за всѣ не-правды жизни.

„Любите идею любви, идеаль любви, любите ея архангельское понятіе. Возноситесь надъ всѣмъ, надъ самими собою, уничтожьте сами себя въ этой идеѣ, въ этомъ идеалѣ—и будете счастливы. Сознание, что вы достигаете своего идеала, дастъ вамъ счастье. Будьте сверхлюдьми въ любви, будьте, какъ Христосъ... Идите за Нимъ, уподобляйтесь Ему, любите, какъ Онъ, какъ Богъ!.. Нужна вѣра, мужество и сила. Не слѣдуетъ разочаровывать людей. Правда бываетъ ужасна, съ лицомъ Медузы,—всѣ, видѣвшіе ее, цѣпенѣли отъ страха“.

Пусть люди не видятъ правды, пусть заблуждаются. Зачѣмъ открывать ее, если она поражаетъ? Во имя какого идеала, во имя какой цѣли? Зачѣмъ этотъ омутъ познанія? Пусть люди будутъ дѣтьми,—были бы счастливы. Пусть будутъ греческими пастухами, вѣрившими въ басни,—были бы счастливы.

Не правда—идеаль бытія, а счастье. *Pereat veritas, fiat felicitas!* Итакъ, если бъ у меня была власть указывать путь толпѣ, я не сказалъ бы ей, что жизнь бываетъ омутомъ безъ выхода,—я сказалъ бы: любите идеаль любви: онъ исторгнетъ васъ изъ всякаго омута... Но самъ я про себя знаю, что единственный выходъ изъ него—*resignation*...

ТРОЕ.

(Продолженіе).

V.

Въ тотъ же день вечеромъ Илья принужденъ былъ уйти изъ дома къ Петрухѣ Филимонову. Случилось это такъ: когда онъ возвратился изъ города, на дворѣ его встрѣтилъ испуганный дядя, отвелъ въ уголь за полѣницу дровъ и тамъ сказалъ:

— Ну, Илюша, уходить тебѣ надо... Что у насъ тутъ было-о!и-и-и!

Горбунъ, въ страхѣ, закрылъ глаза и, взмахнувъ руками, ударилъ себя по бедрамъ:

— Яшка-то, напился вдрызгъ, да отцу и бухнулъ прямо въ глаза — воръ! И всякія другія колючія слова: безстыжіи развратникъ, безжалостный... ну прямо—безъ ума оралъ!.. А Петруха-то его ка-акъ тяпнетъ по зубамъ! Да за волосы, да ногами топтать и всяко,—избилъ въ кровь! Теперъ Яшка-то лежитъ, стонетъ... реветъ!.. Потомъ Петруха на меня,—какъ зыкнетъ! Ты, говорить!.. Гони, говорить, вонъ Ильку... Это, де, ты Яшку-то настроилъ супротивъ его... И оралъ онъ — до ужасти!.. Такъ ты гляди...

Илья снялъ съ плеча ремень и, подавая ящикъ дядѣ, сказалъ.

— Держи!..

— Погоди! Куда-а? Онъ тебѣ...

Руки у Ильи тряслись отъ жалости къ Якову и злобы къ его отцу.

— Держи, говорю,—сквозъ зубы сказалъ онъ и пошелъ въ трактиръ. Онъ стиснулъ зубы такъ крѣпко, что скуламъ и челюстямъ стало больно, а въ головѣ вдругъ зашумѣло. Сквозъ этотъ шумъ онъ слышалъ, что дядя кричитъ ему что-то о полиціи, погибели, острогѣ, и шель какъ подъ гору.

Въ трактирѣ у буфета стоялъ Петруха и, разговаривая съ какимъ-то оборванцемъ, улыбался. На его лысину падалъ свѣтъ лампы и казалось, что вся голова его блеститъ довольной улыбкой.

— А, купецъ! — насмѣшливо вскричалъ онъ, увидя Илью, и брови его сердито задвигались, — тебя-то мнѣ и надо...

Онъ стоялъ у двери въ свои комнаты, заслоняя ее своей фигурой.

Илья подошелъ вплотъ къ нему, твердый, суровый, и громко сказалъ:

— Отойди прочь!..

— Что-о? — протянулъ Петруха.

— Пусти меня... къ Якову...

— Я те дамъ Якова...

Но тутъ Илья неожиданно для себя размахнулся и молча, во всю свою силу, ударилъ Петруху по щекѣ. Буфетчикъ застоналъ и свалился на полъ. Изъ всѣхъ угловъ къ нему бросились половые; кто-то закричалъ:

— Держи его! Бей!..

Публика засуетилась, точно ее обдали кипяткомъ, но Илья перепрыгнулъ черезъ Петруху, вошелъ въ дверь и заперъ ее за собою на задвижку.

Въ маленькой комнатѣ, тѣсно заставленной ящиками съ виномъ и какими-то сундуками, горѣла, вздрагивая, жестяная лампа. Стекло ея было закопчено. Въ полутьмѣ и тѣсотѣ Луневъ не сразу увидалъ товарища. Яковъ лежалъ на полу, голова его была въ тѣни и лицо казалось чернымъ, страшнымъ. Илья взялъ лампу въ руки и присѣлъ на корточки, освѣщая избитаго. Сипяки и ссадины покрывали лицо Якова безобразной темной маской, глаза его затекли въ опухоляхъ, онъ дышалъ тяжело, хрипѣлъ и, должно быть, ничего не видѣлъ, ибо спросилъ, со стономъ:

— Кто тутъ?

— Я... — тихо сказалъ Луневъ, вставая на ноги.

— Дай испить...

Илья оглянулся. Въ дверь ломились. Кто-то командовалъ:

— Съ задняго крыльца заходи...

— Полицію... Бѣги за бутосникомъ...

Тонкій воющий голосъ Петрухи прорывался сквозь шумъ:

— Всѣ видѣли... я его не трогалъ... а-а-а...

Илья злорадно усмѣхнулся. Ему нравилось, что Петрухѣ больно. И, подойдя къ двери, онъ спокойно вступилъ въ переговоры съ осаждающими:

— Эй вы! Погодите орать... Если я ему разъ въ морду дамъ.

то отъ этого онъ не издохнетъ, а меня судить будутъ. Значить, вамъ печего лѣзть не въ свое дѣло... Не напирайте на дверь, я отопру сейчасъ...

Онъ отперъ дверь и всталъ въ ней, какъ въ рамѣ, туго сжавъ кулаки на всякій случай. Публика отступила предъ его крѣпкой фигурой и готовностью драться, ясно выразившейся на его лицѣ. Но Петруха сталъ расталкивать всѣхъ, завывая:

— Ага-а, ра-азбойникъ!.. я тебя...

— Уберите его прочь и глядите сюда — пожалуйста! — отступивъ отъ двери въ сторону, приглашалъ Илья публику. — Полюбуйтесь, какъ онъ человѣка изуродовалъ...

Нѣсколько гостей, косясь на Илью, вошли въ комнату и наклонились надъ Яковомъ. Одинъ съ изумленіемъ и со страхомъ проговорилъ:

— Ра-азутю-ужи-иль!..

— Это называется — подъ орѣхъ раздѣлано! — добавилъ другой.

— Принесите воды. Да полицію позвать надо... — говорилъ Илья.

Публика была на его сторонѣ; онъ и видѣлъ и чувствовалъ это, и рѣзко, громко заговорилъ:

— Вы всѣ знаете Петрушку Филимонова, всѣ знаете, что это первый мошенникъ въ улицѣ... А кто скажетъ худо про его сына? Ну, и вотъ вамъ сынъ: онъ — избитый лежитъ, можетъ на всю жизнь изувѣченный, а отцу его за это ничего не будетъ. Я же одинъ разъ ударилъ Петрушку — и меня осудятъ... Хорошо это? По правдѣ это будетъ? И такъ во всемъ — одному дана полная воля, а другой не посмѣй бровью шевелить...

Нѣсколько человѣкъ сочувственно вздохнули, а иные молча ушли. Илья хотѣлъ еще сказать что-то, но тутъ въ комнату ворвался Петруха и, визгливо вскрикивая, началъ всѣхъ выгонять.

— Идите! Идите! Это мое дѣло... это сынъ мой! Я отецъ! Ступайте... Я полиціи не боюсь... И суда мнѣ не надо... не надо-сь. И тебя, другъ, и такъ, безъ суда, доѣду... Иди вонъ!

Илья, стоя на колѣняхъ, поилъ Якова водой, съ тяжелой жалостью въ сердцѣ глядя на разбитыя, распухшія губы товарища и его изуродованное лицо. Яковъ глоталъ воду и шопотомъ говорилъ:

— Зубы выбилъ мнѣ... дышать больно... уведи меня... Илюша... голубчикъ! Уведи!..

Изъ опухолей, около его глазъ, сочились слезы...

— Его въ больницу надо отвезти... — угрюмо сказалъ Илья, оборачиваясь къ Петрухѣ.

Буфетчикъ смотрѣлъ на сына и что-то бормоталъ торопливо и невнятно. Одинъ глазъ у него былъ широко раскрытъ, а другой, какъ у Якова, тоже почти затекъ отъ удара Ильи.

— Слышишь ты?—крикнулъ Илья.

— Не кричи!—неожиданно тихо и миролюбиво сказалъ Петруха.—Въ больницу—нельзя... огласка... И то ужъ ты натворилъ тутъ... А я—гласный... мнѣ это не фасонъ...

— Подлецъ ты!—сказалъ Илья и съ презрѣніемъ плюнулъ на ноги Филимонова.—Я тебѣ говорю—отправляй въ больницу! Не отправишь,—скандалъ подниму хуже еще...

— Ну-ну-ну! Не гово... не сердись... Онъ, поди, притворяется...

Илья вскочилъ на ноги. Но тогда Филимоновъ отпрыгнулъ къ двери и крикнулъ:

— Иванъ! Позови извозчика — въ больницу, пятиалтынный... Яковъ, одѣвайся! Нечего притворяться-то... не чужой человѣкъ билъ, а родной отецъ... да! Меня на такъ еще мяти... меня ого-го какъ!..

Онъ забѣгалъ по комнатѣ, снимая со стѣнъ одежду, и бросалъ ее Ильѣ, быстро и тревожно продолжая говорить о томъ, какъ его били въ молодости...

— Спасибо-о!—чуть слышно хрипѣлъ Яковъ Ильѣ, а слезы все сочились изъ опухолей и текли по вадутымъ, окровавленнымъ щекамъ.

За буфетомъ стоялъ Терентій. Въ уши Ильѣ лѣзъ его вѣжливый, робкій голосъ.

— Вамъ за три или за пять копеекъ?.. Извольте—за пять... Икорки? Икорка вся вышла... Селедочкой закусите...

Когда Луневъ отвезъ Якова въ больницу, онъ понялъ, что уже не можетъ возвратиться въ домъ Филимонова и пошелъ ночевать къ Олимпіадѣ. Онъ чувствовалъ себя полнымъ какой-то холодной слякотью, что-то острое разѣдало и обезсиливало его сердце. Тяжелая тоска давила грудь, мысли путались, онъ устало шагалъ по улицѣ и лишь одно было ясно ему: такъ жить нельзя. Мечта о лавочкѣ, о чистой жизни въ одиночествѣ, вспыхнула въ немъ вновь и съ новой силой...

На другой день онъ нашелъ себѣ квартиру—маленькую комнату рядомъ съ кухней. Ее сдавала какая-то барышня въ красной кофточкѣ; лицо у нея было розовое, съ остренькимъ птичьимъ носикомъ, ротикъ крошечный, надъ узкимъ лбомъ красиво вились черные волосы, и она часто взбивала ихъ быстрымъ жестомъ маленькой и тонкой руки.

— Пять рублей за такую миленькую комнатку —это недорого!—бойко говорила она и улыбалась, видя, что ея темные, живые глазки

смущают молодого широкоплечаго парня. А Илья осматривалъ стѣны своего будущаго жилища и думалъ о томъ, кто она, эта барышня?

— Вы видите — обои совершенно новыя... окно выходитъ въ садъ — чего вамъ? Утромъ я поставлю самоваръ... а внесете вы его къ себѣ ужь сами...

— Вы развѣ горничная? — съ любопытствомъ спросилъ Илья. Барышня перестала улыбаться, у нея дрогнули брови, она выпрямилась и съ важностью сказала:

— Я не горничная, а хозяйка этой квартиры и мужъ мой...

— Да развѣ вы замужемъ? — съ удивленіемъ воскликнулъ Илья и недовѣрчиво оглянулъ сухонькую, стройную фигурку хозяйки. На этотъ разъ она не разсердилась, а засмѣялась звонко и весело.

— Какой вы смѣшной! То горничной называетъ, то не вѣрять, что замужемъ я...

— Да какъ же вѣрять, ежели вы совсѣмъ дѣвочка! — тоже съ усмѣшкой сказалъ Луневъ.

— А я вамъ говорю, что я уже третій годъ замужемъ и мужъ мой околоточный надзиратель...

Илья взглянулъ ей въ лицо и тоже тихонько засмѣялся, самъ не зная чему.

— Вотъ чудакъ! — передернувъ плечиками, воскликнула женщина, съ любопытствомъ разглядывая его. — Ну что же, — снимаете комнату?

— Рѣшено дѣло! Прикажете дать задатокъ?

— Конечно! Давайте рубль, хотя...

— Я часика черезъ два-три и переѣду...

— Пожалуйста... Я рада такому постояльцу, — вы, кажется, веселый...

— Не очень... — усмѣхаясь, сказалъ Луневъ.

Онъ вышелъ на улицу, улыбаясь, съ пріятнымъ чувствомъ въ груди. Ему нравилась и комната, оклеенная голубыми обоями, и эта маленькая, бойкая женщина. Но почему-то особенно пріятнымъ казалось ему именно то, что онъ будетъ жить на квартирѣ околоточнаго. Въ этомъ онъ чувствовалъ что-то смѣшное, задорное и, пожалуй, опасное для него. Ему нужно было навѣстить Якова: онъ нанялъ извозчика до больницы, усѣлся въ пролетку и, внутренне посмѣиваясь, сталъ думать о томъ, какъ ему поступить съ деньгами, куда теперь спрятать ихъ?..

Когда Луневъ пріѣхалъ въ больницу, оказалось, что Якова только что купали въ ваннѣ и теперь онъ крѣпко спитъ. Илья остановился въ коридорѣ у окна, не зная, что ему дѣлать. —

уйти или подождать, когда товаищъ проснется? Мимо него, тихо шлепая туфлями, проходили одинъ за другимъ больные въ желтыхъ халатахъ, поглядывая на него скучающими глазами. Они вполголоса разговаривали, со звуками ихъ тихаго говора сливались чьи-то стоны, долетавшіе издали... Гулкое эхо, увеличивая каждый звукъ, разносило его по длинной трубѣ коридора... Казалось, что въ пахучемъ воздухѣ больницы невидимо и тихо летаетъ кто-то грустный и жалобно вздыхаетъ и тоскуетъ... Ильѣ захотѣлось уйти изъ этихъ желтыхъ стѣнъ... Но вдругъ одинъ изъ больныхъ шагнулъ къ Ильѣ и, протягивая руку, сказалъ негромко:

— Здравствуй!..

Луневъ поднялъ глаза на него и отшатнулся изумленный...

— Павелъ!.. Господи Иисусе! И ты здѣсь?

— А кто еще?—быстро спросилъ Павелъ.

Лицо у него было какое-то сѣрое, глаза смущенно и тревожно мигали...

— Яковъ... его отецъ избилъ... а ты какъ? Давно ты?

И съ жалостью въ голосѣ Ильѣ тихо воскликнулъ:

— Э-эхъ, братъ! Какъ тебя перевернуло!

Павелъ вздохнулъ; губы у него вздрогнули, а глаза стали какіе-то тусклые. Онъ, какъ виноватый въ чемъ-то, низко опустилъ голову и хриплымъ шопотомъ повторилъ:

— Перевернуло... да-а!..

— Что у тебя?—безпокойно и участливо спросилъ Луневъ.

— Ну... что? Будто не знаешь...

Павелъ мелькомъ взглянулъ въ лицо Ильѣ и снова опустилъ голову.

— Заразился?—шопотомъ спросилъ Луневъ.

— Ну, конечно...

— Неужто отъ Вѣры?

— Отъ кого же еще?...—угрюмо отвѣтилъ Павелъ.

Ильѣ тряхнулъ головой, помолчалъ и со злой увѣренностью сказалъ:

— Вотъ и я когда-нибудь тоже влечу... Ужъ это какъ разъ.

Павелъ болѣзненно засмѣялся, всталъ рядомъ съ Ильѣй и доврѣчиво глядя въ глаза ему, сказалъ:

— Я думалъ,—ты побрезгуешь теперь мной... Шатаюсь тутъ. вдругъ вижу—ты... Стыдно стало... отвернулся и прошелъ мимо...

— Умень!—съ укоромъ сказалъ Ильѣ.

— Кто тебя знаетъ, какъ взглянешь? Надо говорить правду— болѣзнь поганая... Эхъ, братъ! Вторую недѣлю я здѣсь торчу... Такая тоска мнѣ, такая мука!.. Ходишь, лежишь и все думаешь...

Особенно ночью—словно на углях жарисься... Время тянется, как волосъ по молоку... И чувствуешь, как будто въ трясины тебя засасываетъ, а ты одинъ и некого крикнуть на помощь...

Павель говорилъ почти шопотомъ, а лицо у него все вздрагивало и руки судорожно мяли воротникъ халата. Покачивая головой, онъ проговорилъ вполголоса:

— Ужъ какъ не влюбить судьба молодца, да надъ нимъ издѣваться начнетъ—точно молотомъ по сердцу бьетъ...

— А Вѣра гдѣ? — задумчиво спросилъ Илья.

— Чортъ ее знаетъ,—съ горькой усмѣшкой сказалъ Грачевъ.

— Не ходитъ?

— Приходила разъ—я выгналъ... Видѣть я ее, подлячку, не могу!—злбно прошепталъ Павель.

Илья укоризненно взглянулъ на его искаженное лицо и сказалъ:

— Ну это ты... ерунду порешь... Коли хочешь справедливо-сти, такъ и самъ будь справедливъ... Чѣмъ она виновата?.. Подумай-ка толкомъ-то..

— А кого мнѣ винить?—вполголоса, но горячо воскликнулъ Павель. — Кого, скажи? Я ночи напролетъ думаю — отчего вся моя жизнь скомкалась? Оттого, что я Вѣру полюбилъ, да?.. Она мнѣ все собой замѣняла — мать, сестру, жену, товарища... про мою къ ней любовь не только словомъ не скажешь—въ небѣ звѣздами не напишешь!..

Глаза у Павла покраснѣли, а потомъ изъ нихъ тяжело выкатились двѣ большія слезы. Онъ смахнулъ ихъ со щекъ рукавомъ халата и продолжалъ тише:

— Легла она на моей дорогѣ камнемъ и загнулся я за нее...

— Все это ты напрасно,—сказалъ Луневъ, чувствуя, что ему Вѣру жалко больше, чѣмъ Павла.—Какая твоя дорога? Никакой нѣтъ тебѣ дороги.. все это пустыя слова... Ты медъ пилъ—хвалилъ: силенъ! — напился — ругаешь: хмѣленъ!.. А каково ей? Вѣдь и ее заразили:

— И ее, да, и ее!—сказалъ Павель и неожиданно дрогнувшимъ голосомъ спросилъ:

— А ты думаешь, не жалко мнѣ ее?

— Ага! То-то вотъ...

— Я злюсь на нее... на кого еще могу? Я ее выгналъ... И какъ пошла она... и какъ заплакала... такъ она тихо заплакала, такъ горько—сердце у меня кровью облилось... Самъ бы заплакалъ, да вмѣсто слезъ кирпичи у меня тогда въ душѣ были... И задумался я тогда надо всѣмъ этимъ... Эхъ, Илья! Нѣтъ мнѣ жизни!..

— Да-а! — протянулъ Луневъ, странно улыбаясь. — Творится что-то... мудреное. Давить всѣхъ и давить. Якову отецъ житья не даетъ, Машутку замужъ за стараго чорта сунули, ты вотъ...

Онъ вдругъ тихонько засмѣялся и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Одному мнѣ за всѣхъ везеть! Право! Какъ о чемъ подумаю—пожалуйте, готово!

— Н-ну? — съ любопытствомъ и недовѣріемъ спросилъ Павелъ.

— Повѣрь слову! Везеть, да... Манить и манить, все дальше да дальше...

— Нехорошо ты говоришь,—пытливо глядя на него, сказалъ Павелъ,—смѣешься надъ собой, что ли?

— Нѣтъ, кто-то другой смѣется!—сказалъ Илья, угрюмо нахмутивъ брови. — Надо всѣми нами смѣется кто-то... Знаешь, многое я могу тебѣ сказать... Гляжу я въ жизнь и вижу—нѣтъ въ ней справедливости...

— Я тоже вижу это!—тихо, но какъ-то всей грудью воскликнулъ Павелъ.—Ну-ка, пойдёмъ въ уголь, вонъ туда...

И они пошли вдоль по коридору, рядомъ другъ съ другомъ и глядя въ глаза одинъ другому. На лицѣ Павла вспыхнули красныя пятна, а глаза его засверкали живо и бойко, какъ, бывало, у здороваго.

— И я вижу—нашъ братъ до тла ограбленъ...—говорилъ онъ на ухо Ильѣ.—Чего ни коснись—все не про насъ...

— Вотъ!

— Все—не намъ! Возьму примѣрно — дѣвушка у меня. Она мнѣ за жену, хотъ и не вѣнчаны мы. Она мнѣ... вся пужна! Всякому человѣку женщина вся нужна! Но мнѣ—нельзя имѣть ее для себя одного... и ей меня—тоже. А я ей тоже весь нуженъ... Какъ такъ?.. А! Я—бѣдный? Хорошо! Но я работаю или нѣтъ? Я всю жизнь мою, съ десяти лѣтъ, работаю тяжелую работу! Позвольте мнѣ за это жить!..

— А Петрушка Филимоновъ безъ работы живетъ легко и можетъ имѣть все, что желаетъ и дѣлать все, что хочетъ,—почему?—дополняя мысль товарища, сказалъ Илья, ехидно оскаливъ зубы.

— Докторъ на меня, какъ на арестанта, кричить... за что?—продолжалъ Грачевъ. — Онъ ученый, онъ долженъ благородно обращаться съ людьми. Человѣкъ я или нѣтъ? Вотъ въ чемъ дѣло... Я Вѣрку прогналъ... но я—не дуракъ, я знаю—не ея вина...

— Не палка бьетъ, а тотъ, кто ей владѣетъ...

Они остановились въ полутемномъ углу коридора, у окна, стекла котораго были закрашены желтой краской и здѣсь, плотно прижавшись къ стѣнѣ, горячо говорили, на-лету ловя мысли

другъ друга. Откуда-то издали доносился до нихъ протяжный стонъ. Однообразный звукъ стона былъ похожъ на гудѣніе низкой струны, которую кто-то задѣваетъ черезъ равные промежутки времени, а она устало вздрагиваетъ и звучитъ безнадежно, точно зная, что нигдѣ нѣтъ живого сердца, способнаго понять и успокоить ея болѣзненную дрожь и жалобу... Павелъ весь горѣлъ отъ сознанія обиды, нанесенной ему тяжелой рукой жизни: онъ тоже, какъ струна, вздрагивалъ отъ возбужденія и торопливо, безсвязно шепталъ товарищу свои жалобы и догадки. А Илья чувствовалъ, что слова Павла точно искры высѣкаютъ изъ его сердца, что онѣ зажгли въ его груди то темное и противорѣчивое, что всегда беспокоило его, и вотъ оно горитъ, чтобы исчезнуть. Онъ чувствовалъ, что на мѣстѣ его тяжелаго и злого недоумѣнія предъ жизнью, вспыхнуло что-то иное, что оно вотъ-вотъ освѣтитъ мракъ его души и облегчитъ, и успокоитъ ее навсегда.

— Почему, ежели ты сытъ—ты святъ, ежели ты ученъ—ты правъ?—шепталъ Павелъ, стоя противъ Ильи сердце къ сердцу. И онъ оглядывался по сторонамъ, точно чувствуя близость неизвѣстнаго ему врага, который скомкалъ жизнь его. Ну, хорошо, я голоденъ—я и глупъ... но вѣдь есть у меня душа? Или нѣтъ души у голоднаго? Я вижу—жизни мнѣ нѣтъ настоящей... скартали мою жизнь, обрѣзали мнѣ всѣ мои желанья и на всѣхъ моихъ путяхъ стѣны стоятъ... За что?

— Никто не скажетъ!—сурово воскликнулъ Илья.— И спросить не у кого. Кто слова наши пойметъ? Всѣмъ мы чужіе...

— Да. Вѣрно... Съ кѣмъ говорить?

И махнувъ рукой, Павелъ замолчалъ. Луневъ задумчиво посмотрѣлъ въ глубь коридора и тяжело вздохнулъ. Теперь, когда они замолчали, стонъ раздался слышнѣе. Должно быть чья-то большая и сильная грудь стонала, и велика была ея боль...

— Ты все съ Олимпіадой?—спросилъ Павелъ у Лунева.

— Да... живу,—усмѣхаясь отвѣтилъ Илья.—Знаешь,—странно усмѣхаясь продолжалъ онъ, сильно понизивъ голосъ, —Яковъ дочитался до того, что въ Богѣ сомнѣвается...

Павелъ взглянулъ на него и неопредѣленнымъ тономъ спросилъ:

— Ну?

— Да... Нашелъ такую книгу... А ты какъ насчетъ этого?

— Я, видишь ли... — задумчиво и тихо сказалъ Павелъ, — я какъ-то такъ... не думалъ про это... въ церковь не хожу...

— А я—думаю... Много думаю... И не могу я понять, какъ Богъ терпитъ?

И снова между ними завязался отрывистый и быстрый разговоръ... Увлеченные имъ, они проговорили до поры, пока къ нимъ подошелъ служитель и строго спросилъ Лунева:

— Ты что тутъ прячешься, а?

— Я не прячусь...—сказалъ Илья.

— А ты не видишь, что всѣ посѣтителѣ ушли?

— Стало быть, не видаль... Прощай, Павелъ. Къ Якову-то зайди...

— Но-но—пошелъ!—крикнулъ служитель.

— Приходи скорѣе... Христа ради!—попросилъ Грачевъ.

— Я сказалъ—расходись!—не унимался служитель.

Потомъ онъ пошелъ вслѣдъ за Ильей, ворчливо говоря:

— Рвань... шантрапа... прячутся по угламъ...

Луневъ замедлилъ шагъ и, когда служитель поровнялся съ нимъ, онъ спокойно и злобно сказалъ:

— Не рычи, солдатикъ, а то я скажу тебѣ: цыцъ, собака!

Служитель вдругъ остановился, а Луневъ быстро пошелъ впередъ, ощущая острое удовольствіе отъ того, что обругалъ человѣка...

На улицѣ онъ задумался о судьбѣ своихъ товарищей. Павелъ съ малыхъ лѣтъ бродяжилъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, работалъ разныя тяжелыя работы... Сколько голода, холода, побоевъ вынесъ онъ. И вотъ—попалъ въ больницу... Маша едва ли узнаетъ когда-либо хорошую жизнь. И Яковъ тоже... Какъ можетъ Яковъ постоять за себя?..

Луневъ видѣлъ, что дѣйствительно изъ четверыхъ ему лучше всѣхъ живется. Но это сознаніе не вызвало въ немъ пріятнаго чувства. Онъ только усмѣхнулся и подозрительно посмотрѣлъ вокругъ...

На новой квартирѣ онъ зажилъ спокойно и его очень заинтересовали хозяйка. Хозяйку звали Татьяна Власьевна. Веселая, какъ птичка, и разговорчивая, она черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Луневъ поселился въ голубой комнаткѣ, подробно рассказала ему весь строй своей жизни.

Утромъ, когда Илья пилъ чай въ своей комнатѣ, она въ передникѣ, съ засученными по локоть рукавами, порхала по кухнѣ и, весело заглядывая въ дверь къ нему, оживленно говорила:

— Мы съ мужемъ люди небогатые, но образованные и интеллигентные... Я училась въ прогимназіи, а онъ даже въ кадетскомъ корпусѣ, хотя и не кончилъ. Но мы хотимъ быть богатыми и будемъ... Дѣтей у насъ нѣтъ, а дѣти—это самый глав-

ный расходъ. Я сама стряпаю, сама хожу на базаръ, а для черной работы нанимаю дѣвочку за полтора рубля въ мѣсяцъ, и чтобы она жила дома. Вы знаете, сколько я дѣлаю экономіи? Она становилась въ дверяхъ и, встряхивая кудерьками, по пальцамъ высчитывала:

— Кухарка—жалованья три рубля, да прокормить ее надо— семь... десять!.. Украдетъ она въ мѣсяцъ на три рубля—тринадцать! Комнату ея сдаю вамъ—восемнадцать! Вотъ сколько стоятъ кухарка!.. Затѣмъ: я все покупаю массама: масла—полпуда, муки—мѣшокъ, сахару голову и такъ далѣе... На всемъ этомъ я выигрываю рублей двѣнадцать... Тридцать рублей! Если бы я служила гдѣ-нибудь,—въ полиціи, на телеграфѣ,—я работала бы на кухарку... А теперь я—ничего не стою для мужа и этимъ горжусь! Вотъ какъ надо жить, молодой человѣкъ, видите? Учитесь...

Она плутовато смотрѣла въ лицо Ильи своими бойкими глазками, а онъ смущенно улыбался ей. Она и нравилась ему, и возбуждала въ немъ чувство уваженія. Утромъ, когда онъ просыпался, она уже сновала по кухнѣ, вмѣстѣ съ рябой и молчаливой дѣвочкой-подросткомъ, смотрѣвшей и на нее, и на все другое пугливыми, безцвѣтными глазами. Вечеромъ, когда онъ приходилъ домой, она, тоненькая и чистенькая, съ улыбкой отпирала ему дверь и отъ нея пахло чѣмъ-то приятнымъ. Если мужъ ея былъ дома, онъ игралъ на гитарѣ, а она подпѣвала ему звонкимъ голосомъ или они садились играть въ карты,—въ дурачки на поцѣлуи. Ильѣ въ его комнатѣ было слышно все: и говоръ струнъ, то веселый, то чувствительный, и шлепанье картъ по столу, и чмоканье губъ. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ—спальни и еще одной, смежной съ комнатой Ильи: она служила супругамъ и столовой, и гостиной, и въ ней они проводили свои вечера... По утрамъ въ этой комнатѣ раздавались звонкіе птичьи голоса: тенькала синица; вперебой другъ предъ другомъ, точно споря, пѣли чижь и щегленокъ, старчески важно бормоталъ и скрипѣлъ снигирь, а порой въ эти громкіе голоса вливалась задумчивая и тихая пѣсенка коноплянки.

Мужъ Татьяны Власьевны, Кирикъ Никодимовичъ Автономовъ, былъ человѣкъ лѣтъ двадцати шести, высокій, полный, съ большимъ носомъ и черными зубами. Его добродушное лицо было густо усѣяно угрями, а безцвѣтные глаза смотрѣли на все съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Коротко остриженные свѣтлые волосы стояли на его головѣ щеткой и во всей, немножко грузной, фигурѣ Кирика Автономова было что-то неуклюжее и смѣшное. Двигался онъ тяжело, и съ первой же встрѣчи почему-то спросилъ Илью:

Урокъ танцевъ. — Богъе.

— Ты птицъ пѣвчихъ любишь?

— Люблю...

— Ловишь?

— Нѣтъ... — удивленно глядя на околочнаго, отвѣтилъ Илья. Тотъ наморщилъ носъ, подумалъ и спросилъ еще:

— А ловилъ?

— И не ловилъ...

— Никогда?

— Никогда...

Тутъ Кирикъ Автономовъ снисходительно улыбнулся и сказать:

— Значить, ты ихъ не любишь, если не ловилъ никогда... А я вотъ люблю и ловилъ, даже за это изъ корпуса былъ исключень... И теперь сталъ бы ловить, но не хочу компрометироваться въ глазахъ начальства. Потому что хотя любовь къ пѣвчимъ птицамъ—и благородная страсть, но ловля ихъ—забава, недостойная солиднаго человѣка... Будучи на твоемъ мѣстѣ, я бы ловилъ чижиговъ — непременно! Веселая птичка... Это именно про чижа сказано: птичка Божія...

Автономовъ говорилъ и мечтательными глазами смотрѣлъ въ лицо Ильи, а Луневъ, слушая его, почувствовалъ себя неловко. Ему показалось, что околочный говорить о ловлѣ птицъ индифферентно, что онъ намекаетъ на что-то. Тогда у Ильи дрогнуло сердце и онъ насторожился. Но водянистые глаза Автономова успокоили его; онъ тутъ же рѣшилъ, что околочный — человѣкъ совсѣмъ не хитрый, простакъ — человѣкъ. Онъ вѣжливо улыбнулся и промолчалъ въ отвѣтъ на слова Кирика. Тому, очевидно, понравилось скромное молчаніе и серьезное лицо постояльца, онъ улыбнулся и заговорилъ снова:

— Когда-нибудь вечеромъ приходи къ намъ чай пить... Мы—люди простые, приходи безъ всякаго стѣсненія... въ карты поиграемъ, въ дурачки... Гости къ намъ ходятъ рѣдко. Принимать гостей — пріятно, но ихъ надо угощать, а это—непріятно, потому что дорого.

Чѣмъ болѣе присматривался Илья къ благополучной жизни своихъ хозяевъ, тѣмъ болѣе нравились они ему. Все у нихъ было чисто и какъ-то крѣпко; все дѣлалось тихо, спокойно, и они, видимо, любили другъ друга. Маленькая, бойкая женщина была похожа на веселую синицу, ея мужъ—на неповоротливаго снигиря, и въ квартирѣ у нихъ было уютно, какъ въ птичьемъ гнѣздѣ. По вечерамъ, сидя у себя, Луневъ прислушивался къ разговору хозяевъ и думалъ:

— Вотъ какъ надо жить...

И, вздыхая отъ зависти, онъ все сильнѣе мечталъ о времени, когда откроетъ свою лавочку, у него будетъ маленькая, чистая комната, онъ заведетъ себѣ птицъ и будетъ жить одинъ, тихо, ровно, спокойно, какъ во снѣ... За стѣной Татьяна Власьевна рассказывала мужу о томъ, что она купила на базарѣ, сколько истратила и сколько сберегла, а ея мужъ глухо посмѣивался и хвалилъ ее:

— Ахъ ты умница! Милая моя пичужечка... Ну, дай поцѣлую...

Потомъ онъ начиналъ рассказывать женѣ о происшествіяхъ въ городѣ, о протоколахъ, составленныхъ имъ, о томъ, что сказалъ ему полиціймейстеръ или другой начальникъ... Говорили о близкой возможности повышения по службѣ и обсуждали вопросъ, понадобится ли вмѣстѣ съ повышеніемъ перемѣнить квартиру.

Илья лежалъ, слушалъ и вдругъ его охватывала непонятная ему, тяжелая скука. Ему становилось душно, тѣсно въ маленькой голубой комнатѣ, онъ безпокойно осматривалъ ее, какъ бы отыскивая причину своей скуки, и чувствуя, что не можетъ больше выносить этой тяжести въ груди, уходилъ къ Олимпіадѣ или долго гулялъ по улицамъ.

Олимпіада относилась къ нему все болѣе требовательно и ревниво и все чаще онъ ссорился съ ней. Она худѣла, глаза у нея ввалились, потемнѣли, руки стали тоньше—и это не нравилось Ильѣ. Но еще сильнѣе не нравилось ему то, что она съ нѣкотораго времени начала говорить о совѣсти, о Богѣ и о томъ, что ей хочется уйти въ монастырь. Онъ не вѣрилъ въ искренность ея словъ, ибо зналъ, что она не сможетъ жить безъ мужчины, не въ силахъ побороть свою неукротимую жажду мужскихъ ласкъ.

— За меня не молись, въ случаѣ чего,—сказалъ онъ ей однажды, насмѣшливо усмѣхаясь. — Я ужъ самъ со своими грѣхами полажу...

Она съ боязнью и грустью взглянула на него...

-- Смотри, Илья, этимъ не шутятъ...

-- И я такъ думаю...

— А ты не вѣришь мнѣ? Погоди... повѣришь.

— Нѣтъ, что же? Я вѣрю... Иные люди со зла могутъ въ монастырь пойти... И уходятъ...

Олимпіада разсердилась на него и они сильно поругались.

— Гордіонишка несчастный! — кричала женщина, сверкая глазами. — Погоди... какъ ты ни вытягивайся въ гордости твоей—согнешься. Согнешься до земли!.. И чѣмъ тебѣ гордиться?

Красотой да молодостью? Все пройдет, все... И будешь ты тогда ползать по землѣ ужомъ, будешь ласки искать, просить будешь: пожалѣйте! Никто не пожалѣетъ...

Она упрекала его, а глаза у нея такъ сильно наливались кровью, что казалось,—кровь сейчасъ, какъ слезы, брызнетъ изъ нихъ. Во время ссоръ она никогда не вспоминала объ убійствѣ Полуэктова, но въ хорошія минуты попрежнему все уговаривала Илью забыть про это. Луневъ удивлялся ея сдержанности и какъ-то разъ послѣ ссоры спросилъ ее:

— Липа! Почему ты, когда ругаешься, про старика ни словомъ не помянешь?

Она отвѣтила, не задумываясь:

— А потому, что это дѣло не мое, да и не твое. Коли тебя не нашли,—значить, такъ ему и надо было. Ты въ этомъ дѣлѣ рука, а не сила... Душить его тебѣ надобности не было,—ты самъ говоришь. Значить, онъ черезъ тебя наказанъ...

Илья недовѣрчиво засмѣялся.

— Что ты?—спросила женщина.

— Та-акъ... Я подумалъ, что коли человѣкъ не глупъ — онъ обязательно жуликъ... ха, ха, ха! Все можетъ оправдать... лишь бы ему надобно это было... И обвинить все можетъ...

— Не пойму тебя,—сказала Олимпіада, качая головой.

— Чего не понимать?—спросилъ Илья, вздохнувъ и пожимая плечами.—Просто. Я говорю вотъ что: поставь ты мнѣ въ жизни такое, чтобы всегда неизменно стояло; найди такое, что бы ни одинъ самоумнѣйшій человѣкъ, со всей его хитростью, ни обвинить, ни оправдать не могъ... Что бы твердо стояло... Найди такое! Не найдешь... Нѣтъ такого предмета въ жизни... Все пестрое... И душа человѣческая есть пестрая... да!

— Не понимаю,—помолчавъ, сказала женщина.

— А я—понимаю такъ, что въ этомъ и есть узелъ... это насъ давить...

Какъ-то разъ послѣ одной изъ ссоръ съ Олимпіадой, Илья, дня четыре не ходившій къ ней, получилъ отъ нея письмо... Она писала:

„Ну и прощай, милый Ильюша, навсегда, не увидимся мы съ тобой больше. Не ищи меня,—не найдешь. А съ первымъ парходомъ уѣду я изъ окаяннаго этого города: въ немъ я душу свою разможила на всю жизнь. Уѣду я далеко и никогда не ворочусь,—не думай и не жди. За хорошее твое—спасибо тебѣ отъ всего сердца, а дурное я помнить не буду. Еще должна сказать тебѣ по правдѣ, что ухожу я ни куда-нибудь, а просто сошлась съ молодымъ Ананьинимъ, который давно ко мнѣ приста-

валъ и жаловался. что я его погублю, коли не соглашусь жить съ нимъ. Вотъ я согласилась: все равно. Мы уѣдемъ къ морю. въ село, гдѣ у Ананьиныхъ рыбныя ватаги. Онъ очень простой и даже предлагаетъ обвѣнчаться, дурачокъ. Прощай! Какъ будто во снѣ видѣла я тебя, а проснулась — и нѣтъ ничего. Прости и меня... Какъ у меня сердце поетъ, если бы ты зналъ! Цѣлую тебя, единственный человѣкъ. Не гордись передъ людьми: мы всѣ несчастные. Смирная стала я, твоя Липа, и какъ подъ обухъ иду. до того болитъ моя душа растерзанная. Олимпиада Шлыкова. По почтѣ послала посылку тебѣ—кольцо на память. Носи. пожалуйста. Ол. Ш.“

Илья прочиталъ письмо и до боли крѣпко закусилъ губу. Потомъ прочиталъ еще и еще. Съ каждымъ разомъ письмо все больше нравилось ему,—было и больно, и лестно читать простыя слова, написанныя неровными, крупными буквами. Раньше Илья не думалъ о томъ, насколько серьезно любить его эта женщина. а теперь ему казалось, что она любила сильно, крѣпко и, читая ея письмо, онъ чувствовалъ гордое удовольствіе въ сердцѣ. Но это удовольствіе понемногу уступало мѣсто сознанію утраты близкаго человѣка, и вотъ Илья грустно задумался: куда теперь, къ кому пойдетъ онъ въ часъ скуки? Образъ женщины стоялъ предъ его глазами, онъ вспоминалъ ея бѣшенныя ласки, ея умныя разговоры, шутки, и все глубже въ грудь ему вбивалось острое чувство сожалѣнія. Стоя предъ окномъ. онъ, нахмутивъ брови, смотрѣлъ въ садъ, а тамъ, въ сумракѣ, тихо шевелились кусты бузины и тонкія, какъ бечевки, вѣтви березы качались въ воздухѣ. За стѣной грустно звенѣли струны гитары. Татьяна Власьева высокимъ голосомъ пѣла:

„Пуска-ай кто хо-четъ и-и-ищеть
В-бога-атыхъ ян-тар-рей...“

Илья держалъ письмо въ рукѣ и думалъ:

— Говорила она, что упрямая и что я ей счастье даль... а вотъ—уѣхала...Видно не велико счастье-то было... .

Онъ чувствовалъ себя виноватымъ предъ Олимпиадой, грусть и жалость сжимали ему грудь и давили горло:

„А м-нѣ мо-е ко-ле-е-ечко
До-оста-ань со дна мор-рей“

раздавалось за стѣной. Потомъ околоточный густо захохоталъ, а пѣвица выбѣжала въ кухню, тоже звонко смѣясь. Но въ кухнѣ она сразу замолчала. Илья чувствовалъ присутствіе хозяйки гдѣ-то близко къ нему, но не хотѣлъ обернуться посмотрѣть на нее, хотя зналъ, что дверь въ его комнату открыта. Онъ прислушивался къ своимъ думамъ и стоялъ неподвижно, ощущая, какъ

одиночество охватывает его. Деревья за окномъ все покачивались, а Луневу казалось, что онъ оторвался отъ земли и плыветъ куда-то въ холодномъ сумракѣ...

— Илья Яковлевичъ! Чай пить будете? — окрикнула его хозяйка.

— Нѣтъ...

За окномъ раздался могучій ударъ колокола; густой звукъ мягко, но сильно коснулся стекла окна и они чуть слышно дрогнули... Илья перекрестился, вспомнилъ, что давно уже не бывалъ въ церкви и обрадовался возможности уйти изъ дома...

— Я ко всеобщей пойду, — сказалъ онъ, обернувшись къ двери. Хозяйка стояла какъ разъ въ двери, держась руками за косяки и смотрѣла на него съ явнымъ любопытствомъ на лицѣ. Илью смутилъ ея пристальный взглядъ и, какъ бы извиняясь предъ нею, онъ проговорилъ:

„Давно въ церкви не былъ...“

— А! хорошо! я приготовлю самоваръ къ девяти часамъ.

Идя въ церковь, Луневъ думалъ о молодомъ Анапнинѣ. Онъ зналъ его: это былъ богатый купчикъ, младшій членъ рыбопромышленной фирмы „Братья Анапнины“, бѣлокурый, худенькій паренекъ съ блѣднымъ лицомъ и голубыми глазами. Онъ недавно появился въ городѣ, и сразу началъ сильно кутить.

„Вотъ какъ живутъ люди, какъ ястреба, — размышлялъ Илья съ горечью. — Только оперился и сейчасъ же — цапъ себя голубку...“

Онъ вошелъ въ церковь разстроенный, обозленный своими думами, всталъ тамъ въ темный уголокъ, гдѣ стояла лѣстница для зажиганія паникадила.

„Господи помилуй-уй“, — пѣли на лѣвомъ клиросѣ. Какоі-то мальчишка подпѣвалъ противнымъ, рѣзавшимъ уши, крикомъ, не умѣя подладиться къ хриплому и глухому голосу дьячка. Это нескладное пѣніе еще болѣе сердило Илью, вызывая въ немъ желаніе надрать мальчишкѣ уши. Въ углу было жарко отъ нагретой печи, пахло горѣлой тряпкой. Какая-то старушка въ салопѣ подошла къ Ильѣ, взглянула въ лицо ему и брюзгливо сказала:

— Не на свое мѣсто встали, сударь мой...

Илья посмотрѣлъ на воротникъ ея богатаго салопы, украшенный хвостами куницы, и молча отодвинулся подумавъ:

„У купцовъ и въ церкви свои мѣста...“

Послѣ убійства Полуэктова онъ первый разъ пришелъ въ церковь и теперь, вспомнивъ объ этомъ, вздрогнулъ. При мысли о своемъ грѣхѣ онъ забылъ обо всемъ, но ему не стало страшно отъ этой мысли, а только грустно и тяжело...

— Господи! Помилуй!...—прошептала онъ крестясь.

Стройно и громогласно запѣли пѣвчіе. Голоса дискантовъ, отчетливо выговаривая слова пѣснопѣнія, звенѣли подъ куполомъ чистымъ и сладостнымъ звономъ маленькихъ тонкихъ колокольчиковъ, альты дрожали, какъ звучная, туго натянутая струна, и на фонѣ ихъ непрерывнаго звука, который лился подобно ручью, дисканты вздрагивали, какъ отблески солнца въ прозрачной струѣ воды. Густая, темная нота басовой партіи торжественно колыхалась въ воздухѣ, поддерживая собою пѣніе дѣтей; порою выдѣлялись красивые и сильные возгласы тенора и снова ярко блистали голоса дѣтей, возносясь въ сумракъ купола, откуда, величественно простирая руки надъ молящимися, задумчиво и грустно смотрѣлъ Вседержитель въ бѣлыхъ одеждахъ. Волны звуковъ и дымъ ладана поднимались къ Нему и окружали Его и Онъ, казалось, плавно движется въ нихъ, все восходя въ глубину высотъ. Вотъ пѣніе хора слилось въ одну яркую массу звуковъ и стало похоже на облако въ часъ заката, когда оно, розовое, алое и пурпурное, горитъ въ лучахъ солнца великолѣпіемъ своихъ красокъ и таетъ въ наслажденіи своей красотой...

Когда замерло пѣніе, Илья вздохнулъ глубокимъ, легкимъ вздохомъ. Ему было хорошо: онъ не чувствовалъ ни страха, ни раскаянія, ни даже того раздраженія, съ которымъ пришелъ сюда, и какъ-то не могъ остановить мысли на грѣхѣ своемъ. Пѣніе какъ бы облегчило его душу и очистило ее. Чувствуя себя такъ неожиданно хорошо, онъ недоумѣвалъ, не вѣрилъ ощущенію своему, но искалъ въ себѣ раскаянія и не находилъ его...

Но вдругъ тревожная мысль ударила въ его голову; онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и замеръ въ испугѣ:

„Что, если хозяйка войдетъ изъ любопытства въ его комнату, начнетъ рыться тамъ и найдетъ деньги?“

Илья быстро сорвался съ мѣста, вышелъ изъ церкви и, крикнувъ извозчика, поѣхалъ домой. Дорогой его мысль неотвязно развивалась, возбуждая его.

„Найдетъ... ну, что же? Они не донесутъ, они просто украдутъ сами...“

Но мысль, что они не донесутъ, а именно украдутъ деньги, еще болѣе возбудила его. Онъ чувствовалъ, что если это случилось, то сейчасъ же, на этомъ же извозчикѣ, онъ поѣдетъ въ полицію и скажетъ, что это онъ убилъ Полуэктова. Нѣтъ, онъ не хочетъ больше маяться и жить въ грязи, въ безпокойствѣ, тогда какъ другіе на деньги, за которыя онъ заплатилъ великимъ грѣхомъ, будутъ жить спокойно, уютно, чисто. Эта мысль

родила въ немъ холодное бѣшенство. Подбѣхавъ къ дому, онъ сильно дернулъ звонокъ и стиснулъ зубы, сжалъ кулаки, ожидая, когда ему отворять дверь.

Дверь отворила ему Татьяна Власьевна.

— Ухъ, какъ вы громко звоните!.. Что вы? Что съ вами?— испуганно вскричала она, взглянувъ на него.

Онъ молча оттолкнулъ ее, прошелъ въ свою комнату и съ перваго же взгляда понялъ, что всѣ его страхи напрасны. Деньги лежали у него за верхнимъ наличникомъ окна, а на наличникъ онъ чуть-чуть приклеилъ маленькую пушинку, такъ что, если бы кто коснулся денегъ, пушинка непременно должна была слетѣть. Но вотъ онъ ясно видѣлъ на коричневомъ наличникѣ—ея бѣлое пятнышко.

— Вы больны? -- тревожно спрашивала хозяйка, являясь въ двери.

— Да... нездоровится... вы извините: я толкнулъ васъ...

— Это пустяки... Подождите... сколько нужно дать извозчику?

— Сколько нибудь... Сдѣлайте милость, отдайте...

Она убѣжала, а Илья тотчасъ же вскочилъ на стулъ, выхватилъ изъ-за наличника деньги, на ощупь узналъ, что онѣ цѣлы и, сунувъ ихъ въ карманъ, облегченно вздохнулъ... Ему стало стыдно своей тревоги. Пушинка показалась ему глупой, смѣшной, какъ и все это...

— Наважденіе... — подумалъ онъ, внутренно усмѣхаясь. Въ двери снова явилась Татьяна Власьевна.

— Извозчику—двадцать,—торопливо заговорила она.—У васъ что—закружилась голова?

— Да... знаете, стою въ церкви... вдругъ это...

— Вы прилягте,—сказала женщина, входя въ комнату.—Прилягте не стѣняясь... А я посижу съ вами... Я одна,—мужъ отправился въ нарядъ, въ клубъ...

Илья сѣлъ на постель, а она на стулъ, единственный въ комнатѣ.

— Обезпокойлъ я васъ,—смущенно улыбаясь, сказалъ Илья.

— Ничего,—отвѣтила Татьяна Власьевна, пытливо и безцеремонно разглядывая его лицо. Помолчали. Илья не зналъ, о чемъ говорить съ этой женщиной, а она, все разглядывая его, вдругъ стала странно улыбаться.

— Что вы?—спросилъ Луневъ, опуская глаза.

— Сказать?—плутовато спросила она.

— Скажите...

— Не умѣете вы притворяться—вотъ что!

Илья вздрогнулъ и тревожно взглянулъ на женщину.

— Да, не умёте. Какой вы больной? Вовсе не больной, а просто получили вы одно неприятное письмо... я видѣла, видѣла.

— Да, получилъ...—тихо и осторожно сказалъ Илья.

За окномъ раздался шелестъ вѣтокъ. Женщина зорко посмотрѣла сквозь стекла и снова повернулась лицомъ къ Ильѣ.

— Это—вѣтеръ или птица. Вотъ что, мой хорошій постоялецъ, хотите вы меня послушать? Я хоть и молоденькая женщина, но неглупая...

— Сдѣлайте милость, говорите, — попросилъ Луневъ, съ любопытствомъ глядя на нее.

— Вотъ что,—солидно заговорила хозяйка,—вы это письмо разорвите и бросьте. Если она вамъ отказала, она поступила какъ паинька-дѣвочка, да. Жениться вамъ рано, вы необеспеченный человекъ, а необеспеченные люди не должны жениться. Вы здоровый юноша, можете много работать, и вы красивый,— васъ всегда полюбятъ... А сами вы пока влюбляться погодите. Работайте, торгуйте, копите деньги, добивайтесь, чтобъ завести какое-нибудь дѣло побольше, старайтесь открыть лавочку и тогда, когда у васъ будетъ что-нибудь солидное, женитесь. Вамъ все это удастся: вы не пьете, вы—скромный, одинокій...

Илья слушалъ, опустивъ голову, и внутренне улыбался. Ему хотѣлось засмѣяться вслухъ, громко, весело.

— Нечего вѣшать голову,—тономъ опытнаго человекъ продолжала Татьяна Власьевна.—Пройдетъ! Любовь—болѣзнь, легко излѣчимая. Я сама до замужества три разъ такъ влюблялась, что хоть топиться впору, и однако—прошло! А какъ увидала, что мнѣ ужъ серьезно пора замужъ выходить,—безо всякой любви вышла...

Илья быстро поднялъ голову и взглянулъ на женщину.

— Что вы? Потомъ полюбила... мужа... Женщина иногда можетъ и въ своего мужа влюбиться...

— Т. е. это какъ?—широко раскрывъ глаза, спросилъ Илья. Татьяна Власьевна засмѣялась веселымъ смѣхомъ.

— Это я пошутила... Но и серьезно скажу: можно выйти замужъ не любя, а потомъ полюбить...

И она снова зашебетала, играя своими глазками. Илья слушалъ внимательно, съ большимъ интересомъ и съ уваженіемъ разглядывая ея маленькую, стройную фигурку и удивлялся. Такая она маленькая, и такая твердая, надёжная, умная...

„Вотъ съ такой женой не пропадешь“,—думалъ онъ. Ему было приятно видѣть то: сидитъ съ нимъ женщина образованная, мужняя жена, а не содержанка, чистая, тонкая, настоящая барыня, и не кичится ничѣмъ передъ нимъ, простымъ человекѣмъ.

а даже говорить на „вы“. Эта мысль вызвала въ немъ чувство благодарности къ хозяйкѣ, и когда она встала, чтобъ уйти, онъ тоже вскочилъ на ноги, поклонился ей и сказалъ:

— Покорно благодарю, что не погнушались... бесѣдой вашей утѣшили меня...

— Утѣшила? Вотъ видите!—она тихонько засмѣялась, на щекахъ у нея вспыхнули красныя пятна и глаза нѣсколько секундъ неподвижно смотрѣли въ лицо Ильи.

— Ну, до свиданья... пока!—какъ-то особенно сказала она и ушла легкой походкой дѣвушки...

Съ каждымъ днемъ супруги Автономовы все больше нравились ему, и зависть къ ихъ спокойной жизни росла въ душѣ Ильи. Онъ не любилъ полицейскихъ, ибо видѣлъ много зла отъ нихъ, но Кирикъ казался ему простымъ рабочимъ человѣкомъ, добрымъ, недалекимъ. Онъ былъ тѣломъ, его жена—душой; онъ рѣдко бывалъ въ домѣ и мало значилъ въ немъ. Татьяна Власьевна все проще относилась къ Ильѣ. Она стала просить его наколоть дровъ, принести воды, выплеснуть помой. Онъ охотно исполнялъ ея просьбы, и незамѣтно эти маленькія услуги стали его обязанностями. Тогда хозяйка рассчитала рябую дѣвочку, сказавъ ей, чтобъ она приходила только по субботамъ.

Иногда къ Автономовымъ приходили гости, помощникъ частнаго пристава Корсаковъ, тощій человѣкъ съ длинными усами. Онъ носилъ темныя очки, курилъ толстыя папирсы, терпѣть не могъ извозчиковъ и всегда говорилъ о нихъ съ раздраженіемъ.

— Никто не нарушаетъ такъ порядка и благообразія, какъ извозчикъ,—разсуждалъ онъ. —Этотъ такіе нахальные скоты! Пѣшеходу всегда можно внушить уваженіе къ порядку на улицѣ, стоитъ только полицеймейстеру напечатать правило: „идушіе внизъ по улицѣ должны держаться правой стороны, идущіе вверхъ—лѣвой“, и тотчасъ же движенію на улицахъ будетъ придана дисциплина. Но извозчика не проймешь никакими правилами, извозчикъ это чортъ знаетъ, что такое!

Объ извозчикахъ онъ могъ говорить цѣлый вечеръ, и Луневъ никогда не слыхалъ отъ него другихъ рѣчей. Приходилъ еще смотритель пріюта для дѣтей Грызловъ, молчаливый человѣкъ съ черной бородой. Онъ любилъ пѣть басомъ „Какъ по морю, морю синему“, а жена его, высокая и полная женщина съ большими зубами, каждый разъ съѣдала всѣ конфеты у Татьяны Власьевны, за что послѣ ея ухода Автопомова ругала ее.

— Это Фелицата Егоровна на зло мнѣ дѣлаетъ! Непремѣнно сожретъ все, что есть сладкаго на столѣ...

Потомъ являлась Александра Викторовна Травкина съ мужемъ.

Она была высокая, тонкая съ большимъ носомъ и короткими, рыжими волосами. Глазастая и визгливая, она часто сморкалась съ такимъ страннымъ звукомъ, точно коленкоръ рвали. А мужъ ея говорилъ шопотомъ,—у него болѣло горло,—но говорилъ онъ неустанно, цѣлыми, часами, и во рту у него точно сухая солома шуршала. Былъ онъ человѣкъ очень зажиточный, служилъ по акцизу, состоялъ членомъ правленія въ какомъ-то благотворительномъ обществѣ, и оба они съ женой постоянно говорили о благотворительности.

— А у насъ въ Обществѣ какой случай вышелъ...

— Да, да, да,—представьте!—вскрикивала его супруга.

— Поступаетъ прошеніе о пособіи...

— Я вамъ скажу,—эти благотворительности только портятъ людей...

— Женщина пишетъ: мужъ умеръ, трое дѣтей, сажу безъ хлѣба...

— Какъ всегда, знаете...

— Выдаютъ три рубля...

— Но я, я не вѣрю этимъ вдовамъ!—торжествующимъ тономъ восклицаетъ Александра Викторвна.

— И вотъ жена говоритъ мнѣ: дай-ка, говорить, я пойду погляжу, что она такое.

— И что же оказалось? Мужъ умеръ пять лѣтъ тому назадъ,—разъ!

— Дѣтей—двое,—два!

— Каково?

— И притомъ сама она здоровая женщина!

— Тутъ я ее... а ты, матушка, хочешь къ мировому за шантажъ? Она—въ ноги мнѣ...

— Ха, ха, ха!—смѣялся Кирикъ Автономовъ.

И всѣ, похваливая Александру Викторвну за проницательность, ругали бѣдныхъ, обвиняли ихъ во лжи, въ жадности, въ непочтительности къ людямъ, которые желаютъ имъ добра...

Луневъ, сидя въ своей комнатѣ, внимательно вслушивался въ разговоръ, желая понять, что и какъ они говорятъ о жизни? И то, что онъ слышалъ, было непонятно ему. Казалось, что эти люди давно уже о всемъ переговорили другъ съ другомъ, все рѣшили, все знаютъ и строго осудили всѣхъ другихъ людей, которые живутъ иначе, чѣмъ они. Они говорили чаще всего о скандалахъ въ разныхъ семьяхъ, объ архіерейской службѣ, о дурномъ поведеніи знакомыхъ женщинъ и мужчинъ. Ильѣ было скучно слушать ихъ.

Иногда вечеромъ хозяева приглашали постояльца пить чай. За чаемъ Татьяна Власьевна весело шутила, а ея мужъ мечталъ

о томъ, какъ бы хорошо не служить, а разбогатѣть сразу и—купить домъ.

— Развелъ бы я куръ...—сладко прищуривая глаза, говорилъ онъ.—Всѣхъ породъ: брамапутръ, кохинхинъ, цыцарокъ, индюшекъ... и павлина! Да! Хорошо, чортъ возьми, сидѣть у окна въ халатѣ, курить душистую папиросу и смотрѣть, какъ по двору, распустя хвостъ зонтомъ, твой собственный павлинъ ходитъ! Ходитъ эдакимъ полицеймейстеромъ и ворчитъ: брю, брю, брю!

Татьяна Власьева смѣялась тихимъ, вкуснымъ смѣшкомъ и, поглядывая на Илью, тоже мечтала:

— А я бы тогда лѣтомъ ѣздила путешествовать въ Крымъ, на Кавказъ, а зимой засѣдала бы въ обществѣ попеченія о бѣдныхъ. Сшила бы себѣ черное суконное платьѣ, самое скромное, и никакихъ украшеній, кромѣ броши съ рубиномъ и сережекъ изъ жемчуга. Я читала въ „Нивѣ“ стихи, въ которыхъ было сказано, что кровь и слезы бѣдныхъ обратятся на томъ свѣтѣ въ жемчугъ и рубины. И тихонько вздохнувъ, она заключала:

— Рубины удивительно идутъ къ брюнеткамъ...

Илья молчалъ и улыбался. Въ комнатѣ было тепло, чисто, пахло вкуснымъ чаемъ и еще чѣмъ-то, тоже вкуснымъ. Въ клѣткахъ, свернувшись въ пушистые комки, спали птички, на стѣнахъ висѣли яркія картинки. Маленькая этажерка, въ простѣнкѣ между оконъ, была уставлена красивыми коробочками изъ-подъ лѣкарствъ, курочками изъ фарфора, разноцвѣтными пасхальными яйцами изъ сахара и стекла. Все это правилось Ильѣ и навѣвало на него какую-то тихую, пріятную грусть.

Но порой, — особенно во дни неудачъ,—эта грусть перерождалась у Ильи въ какое-то досадное, безпокойное чувство. Курочки, коробочки и яички раздражали его, хотѣлось подойти къ нимъ, швырнуть ихъ на полъ и растоптать. Это настроеніе и удивляло, и пугало Илью: онъ не понималъ его, оно казалось ему чужимъ. Когда оно охватывало его, онъ упорно молчалъ, глядя въ одну точку и боясь говорить, чтобъ не обидѣть чѣмъ-нибудь этихъ милыхъ людей. Но какъ-то разъ, играя въ карты съ хозяевами, онъ не сдержался и, въ упоръ глядя въ лицо Кирика Автономова, спросилъ его сухимъ голосомъ:

— А что, Кирикъ Никодимовичъ, такъ вы и не нашли того, который купца на Дворянской задушилъ?..

Спросилъ—и почувствовалъ въ груди какое-то особенно пріятное, жгучее щекотаніе.

— Т. е. Полуэктова?—разсматривая свои карты, задумчиво сказалъ околоточный. И тотчасъ же повторилъ: —т. е. Полуэктова? вва-ва-ва... Нѣтъ, я не нашель Полуэктова — вва-ва-ва... не на-

шель, другъ мой... т. е. не Полуэктова, а того, котораго... Я и не искалъ... и не нашель... и мнѣ его не надо... а надо мнѣ знать—у кого дама пикъ? Пикъ-пикъ-пикъ! Ты, Таня, ходила ко мнѣ тройкой—дама трефъ, дама бубень и—что еще?

— Семерка бубень... думай скорѣе...

— Такъ и пропаль челоуѣкъ!—сказаль Илья, дерзко усмѣхаясь.

Но околочный не обращаль на него вниманія, углубленный въ обдумываніе хода.

— Такъ и пропаль, — повториль онъ. — Такъ и укокошили Полуэктова—ва-ва-ва...

— Киря, оставь вавкаты,—сказала его жена.—Ходи скорѣе...

— Погоди, погоди, погоди!

— Ловкій, должно быть, челоуѣкъ убиль! — не отставать Илья. Невниманіе къ его словамъ еще болѣе разжигало его охоту говорить объ убійствѣ.

— Ло-овкій?—протянуль околочный. — Нѣтъ, это я вотъ—ловкій! Р-разъ!

И громко шлепнувъ картами по столу, онъ пошелъ къ Ильѣ пяткомъ. Илья не могъ раскрыть и остался въ дуракахъ. Супруги смѣялись надъ нимъ, а его еще болѣе раздражало это. И, сдавая карты, онъ упрямо говорилъ:

— Среди бѣлаго дня, на главной улицѣ города убить челоуѣка—для этого надо имѣть храбрость...

— Счастье, а не храбрость, — поправила его Татьяна Власьева.

Илья посмотрѣль на нее, на ея мужа, негромко засмѣялся и спросиль:

— Убить—счастье?

— Ну-да! Т. е. убить и не попасть въ тюрьму.

— Опять мнѣ бубноваго туза влѣпили!—сказаль околочный.

— Его мнѣ бы надо!—сказаль Илья серьезно.

— Убейте купца, и дадутъ!—пообѣщала ему Татьяна Власьева, думая надъ картами.

— Во-оть! Убей и получишь туза суконнаго, а пока получи картоннаго!—бросивъ Ильѣ двѣ девятки и туза, сказаль Кирикъ и громко захохоталь.

Луневъ снова посмотрѣль на ихъ довольныя, веселыя лица, и у него пропала охота говорить объ убійствѣ.

Бокъ-о-бокъ съ этими людьми, отдѣленный отъ чистой и спокойной жизни тонкой стѣной, онъ все чаще испытываль приступы тяжелой скуки. Она вливалась въ грудь ему густой холодной влагой, и онъ не могъ понять, откуда она?

Съ нею вмѣстѣ являлись думы о противорѣчяхъ жизни, о

Богъ, который все знаетъ, но не наказываетъ, терпѣливо ожидая... Чего Онъ ждетъ?

Отъ скуки Луневъ снова началъ читать; у хозяйки было нѣсколько томовъ „Нивы“ и „Живописнаго Обзорѣнія“ и еще какія-то растрепанныя книжонки.

И такъ же, какъ въ дѣтствѣ, ему нравились только тѣ рассказы и романы, въ которыхъ описывалась жизнь чужая, неизвѣстная ему, а не та, настоящая, несправедливая жизнь, въ которой онъ жилъ. Когда же ему попадались рассказы о дѣйствительной жизни, о бытѣ простонародья, онъ находилъ ихъ скучными и невѣрными. Порою они смѣшили его, а порой ему думалось, что эти рассказы пишутся какими-то хитрыми людьми, которые хотятъ прикрасить и пригладить эту темную, тяжелую жизнь. Онъ зналъ ее и узнавалъ все болѣе. Расхаживая по улицамъ, онъ каждый день видѣлъ что-нибудь такое, что настраивало его на критическій ладъ. И приходя въ больницу, Луневъ говорилъ Павлу, насмѣшливо улыбаясь:

— Порядки! Видѣлъ я давеча—идутъ тротуаромъ плотники и штукатуры. Вдругъ—полицейскій: ахъ вы, черти! И прогналъ ихъ съ тротуара. Дескать, ходи тамъ, гдѣ лошади ходятъ, а то господъ испачкаешь грязной твоей одеждой... Строй мнѣ домъ, а самъ жмись въ комъ... ха!

Павель тоже вспыхивалъ и еще больше подкладывалъ сучьевъ въ огонь. Онъ томился въ больницѣ, какъ въ тюрьмѣ, думы не давали ему покоя, глаза у него горѣли тоскливо и злобно. Мысль о томъ, гдѣ и какъ живетъ Вѣра, приводила его въ какое-то оцѣпенѣніе, и онъ худѣлъ, какъ таялъ. Яковъ Филимоновъ не нравился ему, и, несмотря на скуку, онъ не могъ сойтись съ нимъ.

— Ну, его! Какой-то онъ полумумный... что ли,—отвѣтилъ онъ Ильѣ на вопросъ о Яковѣ.

А Яковъ, у котораго оказались сломанными два ребра, лежа въ больницѣ, блаженствовалъ. Онъ свелъ дружбу съ сосѣдомъ по койкѣ, церковнымъ сторожемъ, которому недавно отрѣзали ногу, пораженную саркомой. Это былъ человѣчекъ толстый, коротенькій, съ огромной лысой головой и черной бородою во всю грудь. Брови у него были большія, какъ усы, онъ постоянно шевелилъ ими, а голосъ его былъ глухъ, точно выходилъ изъ живота. Каждый разъ, когда Луневъ являлся въ больницу, онъ заставлялъ Якова сидящимъ на койкѣ сторожа. Сторожъ лежалъ и молча шевелилъ бровями, а Яковъ читалъ вполголоса библію, такую же коротенькую и толстую, какъ сторожъ.

„Такъ! ночью будетъ разоренъ Аръ-Моавъ и уничтоженъ; такъ! ночью будетъ разоренъ Киръ-Моавъ и уничтоженъ!“.

Голосъ у Якова сталъ слабый и звучалъ, какъ скрипъ пилы, рѣжущей дерево. Читая, онъ поднималъ лѣвую руку кверху, какъ бы приглашая слушать зловѣщія пророчества Исаии всѣхъ больныхъ въ палатѣ. Съ лица у него еще не сошли синія пятна отъ побоевъ, и большіе мечтательные глаза среди нихъ придавали лицу его что-то страшное. Увидавъ Илью, онъ бросалъ книгу и съ безпокойствомъ спрашивалъ товарища всегда объ одномъ:

— Машутку не видать?..

Илья не видать ея.

— Господи! — печально говорилъ Яковъ. — Какъ все это... словно въ сказкѣ! Была—и вдругъ колдунъ похитилъ и нѣтъ ея больше...

— Отецъ былъ?—спрашивалъ Илья.

— Былъ... Опять былъ...

Лицо у Якова вздрагивало и глаза пугливо двигались.

— Принесъ фунтъ кренделей, чаю, сахару... Будеть, говорить, валяться-то, выписывайся! Я умолилъ доктора, чтобы меня не отпускали отсюда... Хорошо здѣсь... тихо, скромно... Вотъ—Никита Егоровичъ, читаемъ мы съ нимъ,—библію онъ имѣетъ. Семь лѣтъ читалъ ее, все въ ней наизусть знаетъ и можетъ объяснить пророчества... Выздоровлю я—буду жить съ Никитой Егорычемъ, уйду отъ отца! Буду помогать въ церкви Никитѣ Егорычу и пѣть на лѣвомъ клиросѣ...

Сторожъ медленно поднималъ брови; подъ ними въ глубокихъ орбитахъ тяжело ворочались огромные, темные глаза. Они смотрѣли въ лицо Ильи спокойно и безъ блеска, неподвижнымъ матовымъ взглядомъ, и Луневу хотѣлось отворотиться отъ нихъ.

— Какая это книга хорошая—библія!—захлебываясь отъ удовольствія, вскрикивалъ Яковъ, забывая Машу, отца, свои мечты.—Что въ ней сказано, братъ! Какія слова!

Его широко открытые глаза прыгали со страницъ книги на лицо Ильи и обратно, и весь онъ трепеталъ въ оживленіи.

— И это есть,—помнишь, начетчикъ въ трактирѣ говорилъ: „Покойны шатры у грабителей?“ Есть, я нашель! И хуже есть!

Закрывъ глаза, съ поднятой кверху рукою онъ наизусть возглашалъ торжественнымъ голосомъ:

— „Часто ли угасаетъ свѣтильникъ у незаконныхъ и находитъ на нихъ бѣда, и Онъ дастъ имъ въ удѣлъ страданія во гнѣвѣ своемъ?“—Слышишь? „Скажешь: Богъ бережетъ для дѣтей Его несчастье его. Пусть воздастъ Онъ ему самому, чтобы онъ зналъ“...

— Неужто такъ и сказано?—съ недоувѣріемъ спросилъ Илья.

— Слово въ слово!..

— По-моему это... нехорошо... грѣхъ!—сказаль Илья.

Сторожъ двинуль бровями, и онѣ закрыли ему глаза. Борода его зашевелилась, и внятно глухимъ, страннымъ голосомъ онѣ сказалъ:

— Дерзновеніе челоуѣка правды ищущаго не есть грѣхъ, ибо творится по внушенію свыше...

Илья вздрогнулъ. А сторожъ глубоко вздохнулъ и сказалъ еще такъ же медленно и внятно:

— Правда сама внушаетъ челоуѣку — ищи меня! Ибо правда—есть Богъ... А сказано: „великая слава—слѣдовать Господу“...

Лицо сторожа, сплошь заросшее густыми волосами, внушало Ильѣ уваженіе и робость: было въ этомъ лицѣ что-то важное, суровое.

Вотъ брови сторожа поднялись, онѣ устоялись глазами въ потолокъ и вновь волосы на его лицѣ зашевелились.

— Прочитай ему, Яша, отъ Іова начало десятой главы...

Яковъ молча, поспѣшно переброесилъ нѣсколько страницъ книги и прочелъ тихо, вздрагивающими звуками:

„Опротивѣла душѣ моей жизнь моя, предамся печали моей, буду говорить въ горести души моей. Скажу Богу: не обвиняй меня, скажи мнѣ, за что Ты со мной борешься? Хорошо ли для Тебя, что Ты угнетаешь, что Ты презираешь дѣло рукъ Твоихъ“...

Илья вытянулъ шею и заглянулъ въ книгу, мигая глазами.

— Не вѣришь?—воскликнулъ Яковъ.—Вотъ чудакъ!

— Не чудакъ, а трусь,—спокойно сказалъ сторожъ,—ибо не можетъ смотрѣть въ лицо Бога...

Онѣ тяжело перевелъ свой матовый взглядъ съ потолка на лицо Ильи и сурово, точно хотѣлъ словами раздавить его, продолжалъ:

— Есть рѣчи и еще тяжелѣе читаннаго. Стихъ третій, двадцать второй главы, говоритъ тебѣ прямо: „Что за удовольствіе Вседержителю, что ты праведенъ? И будетъ ли Ему выгода отъ того, что ты держишь пути твои въ непорочности?“... И нужно долго понимать, чтобы не ошибиться въ этихъ рѣчахъ...

— А вы... понимаете?—тихо спросилъ Луневъ.

— Онѣ?—воскликнулъ Яковъ. — Никита Егоровичъ все понимаетъ!

Но сторожъ сказалъ, еще понизивъ свой голосъ:

— Мнѣ — поздно... Мнѣ ужъ надо смерть понимать... Отрѣзали мнѣ ногу, а она, вотъ, выше пухнетъ... и другая пухнетъ... а также и грудь... и я умру скоро отъ этого...

Глаза его давили лицо Ильи, и медленно, спокойно онъ говорилъ:

— А умирать мнѣ не хочется... потому что жилъ я плохо, въ обидахъ и огорченіяхъ, радостей же—не было въ жизни моей. Смолоду—работалъ все и, какъ Яша, жилъ подъ отцомъ. Былъ онъ пьяница и звѣрь... Трижды голову мнѣ проламывалъ и разъ кипяткомъ ноги сварилъ. Матери не было: родивъ меня, померла. Женился. Насильно пошла за меня жена,—не любила... На третьи сутки послѣ свадьбы повѣсилась. Да... Зять былъ. Ограбилъ меня; сестра же сказала мнѣ, что это я жену въ петлю вогналъ. И всѣ такъ говорили, хотя знали—не тронулъ я ее, и какъ была она дѣвкой, такъ и... издохла. Жилъ я послѣ того еще девять лѣтъ. Одинъ. Страшно жить одному!.. Все ждалъ, когда радости будутъ. И вотъ—помираю. Только и всего.—Онъ закрылъ глаза, помолчалъ и вновь, уже не глядя, спросилъ:

— Зачѣмъ жилъ? Отгадай...

Илья слушалъ его тяжелую рѣчь, блѣдный, со страхомъ въ сердцѣ. Лицо Якова побурѣло, на глазахъ у него сверкали слезы. Они оба молчали.

— Зачѣмъ жилъ, спрашиваю?.. Обиженъ я Господомъ... Не прошу Его продлить жизнь... Нѣтъ словъ. Лежу вотъ и думаю—зачѣмъ жилъ?..

Голосъ сторожа изсякъ. Онъ порвался сразу, какъ будто по землѣ текъ мутный ручей и вдругъ скрылся подъ землю.

„Кто находится между живыми, тому еще есть надежда, такъ какъ и псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву“,—заговорилъ сторожъ, не побѣдивъ молчанія. Опять его брови шевельнулись, открывъ глаза. И борода зашевелилась снова.

— Тамъ же, въ Екклесіастѣ, сказано: „Во дни благополучія пользуйся благомъ, а во дни несчастія — размышляй: то и другое содѣялъ Богъ для того, чтобъ человѣкъ не могъ ничего сказать противъ Него“... А-а-а?

Больше Илья не могъ слушать. Онъ тихо всталъ и, пожавъ руку Якова, поклонился сторожу тѣмъ низкимъ поклономъ, которымъ прощаются съ мертвыми. Это вышло у него случайно.

Въ этотъ разъ онъ вынесъ изъ больницы какую-то неловкость въ сердцѣ, что-то новое, тяжелое. Разговоръ со сторожемъ не поселилъ въ его головѣ ни одной ясной мысли, но мрачный образъ этого человѣка глубоко врѣзался въ его память. Увеличилось еще однимъ количество людей, обиженныхъ жизнью и знакомыхъ ему. Онъ хорошо запомнилъ слова сторожа и долго переворачивалъ ихъ на всѣ лады, стараясь понять ихъ сокровенный смыслъ. Они мѣшали ему, возмущая что-то въ самой глу-

бинѣ его души, именно тамъ, гдѣ хранилъ онъ свою вѣру въ справедливость Бога. И эти слова, оставаясь непонятыми имъ, будили въ немъ тѣ ѣдкія думы, которыя всегда заставляли его перебирать и пересматривать все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ жизни...

И ему казалось теперь, что когда-то, незамѣтно для него, его вѣра въ справедливость Бога пошатнулась, что она не такъ уже крѣпка, какой была прежде: что-то разѣбло ее, какъ ржавчина желѣзо. Онъ ясно чувствовалъ, что это случилось въ его душѣ: тяжелая сумятица, поднятая въ немъ жалобами сторожа, убѣждала его въ этомъ. Въ его груди бушевало что-то несоединимое, какъ вода и огонь. И съ новой силой въ немъ возникло озлобленіе противъ своего прошлаго, всѣхъ людей и всѣхъ порядковъ жизни.

Озлобленный, онъ думалъ, наконецъ:

„Врастаютъ думы въ сердце, какъ корни въ землю, а гдѣ плоды?..“

Ему хотѣлось вырвать, выбросить изъ себя все это и скорѣе пачать устройство чистой, одинокой, спокойной жизни.

„Перестать надо соваться къ людямъ-то. Ни себѣ, ни имъ пользы отъ этого нѣтъ. А такъ жить нельзя...“

Онъ долго ходилъ по улицамъ и пришелъ домой усталый, мрачный...

Автономовы обращались съ нимъ все ласковѣе. Кирикъ покровительственно хлопалъ его по плечу, шутилъ съ нимъ и осяисто говорилъ:

— Ты пустяками занимаешься, братецъ. Такой скромный, серьезный парень долженъ развернуться шире. Потому что, если у человѣка способности частнаго пристава,—не подобаешь ему служить околоточнымъ...

А Татьяна Власьева стала внимательно и подробно спрашивать Илью о томъ, какъ идетъ его торговля и сколько въ мѣсяцъ имѣетъ онъ чистой прибыли. Онъ всегда охотно говорилъ съ ней, и въ немъ все повышалось уваженіе къ этой женщинѣ, умѣвшей изъ пустяковъ устроить такую чистую и милую жизнь...

Однажды вечеромъ, когда онъ, охваченный скукой, сидѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна и, глядя въ темный садъ, вспоминалъ Олимпиаду, Татьяна Власьева вышла въ кухню и позвала его пить чай. Онъ пошелъ неохотно: ему жаль было отвлекаться отъ своихъ думъ и не хотѣлось ни о чемъ говорить. Хмуро, молча онъ сѣлъ за чайный столъ и, взглянувъ на хозяевъ, увидалъ, что лица у нихъ торжественны и озабочены чѣмъ-то. Они тоже молчали. Сладко курлыкали самоваръ, какая-

то птичка, проснувшись, металась въ клѣткѣ. Пахло печенымъ лукомъ и одеколономъ. Кирикъ повернулся на стулѣ и, забарабанивъ пальцами по краю подноса, запѣлъ:

— Тир-рим, тир-рим, тар-рам-рам! Бум, бум, тру-ту-ту! тру-ту-ту!..

— Илья Яковлевичъ!—внушительно заговорила жепщица.— Мы съ мужемъ обдумали... одно дѣло... и хотимъ поговорить съ вами серьезно...

— Хо, хо, хо!—вдругъ захохоталъ околоточный и сталъ крѣпко потирать свои красныя руки. Илья вздрогнулъ, удивленно взглянувъ на него.

— Погоди-же, Кирикъ! Это совсѣмъ неумѣстно — смѣяться...

— Мы обдумали!—широко улыбаясь, воскликнулъ околоточный и, подмигнувъ Ильѣ на жену, добавилъ:

— Геніальная башка!

— Мы скопили немножко денегъ, Илья Яковлевичъ.

Мы скопили! Хо, хо, хо! Ми-лая моя!..

— Киря! Перестань!—строго сказала Татьяна Власьева. Лицо у нея стало сухое и еще болѣе заострилось.

— Мы скопили рублей... около тысячи,—говорила она вполголоса, наклоняясь къ Ильѣ и впиваясь острыми глазками въ его глаза. Онъ сидѣлъ спокойно, но чувствовалъ, что въ груди у него что-то играетъ.

— Деньги эти лежатъ въ банкѣ и даютъ намъ четыре процента...

— А этого мало, чортъ ихъ возьми!—вскричалъ Кирикъ, стукнувъ рукой по столу.—Мы хотимъ...

Жена остановила его строгимъ взглядомъ.

— Намъ, конечно, вполнѣ достаточно такого процента. Но... мы хотимъ помочь вамъ выйти на дорогу... Вы—такой... солидный...

Она сказала нѣсколько комплиментовъ Ильѣ и продолжала:

— Вы говорили, что галантерейный магазинъ можетъ дать процентовъ двадцать и даже болѣе, смотря по тому, какъ поставитъ дѣло. Ну-съ, мы готовы дать вамъ подѣ вексель на срокъ,—до предъявленія, не иначе,—наши деньги съ условіемъ, что вы открываете на нихъ магазинъ. Торговать вы будете подѣ моимъ контролемъ, а прибыль мы дѣлимъ пополамъ. Товаръ вы страхуете на мое имя, а кромѣ того вы даете мнѣ на него еще одну бумажку... пустая бумажка! Но она необходима для формы. Вотъ... пу-те-ка, подумайте надѣ этимъ и скажите: да или нѣтъ?

Илья слушалъ ея тонкій, сухой голосъ и крѣпко теръ себѣ лобъ. Нѣсколько разъ въ теченіе ея рѣчи онъ поглядывалъ въ уголъ, гдѣ блестяла золоченая риза иконы съ вѣнчальными свѣ-

чами по бокамъ ея. Онъ не удивлялся, но ему было какъ-то не ловко, даже боязно. Это предложеніе, сразу осуществлявшее его давнюю мечту, ошеломило его и въ то же время обрадовало. Растерянно улыбаясь, онъ смотрѣлъ на маленькую женщину и думалъ:

„Вотъ она, судьба...“

А она говорила ему тономъ матери:

— Подумайте объ этомъ хорошенько; рассмотрите дѣло со всѣхъ сторонъ. Можете ли вы взяться за него, хватить ли силъ, умѣнья? И потомъ, скажите намъ, кромѣ труда, что еще можете вложить вы въ дѣло? Нашихъ денегъ—мало... не такъ ли?

— Я... могу,—медленно заговорилъ Илья—вложить рублей пятьсотъ. Мнѣ дядя дастъ... Дядя у меня... я говорилъ вамъ... онъ дастъ! Можетъ быть и больше...

— Ур-ра!—крикнулъ Кирикъ Автономовъ.

— Значить—вы согласны?—спросила Татьяна Власьевна.

— Я... согласенъ!—сказалъ Луневъ.

— Ну еще бы!—закричалъ околodочный и, сунувъ руку въ карманъ, заговорилъ громко и возбужденно.—Ну, а теперь—пьемъ шампанское! Шампанское, чортъ побери мою душу вмѣстѣ съ пятками! Илья, бѣги, братецъ, въ погребокъ... тащи шампань! Дерпемъ бутылочку... На, мы тебя угощаемъ. Спрашивай допского шампанскаго въ девять гривенъ и скажи, что это мнѣ Автономову,—тогда за шестьдесятъ пять отдадутъ... Иди, живо-о

Илья съ улыбкой поглядѣлъ на сіяющія лица супруговъ и ушелъ.

Онъ думалъ, что вотъ судьба ломала, тискала его, супула въ тяжелый грѣхъ, смутила душу, а теперь какъ будто прощенья у него просить, улыбается, угождаетъ ему... Теперь предъ нимъ открыта свободная дорога въ чистый уголь жизни, гдѣ онъ будетъ жить одинъ спокойно и умиротворить свою душу. Онъ лишилъ жизни одного, а поможетъ жить—многимъ и тѣмъ поквитается съ Господомъ. Вѣдь Господь не взыщетъ съ него строго: Онъ—все знаетъ. Олимпиада-то права: въ убійствѣ онъ рукой былъ, а не силой. И, видимо, самъ же Господь и помогаетъ ему оправдаться, облегчая достиженіе желанной, чистой жизни. Мысли кружились въ его головѣ веселымъ хороводомъ и вливали въ сердце, невѣдомую Ильѣ до этой поры, бодрость.

Онъ принесъ изъ погребка настоящаго шампанскаго, заплативъ за бутылку семь рублей.

— Ого-о!—воскликнулъ Автономовъ.—Это шиказно, братецъ! Въ этомъ есть идея, да-а!

Татьяна Власьевна отнеслась иначе. Она укоризненно покачала головой и, рассмотрѣвъ бутылку, съ укоромъ сказала:

— Рублей пять? Ай-ай-ай, Илья Яковлевичъ, какъ это непрактично, какъ несолидно!

Луневъ, счастливый и умиленный, стоялъ предъ ней и улыбался.

— Настоящее!—сказалъ онъ, полный радости.—Въ первый разъ въ жизни моей настоящаго хлебну! Какая жизнь была у меня? Вся—фальшивая... грязь, грубость, тѣснота... огорченія, обиды и всякія муки для сердца... Развѣ это настоящее? Развѣ этимъ можно человѣку жить?

Онъ коснулся наболѣвшаго мѣста въ душѣ своей,—въ слова его влилась горечь, глаза потемнѣли; глубоко вздыхая, онъ продолжалъ сильно и твердо:

— Я съ малыхъ лѣтъ настоящаго искалъ, а жилъ... какъ щепка въ ручьѣ... бросало меня изъ стороны въ сторону... и все вокругъ меня было мутное, грязное, безпокойное. Пристать мнѣ было не къ чему... Видѣлъ я вокругъ себя одно горе, несправедливость, грабежъ... и всякую пакость. И вотъ—бросило меня къ вамъ. Вижу—въ первый разъ въ жизни!—живутъ люди тихо, чисто, въ любви...

Онъ посмотрѣлъ на нихъ съ ясной улыбкой и низко поклонился имъ.

— Спасибо вамъ! У васъ я душу облегчилъ... ей-Богу! Вы мнѣ даете помощь сразу на всю жизнь! Теперь я пойду! Теперь ужъ я знаю, какъ жить! И мнѣ будетъ хорошо, и другимъ не плохо... Сколько несчастныхъ людей на землѣ! Сколько ихъ зря гибнетъ... Все это я видѣлъ, все знаю...

Татьяна Власьева смотрѣла на него взглядомъ кошки на птицу, увлеченную своимъ пѣніемъ. Въ глазахъ у нея сверкала зеленый огонекъ, а губы вздрагивали. А Кирикъ возился съ бутылкой, сжимая ее колѣнями и наклоняясь надъ ней. Шея у него налилась кровью, уши двигались...

— Товарищи мои... есть у меня два товарища... дѣвушка...

Пробка хлопнула, ударилась въ потолокъ и упала на столъ. Задребезжалъ стаканъ, задѣтый ею...

Кирикъ, чмокая губами, разлилъ вино въ стаканы и scomандовалъ:

— Берите!

А когда его жена и Луневъ взяли стаканы, онъ поднялъ высоко надъ головой свой стаканъ и крикнулъ:

— За преуспѣяніе фирмы „Татьяна Автономова и Луневъ“—ур-ра-а!

М. Горькій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Какъ возникъ „Заратустра“.

Елизаветы Ферстеръ-Ницше.

Переводъ М. Антоновской.

Въ жизни великаго человѣка все является или предназначаемиъ судьбы, или важнымъ событіемъ; мнголетныя встрѣчи, незначительныя происшествія, виды природы, письма, книги, — все является счастливымъ указаніемъ или, дѣйствуя подобно року, зажигаетъ мучительную тоску, пробуждаетъ глубочайшее блаженство и, въ заключеніе, служитъ зародышемъ удивительнаго расцвѣта искусства. Это таинственное взаимодѣйствіе самыхъ обыденныхъ случаевъ въ жизни моего брата съ его наивысшей творческой дѣятельностью было побудительной причиной моихъ размышленій тѣмъ болѣе, что тогда же, въ августѣ 1896 года, почитатели брата въ Россіи, Сѣверной Америкѣ, Италіи и Австріи устно и письменно обращались ко мнѣ съ вопросами: Какъ возникъ „Заратустра“? Великъ ли Ницше больше какъ поэтъ, или какъ философъ, не больше ли онъ поэтъ, чѣмъ философъ? Какъ поступалъ онъ, когда писалъ „Заратустру“? „Это не праздные вопросы“, — замѣтилъ одинъ изъ близкихъ друзей. Нѣтъ, безъ сомнѣнія нѣтъ, и здѣсь, я постараюсь, насколько возможно ясно, отвѣтить на первый и второй вопросы, воспользовавшись еще незаданными рукописями брата; на остальные вопросы каждый изъ почитателей Ницше найдетъ отвѣтъ, руководствуясь указаніями собственной индивидуальности.

„Заратустра“ представляетъ глубоко индивидуальное произведеніе моего брата: это исторія его внутренней жизни, его дружбы, его идеаловъ, его радостей, его самыхъ горькихъ разочарованій и страданій; и надо всѣмъ этимъ господствовать и все освѣщаетъ изображеніе его наивысшихъ надеждъ и конечной цѣли. Въ воспоминаніяхъ, написанныхъ имъ осенью 1888 года, онъ рассказываетъ о первыхъ проблескахъ зарожденія идеи „Заратустры“:

„Основная мысль произведенія, идея о вѣчномъ возвращеніи всѣхъ вещей, эта высшая формула утвержденія, какая вообще можетъ быть достигнута, относится къ августу 1881 года; она набросана на листкѣ бумаги съ припиской: „На высотѣ 6.000 футъ надъ человѣкомъ и временемъ“. Я гулялъ каждый день въ тѣсу вдоль озера Сильваплана и останавливался для отдыха на величественной

пирамидальной вершинѣ близъ Зурлея. Тутъ-то и пришла мнѣ въ голову эта идея. Обращаясь къ тому, что было мѣсяца два тому назадъ, я нашель, какъ предназнаменованіе, вьсазанные и въ корнѣ измѣнявшіеся во мнѣ вкусы, и прежде всего въ области музыки. Можетъ быть, всего „Заратустру“ надо отнести къ музыкѣ: несомнѣнно, переѣзжа во взглядахъ на музыку было предварительнымъ условіемъ его возникновенія. Въ маленькомъ горномъ курортѣ за Вицензой, Рескоарѣ, гдѣ я провелъ весну 1881 года, я открыль вѣстѣ со своихъ маэстро и другомъ Петромъ Гастомъ, что фениксъ музыки, пролетѣлъ надъ нами въ опереніи болѣе блестящемъ и болѣе легкомъ, чѣмъ когда-либо. Если считать съ этого дня до момента родовъ, наступившихъ при самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ въ февралѣ 1883 года (заключительная глава была окончена какъ разъ въ тотъ священный моментъ, когда въ Венеціи скончался Рихардъ Вагнеръ), то беременность моя продолжалась восемнадцать мѣсяцевъ. Число это, по крайней мѣрѣ у буддистовъ, могло дать поводъ къ предположенію, что я самка слона. Въ промежутокъ времени возникла „Радостная наука“, содержащая въ себѣ сотни указаній на приближеніе чего-то несравненнаго; въ концѣ концовъ она даетъ начало „Заратустры“, а въ предпоследней части четвертой книги (афоризмъ 341) — начало основнымъ его идеямъ“...

Но идеи эти впервые были осуществлены зимою 1882—83 года, когда братъ мой такъ безконечно нуждался въ утѣшеніи и когда онъ впервые испыталъ весь ужасъ одиночества, составляющаго повидимому удѣлъ всего великаго.

Дружба въ жизни моего брата играла совсѣмъ необычную роль. Слово „другъ“ звучало для него чѣмъ-то святымъ; чувствовать одинаково съ друзьями, переживать съ ними и радость, и горе, „съ одинаковой вѣрой и надеждой“ стремиться къ высшимъ цѣлямъ — было для него блаженствомъ. Начиная съ 1878 года общія узы дружбы немного ослабѣли, взаимная любовь еще существовала, но пониманіе другъ друга отсутствовало: радости не были общими, и страданія не вызывались однимъ и тѣмъ же гнетомъ. Къ почтительному тону къ себѣ, къ которому привыкъ мой братъ отъ своихъ друзей, присоединилась слегка покровительственная нотка, оскорблявшая его на половину безсознательно. Лѣтомъ 1882 года была сдѣлана попытка завязать новую дружбу, но она имѣла очень печальный исходъ: запутала прежнія дружественныя отношенія и впервые въ нашей жизни вызвала между мной и моимъ братомъ недоразумѣнія. Всѣ эти несприятности черной тучей нависли надъ его головой и заставили его поспѣшно уѣхать съ сѣвера въ Геную. Туда увезъ онъ какъ бы итогъ своихъ дружественныхъ привязанностей и испытывалъ невыразимыя страданія отъ своего полнѣйшаго, безграничнаго одиночества. И тогда-то ему вдругъ показалось, что вообще у него никогда не было друга, что взаимное внутреннее единодушіе было лишь обманомъ, что онъ вѣчно искалъ, никогда не находя того, чего онъ такъ страстно желалъ. — истиннаго друга, одинаково возвышенно съ нимъ настроеннаго, который попалъ бы его, одинакаго, съ которымъ онъ могъ бы дѣлиться всѣмъ. Такое раздирающее душу настроеніе изливается у него въ горестномъ возгласѣ: „Отчужденность, поистиннѣ, есть самое ужасное одиночество; различіе есть маска болѣе желѣзная,

чѣмъ всякая другая желѣзная маска,—и только среди равныхъ можетъ быть истинное полнѣйшее общеніе, только среди равныхъ полная дружба! Среди равныхъ! Слово, которое опьяняетъ: такъ много утѣшенія, надежды, услады и блаженства заключаетъ ово въ себѣ для тѣхъ, кто по необходимости всегда одинокъ, кто не тѣковъ, какъ всѣ, кто не нашель подобнаго себѣ, хотя и былъ хорошимъ пскателемъ, пскавшимъ на многихъ путяхъ, кто въ обращеніи съ людьми долженъ быть всегда доброжелателемъ и весель, кто долженъ быть нескромнымъ и часто найденнымъ сходствомъ, кто долженъ уметь, какъ говорятъ французы, *faire bonne mine au mauvais jeu*, что называется спсходительностью къ людямъ,—иногда, конечно, это тотъ опасный, жестокой порывъ всѣхъ скрытыхъ несчастій, по не подавленныхъ желаній, всѣхъ накопившихся и ставшихъ дикими порывовъ любви,—внезапное безуміе тѣхъ мнуетъ, когда одинокой обнимаетъ любого человѣка и относится къ нему, какъ къ другу и дару небесъ, какъ къ драгоценному подарку, чтобы, немного спустя, съ отвращеніемъ оттолкнуть его отъ себя, съ отвращеніемъ, еще большимъ къ самому себѣ, какъ къ загрязненному, какъ къ униженному, отказавшемуся отъ самого себя, какъ къ больному отъ своего собственнаго общества. Человѣкъ глубокой пуждается въ друзьяхъ: надо же, чтобы у него былъ свой богъ“.

Ахъ, друзей, однаково съ нимъ чувствовавшихъ, онъ уже не находилъ! И тогда создалъ онъ себѣ совершеннаго друга: явился Заратустра!

„...сладостный крикъ желаній
замеръ на устахъ:
это сдѣлалъ чародѣй, другъ, какъ разъ во время“.

Первая часть „Такъ говорилъ Заратустра“ возникла въ печальную для него зиму 1882—83 гг. Объ этомъ онъ такъ пишетъ мнѣ въ концѣ апрѣля: „Эта зима была для меня самой тяжелой и болѣзненной, не считая тѣхъ десяти дней которые дали мнѣ возможность сдѣлать что-нибудь, вознаграждавшее меня за все мое тяжелое и больное существованіе. Изъ своего кратковременнаго „возвращенія къ людямъ“ я вынесъ столько отвратительныхъ впечатлѣній, что бремя ихъ долго казалось мнѣ слишкомъ тяжелымъ. Теперь надъ многими въ моей жизни и уже сдѣлался господиномъ, но нужно было много и при томъ большихъ усилій, чтобы вообще продолжать любить жизнь и вычеркнуть свой личный опытъ, какъ ненужный при общей ея оцѣнкѣ“.

Въ его воспоминаніяхъ, относящихся къ осени 1888 года, это время рисуется въ нѣсколько болѣе радостномъ видѣ:

„Зиму 1882—83 гг. я провелъ близъ Генуи въ прелестной тихой бухтѣ Рапалло, врѣзывающейся въ сушу между Чаглиари и мысомъ Портофино. Здоровье мое было не важно; зима была холодная и слишкомъ дождливая; маленькое Альберго, лежащее настолько близко къ морю, что прибой его волнъ мѣшалъ спать по ночамъ, представляло почти во всемъ противоположность желательнаго. Несмотря на все это и отчасти въ подтвержденіе моего взгляда, что все выдающееся возникаетъ „несмотря на препятствія“,—этой зимою и при неблагоприятныхъ условіяхъ возникъ „Заратустра“. Утромъ я шелъ къ югу, поднимаясь по

прекрасной улицѣ Цоагли мимо кедровъ и смотрѣлъ вдаль, на море; послѣ полудня, когда здоровье позволяло, я обходилъ всю бухту отъ Санта Маргерита до Портофино. Мѣсто это и открывающійся передъ нимъ видъ были излюбленными у короля Фридриха III, а потому близкими и моему сердцу. Осенью 1886 года я еще разъ былъ случайно на этомъ берегу, когда король въ послѣдній разъ посетилъ этотъ маленькій, забытый счастьемъ, уголокъ міра. На этихъ двухъ путяхъ впервые пришелъ мнѣ въ голову Заратустра, прежде всего онъ самъ, какъ типъ,—вѣра въ онъ овладѣлъ мною...

Страшно напряженное состояніе, длившееся всю зиму (корректуръ также его утомляли), естественно очень повредило его здоровью. Онъ писалъ мнѣ, что для успокоенія нервной системы ему пришлось въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ употреблять по ночамъ усыпительныя средства. Май 1883 года онъ провелъ со мной и нѣкоторыми изъ друзей въ Римѣ, гдѣ настроеніе его вначалѣ было очень угнетенное. О продолженіи „Заратустры“ не могло быть рѣчи; напротивъ, онъ непрестанно говорилъ мнѣ, что вообще не хочетъ больше писать, что сначала хочетъ поправиться. „Никто не читаетъ моихъ книгъ, никто не интересуется ими, всѣ друзья меня оставили“,—таковы были его постоянныя жалобы. Также тяжело ему было сноситься со своимъ издателемъ, впадшимъ въ отчаяніе изъ-за полнѣйшаго равнодушія нѣмецкой публики къ книгамъ моего брата и потому неохотно печатавшимъ ихъ. Тѣмъ не менѣе я сомнѣвалась въ намѣреніяхъ брата не писать больше, такъ какъ знала, что въ немъ говорить недомоганіе, вызванное прекращеніемъ приема усыпительныхъ средствъ. Онъ рѣшилъ никогда больше не прибѣгать къ нимъ, такъ какъ, по его же словамъ, средства эти привели его прошлой зимой въ совершенно ненормальное состояніе. Время, когда онъ отвыкалъ отъ нихъ, было очень мучительно: онъ почти не могъ ни спать, ни работать; взятый имъ съ собой тяжелый ящикъ съ книгами остался не вскрытымъ на станціи. Попытка уѣхать въ другое мѣсто не удалась намъ, и мы вернулись въ Швейцарію. Уже въ Комо, гдѣ на насъ повѣяло живительнымъ воздухомъ, онъ началъ говорить о новыхъ планахъ по изданію книгъ, и я не безъ лукавства думала, что если онъ измѣнитъ своему рѣшенію не писать больше, то не будетъ и мучиться сношеніями съ издателемъ, а передастъ это дѣло мнѣ. Въ Комо мы разстались приблизительно въ двадцатыхъ числахъ іюня,—онъ поѣхалъ въ Энгадинъ, а я съ остановками направилась въ Германію. Едва доѣхавъ до Наумбурга, я получила отъ него письмо (изъ Зильсъ-Марія, въ концѣ іюня), въ которомъ онъ сообщалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Хорошо, что въ Римѣ мы были вмѣстѣ; хотя я и принадлежу къ сравнительно молчаливымъ людямъ, но все-таки ты достаточно слушала меня и могла догадаться о томъ, что происходитъ со мной. То, что человѣкъ называетъ своей цѣлью (о чемъ думаетъ онъ днемъ и ночью), окутываетъ его существо какъ бы ослиной шкурой, такъ что его можно убить, онъ все преодолеваетъ и продолжаетъ идти своей старой дорогой, какъ старый оселъ со своимъ неизмѣннымъ и—а! Это же происходитъ теперь и со мною.

„Я устроился здѣсь на три мѣсяца; на самомъ дѣлѣ я буду величайшимъ

глупцомъ, если допущу, чтобы итальянскій воздухъ лишилъ меня бодрости. Отъ времени до времени у меня является мысль: что же будетъ дальше? Мое „будущее“—самая темная для меня вещь; но такъ какъ дѣль у меня осталось еще много, то объ окончаніи ихъ я долженъ думать, какъ объ единственномъ своемъ будущемъ, предоставивъ все остальное тебѣ и богамъ“.

Я чувствовала, что это письмо было прелюдией,—Фрицъ, очевидно, былъ въ разгарѣ работы и хотѣлъ меня подготовить къ полученію рукописи. Вторая часть „Заратустры“ окончена почти въ 10 дней, какъ убѣждаютъ въ этомъ слѣдующія письма, писанныя между первымъ и шестымъ іюля.

„... Теперь обращаюсь къ тебѣ, дорогая сестра, съ совершенно серьезной просьбой. Объяснись со Шмейцнеромъ устно или письменно, какъ найдешь лучшимъ, чтобы онъ вторую часть „Заратустры“ напечаталъ немедленно по полученіи рукописи. Я хочу покоичить съ нею и освободиться отъ напряженія чувствъ, ведущаго къ такимъ послѣдствіямъ: все чаще и чаще я думаю о внезапной смерти. Онъ долженъ имѣть рукопись въ рукахъ, когда захочетъ издать вторую часть (по объему равную первой); но я хочу, чтобы она печаталась при моей жизни и я долженъ этого требовать; это для меня, главнымъ образомъ, вопросъ здоровья. Этой весной изъ-за задержки печатаніемъ я прохворалъ четыремя недѣлями болѣе, чѣмъ слѣдовало. Поэтому я и хочу обѣщать Шмейцнеру, что въ будущемъ году печатать ему у меня будетъ нечего; теперь цѣль моя въ томъ, чтобы придумать темы для сочиненій и обработать ихъ, а текстъ для нихъ позаимствовать у моего Заратустры.

„Изъ всего сказаннаго ты видишь, что упомянутая вторая часть дѣйствительно существуетъ, но о силѣ творчества тебѣ не легко составить представленіе. А въ немъ-то и заключается весь рискъ его. Ради Бога, приведи все это въ порядокъ вмѣстѣ со Шмейцнеромъ: самъ я слишкомъ возбужденъ.

„Ахъ! какъ хорошо, что я могу писать тебѣ объ этомъ! Всѣмъ сердцемъ твой братъ“.

„Зильсъ-Марія, пять дней спустя.

„Сегодня днемъ получилъ телеграмму отъ Шмейцнера, изъ чего заключилъ, что твое второе письмо оказало на него должное дѣйствіе. Возможность еще теперь же кончить изданіе для меня страшно важна; я похожъ на того, у кого нѣтъ больше времени. А потому еще разъ благодарю тебя за оказанное благодѣяніе... До тѣхъ поръ, пока я не окончу третью и послѣднюю часть „Заратустры“,—жизнь для меня еще не исчерпана. Это *privatissime!*..“

Еще наканунѣ отправилъ онъ мнѣ теплое благодарственное письмо съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ препятствій къ изданію. Благодарность эта и то, что издатель только подъ вліяніемъ моихъ убѣжденій согласился, противъ собственнаго желанія, печатать „Заратустру“, кажутся мнѣ теперь забавно-смѣшными. Я упоминаю объ этомъ въ утѣшеніе молодымъ, еще непонятымъ умамъ.

„Зильсъ-Марія. 10 іюля 1883 г.

„Дорогая сестра, дѣло съ моимъ „Заратустрой“ такъ подвинулось впередъ, что къ концу этой недѣли я готовъ буду отослать рукопись въ печать.

„Ахъ, трудно выразить словами, какъ велико мое удовлетвореніе при этомъ сообщеніи. Весь годъ оправданъ тѣмъ, что я окончилъ вторую часть, въ особенности же путешествіе мое въ Энгадинъ; и даже поѣздка моя въ Римъ получаетъ теперь новое значеніе: пребываніе мое въ немъ было полнѣйшимъ отдыхомъ; а суета и шумъ, наполнявшіе мою квартиру, были такъ же полезны, какъ и тяжелый ящикъ съ книгами на станціи, и разстроенный желудокъ, и бессонныя ночи. Все мѣшало мнѣ работать и думать: я не берусь передать, какъ трудно мнѣ было отрѣшиться отъ себя самого. Указавъ на отрицательныя благодѣянія Рима, я могъ бы перейти и къ положительнымъ, но глаза мои утомлены, а надо писать еще и о другомъ.“

„Теперь печатаніе, во что бы то ни стало, должно быть окончено, иначе я прекращаю дѣло со Швейцсромъ (на что имѣю много основаній). До тѣхъ поръ, какъ онъ будетъ думать, что его волненія болѣе интересны, чѣмъ распространеніе моихъ книгъ и идей, мои сношенія съ нимъ будутъ величайшимъ испытаніемъ для моей гордости. Прошлой зимой я такъ все приготовилъ, чтобъ первая часть „Заратустры“ могла быть къ Пасхѣ уже въ рукахъ моихъ читателей,—и сдѣлать это стоило мнѣ очень большого труда. Полгода, отнятые у времени воздѣйствія моихъ идей, очень важны, такъ какъ имѣютъ отношеніе къ продолжительности моей собственной жизни“.

Чаще всего онъ говорилъ о томъ восторженномъ состояніи, въ какомъ писалъ „Заратустру“; какой наплывъ мыслей чувствовалъ онъ при своихъ путешествіяхъ, поднимаясь на горы и спускаясь съ нихъ, какъ второпихъ записывалъ онъ ихъ карандашомъ въ памятную книжку и только по возвращеніи домой переписывалъ ихъ чернилами, просиживая до полуночи. Въ своихъ воспоминаніяхъ (осенью 1888 г.) онъ съ страстнымъ увлеченіемъ описываетъ то необычайное настроеніе, въ которомъ создавался „Заратустра“:

„Имѣетъ ли кто-нибудь, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, ясное понятіе о томъ, что поэты болѣе сильныхъ столѣтій называли вдохновеніемъ? Въ противномъ случаѣ я опишу это. Сохраняя хотя бы малѣйшую вѣру въ себя, едва ли можно было тогда отказаться отъ представленія о себѣ, какъ объ орудіи или средоточіи для проявленія сверхъестественной силы. Понятіе объ откровеніи въ томъ смыслѣ, что нѣчто внезапно, съ неописуемой очевидностью и ясностью становится осозаемымъ для слуха и зрѣнія, что нѣчто ввергаетъ васъ въ глубокія бездны,—это понятіе передаетъ вкратцѣ сущность дѣла. Слышшь—и не ищешь; берешь—и не спрашиваешь, кто даетъ; мысль, какъ молнія, въ силу какой-то необходимости, безпрепятственно облекается въ форму,—у меня никогда не было выбора. Восторгъ, чудовищное напряженіе котораго выливается иногда въ потокъ слезъ, то стремительномъ, то медленномъ; полное пребываніе внѣ себя съ отчетливымъ сознаніемъ безграничнаго страха и чрезмѣрнаго напряженія организма; глубочайшее блаженство, въ которомъ страданіе и мракъ дѣйствуютъ не какъ противоположность, а какъ условіе, требованіе, необходимая внутренняя окраска при такомъ избыткѣ свѣта; чутье ритмическихъ отношеній, обнимающее большія пространства всевозможныхъ формъ (длина, потребность въ очень на-

приженномъ ритмѣ служить здѣсь мѣриломъ силы вдохновенія, родомъ равновѣсія между гнетомъ и воздѣйствіемъ на него). Все происходитъ въ высшей степени непронзвольно, какъ бы въ вихрѣ чувства свободы, вдали отъ условности, власти и божества. Непронзвольность образа, сравненія—здѣсь самое удивительное; отказываешься уже понимать, гдѣ образы, гдѣ символъ, все напрашивается, какъ выраженіе самое близкое, простое и вѣрное. Дѣйствительно, тутъ вспоминаются слова Заратустры „что здѣсь всѣ вещи съ радостью идутъ на рѣчь твою, онѣ ласкаютъ тебя: ибо онѣ хотятъ сѣсть тебѣ на спину. Верхомъ на символахъ ты подѣзжаешь здѣсь ко всѣмъ истинамъ. Здѣсь открывается тебѣ сущность и выраженіе всѣхъ вещей: здѣсь всякое бытіе хочетъ стать словомъ, всякое творчество хочетъ научиться говорить у тебя“. Это мой личный опытъ вдохновенія, и я не сомнѣваюсь, что надо обратиться къ истекшимъ тысячелѣтіямъ, чтобы найти кого-нибудь, кто имѣлъ бы право сказать мнѣ: „это также и мой опытъ“.

О возникновеніи второй части „Заратустры“ онъ также говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Потомъ наступила грустная весна въ Римѣ, гдѣ я получалъ жизнь, что было не легко.

„Въ концѣ концовъ, я удовлетворился мѣстечкомъ Піацца Барберини. Я боялся и, чтобы избѣжать дурного запаха, обратился даже въ квинринальномъ дворцѣ съ вопросомъ, не найдется ли тамъ спокойной комнаты для философа. Въ Логгин, высоко поднимавшейся надъ упомянутой Піацца, откуда открывался видъ на Римъ и гдѣ внизу, у фонтана, слышался плескъ воды, сложились пѣснь самаго одинокаго человѣка, пикѣмъ до тѣхъ поръ еще не созданная „Ночная пѣснь“. Въ это время надо мною непрерывно раздавалась невыразимо грустная мелодія, припѣвъ которой я выразилъ въ словахъ „мертвый передъ безсмертіемъ“. Лѣтомъ, вернувшись въ священное мѣсто, гдѣ у меня впервые явились проблески мысли о „Заратустрѣ“, я обрѣлъ тамъ и вторую его часть. Десяти дней было достаточно; первая, третья и послѣдняя части взяли у меня не больше времени“.

Я читала уже корректурные лсты; братъ послалъ мнѣ ихъ, чтобъ вознаграждать меня за мое рвеніе по изданію его книги раннимъ знакомствомъ съ его новымъ произведеніемъ, и писалъ при этомъ, „что я найду въ немъ многое, что пережито нами вмѣстѣ“. И дѣйствительно: во второй части „Заратустры“ много говорится о Римѣ; поэтъ объясняетъ цѣлый рядъ сценъ, имъ видѣнныхъ и пережитыхъ, связавъ ихъ съ болѣе значительными идеями. Читая его, я отчетливо вижу безчисленныя церкви, лѣстницу покаянія въ Латеранѣ, соборъ Петра, спящаго юношу съ руками, закинутыми за голову, дѣвушка, танцующая на скрытой лужайкѣ виллы Боргезе. Да, я вспоминаю о несравненномъ утрѣ. проведенномъ нами у базилики Константина, когда я слышала слѣдующія, быть можетъ, въ не совсѣмъ совершенной формѣ переданныя тогда слова:

„Посмотрите, друзья мои! Здѣсь, гдѣ пещера тарантуловъ, высется развалины древняго храма,—посмотрите на нихъ просвѣтленнымъ взглядомъ!“

„По-истинѣ тотъ, кто пѣкогда здѣсь, при помощи камня, вверхъ воздвигъ мысли свои, зналъ о тайнѣ всякой жизни, какъ величайшій мудрецъ!

„Борьба и неравенство есть даже въ самой красотѣ, такъ же какъ и война, и власть, и насиліе; этому учить онъ насъ въ самомъ ясномъ сравненіи.

„Какъ божественно переломляются здѣсь въ борьбѣ эти своды и дуги: какъ вмѣстѣ со свѣтомъ и тѣнью божественно устремляются они другъ противъ друга!

„Пусть, столь же увѣренные и прекрасные, будемъ мы также врагами, друзья мои! Божественно устремимся мы другъ противъ друга!..“

На холмѣ Авертинскомъ я (какъ единственный товарищъ) вмѣстѣ съ братомъ была свидѣтельницей сцены со священниками: процессія священниковъ въ бѣлыхъ одеждахъ выходила изъ Санта Сабина и двигалась передъ нами по узкой тропинкѣ, такъ что мы могли разсмотрѣть лицо cadaго изъ нихъ. Ахъ, какъ различно выглядѣли они, какъ мало похожи были на священниковъ!

Кое-что изъ чрезвычайно смѣшливаго настроенія, имѣвшаго мѣсто на обратномъ пути черезъ Мареммы, попало и въ „Заратустру“. Какъ хорошо помню я буйвола, на непоэтической наружности котораго я настаивала. Но что сдѣлалъ братъ мой изъ этой картины въ главѣ „О поэтахъ“.

„У моря позаимствовали они тщеславіе свое,—но не есть ли море павлинъ изъ павлиновъ?

„Даже передъ худшимъ изъ буйволовъ распускаетъ онъ хвостъ свой и никогда не устаетъ играть своимъ вѣрожомъ изъ кружевъ, шелка и серебра.

„Гнѣвно смотреть буйволъ, по душѣ своей близкій къ песку, еще болѣе близкій къ тинѣ и приближающійся больше всего къ болоту.

„Что ему красота, и море, и убранство павлина! Таково сравненіе, что прилагаю я къ поэтамъ.

„Понистинѣ самый духъ ихъ—это павлинъ изъ павлиновъ и море тщеславія!

„Зрителей жаждетъ поэтъ,—хотя бы то были и буйволы!“ *).

Самъ „возвышенный“ напоминаетъ о веселой сценѣ на обратномъ пути: на одной изъ маленькихъ станцій увидѣли мы его прообразъ. Вдоль мѣста остановки поѣзда возвышалась насыпь съ тѣпстыми деревьями; прислонившись къ ней стоялъ ученый монахъ, повидимому, углубленный въ чтеніе толстаго фолианта. Весь его видъ заставлялъ предполагать, что, стоя въ живописной тѣп, онъ рисовался своей ученостью. Всѣ мы, идущіе въ поѣздѣ, смотрѣли на него, какъ на актера, въ то время, какъ онъ въ своемъ искусственно возвышенномъ настроеніи не обращалъ на насъ вниманія. Вдругъ явился бѣшенный быкъ—возвышенный выронилъ свой фолиантъ, подобралъ полы одежды и побѣжалъ на своихъ длинныхъ ногахъ изъ торжественной тѣни на освѣщенную солнцемъ дорожку. Всѣ смѣялись, быкъ дѣлалъ видъ, что бросается на поѣздъ, который мчался далѣе подъ звуки нашего веселаго смѣха.

*) „Такъ говорилъ Заратустра“. Перев. съ нѣм. Ю. М. Антоновскаго. СПб. 1900 г.

Полиѣйшее изнуреніе и угнетенное состояніе, наступавшее обыкновенно у брата послѣ сильнаго подъема духа, этого отреченія отъ самого себя, произошло и на этотъ разъ послѣ окончанія второй части „Заратустры“; его беспокоили также непріятности въ личныхъ дѣлахъ. Въ августѣ онъ писалъ мнѣ изъ Зильсъ-Марія:

„Самое худшее то, что, какъ и въ прошлую зиму, теперь стонгъ въ высшей степени вредная для моего здоровья погода: при пасмурномъ и облачномъ небѣ я совершенно перерождаюсь, становлюсь желчнымъ и злымъ на самого себя, а иногда и на другихъ (I и II части „Заратустры“ суть порожденія свѣта и яснаго неба, такъ же какъ и святой Януарій. Кто судить обо мнѣ по такимъ вещамъ, судить во сто разъ благосклоннѣе—à la Köselitz). Моимъ личнымъ рецептомъ все еще значится долина Оаксака въ Мексикѣ, вмѣющая 33 пасмурныхъ дни въ году, въ остальные же дни и ночи—ясное, безоблачное небо Энгадина. Высота та же, что и здѣсь: это швейцарская колонія: цѣны чрезвычайно дешевыя.

„Съ другой стороны, читать лекціи было бы мнѣ очень полезно, но у меня осталось отвратительное воспоминаніе объ университетѣ,—я до смѣшнаго переросъ этотъ масштабъ чувствъ и мнѣній или назови ихъ какъ хочешь. Думать о будущемъ челоѣчества составляетъ единственное мое утѣшеніе; противоположнаго я не хочу ни слышать, ни видѣть: оно душитъ, подавляетъ и мучитъ меня, дѣлаетъ меня бѣднымъ и малодушнымъ.

„Менѣ всего былъ бы я теперь способенъ читать лекціи, старыя еще менѣе, чѣмъ новыя. Я думаю, что въ будущемъ году я кончу здѣсь заключительную главу моего „Заратустры“. Мысль о ней вызываетъ во мнѣ головокруженіе: задача чудовищно трудна и временами превышаетъ мои силы. Потому-то я и хочу прожить здѣсь эту зиму; постараюсь быть бодрѣе, спокойнѣе, рѣшительнѣе, и буду ждать возможности исполнить задуманное“.

Въ этомъ письмѣ снова говорится о лекціяхъ въ университетѣ. Чтобъ отвлечь его вниманіе на болѣе радостныя мысли, я опять упомянула о старомъ, часто упоминаемомъ имъ планѣ. Я говорила о лекціяхъ по греческой культурѣ, въ сущности же мечтая о лекціяхъ объ его новомъ міросозерцаніи, о чемъ и самъ онъ писалъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ: лекціи съ текстомъ изъ „Заратустры“. До сихъ поръ еще я жалѣю, что эта мысль не осуществилась. Тогда, къ сожалѣнію, подразумевались только лекціи въ университетѣ, въ особенности въ лейпцигскомъ; но одинъ преданный другъ сообщилъ ему по секрету, что при всѣхъ извѣстныхъ и пугающихъ всѣхъ взглядахъ моего брата его лекціи совершенно невозможны. Но къ чему надо было связывать лекціи непремѣнно съ университетомъ? Насколько иначе устроилась бы его жизнь, если бъ возможно было среди молодежи найти слушателей и учениковъ частнымъ образомъ! Желаніе читать лекціи было у моего брата очень продолжительно, но то, что прежній его цехъ не хотѣлъ имѣть его въ своей средѣ—оскорбляло его. Разговоры о лекціяхъ прекратились; многія причины, мѣшавшія осуществленію этого плана, стали намъ теперь ясны. Когда я, въ утѣшеніе, писала ему, что такой-то

говорилъ, что онъ лучше сдѣлаетъ, если окончатъ „Заратустру“, что я не желала бы ничего лучшаго, какъ если бы онъ прекратилъ кочующую и сопряженную съ заботами о пенсіи жизнь, а поселился бы среди хорошихъ людей, встрѣтить которыхъ можно не только въ университетскихъ городахъ,—онъ былъ этимъ недоволенъ и послалъ мнѣ строго укоризненную отвѣдь:

„Никто не имѣетъ представленія о трудности лежащей на мнѣ задачи, и если кто-нибудь представляетъ ее себѣ литературной задачей, напримѣръ, окончаніемъ моего „Заратустры“, тозъ тмъ возбуждаетъ во мнѣ только тошноту, смѣхъ и рвоту,—такъ противна мнѣ всякая литературная стряпня, и мысль быть въ концѣ концовъ зачисленнымъ въ писатели бросаетъ меня въ дрожь. Читай лучше, дорогая сестра, „Утреннюю зарю“ и „Радостную науку“, самыя содержательныя и богатыя будущимъ книги; въ твоемъ послѣднемъ письмѣ было слишкомъ много объ „эгоизмѣ“ и „альтруизмѣ“, о чемъ не слѣдовало бы писать моей сестрѣ. Я прежде всего различаю сильныхъ и слабыхъ людей,—такихъ, которые господствуютъ, и такихъ, которые должны служить и повиноваться и призваны быть жертвами. Что въ особенности теперь мнѣ противно, такъ это слабость, отсутствіе мужества, безличіе, непостоянство, добродушіе, словомъ безсиліе эгоизма, которое еще драпируется въ „добродѣтель“. Радовали меня до сихъ поръ люди упорной воли, люди, способные молчать десятки лѣтъ, не прикрываясь правдоучительно-напыщенными рѣчами, какъ „герои“ или „благородные“, люди честные, вѣрящіе въ себя и въ свое рѣшеніе зажечь свою волю въ другихъ людяхъ на всѣ времена. Это првлекало меня къ Рихарду Вагнеру; точно такъ же и Шопенгауеръ жилъ въ этомъ чувствѣ... Я, можетъ быть, лучше кого бы то ни было умѣю раздѣлять сильныхъ людей по ихъ добродѣтели; также и среди слабыхъ найдутся, конечно, сотни людей благовоспитанныхъ и достойныхъ любви, соразмѣрно добродѣтели, подобающей слабымъ. Есть сильные „эгоисты“, себялюбіе которыхъ можно назвать почти божественнымъ (напр., эгоизмъ Заратустры), но всякая сила носить уже въ себѣ утѣшеніе и блаженство. Читай Шекспира: онъ преисполненъ такими сильными людьми, грубыми, безжалостными и мощными, какъ грантъ. Наше время бѣдно ими—въ особенности сильными людьми, достаточно годными для моихъ идей!.. Ты не можешь себѣ представить, какимъ одинокимъ и зачкнутымъ прохожу я среди лицемѣрія тѣхъ, кого называешь ты „добрыми“, и какъ я жажду иногда человѣка правдиваго и могущаго говорить, хотя бы то былъ даже лавергъ. Общеніе съ полу-огами я, конечно, предпочелъ бы. Пишу тебѣ это совершенно искренно, зная, насколько однаково ты со мной думаешь. Ахъ, проклятое одиночество!“

Найти шекспировскіе типы, да еще съ современными умами, было для меня задачей слишкомъ трудной. Допустивъ даже, что я отыскала ихъ, я увѣрена, что брать былъ бы не въ состояніи выносить ихъ,—такъ противны были бы ему ихъ грубость, безнравственность и неблаговоспитанность; даже присутствіе въ нихъ большого ума не приприло бы его съ остальными ихъ качествами. Въ книгахъ такіе люди чудесны, но въ ежедневной жизни мой вообще тонко чувствующій братъ погибъ бы отъ нихъ. „Можно говорить, что угодно о всякаго

рода безнравственности, но выносить ее!“—сказалъ онъ однажды, подразумѣвая безнравственность въ себѣ и другихъ. И продолжалъ:—„Напримѣръ, нарушенное слово или убійство я не могъ бы выдержать: рано или поздно болѣзнь или смерть были бы моею судьбою, совершенно независимо отъ того, было ли открыто злодѣяніе и послѣдовало ли за него наказаніе!“ Для объясненія мой братъ выбралъ здѣсь два крайнихъ, для него почти невозможныхъ случая, но и другія, менѣе грубыя вещи, точно такъ же отравляли бы ему жизнь и дѣлали бы его общеніе съ людьми невыносимымъ! Напримѣръ, всякая форма внутренней и вѣншей грязи, жестокость, отсутствіе любви, безтактность и т. д. Для такихъ чувствъ нуженъ принципъ „inter pares“, чтобы совѣстная жизнь была возможной. Братъ мой хотѣлъ взаимнаго уваженія. Трудно себѣ представить, съ какими уваженіемъ относился онъ къ людямъ. Одной изъ главныхъ причинъ его отказа отъ чтенія лекцій въ университетѣ былъ его постоянный страхъ за молодость учениковъ. Обременять юные умы и характеры непосильнымъ бременемъ было ему крайне тяжело. Однажды, послѣ разговора объ ученикахъ, онъ писалъ мнѣ: „Генрихъ Штейнъ слишкомъ молодъ для меня,—я бы испортилъ его. К. я скоро испортилъ бы,—мнѣ надо принимать съ нимъ слишкомъ много предосторожностей.“ Своими взглядами быть причиной чьего-либо страданія или гибели, въ особенности чело-вѣка, имъ любимаго,—разбило бы ему сердце. Онъ одинъ зналъ, какъ далеки были мы, самые близкіе ему, отъ дѣйствительнаго пониманія его и его задачи; онъ чувствовалъ это и страдалъ; да, мысль эта не давала ему покоя, заставляя его нѣсколько разъ передумывать свою суровую новую проблему. Такъ оставалось ему лишь одиночество, которое онъ временами проклиналъ, но которое въ разгарѣ работы было ему необходимо. Словомъ, одиночество было его любимымъ другомъ и спутникомъ его наивысшей творческой радости! Однажды онъ писалъ мнѣ объ „ученикахъ“ и „одиночествѣ“: „Я снова съѣлъ смотрю на будущее; и странно, въ отношеніи тѣхъ ужасныхъ вещей, которыми обременилъ себя твой глухой братъ, мужество во мнѣ равносильно стремленію къ одиночеству и замкнутости и къ отклоненію всего, на что могло бы соблазнить меня мое очень большое существованіе. Когда въ прошломъ году я время отъ времени вздыхалъ объ „ученикахъ“,—это было слѣдствіемъ упадка бодрости; въ хорошіе же дни я совершенно ясно сознаю, что для меня гораздо лучше кончить въ тиши свою главную работу, что на общеніе съ людьми я долженъ смотрѣть, какъ на лѣченіе, больше же всего, какъ на отдыхъ. Но лишь только возвращаются мои силы, я знаю, къ чему мнѣ нужны во-первыхъ, во-вторыхъ и въ-третьихъ величайшая независимость и одиночество“.

Послѣ многихъ странствованій по Стрезѣ, Генуѣ и Спеціи, осенью 1883 г. онъ поселился въ Ниццѣ и, благодаря ея климату, чувствовалъ такое счастливое настроеніе, что творческія силы его вполне возстановились и онъ создалъ третью часть „Заратустры“: „Этою же зимою, подъ небомъ Ниццы, свѣтлѣвшимъ мнѣ первый разъ въ жизни, нашелъ я третью часть „Заратустры“ и—окончилъ ее. На все понадобился почти годъ. Многія мѣста и высоты Ниццы доставили мнѣ незабвенныя минуты; главная часть поэмы, носящая названіе „О старыхъ и новыхъ

скрижаяхъ“, написана при трудномъ подъѣзѣ со станціи къ удивительному мавританскому горному гнѣзду Эца,—при наплывѣ творческихъ силъ проворство мускуловъ всегда было у меня наибольшее. Тѣло воодушевлено,—о душѣ говорить не стоитъ. Меня часто могли бы видѣть танцующимъ; въ то время я могъ безъ малѣйшей усталости ходить по горамъ 7—8 часовъ. Я хорошо спалъ, много смѣялся, былъ полонъ здоровья и терпѣнья“.

Возникновеніе четвертой части „Заратустры“ есть явленіе, еще ожидающее своей исторіи.

Русская кустарная промышленность.

По даннымъ послѣднихъ лѣтъ: 1894—1899.

(Окончаніе *).

Теперь позволимъ себѣ обратиться къ великому артельному принципу, на который возлагаютъ такія большія надежды господа народники, принципу который могъ бы явиться, по ихъ мнѣнію, чуть ли не спасителемъ падающаго на ихъ глазахъ кустарнаго производства.

Къ сожалѣнію, мы видимъ, что дѣло съ артельнымъ принципомъ обстоитъ очень и очень плохо. Кустари совсѣмъ не выказываютъ желанія порадовать людей, имъ сочувствующихъ, и не думаютъ даже устраивать артели, находя, вѣроятно, для себя это средство вовсе не такимъ спасительнымъ или, по крайней мѣрѣ, удобнымъ. Литература послѣдняго времени по кустарнымъ промысламъ, разсмотрѣнная нами, почти вовсе не представляетъ указаній на образованіе или существованіе артелей, да и тѣ очень немногія данныя, которыя съ большимъ трудомъ можно тамъ разыскать, вовсе не такъ утѣшительны съ точки зрѣнія лицъ, старающихся во что бы то ни стало о насажденіи этого принципа. Что касается положенія въ этомъ отношеніи въ прошлые годы, то въ книгѣ Волгина *) представленъ прекрасный разборъ всѣхъ утѣшительныхъ и блестящихъ результатовъ въ этой области, отмѣченныхъ перомъ г. Воронцова. Поэтому позволимъ себѣ сдѣлать лишь выписки изъ дальнѣйшей литературы, которыхъ кстати такъ немного, что мы можемъ привести ихъ всѣ. Плотниковъ, отчасти цитированный и у Волгина, указываетъ на артели смолокуровъ. „Единственнымъ исходомъ (изъ тяжелаго положенія производителей. М. К.) является образованіе артелей, которыя здѣсь въ небольшихъ размѣрахъ и существуютъ. Артели здѣсь состоятъ (не болѣе какъ изъ 4 чел.) на покупку котла, выработку билета на право смолокуренія и другіе по нему расходы...“

Вся выгода этой артели заключается въ томъ, что нѣсколько человекъ, соединяя свои средства, могутъ свободнѣе ставить свои условія скупщику, но—и только.

*) См. январь 1901 г.

**) „Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова“. СПб. 1896 г.

При сбытѣ смолы эта артель попадаетъ опять-таки въ руки скупщиковъ *). Какъ мы видимъ, особаго развитія тутъ не замѣчается. Артели возникаютъ здѣсь „въ небольшихъ размѣрахъ“, а результатъ ихъ, по-нашему довольно печальный, что артель „попадаетъ опять-таки въ руки скупщиковъ“. Очень небольшой результатъ! Въ Горбатовскомъ уѣздѣ, той же губерніи, промыселъ поставленъ нѣсколько иначе. „О скупщикахъ здѣсь не слышно“, но зато „и артелей также не существуетъ“ **). Такимъ образомъ, скупщики являются своего рода насадителями артельного духа, не спасающаго, однако, кустарей-артельщиковъ отъ ихъ рукъ. Въ лождарномъ промыслѣ дѣло обстоитъ сравнительно гораздо лучше. „Цѣлая деревня или артель, „компанія“ человекъ 10—20, покупаетъ березнякъ „дѣлянками“, „рамками“ въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ... верѣдко изъ вторыхъ рукъ отъ состоятельныхъ крестьянъ, скупающихъ такія „дѣлянки“ для перепродажи. Потомъ лѣсъ этотъ рубится или самими покупателями, или наймомъ и дѣлится между покупателями, сообразно вкладу“. Тутъ, на первый взглядъ, дѣло какъ будто бы обстоитъ и совсѣмъ хорошо, такъ какъ артели достигаютъ достаточныхъ размѣровъ, человекъ 10—20, хотя и состояются не для производства, а лишь для закупки сырья, но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается, что покупаютъ-то они „верѣдко изъ вторыхъ рукъ“, т. е. не извлекаютъ изъ покупки всей возможной выгоды, а во-вторыхъ, купленный лѣсъ рубится иногда „наймомъ“, что наводитъ на мысль, не для перепродажи ли лѣса составляются эти „артели“ и существенно умаляетъ значеніе всего сообщенія. Послѣдній фактъ такого рода приводитъ г. Плотниковымъ въ области гвоздарнаго промысла и повѣствуетъ намъ о такъ называемыхъ „сутырныхъ“ кузницахъ, въ которыхъ, однако, артельный принципъ не слишкомъ развитъ, такъ какъ каждый работаетъ за свой счетъ, и артельная кузница имѣетъ совершенно то же значеніе, какъ если бы нѣсколько знакомыхъ лицъ, занимающихся совсѣмъ различнымъ дѣломъ, не имѣющихъ средствъ на наемъ отдѣльныхъ помѣщеній, наняли бы одно общее.—что, вѣроятно, не образовало бы изъ нихъ артели,—или если бы два доктора рѣшились бы, каждый за свой счетъ, принимать пациентовъ въ одной квартирѣ, явившейся бы, можетъ быть, также „сутырной“. Но предоставимъ слово г. Плотникову: „Артельное начало имѣетъ здѣсь довольно узкую сферу примѣненія: кустари (14—18 чел.) имѣютъ одну общую кузницу, на общія деньги устраиваютъ горня и мѣха, покупаютъ уголь и сообща нанимаютъ человека для раздуванія мѣховъ, затѣмъ во всемъ остальномъ каждый артельщикъ, дѣйствуя въ-одиночку, самъ для себя покупаетъ или забираетъ въ долгъ желѣзо, куетъ изъ него на своемъ мѣстѣ (у каждого своя наковальня. М. К.) гвозди и самъ продаетъ ихъ. Вотъ вся суть артельного начала въ кузнечномъ промыслѣ. Неполнота его развитія сказывается безсиліемъ артели улучшить положеніе ея членовъ. Такъ какъ каждый членъ артели и въ приобретеніи желѣза, и въ сбытѣ издѣлій предоставленъ своимъ одиночнымъ силамъ, вся артель попадаетъ въ общую зависимость отъ скупщика... На самое

*) „Кустарные промыслы Нижегородской губ.“, стр. 110.

**) Тамъ же, стр. 111.

устройство артельной кузницы обыкновенно дѣлается заемъ у „хозяйина“, который получаетъ затѣмъ долгъ вычетомъ изъ заработка гвоздарей. Начинаясь задолженностью, артель кончается общей участью кабальной зависимости отъ „хозяевъ“ *). Хорошаго, какъ видимъ, мало. Да и самъ Плотниковъ говоритъ объ этомъ явленіи безъ той особой торжественности, которая пристала бы при нахожденіи среди безконечной массы кустарныхъ промысловъ признака „артельнаго начала“. По-нашему тутъ собственно и артели-то нѣтъ. Нужда сгоняетъ гвоздарей въ одно цѣлое, нужда, состоящая въ томъ, что кузница для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности стоитъ слишкомъ дорого, а „хозяинъ“ не повѣритъ одному лицу въ долгъ такой сравнительно большой суммы. Вотъ для большей-то его гарантіи и образуется наша „артель“, ведущая къ общей „кабальной зависимости отъ хозяевъ“. Кроме того, изъ данныхъ книги того же г. Плотникова мы видимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, представляющихъ, повидимому, всѣ удобства для основанія артелей, полное отсутствіе въ этомъ отношеніи желанія кустарей. Напр., „артелей среди бондарей вовсе не встрѣчается, какъ это ни необходимо, если не для производства то, по крайней мѣрѣ, для закупки лѣсного матеріала цѣлыми дѣлянками“ **).

Полное непониманіе своей выгоды и нежеланіе угодить господамъ народникамъ! То же и въ рогожномъ промыслѣ: „Необходимость имѣть въ работѣ 6 человекъ вызываетъ наемъ работниковъ... Промыселъ этотъ и въ своемъ будущемъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ заказчиковъ, если артельная форма, давая возможность имѣть дешевый матеріалъ, не замѣнитъ паемную форму работы самостоятельной“ ***). Однако, пока объ артеляхъ ничего не слышно, а зависимость отъ скупщиковъ все растетъ.

Дальнѣйшіе факты о развитіи и распространеніи артельнаго начала далеко не такъ благоприятны для этого дѣла, какъ предыдущіе. Такъ, два изъ нихъ говорятъ о существованіи артелей того типа, гдѣ „хозяинъ“ платитъ остальнымъ членамъ артели „наемную плату“ и присваиваетъ прибыль, получающуюся, какъ результатъ ихъ прибавочнаго труда (Surplusarbeit). Такія артели встрѣчаются въ портняжномъ дѣлѣ Шацкого уѣзда, Тамбовской губ., гдѣ „отхожіе портные ходятъ на работу обыкновенно артелями по два, по три и четыре человека вмѣстѣ; одинъ изъ нихъ—хозяинъ, а остальные—рабочіе или ученики, нанятые имъ за определенное вознагражденіе на весь періодъ работы“ ****). Въ шапочномъ мастерствѣ въ селѣ Молвитинѣ, Костромской губерніи, когда промыселъ принялъ „весьма широкіе размѣры“, „явились особые хозяева, которые начали держать артели изъ 30 и болѣе мастеровъ“. Объ артеляхъ послѣдняго рода намъ, повидимому, говорить не приходится. Очень интересный типъ артели представляетъ организованная въ селѣ Мраморскомъ, Пермской губ., „артель кустарныхъ мастеровъ Мраморской волости“. Авторъ отчета, въ которомъ о ней упоминается, говорить, что тяжелое положеніе зависимости отъ скупщиковъ было все-таки

*) Тамъ же, стр. 216—17.

***) Тамъ же, стр. 161.

****) Тамъ же, стр. 126.

*****) „Отчеты и изслѣдованія“. III томъ, стр. 49.

еще возможно, пока между ними существовала конкуренция и они действовали отдельно, „но въ 1886 году порядки эти существенно изменились: мраморские подрядчики и торговцы, собравшись на сходку, порѣшили устроить „артель кустарныхъ мастеровъ Мраморской волости“. Сущность этого устава заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ: по параграфу 20 первоначальная артель составляется изъ лицъ, изъявившихъ предварительно желаніе вступить въ нее (т. е. изъ 17 подрядчиковъ и торговцевъ); по образованіи же артели, приемъ новыхъ членовъ производится по постановленію общаго собранія артельщиковъ (т. е. опять-таки ихъ же самихъ), причемъ желающій сдѣлаться членомъ долженъ представить за себя ручательство не менѣе трехъ артельщиковъ (значить, опять изъ ихъ среды); по параграфу 12, при открытіи дѣйствій артели, каждый членъ, вступающій въ нее, вноситъ одновременно 25 рублей; такому же взносу подлежатъ и каждый вновь вступающій по открытіи артели.... Затѣмъ, по параграфу 6, въ случаѣ усиленія работъ артель имѣетъ право нанимать рабочихъ, причемъ „установленіе правилъ для выдачи заработной платы и измененіе сихъ правилъ“ предоставлено общему собранію.... Заручившись такимъ уставомъ, артель имѣла достаточное основаніе считать себя вполне обеспеченною въ томъ, что заберетъ въ свои руки весь мѣстный кустарный промыселъ цѣликомъ“. Постороннимъ лицамъ, кому-либо изъ бѣдныхъ кустарей, попасть въ ея составъ почти невозможно какъ по причинѣ 25-ти рублеваго взноса, такъ и трудности найти себѣ трехъ поручителей изъ среды 20 подрядчиковъ, не желающихъ „уменьшить въ его пользу свою долю артельскихъ барышей“... Не дождавшись утверженія устава, артель начала свою дѣятельность еще съ ноября 1886 г. и въ короткій срокъ такъ зрѣто ухудшила положеніе не участвовавшихъ въ ея составѣ мастеровъ и рабочихъ, что уже весной 1887 года подворная перепись удостовила фактъ враждебныхъ отношеній къ этой артели всего мѣстнаго населенія *).

Теперь еще нѣсколько словъ о Бурмакинской артели слесарей-кузнецовъ въ Ярославской губерніи, представляющей также немалый интересъ для выясненія, насколько артельный духъ проникъ въ ряды кустарей и насколько русскіе люди, имѣющіе къ нему, по мнѣнію нѣкоторыхъ, особую склонность, умѣютъ примѣнять его на дѣлѣ. „Учрежденіе Бурмакинской кустарной артели нанесло промыслу значительный ударъ и существенно ухудшило его положеніе съ экономической точки зрѣнія (курсивъ нашъ). Артель основана была съ цѣлью поднять промыселъ, но такъ какъ она была и есть теперь безъ средствъ, то весьма естественно стала только игрушкой въ рукахъ болѣе сильныхъ кулаковъ, которые успѣли укрѣпить свое положеніе за счетъ слабыхъ параграфовъ артельнаго устава и полной невозможности примѣнять иные параграфы устава къ дѣлу. Сама артель въ настоящее время, послѣ пяти лѣтъ существованія, находится въ такой плачевной зависимости отъ кулаковъ, что издѣлія свои можетъ

*) „Отчеты“, т. III, стр. 153—4. Говорятъ, теперь уже эта оригинальная артель прекратила свое существованіе. См. „Обзоръ дѣятельности земствъ“, т. I, стр. 112.

продавать только *дороже*, нежелп продають крупные кулаки“ *)... Кустари крѣмъ того черезчуръ специализировались на приготовленіи какого-либо одного предмета, что въ сильной степени связываетъ ихъ руки. „Такъ называемая Бурмакинская артель“ должна по уставу состоять по меньшей мѣрѣ изъ 20 членовъ; столько ихъ въ дѣйствительности и записано въ артель, а работаетъ на артель всего *три* человѣка (такъ было по крайней мѣрѣ въ іюнѣ 1897 г.). Три члена артели несутъ общественныя обязанности и потому участвовать въ дѣлѣ не могутъ, а для остальныхъ артельщиковъ нѣтъ дѣла по ихъ специальности и они работаютъ на кулаковъ. Вотъ правленію артели и приходится пользоваться для исполненія взятыхъ заказовъ трудомъ кустарей, стоящихъ внѣ артели. Кулаки давно уже прекратили бы жалкое прозябаніе артели, если бы не боялись мѣстнаго начальства, оказывающаго артели извѣстную матеріальную помощь, равно какъ и нравственную поддержку дѣлу, что заставляетъ кулаковъ относиться къ артели не только сдержанно, но даже оказывать нѣкоторый кредитъ. Сами участники артели, если не считать старосты, относятся къ дѣламъ артели крайне скептически и если не бросаютъ участія, то тоже, пожалуй, изъ боязни начальства. Увеличить число артельщиковъ не удастся потому, что это не угодно кулакамъ **).

Вотъ и всѣ случаи „торжества артельного начала“, разысканные нами на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ страницъ, передающихъ о положеніи промысловъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества и объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ нихъ за послѣднее пятилѣтіе. Результаты, какъ видимъ, далеко не блестящіе. Одни, какъ мы это читаемъ у Шлотникова, несмотря на всю ясность пользы для нихъ отъ артельного устройства, совершенно не проявляютъ желанія къ его насажденію, другіе, уже познавшіе всю его сладость, представляютъ его въ такой жалкой формѣ, что почти всѣ его выгоды теряются, и изслѣдователю съ грустью приходится указывать на его, „неполное примѣненіе“. Что же касается двухъ послѣднихъ встрѣченныхъ нами фактовъ.—Мраморской и Бурмакинской артелей,—то оба они настолько оригинальны, что, вѣроятно, заставятъ призадуматься даже самаго убѣжденнаго народника. Они навочятъ на печальныя размышленія, что „артель артели рознь“ и что не всегда-то одно примѣненіе артельного начала является такимъ счастливѣйшимъ; что часто у кустарей для ихъ устройства или вступленія въ нихъ недостаетъ не желанія, а капитала, и что иногда даже артели могутъ служить средствомъ угнетенія одной, болѣе слабой, части кустарей другой—болѣе сильной. Что же касается стремленія населенія къ созданію артелей, то, съ одной стороны, не всегда это стремленіе было бы даже и понятно, такъ какъ иногда артель умѣетъ вызвать лишь „враждебное“ отношеніе мѣстнаго населенія, что и не можетъ быть инымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда артель „существенно“ ухудшаетъ положеніе промысла съ экономической точки зрѣнія,—съ другой же стороны плохо вяжется съ нимъ то дѣятельное участіе на-

*) „Отчеты“, т. V, стр. 170.

***) Тамъ же, стр. 173-4.

чальства, которое мы видимъ въ Бурмакинской артели и которое одно только и можетъ помѣшать полному распаденію артели или поглощенію ея кулаками.

Все это заставляетъ насъ съ полнымъ вниманіемъ отнестись къ словамъ г. Егунова (ислѣдовавшаго промыселъ въ Пермской губерніи), утверждающаго, что бытовые условія не одарили русскаго человѣка умѣньемъ сплотиться и дѣйствовать сообща, не нарушая чужихъ правъ; поэтому *нигдѣ* въ средѣ нашихъ кустарей кустарныя артели не возникли *самостоятельно*, а гдѣ и вызывались въ жизни искусственно, тамъ влачатъ жалкое существованіе и не могутъ выбиться изъ долговъ или подъ гнетомъ внутреннихъ раздоровъ очень скоро разлагаются* *). Если приведенное мнѣніе и отличается нѣкоторою излишнею рѣзкостью и огульностью, то все-таки, въ общемъ, положеніе нашей кустарной промышленности заставляетъ признать большую его близость къ дѣйствительности. Немногочисленность же артельныхъ попытокъ въ сравненіи съ тѣмъ значеніемъ, которое всегда придавалось артельному принципу господами народниками, видѣвшими въ немъ чуть ли не панацею всѣхъ золъ, поневолѣ заставляетъ насъ вспомнить Волгина, сравнившаго ихъ съ баобабомъ (*arbor gigantea*) тарасковскаго героя, помѣщавшемся съ успѣхомъ въ горшкѣ отъ резеды. Великія надежды и жалкая дѣйствительность!.. Разсматривая артели, мы не можемъ не замѣтить того революціоннаго духа, который иногда ихъ отмѣчаетъ (Бурмакинская артель), да и долженъ отмѣчать. Сплачивая въ одно цѣлое сильнѣйшіе въ экономическомъ отношеніи элементы кустарныхъ промысловъ, часто скупщиковъ и торговцевъ по преимуществу, онъ приведетъ къ еще большому закабаленію остальной части кустарей и тѣмъ ускоритъ переходъ къ новой организаціи, которая, конечно, не будетъ имѣть ничего общаго съ артельнымъ началомъ. Въ этомъ отношеніи г. народники забываютъ то возраженіе, которое уже довольно много дѣтъ тому назадъ дѣлалось противъ производительныхъ обществъ Лассалля, возраженіе о томъ, что конкуренція при ихъ основаніи не устраняется. Отличіе въ данномъ случаѣ лишь то, что въ артельномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, артели будутъ конкурировать не между собою, а съ кустарями-одиночками, не бывшими въ состояніи, вслѣдствіе своей необезпеченности, поступить въ артель. Артели явятся въ видѣ капиталистическихъ обществъ, борющихся съ тѣмъ же самостоятельнымъ кустарничествомъ, оставшимся внѣ ихъ предѣловъ. Кромѣ того возможны онѣ лишь для болѣе состоятельной группы кустарей, могущихъ представить членскій взносъ, при его же отсутствіи или крайней незначительности артели безъ капитала будутъ обречены влачить самое жалкое существованіе или попадутъ въ руки скупщиковъ. Такимъ образомъ артели, по нашему мнѣнію, возможны и помогаютъ лишь болѣе состоятельной группѣ кустарей, ухудшая еще болѣе экономическое положеніе остальныхъ, и всѣ мѣропріятія, преслѣдующія цѣли ихъ насажденія, способствуютъ лишь усиленію мелко-буржуазнаго принципа, да и кромѣ того, пока условія для ихъ возникновенія болѣе назрѣютъ, скупщики и промышленный капиталъ, который не останавливается ни на минуту

*) „Отчеты“, т. III, стр. 163 -164.

въ своемъ завоеваніи новыхъ областей, оставлять отъ „самостоятельнаго народнаго производства“ одно лишь воспоминаніе.

Кустарные промыслы возникаютъ по большей части въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе даетъ крестьянамъ очень мало, либо по чрезвычайной незначительности надѣловъ, либо по малоплодородію почвы или, какъ говорилъ Гадисскій, „не родить земля хлѣба—родитъ кустаря; родитъ хлѣбъ—на кустаря неурожай“. Такимъ образомъ, уже по самому существу возникновенія кустарныхъ промысловъ, мы можемъ предположить, что земледѣліе не играетъ въ глазахъ кустарей большой роли. Относительно же того, какъ вліяютъ промыслы на земледѣліе,—улучшаютъ ли его, или, наоборотъ, способствуютъ его упадку,—мы скорѣе склонимся ко второму отвѣту. Уже а priori можно предположить, что разъ промыселъ даетъ гораздо большій или просто большій заработокъ, чѣмъ сельское хозяйство, то кустари стараются удѣлить ему больше времени, урывая его у земледѣлія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ считаютъ болѣе цѣлесообразнымъ даже и вовсе не заниматься этимъ послѣднимъ. Что касается данныхъ по этому вопросу, то они отличаются крайней немногочисленностью и противорѣчивостью. Отчасти это объясняется малымъ вниманіемъ, которое удѣлялось этому вопросу, отчасти нѣкоторою запутанностью отношеній, принимая во вниманіе есю разницу экономическаго положенія крестьянъ, различіе надѣловъ, плодородія и прочихъ особенностей, мѣняющихся не только по губерніямъ и уѣздамъ, но и по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Однако одно положеніе, никогда, кажется, и не оспаривавшееся, остается неизбѣжнымъ: промыслы возникаютъ только тамъ, гдѣ земледѣліе даетъ очень мало. А между тѣмъ, сколько заключеній такъ и вытекаютъ изъ этого положенія. Во-первыхъ, разсмотрѣвъ его съ точки зрѣнія прироста населенія, мы увидимъ, что, если уже въ минуту возникновенія промысла земледѣліе давало мало, то насколько же должны были уменьшиться его доходы, когда число народонаселенія увеличилось, надѣлы раздробились, а потребности семей какъ качественно, такъ и количественно возросли. Во-вторыхъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ денежнаго хозяйства значеніе хозяйства натуральнаго все болѣе отступаетъ на второй планъ: нужны деньги и на подати, и на покупку всего необходимаго, а земледѣліе даетъ ихъ слишкомъ мало. Кромѣ того, если и стоило еще работать тогда, когда надѣлъ былъ, предположимъ, въ два раза больше, то ужъ съ его уменьшеніемъ вовсе не стоитъ ни отрываться отъ своего ремесла, ни держать для нуждъ земледѣлія лошадей и сельско-хозяйственныя орудія. Является прямой выгодой сдать свой участокъ хозяину, не занимающемуся промысломъ, который на достаточномъ пространствѣ земли, можетъ быть, и будетъ въ состояніи кормиться землею, конечно, тамъ, гдѣ земля не черезчуръ малоплодородна, ибо въ послѣднемъ случаѣ ее и сдать-то трудно, и она будетъ лежать тяжелой обузой на шеѣ своего владѣльца. Обрабатывать, можетъ быть, и разсчета нѣтъ, да даромъ подати платить не хочется, и вотъ почти изъ-подъ палки, волей-неволей, приходится заниматься земледѣліемъ. Затѣмъ, чѣмъ выгоднѣе промыселъ, чѣмъ болѣе онъ даетъ кустарю, тѣмъ, конечно, болѣе основаній удѣлить ему все время и не обращать на землю никакого вниманія. И факты, при

которых, как это, напр., приводить в своей статьѣ г. Земятченскій *), крестьянинъ можетъ сказать, указывая на свой горнь (дѣло идетъ о гончарномъ промыслѣ): „о це моя борона, моя соха,—тутъ мое все“, далеко не такъ рѣдки. Такимъ образомъ мы думаемъ, что вообще, вѣроятно, земледѣліе не слишкомъ-то хорошо въ промысловыхъ мѣстностяхъ, развѣ только земля является извѣстнымъ видомъ накопленія, какъ это мы кое-гдѣ встрѣчаемъ у болѣе богатыхъ кустарей, и что, чѣмъ выше стоитъ промыселъ, тѣмъ менѣе времени отдается для земледѣлія. Вѣдь если только промыселъ прогрессируетъ, если въ немъ начинаютъ прижѣняться болѣе совершенные способы производства, и если при этомъ и экономическая его структура идетъ описаннымъ выше путемъ, то при той дифференціаціи, которая проявляется среди кустарей, намѣчаются три ихъ слоя: бѣдняки, едва зарабатывающіе себѣ на пропитаніе, средніе, болѣе зажиточные кустари и, наконецъ, на верху—скушники, слой, переходящій уже скорѣе въ сферу купечества. Изъ этихъ трехъ слоевъ первому земледѣліе не интересно, ибо часто даже и нѣтъ у него возможности за него взяться; для верхняго оно не представляетъ почти никакой выгоды, ибо его интересы связаны уже съ иными перспективами, чѣмъ урожай; остается второй, который еще занимается земледѣліемъ и у котораго промыслы, можетъ быть, и вліяютъ хорошо на обработку земли, давая ему возможность однимъ поддерживать другое. Поэтому, по нашему мнѣнію, не нужно никогда забывать, что кустари никогда не представляютъ однородной массы и то, что вліяетъ на одинъ ихъ слой такъ, на другой оказываетъ совсѣмъ иное дѣйствіе. Однако въ дальнѣйшемъ,—мы это видимъ почти во всѣхъ промыслахъ,—средній слой понемногу исчезаетъ, переходя либо въ высшій слой мастерковъ и фабрикантовъ или скушниковъ, или опускается до уровня бѣдности, и тогда земледѣліе начинаетъ играть въ промыслѣ еще меньшую роль. Если же промыселъ черезчуръ отсталъ по своимъ техническимъ приѣмамъ, даетъ кустарямъ ничтожный заработокъ, не представляя даже и надежды на то, чтобы покрыть его расходы, то кустарь волей-неволей держится за земледѣліе, которое, конечно, у него также не въ блестящемъ состояніи, принимая во вниманіе, что именно его-то малодоходность и заставила кустаря заниматься промысломъ, низкій же заработокъ отъ этого послѣдняго не позволяетъ ничего вложить въ земледѣліе, что бы увеличило его производительность. Посмотримъ теперь, насколько подтверждаются наши слова фактами, для чего просмотримъ все, что есть по этому вопросу хотя бы у Плотникова. Въ ложкарномъ промыслѣ, промыслѣ, падающемъ и особой капитализаціи не представляющемъ, хотя и находящемся въ рукахъ скушниковъ, хозяйствомъ сельскимъ занимаются: „работаютъ... въ свободное отъ полевыхъ занятій время... Изъ числа надѣльныхъ дворовъ, занятыхъ ложкарнымъ промысломъ, не болѣе 21,7% сдаютъ свою пашню, тогда какъ по всему уѣзду 0% надѣльныхъ дворовъ, сдающихъ свои надѣлы, равенъ 38,3%. Такимъ образомъ, отношеніе дворовъ, сдающихъ надѣлы, ко всему числу ихъ въ ложкарномъ промыслѣ даже благоприятнѣе для земледѣлія, чѣмъ въ среднемъ по

*) „Отчеты“, т. IV, стр. 217.

уѣзду для надѣльныхъ дворовъ вообще“ *). Каково, впрочемъ, это земледѣліе, показываютъ слѣдующія слова Л. Борисовскаго: „Ложкарство само по себѣ, по сути своей, есть явленіе неизбѣжное. Худо ложкарство, но не проживешь земледѣліемъ“. Бѣдность отдѣльныхъ лицъ съ каждымъ годомъ все увеличивается, а между тѣмъ съ каждымъ же годомъ растетъ цифра ложкарей **). Такимъ образомъ ни ложкарство, ни земледѣліе не даютъ возможности прожить тѣмъ-нибудь однимъ изъ нихъ, а это обуславливаетъ невозможность отказаться какъ отъ перваго, такъ и отъ втораго, результатомъ чего является вѣчное полуголодное состояніе кустаря, ибо ни промыселъ, ни земледѣліе не идутъ у него, какъ слѣдуетъ. Въ токарномъ промыслѣ, который „прогрессивно падаетъ“, работа идетъ главнымъ образомъ осенью и зимою, поэтому отъ земледѣлія не отрываетъ: изъ 167 дворовъ надѣльныхъ, занимающихся токарнымъ промысломъ, 156 обрабатываетъ пашню сами, 6 наймомъ и только 5 сдаютъ и то частью ***). Волость, въ которой наиболѣе развитъ этотъ промыселъ, извѣстна своими нищими. „Хохломскіе нишіе извѣстны далеко за предѣлами губерніи. Это особый видъ профессиональнаго отхожаго нищенства, въ которомъ принимаютъ участіе взрослые надѣльные работники. Такихъ работниковъ уходитъ изъ Хохломской волости не менѣе 76 чел., если же считать стариковъ, дѣтей и женщинъ, то изъ Хохломской волости уходитъ до 139 нищенствующихъ за Волгу „на горы“, въ черноземные уѣзды Нижегородской губерніи, въ Вятскую губ. и т. д., туда, гдѣ урожай... Остальные нищенствуютъ въ округѣ, въ своемъ уѣздѣ. Такихъ изъ Хохломской волости ходитъ не менѣе 266 человекъ, въ числѣ которыхъ 155 женщинъ“ ****). Оригинальная картина благосостоянія, доставляемаго соединеніемъ промысла съ земледѣліемъ! Нищенство оказывается гораздо выгоднѣе. „Столярнымъ промысломъ крестьяне занимаются почти круглый годъ съ тою разницею, что осенью и зимой они посвящаютъ этой работѣ все свободное время, тогда какъ весной и лѣтомъ занятіе мастерствомъ чередуется съ сельско-хозяйственными работами“ *****). Думаемъ только, что или промыселъ мѣшаетъ земледѣлію, или земледѣліе промыслу. Такимъ образомъ обстоитъ дѣло въ промыслахъ, почти умирающихъ, которые никакъ образомъ не могутъ прокормить кустаря и потому принуждаютъ его во что бы то ни стало держаться земледѣлія, хотя и доходитъ иногда при такомъ счастливомъ соединеніи занятій, вліяющемъ, по мнѣнію иныхъ, полезно на здоровье, до нищенства.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло въ промыслахъ, сравнительно съ только что описанными, прогрессирующимъ или, по крайней мѣрѣ, дающимъ большій заработокъ. Такъ, въ сравнительно довольно хорошо поставленномъ слесарномъ производствѣ, несомнѣнно проявляющемъ прогрессивныя тенденціи и находящемъ мѣсто даже для фабрикъ, работающихъ паромъ, „кустари Павлова и Ворсы земледѣліемъ не занимаются вовсе: вся земля этихъ селеній сдается въ наемъ крестьянамъ

*) Плотниковъ, „Кустарные промыслы Нижегородской губерніи“, стр. 142.

***) Тамъ же, стр. 146.

****) Тамъ же, стр. 151.

*****) Тамъ же, стр. 156.

*****) Тамъ же, стр. 166.

сосѣднихъ деревень... Въ Щербинѣ, Тумботинской волости, пашня, залпаемая Окою, вся не пахется и запущена подъ покосъ“ *). Надѣль ихъ, положимъ, очень малъ (въ Павловѣ на 1 душу менѣе 1 десятины, но въ Ворсиѣ — 2,8 десятины, что вовсе ужъ не такъ мало). Въ производствѣ топоровъ „изъ 237 промысловыхъ работниковъ занято только промыслѣмъ 96, т. е. 40,5% промыслѣмъ и земледѣліемъ 141 или 59,5%“ **). Процентъ оставившихъ земледѣліе довольно высокъ. Въ Горбатовскомъ районѣ кожевеннаго производства изъ общаго числа 1.270 кожевниковъ 1.118 работниковъ или 90,1% занято только промыслѣмъ, такъ что говорить о земледѣліи въ этомъ случаѣ странно. „Въ селѣ Катункахъ сельскаго хозяйства не существуетъ, и потому промыслы являются здѣсь главнѣйшимъ, почти единственнымъ источникомъ жизни для населенія: кромѣ промысла у него нѣтъ никакого другого матеріальнаго обезпеченія“ ***). Вообще въ Нижегородскомъ уѣздѣ „исконнымъ занятіемъ всѣхъ кожевниковъ является земледѣліе; тѣмъ не менѣе кожевенный промыселъ представляется столь выгоднымъ, что мало-по-малу отбѣсняетъ собой земледѣліе на второй планъ. Татарковскіе кожевники заняты производствомъ круглый годъ, для полевыхъ же работъ нанимаютъ работника“ ****), т. е. промыселъ выгоднѣе земледѣлія, и кустари земледѣліе бросаютъ или обращаютъ на него мало вниманія, вовсе не думая улучшать его на счетъ доходовъ промысла. Въ сапожномъ промыслѣ Выѣздновской слободы, гдѣ производство ведется круглый годъ, земледѣльствомъ почти не занимаются; изъ 689 домовъ селенія въ 70-хъ годахъ, кромѣ промысла, занимались также и земледѣльствомъ всего 200 домовъ, въ настоящее же время уже не болѣе 60 домовъ; остальные занимаются только сапожничествомъ *****). Земледѣліе оказалось тѣмъ далѣе, тѣмъ невыгоднѣе. Такимъ образомъ изъ фактовъ, встрѣченныхъ нами у г. Плотникова изъ положенія кустарныхъ промысловъ Нижегородской губерніи, мы нашли только подтвержденіе высказанныхъ нами положеній. Гдѣ только промыселъ даетъ возможность существовать имъ однимъ, тамъ крестьяне оставляютъ земледѣліе или отводятъ ему второстепенное мѣсто. Сохраняется же оно только тамъ, гдѣ производство, вслѣдствіе своей крайней малодоходности, не позволяетъ ограничиться имъ однимъ, и изъ двухъ занятій ни одно не можетъ прокормить кустаря удовлетворительнымъ образомъ, заставляя его, даже и при ихъ соединеніи, наполовину голодать или прирабатывать еще особымъ, третьимъ занятіемъ — отхожимъ нищенствомъ. Что касается Московской губерніи, то въ ней можемъ отмѣтить то явленіе, что въ трехъ уѣздахъ губерніи, въ которыхъ наиболѣе распространено ткачество, кустарный промыселъ, дающій сравнительно удовлетворительныя заработки, — Богородскомъ, Бронницкомъ и Коломенскомъ, — связь населенія съ земледѣльческимъ хозяйствомъ „въ значительной мѣрѣ слаба“, на что, между прочимъ, указываютъ и данныя о количествѣ лошадей и скотовладѣніи въ губерніи. Въ

*) Тамъ же, стр. 181.

***) Тамъ же, стр. 196.

****) Тамъ же, стр. 225.

*****) Тамъ же, стр. 229.

*****) Тамъ же, стр. 235.

названных трех уездах процент безлошадных и безкоровных—самый высокий во всей губернии, что само по себе может служить доказательством плохого состояния земледелия, которое в средней полосе России почти всецело зависит от количества удобрений. Так, дворовь совсем без скота приходилось в ‰ к общему числу домохозяев в 1894 году в Богородском уезде 31,6, в Бронницком—32,3, в Коломенском—31,0, между тем как по всей губернии среднее—23,7‰. Что же касается процента безлошадных и безкоровных дворовь, то о немъ дасть понятие слѣдующая таблица:

У ъ з д ы:	% безлошадныхъ (къ общему числу дворовь):	% безкоровныхъ (къ общему числу дворовь):
	Богородскій	47,4
Бронницкій	57,6	28,5
Коломенскій	52,4	37,6
По губернии (въ среднемъ). . . .	38,9	29,6 *).

Положеніе, какъ мы видимъ, далеко не блестящее и не указывающее на процвѣтаніе земледѣлія, соединяемаго съ промысломъ. При этомъ мы можемъ замѣтить, что и вообще въ Московской губернии, по сравненію съ 1869 годомъ, принятымъ за основаніе отчета въ „Статистическомъ ежегодникѣ Московской губ.“, за 1895 годъ, количество лошадей очень уменьшается, что указываетъ на меньшее занятіе земледѣліемъ, которое очевидно не окупаетъ потраченнаго на него времени и труда. „Общее количество лошадей въ губернии въ періодъ времени съ 1869 по 1894 годъ не только не возросло, но, напротивъ, упало на 9.304 головы, или на 5,1‰“ **). Промыслы, вѣроятно, выгоднѣе, и земледѣліе отстываетъ на второй планъ.

Однако это нисколько не мѣшаетъ г. народникамъ говорить о спасительности соединенія промысла съ земледѣліемъ. Такъ, г. Пономаревъ, слегка лишь перефразируя г-на Вернера ***) , говоритъ: „Ткачи, работающіе на фабрикахъ, въ свѣтелкѣ или въ своей избѣ, получаютъ задѣльную плату. По существу въ этомъ случаѣ кустари-ткачи отличаются отъ фабричныхъ рабочихъ только тѣмъ, что могутъ свободно располагать своимъ временемъ; но по большей части кустари-ткачи *усидчивѣе* (курсивъ нашъ) фабричныхъ рабочихъ, выручаютъ же нѣрѣдко менѣе этихъ послѣднихъ. Средній дневной заработокъ кустаря-ткача, работающаго бумажныя гладкія ткани, не превышаетъ 25—30 коп. въ день, или 6—6 р. 50 коп. въ мѣсяцъ, на узорчатыхъ, фасонныхъ тканяхъ кустарь выработаетъ нѣсколько больше; фабричные же ткачи получаютъ отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Если съ внѣшней стороны (а съ внутренней? М. К.) положеніе кустаря-ткача нѣрѣдко хуже фабричнаго рабочаго, то первый нѣгетъ, однако, огромное

*) Составлено на основаніи таблицы въ „Статистич. ежегодн. Московск. губ.“. Приложеніе, 1895 г., стр. 52—3.

**) „Стат. ежегодникъ М. г. за 1895 г.“ Приложеніе, стр. 48.

***) К. Вернеръ, „Кустарные промыслы въ Богородскомъ уездѣ“, стр. 24—34.

преимущество въ томъ, что не отрывается отъ земли; ради этого, конечно, весьма необходимо поддерживать кустарное ткачество“ *). Конецъ отрывка совершенно не вяжется съ его началомъ. Начало передаетъ факты и факты неуѣшительные для обрисовки положенія кустаря, который если теорически и „свободнѣе“ фабричнаго рабочаго, то зато фактически работаетъ „усидчивѣе“ послѣдняго, что же понимать подъ послѣднимъ терминомъ мы немного знаемъ, такъ что его свобода оказывается для него призракомъ, ни къ чему не нужнымъ, кромѣ какъ развѣ для того, чтобы въ конецъ изнурять себя работой, получая при этомъ чуть не вдвое менѣе фабричнаго рабочаго и работая въ среднемъ при худшихъ условіяхъ... Но это все съ „вѣшней“ стороны, зато съ внутренней—онъ обладаетъ „громаднымъ“ преимуществомъ—землей, которая не можетъ его прокормить и заставляетъ столь неразумно изнурять себя жной для того, чтобы не заработать себѣ на пропитаніе и лѣтомъ...

А вотъ какъ складываются условія земледѣлія при спеціализаціи промышленности. „По мѣрѣ того, какъ кустари сосредоточиваются на промыслѣ, спеціализируется и земледѣліе: сосѣди ихъ, не занимающіеся ремесломъ, арендуютъ у нихъ заброшенные участки, соединяя въ своихъ рукахъ количество земли, достаточное для усѣшнаго веденія полевого хозяйства... Во всякомъ случаѣ, эта централизація представляетъ важное явленіе въ деревенской жизни: если она обезземеливаетъ часть сельскаго населенія, то интересы самого земледѣлія могутъ отъ нея только выиграть, такъ какъ благодаря ей только тѣ, въ чьихъ рукахъ сосредоточивается земля, получаютъ возможность вести правильное хозяйство, извлекать изъ нея такой доходъ, какого она не могла бы дать, будучи раздѣлена на прежніе мелкіе участки. Не нужно забывать, что здѣсь дѣло идетъ не о заѣмѣ мелкой культуры крупной, а только о соединеніи слишкомъ дробныхъ участковъ въ такіе, которые допускаютъ правильное хозяйство“ **). Земледѣліе только выигрываетъ отъ такой спеціализаціи занятій. Одинъ является хорошимъ ремесленникомъ, другой—хорошимъ земледѣльцемъ. Приходится намъ указать еще и на то, какъ земледѣліе, въ свою очередь, вліяетъ на промыслы. Отрицать прогрессъ въ земледѣліи становится все болѣе невозможнымъ, а при его отсутствіи, при отсутствіи улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, оно даетъ только убытки. Въ этомъ отношеніи капиталистическія тенденціи въ земледѣліи, требующія совершенно новой его организаціи, увеличеніе деревенскаго населенія и соотвѣтствующее уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ вызываютъ во многихъ, по преимуществу, простѣйшихъ промыслахъ неожиданную конкуренцію. Жить землей становится все труднѣе, приходится пзыскивать сторонніе доходы, и вотъ промыслы, которымъ прежде занимались одна, двѣ деревни, распространяется въ цѣломъ районѣ; количество производителей чрезвычайно увеличивается и они страшно сбиваютъ цѣны, ибо требованія рынка не могутъ по прежнимъ

*) „Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ“, стр. 7 и 8.

***) Езерскій, „Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ“. Москва, 1894, стр. 50—51, цитировано у Волгина, „Обоснов. народничества“, стр. 227.

цѣнамъ охватывать все это увеличившееся количество издѣлій, такъ какъ покупательныя силы народонаселенія растутъ лишь очень медленно. Примѣровъ этой новой, все возникающей конкуренціи очень много. „Кустари-плетельщики (изъ тростника) Кременецкаго уѣзда, Волынской губ., жаловались на плохія времена, вслѣдствіе конкуренціи, возникшей въ другихъ селеніяхъ“ *). По корреспонденціямъ Московской губерніи въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ древодѣльных промыслахъ „дешевизна издѣлій нашихъ кустарей увеличилась и оттого, что въ сосѣднихъ селахъ появилось много новыхъ мастеровъ, которые и конкурировали со старыми“ **). Въ Русскомъ уѣздѣ въ плетеніи корзинокъ: „Такъ какъ эта работа не требуетъ особаго умѣнья, а матеріалъ и инструменты для нея дешевы, то число работающихъ корзинокъ сильно увеличилось, предложеніе товара превышало спросъ на него“ ***). Такихъ примѣровъ достаточно въ любомъ изслѣдованіи. Кстати, еще нѣсколько словъ о значеніи кризисовъ для кустарной промышленности. Кризисы имѣютъ для нея то же значеніе, какъ и для всякой другой, съ тѣмъ только отличіемъ, что тутъ промышленники—въ то же самое время и рабочіе, такъ что у нихъ не является даже и надежды свалить на кого-нибудь свое бремя. Какъ вездѣ послѣ кризиса масса мелкихъ заведеній погибаетъ, чтобы дать мѣсто болѣе крупнымъ, расширяющимся на ихъ счетъ, такъ и въ кустарной промышленности каждый кризисъ выбрасываетъ толпы кустарей изъ производства съ тѣмъ, чтобы вернуть ихъ опять, по его минованіи, но уже въ качествѣ независимыхъ рабочихъ въ заведеніяхъ или на заведеніяхъ болѣе зажиточныхъ кустарей, сумѣвшихъ пережить кризисъ и теперь выбирающихся въ предприниматели. Кризисъ—сильный рычагъ, очень мѣняющій картину кустарныхъ районовъ. Посмотрите на вліяніе голоднаго 1891—2 года на производство серповъ во Владимірской губерніи. „Голодные года 1891—2 оказали свое подавляющее дѣйствіе на этотъ промыселъ: цѣны на серпы сразу понизились до 7—8 рублей за сотню, да и то плохо они шли, ибо нечего крестьянамъ было жать. Немногіе изъ мастеровъ перенесли это тяжелое время,—большинство кинулось въ сторону на заработки... такъ или иначе поискать себѣ кусокъ хлѣба, который дома вырвалъ голодный годъ. Наступившіе вслѣдъ затѣмъ урожайные годы оказали благотворное вліяніе на промыселъ; они сразу оживили его, вновь застучали молоты, посыпались искры изъ кузницъ, но общая организація промысла приняла уже новую форму. Тѣ мастера, которые принуждены были бросить въ голодные годы свое производство, уже не могли снова самостоятельно приняться за него... Но тѣ мастера, которые нашли возможность пережить кризисъ, съ наступленіемъ урожайныхъ годовъ, когда вновь наступилъ усиленный спросъ на серпы, быстро стали расширять свое производство, причемъ мѣсяце самостоятельные принуждены были дать дорогу болѣе крупнымъ предпринимателямъ... ****). А вѣдь голодовки становятся у насъ болѣе частыми, ибо

*) „Отчеты“, т. V, стр. 212.

**) „Статист. ежегодн. Московской губ. за 1898 годъ“. Промыслы, стр. 9.

***) Тамъ же, стр. 10.

****) „Отчеты“, т. V, стр. 10.

недородъ чередуется съ голодомъ, только изрѣдка разнообразясь урожаемъ. а вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается количество случаевъ, благопріятствующихъ перемѣнѣ организаціи производства. Условія русскаго сельскаго хозяйства косвенно способствуютъ капитализаціи промысловъ.

Что касается сравненія положенія кустаря и фабричнаго рабочаго, то ничего особенно новаго, чего бы не давали прежнія изданія, литература послѣдняго времени не представляетъ. Поэтому, чтобы не повторять всѣмъ извѣстныхъ фактовъ лишь въ иной передачѣ, постараемся воздержаться отъ выписокъ, а вкратцѣ укажемъ на всѣ тѣ преимущества, которыя отличаютъ фабрику отъ избы кустаря или свѣтелки. Не идеализируя особенно фабрику, напомнимъ тѣмъ не менѣе о томъ, что трудъ на послѣдней подверженъ извѣстной регламентаціи, работа малолѣтнихъ до извѣстнаго возраста запрещена, въ извѣстныхъ случаяхъ ночная работа женщинъ,—рабочій день по новому закону не можетъ продолжаться болѣе 11¹/₂ часовъ, гигиеническія условія несомнѣнно выше, чѣмъ въ промыслахъ. Между тѣмъ въ кустарныхъ производствахъ работа дѣтей эксплуатируется, начиная съ самаго нѣжнаго возраста, 6—7-лѣтняго, гигиеническія условія самыя невозможныя, рабочій день въ очень многихъ промыслахъ доходитъ до 16, 17 и даже 18 часовъ, что составляетъ настолько обычное явленіе, что трудно привести не примѣры крайней продолжительности рабочаго дня, а наоборотъ, причѣмъ трата рабочей силы гораздо выше, чѣмъ на фабрикѣ уже потому, что тутъ работаетъ самъ хозяинъ или если и наемные рабочіе, то „хозяйскій глазъ“ неутомимо слѣдитъ за ними. Какъ ни слабъ надзоръ за фабриками, но онъ все-таки есть, между тѣмъ какъ кустарные промыслы всецѣло предоставлены самимъ себѣ, и эксплуатація тамъ можетъ достигать самой высшей степенн, ибо наемный трудъ, какъ мы это видѣли, примѣняется во многихъ промыслахъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Если фабричный рабочій и продаетъ на фабрикѣ, кромѣ своей, рабочую силу своей жены и дѣтей, то все-таки фабричныя законы ставятъ этому извѣстныя границы, между тѣмъ какъ кустарь можетъ ужъ безъ всякихъ ограниченій использовать или превратить въ цѣнность силы своей слабой половины и подрастающаго поколѣнія. При этомъ трудъ малолѣтнихъ и женщинъ примѣняется довольно часто чуть ли не для самаго тяжелаго процесса работы — изображать собой движущую силу — вертѣтъ колесо и т. п., причѣмъ едва ли относительно такого рода труда можно утверждать, что дѣти тутъ начинаютъ работать „шутя и играя“, какъ это, напр., изображалъ г. Воронцовъ. Не хороши, очень не хороши условія работы на русской фабрикѣ, но гораздо хуже условія труда кустарнаго рабочаго. Не можемъ по этому поводу удержаться, чтобы не привести параллельнаго описанія шлифовальной мастерской въ кустарномъ промыслѣ и на благоустроенной фабрикѣ, помѣщеннаго въ „Отчетахъ и изслѣдованіяхъ по кустарной промышленности“. Шлифовка серповъ (Владимірской губ.) въ кустарной мастерской происходитъ при слѣдующихъ условіяхъ. „Удушливая атмосфера, вѣчная сырость, постоянное разбрызгиваніе воды на рабочаго, грязь и при такихъ условіяхъ работа съ непрерывнымъ сильнымъ напряженіемъ мускуловъ дѣлаетъ то, что рабочій, проработавъ нѣсколько ча-

совъ, такъ изнемогаютъ, что еле дышать; потъ ручьями льется съ него и онъ, чтобы нѣсколько охладиться, выходитъ на дворъ, на морозъ, отдохнуть отъ адскаго труда. Конечно, подобная обстановка труда такъ подрываетъ здоровье рабочаго, что онъ лѣтъ черезъ пять работы дѣлается вполне неспособнымъ къ труду. Особенно вредное вліяніе на здоровье рабочихъ оказываетъ процессъ шлифовки серповъ: образуемая при этомъ пыль, состоящая изъ частичекъ желѣза и наждака, проникаетъ въ дыхательные органы и служитъ причиною разныхъ легочныхъ заболѣваній...“ А вотъ положеніе фабрики: „На благоустроенныхъ заводахъ устраиваются особые футляры съ вытяжными трубами къ каждому шлифовальному станку; при помощи этихъ трубъ пыль, получаемая при работѣ, немедленно вытягивается наружу, такъ что она не достигаетъ рабочаго, и кромя того для шлифовальщиковъ сновывается особый фондъ, изъ котораго имъ по оставленіи работы выдается пенсія. Возможна ли подобная организація въ заведеніяхъ Владимірскихъ скупщиковъ? На этотъ вопросъ, кажется, возможенъ одинъ отвѣтъ: до тѣхъ поръ пока производство не вступитъ на путь примѣненія усовершенствованныхъ машинъ, что возможно при полной капитализаціи промысла, о какихъ-либо средствахъ защиты здоровья рабочихъ не можетъ быть и рѣчи“ *). Кажется, трудно не согласиться съ авторомъ приведеннаго отрывка, развѣ только упорно закрывать глаза на всякіе факты и упорно твердить излюбленные истины. Въ числѣ многочисленныхъ выгодъ, отличающихъ фабричнаго рабочаго отъ кустаря, занимаетъ между прочимъ довольно замѣтное мѣсто и высшая заработная плата на фабрикѣ, дающая ему возможность повышать свой образъ жизни, приобѣтать новыя потребности и такимъ образомъ подыматься на нѣсколько высшую культурную ступень. Въ этомъ отношеніи особенно интересны корреспонденціи изъ тѣхъ мѣстностей Московской губерніи, помѣщенные въ „Статистическихъ ежегодникахъ“, гдѣ развилось фабричное производство. Онѣ отличаются особенно бодрымъ настроеніемъ, отмѣчаютъ нѣкоторую зажиточность населенія и представляютъ полный контрастъ съ корреспонденціями мѣстностей, съ самостоятельными, чисто кустарными промыслами, въ которыхъ только и слышатся стѣнованія и жалобы на паденіе промысла и уменьшеніе заработковъ. Оно и немудрено, такъ какъ на-ряду съ нищенскими заработками кустарей несомнѣнно должны казаться очень привлекательными фабричныя цѣны. Такъ, напр., „на фабрикѣ Дежневыхъ ткачи получаютъ 13—22 руб. въ мѣсяцъ, красильщики 12—18 руб.; у Струве рабочіе получаютъ 15—40 руб.; у Шереметева 9—11 руб. (красильщики) и сдѣльно (сновальщики) 15—18 р. въ мѣсяцъ“ **). Если сравнить эти цѣны, не представляющія чего-либо особеннаго и являющіяся вполне обычнымъ явленіемъ, съ нищенскимъ заработкомъ въ нѣсколько копеекъ въ день, который иногда получаютъ кустари, то весьма естественно, что фабрика покажется спасительницей. Въ такомъ духѣ и попадаются нѣкоторыя корреспонденціи, какъ, напр., „Большая часть работаютъ здѣсь по со-

*) „Отчеты“, т. V, стр. 210.

**) „Статист. ежегодн. Моск. губ.“, 1898 г., Промыслы, стр. 25.

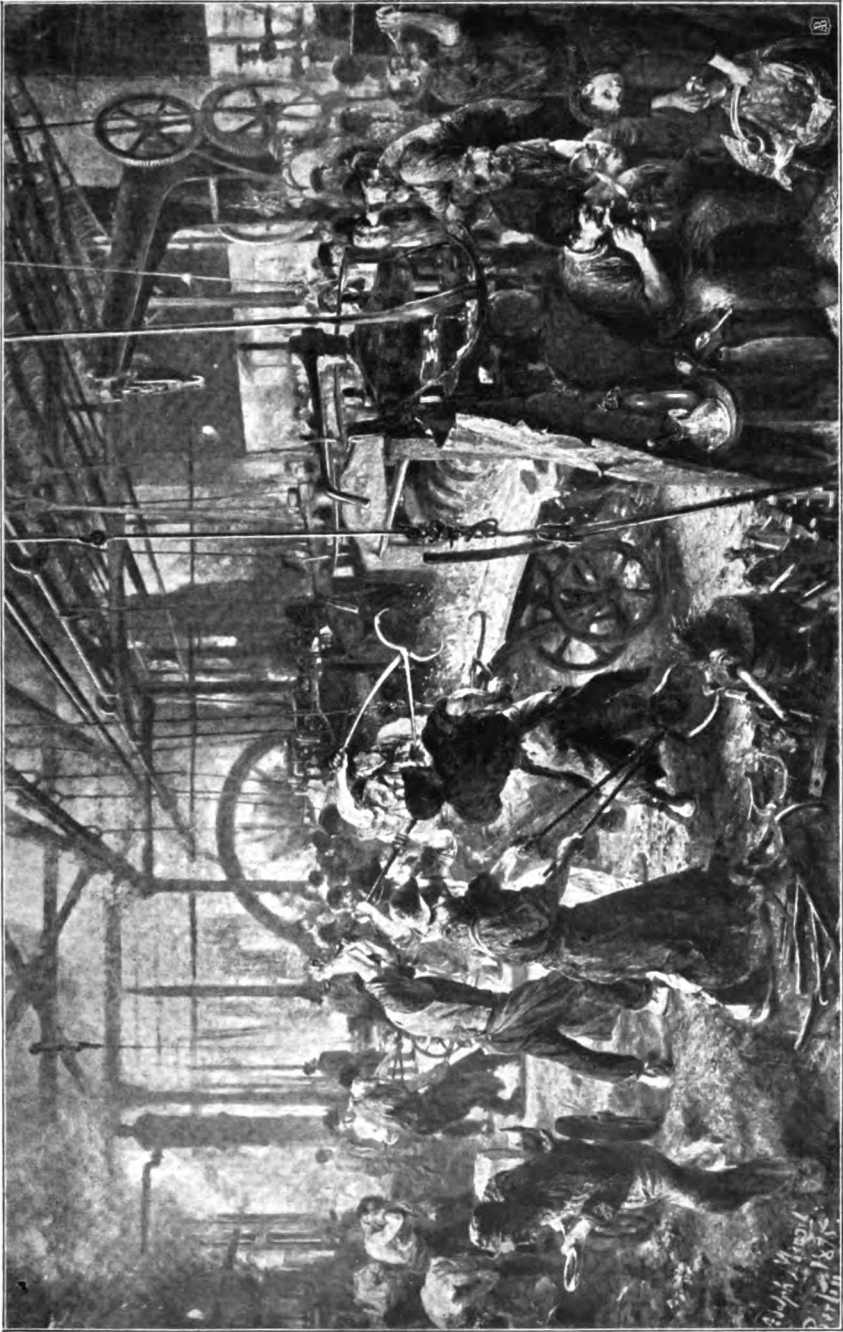
сѣдству въ 3-хъ верстахъ на фабрикѣ Шлихтермана по шерстяному производству. Эта фабрика въ окрестныхъ селеніяхъ Бронницкаго и Подольскаго уѣздовъ (въ окружности 10—12 верстъ) хорошо поитъ, кормитъ, обучаетъ и одѣваетъ (курсивъ нашъ) и даже оброки старостамъ вышлачиваетъ прямо изъ своей конторы за каждый мѣсяць... Большая часть на „заводѣ“ Шлихтермана работаетъ зиму и лѣто въ виду того, что разочтясь на лѣто съ завода домой, рабочій рискуетъ потерять навсегда мѣсто, коимъ очень дорожить, и находить выгодыѣе, чѣмъ лѣтомъ работать дома, а зимой сидѣть на печи *). Это пишетъ крестьянинъ, котораго никто, вѣроятно, не заподозритъ въ какихъ-либо предвзятыхъ теоретическихъ симпатіяхъ къ фабрикѣ.

Жизнь движется путемъ противорѣчій. Одно изъ нихъ представляетъ антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ, и въ этой-то борьбѣ между этими двумя главнѣйшими факторами производства и слагаются такъ или иначе экономическія отношенія предпринимателя и рабочаго. Не будемъ думать, что въ кустарныхъ промыслахъ этого антагонизма не существуетъ. Скупщики и крупные хозяева, отдающіе работу на сторону, являются яркими представителями капитала и далеко не въ его лучшей формѣ. Между тѣмъ трудъ въ лицѣ кустарей разрозненъ, лишень всякой организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякой силы сопротивленія. Собирая рабочихъ на фабрикѣ, капиталъ на-ряду съ этимъ сообщаетъ имъ и извѣстную организацію, силенность. Рабочіе, уже благодаря своей численности, представляютъ нѣкоторую силу. Условія труда, дотолѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ, можетъ быть, неизмѣнныя, теперь понемногу начинаютъ измѣняться, и такой прогрессъ въ желательномъ для рабочихъ смыслѣ очень поднимаетъ ихъ самихъ во всѣхъ отношеніяхъ... Насколько фабричный рабочій прогрессистъ во всемъ, настолько кустарь, особенно сохранившій еще болѣе крѣпкія связи съ землей, убѣжденный консерваторъ. Фабрика мѣняетъ его, мѣняетъ понемногу всѣ отношенія, и даже въ семьѣ кустаря способствуетъ большому развитію свободы, освобождая до нѣкоторой степени его жену отъ рабскаго подчиненія мужу.

Земство и государство не желали предоставить кустарные промыслы самимъ себѣ. Государство организовало помощь кустарямъ, особую субсидію на поддержаніе кустарныхъ промысловъ. Земство—но о дѣятельности земства можно поговорить нѣсколько подробнѣе. Года два тому назадъ министерствомъ земледѣлія была издана книга: „Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности“, составленная г. Пономаревымъ, дающая обильный матеріалъ по этому вопросу. Разбирать ее цѣликомъ не входитъ въ программу нашего очерка, а потому мы постараемся только отмѣтить главнѣйшія теченія въ мѣропріятіяхъ земствъ и объяснить важнѣйшіе факты. Особо энергичную дѣятельность проявили земства—московское, вятское, пермское, тверское и отчасти казанское. Мы остановимся только на главнѣйшихъ фактахъ. Одно изъ главныхъ мѣропріятій земства составляетъ устройство производительныхъ артелей. Начиная тверскаго земства въ этомъ

усть.

*) „Статист. ежегодн. Моск. губ.“, 1897 г., Промыслы, стр. 22—3.

Заводъ. — Мецеля.

отношенія достаточно извѣстны. Всѣ они стояли въ непосредственной связи съ земскою ссудною кассою, долженствовавшей открывать кредитъ кустарнымъ артелямъ, въ размѣрѣ не болѣе 2.000 руб. на артель, на срокъ отъ 6 до 10 лѣтъ изъ 3% годовыхъ. Основной капиталъ кассы составлялъ 50.000 рублей. Были основаны сыроваренныя, гвоздарныя и смолокуреныя артели, которыя всѣ, просуществовавъ довольно короткое время, принуждены были закрыться, причинивъ земству довольно большіе убытки. Вѣсть съ ними покончила свое существованіе и ссудная касса. Ликвидация артелей, вызываемая полной невозможностью продолжать дѣло далѣе, всегда сопровождалась убытками для земства, которые обыкновенно такъ и ложились на земскіе расходы, за исключеніемъ весьгонскаго земства, которое, уплативъ казенному лѣсничеству недонку за артели, предъявило въ то же время къ неисправнымъ плательщикамъ искъ у мирового судьи (дѣло было въ 1883 году). Общую съ прочими участь потерпѣла и сажовная артель въ г. Осташковѣ, которая также принуждена была ликвидировать свои дѣла, что обошлось земству въ 1.457 рублей. Въ послѣднее время, въ 1896 году, управою былъ выработанъ проектъ устройства въ Кимрахъ образцовой сажовной мастерской, около которой могли бы группироваться различныя артели—производительныя, подрядныя и т. п., но онъ не получилъ осуществленія, такъ какъ по предложенію ревизіонной комиссіи былъ отвергнутъ собраніемъ. Пермское земство въ недавнее время, при помощи своего кустарнаго банка, о которомъ мы поговоримъ въ дальнѣйшемъ, также сдѣлало попытку устроить производительныя артели. Такихъ артелей было устроено 7 съ 60 членами при ссудѣ банка въ 3.430 рублей, которыя и дали за первый годъ своего существованія валовую производительность въ 16.617 рублей *). Кроме того образовались еще 3 сырьевыхъ и 5 ссудныхъ артелей, которыя представляютъ артельный принципъ уже въ менѣ блестящемъ приложеніи. Но если мы даже возьмемъ ихъ общее число—15, то и тогда успѣхъ земства въ этомъ отношеніи не покажется намъ чересчуръ большимъ, особенно принимая во вниманіе немногочисленность ихъ членовъ и то, что въ ихъ составъ вошли по большей части лица сравнительно состоятельныя, которыя, вѣроятно, и такъ не чувствовали бы себя лишкомъ плохо. Могутъ намъ возразить, что пока дѣятельность земства только началась въ этомъ отношеніи, она продолжается только два года (по печатнымъ источникамъ), и поэтому земство не могло еще вполне развить на практикѣ своей программы. Но мы, на основаніи прецедентовъ, думаемъ, что въ земской дѣятельности по такимъ вопросамъ первые два, три года и являются самыми плодотворными, дальнѣйшіе же представляютъ обыкновенно болѣе или менѣе быстрый упадокъ. Какова будетъ дальнѣйшая судьба кустарныхъ артелей, насажденныхъ пермскимъ земствомъ, пока сказать довольно трудно. Не думаемъ только, чтобы онѣ отличались особою прочностью, такъ какъ и возникли-то онѣ, насколько показываютъ факты, исключительно на почвѣ кредита. Предложимъ

*) О. Вертъ, „Дѣятельность земствъ по кустарной промышл.“ „Журн. Юрид. общ.“, 1898 г., III кн., стр. 86

кустарный банкъ кустарямъ особенно льготный кредитъ при условіи артельной организаціи, и они сейчасъ же согласились на нее, какъ согласились бы на всякое другое средство, которое помогло бы имъ добыть денегъ. Артельная организація тутъ вещь совсѣмъ второстепенная, какъ была она второстепенной и при подобныхъ же попыткахъ тверского земства. „Не зная даже, что такое артель,—заявилъ въ 1875 году управѣ завѣдывавшій кузнечными артелями г. Демидовъ,—они приняли предложеніе, лишь бы выйти изъ крайняго положенія... потому что взглянули на это дѣло, какъ на помощь имъ со стороны управы. Это убѣжденіе у многихъ удержалось до сихъ поръ *). Т. е. они взглянули на кредитъ не какъ на помощь для дальнѣйшей самодѣятельности, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ, а какъ на извѣстный видъ благотворительности. Это писалъ человекъ, завѣдывавшій артелями въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и, кажется, долженствовавшій хорошо узнать положеніе дѣла. Мы же думаемъ, что если тверскіе кустари держались такого образа мыслей, то почему пермскіе исходятъ изъ иныхъ основаній? Искусственное насажденіе какого-либо принципа, хотя бы и очень благаго, рѣдко можетъ разсчитывать на успѣхъ, разъ не вытекаетъ логически изъ условій экономической жизни (данной мѣстности).

Новыя данныя объ артеляхъ, возникшихъ при помощи пермскаго кустарнаго банка („Обзоръ дѣятельности земствъ etc...“, томъ II), нисколько не заставляютъ насъ измѣнить высказанныя нами положенія, такъ какъ онѣ отличаются чрезвычайной незначительностью размѣровъ: 2—3, рѣже 4 члена, и въ числѣ ихъ производительныхъ только 6, остальные по преимуществу ссудныя, т. е. такія, гдѣ причина ихъ возникновенія—кредитъ,—скрытая въ другихъ видахъ, ясно выступаетъ наружу. Артельное начало въ нихъ представлено весьма слабо, и часто артельщики остаются даже въ той же самой зависимости отъ скупщиковъ, какъ и прежде. Яркимъ подтвержденіемъ только что сказаннаго можетъ служить положеніе Мраморской артели кустарей-гранильщиковъ, которая не разъ была близка къ полному распаденію, а одно время принимала характеръ чисто капиталистической организаціи, на что у насъ было указано въ предыдущемъ. „Артель составляетъ ничтожная часть гранильщиковъ, масса же остается внѣ артели, давая прочную почву для дѣятельности капиталистовъ“. Да и кромѣ того въ самой артели и теперь еще „много такихъ лицъ, которыя, такъ сказать, формально числятся здѣсь, пользуясь только при случаѣ тѣми или другими благами артельной организаціи, но большую часть своего труда отдають скупщикамъ... Но окончательной погибелью артели грозило бы лишеніе ея кредита. Нужно признать, что *только денежная помощь земства задерживаетъ распаденіе артели мраморскихъ кустарей* (курсивъ нашъ). Теперь правленіе всегда разсчитываетъ, что земство не оставитъ артель въ тяжелыя минуты ея жизни и всегда выручитъ изъ денежной бѣды“ **). Кажется, тутъ уже

*) Пономаревъ, „Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности“. Спб. 1897 г., стр. 236.

***) Пономаревъ, „Обзоръ дѣятельности земствъ...“, т. II. Спб. 1899 г., стр. 218—219.

не приходится говорить о самостоятельности и естественномъ существованіи артели, возникающей самостоятельно въ самомъ промыслѣ.

Перейдемъ, однако, ко второму виду содѣйствія кустарнымъ промысламъ— устройству музеевъ и складовъ кустарныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи особую извѣстность получила дѣятельность московскаго и вятскаго земствъ. Московское земство вступило на путь дѣятельнаго содѣйствія кустарной промышленности въ 1885 году, когда было открыто при губернской управѣ музей и складъ кустарныхъ произведеній. Задачи музея должны были заключаться: 1) въ ознакомленіи публики съ положеніемъ и издѣліями кустарныхъ промысловъ Московской губерніи, а также, по возможности, и другихъ губерній; 2) въ содѣйствіи быту разныхъ произведеній кустарныхъ промысловъ и 3) въ подъемѣ производительности и улучшеніи техники кустарныхъ промысловъ *). Труднѣе всего изъ задачъ, предпринятыхъ музеемъ, оказалось осуществленіе третьей—улучшенія техники производства кустарныхъ издѣлій. „Въ большинствѣ случаевъ привычка и рутинна брали верхъ, и производители недоувѣрчиво относились къ новостямъ, не вѣдая, найдутъ ли еще сбытъ ихъ новымъ издѣліямъ. Въ этомъ дѣлѣ можно было помочь только, давая кустарямъ заказы и оплачивая сполна изготовленные издѣлія“ **). Кустари работаютъ на рынокъ, и потому не нужно никогда забывать при разсужденіи о тѣхъ или другихъ улучшенияхъ производства, что не всегда-то они и выгодны. Кустарь считается съ требованіями рынка, съ желаніями скупщика. Не высоки вкусы покупателей его товаровъ и нѣтъ ему разсчета тратить больше времени и средствъ на созданіе товара, болѣе совершеннаго; такъ Плотниковъ пишетъ о ложкарномъ промыслѣ: „Показывайте ложкарямъ хорошіе образцы, но работать по нимъ не въ его (ихъ?) интересахъ: скупщику нуженъ вязшій, дешевый сортъ, который теперь въ ходу, и усовершенствованную ложку онъ поставитъ въ ту же общую цѣну“ ***). Такъ-то! Хотя, конечно, не ко всякому промыслу это примѣнимо, однако въ большинствѣ случаевъ совершенно правильно. Что касается торговыхъ оборотовъ музея, то сначала они шли „довольно туго“, однако въ дальнѣйшемъ начали замѣтно расширяться, что показываетъ слѣдующая таблица:

Обороты музея-склада съ 1885—1894 г.

Годы:	Число кустарей-поставщиковъ:	Поставлено товара.		
		Всего:	За счетъ	На комиссію:
			склада:	Руб.
		Руб.	Руб.	Руб.
1885	109	23.782	5.220	18.562
1886	167	24.574	6.074	18.500
1887	191	20.915	6.239	14.676
1888	244	21.494	9.463	12.031
1889	205	15.774	4.647	11.127

*) Попомаревъ, „Обзоръ...“, т. I, стр. 10.

***) Тамъ же, стр. 11.

****) „Кустарные промыслы“, стр. 146.

Обороты музея-склада съ 1885—1894 г.

Годы:	Число ку-старей-поставщиковъ:	Поставлено товара.		
		Всего:	За счетъ	На ко-
			склада:	миссію:
		Руб.	Руб.	Руб.
1890	232	46.813	19.533	27.280
1891	380	64.764	42.517	22.247
1892	446	52.220	37.083	15.137
1893	400	58.624	43.410	15.214
1894	440	54.044	44.375	9.669
Всего . . .	—	383.004	218.560	164.443 *)

Изъ таблицы мы видимъ, что въ дѣятельности музея начинаютъ играть все большую роль операціи за свой собственный страхъ и рискъ, такъ какъ проценты товара, поставляемаго на комиссію, постепенно падаютъ и въ 1894 году понижаются, наконецъ, до 18%о вмѣсто 78 въ 1885 г., что указываетъ на совершенно новую окраску дѣятельности музея, замѣченную губернской управой, которая въ докладѣ своемъ губернскому собранію указывала, что, преслѣдуя цѣли сближенія кустарей-производителей съ потребителями путемъ продажи издѣлій изъ склада, послѣдній постепенно превращается въ магазинъ кустарныхъ издѣлій, приобретающій ихъ за свой счетъ, т. е., очевидно, беретъ на себя чисто торговую дѣятельность, соединенную съ тѣмъ рискомъ, безъ котораго немислимо ни одно торговое предпріятіе. При этомъ, если складъ начинаетъ приобретать товаръ за свой счетъ, то извращаются его прямыя задачи, какъ учрежденія, имѣющаго въ виду прежде всего интересы кустарей. Въ самомъ дѣлѣ, покупая и продавая издѣлія за свой счетъ, складъ не можетъ игнорировать тѣхъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ въ виду и всякій торговецъ, ведущій дѣло за свой счетъ и рискъ. Такимъ образомъ, складъ долженъ руководствоваться условіями торговли и покупать главнымъ образомъ только тѣ товары, на которые въ данное время есть спросъ, хотя бы они и принадлежали болѣе состоятельнымъ производителямъ. А этимъ уже *оказывается содѣйствіе не тѣмъ кустарямъ, которые нуждаются въ сбытѣ издѣлій, а тѣмъ, которые предлагают требующійся въ данный моментъ товаръ* (курсивъ нашъ), т. е. которые и помимо земскаго склада условіями рыночнаго спроса поставлены въ наиболѣе благоприятныя для сбыта условія **). Складъ помогать болѣе состоятельнымъ кустарямъ по преимуществу, что можно отмѣтить и въ дѣятельности корзиночной мастерской, и склада, съ которымъ имѣютъ дѣло семьи, „болѣе сильныя по количеству въ нихъ лицъ, занимающихся промысломъ, и болѣе состоятельныя по хозяйственной обеспеченности“ ***), между тѣмъ какъ большинство кустарей все-таки имѣютъ пока дѣло со скупщиками. Между тѣмъ дѣятельность московскаго музея-склада идетъ въ указанномъ выше направленіи, т. е., несмотря на общее

*) Изъ книги Пономарева, стр. 44.

***) Тамъ же, стр. 12.

***) Тамъ же стр. 30.

увеличеніе оборотовъ, процентъ принятаго на комиссію товара все падаетъ: такъ, въ 1895 году доставлено на комиссію товара уже лишь на 8.328 р. 27 к., въ 1896—5.609,16, 1897 г.—3.828,44, 1898 г.—3.224,44, что представляеть по отношенію къ другимъ способамъ поставки лишь 4%, а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, складъ не можетъ не превращаться въ коммерческое предпріятіе. Общая сумма оборотовъ музея достигла въ 1898 году 144.403 рублей.

Такого же пути, какъ московское, держалось и вятское земство, которое въ 1892 году открыло въ Вяткѣ музей-складъ кустарныхъ издѣлій. Выгоднымъ отяченіемъ его отъ послѣдняго было устройство отдѣленій склада, болѣе близкихъ къ кустарямъ и поэтому болѣе доступныхъ для тѣхъ изъ промышленниковъ, которые не въ состояніи возить свой товаръ очень далеко. Однако въ дальнѣйшей дѣятельности склада, съ расширеніемъ оборотовъ, все болѣе выяснилась искусственность организаціи, что доказывается чрезвычайнымъ уменьшеніемъ чистой прибыли, все болѣе падающей, которая съ увеличеніемъ оборотнаго капитала съ 15.000 до 75.000 упала до немногихъ болѣе $\frac{2}{5}$ % (въ 1897 году). Въ 1895 году она составляла еще 3%, а въ 1896—2%. Если такъ будетъ продолжаться и далѣе, то вскорѣ земство начнетъ терпѣть убытки.

Теперь перейдемъ къ описанію дѣятельности земствъ, касающейся собственно кредита, съ которымъ въ большей или меньшей степени связаны и всѣ предыдущія мѣропріятія. О неудавшейся попыткѣ тверского земства съ устройствомъ земской кассы, погибшей вмѣстѣ съ артелями, мы уже говорили выше. Довольно печальнымъ оказался и опытъ царевкокшайскаго земства (Казанская губ.), которое организовало въ 1880 г. ссудную кассу для развитія лѣсныхъ промысловъ въ Царевкокшайскомъ уѣздѣ на артельныхъ началахъ, причѣмъ артельная организація была поставлена непрѣмѣннымъ условіемъ полученія ссуды, достигавшей 60 рублей, также какъ и составъ артели не менѣе, чѣмъ изъ трехъ членовъ. Для реализаціи кассы казанское губернское земство выдало займобразно царевкокшайскому земству на 20 лѣтъ безъ % 10.000 руб. Сначала дѣло какъ будто бы и пошло: размѣръ ссудъ въ 1882 году 57 артелямъ при 300 членахъ достигъ 10.385 рублей, но затѣмъ ссуды начинаютъ падать, число артелей, обращающихся къ кассѣ, сокращаться: такъ, въ 1890 году ссуда достигаетъ лишь 305 рублей 7 артелямъ, а въ 1891 году только одна артель съ четырьмя членами обратилась въ кассу и получила 30 руб.; въ слѣдующемъ же 1892 г. выдачи ссудъ кустарнымъ артелямъ на смолокуреніе не было произведено вовсе. Съ одной стороны это объяснялось упадкомъ спроса на смолу и уменьшеніемъ лѣсовъ у крестьянъ, а съ другой—дѣло заключалось въ томъ, что до 1884 г. ссуды возвращались кустарями весьма исправно, съ этого же года въ возмѣщеніи ссудъ стали замѣчаться затяжки, такъ что земской управѣ весьма часто приходилось прибѣгать къ предьявленію исковъ противъ неисправныхъ должниковъ. Такое положеніе дѣла зависѣло, отчасти, отъ того, „что въ составъ артелей прокралось много лицъ въ имущественномъ отношеніи неблаговажныхъ, члены которыхъ, прикрываясь лишь договоромъ о составленіи артели для выработки тѣхъ или другихъ лѣсныхъ издѣлій, брали изъ ссудной кассы деньги совершенно

для иных цѣлей (торговли и т. п.) Поэтому земская управа стала вообще гораздо строже относиться къ выдачѣ ссудъ. Имущественное состояніе артелей и цѣль полученія ссудъ стали провѣряться тщательнѣе, сами ссуды стали выдаваться съ большимъ разборомъ и въ размѣрѣ дѣйствительной потребности“ *), т. е. земская управа, устранивъ „неблагонадежные въ экономическомъ отношеніи элементы“, стала выдавать ссуды болѣе состоятельнымъ кустарямъ, провѣривъ ихъ „имущественное состояніе“. Странно только, что при такомъ разумномъ веденіи дѣла она потеряла фiasco. Или за устраненіемъ „неблагонадежныхъ“ желающихъ получать ссуды не нашлось? Еще короче была исторія организациі кредита для кустарей-смолокуровъ и рогожниковъ, предложеннаго козьмодемьянскимъ земствомъ (той же губерніи) въ 1890 году. Касса эта не привилась къ мѣстному кустарному населенію, и въ 1891 году ссудъ не выдано было вовсе, „такъ какъ не было желающихъ пользоваться ссудой, несмотря на дешевый кредитъ (1/2% въ мѣсяцъ“) **).

Гораздо болѣе широкими размѣрами отличается въ этомъ отношеніи пермскій кустарно-промышленный банкъ. Банкъ началъ свою дѣятельность въ 1894 г., немедленно по утвержденіи его устава, причежъ основной его капиталъ достигалъ 90.000 рублей, составляющихъ фондъ имени императора Александра II. Дѣятельность его приняла сразу довольно широкіе размѣры, что показываютъ слѣдующія цифровыя данныя, начиная со времени открытія банка:

въ 1894 г.	выдано ссудъ	236	на сумму	32.972 руб.
„ 1895 „	„	1.141	„	127.239 „
„ 1896 „	„	1.531	„	152.724 „
„ 1897 „	„	1.884	„	165.986 „ ***).

Выдаваемые ссуды, однако, съ каждымъ годомъ уменьшаются: въ 1894 году размѣръ ссуды составлялъ 140 рублей, а въ 1897 году—88 рублей. Тотъ же размѣръ остался и въ 1898 г. Особыхъ задержекъ въ возвращеніи ссудъ сначала не замѣчалось, однако отъ 1896 года перешло только 58 просроченныхъ платежей на сумму 1.606 р., къ 1 января 1898 года просроченныхъ платежей значилось за кустарями 5.518 руб., къ концу же 1898 года уже—21.610 руб., т. е. въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторый, довольно сильный, прогрессъ. Однако ко взысканіямъ пермское земство пока еще не особенно спѣшитъ обращаться: принудительнымъ путемъ въ 1897 году было взыскано только по четыремъ ссудамъ (307 р.). Въ дальнѣйшемъ, вѣроятно, правовой путь будетъ приниматься чаще. При этомъ нужно упомянуть, что пермскій банкъ довольно основательно провѣряетъ имущественную благонадежность своихъ заемщиковъ, требуетъ поручительства и т. п., причежъ, конечно, помогаетъ сравнительно состоятельной части кустарей, что вполне совпадаетъ съ интересами „разумнаго“ веденія дѣла. Вообще, какъ свидѣлствуютъ отчеты, заемщики банка, какъ въ отношеніи владѣнія землей, такъ и обезпеченности живымъ инвентаремъ, вы-

*) „Отчеты“, т. III, стр. 20—21.

**) Тамъ же, стр. 23.

***) Пономаревъ, „Обзоръ“, II, стр. 168.

годно „выдѣляются изъ общей массы кустарей“ *). Вліяніе же кредита на кустарей заключается въ томъ, что при содѣйствіи банка возрастаетъ число кустарныхъ предприятий съ годовой производительностью до 600 рублей, причемъ число предприятий съ годовой производительностью отъ 101 до 600 рублей, составляетъ 66,61% общаго числа заемщиковъ банка, между тѣмъ какъ съ годовой производительностью до 100 рублей лишь 10,46% (по даннымъ 1897 года **). И вообще возрастаніе численнаго состава заемщиковъ въ промыслахъ происходитъ вслѣдствіе увеличенія числа наемныхъ работниковъ. „Указанный фактъ является естественнымъ послѣдствіемъ вліянія кредита на расширеніе предприятий заемщиковъ“ (курсивъ нашъ), и если и не доказываетъ, что банкъ этимъ создаетъ промышленниковъ-капиталистовъ, то во всякомъ случаѣ указываетъ на ростъ неравенства среди кустарей подъ вліяніемъ кредита. Что же можемъ сказать мы по поводу всей этой дѣятельности земства, направленной къ улучшенію положенія кустарей, самые яркіе типы которой мы описали? Чѣмъ объяснимъ мы плачевную участь артелей тверского земства и незначительность результатовъ въ этомъ отношеніи дѣятельности пермскаго банка? Мы думаемъ, что при настоящемъ положеніи вещей, при томъ, что промышленный капиталъ съ каждымъ днемъ завоевываетъ все новыя области, а торговый держитъ въ своемъ повиновеніи почти все остальное, надѣяться на какое-то исцѣляющее вліяніе артелей по меньшей мѣрѣ странно. Очень хорошій самъ по себѣ артельный принципъ обнаруживаетъ полное несоотвѣтствіе съ требованіями экономической жизни. Благія намѣренія артельщиковъ или интеллигентовъ, имъ сочувствующихъ, являются плохимъ противовѣсомъ капиталу скупщиковъ, держащихъ въ своихъ рукахъ все производство. Въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ уже началась организація промысла въ болѣе крупныя предприятия, или, въ особенности, гдѣ машина начала завоевывать поле дѣйствія, странно было бы надѣяться на побѣду или, по крайней мѣрѣ, возможность конкуренціи для артелей изъ 5—6 членовъ, не имѣющихъ капитала или получившихъ его въ кредитъ отъ земства. При этомъ болѣе слабые элементы кустарныхъ промысловъ не могутъ явиться желательными членами этихъ артелей, ибо или не получаютъ кредита за непредставленіемъ достаточныхъ гарантій, или превращаютъ кредитъ въ безвозвратную ссуду, и временную помощь въ дѣло благотворенія; болѣе же сильные элементы вскорѣ сдѣлаютъ изъ артели коммерческое предприятие или способъ эксплуатаціи и поведутъ дѣло на болѣе широкихъ началахъ, либо скупая чужія издѣлія, либо эксплуатируя чужой трудъ въ своей артельной мастерской. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ отъ артельного принципа не останется слишкомъ много. То же видимъ мы и въ мѣропріятіяхъ земствъ, отвоєнившихся къ организаціи сбыта и кредита для кустарей. Въ томъ и другомъ случаѣ помощь оказывается далеко не тѣмъ, кому она въ особенности нужна. Земство тутъ становится передъ дилемой: или помогать самой необезпеченной

*) Пономаревъ, „Обзоръ“, II, стр. 183—186.

**) Пономаревъ, II, стр. 180.

части кустарей и въ значительной степени рисковать своими средствами, или оказывать помощь болѣе состоятельнымъ, улучшая еще болѣе ихъ положеніе по отношенію къ остальнымъ. Если земство останавливается на первомъ рѣшеніи вопроса, то его мѣропріятія неизбежно терпятъ послѣ нѣкотораго промежутка времени полное фіаско, и въ результатѣ оказываются лишь принудительныя взыска- нія по отношенію къ кустарямъ, экономическое положеніе которыхъ предполагалось улучшить, какъ это, напр., показываетъ опытъ царевкокшайскаго земства. Въ другомъ же случаѣ мѣропріятіе становится на совершенно иную почву и, устрояя съ болѣе или меньшимъ рвеніемъ „неблагонадежныя въ экономическомъ отношеніи элементы“, пріобрѣтаетъ до нѣкоторой степени видъ коммерческаго предпріятія. Организация московскаго музея можетъ служить этому нагляднымъ примѣромъ, а отзывы кустарей о корзиночной мастерской московскаго земства—яркой иллюстраціей того, что помощь оказывается болѣе состоятельному кустарю, мелкому буржуа деревни. Онъ и подождать можетъ нѣсколько съ уплатой, и достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ обладаетъ, чтобы часть ихъ оторвать для отсылки произведеній въ складъ, и имѣетъ время научиться производству усовершенствованныхъ образцовъ, которыхъ требуетъ мастерская. Вѣднотъ же обо всемъ этомъ и думать нечего, и единственное ея пріобѣжище и защита— благодѣтельный скушникъ, не предъявляющій кустарю никакихъ требованій, забирающій его товары на мѣстѣ и даже оказывающій кредитъ. Веденіе же дѣла за свой страхъ и рискъ неминуемо приводитъ музей къ необходимости ставить дѣло на коммерческую ногу, принимать товаръ наиболѣе ходкій въ данное время, т. е. оказывать помощь тѣмъ кустарямъ, которые и такъ легко нашли бы сбытъ. Въ отношеніи пермскаго кустарнаго банка мы уже выше отмѣтили тѣ же тенденціи, указанныя и въ „Обзорѣ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности“, слова котораго могутъ служить самымъ яснымъ подтвержденіемъ нашихъ положеній. Помощь оказывается кустарямъ, которые въ имущественномъ отношеніи поставлены гораздо выше своихъ товарищей, причемъ въ числѣ заемщиковъ по преимуществу фигурируютъ кустарныя предпріятія съ производительностью отъ 100 до 600 рублей въ годъ, между тѣмъ какъ кустари съ производствомъ до 100 рублей остъ авляютъ ничтожное меньшинство. Человѣкъ же, хотя нѣсколько знакомый съ нашими кустарными промыслами, знаетъ достаточно хорошо, что такой оборотъ, доходящій до 600 руб., показываетъ довольно большую зажиточность, т. е. тутъ помощью пользуется наиболѣе сильный классъ, причемъ эта помощь, конечно, способствуетъ еще дальнѣйшему его усиленію и увеличенію числа принимающихъ въ немъ участіе лицъ на счетъ наемныхъ рабочихъ, какъ утверждаетъ тотъ же „Обзоръ“. Что же касается вообще кредита, то мы, не отрицая той пользы, которая можетъ быть имъ принесена нѣкоторой части кустарей, тѣмъ не менѣе не можемъ не остановиться на томъ разлагающемъ влияніи, которое онъ обыкновенно производитъ. Соціальная дифференціація, проявляющаяся среди кустарей, дѣлаетъ подъ его влияніемъ еще болѣе шагъ. Какъ въ кустарной промышленности, такъ и вообще во всей экономической жизни, кредитъ способенъ еще болѣе усиливать неравенство въ соціальной борьбѣ. Всегда тотъ, кто имѣетъ больше, можетъ

разсчитывать и на большій кредитъ, тотъ, кто не имѣеть ничего, ничего и не получитъ даже и при посредствѣ кредита. „Hat man viel, so wird man bald noch viel mehr dazu bekommen; wer nur wenig hat, dem wird auch das Wenige geposhmen“. Принципы этотъ справедливы почти во всѣхъ случаяхъ промышленной жизни. Кредитъ, какъ и многое другое, дѣлаеть богатаго богаче, а бѣднаго бѣднѣе... При этомъ вопросъ—освобождаетъ ли онъ вообще кустарей изъ рукъ скупщиковъ? А это наводитъ насъ на размышленія о размѣрѣ средствъ, которыми располагають земства. Скупщики въ своей совокупности представляютъ капиталъ довольно крупный,—и вотъ съ ними-то и приходится вступать въ борьбу. Съ капиталомъ же возможна борьба тоже лишь при помощи капитала. Противъ силы нужно выставить силу. Никакія благія намѣренія тутъ не приведуть ни къ чему, разъ они не имѣють подъ собою матеріальной опоры. Побѣждаетъ только сильный, и такъ ведется испоконъ вѣку dans ce meilleur des mondes possibles. Какія же средства у земства? Очень и очень маленькія. Если бы еще земство или государство могло сразу употребить громадныя суммы на помощь кустарямъ, тогда все-таки еще могла бы быть какая-нибудь надежда хотя на временный успѣхъ. Если бы можно было найти сбытъ сразу для всѣхъ издѣлій кустарей, открыть имъ всёжъ кредитъ, тогда только почва у всѣхъ этихъ полу-благотворительныхъ иѣропріятій была бы твердая. Вѣдь скупщики представляютъ крупную силу, и съ ними очень и очень приходится считаться. Они давно уже завладѣли почвой, прекрасно знаютъ мѣстныя условія, пользуются всякими благопріятными случаями. Все мѣстное населеніе, или по крайней мѣрѣ значительнѣйшая его часть, у нихъ въ долгу и поэтому оказывается не въ состояніи сразу ликвидировать свои дѣла съ ними для того, чтобы перейти къ земскимъ складамъ, да и притомъ не такъ-то скоро и явится у кустарей увѣренность, что земское предпріятіе обладаетъ достаточной устойчивостью, и что черезъ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени не придется опять обратиться къ тѣмъ же мѣстнымъ скупщикамъ и толстосумамъ, только на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ обиженный капиталистъ не замедлитъ выместить на рѣшившихся возмутиться противъ его владычества смѣльчакахъ свой невольный временный отказъ отъ дѣла. Борьба съ ними—борьба очень серьезная, и только съ большими средствами можно было бы надѣяться на успѣхъ, не говоря уже о прочихъ затрудненіяхъ. Между тѣмъ земства очень стѣснены въ своихъ средствахъ, а большинство кустарныхъ промысловъ находится въ рукахъ кулаковъ и скупщиковъ, въ пользу которыхъ легко могутъ пойти всё выгоды земскаго кредита, такъ какъ выдача ссудъ кустарямъ далеко не всегда ведетъ къ экономической ихъ независимости и только даетъ иногда возможность расширить нѣсколько свое производство, продукты котораго сбываются тому же скупщику. Вопросъ о сбытѣ кустарныхъ издѣлій, поставленный на довольно широкую ногу въ московскомъ земствѣ, разрѣшенъ тамъ однако вполне лишь для 500 семей кустарей, имѣющихъ дѣло съ музеемъ, прочая земская организація касается только косвенно. Посредническая же дѣятельность между всѣми кустарями (Московской губ.) и потребителями или торговцами потребовала бы расширенія торговой дѣятельности земства до 15 милліоновъ рублей

въ годъ *). Говорить же о такихъ затратахъ теперь является полной бессмыслицей; въ то же время, когда это станетъ возможнымъ, производство навѣрное успѣетъ приобрести такую организацію, что о воспособленіи кустарямъ говорить не придется, и эти суммы можно будетъ употребить на какое-либо другое, вѣроятно, болѣе полезное дѣло. Въ этомъ отношеніи мы не должны забывать двухъ положеній. Во-первыхъ, что наши заботы не должны направляться на одну какую-нибудь группу населенія, и помнить, что у насъ есть еще крестьяне и фабричныя рабочіе, въ свою очередь нуждающіеся въ нашей заботливости. Во-вторыхъ, немного призадуматься о происхожденіи тѣхъ средствъ, которыя мы, если и не всегда трагитимъ, то по крайней мѣрѣ желали бы тратить на нужды кустарной промышленности. Вѣдь они принадлежатъ всѣмъ, ибо собираются со всѣхъ сословій, конечно, по преимуществу съ бѣднѣйшихъ, и не значить ли это на счетъ всѣхъ бѣдняковъ содержать какую-либо одну ихъ группу? Не является ли это по отношенію къ остальнымъ нѣкоторой несправедливостью? Да и притомъ, какъ мы видѣли, пока помощь оказывается не бѣднѣйшей части кустарей, а болѣе состоятельной ихъ части, такъ сказать, среднему ихъ слою, и такимъ образомъ, на счетъ крайней бѣдности получаетъ средства дальнѣйшаго развитія сравнительно лучше обеспеченная часть населенія. Бѣдный содержитъ богатаго. Въ данномъ случаѣ, положимъ, это не совсѣмъ такъ, но и тутъ находить себѣ примѣненіе этотъ законъ міровой справедливости. Кромѣ того мы вообще бѣдны,—этого никогда не нужно забывать. У насъ нѣтъ въ избыткѣ ни силъ, ни средствъ, и поэтому въ ихъ употребленіи намъ нужно быть очень осторожными и расчетливыми.

М. Нурчинскій.

*) „Обзоръ“, II, стр. 40.

Р О З А.

Стихотвореніе въ прозѣ *К. Тетмайера.*

Я стоялъ на морскомъ берегу, держа въ рукѣ пурпуровую розу...

Предо мною разстилалось море, золотисто-голубое, фіалетово-серебряное, тихое, солнечное море, во время солнечнаго полдня.

Перлы, изумруды и опалы прибрежной волны подбѣгали къ моимъ ногамъ съ однообразно-ритмичнымъ плескомъ и рокотомъ, какъ арфа, когда у нея звучить одна только струна...

На небѣ, ясномъ и розовато-золотистомъ, стояло огромное, полное огня, солнце... Была весна.

Нѣсколько бѣлыхъ чаекъ кружилось надъ водою, то разрѣзая ея поверхность своею грудью, то поднимаясь вверхъ: такъ летаютъ мотыльки надъ лугомъ.

Вдали, къ востоку, шель пароходъ, оставляя за собою длинную полосу темнаго дыма, и постепенно исчезалъ изъ глазъ въ безграничной водной пустынѣ.

Я бросилъ розу въ воду.

Волна отбѣгала назадъ и понесла ее съ собою.

Я видѣлъ, какъ она удалялась,—ярко-пурпуровая на жемчужной тинѣ и болѣе блѣдная на морскомъ изумрудѣ.

Но черезъ минуту, съ возвратомъ волны, цвѣтокъ опять былъ у моихъ ногъ. Я замѣтилъ только, что нѣсколько лепестковъ, оторванныхъ отъ стебля потокомъ, приплыли отдѣльно.

И снова волна отпрянула назадъ, и снова унесла съ собою розу, но черезъ мгновеніе она опять была у моихъ ногъ съ возвратомъ волны.

Только еще болѣе лепестковъ, оторванныхъ потокомъ, приплыло отдѣльно.

Я долго стоялъ у моря. Волна то прибѣгала, то отбѣгала назадъ, принося каждый разъ все больше и больше лепестковъ и все меньшей величины розу... Наконецъ, изъ нея не осталось ничего, кромѣ горсти лепестковъ, брошенныхъ въ воду.

И море несло ихъ ко мнѣ опять и опять...

Развѣ не бываетъ такъ съ сердцемъ?.. Развѣ не бываетъ оно также разбито, какъ горсть лепестковъ у этой розы?..

СТРАННИКИ.

РАЗСКАЗЪ.

„Не имамы здѣ пребывающаго града“.

I.

Петръ Васильевичъ Кутеповъ, опредѣленный псаломщикомъ въ село Ржавое, Плотище тожь, пріѣхалъ на мѣсто службы какъ разъ передъ Рождествомъ.

Приходъ Ржаваго имѣлъ двухъ священниковъ, двухъ псаломщиковъ и дьякона; для отправленія требъ, а также для служенія праздничныхъ молебновъ онъ былъ раздѣленъ на двѣ половины: каждый батюшка зналъ свою часть и имѣлъ своего псаломщика.

Рождественскимъ утромъ Кутеповъ со своимъ священникомъ о. Дмитріемъ Афонскимъ ѣхалъ въ деревню Лужицу „христославить“. Сзади съ мѣшками и веретемъ для христославнаго ѣхалъ работникъ о. Дмитрія, Тихонъ. Было холодно. Подъ полосьями звенѣлъ снѣгъ.

— Одежда-то у васъ городская, неподходящая, — сказалъ батюшка, замѣтивъ что Кутеповъ ухитряется закрыть колѣни полами своего узкаго пальто, — вамъ надо тулупъ и валенки тоже...

— Да, надо будетъ... Вотъ получу послѣ праздника деньги... — конфузливо отвѣтилъ Кутеповъ.

— Главное — теперь: вишь холода какіе... Послѣ праздника не такъ важно.

Пріѣхали въ Лужицу и начали „христославить“.

Приходили въ хату, пѣли праздничныя пѣснопѣнія. Тихонъ бралъ христославное: лепешки, въ болѣе зажиточныхъ домахъ — куръ, поросятъ, — и шли дальше. Это дѣлалось такъ быстро, что думать было некогда. Кутеповъ спряталъ свою шапку въ карманъ, чтобъ не мѣшалась, подвязалъ уши платкомъ и въ такомъ видѣ нырялъ по хатамъ. Часовъ въ одиннадцать обѣдали у Рукомяткиныхъ. У нихъ была чистая горница, на стѣнѣ висѣло зеркало, украшенное ручниками. Послѣ сытнаго обѣда пили чай.

Хозяйкой въ дворѣ была вдова Тихоновна, рыхлая, не похожая на крестьянку, женщина лѣтъ 50. За столомъ прислуживала невѣстка, молодая женщина съ продолговатымъ, миловиднымъ и очень блѣднымъ лицомъ. Мужъ ея былъ въ солдатахъ. Тихоновна говорила, что ждетъ сына великимъ постомъ домой. При этомъ она жаловалась, что безъ мужиковъ плохо, и сурово взглядывала на невѣстку. Когда невѣстка вышла, она съ сокрушеннымъ видомъ говорила батюшкѣ:

— Чистое горе, чистая мука: хворая, на работу негодная, а сказать ничего нельзя: сейчасъ слезы или замолчить, какъ камень... Ужъ, я и такъ, и этакъ... Вотъ мужъ придетъ, пусть онъ учить...

— А ты, Тихоновна, не очень-то „такъ и этакъ“,—сказаль батюшка.—Человѣкъ молодой,—хоть не изъ богатства взята, а все-таки крестьянская жизнь непривычна... Ты лаской больше...

— И-и... батюшка, кормилецъ!..—начала было Тихоновна.

Но батюшка уже сталъ одѣваться, и она не окончила.

Возвращаясь домой, Кутеповъ узналъ отъ о. Дмитрія, что Рукомяткины жили прежде, когда былъ живъ старикъ, съ большимъ достаткомъ. Онъ торговалъ въ Малороссіи краснымъ товаромъ и хорошо зарабатывалъ. А теперь Тихоновна, по-уличному — Гаша, почти все прожила: привыкла при мужѣ—нынче сваты, завтра кумовья,—такъ и теперь продолжаетъ. Торговала кабакомъ, только, кажется, больше сама пила, чѣмъ торговала. Невѣстка, что за столомъ прислуживала,—племянница дьячка Трофимыча.

На дворѣ у о. Дмитрія христовлавцевъ встрѣтила матушка Настасья Васильевна. Она пригласила Кутепова обогрѣться, а сама стала распоряжаться уборкой христовлавнаго. Извлекаемыхъ изъ мѣшковъ живыхъ куръ мѣтили, подстригая имъ хвосты, и потомъ относили на насѣсть; битыхъ поросятъ, твердыхъ и звонкихъ, какъ мастиковыя игрушки, складывали въ большую кадушку, а ковриги и лепешки относили въ амбаръ.

Въ низенькой, душно натопленной горницѣ шумѣлъ самоваръ, за которымъ хлопотала дочь о. Дмитрія Анна Дмитріевна. Кутеповъ сѣлъ въ уголку и молчалъ, не находя предмета для разговора. Анна Дмитріевна была, очевидно, тоже въ затрудненіи: она зачѣмъ-то перетирала и безъ того чистыя чашки, переставляла ихъ съ одного мѣста на другое.

Настасья Васильевна, наконецъ, окончила уборку и пришла въ комнаты пить чай; она сразу подняла настроеніе: поговорила о томъ, что года стали хуже, что „приходь огрубѣлъ“, разспрашивала Кутепова о его родныхъ. Пришелъ дьяконъ, хуленькій,

черпенькій мужчина лѣтъ 40. О. Дмитрій выпилъ стаканъ чаю, поговорилъ съ дьякономъ о дѣлахъ и объявилъ, что пойдетъ лежать: спину разломило.

Скоро ушли и дьяконъ съ Кутеповымъ.

— Пойдемте-ка, юноша, ко мнѣ... У нихъ какъ-то по-монастырски,—связанность какая-то; я ужъ давно тутъ, а никакъ не привыкну...—сказалъ дьяконъ. — А, между прочимъ, люди хорошіе...

У дьякона Кутеповъ засидѣлся. Тамъ онъ встрѣтился съ Трофимычемъ, другимъ дьячкомъ, и бывшимъ народнымъ учителемъ, а теперь проживающимъ у о. Николая Гіациптова въ качествѣ домашняго учителя, Никодимомъ Абецедарскимъ. Пили наливку. Абецедарскій рассказывалъ много изъ своей жизни, полной скитаній.

Кутеповъ окончилъ курсъ въ мѣстной духовной семинаріи 19-ти лѣтъ. Выпускъ былъ весной, а зимою того же года онъ поступилъ псаломщикомъ въ село Ржавое: это былъ необходимый предварительный искусь къ полученію священническаго мѣста. Къ иной карьерѣ Кутеповъ не стремился, какъ не стремилось къ ней громадное большинство его товарищей.

Священническій санъ былъ цѣлью, которую ставили отцы и матери, опредѣляя дѣтей въ семинарію; для дьячковъ же, какимъ былъ отецъ Кутепова, санъ этотъ былъ идеаломъ житейскаго успѣха. Традиціи эти поддерживались и матеріальными условіями жизни громаднаго большинства духовенства, и всею постановкой духовнаго образованія: учить дѣтей въ свѣтскихъ школахъ духовенство не могло по недостатку средствъ, доступа въ высшія учебныя заведенія для семинаристовъ не было по несоотвѣтствію знаній, даваемыхъ семинаріями, требованіямъ университетовъ и, еще болѣе, высшихъ спеціальныхъ школъ.

Кутеповъ, какъ сынъ бѣднаго отца, пользовался казеннымъ содержаніемъ. Всѣ казеннокоштные—сироты, дѣти бѣдныхъ или многосемейныхъ родителей—жили въ зданіи семинаріи на полномъ пансіонѣ. Всѣхъ казеннокоштныхъ бывало человѣкъ 90. Они жили, т. е. проводили внѣклассное время въ тѣхъ же классахъ, въ которыхъ читались уроки, спали въ общихъ дортуарахъ, обѣдали въ общей столовой, молились на общей молитвѣ. Зданіе семинаріи было окружено высокою каменной оградой съ воротами, надъ которыми помѣщалась колокольня. Въ девять часовъ ворота затворялись, по длиннымъ, слабо освѣщеннымъ коридорамъ раздавался звонокъ—„на ужинъ“.

Въ половинѣ десятаго собирались на общую молитву; въ десять всѣ огни гасились: казенники должны были спать до половины восьмого утра.

Кутеповъ безъ борьбы подчинился режиму семинарской жизни и вліянію семинарской науки. Десять лѣтъ, проведенныя имъ въ семинаріи, промелькнули быстро, и теперь онъ очутился лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью. Для него это было очень странно и непривычно, — онъ чувствовалъ себя, какъ матросъ дальняго плаванія на сушѣ: другія, непривычныя заботы, особенные интересы, даже иной языкъ. Особенно заботы,—онъ въ большомъ количествѣ напали на Кутепова, какъ только онъ вышелъ изъ семинаріи, и присосались какъ пиявки. Первымъ дѣломъ, — нужно было отыскать мѣсто: пришлось нѣсколько разъ ходить пѣшкомъ въ консисторію, подавать прошенія, пріобрѣтать расположеніе консисторскихъ чиновниковъ на средства, добытыя для этой цѣли съ великимъ трудомъ его отцомъ. Наконецъ, мѣсто было получено, онъ занялъ его. Поселился онъ, по прибытіи въ Ржавое, въ хатѣ своего предшественника, покойнаго дьячка Гавриловича. У Гавриловича была хата и горница въ общей связи. Горницу сломалъ и перевезъ къ себѣ зять Гавриловича, а хату предоставилъ за 2 рубля въ мѣсяцъ Кутепову. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ хата соединялась съ общими сѣнями, зіяла какъ бы живая рана перерваннаго пополамъ жилища; вокругъ чернаго отверстія, образовавшагося между крышей и потолкомъ, торчали концы латника и вихры сгнившей соломы. Сѣней не было, и дверь вела въ хату непосредственно съ улицы. Въ хатѣ былъ земляной полъ, огромная русская печь съ полатами и черныя отъ копоти и извѣденныя червями стѣны. Но квартира, при всѣхъ неудобствахъ, имѣла весьма важное, съ точки зрѣнія Кутепова, достоинство,—что была дешева. Гораздо больше доставляли ему безпокойства столъ и одежда: нужны были чай, сахаръ, горячая пища, нужно было бѣлье, одежда. Пока Кутеповъ перебивался, надѣясь, что въ недалекомъ будущемъ онъ всѣмъ обзаведется. Нѣсколько положеніе его облегчалось тѣмъ участіемъ, которое обнаруживали къ нему о. Дмитрій и его матушка: матушка дала ему самоваръ, тазъ для умыванья и часто приглашала его пообѣдать.

Духовные жили въ небольшомъ поселкѣ при кладбищенской церкви, почему поселокъ и назывался „Погостъ“.

Кромѣ состоящихъ на службѣ духовныхъ съ ихъ семьями, въ поселкѣ жили „вдовствующія и сиротствующія“: вдовы-дьячихи Митревна съ дочерью и Сергѣевна и сироты дьякона—дѣвцы Николаевскія.

Эта послѣдняя категорія обитателей поселка была въ полной

зависимости отъ причта, который изъ милости предоставлялъ вдовамъ и сиротамъ пользоваться маленькими огородами, не стѣснялъ въ хожденіи по приходу вмѣстѣ съ причтомъ для скудныхъ сборовъ. Эти безправныя и отъ всѣхъ зависящія, ни на что никому ненужныя женщины жили въ хатахъ съ провалившимися крышами, съ окнами, въ которыхъ нерѣдко, вмѣсто стеколъ, торчали тряпки,—снѣдаемыя постоянной заботой объ изысканіи пропитанія и завистью къ причту, находившемуся, по ихъ мнѣнію, на верху житейскаго благополучія.

Какъ только раздавался жиденъкій колоколь кладбищенской церкви, возвѣщавшій о богослуженіи, Сергѣевна и Митревна вылѣзали изъ своихъ конуръ,—въ нанковыхъ „польтахъ“, старыя, сгорбленныя, — и шли въ церковь въ надеждѣ получить что-нибудь изъ приношеній прихожанъ. Николаевскія, какъ дѣвицы, еще не терявшія надежды выйти замужъ, избѣгали и стыдились попрошайничества и приходили въ церковь только по праздникамъ. Онѣ старались одѣваться какъ можно тщательнѣе: на ихъ платьяхъ можно было видѣть нашитыми ленточки и бантики яркихъ цвѣтовъ, въ прическахъ — большія блестящія шпильки. Это, можетъ быть, не было красиво, но, несомнѣнно, свидѣтельствовало о томъ, что онѣ еще не умерли для міра.

Изъ всего населенія поселка „вдовствующія и сиротствующія“ на первыхъ порахъ привлекали наибольшее вниманіе Кутепова: эти темныя, робкія фигуры казались ему жалче нищихъ.

Онъ мысленно заглядывалъ въ ихъ хаты, въ ихъ души и испытывалъ чувство какой-то неопредѣленной тоски: это былъ кусочекъ подлинной, дѣйствительной жизни, которая его страшила. „Что нужно для жизни? почему она такая разная? кто вознаградитъ человѣка за страданія и униженія, претерпѣваемыя имъ въ жизни?“

На почвѣ пробудившихся въ душѣ Кутепова вопросовъ у него скоро завязалось близкое общеніе съ Никодимомъ Абецедарскимъ.

Абецедарскій былъ уволенъ изъ 4-го класса семинаріи за громкое поведеніе лѣтъ 15 тому назадъ. Съ того времени онъ не обрѣлъ себѣ пристанища: онъ нигдѣ не „жилъ“, а „проживалъ“, — „проживалъ“ онъ въ какомъ-то монастырѣ, „проживалъ“ въ разныхъ селеніяхъ, обучая ребятъ грамотѣ, былъ архіерейскимъ пѣвчимъ, былъ учителемъ въ земской школѣ. Теперь онъ проживалъ у о. Николая, второго ржавскаго священника, обучая негодившагося въ семинарію сына его всѣмъ наукамъ. Можетъ быть, причиною скитальчества была слабость къ вину: Абецедарскій пилъ, и въ пьяномъ видѣ дѣлался рѣзокъ и ни съ чѣмъ не считался. Самъ Абецедарскій говорилъ, что у него „натура ски-

гальчешкая“, и что иначе онъ бы не могъ, а вино,—по его словамъ,—было „такъ, между прочимъ, случайная привычка“.

Вскорѣ послѣ встрѣчи у дьякона Абецедарскій пришелъ къ Кутепову.

— Вы, студентъ, наставте самоварчикъ, — будемъ сидѣть и бесѣдовать: я къ вамъ, собственно, за этимъ... хорошо бы для полета фантазіи... Вы какъ насчетъ виннаго питія? А, не употребляете! Ну, хорошо, дай вамъ Богъ! Для себя я иначе этотъ вопросъ рѣшаю... Я, признаться, сегодня уже тово... Ну, прекрасно, будемъ пить чай.

Кутеповъ сначала стѣснялся, не зная, какъ повести себя со страннымъ гостемъ, но Абецедарскаго занимать было не нужно.

— Вы прямо со скамейки на мѣсто...—заговорилъ онъ.—Это хорошая вещь: сѣлъ на мѣсто и сиди. А во мнѣ червякъ такой живетъ: какъ засидишься на одномъ мѣстѣ, сосать меня начинаютъ,—и я иду...—такъ, куда глаза глядятъ... И, знаете: червякъ этотъ у меня въ головѣ, въ мозгу. Жизнь мнѣ представляется въ видѣ волнующагося моря—„житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей“... Зачѣмъ море? почему море?—этого я не знаю. Люди борются, страдаютъ, плачутъ, стремятся „къ тихому пристанищу“, не понимая, что „тихаго пристанища“ для нихъ быть не можетъ, что это—иллюзія: они—волны,—не знаютъ, откуда приходятъ и куда уходятъ“. И вотъ, у меня потребность созерцать это море въ разныхъ мѣстахъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ разномъ освѣщеніи. Для этого я долженъ блуждать. И у меня въ душѣ при этомъ являются чувства, которыя трудно выразить словами. Вотъ, юноша, вы смотрите на меня и думаете: какіе еще чудачки бываютъ! А я, въ свое время, надежды подавалъ! Какъ же! Лучшимъ философомъ въ семинаріи считался.

Маленькая лампочка на высокой стеклянной ногѣ скупо освѣщала убогую хату съ черными стѣнами и собесѣдниковъ. Темное, худое лицо Абецедарскаго мѣняло свое выраженіе,—дѣлалось то грустнымъ, то насмѣшливымъ, — и Кутеповъ слѣдилъ съ величайшимъ вниманіемъ за измѣненіями этого лица, слѣдилъ больше, чѣмъ за тѣмъ, что говорилъ Абецедарскій.

— А вы, что же, въ попы? — послѣ паузы спросилъ Абецедарскій.

— Нужно прежде псаломщикомъ пробыть года три...—уклончиво отозвался Кутеповъ.

— Можно скорѣе... Вы вотъ обратите вниманіе на Анну Дмитриевну и можете здѣсь свою судьбу обрѣсти... Отецъ Дмитрій, я думаю, непрочь мѣсто сдать.

— Только сейчасъ вы говорили о томъ, какъ сложна и страшна

жизнь, а насчетъ моей судьбы вы ужъ очень просто: есть Анна Дмитриевна, за ней мѣсто, —чего же думать?

— Вотъ именно просто! Такъ и надо, такъ лучше! —заговорить, какъ бы встрепенувшись, Абецедарскій. —Понять, установить, опредѣлить пути жизни невозможно. Я вотъ всю жизнь думалъ: какъ? что? почему? А вѣдь ничего не выдумалъ, и ничего, и никого у меня нѣтъ: ни угла, ни родныхъ, ни знакомыхъ, ни успокоенія! А не думавши—лучше... Знаете: какъ въ воду бросаться нужно,— сразу! А какъ начнешь думать, да пробовать, да представлять будущее ощущеніе, — только намучаешься понапрасну.

Въ лампочкѣ выгорѣлъ керосинъ. Во дворахъ обывателей поселка запѣли пѣтухи.

— Ну, вамъ надобно спать... и мнѣ тоже... Извините... Загляните къ Никодиму Абецедарскому: домъ или точнѣе садъ о. Николая, баня... Я хочу сказать, что живу въ банѣ... Помѣщеніе не специально приспособленное, но имѣетъ свои удобства: главное изъ нихъ—полная изолированность. Милости прошу.— Съ этими словами Абецедарскій вышелъ.

Кутеповъ легъ спать, но ему долго мѣшала заснуть какая-то тяжелая забота, сознаніе необходимости что-то выяснить, понять.

Въ дремотѣ ему представился Абецедарскій.

— Смотри-ка,—говорилъ онъ,—вонъ оно „воздвигаемое зря напастей бурю“. Прислушайся,—тамъ тонуть...

И онъ слышалъ шумъ моря, вопли и крики о помощи и зналъ, что зоветъ молодая, блѣдная женщина, невѣстка Рукомяткиныхъ.

II.

Кутеповъ началъ осваиваться съ техникой своей должности, изучилъ гласы и разныя чинопослѣдованія.

Гораздо больше затрудняла его другая сторона службы,—матеріальная.

Село Ржавое было небогатое и въ немъ, какъ впрочемъ и вездѣ, гораздо больше было бѣдняковъ, чѣмъ людей со средствами, и для большинства каждое событіе, освящаемое церковью, являлось прежде всего тяжелымъ расходомъ: свадьба, крестины, похороны—все это расходъ, значительную долю въ которомъ составляетъ вознагражденіе причта. За вѣнчаніе бралось въ Ржавомъ 10 руб., за похороны съ проводами отъ 4-хъ до 7 рублей, смотря по разстоянію. И часто денегъ такихъ не находилось у ржавскихъ прихожанъ,—они просили сбавить плату или отправить

требу въ долгъ и, когда платили, то дѣлали это со вздохами и грустью, чуть не со слезами. И самыя деньги ихъ были особенныя: стертыя, грязныя мѣдныя монеты и засаленныя, помятыя бумажки. Недаромъ матушка Настасья Васильевна считала, что „поганѣи“ этихъ денегъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, и послѣ прикосновенія къ нимъ всегда тщательно вымывала руки. Такой же характеръ имѣли приношенія натурой. По установившемуся обычаю, передъ свадьбой отецъ жениха или лицо, его замѣняющее, являлся къ причту „съ обѣдомъ“: обязательно полагалось привозить ковригу хлѣба, кусокъ мяса или сала, кашу и выпивку—бутылку водки и бутылку „хорошаго“,—какой-нибудь паливки или вина; вино различалось двухъ сортовъ: „лиссабонка“ и „сантурское“. Нерѣдко даже коврига этого „обѣда“ была болѣе похожа по своей чернотѣ и вязкости на нѣкоторое издѣліе изъ грязи, чѣмъ на хлѣбъ для питанія людей, а о „винахъ“ и говорить, нечего: ихъ могли пить безъ вреда для здоровья только Трофимычъ и дьяконъ, которые хвалились „лугоными желудками“; впрочемъ, и они предпочитали водку, находя, что она „чище“. По этому „лиссабонка“ и „сантурское“ свадебныхъ обѣдовъ шли въ дѣлежъ Духовные сливали, безъ раздѣленія сортовъ, эти вина въ особыя посудины и потомъ, по мѣрѣ накопленія, сдавали эту смѣсь, называемую почему то „богуславкой“, мѣстному кабатчику Захаркѣ, который опять продавалъ ее крестьянамъ подъ именемъ „лиссабонки“ или „сантурскаго“.

На панихиды приносили „лѣсенки“, „кануць“ т. е. медь, яблоки.

Кутеповъ, смотря на эти приношенія,—этотъ „кануць“, пополамъ съ вощиной, на днѣ разбитой чашки, эти сморщенные, зеленыя яблоки-лѣсовки, —приходилъ въ смущеніе и стыдился ихъ дѣлать.

Но и самыя событія жизни прихожанъ, въ которыхъ, по законамъ и обычаямъ, причтъ принималъ участіе, нерѣдко производили на Кутепова сильное впечатлѣніе и поднимали въ его душѣ много тревожныхъ вопросовъ и скорбныхъ чувствъ. За недолгое время своего служенія въ Ржавомъ, Кутепову пришлось участвовать въ вѣнчаніи слѣпцаго нищаго; въ другой разъ повѣнчали убогаго сапожника. У этого послѣдняго ноги были сведены въ колѣнахъ, и при вѣнчаніи онъ ползалъ вокругъ аналоя. Онъ ползалъ въ вѣицѣ. Кутеповъ пѣлъ: „Исаія ликуй“ и думалъ, что призывъ къ ликованію въ данномъ случаѣ звучитъ очень сильною ироніей. Отъ браковъ рождались младенцы. Крестить ихъ привозили въ грязныхъ тряпкахъ, съ сосками изъ ржаного хлѣба во рту. Кутепову часто приходилось слышать,

какъ какая-нибудь сердобольная кума причитала надъ ребенкомъ: „Охъ ты, горькенъкій, горемыченъкій... Мать больная, ребятъ много... Взялъ бы Господь къ себѣ ангельскую душечку...“

И Господь бралъ „ангельскія душечки“. Смертность дѣтей была очень велика, и рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы на ржавскомъ погостѣ не прибавились двѣ-три дѣтскихъ могилы.

Мертвыхъ маленькихъ дѣтей приносили хоронить въ бѣлыхъ сосновыхъ гробикахъ отцы,—бородатые мужики съ серьезными лицами.

Недавно хоронили мужика, кормильца семьи, убитого двумя своими односельчанами за то, что онъ на судѣ показалъ противъ нихъ. Враги встрѣтили его въ полѣ и били такъ, что переломили ему 6 реберъ, пробили голову и оставили лежать въ снѣгу.

Кутепова эти впечатлѣнія волновали, тревожили. У него явилась потребность объяснить, осмыслить ихъ, такъ какъ они не вязались съ нехитрымъ возрѣніемъ, вынесеннымъ изъ школы, по которому представлялось,—разъ окончилъ семинарію,—будешь священникомъ, и, слѣдовательно, все пойдетъ, какъ по маслу. Ему, конечно, было извѣстно, что въ мѣрѣ есть зло, есть болѣзни, есть бѣдность... Объ этомъ онъ зналъ по жизни своихъ родныхъ, да и въ книгахъ, которыя онъ изучалъ въ семинаріи, существованіе зла признавалось. Но въ этихъ книгахъ зло объяснялось какъ-то такъ, что оно не казалось страшнымъ: только добро абсолютно, а зло—нѣчто частное, не существенное, и христіанинъ имѣетъ полную возможность съ успѣхомъ бороться съ нимъ, такъ какъ ему помогаетъ при этомъ благодать и сама душа человѣческая, „по природѣ христіанка“. Житейское море охватило Кутепова такую массою новыхъ переплетающихся положеній, хватающихъ за сердце стонъ и воплей, что нужна была самостоятельная мучительная работа, чтобы привести все это къ единому принципу и установить свое отношеніе къ жизни. И работа эта завладѣла Кутеповымъ.

III.

На масленицѣ у дьячка Трофимыча собрались гости: пріѣхалъ зять, учитель земской школы въ селѣ Знаменскомъ, племянница Настя Рукомяткина; пришли дьяконъ, Кутеповъ и Абецедарскій.

Въ низенькой „горницѣ“ съ бревенчатыми стѣнами, украшенными изображеніями какихъ-то усатыхъ генераловъ, съ двумя маленькими окнами на улицу, компанія, собравшаяся у Трофимыча, сидѣла за столомъ. Пили чай. Говорилъ зять Трофимыча,

учитель Митрофанъ Ильичъ Гамовъ, рыжій, сутуловатый человекъ, въ суконномъ засаленномъ сюртукѣ.

— Теперь въ школьномъ дѣлѣ много улучшеній происходитъ. Помилуйте! Теперь во всякой школѣ библиотечка заведена, для учителей имѣется особая библиотека при земской управѣ. Каждый годъ земство курсы устраиваетъ для учителей. Тоже весьма хорошее дѣло: освѣженіе и пополненіе знаній и, кромѣ того, общеніе... Члены губернской управы и самъ предсѣдатель знакомятся съ курсистами, обращаются съ ними, какъ съ равными... Вотъ теперь есть слухъ, что содержаніе учителямъ увеличить хотятъ.

Гамовъ былъ изъ крестьянъ, учился въ уѣздномъ училищѣ и потомъ въ учительской семинаріи. Онъ чрезвычайно гордился своею образованностью и не любилъ ее скрывать: говорить онъ усиливался „литературно“, любилъ употреблять слова: общеніе, культура, просвѣтительная дѣятельность и т. п.; охотно говорилъ о „мракѣ невѣжества“ крестьянъ. Теперь онъ пользовался случаемъ поговорить съ людьми, которые „могутъ понять“, считая таковыми дьякона и Кутепова. Но дьяконъ слушалъ разсѣянно, такъ какъ онъ, несмотря на то, что самъ преподавалъ въ церковно-приходской школѣ, мало интересовался вещами, о которыхъ говорилъ Гамовъ. Кутеповъ тоже не могъ сосредоточить вниманія на бесѣдѣ: онъ все посматривалъ на Настю и думалъ о томъ, какая она привлекательная и грустная и какъ она должно быть, несчастна. Только Абецедарскій, казалось, слѣдилъ за рѣчью учителя, сидя, сгорбившись, въ концѣ стола и теребя свою жидкую бородку, какъ-то криво улыбаясь.

— Да, въ наше время хорошее движеніе происходитъ, — продолжалъ Гамовъ, — и служить учителемъ пріятно.

— А крестьяне, какъ, — радуются этому движенію? — спросилъ Абецедарскій.

— Да, крестьяне... какъ вамъ сказать? Крестьяне — это темная масса, которую трудно расшевелить, — отвѣтилъ Гамовъ.

— То-то вотъ и есть. Это, какъ вы удачно выразились, „движеніе“ въ значительной степени является движеніемъ ради движенія. Васъ это радуетъ, — это понятно, ну и тѣхъ, кому движеніе нужно во что бы то ни стало... А такъ, со стороны...

— Что вы хотите сказать? Какое это движеніе ради движенія? — перебилъ Абецедарскаго учитель.

— А такое движеніе... Случилось мнѣ быть на родинѣ. Лѣтъ десять тамъ не былъ. Городокъ мало измѣнился, — самая большая новость — желѣзная дорога прошла. Ну, какъ, — спрашиваю, — живете? Да слава Богу! вотъ теперь у насъ желѣзная дорога...

Знаете, совѣмъ было обошли. Спасибо, — энергичные люди нашлись, провели черезъ думу ходатайство, предложили дорогѣ въ даръ 40 десятинъ общественной земли; только это и помогло. А почему же, — спрашиваю, — городъ такъ хотѣлъ желѣзной дороги, — для торговли лучше? Какое! торговля совѣмъ упала. А такъ, все-таки „движеніе“...

— Что же, вы, значить, отрицаете пользу народнаго образованія? — волнуясь заговорилъ Гамовъ. Какъ же по вашему? Пусть такъ массы и остаются въ невѣжествѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я вѣдь этого не говорю. Я только не думаю, чтобы это движеніе, которое васъ радуетъ, было серьезно: я такъ думаю, что легко можетъ оказаться — нынче оно есть, а завтра его нѣтъ. И работниковъ мало. Ихъ и прежде было немного, но среди нихъ все-таки попадались люди серьезнаго убѣжденія, которые любили народъ и въ силу этого могли вліять на него, а теперешніе учителя представляются мнѣ похожими въ своихъ отношеніяхъ къ народу на англійскихъ офицеровъ, обучающихъ военной тактикѣ какихъ-нибудь турокъ или китайцевъ.

Андреевна, жена Трофимыча, — согбенная старушка со сморщеннымъ лицомъ, въ темномъ ситцевомъ платьѣ, — попросила гостей перейти отъ стола, такъ какъ на немъ пужно было приготовить закуску.

Споръ оборвался. потому-что Абецедарскій взялъ стоявшую въ углу гитару, — старенькую, съ расщепленной декой и самодѣльными колками, — и, усѣвшись на сундукъ, сталъ ее настраивать. Гитара была сильно не въ порядкѣ. Абецедарскій долго возился съ нею, связывалъ струны, прилаживалъ колки. Въ комнатѣ раздавались скорбные звуки подтягиваемыхъ струнъ.

Дьяконъ подсѣлъ къ Кутепову и заговорилъ съ нимъ о томъ, что пора сдавать въ аренду землю, которая приходится на его часть, и не сдать ли онъ ему, дьякону. Къ нимъ присоединился Трофимычъ. Настя помогала теткѣ накрывать столъ.

Абецедарскій, наконецъ, сладилъ съ гитарой, и въ комнатѣ раздалось нѣсколько стройныхъ и звонкихъ аккордовъ. Уже по этимъ нѣсколькимъ аккордамъ можно было судить, что Абецедарскій — хорошій гитаристъ.

Настя, хлопотавшая за столомъ, обернулась къ Абецедарскому.

— Никодимъ Викторовичъ, вы споете сегодня? — спросила она.

— Никодимъ Абецедарскій иногда не можетъ отказывать. Только онъ давно не пѣлъ и, должно быть, разучился, — отозвался тотъ. — Только и вы должны пѣть...

— Я... нѣтъ. Я дѣйствительно разучилась. — промолвила Настя.

„Она поетъ“,—подумалъ Кутеповъ, и эта новая черта очень подходила къ его представленію о Настѣ: — „непремѣнно такъ, она должна пѣть“,— рѣшилъ онъ.

— У Насти былъ весьма хорошій дискантъ, — словно подтверждающая мысль Кутепова, сказала Трофимычъ. — Я самъ пѣлъ когда-то и люблю пѣніе... Да, въ серафимовскомъ хору исполтчикомъ былъ... Настя, когда дѣвушкой была, много меня утѣшала: такъ, бывало, и звенить, какъ птичка.

Андреевна попросила честную компанію закутить.

За закуской выпили, и бесѣда оживилась. Трофимычъ рассказывалъ, какъ жилось прежде, во времена крѣпостного права. Ржавскій помѣщикъ, ротмистръ Лабутичъ, былъ человѣкъ бѣшеный, гордый и жадный. Понравился ему лугъ церковный. Онъ и приказалъ ручей, что границей служить между господской землей и церковной, отвести на другое мѣсто и взять себѣ лугъ. Когда о. Николай съ покойнымъ Гаврилычемъ хотѣли воспрепятствовать копачамъ, такъ тѣ, по приказанію барина, бросили ихъ глиной изъ ручья. Такъ и осталось. Когда вышла воля, лугъ достался въ надѣлъ ржавскимъ крестьянамъ,—десятичь двѣнадцать лугу.

— Я уже давно настаиваю, что хлопотать объ этомъ дѣлѣ надо,—сказалъ по этому поводу дьяконъ. И вамъ тоже нужно понимать это въ виду, —обратился онъ къ Кутепову.—Останетесь въ Ржавомъ,—такъ это большую важность имѣетъ: рублей 400 въ годъ лугъ приносить.

Ну, объ этомъ мнѣ, должно быть, рано думать: останусь ли я въ Ржавомъ, или не останусь,—отозвался Кутеповъ.

— За васъ обдумаютъ, если сами не заботитесь,—засмѣялся дьяконъ.—А на счетъ луга нужно не упускать времени: пока свидѣтели есть... Вонъ Гаврилычъ умеръ и не можетъ уже рассказать насчетъ отвода ручья.

Кутеповъ выпилъ три рюмки водки и чувствовалъ себя нѣсколько захмѣлѣвшимъ. Разговоръ о лугѣ его не интересовалъ, и онъ ждалъ, когда окончится ѣда, и Абецедарскій начнетъ пѣть. Женщинъ за столомъ не было, —онѣ закусывали въ кухнѣ. Кутеповъ скучалъ и смотрѣлъ на дверь, ожидая появленія Насти.

Наконецъ встали изъ-за стола. Абецедарскій взялъ гитару и подъ аккомпаниментъ ея запѣлъ: „Осѣдлаю коня“.

Голосъ у него былъ немножко надтреснутый, но очень большой и задумчивый. Кутеповъ слышалъ отъ него, что онъ былъ пѣвчимъ въ архіерейскомъ хору, но думалъ, что голосъ пропить и потерянъ. Теперь пѣніе Абецедарскаго поразило его...

Это было что-то неожиданное въ этой маленькой горенкѣ съ бревенчатыми стѣнами, среди такихъ прозаическихъ лицъ, какъ Трофимычъ, дьяконъ.

Абеледарскій кончилъ и сталъ закручивать папиросу. У стѣны стояла, какъ бы застывъ, Настя. Трофимычъ былъ взволнованъ и говорилъ:

— Вотъ это, дѣйствительно—это называется пѣніе!.. Только, надобно еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ серафимовскомъ хору теноръ былъ, такъ тоже, когда, бывало, запоетъ соло, у меня волосы на головѣ начинали какъ бы шевелиться. Андреевна, поищи-ка тамъ, не осталось ли водочки!

— Да, это требуется; это потребно, такъ какъ сердце начинаетъ приходиться въ волненіе,—поддержалъ дьяконъ.

Водка была подана. Трофимычъ, дьяконъ и учитель выпили; Абеледарскій и Кутеповъ отказались.

Зазвучала гитара.

„Ѳду ли ночью по улицѣ темной“,—запѣлъ Абеледарскій.

Одна фраза застряла въ головѣ Кутепова и не хотѣла выходить оттуда: „Другъ мой бездомный, больной и холодный, другъ мой бездомный“, — что-то повторяло въ его душѣ. Кутеповъ взглянулъ на Настю: она стояла въ той же позѣ, съ выраженіемъ страданія на блѣдномъ лицѣ. „Другъ мой бездомный...“ — опять мысленно произнесъ Кутеповъ.

Абеледарскій умолкъ и опять сидѣлъ, скручивая папиросу, блѣдный, серьезный, съ блистающими глазами.

— Поразительно!—сказалъ Трофимычъ. Вы бы могли большую славу имѣть съ своимъ голосомъ.

Онъ опять налилъ рюмки. На этотъ разъ выпилъ и Кутеповъ.

— Только знаете, на счетъ пѣсни: первая, по-моему, лучше, шире и проще; а вотъ эта, вторая,—это... какъ бы вамъ сказать? вродѣ разсужденія. Вотъ, скажемъ, псалмы Давида,—они просты и разсужденія не содержатъ. Можетъ быть, я по-старинному...

Вы, пожалуй, правы,—согласился Абеледарскій.

— А я съ этимъ согласиться не могу: почему же разсужденіе?—сказалъ Кутеповъ.—Здѣсь такое же чувство, какъ и во многихъ псалмахъ Давида: Давидъ плакалъ объ Авессаломѣ, въ „Ѳду ли ночью“ человекъ оплакиваетъ судьбу близкой женщины... „Другъ мой бездомный“, —опять зануло гдѣ-то въ глубинѣ его сердца, и онъ опять взглянулъ на Настю.

— Да, можетъ быть... Я вѣдь по-старинному мнѣ, вотъ, пѣсни Кольцова ближе какъ то,—мягко замѣтилъ Трофимычъ.

Настя, спой ты что-нибудь, спой „Жниду“.

— Да, теперь ваша очередь,—сказалъ Абецедарскій.

— Да вѣдь я же не знаю пѣсенъ... Какія мои пѣсни?

— Ну, полно, не отговаривайтесь: нельзя нарушать условій. Только вотъ сумѣю ли я аккомпаниментъ подобрать. Какъ поется „Жница“, какія слова? „Высоко стоитъ солнце на небѣ“? Это я знаю. Начните вотъ въ этотъ тонъ.—И Абецедарскій тронуль струну.

Настя начала тихо и робко, но уже со второго куплета голосъ ея зазвучалъ полно и сильно. Она пѣла очень просто,—пѣсня была проста,—но въ этой простотѣ было столько прелести, грусти и очарованія, что присутствующіе заслушались.

У ней на глазахъ навернулись слезы и, не окончивъ пѣсни, она ушла „плакать“, какъ подумалъ Кутеповъ.

— Про свою долю вспомнила, бѣдная,—сказалъ Трофимычъ.

— А что жъ про долю?—спросилъ Кутеповъ.

— Да то, что несчастная она. Она тихая, кроткая, изъ хорошей семьи, училась... Отецъ ея, братъ мой, въ городѣ дьякономъ былъ. Жили хорошо,—Настя въ прогимназію ходила. Потомъ онъ взялъ да померъ. Осталось четверо дѣтей непристроенныхъ. Ну, Настю мы себѣ взяли. Понравилась она старику Рукомяткину,—хорошій старикъ былъ, съ душою человѣкъ и пріятель мой... И сталъ онъ Настю за сына сватать. Подумали: малый—Рукомяткинъ, какъ будто ничего,—одинъ сынъ у отца, живутъ чисто, земелька своя есть. Такъ и порѣшили. Настя плакала, правда, да что жъ: онѣ все плачутъ. Навалились на нее бабы,—мать ея и старуха моя: „Чего плачешь, дура? Радоваться нужно! Не цѣлый же вѣкъ на чужой шеѣ сидѣть“. Тогда Настя замолчала. Такъ и выдали ее къ Рукомяткинымъ. Старикъ черезъ годъ померъ. Малый оказался глупый, выпиваетъ... Свекровья, Гаша эта самая,—вы ее, о дьяконъ, знаете,—пьяная, распутная баба, невѣстку не влюбила: иначе и не называетъ ее, какъ—„тихое болото“ и всѣмъ на нее жалуется: „Неудѣльная, больная, дура“... Мужъ-то теперь въ солдатахъ... Постомъ вернется,—да что толку? Эхъ, жизнь, жизнь!..

— Отчего же она не уйдетъ отъ нихъ,—спросилъ Кутеповъ.

— Ахъ, молоды вы, Петръ Васильевичъ! Куда же уйти? Мать съ двумя дочерьми въ городѣ живутъ, еле питаются, братъ служить гдѣ-то въ конторѣ на 15 рубляхъ. Ко мнѣ? Я бы взялъ,—не объѣсть, да тоже нельзя... Она приходила къ намъ, да сама ушла: бабы заѣли. Нѣтъ ужъ, видно, доля ея такая.

Кутеповъ чувствовалъ, какъ на его сердце наваливается грызущая свинцовая тоска. „Другъ мой бездомный“,—мысленно говорилъ онъ и сталъ прощаться. За нимъ поднялись Абецедарскій и дьяконъ.

Придя домой. Кутеповъ зажегъ свою лампу на длинной ногѣ, сѣлъ на лавку и задумался.

У него немного болѣла голова отъ выпитой водки, и мысли его текли нѣсколько ненормально. Почему у него такой интересъ и такая жалость къ этой женщинѣ? Если бы онъ былъ художникомъ, онъ бы нарисовалъ съ нея мученицу. Чѣмъ онъ можетъ помочь ей? Ничѣмъ: самъ онъ — маленькая козявка, одинокая и жалкая козявка, живущая въ черной, грязной шелкѣ. Думаль, хоть деньги будутъ, — оказывается и денегъ нѣтъ, даже долженъ о. Дмитрію. Что это дьяконъ ввернулъ „за васъ позаботятся“? Это должно быть, насчетъ Анны Дмитріевны... Отецъ писалъ, что сестру замужъ выдаетъ, — деньги нужны. Не отвѣчалъ, потому что денегъ нѣтъ. А отвѣтить надо. Не взять ли у о. Дмитрія? Онъ дастъ, только... Получу за аренду земли и возвращу ему. Таковы были болѣе опредѣленные пункты его размышлений, а между ними пробѣгали въ сознаниі менѣе ясныя мысли и представленія, связь которыхъ съ основными мотивами не сознавалась, — мысли и представленія, похожія на обертоны въ музыкѣ: вставали образы собесѣдниковъ, — учитель со своимъ „просвѣщеніемъ и общеніемъ“, Абецедарскій, Трофимычъ... При этомъ, гдѣ-то въ глубинѣ лежало чувство, что это все не такъ важно. Важно, что онъ не имѣетъ путеводной нити, которая бы указала, куда ему идти, и еще важно грызущее и сложное чувство, которое выражается въ словахъ „другъ мой бездомный“, звучащихъ въ немъ непрерывно и относимыхъ имъ къ женщинѣ съ блѣднымъ, милымъ лицомъ.

Разбудилъ Кутепова отъ его размышлений стукъ въ окно.

„Кто бы это могъ быть?“ — думаль онъ, отворяя дверь.

Передъ нимъ предсталъ Абецедарскій, весь осыпанный снѣгомъ.

— Вы еще не спите? Я на огонь зашелъ... Можно? Не побеспокою? — говорилъ Абецедарскій, входя. — Нѣтъ? — Ну, прекрасно!

Абецедарскій отряхнулъ съ себя снѣгъ и сѣлъ на лавку.

— Я, знаете, отъ Трофимыча къ Захаркѣ отправился, выпилъ тамъ... Такъ какъ душа пришла въ смятеніе... „Смятеныя отъ ярости око мое“!.. Со мной это бываетъ. Знаете, въ душѣ мальштремъ такой поднимается. Описать это трудно. Однимъ словомъ, — мальштремъ, который крутитъ меня всю жизнь. Да вы скажите мнѣ, чтобъ я уходилъ! Вы можете мнѣ сказать. Вы можете... Я у васъ налицѣ игру такую замѣтилъ, — такъ, маленькій мальштремъ, — это я цѣлю... Другъ мой, скажи, чтобъ я уходилъ!

— Зачѣмъ же? Я спать не хочу и радъ, что вы пришли. — сказалъ Кутеповъ.

— Родственное... родственное настроеніе. Понимаю. Не хотите ли, въ такомъ случаѣ?—и Абецедарскій досталъ изъ кармана полбутылки водки.

Кутеповъ почувствовалъ, что пить онъ не можетъ, и отказался.

Абецедарскій не настаивалъ. Онъ налилъ водки въ чашку, медленно выпилъ ее, закусилъ маленькой корочкой хлѣба и нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, какъ бы переживая какое-то мучительное состояніе. Потомъ поднялъ голову и заговорилъ:

— Дѣло въ томъ, что человекъ слабъ.— „Что есть человекъ, яко помниши его и сынъ человекъ, яко посѣщаеши его“? Я освободился отъ всякихъ привязанностей: ни родныхъ у меня, ни дома, ни привычекъ. А это такая высота! Ухъ! Люди маленькими кажутся, какъ муравьи. Только удержаться на такой высотѣ трудно. Бросили на тебя презрительный взглядъ, — обидно; нѣсню запоешь, — этакая постыдная влага на глаза просится. А мнѣ этого никакъ допускать нельзя: какъ возчувствовалъ, такъ все къ чорту! И я тогда и для себя становлюсь тѣмъ, чѣмъ меня считаютъ люди: пьяница, бродяга, потерянный человекъ! Вотъ бокъ у меня начинаетъ болѣть,—думаешь: „подъ какимъ заборомъ помирать придется?“ И забираетъ рабское желаніе, чтобы своя конура была. А мнѣ этого желать нельзя, такъ какъ конуры у меня быть не можетъ.

Абецедарскій выпилъ еще водки и продолжалъ:

— *Vinitas vanitatum est...* Но зачѣмъ же, однако? Зачѣмъ, напримеръ, поруганія надъ человекомъ? Пьяный работникъ попа Николая нанесъ сегодня заушеніе Никодиму Абецедарскому, и попъ Николай такъ отнесся къ этому: „Не велика птица,—обойдется“. У субстанцій и другихъ пантеистическихъ существъ нельзя ничего спрашивать, а у живого Господа Бога можно: Онъ слышитъ! И вотъ я спрашиваю... „Въ руку возьму душу мою и въ зубы плоть мою“, какъ Іовъ праведный. Зачѣмъ? Зачѣмъ толстый, тупой попъ Николай топчетъ Никодима Абецедарскаго?

Абецедарскій сталъ на колѣни, обратившись лицомъ къ висѣвшей въ углу темной иконѣ, и прижимая руки къ груди.

— Зачѣмъ?... Но нѣтъ! Рабъ Никодимъ, — рабъ лѣнливый и лукавый, зарывшій таланты въ землю: „окаляхъ душу грѣхми и въ лѣности все житіе мое иждихъ“! А другіе, а всѣ, а Настя? Ты ихъ наградишь на небесахъ, о Господи! Правда, наградишь? Слава въ вышнихъ Богу, осанна!...

Абецедарскій не то зарыдалъ, не то захохоталъ и уронилъ голову на лавку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся на ноги и заплетающимся языкомъ сказалъ:

— Мнѣ нужно лечь.

Кутеповъ далъ ему подушку. Онъ повалился на лавку и скоро заснулъ.

Наступилъ великій постъ съ ежедневными службами, посѣщаемыми массою говѣльщиковъ. Для Кутепова осталась особенно памятна первая недѣля, такъ какъ во время ея говѣла Настя. Являясь въ церковь, Кутеповъ прежде всего отыскивалъ ее глазами и потомъ уже не переставалъ сознавать, что она здѣсь; это не мѣшало ему пѣть и читать и сообщало для него какое-то особенное содержаніе церковной службѣ.

На четвертой недѣлѣ поминали старика Рукомяткина. Служили заупокойную обѣдню, къ которой явилась Гапа съ двумя дочерьми и невѣсткой и возвратившейся съ военной службы сынъ. Кутеповъ, увидѣвъ солдата, сообразилъ что это — мужъ Насти. У солдата была красная, толстая фізіономія, очень низкій лобъ, и Кутеповъ съ перваго взгляда почувствовалъ ненависть къ нему.

Послѣ обѣдни причтъ пригласили въ домъ на обѣдъ. Кутеповъ хотѣлъ было отказаться, но у него было какое то мучительное любопытство, желаніе посмотрѣть, „какъ они вмѣстѣ“,—и онъ отправился къ Рукомяткинымъ. Кромѣ о. Дмитрія, онъ встрѣтилъ на поминкахъ Трофимыча съ женой и нѣкоторыхъ изъ „вдовствующихъ“. За обѣдомъ говорили о покойномъ и сначала преимущественно о его достоинствахъ. За каждымъ кушаньемъ хозяева „подносили“, причемъ не забывали и себя.

— Гости дорогіе, батюшка, сваточекъ!.. Царство ему небесно, покойнику Ефиму Ивановичу!—говорила Гапа, приглашая выпить.

Въ концѣ обѣда она со слезами на глазахъ и съ раскраснѣвшимся лицомъ повѣствовала о кончинѣ Ефима Ивановича, что, впрочемъ, было хорошо всѣмъ извѣстно, кромѣ Кутепова, такъ какъ объ этомъ Гапа рассказывала много разъ.

— Я вотъ что, — сказалъ Трофимычъ, — Ефимъ Ивановичъ покойный, былъ человекъ честный, мягкій, душу человѣческую понималъ... Я его близко зналъ: онъ не то что человекъ — скотину жалѣлъ и при этомъ достатокъ умѣлъ нажить, — своимъ трудомъ да умомъ. А нынче, — посмотрите-ка: какъ мужикъ зашибетъ сотню, такъ уже норовитъ ею орудовать такъ, чтобы на каждый рубль три нажить. Ну и наживаютъ: среди богатыхъ этого нельзя, богатый не станетъ за рубль три платить, — ну, а бѣдный платить.

— Конечно, это вѣрно: тятенька трудомъ нажили, — заговорилъ солдатъ, — однако и то надо сказать: время было другое. Относи-

тельно времени, дѣйствительно, прежде можно было, т. е. безъ погубленія своей души пріобрѣтеніе себѣ дѣлать. Я самъ съ тятенькой торговать ѣздилъ. Время другое!

— Правда, сынокъ! Время, время...—уже голосила Гаша.

Настя за столомъ не сидѣла,—она появлялась, когда нужно было что-нибудь подать или унести. Кутепову показалось, что она еще болѣе похудѣла и поблѣднѣла. На его привѣтствіе она такъ печально улыбнулась, что у него заняло сердце и гдѣ-то въ немъ,—не то въ головѣ, не то въ сердцѣ,—зазвучали мучительныя слова: „другъ мой бездомный“...

Возвращался съ обѣда Кутеповъ вмѣстѣ съ Трофимычемъ и Митревной, которая попросила ее подвести.

— Не влюбила Гаша Настю,—говорила дорогой Митревна Трофимычу. Страсть какъ на нее наговариваетъ. Да и мужъ тоже, кажется. Нынче сама Гаша рассказывала: какъ пришелъ солдатъ-то, такъ, вишь, не ласково встрѣтила: молчить все. Ну, тутъ-то солдатъ смолчалъ, а на другой день пришелъ изъ кабака выпивши и давай пытатъ: „Чего молчишь, да глаза въ сторону вортишь? Ай на совѣсти не чисто? Вотъ погоди, все дознаю, а тогда держись,—расправлюсь по-солдатски!“ Такъ она,—Гаша сама рассказывала,—всю ночь послѣ этого спать не ложилась,—все плакала, а потомъ замолчала, какъ печь. Ну, солдатъ-то все грозитъ: „Погоди, ты у меня заговоришь!“ А гдѣ заговорить? Вгонять они бабенку въ гробъ... Хоть бы ты Трофимычъ къ себѣ ее взялъ...

— Эхъ, кума!.. Все я самъ вижу... Да ты знаешь, бабы мои какія! Теперь вотъ дочь съ тремя дѣтьми поселилась: при училищѣ жить негдѣ. Да и сама Настя не пойдетъ. А я думаю...—Трофимычъ такъ и не договорилъ, что онъ думаетъ.

Абеледарскій скоро послѣ ночного посѣщенія Кутепова на масленицѣ ушелъ изъ Ржаваго. Зайдя къ Кутепову проститься, онъ извинился за „тотъ случай“. Онъ говорилъ, что съ нимъ,—этакъ разъ въ годъ,—бываютъ такіе припадки. Теперь онъ не можетъ оставаться у о. Николая, и ему нужно идти. Пойдетъ онъ въ монастырь, гдѣ у него знакомые монахи, поживетъ тамъ, а оттуда пройдетъ къ священнику-пріятелю въ другую губернію.

— Прощайте, голубчикъ!—говорилъ онъ, цѣлуясь съ Кутеповымъ. Дай вамъ Богъ съ самимъ собой устроиться, а „прочее все приложится“. Дай вамъ Богъ выплыть... Помните: „воздвизаемое зря напастей бурю“... „Тамъ за далью непогоды есть блаженная страна... Но туда выносятъ волны только сильнаго душой“. Сдается мнѣ, о. Дмитрій готовитъ вамъ „тихое при-

станции“... Объ этомъ предметѣ я мнѣнія не имѣю: это не по моей специальности. Ну, простите. Я, — живъ буду. — провѣдаю васъ, посмотрю, какъ вы...

„Куда идетъ этотъ человѣкъ, зачѣмъ, чего ему нужно?“ думалъ Кутеповъ. Эти вопросы и соединенное съ ними чувство грусти были ему знакомы: когда ему приходилось встрѣчать идущаго по большой дорогѣ странника, онъ всегда задавалъ себѣ эти вопросы, провожая взглядомъ уходящую въ даль фигуру. Онъ спрашивалъ себя, не потому ли такія встрѣчи наводятъ грусть, что странникъ является живымъ отрицаніемъ того, къ чему стремятся люди: спокойной жизни, обезпеченности, связей съ людьми и олицетвореніемъ философскихъ положеній о бренности существованія человѣка, которыя гласятъ: „Минутною волной плесни — и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ“. Вотъ онъ промелькнулъ и скрылся, и больше его не встрѣтишь. „Куда онъ уходитъ, откуда пришелъ“?

Ржавое не отличалось особою красотою мѣстоположенія: скромная рѣчка, небольшіе лѣсочки, ровная, сравнительно, мѣстность. Но весной въ немъ было хорошо. Въ ложку, называемомъ Каменнымъ, который терялся среди озимаго клина и потому не выбивался скотомъ, пѣз крутой горы били студеные ключи, намывая чистый, золотой песокъ. Логъ сбѣгалъ къ рѣчкѣ, заросшей въ этомъ мѣстѣ лозою такъ густо, что прodrаться по ней было трудно, не то что человѣку, а даже и собакѣ. Съ обѣихъ сторонъ лоза окаймлялась зеленымъ бордюромъ дуга, тянувшася по рѣчкѣ до самаго впаденія ея въ Оку. Этотъ лознякъ и прилегающій къ нему лугъ служили пріютомъ для великаго множества разной мелкой птицы. Тамъ плакали чибисы, дергали коростели, пѣли соловьи и ворковали горлинки.

Кутеповъ не былъ особенно избалованъ красотою природы. Родился онъ въ мѣстности, которая, во всякомъ случаѣ, не была лучше окрестностей Ржаваго, выросъ въ стѣнахъ семинаріи; поэтому онъ съ удовольствіемъ знакомился съ ржавскими лѣсками и ложками, слушалъ, какъ плачутъ чибисы и воркуютъ горлинки, вдыхалъ въ себя запахи свѣжей зелени, земли, которую тамъ и сямъ вокругъ поднимали мужики своими сохами. Земля, поднятая сохой, — сырая и черная, — была похожа на ваксу. По чернымъ бороздамъ важно расхаживали грачи.

Но надъ этими пробуждающимися полями работали люди, хмурые, бѣдные, плохо питающіеся, — Кутеповъ зналъ о питаніи этихъ людей по приношеніямъ въ церковь, — на заморенныхъ, избитыхъ клячахъ. На этихъ лугахъ паслись исхудавшія

за зиму понурья коровы, свиньи. Глядя на нихъ, Кутеповъ задавалъ себѣ вопросъ: какъ они могли перезимовать?

Однажды весной къ нему пришелъ старикъ съ красными слезающимися глазами и просилъ написать сыну письмо о томъ, что лошадь пала и работать не на чемъ, и чтобы купить лошадь нужно 25 руб., которые сынъ и долженъ прислать.

— Видишь-ли: молоденькая лошадка... кормъ не доходилъ... Выѣхалъ это я пахать, а она шатается... Ну, что жъ будешь дѣлать — пахать надо. И самъ-то я тоже не работникъ: вишь глаза-то у меня: прямо говядина. Попашусь, — засорятся, что ль, они? — Богъ ихъ знаетъ, — начинаютъ зудѣть, слеза льется и видѣть не могу ничего. Ну, думаю, за одно ужъ: и лошадь горе, и пахарь горе! Она возьми да околѣй. Ежели сынъ не пришлетъ, — такъ пропадать надо... Только, не пришлетъ онъ... Передъ Рождествомъ 10 рублей прислалъ: развѣ нашлешься?

Письмо все-таки было написано и старикъ взялъ его, чтобы отправить „на поштву“.

А то Кутеповъ самъ видѣлъ такую картину: по бороздѣ съ усиленіемъ тащила соху маленькая, „съ овцу“, лошаденка, — худая, лохматая, — а за сохой шель гигантъ пахарь. Въ концѣ борозды лошадь отдыхала, тяжело дыша и нося боками, а пахарь прислонялся къ ней спиной. Когда Кутеповъ подошелъ ближе, то узналъ въ пахарѣ Петра Ермакова, мужика огромнаго роста, славившагося своей силой.

— Смотрите, какъ мы пашемъ? — сказалъ Ермаковъ, поздравившись съ Кутеповымъ. — Очень просто. Лошаденка-то, вишь, какая, — не можетъ, такъ я самъ больше. Съ утра-то поработалась кое-какъ, а теперь полоску дойдетъ, да и норовить лечь, — хитрая животная! Такъ я ей упоръ даю, прислонюсь и держу: допахать загойъ надо.

Въ Ржавомъ былъ обычай отдѣлывать частички изъ крестьянскихъ луговъ причту и разнымъ должностнымъ лицамъ. Богатая лугами Лужица „отводила“, такимъ образомъ, довольно значительное количество сѣна.

Все время уборки сѣна со степи лужицкіе сильно пьянствовали, такъ какъ сѣно отводилось за водку. Водка привозилась прямо на степь и выпивалась тутъ же, среди широкаго луга, подъ яснымъ небомъ. Привезенной водкой никогда не удовлетворялись. Являлось желаніе пить еще. Средства были подъ рукой — это душистое, волокнистое сѣно. Охотники поднести ведерочку за нѣкоторое количество его всегда находились. Босой подростокъ мчался на лохматоѣ лошаденкѣ съ боченкомъ за спиною къ Захаркѣ. Въ продолженіе трехъ, четырехъ дней на лугу

стояль стонъ: пѣли пѣсни, бранились, дрались. Кромѣ ссоръ, возникавшихъ на мѣстѣ, во время сѣнокоса крестьяне сводили старые счеты другъ съ другомъ. Нужно было отмстить за обиду, проучить вора, — лужицкіе откладывали это до покоса. Обиженный человѣкъ подбиралъ себѣ партію, придирался къ обидчику, и не рѣдко въ дракахъ на покосѣ людей „убивали“ чуть не до смерти.

Въ нынѣшнемъ году лужицкіе дали духовнымъ сѣно на „степи“, и Кутеповъ отправился на степь вмѣстѣ съ о. Дмитріемъ, чтобы посмотреть уборку, а если нужно, то помочь работникамъ о. Дмитрія, которые уѣхали на степь раньше.

Вся степь пестрѣла народомъ; женщины и дѣвушки въ яркихъ платьяхъ были похожи на большіе движущіеся цвѣты.

Работникъ о. Дмитрія распрягъ лошадей. Кутеповъ попросилъ его дать ему работу.

— Пожалуйте къ намъ,—крикнулъ ему сидѣвшій на возу бѣлобородый, веселый Тихонъ,—у меня подавальница посредству: такъ вы перемѣните ее.

Кутеповъ взялъ у Марьи,—корявой бабенки, работницы о. Дмитрія,—вилы и сталъ подавать на возъ сѣно. Невдалекѣ отъ нихъ „навивать“ возъ мужикъ Демкинъ. Онъ сидѣлъ на возу и все ворчалъ на подающую сѣно женщину, должно быть жену.

— Какъ ты подаешь, дура! говорилъ онъ грубымъ и хриплымъ голосомъ. Не видишь: лошадь телѣгу подвернула!.. Поправь!

Баба стала поправлять лошадь, та дернула,—телѣга наклонилась и сѣно вмѣстѣ съ мужпкомъ сползло наземь.

Демкинъ всталъ, отряхнулся и сталъ ругать жену:

— Дьяволь, неудѣльная! И гдѣ тебя, дуру, родили! Вотъ и работай съ вами съ чертями!

— А ты бы водки поменьше лопаль, вотъ бы и работаль... Бѣльмы-то залиль,—и не видишь, куда кладешь!

Демкинъ взялъ кнутъ и хлестнулъ имъ жену со всей руки. Баба взвизгнула.

— Что ты, съ ума сшелъ, что ли!

Тогда удары посыпались на нее одинъ за другимъ. Она побѣжала въ сторону, гдѣ накладывалъ сѣно Кутеповъ съ Тихономъ, а мужъ бѣжалъ за нею и хлесталъ. На бѣлой рубахѣ женщины выступили кровавые рубцы. Она добѣжала до возу, и Кутеповъ загородилъ Демкину дорогу.

— Пусти, не мѣшай!—захрипѣлъ мужикъ.

— Что, ты? Опомнись!—сказалъ Кутеповъ, не отступая.

— Запорю!.. Пусти! А то я... Ишь заступникъ какой выискался!..

— Вотъ фабри какой! А говорили—Демкинъ съ дурью! Нѣтъ, онь, вишь, какъ жецу учить!—смѣялся, сидя на возу, Тихонъ.

Подошелъ о. Дмитрій, и мужикъ успокоился.

Когда Кутеповъ оглянулся, онь увидѣть, что кругомъ стояли любопытные и пересмѣивались по поводу происшедшаго.

— Видалъ, какъ вашего брата на разумъ наставляють, — говорили мужики.

— Охъ, разумники, учителя!.. Васъ самихъ-то бить бы сколько надо. Нешто отъ ума бабу срамить при всемъ міру вздумаль?.. говорили бабы.

Черезъ полчаса Кутеповъ видѣль, — супруги Демкины возстановляли распавшійся возъ.

Занятый своимн наблюденіями и размышленіями, Кутеповъ пересталъ такъ живо интересоваться Настей, какъ это было, когда онь ее увидѣль. Образъ ея поблѣдпѣль въ его душѣ, хотя и не исчезъ совсѣмъ: онь остался, какъ олицетворенье страдапія чистой, прекрасной и нѣжной души въ „мірѣ печали и слезъ“.

Какъ-то Кутеповъ услышалъ, что Настя родила преждевременно мертваго ребенка и была больна.

Однажды Кутеповъ увидѣль, что къ дому о. Дмитрія подѣхалъ солдатъ Рукомяткинъ, мужъ Насти и потомъ, вызвавъ о. Дмитрія, быстро поѣхалъ обратно; онь подумаль, что о. Дмитрій поѣхалъ приобщать Настю. Черезъ часъ о. Дмитрій вернулся и сообщилъ, что Настя умерла, — онь уже не засталъ ее въ живыхъ. Катерина Васильевна при этомъ сообщеніи перекрестилась и сказала со вздохомъ:

— Царство небесное! Мученица была. Мужъ глупый, пьяный... Говорять, — билъ, оттого и скинула и теперь, можетъ быть, тоже... — Она не dokonчила своей мысли.

Черезъ два дня Настю похоронили. Кутепову мертвая она показала удивительно прекрасной. Въ гробу черты лица ея сдѣлались какъ бы болѣе опредѣленными и законченными. Казалось, она не умерла, а глубоко падъ чѣмъ-то задумалась.

Во время выноса тѣла, отпѣванія въ церкви и проводовъ на кладбище, Кутепова наполняло чувство какого-то скорбнаго недоумѣнія: вотъ она умерла... ее замучили... всѣ это видѣли и никто за нее не заступился. За гробомъ идутъ ея мучители, и никто имъ не скажетъ, что это они сдѣлали. Кутеповъ слышалъ, какъ выла Гаша, видѣль солдата, несущаго гробъ, и ему было ясно, что въ данную минуту они болѣе всего заняты тѣмъ, чтобы все было „честно“, „какъ слѣдуетъ“. И они были до известной степени правы, такъ-какъ требованія къ нимъ предъявлялись,

главнымъ образомъ, съ этой стороны. Трофимычъ былъ важенъ. Кутепову показалось, что въ дрожащемъ голосъ его при пѣніи положенныхъ стихирь, слышались какіе-то рыдающіе звуки, и Кутеповъ чувствовалъ, что у него самого начинаетъ дрожать голосъ и что-то подкатывается къ горлу и щекочетъ въ носу.

Потомъ чувство жалости какъ бы притунилось пѣсколько, и Кутеповъ довольно равнодушно смотрѣлъ, какъ опустили гробъ въ могилу, какъ засыпали ее землей. На верху бугорка земли, вынутаго изъ могильной ямы, была желтая глина, — ее прежде всего стали сыпать на опущенный гробъ. Кутеповъ почему-то особенно хорошо запомнилъ это обстоятельство. Потомъ онъ замѣтилъ, что у о. Дмитрія есть на лбу шрамъ, который, когда онъ напрягается при пѣніи, дѣлается краснымъ. Рядомъ со свѣжей могилкой Насти была чья-то провалившаяся могила съ остатками креста.

„Вотъ и могилы умирають... все умираеть“, — подумалъ Кутеповъ.

По окопчаніи похоровъ Гаша пригласила причтъ въ домъ „помануть“ певѣстку.

Кутеповъ отказался. Придя домой, онъ легъ на свою постель и долго лежалъ съ открытыми глазами.

— Другъ мой бездомный... умеръ! — сказалъ онъ вслухъ.

Передъ Рождествомъ Трофимычъ и Кутеповъ поѣхали въ уѣздный городъ. Дорогой поднялась метель, и дьячки сильно перезябли, особенно Трофимычъ. Но пріѣздѣ каждый занялся своимъ дѣломъ, а вечеромъ они сошлись на постояломъ дворѣ Никиты Ивасовича, у котораго Трофимычъ всегда останавливался. Заказали самоваръ. Трофимычъ все жаловался, что его ломаетъ и предполагалъ полѣчиться: онъ купилъ полбутылки коньяку, чтобы сдѣлать пушшъ.

— Никогда ничѣмъ не лѣчился, кромѣ потогоннаго: малинки, или еще травы такія есть душистыя... Между прочимъ, и это хорошо помогаетъ... Этому меня о. Дмитрій научилъ, — говорилъ онъ, откупоривая конусообразную бутылку съ коньякомъ.

Трофимычъ подливалъ въ чай лѣкарство не жалѣя. Онъ покраснѣлся, скинулъ свое полукафтанье и сидѣлъ, поглощая пахучій пушшъ. Собесѣдники сидѣли молча; Трофимыча, казалось, что-то угнетало: онъ вздыхалъ и время отъ времени произносилъ отрывочныя восклицанія: „Эхъ, жизнь, жизнь! Эхъ, эхъ!“ Эти восклицанія и вздохи Кутеповъ слышалъ и послѣ того, какъ улеглись спать. Потомъ Кутеповъ заснулъ. Проснулся онъ, услышавъ окликъ Трофимыча. Въ комнатѣ горѣлъ огонь; Трофимычъ

сидѣлъ на своемъ диванчикѣ съ выраженіемъ тревоги и страданія на лицѣ.

— Что съ вами, Трофимычъ? Отчего вы не спите?—спросилъ Кутеповъ.

— Вотъ какъ подступило,—было задохнулся. Сковало всего: ни слова не могу вымолвить, ни пошевеливаться. Испугался: въ мои годы знаете, можетъ быть такъ: подступило—и капутъ! У насъ въ роду всѣ такъ помирають.

— Не послать ли за докторомъ?—встревожился Кутеповъ.

— Нѣтъ. Богъ съ нимъ, съ докторомъ, не надо. Сейчасъ мнѣ легче. А я вотъ что хотѣлъ вамъ сказать. Есть у меня одно сомнѣніе... тревожитъ. Вы, все-таки, много учились, и сердце въ васъ есть... Такъ мнѣ вамъ сказать хочется: Настю-то живую въ гробъ положили...

Кутеповъ подумалъ, что старикъ слишкомъ возбужденъ пушшемъ и говоритъ, не отдавая себѣ отчета.

— Вы нездоровы, Трофимычъ!.. Вамъ надо лечь и успокоиться.

— Да пѣтъ же! Вы выслушайте! Она была въ обморокѣ, а ее приняла за мертвую. Это я знаю и тогда зналъ. Сорокъ лѣтъ вѣдь служу дьячкомъ, много на своемъ вѣку мертвецовъ видѣлъ. Она была слабая, поболѣла передъ тѣмъ, обмалокровѣла. Толкнулъ ее солдатъ,—она и обмерла. Я, какъ только мнѣ сказали, такъ подумалъ... Посмотрѣлъ на нее, разспросилъ: обмерла,—больше ничего. А ее хоронить собираются. Вы знаете пемножко, какая ея жизнь была. А я-то больше знаю, сколько разъ руки на себя паложить хотѣла, сколько разъ мужа на колѣняхъ просила: „Убей ты меня,—не могу я жить“! Подумалъ я объ этомъ—и никому не сказалъ... Такъ и закопали... А теперь камень на душѣ! Вы проходили разныя богословія,—скажите мнѣ: большой я грѣхъ сдѣлалъ?

Кутеповъ былъ пораженъ. „Ее похоронили живую. Дядя зналъ! Большой ли это грѣхъ? Большой, огромный, страшный! Схоронить живого человѣка!.. А смотрѣть и ждать, какъ человѣкъ мучается дни, почи, мѣсяцы, годы, имѣя одинъ выходъ передъ собою—самоубійство, можно?..“ Мысли эти промелькнули въ головѣ Кутепова очень быстро, и онъ сказалъ.

— Я не знаю... Я не могъ бы васъ осудить... Нѣтъ, я бы не могъ...

— Вы не могли бы... я знаю: у васъ добрая душа,—сказалъ Трофимычъ и легъ: его опять схватило.

Скоро стало разсвѣтать, и дьячки уѣхали домой.

Трофимычъ проболѣлъ съ педѣлю и померъ.

Заболѣлъ и Кутеповъ. У него оказался тифъ, осложнившійся воспаленіемъ легкихъ. Больной нѣсколько дней метался въ жару, бредилъ. Его преслѣдовала картина бушующаго моря, въ которомъ гибнутъ люди. Одинъ разъ онъ разбудилъ весь домъ крикомъ: „Слава въ вышнихъ Богу! Осанна!“ Нѣсколько дней положеніе было очень опаснымъ. Жаръ и бредъ не прекращались. По вызову о. Дмитрія пріѣхала мать Кутепова, но онъ не упалъ ея.

— Это Гаша,—зачѣмъ она здѣсь?—сказалъ онъ, глядя на мать.

— Сыпочекъ мой, это я,—мать твоя!—заплакала старуха.

— Мать?.. Бѣдная мать! Совершенно напрасно женщины дѣлаются матерями.—сухо сказалъ онъ и замолчалъ.

Но молодой организмъ побѣдилъ болѣзнь.

Кризисъ миновалъ благополучно, и Кутеповъ сталъ поправляться.

Кутеповъ пролежалъ въ постели два мѣсяца. Когда онъ сталъ ходить по комнатѣ, мартовское солнце уже вивалось лучами въ снѣгъ, разрыхляло его и гпало съ пригорковъ и бугровъ. Четырнадцать мѣсяцевъ, проведенные имъ въ Ржавомъ и окончившіеся болѣзью, представлялись ему теперь тяжелымъ кошмаромъ. Кошмаръ былъ пережить, но представленіе о жизни, какъ о волпующемся морѣ, не оставило его. Онъ часто спрашивалъ себя: „Гдѣ маякъ, куда плыть?“ и не находилъ отвѣта.

Вновь надъ Каменимъ логомъ плакали чибисы, въ лознякѣ ворковали горлиники и дергали коростелли; опять па черпыхъ, какъ вакса, поляхъ, съ которыхъ отъ лучей весенняго солнца, дрожа, струились испаренія, задвигались невеселыя фигуры пахарей.

На погостѣ жизнь шла обычнымъ порядкомъ: время отъ времени крестили младенцевъ, хоропили и помпнали усопшихъ, вѣнчали свадьбы; лѣсенки и хлѣбъ, похожіи на пздѣліе изъ грязи, водка и „богуславка“—все было попрежнему; впрочемъ теперь „богуславка“ поступала къ Захаркѣ въ сравнительно меньшемъ количествѣ, такъ какъ дьячокъ, замѣстившій Трофимыча,—Михаилъ Васильевичъ Меѳодіевъ,—предпочиталъ этотъ папитокъ водкѣ. Жена Меѳодіева, бывшая учительница изъ гимназистокъ, ходила па праздникамъ въ церковь въ шляпкѣ, самъ Меѳодіевъ посллъ брюки „навыпускъ“ и пазывалъ себя псаломщикомъ. Выпитъ онъ любилъ, но дѣлалъ видъ, что пренебрегаетъ водкой и можетъ пить только благородныя папитки,—па этомъ, собственно, и была основапа приверженность Меѳодіева къ „богуславкѣ“.

На сѣромъ фонѣ ржавской жизни только одна Анна Дмитриевна вызывала въ Кутеповѣ чувство симпатіи, только оставаясь на ней, мысль его отдыхала отъ тревожащихъ и тяжелыхъ педоумѣній. Гармоничная, съ вѣщностью, отражавшею какую-то особенную внутреннюю красоту, она, — какъ казалось Кутепову, — способна была всюду внести миръ, гармонию, искренность.

Какъ-то въ праздничный день Кутеповъ зашелъ къ о. Дмитрію; самого о. Дмитрія не оказалось дома; Настасья Васильевна отдыхала, Анну Дмитриевну Кутеповъ нашелъ въ саду.

Былъ теплый, яркій весенній день; цвѣла черемуха, весело жужжали насидѣвшіяся за зиму пчелы; сверху лились трели жаворонковъ; все живое радовалось жизни и спѣшило жить.

Анна Дмитриевна сидѣла на садовой скамейкѣ, сложивъ на колѣняхъ руки и смотря куда-то въ даль.

— О чемъ такъ задумались?—спросилъ Кутеповъ, здороваясь съ дѣвушкой.

— Трудно отвѣтить... бѣгутъ въ головѣ мысли, — много мыслей. Кажется, голова отъ нихъ распухаетъ, а сказать почти нечего.

— Значить все-таки есть что сказать... Вы и скажите мнѣ это „почти“.

— Видите, папенька письмо получилъ отъ священника изъ Лукняки, — жениха мнѣ сватаетъ... Это уже не первое сватовство... Думаю себѣ — знаій пѣтъ, направить некому, да и поздно должно быть направлять—все равно ждать печего.. И страшно такъ думать: кто онъ такой, какъ жизнь сложится и зачѣмъ все это? Кажется, ушла бы, куда глаза глядятъ!.. И знаю, что никуда уйду...

Говоря это, дѣвушка какъ-то косила глазами, губы ея вздрагивали, и казалось, что вотъ-вотъ она заплачетъ.

Кутепову было жаль ея, хотѣлось ободрить ее, по обычнымъ въ такихъ случаяхъ фразы, вродѣ того, что „вы ужъ очень мрачно смотрите на жизнь, Богъ дастъ, все устроится прекрасно“, — онъ считалъ безсодержательною ложью и произноситъ ихъ онъ не рѣшился.

Придя домой, Кутеповъ все думалъ объ Аннѣ Дмитриевнѣ, и ему вспомнилась при этомъ Настя, ея судьба, фраза „другъ мой бездомный“. „Анна Дмитриевна тоже другъ мой бездомный... Что если жениться на ней? Жалко ея? Но вѣдь на всѣхъ не женишься же...“

Онъ настолько углубился въ свои размышленія, что вздрогнулъ, когда кто-то постучался въ дверь.

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ... услышалъ онъ;

вслѣдъ за стукомъ отворилась дверь, и вошелъ Абецедарскій съ котомкой за плечами.

— Не ожидали?.. Меня нигдѣ не ожидаютъ...—сказалъ онъ.

— Складывайте свой багажъ и говорите, чего больше хотите: пить, ѣсть, отдыхать?—говорилъ обрадовавшійся Кутеповъ, здороваясь съ гостемъ.—Чай? Великолѣпно, это я сію минуту...

— А вы не расцвѣли за это время,—говорилъ Абецедарскій, сидя за самоваромъ и смотря на Кутепова,—худой, безпокойный...

Кутеповъ рассказалъ ему о своей болѣзни, начавъ со смерти Насти.

Абецедарскій молча, внимательно слушалъ Кутепова и заговорилъ только, когда Кутеповъ, кончивъ рассказъ о себѣ, спросилъ, что было съ нимъ со времени ухода изъ Ржавого.

До монастыря онъ такъ и не добрался: застрялъ по дорогѣ у одного попа и прожилъ у него зиму, обучая поповскихъ ребятъ грамотѣ. Теперь онъ вышелъ въ „путь“, по думаетъ, что путь приходитъ къ концу: ноги его стали уставать, въ груди хрипѣніе, бокъ болитъ не переставая. Теперь онъ идетъ на сѣверъ, въ Валаамъ.

Абецедарскій пробылъ у Кутепова съ недѣлю и сталъ собираться въ дорогу.

— А знаете? Я и вамъ бы совѣтовалъ пройтись... По-моему, это вамъ полезно было бы съ точки зрѣнія возстаповленія душевнаго равновѣсія. Васъ на самомъ порогѣ жизни ошеломило, и вы никакъ не выйдете изъ этого состоянія: близко все проходитъ передъ глазами: шумъ, стонъ, плачь, смѣхъ,—ничего не разберешь. Большинство не слышатъ этого или если и слышатъ, то это не мѣшаетъ имъ работать: они расталкиваютъ себѣ дорожку въ толпѣ, борются, падаютъ, поднимаются и т. д. Ну, а у васъ ухо несчастное — воспринимаетъ всѣ шумы и прямо къ сердцу ихъ доставляетъ. А что толку? Вотъ вы теперь совсѣмъ кликушей сдѣлались... Нужно, знаете, отдалиться, отойти нѣсколько въ сторону... Я вотъ совсѣмъ „за штатъ“ удалился,—„за штатъ“ изъ жизни... ибо то, что полагается по штату, нашелъ для себя не подходящимъ: имѣть сосѣдей, имѣть семью, собственность, биться въ житейской сутолокѣ—я не увидѣлъ въ этомъ надобности для себя или, можетъ быть, просто, и у меня не оказалось подходящихъ для этого свойствъ, — не приспособился... Впрочемъ, я отклоняюсь въ сторону: моя бродяжническая философія стала проситься наружу, а это непосредственнаго отношенія къ дѣлу не имѣетъ, такъ какъ рѣчь идетъ собственно о васъ, и по отношенію къ вамъ, вопросъ о заштатѣ не ставится,—вамъ нуженъ

временный лишь отпускъ, отдыхъ. Идти куда-нибудь далеко, безъ опредѣленнаго срока, даже безъ опредѣленной цѣли... Вы не можете себя представить, какъ это приятно и успокоительно; вы не только уходите на это время изъ известной мѣстности, но и морально освобождаетесь отъ обязанностей общенія, которыя иными людьми чувствуются, какъ тяжелый гнетъ; перемѣной занятій, мѣста службы—этого нельзя достигнуть, потому что, чѣмъ бы вы ни занимались, гдѣ бы вы ни служили,—вездѣ собственно одно и то же: „однозвучный жизни шумъ“. А то идешь себя—и чувствуешь себя гражданиномъ всего Божьяго міра: передъ тобой лежитъ путь безъ конца, падъ головой простирается вѣчное небо, и рѣка, и лѣсъ, и степь, черезъ которые ты проходишь, дышать на тебя вѣчной, спокойной, космической жизнью. И это—бальзамъ для больной души... Я опять, кажется, увлекся... Однимъ словомъ, я совѣтую вамъ пойти со мной!

Кутеповъ слушалъ Абецедарскаго и какъ будто соглашался съ нимъ, но идти ему почему-то не хотѣлось. Было чего-то страшно: у него было ощущеніе, что принятіе приглашенія Абецедарскаго „пройтись“ можетъ имѣть рѣшающее значеніе для всей его жизни: если признать, что пройтись полезно, такъ отчего же и совсѣмъ не уйти „въ отставку“? И въ немъ зашевелился протестъ противъ всей философіи пріятели: не представляетъ ли она только оправданіе отвиливанія отъ труда, требсмаго жизнью отъ каждаго человѣка? А впѣ этого труда вѣдь ничего же не можетъ быть,—дикое состояніе.

— Мнѣ пужно подумать, — сказалъ онъ на рѣчь Абецедарскаго.

И Кутеповъ, дѣйствительно, весь остатокъ дня добросовѣстно думалъ о предложеніи Абецедарскаго; но чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ яснѣе ему представлялась невозможность найти принципиальное рѣшеніе вопроса объ „отставкѣ“.

Абецедарскій, незамѣтно исчезнувшій куда-то, вернулся поздно ночью. Кутеповъ, взглянувъ на него, сейчасъ же сообразилъ, что онъ былъ у Захарки.

— Вкусилъ, послѣ долгаго воздержанія... Проснулся червь и сосалъ мое сердце,—„зубная боль въ сердцѣ“, — и я залилъ ее водкой...—заговорилъ Абецедарскій.—Это меня разбередилъ разговоръ съ вами. Я и сотои доли не сказалъ, что у меня въ мысляхъ есть на этотъ счетъ... Много я передумалъ, ходя по бѣлому сѣту, и все скорбѣлъ о томъ, что загадили его люди, загроздили его своими выдумками, завалили отбросами! Мнѣ иногда противно было ходить по дорогамъ: почтовые, транспортные и всякіе пути сообщенія,—чортъ бы ихъ дралъ! Тащатъ по нимъ

казенные пакеты, галантерейные товары, бакалею, гонять арестантовъ,—все это напоминало мнѣ, что я нахожусь въ большой тюрьмѣ, на большомъ островѣ Сахалинѣ, на который сами себя сослали люди. И мнѣ обидно было за землю, за прекрасное Божье творенье! Господи! Искупии! Развѣ Ты, „покрываяи водами выпрянния Твоя, полагааяи облаки на восхождение Твое“, хотѣль сотворить темницу, юдоль палача, скорби, скрежета зубоваго... и пошлости! Ты хотѣль?!—Абещедарскій пришель въ наступление и кричалъ, поднимая вверхъ руки; потомъ сразу умолкъ и сѣлъ на лавку.

— Искупление должно совершиться по опредѣленному плану,—заговорилъ онъ тихимъ и упавшимъ голосомъ.—Для этого нужно, чтобы тюремные порядки дошли до конечнаго пункта безобразія. Тогда будетъ всеиъ судъ... и Никодиму Абещедарскому. Я все расскажу на судѣ и буду просить, нельзя ли сдѣлать такъ, какъ будто я не существовалъ, какъ будто меня совсѣмъ не было на свѣтъ... А я думаю, что много бы людей присоединилось къ моей просьбѣ.

Нѣсколько дней спустя, рано утромъ Кутеповъ и Абещедарскій уходили изъ Ржаваго. Идя съ котомкой и посохомъ, Кутеповъ думалъ о томъ, что, можетъ быть, уже не вернется назадъ.

— Взаялъ отпускъ на полтора мѣсяца,—обратился онъ къ спутнику, молча шагавшему рядомъ,—еще вернусь ли...

— „Не имамы здѣ пребывающаго града“, — отвѣтилъ Абещедарскій.

В. Успенскій.

ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ.

13 января умеръ Джузеппе Верди. Умеръ творецъ „Риголетто“, „Травиаты“, „Трубадура“, „Анды“ и многихъ другихъ оперъ, которыя не только всему свѣту извѣстны, но всѣмъ близки и дороги, какъ нѣчто свое, съ дѣтства любимое.

Верди—одинъ изъ четырехъ великихъ композиторовъ прошлаго столѣтїа, создавшихъ драматическую итальянскую музыку. Россини, Беллини, Доницетти и Верди—вотъ четыре имени, которыя у всѣхъ въ памяти, и талантъ каждаго изъ этихъ музыкантовъ имѣетъ такой опредѣленный образъ, что каждый, слышавшій ихъ оперы, уже не можетъ ихъ смѣшать. Они создали знаменитую итальянскую драматическую оперу, достигшую такого колоссальнаго успѣха во всемъ свѣтѣ, какого никто не могъ себѣ и представить. Опера, конечно, существовала и до Россини. Донъ Бартоло, старшій ухаживатель и опекунъ Розины, въ „Севильскомъ цирюльникѣ“ говоритъ, что въ его время музыка была совсѣмъ не то, что нынѣшняя, и комично поетъ, передавая старшій чувствительный романсъ, пѣтый знаменитымъ въ XVIII вѣкѣ Клифориелло. Публика всегда смѣялась и теперь смѣется въ этомъ мѣстѣ, потому что въ 1814 году, когда написанъ „Севильскій цирюльникъ“, новымъ людямъ XIX столѣтїа, пережившимъ уже великую революцію, конечно должна быть смѣшна дѣланная чувствительность прошедшаго времени. Новыя идеи, новыя чувства потребовали новыхъ прїемовъ выраженїа, и прїемы эти были найдены именно въ оперѣ.

Не всѣ искусства одинаково способны выражать всѣ чувства, всѣ настроенїа. Одни движенїа души лучше выражаются въ живописи, въ скульптурѣ, другїя—въ поэзіи слова, но романтизмъ съ его неопредѣленными, безбрежными чувствами, съ благородной рѣшимостью бороться за правду и свободу, добиваться свѣта и всеобщаго блага, когда не обозначено даже точно, гдѣ въ данную минуту врагъ и въ чейъ его наибольшая сила, могъ найти единственно полное выраженїе въ музыкѣ и именно въ оперѣ. Оперная форма представляетъ произвольное соединенїе музыки, драмы и сцены. Но именно это насильственное соединенїе въ отношенїи музыки и драмы оказалось наиболѣе пригоднымъ въ данномъ случаѣ. Музыка способна, какъ никакое другое искусство, передавать чувство и настроенїе и въ особенности длительное настроенїе, т. е. такое, которое продолжается, развивается и усиливается при слушателяхъ. Драма же и сцена дали еще слова, которыя точно обозначали

отдѣльныя точки развитія чувства и придавалъ ему конкретный смыслъ, приурочивая его къ дѣйствию и сюжету, и, что такъ же важно, если не важнѣе еще, — для пѣвца, живого, талантливаго человѣка, который своимъ живымъ голосомъ, жестами, выраженіемъ лица и въ особенности своими нервами непосредственно могъ передать настроеніе оперы зрителямъ.

Успѣхъ, какъ я уже сказывъ и какъ каждый знаетъ, получился небывалый. Всю первую половину XIX вѣка вся Италія въ умственномъ отношеніи жила только оперою. Со времени эпохи Возрожденія не было такого энтузіазма всего народа къ какому-либо искусству.

Италія раздѣлена была тогда на много мелкихъ государствъ, принадлежавшихъ различнымъ властителямъ, смотрѣвшимъ на свои крошечныя государства, какъ на личныя имѣнія, и общественная жизнь въ ней почти не существовала. Литература была стѣснена до послѣдней крайности, искусство признавалось только какъ средство украшать сады и дворцы герцога или короля. Придирчивость цензуры доходила до невѣроятныхъ предѣловъ. Въ стихахъ извѣстнаго сатирическаго поэта Джустини цензоръ вычеркивалъ даже слово „сапогъ“, потому что онъ написалъ сонетъ, въ которомъ изобразилъ Италію, намекая на форму полуострова, въ видѣ сапога въ заплатахъ, и просилъ его починки. Только опера могла тогда существовать. Сюжеты оперъ были такъ далеки отъ дѣйствительности, музыка возбуждаетъ одно чувство безъ сюжета и такъ неопредѣленна, что невозможно было указать, гдѣ именно скрыты намеки на дѣйствительность. Впрочемъ, цензура и здѣсь не сидѣла сложа руки. Многія оперы Верди были передѣланы, лишены даже смысла по требованію цензора. „Риголетто“ былъ передѣланъ много разъ и, только благодаря счастливой случайности, былъ данъ въ томъ измѣненномъ, сравнительно съ драмой Гюго, видѣ, который всѣмъ извѣстенъ. Балъ-маскарадъ изъ Швеціи, которая показалась страной недостаточно удаленной, былъ перенесенъ въ Америку, въ Бостонъ, что невольно удивляетъ всякаго, кто въ первый разъ знакомится съ содержаніемъ этой оперы.

Но все это ничего не значило. Публика охотно прощала всѣ эти несообразности, потому что она получала въ оперѣ главное — настроеніе; она чувствовала подъемъ духа, приливъ чувства, усиленіе своихъ надеждъ. Время шло, событія чередовались и шагъ за шагомъ приближали Италію къ тому періоду, когда совершенно измѣнилось ея политическое положеніе, и опера шагъ за шагомъ мѣняла форму и тонъ, становилась все болѣе мужественною, воодушевленною и грозною. Послѣ игриваго и насмѣшливаго Россини перваго времени явился чувствительный Беллини, затѣмъ Донизетти, Россини „Вильгельма Теля“ и Верди, какимъ онъ былъ въ молодости. Верди, какъ самому молодому изъ четырехъ и самому долголѣтнему, суждено было на много лѣтъ пережить своихъ трехъ старшихъ содѣлывавшихъ и пройти еще длинный путь измѣненій, какъ художнику. Его оперы, какъ позднѣйшія, наиболѣе современныя, распространились болѣе всѣхъ остальныхъ италіанскихъ оперъ по всему свѣту и чрезъ нихъ весь міръ получалъ тотъ нѣвышній типъ художественнаго произведенія, которое называется драматической оперою. Значеніе этого факта очень велико. Въ будущемъ историкъ искус-

ства Европы охарактеризуетъ XIX вѣкъ, именно, какъ вѣкъ оперы. Успѣхъ— вещь заманчивая. Онъ приносить и деньги, и славу, и значеніе, и потому не удивительно, что въ вѣкъ развитія націонализма и другія народности Европы пожелали завести оперу и у себя дома, чтобы не умалить своего достоинства и отучить публику восклицаться произезжими произведеніями. Я не буду рассказывать подробно всего хода возникновенія національныхъ оперъ въ Германіи и Франціи. Я ограничусь лишь указаніемъ на то, что возникновеніе ихъ прямо обусловлено желаніемъ воспользоваться тѣмъ небывалымъ успѣхомъ, который выпалъ на долю оперы. Условія возникновенія оперы во Франціи и Германіи были совсѣмъ другія. И времена романтизма прошли, и политическое положеніе было другое. Опера здѣсь возникла съ предвзятой цѣлью. Не было ни тѣхъ чувствъ, которыя необходимы для оперы, ни средствъ въ видѣ пѣвцовъ съ надлежащими голосами. Препятствія оказались громадныя, но за дѣло взялись люди упорные, одушевленные теоретическими идеями націонализма. Они начали мнѣять и ломать все, что свободно появилось изъ творческой фантазій, по выдуманнѣмъ правиламъ. Оказалось, что въ оперѣ самое важное— слова, а музыка только дополненіе, хотя словъ при пѣніи разобрать нельзя, оказалось, что пѣвцы должны акомпанировать оркестру, хотя, очевидно, человѣческой голосъ нѣжнѣе и цѣннѣе, чѣмъ звуки трубы и барабана. Все, что дѣлается въ оперѣ, произведеніе искусства, свободномъ и понятномъ, какъ всѣ искусства, но мнѣнію Вагнера, основателя нѣмецкой оперы, обратилось въ нѣчто трудное, сложное, въ какую-то канитель, за непрерывной нитью которой надо слѣдить постоянно, помня какія-то основанія, нѣчто вродѣ правилъ и исключеній латинской грамматикъ, которыя нельзя выпускать изъ головы, исполняя экзаменаціонную экстерпориалу.

Искусство всегда тѣсно связано съ общественной жизнью, и то, что создано для поднятія духа народа, для его освобожденія, конечно, должно различаться отъ того, что изобрѣтено для украшенія успѣховъ милитаризма, политики желѣза и крови...

Джузеппе Верди родился 10 октября 1813 года въ деревушкѣ Ронколе, недалеко отъ мѣстечка Буссето, находившемся тогда въ Пармскомъ герцогствѣ. Отецъ его содержалъ небольшую „Osteria“, т. е. трактирчикъ, гдѣ проѣзжіе могли останавливаться и поѣсть во время путешествій, и едва пользовался нѣкоторой зажиточностію. Старикъ Верди и вся семья его жили какъ крестьяне. Рассказываютъ, что въ 1814 году союзныя войска, преслѣдуя армию принца Евгенія, прошли, совершая грабежи и насилія, черезъ эту часть Италіи, побывали и въ Ронколе, и мать Верди съ нимъ, тогда еще груднымъ младенцемъ, спряталась на колокольнѣ и такимъ образомъ спасла и себя, и ребенка отъ солдатъ. Очень рано маленькій Джузеппе началъ выказывать способности къ музыкѣ, и родители его стали мечтать сдѣлать его органистомъ, чтобы онъ могъ зарабатывать себѣ хорошій кусокъ хлѣба. Его начали учить музыкѣ. Въ Буссето жилъ довольно богатый купецъ Барецци, торговецъ пряностями, любитель музыки и директоръ мѣстнаго филармоническаго общества. Онъ принялъ участіе въ талантливомъ мальчикѣ, взялъ его къ себѣ въ домъ, содержалъ его, платилъ за его обученіе и

хлопоталъ за него, гдѣ могъ, до самаго того времени, когда Верди пересталъ нуждаться въ помощи. По настоянію Барецци, филармоническое общество въ Буссето, когда Верди пришлось учиться въ Миланѣ, назначило ему стипендію въ 1.200 франковъ въ годъ на два года. Верди выросъ въ домѣ Барецци и сохранилъ къ нему и его семьѣ привязанность на всю жизнь. Впослѣдствіи онъ женился на его дочери.

Въ Миланѣ Верди не попалъ въ консерваторію, потому что по возрасту не удовлетворялъ пріемнымъ правиламъ: онъ былъ старше предѣльнаго возраста, опредѣленнаго уставомъ. Онъ началъ заниматься частнымъ образомъ у Лавинья, директора извѣстнаго театра въ Миланѣ Scala. Занятія Верди шли такъ успѣшно, что уже черезъ годъ Лавинья писалъ Барецци, что Верди будетъ „гордостью отечества“. Во время своего ученія въ Миланѣ, какъ оно ни было непродолжительно, Верди, конечно, сочинялъ музыку и приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность и связи въ миланскомъ обществѣ, столь интересующея произведеніями искусства и въ особенности музыки. По возвращеніи въ Буссето Верди былъ избранъ дирижеромъ филармоническаго общества, которое имѣло на него права, какъ на своего пенсіонера, но вскорѣ онъ возвратился въ Миланъ, потому что его привлекала иная дѣятельность: онъ вознамѣрился поставить своего сочиненія оперу на сценѣ. Филармоническое общество онъ впослѣдствіи отблагодарилъ необычайно щедро, какъ вообще и всѣхъ, кто оказалъ ему хотя какую-либо поддержку. Объ этомъ обстоятельствѣ стоить упомянуть, потому что благодарность и щедрость—основныя черты характера Верди.

Первая опера Верди дана была въ Scala 17 ноября 1839 года и называлась „Уберто ди санъ Бонифачіо“. Въ ней замѣтили новыя вѣянія въ искусствѣ и она имѣла успѣхъ, далеко, однако, не такой, какъ многія послѣдующія его произведенія. Въ слѣдующемъ году, 1840, появился „Одинъ день власти“, комическая опера, вовсе не имѣвшая успѣха. Наконецъ, 9 марта 1842 года поставленъ былъ въ томъ же Scala „Навуходоносоръ“, имѣвшій громадныя успѣхъ. Съ этого времени имя Верди стало знаменитымъ. Онъ вдругъ сталъ рядомъ съ тремя указанными мною талантами первой величины, и съ этого времени, несмотря на различныя успѣхъ той или другой оперы, слава его росла и росла. Всего Верди написалъ 27 оперъ.

Появились онѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Ломбардцы“ (въ Миланѣ, въ 1843 г.); „Эрванн“ (въ Венеціи, въ 1844 г.); „Два фоскари“ (въ Римѣ, въ 1844 г.); „Іоанна д'Аркъ“ (въ Миланѣ, въ 1845 г.); „Альвпра“ (въ Неаполѣ, въ 1845 г.); „Аттила“ (въ Венеціи, въ 1846 г.); „Макбетъ“ (во Флоренціи, въ 1847 г.); „Разбойники“ (въ Лондонѣ, въ 1847 г.); „Іерусалимъ“—передѣлка „Ломбардцевъ“ съ измѣненнымъ либретто и балетомъ (въ Парижѣ, въ 1847 г.); „Корсаръ“ (въ Триестѣ, въ 1848 г.); „Битва при Леньяно“ (въ Римѣ, въ 1849 г.); „Луиза Миллеръ“ (въ Неаполѣ, въ 1849 г.); „Стифеліо“ (въ Триестѣ, въ 1850); „Риголетто“ (въ Венеціи, въ 1851 г.); „Трубадуръ“ (въ Римѣ, въ 1853 г.); „Травиата“ (въ Венеціи, въ 1853 г.); „Сицилійскія вечерни“ (въ Парижѣ, въ 1855 г.); „Симонъ Бокканегра“ (въ Венеціи, въ 1857 г.); „Гарольдъ“—пере-

дѣлка „Стиффеліо“ по новому либретто (въ Римини, въ 1857 г.), „Баль-Маскарадъ“ (въ Римѣ, въ 1859 г.); „Сила судьбы“ (въ Петербургѣ, въ 1862 г.); „Макбетъ“ — передѣлка (въ Парижѣ, въ 1863 г.); „Донъ Карлосъ“ (въ Парижѣ, въ 1867 г.); „Аида“ (въ Капрѣ, въ 1877 г.); „Симонъ Боканегра“ — новая передѣлка (въ Миланѣ, въ 1881 г.); „Отелло“ (въ Миланѣ, въ 1887 г.); „Фольстафъ“ (въ Миланѣ, въ 1893 г.). Кромѣ этихъ оперъ Верди написалъ еще очень много отдѣльных романсовъ, мелодій, гимновъ и сочиненій духовнаго содержанія, между прочимъ, Requiem въ память Манцони, Ave Maria, Pater noster, Te Deum и Stabat Mater. Послѣднія его произведенія, именно духовнаго содержанія, исполнялись въ Парижѣ 7 апрѣля 1898 года, когда автору ихъ было 85 лѣтъ. Музыка Верди произвела большое впечатлѣніе, и всѣ невольно были удивлены свѣжестью таланта такого глубокаго старца.

Верди былъ цѣльнымъ, прямымъ, яснымъ, благороднымъ характеромъ. Онъ принадлежалъ къ чистокровной породѣ великихъ художниковъ, соединяющихъ геніальный талантъ съ крупной личностію, достоинства которой не нужно разсматривать и разглядывать въ лупу, потому что они бросаются въ глаза съ перваго раза. Происходя изъ семьи бѣдной и незнатной, онъ всю жизнь сохранилъ самыя простыя манеры и не только на словахъ, но дѣйствительно избѣгалъ частыхъ чествованій и овацій, которыхъ въ противномъ случаѣ, конечно, было бы безчисленное множество. Любимымъ его мѣстопребываніемъ было его родное мѣстечко, гдѣ онъ имѣлъ имѣніе и хозяйничалъ, не извлекая выгодъ изъ хозяйства, а для своего удовольствія и чтобы поднять полевою культуру своей родины. Онъ и успѣлъ въ этомъ. Не только его поля хорошо воздѣланы, но и поля его сосѣдей, и нѣ даже разведена особая, улучшенная порода лошадей. Верди всегда жилъ въ очень близкомъ общеніи со своими сосѣдями, мѣстными землевладѣльцами. Онъ охотно отправлялся на ближайшую ярмарку вмѣстѣ съ ягнн, продавалъ тамъ своихъ коровъ или телятъ и устраивалъ для всѣхъ праздникъ въ мѣстномъ деревенскомъ трактирѣ.

Въ Италіи вообще простота и свобода въ обращеніи между собой людей различныхъ общественныхъ положеній очень развита и легко достижима, благодаря вѣковой культурѣ, но Верди въ этомъ отношеніи далеко превосходилъ обычную норму. Онъ избѣгалъ всякихъ отличій и званій, которыя могли удивлять его отъ остальныхъ людей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ король Гумбертъ пожелалъ дать ему самый высшій орденъ въ государствѣ—„Аннунціаты“,—кавалеръ этого ордена считается родственникомъ, кузеномъ короля и какъ бы входитъ въ его семью. Но Верди отказался отъ этого ордена именно потому,—онъ это высказалъ,—чтобы не запугивать и не отдѣлять отъ себя своихъ родныхъ и сосѣдей—крестьянъ Буссето.

Отличительной чертой характера Верди была еще благотворительность. Почти все свое состояніе, пять съ половиною милліоновъ лиръ, онъ пожертвовалъ отчасти при жизни, а отчасти по завѣщанію на устройство пріюта въ Миланѣ для престарѣлыхъ артистовъ. Это громадное пожертвованіе Верди сдѣлалъ изъ чувства благодарности и справедливости. Онъ мотивировалъ его тѣмъ, что пѣв-

цать и музыкантамъ онъ обязанъ и славой, и богатствомъ; безъ ихъ таланта, какъ исполнителей,—говорилъ онъ,—никто бы и не зналъ, что существуетъ какой-то Верди.

Верди жилъ очень долго. За свою долгую жизнь онъ приобрѣлъ много друзей и безчисленное множество почитателей и какъ музыкантъ, и какъ человѣкъ. Однимъ изъ старыхъ и самыхъ близкихъ его друзей былъ извѣстный авторъ оперы „Мефистофель“ Бойто. Родственниковъ у Верди осталось очень мало, а наследницей одна только племянница его второй жены. Первая его жена, знаменитая пѣвица Стреппони, и двое дѣтей отъ нея давно уже умерли, умерла и вторая жена Верди, и дѣтей отъ этой второй жены у него не было.

Верди умеръ отъ паралича, 8 (21) января утромъ, въ Миланѣ, въ albergo di Milano, гдѣ онъ всегда останавливался. Смерть его произвела потрясающее впечатлѣніе во всей Италіи. Всѣ почувствовали, что страна лишилась человѣка, который составлялъ ея славу и, можно сказать, въ продолженіе всего минувшаго столѣтія обезпечивалъ ей первое мѣсто на сценахъ всего міра. Правительство пожелало принять его похороны на общественный счетъ. Палата и сенатъ прервали свои засѣданія, чтобы выразить свое уваженіе его памяти. Во многихъ городахъ Италіи и въ особенности въ Миланѣ и Генуѣ, гдѣ онъ жилъ подолгу, при извѣстїи о его смерти магазины были закрыты и смерть его объявлена національной утратой. Однако близкіе и друзья покойнаго, исполняя его завѣщаніе, не воспользовались общественными средствами для его погребенія и онъ былъ похороненъ просто и на свой счетъ. Весь Миланъ и тысячи прїѣзжихъ изъ всѣхъ концовъ Италіи провожали его гробъ на кладбище.

Въ заключеніе, рассказавъ о Верди, какъ частномъ человѣкѣ и благотворителѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ и о Верди-музыкантѣ, потому что искусство было не только главнымъ, но единственнымъ серьезнымъ занятіемъ его во всю жизнь, и въ немъ заключается все его значеніе для общества. Когда въ 1839 году на театрѣ Scala появилась первая опера Верди „Oberto coste di San Bonifacio“, оперный стиль въ Италіи былъ представляемъ тремя знаменитыми музыкантами, имена которыхъ я уже упоминалъ. Россини, старѣйшій изъ нихъ, въ „Вильгельмъ Телъ“ показалъ образчикъ необычайной силы и драматизма въ музыкѣ, но затѣмъ уже не поднимался болѣе на ту же высоту въ томъ же направленіи. Беллини тогда своимъ удивительнымъ талантомъ властвовалъ на всѣхъ сценахъ Италіи. Онъ тоже чувствовалъ, что времена мѣняются, что необходимо элегическое и лирическое настроеніе, вылившееся у него въ такихъ чудныхъ по простотѣ своей мелодїяхъ, перемежить на болѣе мужественныя и сильные звуки, и онъ пробовалъ сдѣлать это. Объ его успѣхахъ и даже значительныхъ шагахъ свидѣлствуютъ „Пуритане“. Но онъ не могъ уже замѣнить себя и долженъ былъ уступить дорогу болѣе молодымъ, болѣе современнымъ для того времени людямъ. Болѣе всѣхъ двинулъ искусство въ ту эпоху гениальный и несчастный Донизетти. „Фаворитка“ и въ особенности ея четвертый актъ, третій актъ „Марїи ди-Роганъ“ и нѣкоторые мѣста „Донъ Себастіана“ доказываютъ, на какую силу драматизма въ музыкѣ онъ былъ способенъ, но вскорѣ ужасный

недугъ лишилъ его возможности работать. Наконецъ появился Верди. Какъ всякій истинно талантливый художникъ, онъ взялъ все необходимое для дальнѣйшаго развитія у всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ и пошелъ дальше по прямому пути впередъ, который онъ видѣлъ одинъ среди всѣхъ своихъ современателей. Соперниковъ у него было много. Немногіе изъ нихъ, какъ Меркадонтэ и Паччини, остались въ памяти потомства, а огромная масса даже талантливыхъ авторовъ, какъ Риччи, Манданичи, Ковти, Коччіа, Коппола, Николаи, Нини,—теперь почти или вполне забыта. Всѣ они однако поработали для искусства и съ пользою. Главною задачею тогда было создать оперу съ сильной драматической, увлекательной, поднимавшей духъ, музыкой. Потребность этого всѣ чувствовали, всѣ этого желали, но найти для выраженія этого настроенія и способы представляло задачу, какъ всегда, доступную только большому таланту. Ближе всѣхъ къ исполненію этой задачи подошелъ Меркадонтэ. Для приданія силы и значенія своей музыкѣ онъ чрезмѣрно увеличилъ значеніе и силу оркестровой части. Это нарушало красоту и соотвѣтствіе отдѣльныхъ частей въ искусственно соединенномъ цѣломъ оперы, и потому эта мысль не могла имѣть будущности въ Италіи, однако онъ своимъ „Giuramento“, „Bravo“ и „Vestale“ многое подсказалъ, если можно такъ выразиться, Верди. Публика тогда, какъ я уже говорилъ, жаждала новизны, также какъ и композиторы. Въ Scala постоянно ставились новыя оперы, среди нихъ появился и „Oberto coste di San Bonifacio“ Верди, и публика хотя и не вполне оцѣнила все значеніе новаго таланта, но почувствовала, что въ молодомъ композиторѣ есть искренность и пафосъ. Окончательно выступилъ на свѣтъ талантъ Верди въ „Nabucco“. Опера имѣла громадный успѣхъ, и никто уже не сомнѣвался, что новый талантъ найденъ. „Lombardi“ и „Egnani“ окончательно приобрѣли ему любовь публики. Первый періодъ творчества Верди, его молодость, оканчивается съ „Трубадуромъ“ въ 1853 году, а двумя годами раньше, въ 1851 году, начинается второй періодъ, періодъ зрѣлаго возраста съ постановкою „Риголетто“ въ Венеціи. Какія нововведенія сдѣлалъ Верди для получения желаемаго эффекта и выраженія своего пафоса въ приѣмахъ и средствахъ искусства? Очень многое. Онъ окончательно выдвинулъ на первое мѣсто роль тенора и опредѣлилъ значеніе пменно *tenore di forza*. Онъ угадалъ, сколько силы и энергіи можетъ выразить пменно этотъ голосъ при спеціальной обработкѣ. Партию голоса баритона онъ также видоизмѣнилъ и сталъ писать партіи для такого высокаго баритона, который почти можно назвать вторымъ теноромъ, и оркестръ онъ усилилъ, но въ то же время не далъ ему возможности мѣшать впечатлѣнію повышенныхъ въ силѣ и напряженіи голосовъ. Вліяніе стиля Верди на самыя основанія искусства и на его средства доказываетъ серьезность и значительность шага, имъ сдѣланнаго. Успѣхъ его былъ колоссальный.

Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, не пужно обращаться къ итальянскимъ источникамъ. Пусть они пристрастны. Мы имѣемъ драгоценное свидѣтельство русскаго наблюдателя, жившаго тогда въ Италіи, и это свидѣтельство тѣмъ цѣннѣе, что оно дано знаменитымъ художникомъ Александромъ Андреевичемъ Ива-

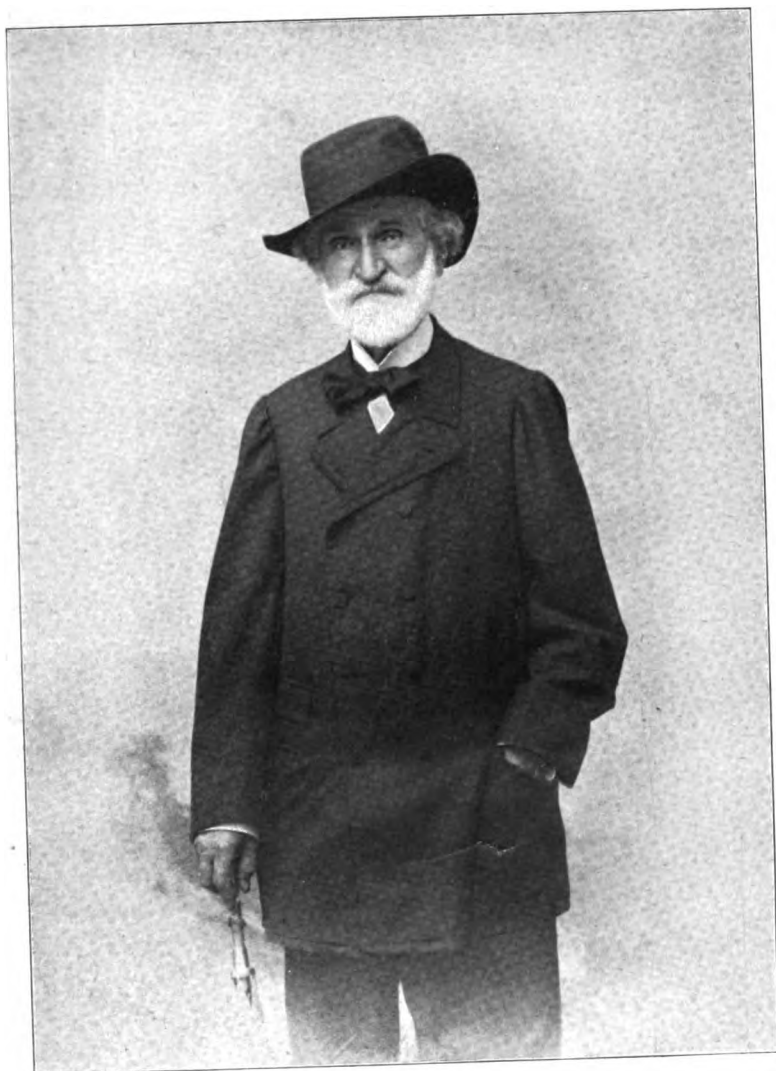
новымъ. Въ своихъ частныхъ письмахъ, давно уже изданныхъ, онъ описываетъ настроеніе тогдашней итальянской публики и, между прочимъ, о „Макбетъ“. Верди записываетъ въ свою книжку, что онъ превосходенъ. Впоследствии, во время партійныхъ споровъ о музыкѣ, о Верди было пущено мнѣніе, что онъ тривиаленъ. Но когда дѣло идетъ о паавосѣ, то это качество лучше всего называть словомъ „народенъ“. Когда въ комедіи Бомарше Фигаро учитъ графа Альмавиву, какъ представиться пьянымъ, щепетильный графъ тоже говоритъ— „фи, это манера народная“. „Она самая лучшая“,—отвѣчаетъ ему Фигаро. То же можно отвѣтить и тѣмъ, кто желалъ бы видѣть пзньженность и вычурность въ выраженіи народнаго увлеченія въ операхъ Верди.

Съ „Риголетто“ талантъ Верди видоизмѣняется: онъ приобретаетъ гораздо больше гибкости, элегантности и сохраняетъ свою ясность и силу. Паавосъ, увлеченіе въ это время перешли уже въ Италію въ политическія событія, и искусство открыло себѣ другіе горизонты. Музыка Верди однако и здѣсь осталась вполнѣ народной. Слѣдующій случай прекрасно иллюстрируетъ это ея качество. По словамъ біографовъ Верди, когда въ 1851 году готовился къ постановкѣ „Риголетто“ въ Венеціи, Верди до самаго конца генеральной репетиціи не давалъ тевору Мирате текста и музыки пѣсенки „La donna e mobile“. Мирате сердился, волновался, но Верди не соглашался сообщить ему пѣсенки и даже накануне репетиціи, давая, наконецъ, партитуру, потребовалъ, чтобы онъ училъ ее не на людяхъ, а только у себя дома и ни передъ кѣмъ бы ее не пѣлъ. Верди знаетъ, что пнымъ способомъ нельзя достигнуть впечатлѣнія неожиданности въ театрѣ. И дѣйствительно, „Риголетто“ имѣлъ громадный успѣхъ, но пѣсенка вызвала настоящій взрывъ восторга, и Мирате, пропѣвъ первый куплетъ, долго не могъ начать второго: такой неистовый шумъ поднялся въ театрѣ. Пѣсенка эта тотчасъ была разучена всѣми, ее стали распѣвать на улицахъ и она сдѣлалась, какъ и многія другія мелодіи Верди, вполнѣ народной.

Оперы этого второго періода Верди отличаются и сплой, и граціей, и разнообразіемъ. Онѣ гораздо тоньше обработаны, чѣмъ его первыя юношескія прозведенія и имѣли разнообразный и большой успѣхъ, „Риголетто“ же и „Бальмаскарадъ“ положительно твердо установились на всѣхъ сценахъ всего міра и нѣтъ такой провинціальной труппы пѣвцовъ, которая бы не рассчитывала именно на нихъ.

Послѣдній періодъ дѣятельности Верди начинается „Аидой“. Онъ написалъ эту оперу, будучи уже 64 лѣтъ. Его считали уже состарившимся, когда онъ вдругъ воспринялъ и создалъ произведеніе, сдѣлавшее эпоху въ развитіи оперы.

„Аида“ такъ же, какъ и появившаяся послѣ нея послѣдняя крупная, великая, опера Верди, „Отелло“, когоря, когдаи сказагъ, совершенно не похожа на „Аиду“, представляется произведеніемъ въ значительной степени болѣе личнаго, индивидуальнаго чувства, чѣмъ всѣ предшествующія его оперы. Онъ какъ бы оставилъ на старость себѣ удовольствіе выразить свое личное настроеніе, занятый въ молодости общественнымъ, народнымъ дѣломъ. „Аида“ поражаетъ удивительной красотой мелодій и необыкновенной общей гармоніей, какъ въ хорахъ,

Джузепе Верди.

такъ и въ оркестрѣ, и превосходно угаданнымъ мѣстнымъ колоритомъ, который такъ ясно намѣченъ, что всѣ послѣдующіе музыканты никакъ не могутъ отдѣлаться отъ звуковъ изъ „Анды“, какъ только берутся изображать южныя жаркія страны—Африку.

„Отелло“—опера совершенно особенная. Въ ней Верди далъ музыкальный переводъ драмы Шекспира и какъ онъ это превосходно сдѣлалъ! Онъ не шелъ шагъ за шагомъ за великимъ драматургомъ. Напротивъ, онъ взялъ изъ его текста только нѣкоторыя мѣста, поддающіяся музыкальному языку, и превосходными штрихами обрисовалъ страсть и ревность мавра. Въ голосовомъ отношеніи эта вещь совершенно необыкновенная. Она написана для феноменальнаго, но и своеобразнаго голоса Таманьо. Мастерство обработки этой оперы, какъ въ партитурахъ голосовъ, такъ и въ оркестрѣ, изумительное.

Верди написалъ очень много: кромѣ перечисленныхъ мною 27 оперъ, онъ написалъ, какъ я уже говорилъ, много духовной музыки и отдѣльныхъ вещей для пѣнія. Я не имѣлъ возможности въ настоящей краткой статьѣ коснуться всего, что онъ сдѣлалъ; я желалъ лишь напомнить нѣсколькими словами о тѣхъ шедеврахъ, впечатлѣніе о которыхъ вѣчно живо въ умѣ и сердцѣ каждаго, кто имѣлъ наслажденіе слышать ихъ и въ хорошемъ исполненіи. Музыку Верди надо пѣть,—она для того написана. Его чистыя, свѣтлыя, сильныя, вѣжныя и грустныя, и веселыя мелодіи навсегда остаются не только въ памяти, но и въ душѣ слушателя. Онѣ открываютъ ему его собственное чувство, неясно волновавшееся въ душѣ безъ опредѣленной формы и навсегда дѣлаютъ автора этихъ звуковъ своимъ близкимъ, дорогимъ человѣкомъ каждому изъ насъ.

П. Г.

Къ аграрному вопросу.

(Критика критиковъ).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Критика установившихся понятій, установившихся привычекъ мысли и т. д. настолько необходима каждому мыслящему человѣку, что выступать вообще противъ критики,—значить выступать противъ всякаго проявленія мысли. Но въ послѣднее время появились особые критики, часто подъ новымъ флагомъ подносящіе читателю старую и подновленную ветошь. Разумѣется, весьма важно критически разобраться въ томъ, что является цѣннымъ въ критикѣ и что имѣетъ отрицательную цѣнность.

Имѣя въ виду при обсужденіи аграрнаго вопроса сдѣлать попутно критическую оцѣнку самихъ критиковъ, мы должны прежде всего опредѣлить, о какихъ критикахъ у насъ идетъ рѣчь.

Въ современной жизни и въ прошломъ существовала и существуетъ извѣстная связь между идеологіей и общественными отношеніями. Чѣмъ бы эта связь ни объяснялась, — по нашему мнѣнію она объясняется связью съ жизнью научныхъ логическихъ *посылокъ*, потому что онѣ основаны на опытѣ,—несомнѣнно, мы можемъ ее совершенно объективно констатировать. Мы можемъ констатировать даже больше, а именно, что въ общественномъ движеніи идея служить лишь средствомъ и орудіемъ для достиженія практическихъ задачъ, хотя исканіе истины, разумѣется, ставится главнѣйшей цѣлью научнаго изслѣдованія. Эта связь тѣмъ тѣснѣе, тѣмъ сильнѣе ея вліяніе на пониманіе явленій, жизненныхъ отношеній, чѣмъ ближе изслѣдованіе подходитъ къ требованіямъ и потребностямъ практической жизни. Наконецъ, переходя къ пониманію повседневныхъ общественныхъ отношеній, мы можемъ видѣть полную гармонію борьбы интересовъ съ идейной борьбой.

Поэтому, чѣмъ дальше предметъ научнаго изслѣдованія стоитъ отъ жизненной борьбы, тѣмъ меньше на немъ вліяніе классоваго субъективизма, мѣшающаго объективному изслѣдованію. Философы, *поскольку* *) они являются философами,

*) Впрочемъ, едва ли можно назвать хоть одного философа, въ произведеніяхъ котораго не отразилось бы вліяніе классовой среды, классовыхъ стремленій.

далеки отъ классовой точки зрѣнія, потому что классовыя задачи находятся внѣ ихъ научнаго кругозора. Гегель, какъ философъ, не ближе и не дальше Канта или Канта къ буржуазной, феодальной или „ортодоксальной“ точкѣ зрѣнія, хотя каждое философское міропониманіе и можетъ сдѣлаться подѣ известнымъ угломъ освѣщенія орудіемъ порабощенія или освобожденія умовъ.

Напротивъ, въ пониманія непосредственныхъ интересовъ, въ анализѣ общественныхъ отношеній очень ярко выступаетъ влияніе этихъ отношеній, гармонія классовыхъ интересовъ съ классовымъ пониманіемъ ихъ, причемъ идейная борьба за различные интересы можетъ опираться на *одинаковыя* методы доказательствъ, на одну философію. И это происходитъ не по недоразумѣнію...

Существуетъ, разумѣется, только *одна* истина. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ областяхъ человѣческихъ знаній существовали заблужденія, которыя разрушались лишь послѣ продолжительнаго и глубокаго изученія. Наиболѣе прочно устанавливаются въ головахъ людей тѣ воззрѣнія, которыя связаны непосредственно съ ихъ интересами, когда „тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“. Само по себѣ изслѣдованіе общественныхъ явленій можетъ быть и должно быть совершенно объективнымъ и, какъ таковое, мыслимо внѣ какихъ бы то ни было иныхъ соображеній и задачъ, кромѣ стремленія познать истину. Самъ по себѣ логическій процессъ мышленія является объективнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ обязателенъ для каждаго мыслителя. *Въ этомъ смыслѣ многие буржуазныя писатели представляютъ образцы добросовѣстности и объективизма* и, если, тѣмъ не менѣе они являются „буржуазными“, такъ только потому, что *посылки*, изъ которыхъ они исходятъ, обуславливаются ихъ классовой точкой зрѣнія. Изъ этихъ посылокъ они логически, воплѣ добросовѣстно создаютъ теорію и вытекающіе изъ нея практическіе выводы. Напримеръ, изъ посылки что цѣнность и цѣна одно и то же, вытекаетъ единственный логическій выводъ, что цѣнность создается *только* капиталомъ. Этотъ выводъ является воплѣ объективнымъ и дальнѣйшіе практическіе изъ него выводы, при классовомъ характерѣ современнаго общества, будутъ невѣрными потому, что посылка для этихъ выводовъ была неправильной. Изслѣдователь не можетъ изолироваться отъ общественныхъ отношеній, которыя онъ изучаетъ, и эти отношенія вносятъ въ его воззрѣнія предвзятую точку зрѣнія, которая является посылкой въ его изслѣдованіи. Поэтому, чѣмъ ближе онъ подходитъ къ изслѣдованію общественныхъ отношеній, тѣмъ меньше можно ожидать въ немъ объективизма, тѣмъ въ большей критической провѣркѣ нуждается не столько процессъ его логическаго мышленія, сколько тѣ посылки, изъ которыхъ онъ исходитъ. Изслѣдователь тѣмъ глубже можетъ анализировать общественныя явленія, чѣмъ менѣе въ его логическихъ посылкахъ скрывается стремленія затушевывать отрицательныя стороны этихъ явленій, чѣмъ менѣе въ посылкахъ скрывается апологія. Существуютъ не двѣ истины, — буржуазная и небуржуазная, — а одна истина, къ которой ближе изслѣдователь, стоящій на точкѣ зрѣнія, болѣе объективной и доступной классу, наиболѣе заинтересованному въ объективномъ анализѣ общественныхъ отношеній. Буржуазныя социологи и экономисты больше всего гово-

рять объ объективизмѣ и болѣе всего далеки отъ него, часто замѣняя его объективно-логическими выводами изъ нелѣпыхъ посылокъ и высокоумѣрнымъ гегелтерскимъ тономъ людей не отъ мѣра сего, тономъ, за которымъ часто скрывается обычная фигура буржуазнаго филистера *)...

Итакъ, когда идетъ рѣчь о двухъ различныхъ точкахъ зрѣнія и объ ихъ научной цѣнности, когда противопоставляется буржуазной другая точка зрѣнія, то имѣется въ виду ихъ относительная близость къ истинѣ, близость, которой мѣшаетъ апологія существующихъ общественныхъ отношеній, скрывающаяся въ послылкахъ. Если, напр., критики затушевываютъ интересы различныхъ группъ крестьянства, то они не открываютъ „буржуазную истину“, а просто удаляются отъ всякой истины. Классовая точка зрѣнія проявляется, дѣлается субъективно-классовой тогда, когда подлежатъ анализу общественныя отношенія: на нихъ наиболѣе объективно можетъ смотрѣть классъ, заинтересованный въ ихъ измѣненіи.

Слѣдовательно, противопологаются точки зрѣнія, на которой стоятъ „ортодоксія“, можетъ лишь такая критика, въ которой обнаруживается иная (въ нашемъ смыслѣ „субъективная“) точка зрѣнія на общественныя явленія. Поэтому, напр., нападки на гегеліанскую оболочку и гегелевскія формулы, въ которыхъ обыкновенно выступала ортодоксія, намъ представляются выстрѣлами мимо цѣли со стороны противниковъ и совершенно не опасными со стороны защитниковъ матеріалистическаго пониманія исторіи, такъ какъ нисколько не касались его *содержанія* какъ теоріи, связанной съ жизнью.

Классовая идеологія, какъ таковая, охватываетъ лишь общественныя отношенія. Только определенное ихъ пониманіе составляетъ ту крѣпость, разрушеніе которой было бы крушеніемъ общественной идеологической школы. И озлобленныя нападки на ортодоксію со стороны *буржуазныхъ* писателей, были не за ея „фатализмъ“, не за ея „матеріализмъ“ **),—такъ какъ въ жизни ни матеріализма, ни фатализма она не обнаруживала, а, напротивъ, обнаруживала очень

*) Въ недавно вышедшей книгѣ „Капитализмъ и земледѣліе“ г. Булгаковъ очень строгъ къ „не строгимъ“ ученымъ: „Всякій прогнозъ относительно будущаго, основанный на данныхъ настоящаго, неизбѣжно является ошибочнымъ. *Строгий* ученый (курсивъ нашъ) беретъ на себя роль пророка или прорицателя, оставляя твердую почву фактовъ. Поэтому, что касается предсказаній на будущее, то честное *ignotus* мы предпочитаемъ соціальному знахарству и *шарлатанству*“. Тремя страницами выше г. Булгаковъ *предсказываетъ*: „Начиная съ определеннаго момента, вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не можетъ не начать сокращаться, а цѣны на нихъ расти, что сдѣлаетъ привозъ этихъ продуктовъ изъ отдаленныхъ странъ невыгоднымъ. Страны принуждены *будутъ* обратиться къ собственному земледѣлію — *наступитъ* новая стадія въ развитіи мірового населенія“. Мы не дадимъ такого строгаго определенія предсказаніямъ г. Булгакова, какое онъ самъ далъ: это просто безтактная выходка гегелтера, строгаго совѣмъ въ другомъ смыслѣ.

**) Матеріалистическое пониманіе исторіи, пониманіе ея, какъ борьбы классовыхъ интересовъ, по нашему мнѣнію такъ же мало связано съ философскимъ матеріализмомъ, какъ и съ Гегелемъ.

много идеализма, — но за формулировку общественных отношений съ точки зрѣнія объективной, но наиболѣе ненавистой противникамъ.

Поэтому мы имѣемъ въ виду лишь тѣхъ критиковъ, которые находятся подъ влияніемъ буржуазныхъ писателей, разсматриваютъ общественныя отношенія, главнымъ образомъ, въ области социологін и политической экономіи съ ихъ точки зрѣнія. Но и въ этой области, разумѣется, нелѣпо защищать ортодоксію во имя „догмы“. Хотя часто приходится встрѣчать у критиковъ постоянныя вылазки противъ „догматиковъ“, но въ большинствѣ случаевъ эти вылазки и неумѣстны, и несправедливы. Для такихъ писателей, какъ г. Черновъ, разумѣется составлять большое удовольствіе констатировать нападки на формулы, какъ отступленіе ортодоксіи, смотрѣть на полемику, какъ на какія-то военныя упражненія, въ которыхъ „то сей, то онъ на бокъ гнется“, при которыхъ лишь твердыни народничества остаются непоколебимыми. Въ дѣйствительности для большинства тѣхъ, кто употребляетъ *), напр., такія формулы, какъ гегелевская триада, переходъ качества въ количество, свободы въ необходимость, — были привычнымъ *façon de parler* и утратили свое содержаніе ужъ потому, что гегельянцевъ теперь трудно найти. Даже теорія *Zusammenbruch*'а въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаютъ критики, едва ли кѣмъ раздѣляется. Сама по себѣ критика такихъ формулъ можетъ вызвать только сочувствіе, но когда за критикой скрывается стремленіе подставить буржуазную точку зрѣнія, когда, напр., Бернштейнъ, критикуя теорію *Zusammenbruch*'а, стремится подставить безпринципность, теорію компромиссовъ и вытравить изъ жизни весь идеализмъ, тогда и критика имѣетъ совершенно другое значеніе, и съ ней приходится считаться. Къ сожалѣнію очень многіе критики поддаются влиянію официальной науки вслѣдствіе недостаточно-критическаго къ ней отношенія **). Такой критикъ — эклектикъ, потому что онъ недостаточно критиченъ и не можетъ справиться съ тѣмъ багажомъ, который даетъ ему наука, недостаточно критиченъ не только къ субъективизму, который скрывается у буржуазныхъ экономистовъ въ ихъ послылкахъ и въ представленіи о предметѣ изслѣдованія, но и въ бессознательной апологін. Объективный анализъ классоваго субъективизма, которымъ страдаютъ экономисты, необходимъ прежде всего при опредѣленіи самаго предмета изслѣдованія и въ

*) За исключеніемъ Бельтова, который придавалъ соответствующее значеніе тѣмъ формуламъ, которыя онъ высказывалъ.

***) Въ этомъ смыслѣ г. Бердяевъ въ своей книгѣ „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной наукѣ“ выгодно отличается отъ другихъ критиковъ тѣмъ, что совершенно освобождается отъ влияния буржуазныхъ писателей, стремится къ дальнѣйшему обоснованію и развитію тѣхъ положеній, которыя и дороги ортодоксіи. Въ этомъ обоснованіи, лежитъ центръ тяжести его книги. Выдержанность классовой точки зрѣнія, не въ ущербъ объективности является, по нашему мнѣнію, большой заслугой и весьма рѣдко встрѣчается у критиковъ. Такую критику, даже во многомъ не соглашаясь съ ней, можно только привѣтствовать, хотя авторъ книги и сшивають бѣлыми нитками концы своего философскаго міровоззрѣнія.

посылкахъ, изъ которыхъ онъ исходитъ. Споры, напр., о цѣнности были, въ сущности, спорами о разныхъ объектахъ изслѣдованія, и субъективизмъ критиковъ проявился въ выборѣ этого объекта и посылокъ, изъ которыхъ они уже дѣлали объективные и логическіе выводы.

Сдѣлать объективную оцѣнку субъективныхъ (классовыхъ) посылокъ, какъ сдѣлалъ Марксъ въ своей критикѣ политической экономіи, является первой задачей, которую долженъ ставить критикъ.

Всѣ критики призываютъ куда-нибудь назадъ: къ Ланге, къ Канту, къ Фихте, можетъ быть, еще позовутъ къ лѣтописцу Нестору, къ Гостомыслу и т. д. Намъ кажется, ужъ если призывать куда-нибудь вернуться гг. критиковъ, такъ только къ... Марксу, у котораго можно научиться критикѣ буржуазной экономіи, взявши изъ нея все цѣнное...

Сказаннымъ, по нашему мнѣнію, опредѣляется, что мы разумѣемъ подъ ортодоксіей и что подъ критикой, что существенно важно сохранить въ ортодоксіи и что вредно и неправильно въ критикѣ *). Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуется, разумѣется, разобраться не въ томъ, ортодоксально или не ортодоксально извѣстное утвержденіе, а насколько оно правильно; но въ аграрномъ вопросѣ въ особенности важно критически отнестись къ тѣмъ послылкамъ, которыя могутъ быть навѣяны субъективизмомъ и требуютъ проверкѣ съ общей точки зрѣнія, изъ которой долженъ исходить изслѣдователь.

Наша задача значительно облегчается тѣмъ, что критики въ аграрномъ вопросѣ повторяютъ одинъ другого и часто могутъ разсматриваться нами огульно, всѣ вмѣстѣ.

Аграрный вопросъ считается наиболѣе слабымъ пунктомъ въ ортодоксіи и сдѣлался теперь, въ извѣстномъ смыслѣ, моднымъ вопросомъ.

Въ Западной Европѣ, въ Германіи, Франціи, Бельгіи и въ другихъ странахъ, развитіе общественной жизни, борьба классовъ, очень рѣзко поставила на очередь крестьянскій вопросъ и заставила такъ или иначе его рѣшать. При столкновеніи прогрессивныхъ общественныхъ силъ съ реакціонными, крестьянство оказывалось самымъ тяжелымъ препятствіемъ, на которое наталкивались прогрессивныя общественныя силы. Пока на Западѣ ареной общественно-политической борьбы былъ городъ, общественное вниманіе сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на индустріи. Было несомнѣнно, что индустрія развивается на счетъ земледѣлія, что промышленные классы растутъ на счетъ крестьянства, и признаніе этого факта казалось достаточнымъ, для общественнаго прогноза, для того, чтобы имъ могли руководствоваться тѣ, кого это интересуетъ, чтобы возможно было ставить тѣ или

*) По нашему мнѣнію, необходимо опредѣлить, что такое ортодоксія и выдѣлить ее потому, что „подъ знакъ критики“ попали самые разнообразныя писатели, которые едва ли и сами расположены быть подъ однимъ „знакомъ“. Вейсенгрюбъ и г. Бердяевъ, г. Булгаковъ, Масарикъ и Струве, г. Черноль и Туганъ-Барановскій и Давидъ—всѣ „критики“.

инныя задачи и заглядывать не только въ ближайшее, но и въ болѣе или менѣе отдаленное будущее.

Съ расширеніемъ общественно-политической жизни, съ расширеніемъ активнаго въ ней участія все новыхъ и новыхъ группъ населенія, на Западѣ выдвигаются и новые вопросы, новыя задачи, которыя приходится такъ или иначе рѣшать. Однимъ изъ коренныхъ вопросовъ и явился вопросъ о крестьянствѣ и связанный съ нимъ аграрный вопросъ.

У насъ въ Россіи интересъ къ аграрному вопросу собственно никогда не исчезалъ, но исходилъ изъ другихъ мотивовъ, чѣмъ въ Западной Европѣ. Для многихъ онъ представляетъ интересъ съ бюрократическо-демократической точки зрѣнія, при чемъ обсуждается, что *дать* или сохранить крестьянамъ *), хотя и требуется прежде всего опредѣлить, *кто* **) дать или сохранить...

Споры на Западѣ по аграрному вопросу отразились въ нѣкоторой степени и у насъ. Экономисты изъ „Русскаго Богатства“ воспользовались полемикой, чтобы пополнить свои возраженія противоположному мировоззрѣнію и, нельзя сказать, чтобы неудачно. Въ рядѣ цитатъ, приводимыхъ г. Черновымъ и другими изъ книжки Герца, изъ статей Давида и другихъ авторовъ, иногда совершенно справедливо указывается на нѣкоторые промахи и ошибки, сдѣланные западно-европейскими писателями, послѣдователями Маркса. Неудивительно, что книжка Герца оказалась не одинъ разъ изложенной на страницахъ „Р. Б.“, и Герцъ явился чуть ли не спасителемъ дѣлаго мировоззрѣнія, повидимому уже потерявшаго почву, что теперь „Русское Богатство“ скачетъ и играетъ по поводу „кризиса марксизма“ и на его страницахъ „громъ побѣды раздастся“.

II.

Общественныя отношенія развиваются вмѣстѣ съ хозяйственнымъ развитіемъ страны. Развитіе каждой отрасли промышленности такъ тѣсно связано со всей совокупностью общественныхъ отношеній, что каждый шагъ развитія этой отрасли ведетъ за собой соответственное измѣненіе всѣхъ общественныхъ отношеній. Одна отрасль промышленности въ силу различныхъ соціальныхъ и техническихъ условій можетъ отставать, другая очень быстро развиваться, а общественныя отношенія будутъ представлять лишь результатъ, равнодѣйствующую общаго развитія производительныхъ силъ.

Промышленные классы общества ставятъ свои задачи, преслѣдуютъ свои интересы не дожидаясь, пока земледѣльцы или землевладѣльцы проявятся такими

*) На Западѣ главнымъ образомъ обсуждается вопросъ, чего они хотятъ и къ чему ведетъ экономическое развитие общества.

**) Николай— онъ въ „Очеркахъ пореф. хоз.“ употребляетъ неопредѣленное выраженіе „мы“.

же интересами, пока земледѣліе сдѣлаетъ такіе же успѣхи въ своемъ развитіи, какъ и индустрія. Поэтому является вопросъ, имѣющій не только теоретическій, но, на извѣстной стадіи развитія общественныхъ отношеній и непосредственно практической, злободневный интересъ. Идетъ ли развитіе различныхъ отраслей промышленности въ одномъ направленіи,—въ настоящее время по пути развитія капитализма,—или различныя отрасли промышленности могутъ развиваться въ различныхъ и даже противоположныхъ направленіяхъ? Иными словами, настолько ли условія современныхъ хозяйственныхъ отношеній и хозяйственного развитія универсальны, чтобы цѣликомъ охватывать всю хозяйственную жизнь и толкать ее въ одномъ опредѣленномъ направленіи, причѣмъ различныя отрасли національнаго хозяйства отличаются лишь темпомъ своего развитія и тѣми своими сторонами, которыя, будучи характерными для каждой отрасли промышленности, тѣмъ не менѣе не отрываютъ ее отъ общаго процесса хозяйственного развитія. Или хозяйственная жизнь общества представляетъ изъ себя рядъ процессовъ экономическаго развитія въ различныхъ направленіяхъ, независимыхъ одинъ отъ другого и связываемыхъ нѣкоторыми писателями лишь вслѣдствіе ихъ излишней склонности къ обобщеніямъ.

Въ зависимости отъ того или иного рѣшенія этого вопроса опредѣляется не только методъ изслѣдованія аграрнаго вопроса, но и выводы, къ которымъ приходитъ изслѣдователь. Если сравнить, напримѣръ, книгу Кауцкаго „Аграрный вопросъ“ и книгу Герца „Аграрные вопросы“, то легко замѣтить, что различіе пріемовъ изслѣдованія въ значительной степени зависитъ отъ различія исходныхъ точекъ зрѣнія. Кауцкій исходитъ изъ общаго анализа капиталистическихъ отношеній и потомъ уже разсматриваетъ аграрныя, поскольку они отличаются отъ хозяйственныхъ отношеній въ другихъ отрасляхъ народнаго хозяйства *), ничуть не смѣшивая различныхъ стадій хозяйственного развитія. Правда, во многихъ отношеніяхъ анализъ, сдѣланный Кауцкимъ, является мѣстами неудовлетворительнымъ и тенденціознымъ, но его методъ изученія вопроса, заключающійся въ томъ, что разсматривается вліяніе всего хозяйственного строя на аграрныя отношенія, является вполне правильнымъ и научнымъ. Кауцкій подошелъ къ вопросу исходя изъ анализа капиталистическихъ отношеній, сдѣланнаго Марксомъ, такъ какъ они охватываютъ и сельское хозяйство, такъ или иначе на него влѣдѣйствуя; между тѣмъ Герцъ разсматриваетъ аграрный вопросъ (даже не „вопросъ“, а „вопросы“) совершенно независимо отъ другихъ сторонъ хозяйственной жизни страны. Для него все разнообразіе аграрныхъ отношеній предста-

*) Признаніе факта общей зависимости аграрныхъ отношеній и отношеній въ индустріи отъ общихъ условій капиталистическаго строя, ничуть не ведетъ къ признанію тождественности условій развитія. Съ другой стороны, различіе условій не ведетъ къ развитію аграрныхъ отношеній въ противоположномъ направленіи развитію индустріи. Кауцкій совершенно правъ, признавая общность условій капиталистическаго развитія для индустріи и земледѣлія и въ то же время признавая различіе специфическихъ условій, свойственныхъ земледѣлію и индустріи; г. Черновъ напрасно трубитъ побѣду, указывая на такое признаніе...

влѣтся въ взаимной связи и зависимости, цѣлымъ рядомъ ничѣмъ не связанныхъ вопросовъ, причѣмъ игнорируется даже историческая преемственность хозяйственныхъ отношеній и формъ.

Разумѣется, экономическая дѣйствительность не представляетъ единообразныхъ явленій: экономическія отношенія различны не только въ разныхъ странахъ и областяхъ, но даже въ различныхъ хозяйствахъ; тѣмъ не менѣе, изъ этого ничуть не слѣдуетъ, что при всемъ разнообразіи хозяйственныхъ отношеній въ нихъ нѣтъ того общаго, что даетъ тонъ всему хозяйственному строю общества и направляетъ его по одному руслу, въ одну сторону. Въ индустріи можно найти не меньшее разнообразіе хозяйственныхъ отношеній, чѣмъ въ земледѣліи, однако, это не помѣшало Марксу и его предшественникамъ найти общіе законы, въ которые укладываются эти отношенія. Хороша была бы политическая экономія, если бы для каждой отрасли промышленности, вслѣдствіе разнообразія условий, въ которыхъ находится каждое хозяйство, было „открыто“ соотвѣтственное количество законовъ ея развитія! При такомъ методѣ, вмѣсто научнаго изслѣдованія, отыскивающаго общія черты развитія отдѣльныхъ хозяйствъ и хозяйственныхъ отношеній, получится, быть можетъ, очень интересное описаніе различныхъ хозяйствъ и различныхъ отраслей промышленности. Дѣлать изъ такого описанія какіе-нибудь общіе выводы о судьбахъ земледѣлія, крестьянства и т. п., какъ дѣлаетъ это Герцъ, крайне смѣло и рискованно. Еще болѣе рискованны выводы русскихъ критиковъ изъ „Русскаго Богатства“, напримѣръ, г. Чернова, который въ своей интересной, хотя и компилятивной и претенціозной *) статьѣ „Типы

*) „Люди, мѣняющіе свои убѣжденія чаще, чѣмъ перчатки, люди, которые внутри самихъ себя не находятъ достаточной точки опоры, чтобы противостоять всякому повѣтрію, люди-флюгеры,—а такихъ, къ стыду нашему, оказалось у насъ не мало.—назовутъ это (глубокое убѣжденіе г. Чернова. П. М.), быть можетъ, *неподвижностью и косностью*. Да, это во всякомъ случаѣ не та „подвижность“, которая заставляетъ прилѣпляться ко всему, что имѣетъ шумный, хотя бы временный успѣхъ; не та „подвижность“, которая гонитъ „жрецовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха“ вѣчно, во что бы то ни стало, въ ряды большинства; не та „подвижность“, которая, въ концѣ концовъ, основывается на отсутствіи мужества быть въ меньшинствѣ, которое въ данный моментъ не въ модѣ, въ пренебреженіи, въ загофѣ... Эта „неподвижность“, для многихъ „нестественная“ и странная, называется *интеллектуальной*, идейной и нравственной стойкостью“... „Не скроемъ, много тяжелаго и горькаго накопилось порою въ душѣ. Обидно было и за предшественниковъ, и за самихъ себя и, наконецъ, и самихъ „преемниковъ“. Болѣе „подвижны“ („интеллектуально“? П. М.) были счастливыѣ конечно. „Миновала ихъ чаша сія“ и т. д., и т. д. Эта тирада, разумѣется, смѣшна, особенно, когда ее пишетъ человѣкъ, недавно появившійся въ литературѣ: пускай дитѣ забавляется, распускаетъ павлипій хвостъ, увѣряетъ себя и другихъ, что народничество не потерпѣло никакой эволюціи и что не г. Черновъ, „интеллектуально стойкій“, подошелъ къ европейскимъ экономистамъ, а они подошли къ г. Чернову и къ „Русскому Богатству“! Въ ноябрьской книжкѣ „Русск. Бог.“ г. Черновъ, продолжая критику, уже не хвалится умственной неподвижностью и говоритъ очень умѣтливую по отношенію къ нему самому фразу: „не лучше ли быть немощко поскромнѣе и не

капиталистической и аграрной эволюціи“, („Р. Б.“ № 4, 5, 8, 10, 1900 г.) на основаніи цитатъ изъ Герца „рѣшилъ“ очень много „вопросовъ“, не считаясь съ общими условіями товарнаго производства, въ которыхъ въ настоящее время находится и земледѣліе.

Считаться съ общими условіями товарнаго производства необходимо, если идетъ рѣчь объ экономическихъ отношеніяхъ, хотя бы и имѣлось въ виду изслѣдовать судьбы мелкаго хозяйства (Герцъ). Тѣмъ болѣе, это необходимо при опредѣленіи тенденціи хозяйственнаго развитія „типовъ капиталистическаго развитія“. Собственно, будучи послѣдовательными, такіе изслѣдователи, какъ Герцъ, не должны бы дѣлать никакихъ общихъ выводовъ, такъ какъ они исключаются самымъ методомъ изслѣдованія. Вѣдь, несомнѣнно, что не только земледѣльческія, но и промышленныя хозяйства и не только разныхъ странъ, но и разныхъ областей находятся въ не одинаковомъ положеніи, на различныхъ ступеняхъ развитія.

Хозяйственныя отношенія въ разныхъ странахъ, но въ одной и той же отрасли промышленности часто имѣютъ гораздо больше сходства, чѣмъ хозяйственныя отношенія въ различныхъ отрасляхъ промышленности одной и той же страны или въ разныхъ ея областяхъ. Поэтому гораздо болѣе основаній, напр., г-ну Чернову открывать типы капиталистической эволюціи разныхъ отраслей промышленности (впрочемъ, онъ уже открылъ ихъ для земледѣлія), чѣмъ типы развитія разныхъ странъ.

Между тѣмъ жизнь требуетъ обобщеній, такъ какъ нельзя создавать программы для каждой области, для каждой отрасли промышленности отдѣльно, и изслѣдователь попадаетъ въ трагическое положеніе: не отыскавши общихъ тенденцій развитія сельскаго хозяйства или индустріи, онъ принужденъ найти общую программу, которая бы не противорѣчила ихъ развитію. Остается одно, — забыть о своемъ изслѣдованіи, когда приходится дѣлать обобщенія. Если крупное хозяйство не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ мелкимъ, какъ стараются показать критики, то къ чему рекомендовать крестьянамъ кооперативы? Вѣдь не будутъ же крестьяне организоваться въ товарищества только потому, что это очень нравится Герцу или экономисту изъ „Русскаго Богатства“. Для того, чтобы признать, наприимѣръ, кооперативы средствомъ, которое можетъ помочь мелкому хозяйству выйти изъ его современнаго кризиса, нужно опредѣлить тенденціи развитія *) не одного только сельскаго хозяйства, а всѣхъ общественно экономиче-

претендовать на роль судьбы въ своемъ собственномъ дѣлѣ?“ Впрочемъ, нельзя не согласиться съ его оцѣнкой „экономическаго“ направленія въ марксизмъ, гораздо болѣе близкаго къ „Русскому Богатству“, чѣмъ думаетъ авторъ...

*) Когда говорится, что отсталыя страны идутъ тѣмъ же путемъ капиталистическаго развитія, какъ и передовыя капиталистическія страны, то такое утвержденіе имѣетъ въ виду общность тенденцій развитія, а не тождественность общественныхъ отношеній. Современные народники, напр., въ „Русск. Бог.“, уже не говорятъ объ особенномъ пути развитія Россіи, а оспариваютъ тождественность капиталистическихъ отношеній въ разныхъ странахъ, чего никто не утверждаетъ, и удовлетворенно говорятъ: „мы не мѣняемъ своихъ воззрѣній“.

скихъ отношеній и вліяніе этихъ отношеній на сельское хозяйство. Только при такихъ условіяхъ рѣшеніе аграрнаго вопроса не будетъ одностороннимъ, а болѣе или менѣе правильнымъ. Поэтому г. Черновъ совершенно напрасно упрекаетъ Кауцкаго за то, что послѣдній въ своей книгѣ объ аграрномъ вопросѣ говоритъ и о прибыли, и о рентѣ. Мы будемъ имѣть случай указать, что и г. Черновъ, и Герцъ сдѣлали очень большую ошибку не ознакомившись или не принявши во вниманіе вліянія прибыли и земельной ренты на аграрныя отношенія.

Если критики не усвоили правильныхъ методологическихъ пріемовъ, которыми пользовался Марксъ и „ортодоксы“, то, нужно въ этомъ отдать справедливость критикамъ,—они усвоили всѣ промахи ортодоксіи.

Марксъ, анализируя развитіе общественныхъ отношеній въ капиталистическихъ странахъ, разсматриваетъ эти отношенія въ связи съ развитіемъ производительныхъ силъ, такъ какъ несомнѣнно между тѣмъ и другимъ существуетъ постоянная связь. Марксъ установилъ эту связь въ анализѣ развитія индустріи, но не оставилъ намъ такого же анализа историческаго развитія экономическихъ отношеній въ земледѣліи, и Кауцкій сдѣлалъ существенную ошибку, совершенно не опредѣливши, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи, какое значеніе имѣетъ для развитія земледѣлія ростъ населенія и т. д. Теоретически второстепенный вопросъ о преобладаніи крупнаго или мелкаго хозяйства въ настоящее время совершенно захватилъ пслѣдователя; онъ даже не опредѣлилъ, увеличивается ли производительность земледѣльческаго труда въ тѣхъ странахъ, о которыхъ приводятся статистическія данныя.

Критики, безъ указки Маркса по аграрному вопросу, сугубо повторили ошибку Кауцкаго, такъ какъ игнорировали не только вопросъ о развитіи производительныхъ силъ, но и вообще вліяніе какихъ-либо общихъ условій экономической дѣйствительности: статистическій подсчетъ величинъ различныхъ хозяйствъ, ихъ задолженности и т. п. для нихъ вполне замѣнилъ анализъ развитія земледѣлія и оказался достаточнымъ для того, чтобы опредѣлить пути развитія аграрныхъ отношеній въ различныхъ странахъ и рѣшить „аграрный вопросъ“.

III.

Увеличеніе производительности труда является необходимымъ условіемъ развитія народнаго хозяйства не только потому, что послѣднее предполагаетъ увеличеніе господства человѣка надъ природой, но и потому, что этого требуетъ ростъ населенія и увеличеніе его потребностей. Поэтому, при опредѣленіи тенденціи развитія какой бы то ни было отрасли промышленности, нужно предполагать, что ея развитіе, въ общемъ, должно идти въ направленіи наибольшаго развитія производительныхъ силъ, хотя въ силу тѣхъ или иныхъ соціальныхъ условій это развитіе въ различные историческіе моменты можетъ задерживаться и даже приостанавливаться. Будущее, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ такой формѣ хозяйства, которая наиболѣе развиваетъ производительныя силы общества. Это является на столько общепризнаннымъ условіемъ развитія всего хозяйствен-

ваго строя общества, что даже защитники мелкаго хозяйства часто его вспоминают и стараются доказать, гдѣ это возможно, что въ мелкомъ хозяйствѣ развитіе производительности труда происходитъ настолько же быстро и даже быстрѣе, чѣмъ въ крупномъ хозяйствѣ. Правда, при этомъ обыкновенно происходитъ смѣшеніе валовой доходности *хозяйства*, его производительности съ производительностью труда, но это для насъ теперь не важно; во всякомъ случаѣ развитіе производительныхъ силъ какъ условіе развитія народнаго хозяйства можно считать общепризнаннымъ.

Эту элементарную посылку необходимо установить, потому что многія возраженія критиковъ отпадаютъ сами собою отъ ея признанія. Вся статистическая ихъ аргументація въ пользу того, что мелкое хозяйство имѣетъ преимущества передъ крупнымъ, теряетъ значительную долю своей убѣдительности, если въ мелкихъ хозяйствахъ не происходитъ такого же развитія производительныхъ силъ какъ въ крупномъ, капиталистическомъ. Мы будемъ имѣть случай еще не разъ, коснуться причинъ жизненности мелкаго хозяйства и теперь только замѣтимъ, что, напр., въ Тиролѣ, гдѣ „рабочіе нужны для того, чтобы пасти скотъ и обрабатывать земли, а эти работы нужны, для содержанія работниковъ“, и гдѣ тѣмъ не менѣе „раздается много жалобъ на нищету батраковъ, и справедливыхъ жалобъ“, *) гдѣ, слѣдовательно, можно видѣть полное отсутствіе развитія производительныхъ силъ, сохраненіе мелкаго хозяйства служить лишь признакомъ застою.

Если по какимъ-либо причинамъ въ земледѣліи не происходитъ развитія производительности труда или оно происходитъ крайне медленно, то изъ этого еще ничуть не слѣдуетъ, что сельское хозяйство развивается по особымъ законамъ, что оно находится внѣ вліянія капиталистическихъ отношеній и законовъ капиталистическаго развитія, что его развитіе должно идти въ противоположномъ направленіи, что тенденція развитія общественныхъ производительныхъ силъ не распространяется на сельское хозяйство.

Въ данный историческій моментъ экономическое развитіе общества можетъ выражаться не въ развитіи производительныхъ силъ *земледѣльческихъ* хозяйствъ, а, напримѣръ, въ процессѣ вытѣвленія изъ земледѣлія различныхъ отраслей промышленности, въ *промышленной дифференціаціи*, и увеличеніи производительности труда въ *отдѣляющихся* отъ земледѣлія отрасляхъ промышленности.

Въ дѣйствительности хозяйственное развитіе капиталистическаго общества до настоящаго времени совершалось именно такимъ образомъ: какъ только въ какой-либо отрасли землевладѣльческаго хозяйства производительность труда въ значительной степени увеличивалась, такъ эта отрасль хозяйства отдѣлялась отъ земледѣлія и становилась самостоятельной отраслью промышленности. Оказывалось, что сельское хозяйство какъ будто не эволюционируетъ: хотя произво-

*) Hertz. „Die Agr. Fragen. S. 19.

дительность труда въ національномъ хозяйствѣ увеличивается, но увеличивается уже въ отрасляхъ промышленности, отпадающихъ отъ земледѣлія *).

Исторія развитія народнаго хозяйства въ эпоху наиболѣе интенсивнаго развитія производительныхъ силъ общества является исторіей разложенія сельскаго хозяйства и отдѣленія отъ него различныхъ отраслей промышленности, до производства для него сельско-хозяйственныхъ орудій включительно. Еще очень недалеко то время, когда желѣзныхъ дорогъ не было, и не только доставка продуктовъ сельскаго хозяйства на рынокъ, но и продажа хлѣба были необходимой функціей сельскаго хозяйства, мельницы-раструски еще и теперь существуютъ въ громадномъ количествѣ и т. д., и т. д.

Разумѣется, такое отдѣленіе различныхъ отраслей промышленности не было *причиной* развитія общественныхъ производительныхъ силъ, а лишь при современныхъ экономическихъ отношеніяхъ необходимымъ условіемъ этого развитія.

Проф. А. Скворцовъ совершенно справедливо называетъ натуральное хозяйство *нераціональнымъ*, потому что оно „никогда не выполняло (не могло выполнять П. М.) правила раціональнаго земледѣлія, которое гласитъ: производи только тѣ растенія, которыя соотвѣтствуютъ мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ“ **). Это можно сказать не только о культурѣ растеній, но и о производствѣ натуральнымъ хозяйствомъ всякихъ продуктовъ. Въ этомъ смыслѣ развитіе мѣноваго хозяйства и общественное раздѣленіе труда являлось необходимымъ условіемъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ ***). Но

*) Э. Вандервальде совершенно справедливо говоритъ: „Тѣ, кто утверждаютъ болѣе или менѣе категорически, что капитализмъ не проникаетъ въ сферу сельскаго хозяйства, просто не желаютъ отдать себѣ отчета въ томъ, что различныя отрасли промышленности, нѣкогда неразрывно связанныя съ земледѣліемъ, теперь все больше и больше отдѣляются отъ него, уходятъ изъ деревни и принимаютъ постепенно капиталистическую форму“. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ большинство нашихъ фермеровъ занималось домашнимъ пивовареніемъ; въ настоящее время пивоваренные заводы монополизировали совершенно обработку хмѣля. Единственный слѣдъ, оставшійся отъ этой отрасли домашней промышленности,—это нѣсколько кустовъ дикаго хмѣля на загородкахъ большихъ плантацій хмѣля“. Вандервальде, „Притягательная сила городовъ“. Русск. перев. стр. 12. Можно бы привести такіе же примѣры о множествѣ другихъ отраслей промышленности.

***) А. Скворцовъ, „Экономическіе этюды“. 1894 г., стр. 39.

***) Поставивши въ основу экономическаго развитія общества развитіе производительныхъ силъ или, что то же самое, производительности труда, мы тѣмъ самымъ *мѣриломъ* развитія производительныхъ силъ ставимъ трудъ, количество его затраты. Трудъ является *общественнымъ* объективнымъ мѣриломъ цѣнности, и сколько бы критики ни указывали на несопадненіе цѣны товара съ его цѣнностью, значеніе трудовой цѣнности этымъ не можетъ быть подорвано: вѣдь человекъ, какъ бы его ни убѣждали, цѣнитъ только свой трудъ, свою затрачиваемую энергію. Спорить можно лишь о томъ, въ какихъ пропорціяхъ происходитъ обмѣнъ продуктовъ, какое вліяніе имѣетъ на мѣновыя и производственныя отношенія, капиталъ, потребность въ продуктѣ, монополія и другіе соціальныя и техническія факторы, трудъ же остается общимъ объективнымъ мѣриломъ.

распаденіе сельскаго хозяйства на различныя отрасли промышленности идетъ дальше, чѣмъ это необходимо для рациональнаго хозяйства. Если мукомольное производство выдѣлилось въ особую отрасль промышленности, то такое выдѣленіе не вызывалось рационализацией хозяйства. Для того, чтобы хозяйство было рациональнымъ, наиболѣе производительнымъ, вовсе не нужно, чтобы *собственными* мельницами были другія лица, а не сельскіе хозяева.

Для развитія производительныхъ силъ необходимой дѣлается концентрація производства. Паровая мельница вмѣсто мельницы-раструски, паровой транспортъ вмѣсто гужевого, машинное производство вмѣсто домашнего кустарнаго—являются производствомъ въ крупныхъ размѣрахъ и требуютъ отдѣленія этихъ отраслей промышленности отъ земледѣлія не по техническимъ условіямъ, а по условіямъ социальнымъ, вслѣдствіе недостаточной концентраціи капитала.

Пока какая-либо отрасль промышленности является одной изъ функций сельскаго хозяйства, техническій прогрессъ въ этой отрасли не можетъ быть сколько-нибудь значительнымъ, такъ какъ онъ требуетъ не только большого капитала, но и требуетъ соответственной организаціи производительныхъ силъ. Поэтому при современныхъ капиталистическихъ отношеніяхъ техническій прогрессъ замѣчается въ тѣхъ хозяйствахъ, которыя до извѣстной степени специализировались или располагаютъ огромнымъ капиталомъ, т. е. предполагаютъ въ извѣстной степени *дифференціацию хозяйства по величинѣ капитала и концентрацію капитала*, которая усиливается уже благодаря дальнѣйшему техническому прогрессу. Организація труда и концентрація капитала имѣетъ такое огромное значеніе для техники производства, что отрасль промышленности, не отдѣлывшаяся отъ земледѣлія, но достигшая значительнаго технического совершенства, приобретаетъ обыкновенно доминирующее значеніе въ земледѣльческомъ хозяйствѣ и приспособляетъ его. Сахарные, крахмальные, винокуренные и др. заводы требуютъ такъ много сыраго продукта для обработки, что приспособляютъ къ себѣ цѣлый рядъ земледѣльческихъ хозяйствъ, охватывающихъ иногда довольно обширный районъ. Слѣдовательно развитіе производительныхъ силъ сопровождается или предполагаетъ обыкновенно концентрацію производства и организацію крупныхъ предпріятій. Организуются ли эти крупныя предпріятія въ видѣ кооперативовъ или капиталистическихъ предпріятій, однаково въ основу ихъ полагается развитіе производительности труда, болѣе доступное при организаціи въ крупныхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ до настоящаго времени процессъ развитія производительныхъ силъ капиталистическаго общества проявлялся въ видѣ *ряда* измѣненій общественной организаціи производства, цѣлаго ряда процессовъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ (На сколько обязательна и необходима ихъ связь мы рассмотримъ далѣе)

1) Процессъ промышленной дифференціаціи, общественнаго раздѣленія труда *).

*) Техническое раздѣленіе труда имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ общественное раздѣленіе труда, и существовало во всѣ времена, существуетъ даже

2) Процессъ экономической дифференціаціи хозяйствъ, обогащеніе однихъ и объединеніе другихъ.

3) Процессъ концентраціи капиталовъ.

и 4) Концентраціи производства.

Опредѣлить, въ какой взаимной связи и зависимости находятся эти процессы измененія хозяйственныхъ отношеній въ каждой отрасли промышленности является необходимой задачей изслѣдованія о судьбахъ хозяйственнаго развитія общества и было бы крайне ошибочно изслѣдовать одну какую-нибудь сторону хозяйственнаго развитія внѣ зависимости отъ другихъ его сторонъ. Разумѣется, если экономистъ не задается широкой цѣлью опредѣлить судьбы народнаго хозяйства, чтобы обосновать на такомъ изслѣдованіи цѣлую программу такого или иного воздѣйствія на экономическую жизнь, то онъ можетъ анализировать одну какую-нибудь сторону хозяйственнаго развитія общества. Но, когда рѣчь идетъ вообще о хозяйственной эволюціи общества, такой методъ изслѣдованія является, несомнѣнно, совершенно неправильнымъ. Къ такимъ приѣмамъ какъ разъ прибѣгаютъ критики Кауцкаго: они совершенно игнорируютъ вліяніе другихъ сторонъ капиталистической эволюціи, разсматривая лишь статистическія данныя о концентраціи производства. А между тѣмъ взаимная связь различныхъ сторонъ хозяйственной эволюціи общества, настолько тѣсна, что трудно себѣ представить, да и никогда не существовало развитія производительныхъ силъ общества безъ болѣе или менѣе значительнаго шага впередъ въ общественномъ раздѣленіи труда, концентраціи капитала и производства.

Выдѣленіе различныхъ отраслей промышленности изъ земледѣлія, какъ мы замѣтили выше, являлось условіемъ развитія производительныхъ силъ, и вело къ концентраціи производства и капитала. Герцъ, желая доказать обратное примѣромъ тирольскаго крестьянскаго хозяйства, лишь подтверждаетъ нашу мысль. По его словамъ въ Тиролѣ не происходитъ процесса концентраціи производства, но тамъ какъ разъ нѣтъ и развитія производительности труда, нѣтъ общественнаго раздѣленія труда, и хозяйство въ значительной степени еще сохранило всѣ черты натурального хозяйства. А натуральное хозяйство и характеризуется тѣмъ, что въ немъ отъ земледѣлія не успѣли отдѣлиться отрасли промышленности, въ которыхъ наиболѣе доступно быстрое развитіе производительныхъ силъ.

Слѣдовательно, прежде чѣмъ разсматривать вопросъ о судьбахъ земледѣлія, о тенденціяхъ его развитія; нужно выяснитъ, проявляется ли въ немъ развитіе производительныхъ силъ, т. е. существуетъ ли самый процессъ развитія и въ какихъ формахъ онъ проявляется и можетъ проявиться.

Критики, кромѣ г. Булгакова, даже и не задавались такимъ вопросомъ, а г. Булгаковъ не составилъ себѣ, повидимому, даже правильнаго представленія о разницѣ между производительностью земледѣльческаго труда и „производительностью“ земли, такъ какъ постоянно ихъ смѣшивавъ. „Когда говорятъ о животныхъ (на охотѣ, при самозащитѣ и т. п.); но значеніе его развитія выясняется при анализѣ процесса концентраціи производства, поэтому мы и не выдѣляемъ его, какъ особый процессъ.“

ростѣ производительности земледѣльческаго труда или земледѣлія,—заявляетъ г. Булгаковъ,—то, несмотря на неточность обычнаго словоупотребленія, всегда разумѣютъ именно ростъ производительности земли, потому что, какъ мы объяснили, о ростѣ производительности человѣческаго труда не можетъ быть и рѣчи“ *).
Заявленіе очень рѣшительное по ни чѣмъ не доказанное.

IV.

Увеличеніе производительности труда требуетъ соотвѣтственной организаціи производительныхъ силъ и, главнымъ образомъ, увеличенія количества рабочихъ рукъ въ предпріятіи. Обыкновенно увеличеніе производительности труда достигается увеличеніемъ постояннаго капитала въ предпріятіи и относительнымъ сокращеніемъ прилагаемаго въ немъ живого труда. Поэтому развитіе производительныхъ силъ является главнымъ орудіемъ въ побѣдѣ крупнаго производства надъ мелкимъ.

Въ индустріи борьба крупнаго и мелкаго производства тогда обостряется и побѣда крупнаго производства является тогда несомнѣнной, когда орудія производства, увеличивая въ значительной степени производительность труда, требуютъ организаціи значительнаго количества рабочихъ. Пока орудія производства, машины, не требуютъ организаціи значительнаго количества рабочихъ или пока они настолько незначительно увеличиваютъ производительность труда, что ручной трудъ можетъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ конкурировать, до тѣхъ поръ мелкое производство сохраняется и даже поддерживается крупнымъ.

Кромѣ того, техническій прогрессъ и развитіе производительныхъ силъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ томъ числѣ и въ земледѣліи, обыкновенно сопровождается или, правильнѣе, является результатомъ увеличенія цѣнности орудій и средствъ производства, когда непосредственно прилагаемый живой трудъ употребляется все въ меньшемъ и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ количество труда, прилагаемаго къ производству орудій производства.

Но въ земледѣліи, какъ увидимъ далѣе, вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда, благодаря техническому прогрессу, можетъ быть уменьшеніе производительности труда, вслѣдствіе уменьшенія производительности почвы. Поэтому требуется выяснитъ значеніе не только техническаго прогресса, но и значеніе специфическихъ условій земледѣльческаго труда и, главнымъ образомъ, производительности почвы. И здѣсь критики, и г. Булгаковъ и Герцъ (о г. Черновѣ и говоритъ нечего), даже не потрудились выяснитъ себѣ разницы между производительностью труда и производительностью почвы и развитіе производительныхъ силъ отождествляютъ съ увеличеніемъ урожайности земли **). Благодаря

*) „Капитализмъ и земледѣліе“ т. I, стр. 67.

**) Такое смѣшеніе производительности труда и доходности земельного участка или капитала обнаруживается въ особенности у противниковъ трудовой теоріи цѣнности, такъ какъ существуетъ безусловная связь представленія о капиталѣ, какъ о производительной силѣ, создающей цѣнность, съ пред-

интенсивности обработки данный участок земли даст большой урожай, но производительность прилагаемого труда может быть незначительной и съ увеличеніем урожайности земли может уменьшаться. Очевидно, въ сельскомъ хозяйствѣ могутъ существовать факторы, дѣйствующіе въ противоположномъ направленіи на производительность труда.

ставленіемъ объ немъ, какъ о источникѣ, *создающемъ* доходъ, а не орудіемъ отчужденія дохода, производимаго трудомъ. Съ точки зрѣнія частно-хозяйственной, предпринимательской, такое представленіе о цѣнности и доходѣ кажется безусловно правильнымъ, потому что для предпринимателя совершенно все равно, создается ли получаемый имъ доходъ благодаря усиленной эксплуатаціи труда, или благодаря увеличенію его производительности, введенію машинъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія народно-хозяйственной, не безразлично, увеличилось ли производство продукта благодаря увеличенію производительности труда или благодаря большей его затратѣ, потому что съ этой точки зрѣнія подлежатъ учету не доходы, получаемые тѣмъ или инымъ предпринимателемъ, а расходъ національныхъ производительныхъ силъ, затрата общественнаго труда на производство тѣхъ или иныхъ продуктовъ. Правильность этой точки зрѣнія наглядна при обсужденіи вопроса о протекціонизмѣ. Доходное для предпринимателя предпріятіе можетъ быть мало производительнымъ и обратно.

Напротивъ, съ точки зрѣнія предпринимателя, напримѣръ, при пониженіи рабочей платы, безъ машинъ трудъ болѣе производителенъ, чѣмъ трудъ съ машиной, дорого оплачиваемый. Хозяйство съ ручнымъ трудомъ будетъ болѣе выгодно, чѣмъ съ машиннымъ производствомъ, такъ какъ издержки производства и цѣна продукта могутъ быть ниже, чѣмъ при машинномъ производствѣ и высокой заработной платѣ. Слѣдовательно, при низкой заработной платѣ, когда введеніе машины невыгодно, трудъ производительнѣе, чѣмъ трудъ при посредствѣ машины, потому что онъ даетъ больше „прибавочнаго продукта“! Кромѣ того, при низкой заработной платѣ, когда введеніе машины невыгодно, съ точки зрѣнія „критиковъ“ она не создаетъ цѣнности, потому что, если бы она такую же создавала, то и вводилась бы. Когда же заработная плата повышается, тогда машина начинаетъ *творить*, создавать цѣнности, потому что введеніе машины тогда становится выгоднымъ. Оригинальное свойство „производящей цѣнности“ машины, обнаруживающееся въ зависимости отъ высоты рабочей платы!

Разумѣется, не слѣдуетъ повторять только формулы Маркса, въ чемъ упрекаютъ „доктринеровъ“ критики, но не слѣдуетъ и повторять вздорныя мысли буржуазныхъ экономистовъ, не вдумавшись въ нихъ.

Съ точки зрѣнія народно-хозяйственной производительность труда определяется количествомъ, *общественно-необходимымъ* для его затраты, чтобы получить необходимое для общества количество продуктовъ. Чѣмъ меньше затрачивается труда для производства даннаго количества продуктовъ, тѣмъ трудъ производительнѣе и обратно. Поэтому *урожайность некоторыхъ участковъ земли можетъ быть чрезвычайно высока благодаря большой затратѣ на него труда, но этотъ трудъ можетъ быть мало производителенъ, потому что при меньшей затратѣ труда, но на большей площади, возможно получить такое же количество продуктовъ*. Точно такъ же при введеніи машины трудъ будетъ производительнѣе, хотя бы цѣна продукта повысилась вслѣдствіе повышенія издержекъ производства, повышенія заработной платы за трудъ при новыхъ условіяхъ.

Что машина увеличивает производительность труда,—в этом едва ли кто-нибудь сомневается, кроме слишком тенденциозных критиков. Г. Булгаков даже приводит из книжки Samuelson'a сравнение количества рабочей силы, требующейся в нескольких хозяйствах Англии при ручном и машинном производстве, причем оказывается, что на косовку травы с машиной требуется два человека, без машины—9 человек, на жатву с машиной—3 человека, без машины—12, на вязку— $2\frac{1}{2}$ и 12 и т. д. Там же не менее, приведя такую иллюстрацию, автор заявляет, что „относительно большинства производительных операций *технически* безразлично, будут ли они выполнены рабочей силой, скотом или машиной: иногда машинная работа даже хуже ручной. Машина вводится тогда *по экономическим соображениям*, потому что машинная работа представляется в данном случае дешевле. Задачей, которая сознательно преследуется в таком случае при введении машины, является заменить рабочих, ньющихся уже в наличности или только потенциально“ *), как будто в других отраслях промышленности, напр., на ткацких фабриках, машины вводится не „по экономическим соображениям“, не потому что машинная работа „дешевле“, а из гуманных соображений и для пользы общества! Как будто там машина „потенциально“ не заменяет рабочих. Эти наивные соображения строгого ученого приводятся потому, что г. Булгаков чувствует какую-то разницу развития производительных сил в земледелии и в индустрии, но не может уловить и видеть ее, совершенно напрасно, в машинах.

Как и в других отраслях промышленности, так и в земледелии, машины всегда вводятся *потому*, что, увеличивая производительность труда, они *сокращают* издержки производства; но часто, в особенности в земледелии, машины, увеличивая производительность труда, не сокращают издержек производства и не вводятся. Например, при низкой заработной плате введение машины не всегда выгодно.

Причины, препятствующие введению машин в сельском хозяйстве, его техническому прогрессу, мы коснемся дальше; во всяком случае, машина имеет значение постольку, поскольку она увеличивает производительность труда. Итак, г. Булгаков находит, что в земледелии (в отличие от индустрии!) машины вводятся „не по техническим, а по экономическим соображениям, не потому, чтобы они производили лучше или, по крайней мере, чтобы так же, как они, не могла работать человеческая или животная сила, но потому, что их работа дешевле“ **).

Между тем в большинстве отраслей промышленности ручной труд лучше, но дороже и ценится выше. Машина вводится предпринимателями именно там, где ее работа дешевле, где машинный труд производительнее.

Другие соображения, приводимые г. Булгаковым в пользу того, что в сельском хозяйстве машинный труд не имеет преимуществ перед ручным, еще

*) „Капитализм и земледелие“, стр. 51.

***) Стр. 48.

менѣе убѣдительно. Указывая на то, что въ земледѣліи машина не можетъ захватить многихъ процессовъ сельско-хозяйственнаго производства, г. Булгаковъ лишь констатируетъ фактъ, но совершенно не объясняетъ его. При томъ, при всякой фабрикѣ, при всякомъ заводѣ есть формы труда, которая въ настоящее время не замѣняются машиннымъ трудомъ. Въ чугуноплавильномъ производствѣ добыча руды, угля, дровъ въ настоящее время требуетъ ручного труда; многія фабрики создаютъ рядомъ цѣлыя отрасли ручного труда, организованнаго или непосредственно фабрикой или находящагося отъ нея въ зависимости, и это не мѣшаетъ употребленію машинъ.

Смѣшивая развитіе производительности труда благодаря техническому прогрессу съ урожайностью, съ производительностью участковъ земли, г. Булгаковъ отрицаетъ самый фактъ развитія производительныхъ силъ въ земледѣліи. „Увлечшись своей конструкціей вытѣсненія постоянной частью капитала (орудія и материалы производства) переменнѣй (рабочая сила), которая въ общемъ правильно выражаетъ развитіе промышленности, но совершенно не приложима къ земледѣлію, Марксъ распространяя эту конструкцію и на земледѣліе: онъ считалъ возможнымъ даже абсолютное сокращеніе числа сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Мнѣніе это, имѣвшее нѣкоторое вліяніе благодаря авторитету автора... совершенно не можетъ быть поддерживаемо въ настоящее время“ *). Что число сельско-хозяйственныхъ рабочихъ сокращается несмотря на расширеніе сельско-хозяйственнаго производства едва ли составляетъ тайну и для г. Булгакова; что сельско-хозяйственные машины абсолютно *сокращаютъ* число рабочихъ—это всѣ знаютъ, и мы могли бы привести сотни свидѣтельствъ тѣхъ, кто писалъ о сельскомъ хозяйствѣ **). Авторъ и въ этомъ случаѣ смѣшиваетъ техническій прогрессъ съ урожайностью, которая достигается въ большинствѣ случаевъ новой затратой живого труда на ту же площадь земли.

Марксъ совершенно правъ, утверждая, что техническій прогрессъ въ земледѣліи ведетъ къ абсолютному сокращенію рабочихъ силъ, и это, какъ увидимъ, является главнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію въ земледѣліи производительныхъ силъ, техническому прогрессу. На югѣ Россіи, напр., введеніе жатвенныхъ машинъ сократило потребность въ рабочихъ на сотни тысячъ, а въ центральной Россіи *сельско-хозяйственные рабочіе борются съ введеніемъ машинъ* чрезвычайнымъ пониженіемъ заработной платы и достигаютъ того, что молотба цѣпамъ обходится такъ же дешево, какъ и машинной. Но развѣ это доказываетъ, что машина не увеличиваетъ производительности труда, что она не сокращаетъ число сельско-хозяйственныхъ рабочихъ?!

Г. Булгаковъ такъ тенденціозенъ, — другіе критики не уступятъ ему въ этомъ, —

*) Стр. 30.

**) Сокращеніе числа сельско-хозяйственныхъ рабочихъ констатируется почти вездѣ и составляетъ предметъ жалобъ аграріевъ въ Россіи, Германіи, Англіи и др. странахъ. Г. Каблуковъ этимъ объясняетъ даже сокращеніе запашекъ въ Англіи (см. „Вопросъ о раб. въ сельск. хоз.“), смѣшивая слѣдствіе съ причиной.

что даже совершенно отрицать выгоды коопераціи въ земледѣліи: „Не трудно видѣть, что земледѣліе не получаетъ отъ коопераціи выгоды, свойственныхъ послѣдней. Нечего говорить, что процессъ (или процессы) земледѣльческаго производства въ его цѣломъ съ перерывами и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ труда не можетъ быть предметомъ планомерной коопераціи,—рѣчь можетъ идти только объ отдѣльныхъ его моментахъ. Очевидно, что въ этихъ моментахъ нѣтъ такихъ, которые выполнимы были бы только кооперирующими работниками и не поддавались бы индивидуальному выполнению. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что большинство отраслей сельскаго хозяйства доступны какъ мелкому единоличному производству, такъ и крупному...“ „Очевидно, раздѣленіе труда имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если рабочая сила утилизируется по крайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ до раздѣленія“ *).

Всякое крупное производство, развившееся благодаря техническому прогрессу изъ мелкаго, „поддается индивидуальному выполнению“. Напримѣръ, ткачество доступно кустарю-ткачу и тѣмъ не менѣе кооперація въ видѣ фабрики даетъ огромное преимущество крупному производству, увеличивая въ нѣсколько разъ производительность труда. То же самое и въ земледѣліи: пока машина не введена, возможно единоличное производство, по введеніи же машины требуется кооперативный трудъ, болѣе или менѣе сложная организація труда. Кошная и паровая молотилка требуетъ, напримѣръ, не менѣе 15—40 рабочихъ одновременно, жатвенная машина, не сноповязалка, не менѣе 10 человѣкъ и т. д. Дѣйствіе этихъ машинъ *невозможно* (точно такъ же какъ и дѣйствіе любой машины въ индустріи) безъ коопераціи рабочихъ силъ; увеличеніе производительности труда возможно *только* при коопераціи.

Въ земледѣліи, точно такъ же какъ и въ индустріи, только при техническомъ прогрессѣ возможно развитіе производительныхъ силъ, а техническій прогрессъ возможенъ при коопераціи и при техническомъ раздѣленіи труда, при организаціи крупнаго производства.

Правда, благодаря быстрому развитію производительныхъ силъ въ индустріи, послѣдняя внесла значительный прогрессъ въ земледѣліе, давши улучшенныя орудія и лучшіе способы обработки земли, доступные и мелкому хозяйству.

Тѣмъ не менѣе техника земледѣльческаго производства въ мелкомъ хозяйствѣ, даже въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва ли существенно отличается отъ техники за цѣлыя тысячелѣтія до нашего времени. По крайней мѣрѣ еще въ древнеи Египтѣ сельско-хозяйственная техника была едва ли ниже, чѣмъ, напримѣръ, у нашихъ крестьянъ. На египетскихъ гробницахъ **) изображенія посева и уборки хлѣба очень напоминаютъ картины современнаго крестьянскаго хозяйства: сжатая пшеница связывается въ снопы; двое рабочихъ дѣлаютъ изъ нихъ тюкъ и вычатъ на ослѣ... На таблицѣ, изображающей молотбу скотомъ, мы читаемъ надпись: „Молотите, молотите, бычки, для себя молотите и

*) Ibid., стр. 26—27.

**) Н. Клипгенъ, „Среди патриарховъ земледѣлія“, ч. I, стр. 319.

для хозяина и да успокоится сердце ваше“. „Бычки“ и лошади и теперь, часто молотятъ хлѣбъ. По описанію Веняга, молотилка, употреблявшаяся въ древнемъ Египтѣ, едва ли хуже цѣпа, и въ настоящее время въ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ гораздо болѣе распространеннаго, чѣмъ молотилки.

Разумѣется, отсутствіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ обуславливается не невозможностью ихъ примѣненія, не потому, что техническій прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ недоступенъ, а главнымъ образомъ потому, что онъ требуетъ новой организаціи производительныхъ силъ, техническаго раздѣленія труда и ведетъ къ сокращенію рабочихъ рукъ. И то, и другое, и третье, какъ увидимъ, не вездѣ и не всегда достижимо.

Если бы критики—г. Булгаковъ, Герцъ, Давидъ—не увлекались цѣлью доказать преимущества мелкаго земледѣльческаго хозяйства и рассматривали техническій прогрессъ, какъ необходимое условіе хозяйственнаго развитія общества, то, вѣроятно, отъ нихъ не укрылось бы его значеніе, какъ организующаго трудъ начала. Въ пылу полемики Герцъ, напримѣръ, совершенно неосновательно раздражается такой тирадой. „Всѣ выводы Каутскаго можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: во многихъ мелкихъ домашнихъ хозяйствахъ нѣкоторыя работы по домашнему и полевому хозяйству (топка, стряпня и т. д.) приходится исполнять чаще, чѣмъ въ хозяйствѣ крупномъ, которое производитъ ихъ въ большихъ размѣрахъ за-разъ и потому дешевле... Можетъ быть,—пронизпруеть Герцъ,—по введеніи въ крестьянскую среду общаго домоводства, какая-нибудь „крестьянская башка“ закапризничаетъ и захочетъ ѣсть клецки, когда остальные предпочтутъ кашу: тогда исчезнетъ выгода массоваго приготовленія клецокъ“ *).

Аргументъ необычайно старый, употреблявшійся реакціонерами якобы въ защиту индивидуализма и давно опровергнутый городекою жизнью. Если Герцъ замѣнилъ рабочаго крестьяниномъ, то отъ этого его аргументъ не сталъ убѣдительнѣе и возражать на него не стоитъ. Далѣе,—возражаетъ Герцъ,—по мнѣнію Каутскаго „примѣненіе машинъ мелкимъ хозяйствамъ *отчасти* (курсивъ нашъ) недоступно. На небольшихъ участкахъ нельзя также производить меліорацій, орошенія и т. п. Возраженіе это,—замѣчаетъ Герцъ,—имѣло бы важное значеніе, не будь оно только невѣрнымъ. Съ тѣмъ и другими недостаткомъ, — поскольку въ силу условій данной мѣстности они дѣйствительно являются неудобствами,—мелкому хозяйству легко бороться путемъ ассоціаціи“. Герцъ очевидно находитъ, что мелкому хозяйству не „отчасти“, а безусловно доступны паровыя молотилки, паровыя плуги, жнейки-сноповязалки и даже, можетъ быть, подъѣздныя дорожныя пути, что меліораціи въ данномъ районѣ также дружно могутъ быть предприняты, какъ будто бы весь этотъ районъ принадлежалъ одному лицу. Мы воспользуемся аргументомъ самого Герца, аргументомъ совершенно неумѣстнымъ тамъ, гдѣ его приводитъ авторъ, и вполне умѣстнымъ здѣсь: „а если какая-нибудь „крестьянская башка“ закапризничаетъ и не захочетъ“ меліораціи, то вѣдь меліораціи не можетъ быть выполнена. Желаніе „крестьянской башки“ отдѣльно печь

*) Герцъ, „Аграрные вопросы“, русск. пер., стр. 149.

хлѣбъ не поѣмаетъ другимъ печь его въ однои мѣстѣ, а вотъ нежеланіе подвергнуть свой участокъ меліорациі, или улучшенной культурѣ, или обработкѣ машинной лишаетъ возможности и другихъ это сдѣлать.

Курьезна, вообще, у критиковъ склонность отрицать за крупнымъ хозяйствомъ его техническія преимущества передъ мелкимъ хозяйствомъ, которыя они же признаютъ за коопераціей. Если машина не даетъ никакихъ техническихъ преимуществъ крупному хозяйству, то она не даетъ ихъ и кооперативу: слѣдовательно незачѣмъ его и рекомендовать!

Далѣе мы увидимъ, какія преимущества имѣетъ мелкое хозяйство, но въ вопросѣ о техническомъ прогрессѣ, о развитіи производительныхъ силъ является неоспоримымъ тотъ фактъ, что только крупное производство съ машинами, кооперативное или капиталистическое, можетъ развивать производительныя силы общества какъ въ земледѣліи, такъ и въ индустріи. Аргументъ, что машины, напримеръ, паровыі плугъ, жнейка и т. п., не вездѣ применимы, ничуть не опровергаетъ ихъ преимуществъ тамъ, гдѣ онѣ применимы; если тамъ не менѣе такія орудія не вводятся, такъ только потому, что мелкое хозяйство не можетъ ими пользоваться.

Впрочемъ, сами защитники мелкаго хозяйства приводятъ доказательства громаднаго значенія машинъ для технического прогресса въ земледѣліи, но не понимаютъ всего ихъ значенія. „Изъ Германіи сообщается, — говоритъ Герцъ, — что приобретаемыя товариществами паровыя молотилки скоро выходили изъ употребленія, такъ какъ не на что бывало обратить сбереженнаго времени“ *). Слѣдовательно, сельско-хозяйственныя машины могутъ быть при настоящихъ условіяхъ производства непригодны потому, что онѣ сберегаютъ лишь время, увеличиваютъ производительность труда настолько, что у мелкихъ хозяевъ остается избытокъ времени, который нельзя употребить на земледѣліе; слѣдовательно, машины оказываются ненужными *потому*, что онѣ увеличиваютъ производительность труда настолько, что создается „лишнее время“!

Если бы обработка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ была возможна въ сельскихъ же хозяйствахъ, тогда экономія въ рабочемъ времени была бы чрезвычайно выгодной, потому что „лишнее“ время употреблялось бы на обработку продуктовъ: такъ было въ натуральномъ хозяйствѣ, такъ бываетъ въ хозяйствахъ, соединяющихъ добычаніе продукта съ его обработкой. Но такое соединеніе, какъ мы уже указывали, требуетъ сосредоточенія громаднаго капитала, потому что въ обработкѣ продуктовъ технической прогрессъ далеко шагнулъ и требуетъ большой организаціи производительныхъ силъ.

Недостаточная концентрація капитала (въ видѣ ли единоличнаго предпріятія, акціонернаго общества или коопераціи) дѣлаетъ невозможнымъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, такое соединеніе добычанія и обработки продуктовъ. А эта невозможность препятствуетъ, какъ доказываетъ свидѣтельство Герца, и техническому прогрессу, мѣшая полному использованию предпріятіемъ сберегаемыхъ производи-

*) Ibid.: стр. 157.

тельныхъ силъ. Поэтому часто на небольшомъ участкѣ мелкій предприниматель обработку земли, требующей глубокой вспашки заступомъ, предпочтетъ паровому плугу, почвоуглубителю не потому, что паровой плугъ хуже ручной работы, а потому что небольшой участокъ не требуетъ дополнительнаго, бережливаго машинной, труда, хотя бы крестьянинъ и имѣлъ возможность приобрести паровой плугъ.

Даже при современныхъ техническихъ условіяхъ въ земледѣліи возможно было бы громадное увеличеніе производительности труда, достигаемое тамъ, гдѣ это выгодно сельскимъ хозяевамъ. На-ряду съ первобытной техникой уборки хлѣба въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ у крестьянъ серпъ и цѣпъ являются преобладающими орудіемъ, на окраинахъ Россіи, напр., за Ураломъ, куда доставка орудій затруднительнѣе, объ употребленіи цѣпа забываютъ, а жнейка занимаетъ господствующее положеніе.

Тамъ, гдѣ не создалась капиталистическая перенаселенность, даже при полномъ отдѣленіи обработки продукта отъ его добыванія, техническій прогрессъ вполне возможенъ. Поэтому Сѣверная Америка, въ которой не создалось такого, какъ въ Европѣ, капиталистическаго перенаселенія, „обладаетъ не только въ индустрии, но и въ земледѣліи прекрасными орудіями производства, которыми она обязана своимъ необыкновенно быстрымъ хозяйственнымъ развитіемъ. Американскіе фермеры издавна обращали вниманіе на то, чтобы цѣлесообразно производить орудія и изобрѣтать полезныя машины. Этими они обязаны не только своей въ нѣкоторой степени прирожденной бодрости духа и уму, но и *необходимости*, издавна усвоенному стремленію сберечь свои рабочія силы, благодаря,—въ настоящее время, какъ и раньше,—сохранившемуся побужденію, съ одной стороны, употреблять предлагаемый ими ручной трудъ наиболѣе производительно, и, съ другой стороны, сокращать его до наименьшихъ размѣровъ *).

Объективныя условія, которыя въ Соединенныхъ Штатахъ побуждаютъ сельскихъ хозяевъ пользоваться техническимъ прогрессомъ, менѣе благоприятны въ Европѣ, но это ничуть не указываетъ на невозможность техническаго прогресса, а лишь побуждаетъ найти тѣ факторы, которые задерживаютъ въ земледѣліи техническій прогрессъ, которые дѣйствуютъ сильнѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Америкѣ, и выяснить, при какихъ условіяхъ возможно быстрое развитіе производительныхъ силъ. Эта задача ставится все настойчивѣе ростомъ населенія и его потребностей и, разумѣется, будетъ рѣшена, потому что человечество хочетъ жить.

V.

Сельско-хозяйственная техника только недавно стала развиваться. Первая молотилка появилась въ Германіи только въ 1851 году, а паровой плугъ былъ сдѣланъ только въ 1873 году. Въ Ольденбургѣ паровыя молотилки появились съ 1880 года, жнейки-сноповязалки—съ 1891 года **). Несмотря на недавнее

*) Fr. Getken, „Die Landwirtschaftliche Vereinigten Staaten von Nordamer“ S. 465.

**) Otto Pringsheim, „Landwirtschaftliche Manufactur und electrische Landwirtschaft.“ Arch. f. soc. Gesetzg. und Stat. 1900 r. 15 B.

появленіе сельско-хозяйственныхъ машинъ, несмотря на то, что отсутствіе интеллигентныхъ рабочихъ *) чрезвычайно мѣшаетъ распространенію улучшенныхъ орудій, они начинаютъ быстро распространяться и вытѣснять старыя орудія. Принсгеймъ совершенно справедливо сравниваетъ современное состояніе крупнаго сельскаго хозяйства съ мануфактурой въ индустріи, какъ характеризуетъ ее Марксъ. Продукты обрабатывающей промышленности въ настоящее время изготовляются для міроваго рынка, между тѣмъ какъ въ земледѣліи, за исключеніемъ зерновыхъ продуктовъ, остальные продукты почти недоступны на міровой рынокъ. Только въ самое послѣднее время другіе продукты, молоко, мясо и т. д., попадаютъ на міровой рынокъ въ видѣ консервовъ.

Несмотря на то, что обработка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для доставки на всемірный рынокъ только еще начинается, несмотря на то, что техника только еще начинаетъ обращаться къ сельскому хозяйству, въ послѣднемъ уже въ настоящее время начинаютъ появляться признаки технического переворота, вызываемаго стремленіемъ къ развитію производительныхъ силъ и вызывающаго, въ свою очередь, новую ихъ организацію. Клаутскій совершенно правильно видитъ въ примѣненіи электричества къ сельскому хозяйству одинъ изъ факторовъ измѣненія техники сельскаго хозяйства. Уже въ настоящее время въ Германіи во многихъ мѣстахъ частью примѣняется, частью проектируется примѣненіе электричества.

Передача электрической энергіи на разстояніи даетъ возможность примѣнять электричество, чтобы приводить въ движеніе всѣ сельско-хозяйственныя машины. Многие недостатки, благодаря которымъ локомотивъ часто не можетъ примѣняться въ сельскомъ хозяйствѣ, совершенно отсутствуютъ у электрическаго двигателя. Электрическія машины для доенія, молотилки, плуги, зернодробилки, соломорѣзка, ножницы для стрижки овецъ, помпы и другія сельско-хозяйственныя орудія уже въ настоящее время употребляются и грозятъ вытѣснить лошадь, которая была до настоящаго времени лучшимъ двигателемъ въ сельскомъ хозяйствѣ **). Возможность переносить электрическую энергію съ одного орудія на другое, возможность работать при посредствѣ ея въ различныхъ мѣстахъ одновременно, возможность примѣнять ее при дальнѣйшей обработкѣ зимой получаемыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ—создаетъ послѣдовательную смѣну сельско-хозяйственныхъ операций, производимыхъ при посредствѣ одной силы, и дѣлаетъ сельское хозяйство весьма сходнымъ съ заводомъ или фабрикой; на которыхъ, послѣ ряда послѣдовательныхъ операций съ матеріаломъ, получается готовый продуктъ.

*) Г. Булгаковъ увѣряетъ, что сельское хозяйство не нуждается въ болѣе развитыхъ рабочихъ. Что такое мнѣніе совершенно невѣрно,—объ этомъ едва ли можно спорить, такъ какъ всѣ сельскіе хозяева, имѣющіе машины, нуждаются въ болѣе интеллигентныхъ рабочихъ. Впрочемъ, къ вопросу о рабочихъ намъ придется вернуться при разсмотрѣніи оригинальной теоріи заработной платы, открытой Булгаковымъ.

**) Braun's Archiv, ibid. O. Pringsheim приводит мнѣніе P. Mack-Althot Ragnit'a, который предполагаетъ, что двѣ трети рабочихъ животныхъ упразднятся электромоторами. Это сокращеніе ведетъ не только къ сокращенію ручнаго труда въ обработкѣ земли, но и ухода за скотомъ.

Pringsheim совершенно справедливо говоритъ, что такимъ писателямъ, какъ Герцъ, который пишетъ по аграрному вопросу, игнорируя вліяніе электротехники, придется вновь начинать свое изслѣдованіе...

Итакъ, развитіе производительныхъ силъ является необходимымъ условіемъ развитія сельскаго хозяйства, волиѣ возможно и достигается техническимъ прогрессомъ. Если критики игнорировали этотъ вопросъ и совершенно не опредѣлили, существуетъ ли возможенъ ли опъ, то это обстоятельство еще ничуть, разумѣется, не говоритъ ни объ отсутствіи прогресса, ни о его невозможности. А развитіе производительныхъ силъ ведетъ и къ реорганизациіи производства, къ новой технической организациіи производительныхъ силъ.

Но на-ряду съ факторами, побуждающими предпринимателей увеличивать производительность труда, развивать производительныя силы общества, въ настоящее время есть другіе факторы, которые препятствуютъ этому развитію, задерживаютъ его и даже, на время, толкаютъ общество назадъ. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ факторовъ, мы должны указать на вліяніе технического прогресса на формы или системы производства и на формы или системы хозяйства.

Несомнѣнно техника производства непосредственно вліяетъ на *форму* производства. Мы уже указывали, что, напримѣръ, при введеніи молотильной машины требуется довольно много рабочихъ, между которыми должно быть раздѣленіе труда: требуется машинистъ и кочегаръ, подавальщики въ машину, подавальщики сноповъ въ машинѣ, рабочіе, убирающіе солому, зерно, мякнну и т. д. Введеніе одной какой-нибудь сельско-хозяйственной машины требуетъ новой организациіи производства только на очень непродолжительный періодъ, такъ какъ другія сельско-хозяйственныя работы могутъ исполняться при старой организациіи труда. Когда же цѣлый рядъ сельскихъ работъ производится посредствомъ машинъ, тогда измѣняется и форма производства во всемъ сельскомъ хозяйствѣ: требуется уже новая организациія *труда*, хотя организациія хозяйствъ можетъ быть капиталистической, кооперативной и т. п.

Развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи, какъ и въ индустріи, требуетъ измѣненія организациіи труда и производства. При частной собственности на землю и орудія производства земледѣльческія хозяйства остаются капиталистическими, но уже съ новой организациіей производства.

Бюхеръ *) въ индустріи различаетъ слѣдующія организациіи производства: домашнее производство, работа по заказу, ремесло, производство на скупщика и фабрика. Ни одно изъ этихъ подраздѣленій не подойдетъ къ капиталистическому сельскому хозяйству, организованному на машинномъ трудѣ. Зомбартъ справедливо указываетъ на смѣшеніе въ этой классификаціи формы производства и организациіи хозяйства.

Несомнѣнно, введеніе машины въ сельскомъ хозяйствѣ вызываетъ довольно сложную организацию труда, требующую въ нѣкоторые рабочіе періоды много рабо-

*) Бюхеръ, „Историч. развитіе и классификація формъ промысл.“ „Исторія Труда“, изд. Водовозовой.

чихъ рукъ, но въ то же время сокращающую эти рабочіе періоды. При полномъ отдѣленіи индустріи отъ сельскаго хозяйства краткость сельско-хозяйственнаго рабочаго періода чрезвычайно затрудняетъ для сельскихъ рабочихъ возможность существовать наемнымъ трудомъ. Ничтожный, но болѣе постоянный заработокъ въ собственномъ хозяйствѣ или въ индустріи гораздо выгоднѣе хотя бы высокаго, но непродолжительнаго заработка въ сельскомъ хозяйствѣ. Поэтому введеніе машинъ только тогда создастъ прочную организацію наиболѣе производительнаго сельско-хозяйственнаго труда, когда процессы производства будутъ связаны въ рядъ послѣдовательныхъ процессовъ непрерывно вытекающихъ одинъ изъ другого. Это достигается въ настоящее время въ тѣхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ добываніе продукта связано съ его обработкой: здѣсь мелкое хозяйство и не рѣшается конкуррировать.

„Общій принципъ машины — замѣщеніе человѣческаго труда“ (Зомбартъ); это, такъ сказать, техническое условіе ея введенія. Но въ то же время машина требуетъ болѣе или менѣе постоянной организаціи труда, которая достигается или постояннымъ процессомъ производства въ хозяйствахъ съ обработкой сырья, или будетъ возможна съ эксплуатаціей электромоторовъ, приѣмныхъ ко всѣмъ машинамъ... причѣмъ постоянно развиваемая двигательная сила можетъ переноситься на различные орудія и дробиться.

Существующія въ настоящее время крупныя сельско-хозяйственныя предпріятія съ обработкой продуктовъ и возможныя уже въ настоящее время сельско-хозяйственныя предпріятія съ центральнымъ двигателемъ весьма близки по организаціи труда съ рудниками, въ которыхъ, на-ряду съ центральными двигателями, обусловливающимъ самое добываніе продукта (водокачки, рудоподъемныя машины и т. п.), существуетъ и ручной трудъ, которымъ добывается продуктъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ ручной трудъ даже при настоящихъ техническихъ условіяхъ имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ въ рудникахъ. Если крупный рудникъ можно назвать общественнымъ производствомъ съ простой организаціей труда, гдѣ почти всѣ рабочіе производятъ одинаковую работу простѣйшими орудіями, то земледѣльческое хозяйство, развивающее свои производительныя силы, будетъ *общественнымъ производствомъ съ сложной организаціей труда* *).

Индивидуальное (семейное) производство посредствомъ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ невозможно, потому что онъ требуютъ многихъ рабочихъ, а простая организація труда невозможна, потому что требуется рядъ различныхъ работъ. Технической прогрессъ въ земледѣліи требуетъ сложной организаціи труда, но какъ разъ земледѣліе представляетъ такую отрасль промышленности, въ которой больше всего препятствій развитію производительныхъ силъ...

П. Масловъ.

*) Сельско-хозяйственныя предпріятія съ обработкой продуктовъ обыкновенно называютъ „заводами“: сахарныя крахмальные, водочные, смолокуреныя и т. д., хотя трудно рѣшить, что имѣетъ первенствующее экономическое значеніе въ предпріятіи—добываніе ли продукта (свеклы, картофеля, корья и т. п.) или его обработка.

Изъ міра критическихъ увлеченій.

Теорія трудовой цѣнности является въ настоящее время предметомъ оживленной полемики. Такая полемика возникаетъ уже не въ первый разъ: экономисты различныхъ лагерей то и дѣло къ ней возвращаются, и всегда споръ ведется съ большимъ увлеченіемъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: дѣло идетъ объ одномъ изъ основныхъ, центральныхъ вопросовъ экономическаго міровоззрѣнія. Это—вопросъ о связи между процессами производства и обмѣна; то или иное его рѣшеніе означаетъ тотъ или иной взглядъ на природу мѣнового общества, на законы его существованія. А мы живемъ въ мѣновомъ обществѣ.

Въ русской литературѣ полемика о трудовой цѣнности велась за послѣднее время довольно бессистемно, въ рядѣ разбросанныхъ журнальныхъ статей. Такая бессистемность, несомнѣнно, мѣшаетъ полному выясненію и оцѣнкѣ результатовъ борьбы. Поэтому нельзя не привѣтствовать всякую попытку свести во-едино аргументацію и выводы той или другой стороны. Конечно, каждая сторона можетъ сдѣлать это только сама за себя. Пока передъ нами имѣется попытка такого рода, исходящая изъ лагеря противниковъ теоріи трудовой цѣнности. Это—книжка г. Фраяка: „Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе“.

Въ подзаголовкѣ авторъ называетъ свою работу „критическимъ этюдомъ“. Этимъ подчеркиваются критическія задачи автора и его критическое настроеніе, и читателю дается право на особенно строгое отношеніе къ налагаемымъ воззрѣніямъ и аргументамъ. Прежде всего выступаетъ вопросъ: „критична ли данная критика?“

Некритическая, или что то же, ненаучная критика—явленіе весьма распространенное. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ критика неизбежно оказывается ненаучною, напр., тогда, когда она направляется противъ научной истины. А въ идеологической борьбѣ это встрѣчается на каждомъ шагу. Въ концѣ концовъ ненаучная критика должна была съ теченіемъ времени выработать свою особенную технику, свои *общіе приемы*, которые могутъ примѣняться всюду, гдѣ не хватаетъ приемовъ научныхъ. Эти „общіе приемы“ должны, конечно, обладать строго научной внѣшностью, иначе они никого не убѣдятъ, и слишкомъ легко будутъ разоблачены. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ приемахъ подобнаго рода внѣшность доведена до высокаго совершенства: они на каждой шагъ такъ и

подчеркиваютъ свою „научность“, свою „критичность“. Примѣромъ можетъ служить большая часть аргументовъ противъ трудовой цѣнности, собранныхъ г. Франкомъ.

Мы разсматриваемъ работу г. Франка, какъ образецъ некритической критики, и намѣрены воспользоваться ею, какъ источникомъ иллюстрацій при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ наиболѣе общихъ, наиболѣе распространенныхъ въ наше время способовъ аргументаціи, научной по внѣшности, но не по содержанію. Наша записка представитъ читателю уголокъ современной „Эристикки“ *).

Мы начнемъ съ одного общаго, въ высшей степени цѣлесообразнаго приѣма „критики“, который особенно уиорно приживается съ давнишнихъ временъ къ теоріи трудовой цѣнности. Его можно характеризовать названіемъ „апелляція къ дѣйствительности“.

Приѣмъ этотъ заключается въ томъ, что къ научной теоріи предъявляютъ требованіе объяснить дѣйствительность *вполнѣ*, объяснить данную группу явленій *во всей ихъ конкретности*. Этому требованію не можетъ удовлетворить *ни одна* научная формула, *ни одинъ* законъ.

Какъ это понять? Для большей полноты и послѣдовательности въ выясненіи дѣла, намъ удобнѣе будетъ разсматривать указанный приѣмъ въ его развитіи, начиная съ его первоначальной, грубой формы.

Во всякій данный моментъ познаніе необходимо останавливается у извѣстнаго предѣла, дальше котораго *пока еще* не удается примѣнить выработанные методы изслѣдованія, установленные научные принципы. Такъ, въ наше время мало кто изъ физиологовъ сомнѣвается въ полной примѣнимости физико-химическихъ законовъ къ жизненнымъ процессамъ, и, однако, цѣлый рядъ жизненныхъ явленій не „объясненъ“ еще съ точки зрѣнія этихъ законовъ, не сведенъ еще къ тѣмъ простымъ отношеніямъ, которыя ими формулируются. И вотъ, какой-нибудь виталистъ обращается къ стороннику физико-химическихъ воззрѣній на физиологію съ такой, приблизительно, аргументаціей: „Вы говорите, что явленія жизни подлежатъ законамъ физики и химіи? Прекрасно! Объясните же мнѣ этии законами такіа-то и такіа-то функціи организма. Не можете? Ну, вотъ видите: сама дѣйствительность показываетъ, что физико-химическая точка зрѣнія несостоятельна въ области жизненныхъ процессовъ“. Такимъ путемъ виталистъ „опровергаетъ“ научную точку зрѣнія и освобождаетъ мѣсто для своей пустой, метафизической абстракціи—жизненной силы.

Но эта форма „апелляція къ дѣйствительности“ уже теперь сильно дискредитирована развитіемъ науки. То, что вчера выставлялось, какъ нѣчто „необъяснимое“ существующими научными принципами, завтра благополучно „объяснялось“ ими и, „критика“ должна была съ позоромъ отступать, суживая область своихъ „доказательствъ“.

*) Я не имѣю въ виду заниматься здѣсь прямой защитой теоріи трудовой цѣнности: такая задача не можетъ выполняться мимоходомъ. Я имѣю въ виду только одно: на примѣръ работы г. Франка показать, какъ *не слѣдуетъ* опровергать научныя (или даже ненаучныя) теоріи.

Поэтому на мѣсто прежней формы „апелляція къ дѣйствительности“ должна была сложиться новая, болѣе совершенная. Въ самомъ дѣлѣ, современная форма „апелляція“ отличается и гораздо болѣе тонкостью, и гораздо болѣе общимъ характеромъ, и влѣдствіе того—болѣе широкой прѣдѣльностью.

Всякое познаніе есть *абстракція*, т. е. отвлечение отъ нѣкоторыхъ элементовъ дѣйствительности, какою она является въ конкретныхъ наблюдаемыхъ фактахъ. Въ безконечной сложности отдѣльныхъ наблюдаемыхъ явленій познаніе находитъ вѣчто постоянное, и обособляетъ это постоянное, „отвлекая“ его отъ не постоянного, не повторяющагося, индивидуальнаго въ явленіяхъ. При этомъ то, что выступаетъ въ болѣе узкой группѣ явленій, какъ постоянное, въ группѣ болѣе обширной, можетъ быть не постояннымъ; такимъ образомъ, понятіе, которое охватываетъ болѣе узкую группу явленій, окажется менѣе абстрактнымъ понятіе болѣе широкое и болѣе абстрактнымъ (т. е., во второмъ случаѣ познаніе отвлекается отъ большаго количества конкретныхъ элементовъ дѣйствительности, чѣмъ въ первомъ).

Но если всякое познаніе есть *отвлечение* отъ конкретности явленія, то оно никогда не можетъ ее *вполнѣ* охватывать: тогда оно уже не было бы отвлеченіемъ, абстракціей, т. е. не было бы познаніемъ вообще.

Поэтому, если строгій критикъ потребуетъ, чтобы какая-нибудь научная формула, законъ, теорія, объяснила ему *полностью* каждое конкретное явленіе, лежащее въ предѣлахъ значенія этой формулы, закона, теоріи,—то критикъ заранѣе можетъ быть увѣренъ въ отрицательномъ отвѣтѣ. Я помню одну нелѣпую брошюру, въ которой отвергалась современная астрономическая система; тамъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ было неполное совпаденіе фактической длины секунднаго маятника въ различныхъ широтахъ съ теоретически вычисленной; изъ этого неполнаго совпаденія выводилось, что невѣрна теорія мирового тяготѣнія, лежащая въ основѣ вычисленій, и т. д.

Аналогичнымъ приемомъ пользуется г. Франкъ въ опроверженіи теоріи трудовой цѣнности. Въ числѣ аргументовъ противъ нея онъ выставляетъ слѣдующіе (стр. 121).

1) Мѣновой цѣнностью обладаютъ блага, не созданныя трудомъ или невозпроизводимыя (т. е. трудовая цѣнность которыхъ является безконечно-малой или неопредѣленной величиной. А. В.).

2) Такъ называемыя „рыночныя цѣны“ отъ сравнительной затраты труда не находятся ни въ какой зависимости“... (надо читать: „не находятся въ непосредственной зависимости“. А. В. *).

* Тутъ г. Франкъ въ критическомъ усердіи сказалъ было явную несообразность: если бы фактическія цѣны не находились *ни въ какой* зависимости отъ сравнительной затраты труда, то невозможно было бы понять, какъ вообще могла возникнуть теорія трудовой цѣнности и какъ она могла держаться въ наукѣ отъ Петти до Маркса. И развѣ это „никакая зависимость“ хотя бы тотъ фактъ, что съ повышеніемъ производительности труда, т. е. съ пониженіемъ трудовой цѣнности товара, его рыночная цѣна обыкновенно понижается? Въ другихъ мѣстахъ книги самъ г. Франкъ допускаетъ нѣкоторую степень

Здѣсь, очевидно, къ формулѣ предъявляется требованіе, чтобы она охватила факты *во всей ихъ конкретности*, т. е. не была бы абстракціей. Выполнить этого она не можетъ—ясно, что она совершенно несостоятельна, опровергается самой дѣйствительностью.

Одной изъ вариаций описаннаго приѣма является другой приѣмъ: предъявлять къ научнымъ формуламъ одного типа требованія, относящіяся къ формуламъ другого типа.

Исслѣдуя рядъ однородныхъ явленій, мы можемъ простыми, сравнительно, механическими приѣмами опредѣлить „среднюю“ этого ряда, напр., средній типъ какихъ-нибудь процессовъ или среднюю величину какихъ-нибудь отношеній. При этомъ явленія не подвергаются анализу, сложные отношенія не сводятся къ болѣе простымъ, основныя условія не отдѣляются отъ второстепенныхъ; тутъ факты только сваливаются въ общую грудку и имъ подводится итогъ, который выражаетъ лишь *равнодѣйствующую* всѣхъ условій во всей ихъ сложности. Напр., пусть средняя продолжительность жизни въ известной странѣ равняется 30 годамъ: эта цифра и выражаетъ равнодѣйствующую всей суммы жизненныхъ условій, въ которыхъ находится население страны. Тутъ еще нѣтъ рѣчи объ анализѣ самихъ условій, о выдѣленіи изъ общей ихъ массы условій основныхъ, отъ которыхъ прежде всего зависитъ продолжительность жизни, и вторичныхъ, видоизмѣняющихъ результаты вліянія основныхъ.

Совсѣмъ иной смыслъ имѣютъ *нормы* явленій. Въ нормѣ выражается основная тенденція даннаго ряда фактовъ, изолированное вліяніе основныхъ условій, которыми порождаются эти факты. Напр., для падающаго тѣла норма ускоренія близъ поверхности земли—9,81 метра въ секунду: это значитъ, что по устраненіи всѣхъ частныхъ осложняющихъ условій, напр., сопротивленія воздуха, побочных толчковъ, которые можетъ получать падающее тѣло, и т. под., когда остается только основное условіе паденія—взаимное тяготѣніе массы земли и массы другого тѣла, то наблюдаемое ускореніе должно равняться 9.81 метра. Это совсѣмъ не то, что средняя величина фактически наблюдаемаго ускоренія; послѣдняя вообще ниже нормы, потому что большая часть побочных условій въ конкретныхъ наблюдаемыхъ случаяхъ противоdѣйствуютъ движенію падающаго тѣла. Точно такъ же физиологическая норма продолжительности жизни, которая получилась бы, если бы мы отвлеклись отъ конкретныхъ, частныхъ вліяній, нарушающихъ типическій ходъ жизненнаго процесса, совсѣмъ не совпадаетъ со среднею продолжительностью жизни: послѣдняя всегда значительно ниже первой, потому что громадному большинству людей не удается пройти *нормальнаго* жизненнаго цикла до самаго конца, до „естественной“ смерти.

И такъ, норма ряда явленій не есть ихъ средняя: первая „абстрактный“ законъ, вторая—„эмпирическая“ формула; первая выражаетъ основную, первичную

зависимости, и потому я позволилъ себѣ исправить неосторожное выраженіе, какъ исправляютъ опечатку. Въ случаѣ, если бы онъ не согласился на это, мнѣ пришлось бы только придать болѣе энергичную форму своимъ замѣчаніямъ.

тенденцію ряда явленій, вторая—результатъ соединенія всѣхъ тенденцій, реально проявляющихся въ этомъ рядѣ.

Трудовая цѣнность относится къ нормамъ; она—абстрактный законъ обмѣна, выраженіе основной его тенденціи. Ясно, что если мы эту норму мѣновыхъ отношеній станемъ сравнивать съ ихъ эмпирическою среднею, то очень легко можетъ оказаться, что первая не совпадаетъ со второю. На этомъ основаны 3-е и 4-е изъ основныхъ возраженій на теорію трудовой цѣнности, излагаемыхъ г. Франкомъ (стр. 121).

3) „Средняя“, „нормальная“ или „естественная“ цѣна (Produktionspreis у Маркса) также трудомъ не опредѣляется (т. е. не стоитъ въ *строгомъ* соответствии съ трудовой нормой. А. Б.).

4) Зависимость ея отъ издержекъ производства (подразумѣвается—среднихъ. А. Б.) въ смыслѣ Рикардо и Маркса, что служить предпосылкой трудовой теоріи мѣновой цѣнности, также нарушается наличностью абсолютной ренты и неполной переносимостью капитала и труда“ *).

Такого рода возраженія, основанныя на смѣшеніи познавательной абстракціи съ конкретностью или нормы со среднею, въ высшей степени полезно придавать внѣшній видъ строгой принципиальности. Въ нашу эпоху страстнаго стремленія къ монизму, къ единству міросозерцанія, можетъ показаться основательнымъ требованіе единаго частнаго принципа для объясненія во всей полнотѣ каждого частнаго ряда явленій. Можно, напр., сказать (Фр., стр. 46): „...необходимо указаніе на одно и только одно свойство товаровъ, въ которомъ лежитъ разгадка ихъ мѣновой цѣнности. Поэтому, если существуютъ мѣновыя отношенія, въ основѣ которыхъ лежитъ не трудъ, а что-либо иное, или даже трудъ, но не только онъ одинъ, то трудъ не можетъ служить общей субстанціей или природой цѣнности...“ и т. д.

Иллюзія солидности и принципиальности аргумента, однако, исчезаетъ, если мы придемъ во вниманіе слѣдующее. Познанію не приходится имѣть дѣло съ явленіями, совершенно изолированными; реально всѣ процессы природы связаны между собою и взаимно влияют одни на другія; поэтому совершенно немислимо одну какую-нибудь группу явленій всецѣло, безъ остатка, объяснить изъ одного принципа, спеціально для нея установленнаго, ибо различныя вліянія со стороны другихъ окружающихъ явленій не могутъ уложиться въ рамки этого спеціального принципа. Такъ, напр., въ объясненіи конкретныхъ наблюдаемыхъ фактовъ паденія тѣтъ невозможно ограничиться основной абстрактной формулой паденія (выражающей дѣйствіе тяготѣнія въ чистомъ видѣ), но необходимо принять во вниманіе всю сумму реальныхъ условий. Полное объясненіе должно считаться и

*) На смѣшеніи средней съ нормою основана ошибка большинства критиковъ „Капитала“, считающихъ III томъ этой работы, гдѣ дѣло идетъ объ изслѣдованіи *среднихъ* цѣнъ, отрицаніемъ I тома, гдѣ анализъ ведется въ предѣлахъ *нормы* мѣновыхъ отношеній: между тѣмъ это—двѣ послѣдовательныя стадіи одного процесса познанія, двѣ степени абстракціи: высшая и низшая.

съ формой и съ плотностью самого падающаго тѣла, и съ плотностью воздуха, и съ наличностью тѣхъ или иныхъ воздушныхъ теченій, и съ близостью горныхъ массивовъ, отклоняющихъ, хотя незначительно, линію паденія отъ строгой вертикали, и т. д., и т. д. При этомъ *основной* принципъ объясненія, въ отдѣльности, не только вообще недостаточенъ, но иногда даже совершенно затеняется побочными вліяніями.

Единый принципъ объясненія, который совершенно не нуждается въ ограниченіяхъ для отдѣльной группы эмпирическихъ фактовъ, окажется въ то же время всеобщимъ принципомъ объясненія для всѣхъ явленій, такъ или иначе связанныхъ съ этой группой, стало быть, для всей природы вообще. Таковъ, напр., принципъ причинности. Но каждая группа однородныхъ явленій нуждается, кромѣ такого, слишкомъ общаго принципа, еще въ специальномъ, болѣе частномъ; и этотъ послѣдній необходимо сталкивается съ другими, тоже специальными и частными принципами, и ограничивается ими.

Но описанный нами критическій приемъ, — требованіе единаго принципа для частнаго рода явленій, — имѣетъ свои неудобства. Читатель, даже не замѣтивши логической ошибки критика, можетъ сказать ему: „Но докажите намъ, что это въ самомъ дѣлѣ возможно найти единый принципъ для объясненія столь сложныхъ, запутанныхъ фактовъ“. Какъ отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ выйти изъ труднаго положенія?

Здѣсь удобно примѣнить тотъ научно-схоластическій приемъ, который обозначается терминомъ „пустая абстракція“. Такъ, напр., г. Франкъ на стр. 57 говорить:

„...Мы видѣли, что затрату труда считать такимъ свойствомъ („универсальнымъ признакомъ товаровъ, въ которомъ должна лежать „субстанція“ мѣновой цѣнности. А. В.) нельзя; теперь мы видимъ, что всѣ блага, обладающія мѣновой цѣнностью, имѣютъ одно общее свойство: всѣ они являются *объектами спроса и предложенія* (курсивъ мой. А. В.). Только за этимъ свойствомъ, слѣдовательно, можетъ скрываться „субстанція“ мѣновой цѣнности, открыть которую составляетъ задачу абстрактной теоріи цѣнности“.

Но что значить „быть объектами спроса и предложенія“? Это значить... это значить... быть товарамъ—и ничего больше. На продуктъ есть спросъ, его предлагаютъ—это значить, что онъ покупается и продается, что онъ выступаетъ въ обмѣнѣ, что онъ есть товаръ. Больше ничего не выдарапать изъ этой формулы *). Она предлагаетъ искать „субстанцію“ мѣновой цѣнности въ томъ свойствѣ товаровъ, что они суть товары: таково ихъ общее свойство! Такъ далеко

*) Не станетъ ли формула содержательнѣе, если мы на мѣсто „спроса и предложенія“ поставимъ „отношеніе спроса къ предложенію“? Конечно, нѣтъ; и самъ г. Франкъ замѣчаетъ, что „этимъ не объясняется ровно ничего“. Можетъ быть, подъ „спросомъ и предложеніемъ“ слѣдуетъ понимать „психологическіе факты“ — потребность купить и потребность продать? Но и это ничего не прибавитъ къ пустой тавтологіи: въ понятіи обмѣна, конечно, подразумевается наличность этихъ фактовъ; иначе, что же такое обмѣнъ?

Приказъ объ освобожденіи. — Миллеза.

ушелъ анализъ г. Франка. Здѣсь онъ считаетъ себя въ правѣ остановиться, и, намѣтивъ исходную точку изслѣдованія, предоставить его продолженіе другимъ...*)).

Переходимъ къ слѣдующему, въ высшей степени важному приему анти-научной критики. Онъ называется „смѣшеніемъ родственныхъ понятій“. Описывать его нѣтъ надобности, — достаточно иллюстрировать.

5-е изъ основныхъ возраженій на теорію трудовой цѣнности, изложенныхъ г. Франкомъ, между прочимъ, гласитъ (стр. 121): „...она (теорія труд. цѣнности) несоединима также съ правильной теоріей цѣнности труда“.

Теорія трудовой цѣнности, въ ея современномъ видѣ, устраняетъ, какъ извѣстно, самый вопросъ о „цѣнности труда“. Дѣйствительно, даже терминъ „цѣнность труда“ основанъ на недоразумѣніи. Трудъ не есть товаръ, потому что онъ не есть вообще продуктъ, а *процессъ производства* продуктовъ. Продавать процессъ за продуктъ—это явная нелѣпость: величина динамическая и величина статическая просто несравнимы. Научный анализъ требуетъ установленія статической величины для сравненія съ другой статической, требуетъ, чтобы въ изслѣдованіи противъ продукта выступалъ продуктъ. Такой статической величиной является рабочая сила; она, дѣйствительно, можетъ разсматриваться, какъ продуктъ прежняго труда, создавшаго средства потребленія работника, которая въ организмѣ работника превращается въ рабочую силу. Продуктъ за продуктъ, рабочая сила за деньги—такова мысль Маркса, вытекающая изъ основныхъ требованій научнаго метода.

Г. Франкъ вовсе не касается изложенныхъ методологическихъ соображеній. Полагая, что „вопросъ этотъ есть въ сущности терминологическій“ и, сравнительно, неважный, онъ, однако, энергично высказывается противъ старой терминологіи. Вотъ его аргументація (стр. 107):

„... Обмѣнъ извѣстнаго количества труда на извѣстное количество денегъ можетъ быть названъ только покупкой труда, а не покупкой рабочей силы, и эквивалентъ, получаемый рабочимъ, долженъ означать цѣнность именно его труда, а не рабочей силы: при договорѣ найма труда капиталиста интересуетъ отнюдь не потенциальная сила рабочаго, которую, помню того, онъ реально и не можетъ приобрести, такъ какъ она всегда остается при самомъ рабочемъ, а лишь результаты этой рабочей силы — трудъ рабочаго, и только этотъ послѣдній, составляетъ реальный объектъ договора“.

Само собой разумѣется, что неправильное по существу положеніе можно обосновывать только при помощи нелогичной аргументаціи. Дѣйствительно, внимательно разсмотрѣвши эту аргументацію, мы находимъ, что она складывается изъ двухъ элементовъ: одной крупной непослѣдовательности и одной смѣлой игры словами.

Непослѣдовательность заключается въ томъ, что г. Франкъ остановился на полпути. Онъ находитъ, что капиталиста интересуетъ не рабочая сила, а резуль-

*) Когда г. Франкъ вновь возвращается къ этому вопросу, то онъ намѣчаетъ уже другую исходную точку изслѣдованія—теорію денегъ (точнѣе—денежнаго фетишизма). Но и тамъ изслѣдованіе предоставляется желающимъ.

татъ емъ—трудъ. Но развѣ именно трудъ, *самъ по себѣ*, нуженъ капиталисту? Очевидно нѣтъ: „капиталиста интересуетъ“ не трудъ, а результатъ этого труда—его продуктъ. Поэтому, съ точки зрѣнія принимаемой г. Франкомъ логики слѣдовало бы говорить не о продажѣ рабочимъ его труда, а о продажѣ продукта этого труда. Но на это врядъ ли рѣшится и г. Франкъ: слишкомъ ужъ большая тогда бы получилась путаница понятій; рабочаго нельзя было бы отличить отъ самостоятельнаго мелкаго производителя, который на самомъ дѣлѣ продаетъ продукты своего труда.

Къ игрѣ словомъ „реально“ сводится замѣчаніе, что капиталистъ не можетъ „реально приобрести“ рабочую силу, потому что она „всегда остается при самомъ рабочемъ“. Очевидно, г. Франкъ подъ словами „реально приобрести“ понимаетъ: взять и увести. Пониманіе нѣсколько... непривычное для экономической науки. Утвержденіе, что рабочая сила „всегда остается“ при рабочемъ, невѣрно, кстати сказать, и въ томъ смыслѣ, что рабочая сила не „остается“. а непрерывно затрачивается, потребляется въ процессѣ труда.

Въ только что разобранномъ нами примѣрѣ логическая остановка на пути имѣла значеніе лишь вспомогательнаго средства при смѣшеніи понятій. Но она можетъ выступать и какъ самостоятельный приемъ критики.

По мнѣнію Маркса, законъ трудовой цѣнности регулируетъ цѣны такимъ способомъ: онъ опредѣляетъ общую сумму прибавочной цѣнности, затѣмъ черезъ ея отношеніе къ общей суммѣ цѣнностей общественнаго капитала—среднюю норму прибыли, и черезъ эту послѣднюю — среднія рыночныя цѣны. На это Франкъ возражаетъ (стр. 72):

„... Общая сумма прибавочной цѣнности вовсе не равна общей суммѣ прибыли и потому не опредѣляетъ непосредственно уровня прибыли. Для того, чтобы это произошло, необходимо, чтобы заработная плата въ точности равнялась цѣнности рабочей силы. Между тѣмъ, средства потребленія рабочихъ имѣютъ цѣну, столь же не совпадающую съ ихъ цѣнностью, какъ и всѣ другіе товары; поэтому и рабочая сила оплачивается, можно сказать, не по своей цѣнности, а по цѣнѣ производства...“

Здѣсь г. Франкъ забылъ, что деньги—только посредникъ между товарами, что денежная заработная плата есть только номинальная: на нее рабочій покупаетъ себѣ средства потребленія, которыя и составляютъ *реальную* заработную плату; и если цѣнность рабочей силы (по самому опредѣленію) есть цѣнность, средствъ потребленія работника, то совершенно неважно, что номинальная, денежная плата уклоняется отъ величины цѣнности рабочей силы: плата реальная, средства потребленія работника, не подвержена *такому* уклоненію. Рабочая сила обмѣнивается въ сущности, на средства потребленія работника: цѣны производства здѣсь не при чемъ, и рабочая сила, какъ бы она ни „оплачивалась“ деньгами номинально, фактически все же покупается, вообще говоря, по своей цѣнности *).

*) Другой аргументъ г. Франка по вопросу о происхожденіи средней нормы прибыли *не вполне* безосодержательнъ, а имѣетъ нѣкоторое терминологическое

Однако, мы достаточно занимались такляъ второстепеннымъ „критическимъ“ приѣмомъ. Возвратимся къ приѣму болѣе важному,—къ „смѣшенію понятій“.

Передъ нами три понятія: „возникновеніе“ прибавочной цѣнности, ея „извлечение“ и ея „распредѣленіе“. Первое изъ этихъ понятій относится къ области производства: прибавочная цѣнность есть цѣнность „прибавочнаго продукта“, который создается „прибавочнымъ трудомъ“, составляющимъ, конечно, часть производственной дѣятельности людей. „Извлечение“ прибавочной цѣнности—это присвоеніе однимъ классомъ цѣнности, возникшей изъ прибавочнаго труда другого класса: оно можетъ совершаться какъ путемъ непосредственнаго присвоенія прибавочнаго продукта (промышленный капиталистъ прямо беретъ себѣ весь произведенный продуктъ, въ томъ числѣ и прибавочный), такъ и путемъ обмѣна не-эквивалентовъ (низшія формы капитала — скупщическій и ростовщическій). „Распредѣленіе“ прибавочной цѣнности совершается въ предѣлахъ класса, который уже присвоилъ ее, и осуществляется, въ рядѣ мѣнновыхъ сдѣлокъ. Сажь Марксъ, разграничивши эти понятія въ достаточной мѣрѣ, не особенно строго употреблялъ соответственные термины (вѣдь онъ не думалъ, что его работу будутъ *текстуально* изучать и критиковать, точно „Талмуд“). И вотъ прекрасный случай смѣшать всѣ три понятія. Онъ отрицалъ *возникновеніе* прибавочной цѣнности въ обмѣнѣ: будемъ утверждать, что онъ отрицалъ ея *распредѣленіе* путемъ обмѣна (Франкъ, стр. 282), будемъ утверждать, что по его теоріи „никто не выигрываетъ въ обмѣнѣ и никто не проигрываетъ“ (стр. 309), что она не допускаетъ въ обмѣнѣ „никакаго присвоенія общественнаго труда“ (стр. 311), и т. д., и т. д. *).

Со „смѣшеніемъ понятій“ находится въ близкомъ родствѣ другой „критическій“ приѣмъ: „подстановка неопредѣленныхъ формулъ вмѣсто опредѣленныхъ“. Посмотрижь, какія услуги онъ можетъ оказывать.

Теорія трудовой цѣнности обладаетъ нѣкоторой непосредственной убѣдительностью благодаря тому, что она ищетъ основанія мѣнновыхъ отношеній въ сферѣ производства, общественнаго труда. Мы не говоримъ уже о сторонникахъ историческаго монизма, для которыхъ отношенія производства представляются вообще

гнѣское значеніе. Онъ указываетъ на неправильность выраженія: „отношеніе суммы прибавочной цѣнности въ суммѣ всѣхъ цѣнностей“. Ни что обмѣнивается „сумма всѣхъ цѣнностей?“ Только на себя же; поэтому, какъ судить объ ея величинѣ? Тутъ правильнѣе было бы говорить о суммѣ прибавочнаго труда, и о суммѣ труда, воплощенной во всемъ общественномъ капиталѣ. Тогда всякое недоразумѣніе устраняется.

*) Гораздо обстоятельнѣе г. Франка использовать эту путаницу понятій г. Прокоповичъ, который положилъ ее въ основу своей весьма солидной и весьма ученой статьи „Дифференціальная репта и теорія цѣнности“ „Научное Обзорніе“, 1900 г., № 11). Г. Прокоповичъ приходитъ къ выводу, что прибавочная цѣнность „создается“ или „возникаетъ“ частью путемъ покупки рабочей силы, частью путемъ обмѣна не-эквивалентовъ; въ этомъ смыслѣ онъ „дополняетъ“ и „исправляетъ“ теорію Маркса. Хороша она выйдетъ въ *такомъ* исправленномъ и дополненномъ видѣ!

базисомъ всякихъ другихъ общественныхъ отношеній, и для которыхъ поэтому точка зрѣнія трудовой производственной цѣнности почти обязательна; но и для большинства другихъ людей должна а priori казаться естественной и законной точка зрѣнія, устанавливающая опредѣленную связь между отношеніемъ челоуѣка къ продукту въ производствѣ и отношеніемъ къ нему въ обмѣнѣ. Какъ устранить это психологическое предрасположеніе въ пользу теоріи трудовой цѣнности?

Для этого надо сдѣлать такъ, чтобы „общественный трудъ“ и „производство“ стали двумя различными вещами, чтобы производственныя основы обмѣна не были трудовыми. Здѣсь-то и можетъ оказаться полезной подстановка неопредѣленной формулы вмѣсто опредѣленной.

Начать удобнѣе съ того, чтобы нежелательную формулу изложить въ возможно болѣе нелѣпомъ видѣ, напр., такъ: „трудъ есть „единственный“ и „главнѣйшій“ факторъ производства“ (стр. 224). Путаница внесена: трудъ сдѣлавъ какииъ-то „факторомъ“ производства, тогда какъ онъ есть *само* производство; общественно-научная точка зрѣнія дискредитирована нигуда негодной формулой, которую ей навязали; является возможность „критически“ заявить, что эта точка зрѣнія есть „остатокъ фетишистически-антропоцентрическаго (?) міросозерцанія, и не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія“ *).

Но какое же опредѣленіе производства „имѣетъ научное значеніе“?

„Съ чисто-физической, наиболѣе широкой точки зрѣнія, производство есть именно не что иное, какъ постоянное возобновленіе отслужившихъ въ потребленіи формъ матеріи... Въ этомъ смыслѣ природа есть несомнѣнно „факторъ производства“... даже болѣе мѣрѣ, чѣмъ челоуѣкъ... Природа способна „производить“ безъ содѣйствія челоуѣка, челоуѣкъ—никогда безъ содѣйствія природы“ (стр. 223).

Исслѣдователь, конечно, имѣетъ право въ своихъ *экономическихъ* изысканіяхъ сдѣлать основой „чисто физическое“ опредѣленіе производства. Но тогда онъ *обязанъ* съ той же „чисто физической“ точки зрѣнія разсматривать и всевозможныя экономическія отношенія: обмѣнъ, раздѣленіе труда, эксплуатацію и т. д. Можетъ ли выполнить это г. Франкъ? Сомнительно. Вотъ образчикъ его опытовъ въ этомъ направленіи: „Трудъ животныхъ и трудъ машинъ, трудъ непосредственно данныхъ естественныхъ силъ природы и трудъ тѣхъ ея силъ дѣйствіе которыхъ обусловлено уже предварительной дѣятельностью челоуѣка— всѣ эти факторы производства должны быть организованы такъ, чтобы передавать измѣненіе челоуѣческой дѣятельности въ желательной формѣ результатамъ производства“ (стр. 242).

И такъ, кто же трудится? Животныя, машины, непосредственно данныя силы природы и силы природы, не данныя непосредственно; кромѣ того—челоуѣкъ.

Что такое „организация труда“? Группа, въ которую входятъ: животныя, машины, два сорта силъ природы; вмѣстѣ съ ними—челоуѣкъ.

*) Г. Франкъ самъ приходитъ въ другомъ мѣстѣ къ понятію о производствѣ, какъ трудѣ; но это понятіе онъ разсматриваетъ какъ „болѣе узкое“ и субъективное, а потому пользуется имъ только для психологическаго анализа „субъективной цѣнности“.

Что такое трудъ? Это вопросъ,—во всякомъ случаѣ онъ не то, чѣмъ его считаютъ: не „сознательно-цѣлесообразная дѣятельность“. Определенія для такихъ случаевъ удобнѣе не давать.

Все это — логическій выводъ изъ того, что природа занимается „производствомъ“.

Если „чисто физическое“ определеніе производства по своей неопредѣленности допускаетъ такую путаницу, то слѣдовало бы взять общественно-научное. Но тогда общественный трудъ уже не „факторъ“ производства, а *само* производство, и природа тоже не „факторъ“, а объектъ производства, какъ человѣкъ, котораго бьютъ, есть не „факторъ“ побоевъ, а ихъ объектъ *).

Существуютъ термины, которые, повидимому, спеціально приспособлены для затемненія простыхъ вещей и внесенія путаницы въ ясныя представленія. Къ числу такихъ терминовъ относится слово „факторъ“...

Всѣ до сихъ поръ изложенные мною критическіе приемы не отличаются особенной новизною. Но, кромѣ нихъ, у г. Франка удается найти еще одинъ, который можетъ показаться сравнительно оригинальнымъ. Этотъ приемъ я называю такъ: „признать, чтобы отвергнуть“.

Путемъ весьма сложныхъ окольныхъ соображеній г. Франкъ приходитъ къ такому выводу: „Если бы социальныя силы были равны, то свободное ихъ столкновение при обмѣнѣ продуктовъ несомнѣнно приводило бы къ обмѣну пропорціонально затратѣ труда...“ (стр. 307).

Казалось бы, это и означаетъ принятіе трудовой цѣнности, какъ абстрактной нормы жѣновыхъ отношеній, какъ исходной точки изслѣдованія обмѣна. Если принципъ трудовой цѣнности въ *абсолютной* формѣ соответствуетъ равенству силъ въ обмѣнѣ, то изслѣдованіе должно дальше выяснять, какъ видоизмѣняется примѣненіе принципа фактическимъ неравенствомъ, гдѣ предѣлы этого неравенства, и гдѣ предѣлы его вліянія **). Тутъ передъ нами бы выяснилось, какъ въ силу этого неравенства вмѣсто продажи продукта выступаетъ продажа рабочей

*) Выясненію понятія „производство“ съ монистической точки зрѣнія спеціально посвящена работа В. Базарова „Трудъ производительный и трудъ-образующій цѣнность“.

***) Повидимому, г. Франкъ не представляетъ себѣ того факта, что неравенство социальныхъ силъ *при обмѣнѣ* означаетъ далеко не то же самое, что неравенство социальныхъ силъ въ смыслѣ неравнаго богатства, правового положенія, политическаго вліянія и т. д. Неравенство силъ при обмѣнѣ принимаетъ форму неравенства спроса и продолженія, форму, въ которой предѣлы и значеніе социальнаго неравенства могутъ значительно суживаться. Напр., самый богатый и вліятельный человѣкъ, покупая какой-нибудь товаръ у самаго несчастнаго мелкаго торговца, можетъ оказаться „болѣе слабой стороной“ въ смыслѣ отношенія спроса къ предложенію, и можетъ быть вынужденъ къ уступкамъ. И это не исключительный случай: развѣ „соціально-сильные люди“ въ общемъ покупаютъ много дешевле остальныхъ, и если дешевле,—то развѣ разница стоитъ въ какомъ-нибудь пропорціональномъ соотношеніи съ фактической силой — богатствомъ, властью, вліяніемъ и т. д. И здѣсь рынокъ „великій уравниватель“, хотя далеко не абсолютный, разумѣется.

силы, какъ землевладелецъ навлекаетъ ренту изъ общественнаго труда, какъ монополистъ-предприниматель получаетъ добавочную прибыль, и т. д., и т. д. Передъ нами выяснилось бы, какъ все это отражается на мѣновой цѣнности, и до какого предѣла она уклоняется, благодаря этому, отъ первой абстрактной нормы. Первая абстрактная норма—трудовая цѣнность—послужила бы базисомъ для второй, болѣе приближающейся къ дѣйствительности, вторая — для третьей, еще менѣе абстрактной, и т. д. *Таковъ путь „Капитала“.*

Что же дѣлаетъ г. Франкъ? Онъ разсуждаетъ удивительно просто: такъ какъ социальныя силы не равны, то теорія трудовой цѣнности не вѣрна, и онъ считаетъ нелѣпнымъ пользоваться ею, какъ началомъ анализа, изслѣдовать, насколько данный принципъ затемняется усложняющими вліяніями и насколько господствуетъ надъ ними. Г. Франкъ просто *отказывается* сдѣлать какое-либо употребленіе изъ установленнаго принципа и требуетъ, чтобы ему принесли другой. Этотъ другой, конечно, долженъ быть совсѣмъ особаго рода: онъ сразу долженъ исходить и изъ общихъ условій обмѣна, и изъ конкретныхъ социальныхъ неравенствъ, долженъ охватывать и основную тенденцію фактовъ, и всѣ осложняющія вліянія. Г. Франкъ хочетъ луну,—пусть же онъ самъ достаетъ ее.

Въ отрицательной части работы г. Франка, въ его полемику противъ трудовой теоріи цѣнности, мы разобрали всѣ наиболѣе важные пункты *). Перейдемъ къ его положительнымъ воззрѣніямъ.

Здѣсь наиболѣе существеннымъ представляется стремленіе г. Франка внести въ экономическую науку *субъективно-психологической* элементъ. Въ этомъ г. Франкъ — близкій родственникъ нѣмецкимъ теоретикамъ „предѣльной полезности“. Недаромъ онъ говоритъ о нихъ такимъ трогательнымъ тономъ, за которымъ чувствуется раскаяніе въ прежнихъ грѣхахъ противъ этой школы (онъ когда-то сражался противъ нея въ „Русск. Бог.“); недаромъ онъ призываетъ къ покаянію и всѣхъ теперешнихъ сторонниковъ трудовой цѣнности.

Но г. Франкъ не вполне доволенъ своими новыми друзьями,—не доволенъ тѣмъ, что они остаются на индивидуально-психологической точкѣ зрѣнія. Онъ находитъ, что объяснять общественныя отношенія *прямо* изъ индивидуальной психики — неправильно. Это, конечно, вѣрно: личность живетъ и развивается въ обществѣ; ея психика складывается путемъ приспособленія къ тѣмъ общественнымъ отношеніямъ, которыя ее окружаютъ, ей навязываются безъ предварительнаго выбора съ ея стороны; поэтому именно психику личности мы должны объяснять на почвѣ изслѣдованія общественныхъ отношеній, а не наоборотъ.

Однако, г. Франкъ не становится и на эту точку зрѣнія. Онъ склоненъ такъ же, какъ психологическая школа, начинать съ индивидуальной психики, но за-

*) Можно было бы указать еще на кой-какіе „критическіе“ приемы г. Франка. Напр., одно изъ затрудненій теоріи трудовой цѣнности („разноцѣнность различныхъ видовъ труда“), затрудненіе, которое многіе считаютъ въ значительной мѣрѣ выясненнымъ, онъ превращаетъ въ одно изъ „противорѣчій“ этой теоріи; но размѣры замѣтки не позволяютъ намъ вдаваться въ слишкомъ подробный разборъ частныхъ вопросовъ.

тѣмъ, чтобы перейти отъ нея къ общественной психологiи. Последнюю онъ думаетъ, повидимому, сдѣлать основой экономической науки.

Итакъ, методъ г. Франка можно характеризовать, какъ субъективно-общественно-психологической... О значеніи этого метода мы можемъ пока судить по его продукту, предъявленному г. Франкомъ — по „субъективной общественной цѣнности“.

Къ ней г. Франкъ приходитъ, идя по пути „психологической школы“, черезъ посредство „предѣльной полезности“ и „субъективной цѣнности“. Мы не будемъ слѣдовать съ нимъ по этому пути, а остановимся на послѣднихъ выводахъ.

„Субъективная общественная цѣнность“ есть фактъ *психологическій*, а не экономическій, представленіе въ головѣ челоуѣка, а не отношеніе между людьми. Она есть *оцѣнка* продукта съ точки зрѣнія интересовъ общественнаго блага. Она *совпадаетъ съ трудовой цѣнностью*.

Каково ея объективное значеніе въ экономической жизни? Для современнаго мѣноваго общества оно, по мнѣнію г. Франка, равняется нулю или почти нулю. Субъективная общественная цѣнность имѣетъ вліяніе лишь постольку, поскольку экономическая жизнь *сознательно организована обществомъ*; при капиталистическихъ отношеніяхъ такое вліяніе ужь очень мало. Поэтому г. Франкъ находитъ, что субъективная общественная цѣнность „не необходима, но все-таки существуетъ“; впоследствии же она пріобрѣтетъ большое значенія.

Спрашивается, какое дѣло экономической наукѣ до этой „субъективной общественной цѣнности“? Поскольку она не имѣетъ экономического значенія— очевидно, ровно никакого дѣла. А поскольку имѣетъ или будетъ имѣть? Тоже ровно никакого. Почему?

Экономическая наука изучаетъ *общественными отношеніями производства и распределенія*. Трудовая цѣнность лежитъ въ этой области, а „субъективная общественная цѣнность“ не лежитъ. Первая есть общественно-трудовое отношеніе, вторая — „психологическій фактъ“. И въ то же время вторая совпадаетъ съ первой. Спрашивается, чего же ради экономической наукѣ навязывать себѣ на шею чуждую себѣ категорію, когда эта категорія „совпадаетъ“ съ уже существующей въ экономической наукѣ? Очевидно, незачѣмъ. Основное правило метода: ничего лишняго.

Не давши читателю рѣшенія задачи о мѣновой цѣнности, г. Франкъ, чтобы утѣшить его, намѣчаетъ путь рѣшенія этой задачи. Путь этотъ страшно длиненъ и труденъ: когда будетъ дана еще не существующая, по мнѣнію г. Франка, „дѣйствительно-научная теорія происхожденія и цѣнности денегъ“, то это будетъ „только первымъ шагомъ“. Можно даже опасаться, что задача исчезнетъ раньше ея рѣшенія. Во всякомъ случаѣ, нельзя судить о достоинствахъ этого пути, пока кто-нибудь по немъ не прогуляется. Дурнымъ предзнаменованіемъ служить смѣшеніе „объективнаго“ и „субъективнаго“ методовъ.

Экономическая наука изучаетъ реальныя отношенія людей. Ей нѣтъ дѣла до того, какъ отражаются эти отношенія въ головахъ людей. Ученіе, напр., о фе-

тишизмѣ къ ней не относится: оно принадлежитъ наукѣ о духовной культурѣ, объ идеологіяхъ, а не экономической наукѣ; ибо фетишизмъ *отражаетъ* общественныя отношенія производства, *обусловленъ* ими, но самъ *не есть* отношеніе производства. Въ *критикѣ* экономическихъ доктринъ ученіе это можетъ сыграть свою роль, но тогда вѣдь дѣло идетъ не объ экономическихъ отношеніяхъ, а объ экономическихъ воззрѣніяхъ, которыя представляютъ идеологическій продуктъ.

Мы не склонны отказывать „субъективной цѣнности“ во всякой „объективной цѣнности“, и теоріи „предѣльной полезности“ приписывать „безпредѣльную бесполезность“. Нѣтъ, въ ученіяхъ психологической школы мы видимъ описательное изслѣдованіе исторически сложившейся товарной психологіи, изслѣдованіе, которое можетъ послужить матеріаломъ для науки объ идеологіяхъ. Но въ экономической наукѣ этимъ ученіямъ не мѣсто.

А. Богдановъ.

Изъ Италіи.

II.

Современное положеніе. Министерскій кризисъ.

Хорошо въ Италіи заѣзжему туристу. Во-первыхъ, климатъ: теперь вторая половина нашего января, а въ Римѣ днемъ въ тѣни 12—13 град.; рѣдкій день не видишь солнца, наполняющаго улицы легкимъ, душистымъ тепломъ; трава зеленѣетъ, и на бузинѣ уже показались первые листки; зацвѣтаютъ полевые маргаритки; на улицахъ уже продаютъ расцвѣвшія вѣтви фруктовыхъ деревьевъ. Пріятно дѣйствуетъ и простота жизни. Люди изъ низшихъ классовъ веселы, просты, говорливы, покладисты; мало у нихъ сознанія своихъ интересовъ, и потому нѣтъ такъ называемыхъ претензій; личныя услуги дешевы. Общественное мнѣніе развито слабо — отсюда полная свобода чудачить, одѣваться, какъ угодно (въ какихъ фантастично-безцеремонныхъ нарядахъ рассказываютъ здѣсь дома столь чопорные англійскіе джентельмены!). Надъ итальянскими непорядками самодовольно подсмѣиваются, порицая ихъ; здѣшнія власти съ иностранцами зангряваютъ.

Но не легко становится на душѣ тому, кто глубже взглядывается въ жизнь этой страны, кто слѣдитъ за прессой, знакомится съ лучшими итальянцами. Его начинаетъ мучительно преслѣдовать сознаніе контраста между вѣшной природой, между дарованіями народа, между великимъ прошлымъ и современнымъ положеніемъ Италіи. Онъ чувствуетъ себя подавленнымъ безопадной ироніей исторіи. Здѣсь, подъ этимъ благодатнымъ небомъ, живетъ больная страна. Невольно вспоминаешь слова Некрасова:

„Ты, какъ вдова печальная,
Стоишь съ лицомъ неубраннымъ,
Съ распущенной косой.“

Какъ-то особенно жалко видѣть въ такомъ положеніи именно Италію, гдѣ природа, прошлое и люди требуютъ, казалось бы, иной обстановки. Но и здѣсь для преуспѣянія нужны знанія, трудъ, культура и гражданственность; разъ ихъ нѣтъ, — приходится уступать другимъ странамъ, съ худшими природными условіями; приходится подражать потомкамъ сѣверныхъ варваровъ, цѣлыя столѣтія стоявшихъ несравненно ниже итальянцевъ.

О темных сторонах итальянской жизни говорилось не мало в русской печати, я не могу, однако, не возвращаться къ нимъ: о нихъ твердятъ и тѣ, съ кѣмъ я здѣсь сталкиваюсь, и газеты, и журналы; кромѣ того, представляетъ интересный и даже поучительный примѣръ страны, лѣтъ 35 тому назадъ пережившей рѣшительную операцію объединенія и пересадки конституціонныхъ учреждений въ среду, вѣками жившую подъ янычь режимомъ. Наконецъ, Италия, быть можетъ, именно теперь завершаетъ періодъ, истекающій изъ этого великаго переворота, и стоитъ у порога новой эры, наканунѣ лучшихъ дней!

Дѣйствительно, трудно представить себѣ другую страну, гдѣ столь широко было бы распространено почти всеобщее недовольство теперешнимъ положеніемъ. Низшіе классы, еще недавно безропотно сносившіе свою тяжелую долю и лишь изрѣдка дававшіе просторъ своему недовольству въ насильственныхъ вспышкахъ, начинаютъ пробуждаться къ сознательному недовольству и отстаиванію своихъ правъ.

Низшіе и средніе слои буржуазіи громко ропщутъ на тяжесть налоговъ, гнетущихъ движимую и недвижимую собственность.

Промышленникамъ сѣвера и латифундистамъ юга не на что, казалось бы, жаловаться: правительство, исполняя ихъ требованія, обезпечивало первыхъ высокими таможенными сборами съ иностранныхъ издѣлій, а вторыхъ — не менѣе высокими хлѣбными пошлинами. Но теперь, послѣ энергической парламентской обструкціи прошлаго года, спасшей конституціонныя гарантіи, теперь, въ виду быстрого развитія рабочаго движенія, правительству все болѣе приходится лавировать между Сциллою и Харибдой и жертвовать порой, въ интересахъ сохраненія „порядка“, непосредственными выгодами индустріаловъ. Тогда и они начинаютъ роптать авторитетнымъ, хозяйскимъ тономъ. Послѣ уступчивости министра Саракко въ дѣлѣ генуэзской стачки (см. предыдущее письмо) къ нему явилась депутація лигурійскихъ промышленниковъ, требуя принятія мѣръ къ огражденію „свободы труда“; на дняхъ въ сенатѣ, этой цитадели аферистской реакціи, сенаторъ Вителески рѣзко критиковалъ уступчивость правительства предъ меньшинствомъ населенія. Саракко всячески извивался, сознаваясь однако, что въ подобныхъ случаяхъ онъ стоитъ между двухъ огней.

Одною изъ характерныхъ чертъ современнаго итальянскаго положенія является недовольство духовенства, которое въ другимъ странахъ представляетъ одинъ изъ устоевъ *status quo*; здѣсь же духовенство постоянно громитъ всѣ теперешніе порядки, обвиняя Савойскую династію и свѣтскій либеральный режимъ во всѣхъ неудачахъ Италіи вплоть до наводненій и землетрясеній. Итальянскій народъ, положимъ, не особенно религіозенъ — онъ скорѣе суевѣренъ — и не клерикаленъ (воинствующее католичество имѣетъ больше значенія и силы въ Германіи, Франціи, Бельгіи), тѣмъ не менѣе, вліяніе духовенства здѣсь значительно, особенно въ мѣстностяхъ сельскихъ. Замѣтимъ, что послушные папскому велѣнію католики принимаютъ участіе только въ коммунальныхъ и провинціальныхъ, но не въ политическихъ выборахъ, такъ что относительный успѣхъ правительства отчасти зиждется на этомъ невмѣшательствѣ. Отдай папа завтра

другое приказаніе, и шансы правительства могутъ пошатнуться, хотя и не такъ сильно, какъ пророчать клерикалы.

О томъ, принадлежитъ ли въ Италіи интеллигенція къ числу довольныхъ, не стоитъ много распространяться. Да и гдѣ можетъ передовая интеллигенція быть довольна современнымъ положеніемъ вещей? Вспомнимъ дѣло Дрейфуса и его развѣтвленіи, утопленны въ послѣдней амнистіи, трансваальскую войну, подвиги европейцевъ въ Африкѣ и въ Китаѣ и пр. и пр... Нигдѣ еще не приблизился тотъ моментъ, когда, какъ того требуетъ д'Аннунціо, въ вершеніи судебъ народовъ приметъ дѣйствительное участіе человѣкъ мысли; до сихъ же поръ міръ, — замѣчаетъ д'Аннунціо, — подчинился послѣдовательно воинъ, жрецу и купцу. Въ Италіи, кромѣ того, недовольство интеллигенціи еще усиливается безработицей: масса адвокатовъ и врачей, выпускаемыхъ 22 университетами (на населеніе около 32 милліоновъ) сидятъ годами безъ всякаго дѣла; литературная работа оплачивается крайне скудно. Подобная безработица объясняется низкимъ уровнемъ благосостоянія и отсутствіемъ предпримчивости, — характерной чертой большей части итальянской буржуазіи.

Остаются военные. Говорятъ, что низшее офицерство недовольно недостаточностью жалованія: на низшихъ должностяхъ оно составляетъ всего 4 лиры (1 р. 50 к.) въ день, а такую плату получаютъ очень многіе рабочіе, не обязанные быть столь безукоризненно одѣтыми, какъ офицеры.

Посмотримъ, существуютъ ли объективные поводы для такого всеобщаго недовольства. Допуская даже значительную долю субъективности, объясняемой несбывшимися великими ожиданіями, и нервнымъ темпераментомъ итальянцевъ, нельзя не признать, что здѣсь болѣе чѣмъ достаточно дѣйствительныхъ поводовъ для недовольства и сознательнаго, и бессознательнаго.

Начнемъ съ промышленности. Положеніе рабочаго здѣсь въ общемъ лучше, чѣмъ въ земледѣліи, чему подтвержденіемъ служить хотя бы то обстоятельство, что эмиграція (теперь до 200.000 чел. въ годъ) направляется главнымъ образомъ изъ мѣстностей чисто-земледѣльческихъ. Тѣмъ не менѣе, до послѣдняго времени индустриальный рабочій несть гнетъ „эпохи первоначальнаго накопленія“, принявшей здѣсь, послѣ національнаго объединенія, характеръ разнузданной оргіи. Заработная плата низка и абсолютно, и относительно дороговизны жизни. Дороги квартиры (цѣны на нихъ быстро растутъ въ крупныхъ центрахъ); дороги мука, мясо, соль, сахаръ, кофе, керосинъ, табакъ. Причиной этой дороговизны въ значительной степени являются прямыя и косвенныя налоги и монополія на соль и на табакъ. Особенное негодованіе возбуждаетъ теперь хлѣбная пошлина: она взимается при ввозѣ зерна и въ страну, и въ города; такой городской пошлиной, кромѣ зерна, обложены вино, мясо, живность, дрова. Тамъ, гдѣ вокругъ города нѣтъ средневѣковыхъ стѣнъ (какъ въ Римѣ), тамъ устраиваются особыя заставы и ограды; одѣтые въ опереточную форму служители *dazio* (этой ввозной пошлины „мыта“) останавливаютъ проѣзжающихъ и длинными шупами изслѣдуютъ каждый возъ съ сѣномъ, съ пескомъ, ища „предметовъ обложенія“. Зато продажная цѣна квинтала пшеницы, равная:

въ Одессѣ . . .	18,30	лирамъ.	} нѣтъ хлѣбныхъ пошлинъ.
„ Чикаго . . .	19,74	„	
„ Лондонѣ . . .	21,75	„	
„ Берлинѣ . . .	24,59	„	
„ Вѣнѣ . . .	26,07	„	
„ Парижѣ . . .	29,35	„	

въ Римѣ составл. 31,50 лиръ. И эту высокую цѣну платитъ итальянскій рабочій, получающій несравненно меньше англійскаго и американскаго.

Послѣдствіемъ низкой заработной платы и дороговизны жизненныхъ принадлежностей является дурное питаніе рабочаго класса (плохо питается и значительная часть буржуазія отчасти потому, что расходъ на костюмъ, театръ, кафе и вообще на вѣшній блескъ поглощаетъ значительную часть дохода. Еще m-me de Stael отмѣчаетъ характерную черту итальянцевъ, — отсутствіе необходимаго и щедрость на ненужное). По Мульгалю, мяса въ годъ потребляется каждымъ жителемъ:

Въ Соед. Штатахъ . . .	120 фунтовъ.
„ Англій	105 „
„ Франціи	74 „
„ Германіи	69 „
„ Австріи	64 „
„ Испаніи	49 „
„ Россіи	48? „
„ Италіи	23 „

Извѣстный изслѣдователь Ничефоро повышаетъ эту послѣднюю цифру до 36 фунтовъ въ годъ, но и при этой поправкѣ потребление мяса въ Италіи остается крайне низкимъ. Дороговизна вызываетъ здѣсь, однако, сравнительно очень высокій расходъ на пищу: на нее тратится, по вычислениямъ депутата Альбертони, 85% заработной платы, тогда какъ въ другихъ, болѣе культурныхъ странахъ, этотъ расходъ не поглощаетъ болѣе 50% заработной платы.

На дняхъ въ прекрасномъ помѣщеніи здѣшней „Ассацияціи періодической печати“, извѣстный экономистъ А. Лоріа читалъ докладъ о социальномъ законодательствѣ: смѣло и рѣзко обличалъ онъ свою родину предъ немногочисленной, въ сожалѣнію, аудиторіей. Число рабочихъ часовъ на фабрикахъ онъ опредѣлялъ въ 12—13—14. „Наши фабрики, — говорилъ онъ, — являютъ примѣръ несмысленнаго принесенія въ жертву (scempio) трудовыхъ силъ, систематическихъ жестокости и эксплуатаціи“. Ночная работа процвѣтаетъ: въ Туринѣ отмѣчены случаи непрерывной женской работы отъ 1½ часовъ утра субботы до 11 часовъ ночи воскресенія, т. е. 21 часъ. Число женщинъ и дѣтей, занятыхъ на фабрикахъ, громадно; въ сѣрныхъ копяхъ Сициліи дѣти терпятъ слышанныя мученія.

Обращаясь къ причинамъ этихъ бѣдствій, Лоріа видитъ ихъ прежде всего въ жадности и жестокости итальянской буржуазіи, которую онъ считаетъ прево-

сходящей въ этомъ отношеніи буржуазію остальныхъ странъ. Эти свойства онъ ставитъ въ зависимость отъ того, что въ Италіи интересы промышленныхъ капиталистовъ не противоположны интересамъ капиталистовъ-землевладѣльцевъ, тогда какъ въ Англіи эти двѣ группы довольно рано раздѣлились и затѣмъ, въ своей дальнѣйшей борьбѣ, нуждались въ поддержкѣ пролетаріата, привлекая его каждая на свою сторону рядомъ реформъ. Между тѣмъ въ Италіи мы, по словамъ Лоріа, имѣемъ „соединенный и сплоченный классъ собственниковъ, а съ другой—разъе дневный рабочій классъ“. Фабричное законодательство—фактически не существуетъ; есть законъ 1886 г., регулирующий женскій и дѣтскій трудъ, но онъ сведенъ на нѣтъ позднѣйшими ограниченіями; но этотъ законъ не можетъ имѣть значенія уже потому, что на всю Италію—отъ Альпъ до Сициліи,—имѣются всего два фабричныхъ инспектора (на населеніе нашихъ 16—18 губерній).

Еще тягостнѣе, въ общемъ, живется земледѣльцу, и это въ странѣ, которую еще въ первой четверти XIX столѣтія принято было описывать, какъ отчизну цвѣтущаго земледѣлія. И теперь не мало мѣстностей (часть Ламбардіи, Тоскана, Романья, Эмилиа), гдѣ земля тщательно воздѣлывается и даетъ хорошіе урожаи: есть мѣстности, гдѣ половникъ и арендаторъ живутъ въ недурныхъ условіяхъ, но вообще земледѣліе стоитъ низко, и тяжка судьба земледѣльца. Въ Средней и Южной Италіи, въ Сициліи, впускъ лежатъ громадныя площади; считаютъ, что пустуютъ до трети удобной земли. Въ Южной Италіи и въ Сициліи замѣчается однообразіе культуры—пшеница, паръ, пастбище, пшеница. На громадныхъ площадяхъ, годныхъ подъ культуру различныхъ дорогихъ растений, бродятъ быки и овцы, а густое населеніе тѣснится въ узкихъ и темныхъ улицахъ многочисленныхъ городовъ и городковъ, живя, главнымъ образомъ, подневной работой, зарабатывая, въ среднемъ, лѣтомъ 2 лиры (70 к.), а зимой 1 л. 20 с. (45 к.). Зачастую приходится сидѣть безо всякой работы, которая, кромѣ того, на югѣ оплачивается и есраженно ниже, чѣмъ эта средняя для всей Италіи цифра.

Работа начинается лѣтомъ часа въ 3—4 и длится до заката солнца съ однимъ перерывомъ; зачастую приходится еще сдѣлать 6—8—10 километровъ, чтобы дойти до поля, такъ какъ историческія условія создали привычку (особенно на югѣ) жить въ городѣ. Это обстоятельство придаетъ, можетъ быть, извѣстную общительность, понятливость любому итальянскому поселянину; оно препятствуетъ образованію рѣзкой грани между горожаниномъ и „деревенщиной“, но оно, несомнѣнно, очень неблагоприятно для земледѣлія. Работаетъ земледѣлецъ орудіями, до крайности примитивными: смѣшно смотрѣть, какъ пара чудныхъ сѣрыхъ быковъ таскаетъ за собой дрянной плугъ съ уродливымъ, неразумнымъ лемехомъ, безъ настоящаго отвала, съ деревянной грядилью, коротенькими ручками; прочія орудія, — лопаты, топоры, мотыки и пр., отличаются первобытностью и страшной тяжестью, напоминая нашу деревенскую самодѣлщину. Жилье, — и въ городахъ, и внѣ городовъ, — представляетъ изъ себя зачастую сыроватую и тѣсную лачугу; живутъ и въ пещерахъ, и въ шалахахъ (въ нихъ зимуетъ часть пришлага населенія римской Кампаніи). Пища состоитъ, главнымъ

образомъ, изъ хлѣба и поленты, т. е. мансовой крутой каши, иногда застывшей въ твердый комъ; мясо и вино представляютъ, конечно, предметъ роскоши, не говоря уже о кофе и сахарѣ, которыхъ сельскіе жители не берутъ въ ротъ даже по праздникамъ (оба продукта здѣсь страшно дороги: сахаръ около 26 к. за фунтъ). При неурожаѣ зерна, винограда и оливокъ, населеніе юга прямо голодаетъ. Извѣстный историкъ, депутатъ-соціалистъ Чикотти (Cicotti) недавно напечаталъ въ газетѣ свои впечатлѣнія отъ посѣщенія Апуліи, гдѣ не уродилась виноградъ и оливки. Онъ описываетъ вонючія пещеры и лачуги, гдѣ копошатся полускелеты, еле прикрытые лохмотьями, дрожащіе отъ холода; другіе сидятъ, апатично грѣясь на солнцѣ; болѣе счастливые ѣдятъ хлѣбъ ужаснаго вида, покрытый плѣсенью; устроены столовые, которыми завѣдуютъ интеллигенты.

Нельзя сказать, чтобы не было и стихійныхъ причинъ такого положенія земледѣлія. До половины итальянской территоріи занято горными кряжами съ каменной почвой; не мало бѣдъ причиняютъ наводненія и оползни мергелевой почвы; пострадала Италія и отъ болѣзней фруктовыхъ деревьевъ и винограда. Не мало вредитъ ея земледѣлію и конкуренція восточныхъ странъ и Америки; конкурируютъ съ Италіей и страны, производящія вино и оливковое масло. Но многія изъ этихъ условій имѣются и въ другихъ странахъ, не знающихъ, однако, тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ Италія; поэтому здѣсь должны существовать особыя причины, тягостно отзывающіяся на земледѣліи. Главнѣйшей изъ этихъ причинъ является, несомнѣнно, распредѣленіе земель, издавна въ значительной части страны раздѣленной на крупныя участки; значительное раздробленіе земли наблюдается лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣверной и Средней Италіи. Эти крупныя участки обыкновенно сдаются въ аренду, принимающую весьма разнообразныя формы; изъ нихъ типичной для Тосканы формой является „mezzadria“, половничество. Другіе виды аренды сводятся къ сдачѣ земли гуртомъ одному крупному арендатору, который передаетъ ее, нерѣдко черезъ посредниковъ, другимъ, мелкимъ арендаторамъ; они ее обрабатываютъ сами или еще разъ сдаютъ дѣйствительнымъ земледѣльцамъ-арендаторамъ, на слабыя плечи которыхъ уже ложится весь рискъ предпріятія. Клочки арендованной земли бывають иногда столь малы, что арендаторъ главный свой доходъ получаетъ отъ поденной работы у другихъ арендаторовъ или въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ ведется собственное хозяйство; онъ поэтому привыкаетъ мало заботиться о своей землѣ, не являющейся главнымъ средствомъ пропитанія. Обыкновенно собственникъ земли живетъ въ городѣ, иной разъ и не зная, гдѣ его земля, не побывавъ ни разу въ жизни на ней; но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ лично ведетъ свое хозяйство, онъ никогда непосредственно не нанимаетъ рабочихъ, а всегда черезъ особыхъ подрядчиковъ—*caporale*,--который потомъ уже рассчитывается съ закабаленными у него рабочими. При такомъ хозяйствѣ происходитъ, разумѣется, масса злоупотребленій, наприхѣтъ, присвоеніе себѣ подрядчикомъ денегъ, полученныхъ съ собственника въ видѣ вознагражденія за увѣче, постигшее рабочего.

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ присоединяется бремя налоговъ, при-

мыхъ и косвенныхъ, изъ которыхъ одинъ поземельный сборъ поглощаетъ до 40⁰/о чистаго дохода итальянскаго хозяйства (по вычисленію Дж. Фіоретти). Земля, постройки, всяческія сдѣлки, скоть обложены рядомъ тяжкихъ сборовъ, государственныхъ и муниципальныхъ, на которые столь избобрѣтательны итальянскіе финансисты (налогъ на скоть—прямое препятствіе развитію интенсивнаго хозяйства, требующаго увеличенія живаго инвентаря). Недоимки взыскиваются съ безпощадной, съ безумной жестокостью. Характерно при этомъ то, что недоимки, изъ-за которыхъ продается имущество, въ громадномъ числѣ случаевъ очень невелики по размѣрамъ. Страдаетъ, очевидно, главнымъ образомъ мелка собственность. Географическое распредѣленіе этихъ взысканій подчиняется тому же закону: и здѣсь наибольшее число принудительныхъ продажъ приходится на наиболѣе бѣдныя области государства. Сравнительно зажиточная Ломбардія знала въ промежутокъ 1885—1898 гг. 1 принудительную продажу на каждые 27.416 жителей; въ дикой, забытой Сардиніи (въ награду за многолѣтнюю преданность Савойской династіи) 1 продажа приходилась, за тотъ же періодъ времени, на каждые 14 жителей.

Прибавимъ къ сказанному трудность и дороговизну (10—12⁰/о) кредита и мы поймемъ, почему итальянскіе капиталисты избѣгаютъ помѣщенія капитала въ землю и предпочитаютъ довольствоваться скромными, но вѣрными процентами съ государственныхъ бумагъ, и почему собственники предпочитаютъ сдавать землю въ аренду, перелagая такимъ образомъ бремя налоговъ на мелкаго производителя.

При наличности перечисленныхъ условий, неблагоприятно вліяющихъ на земледѣліе, нужна была политика, спеціально направленная къ подъему земледѣлія, къ разрѣшенію важныхъ аграрныхъ затрудненій. Такая политика была бы тѣмъ естественнѣе, что Италія—страна, главнымъ образомъ, земледѣльческая. Въ дѣйствительности никакихъ серьезныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи не принималось: парламентъ былъ глухъ къ аграрнымъ вопросамъ и только подъ давленіемъ бунтовъ, вызывавшихся дороговизной хлѣба, принималъ, со свойственнымъ оппортунизмомъ, пониженіе на нѣкоторое время хлѣбныхъ пошлинъ. Несравненно больше заботы удѣлялось промышленности сѣвера, которую Лорія тѣмъ не менѣе считаетъ искусственно вскормленной при помощи таможеннаго покровительства. Вообще, послѣдствія объединенія Италіи до сихъ поръ довольно тяжело обходятся земледѣльческому Югу: сѣверяне сознательно или безсознательно обращались съ нимъ, какъ съ военной добычей, пользуясь политической испорченностью его „командующихъ“ классовъ и неразвитостью низшихъ. Однaковые налоги, при сравнительной бѣдности южанина, тяжелѣе ложатся на него, подгачивая его хозяйственныя силы; но кроиъ того, земледѣльческій югъ сдѣлался рынкомъ для индустріи сѣвера и долженъ, въ силу таможенной системы, покупать продукты этой индустріи по назначаемымъ ею цѣнамъ. Мало того, югъ ничего не получилъ отъ секвестраціи духовныхъ земель: въ Сициліи, напр., эти земли были проданы съ аукціона нѣсколькимъ крупнымъ спекулянтамъ, заранѣе сговорившимся не платить выше известной—очень низкой—цѣны. Загѣмъ спекулянты либо съ громаднымъ бары-

шомъ перепродали эти земли, либо стали сдавать ихъ въ аренду по дорогой цѣнѣ. Вырученныя отъ продажи суммы—несмотря на обѣщанія — потонули въ общемъ бюджетѣ, чтобы вынырнуть отсюда въ видѣ расходовъ на войско, флотъ или укрѣпленія, всё почти расположенныя въ Сѣверной Италиі. То же самое происходило, по словамъ профессора гигиены Челли, и въ римской Кампаніи: положеніе „сапрагно“ послѣ объединенія не улучшилось, если не ухудшилось: вмѣсто коллективнаго хозяина, — монастыря, церкви, —обыкновенно довольно мягко относившихся къ маленькимъ людямъ (характерно, что, описывая Римъ 60-хъ г., Тэнъ очень недоволенъ заступничествомъ папы въ пользу мелкаго люда), земледѣльцу компаніи сетуляризації пришлось имѣть дѣло съ единоличнымъ спекулянтомъ-хищникомъ, сѣшшимъ вернуть затраченныя деньги.

Экономической безотрадности соответствуетъ въ Италиі и политическая, такъ какъ экономика здѣсь тѣсно связана съ политикой. Не будемъ останавливаться на всѣмъ извѣстныхъ неудачахъ итальянскій внѣшней политики. Въ области же внутренней политики мы замѣчаемъ пренебреженіе положительныхъ культурныхъ задачъ, на которыя бюджетъ можетъ удѣлять лишь крохи, неся крупные расходы по уплатѣ % по государственному долгу и по арміи и флоту. Другимъ явленіемъ внутренней политики до послѣдняго времени было постепенное усиленіе консерватизма среди правящихъ слоевъ, мало-по-малу покидавшихъ традиціи либерализма, даже продолжая называться либералами—терминомъ, все болѣе теряющимъ реальное значеніе. Органическіе враги социальнихъ реформъ, поклонники собственнаго матеріальнаго благополучія, эти вчерашніе объединители страны падали все ниже и ниже, запутываясь въ банковскихъ и избирательныхъ скандалахъ, дружа съ отбросами общества. Въ это время и для Италиі пробилъ часъ образованія организованной оппозиціи: социализмъ сталъ дѣлать быстрые успѣхи, приобретаая талантливыхъ глашатаевъ и толкователей въ лицѣ Энрико Ферри, Турати, Антонио Лабріола, и энергичныхъ агитаторовъ — неутомимыхъ Рондани, Прамполини и др. Неорганизованная и нечего общаго съ социалистической пропагандой не имѣвшая вспышки 1898 г. подавляются съ неслыханной свирѣпостью; десятки лѣтъ тюремнаго заключенія сыплются на теоретиковъ и практиковъ социализма: буржуазія мститъ имъ за ихъ проповѣдь органической оппозиціи. Амнистія черезъ годъ упраздняетъ эти приговоры. Тѣмъ временемъ происходитъ нѣкоторое сближеніе между „народными“ партіями — радикалами, республиканцами и социалистами, теперь составляющими вмѣстѣ около 1/5 всей палаты. Республиканцы передъ тѣмъ совсѣмъ было замерли, почти потерявъ всякое значеніе. Министерство Пеллу пытается бороться съ крайними партіями внесеніемъ проекта исключительныхъ законовъ, отмѣняющихъ конституціонныя гарантіи, но падаетъ, не одолѣвъ отчаянной и стойкой обструкціи крайней лѣвой, длившейся 6 мѣсяцевъ.

Другимъ средствомъ борьбы съ оппозиціей является безпрестанное примѣненіе 247 ст. уголовного кодекса, карающей попытки „возбужденія къ классовой ненависти“; статья даетъ, конечно, широкій просторъ распространительному толкованію, послѣдствіемъ котораго бывають долгіе сроки заключенія для журналистовъ.

Нечего говорить, какъ открыто и рѣзко нарушается, — когда дѣло касается оппозиціи, — свобода даже частныхъ собраній. Недѣли двѣ тому назадъ депутатъ Чиконти устроилъ въ г. Бриндизи частное собраніе, на которомъ говорилъ противъ парламентскихъ приемовъ реакціонеровъ Юга. Въ серединѣ рѣчи въ залу вошелъ „делегатъ“ (нѣчто вродѣ нашего частнаго пристава) въ сопровожденіи полиціи и карабинеровъ и прервалъ оратора, требуя распушенія собранія.

Недавно отмѣненъ другой приемъ борьбы съ „*suoversivi*“ (сторонниками переворота); это — „*domicilio coatto*“ (принудительное водвореніе); патентъ изобрѣтенія принадлежитъ бывшему гарибальдійцу Криспи.

Отбыль, положимъ, такой-то журналистъ или адвокатъ тюремное наказаніе, хотя бы за нарушеніе пресловутой 247 статьи; особая провинціальная комиссія изъ префекта, прокурора и прочаго обычнаго гарнира находитъ, однако, что ему полезнѣе отдохнуть отъ прежней вредной дѣятельности; поэтому его присуждаютъ на 1—3 до 5 лѣтъ принудительнаго водворенія. Засѣданіе комиссія непублично; защита не допускается; право апелляціи носитъ характеръ чисто фиктивный. Осужденный отвозится на одинъ изъ острововъ и водворяется въ родъ острога, гдѣ днемъ онъ можетъ гулять вмѣстѣ съ другими въ отгороженномъ пространствѣ, а на ночь запирается въ камеру. На содержаніе отпускается около 18 коп. въ день. Помѣщенія грязны, темны, сыры; тюфяки никогда не мѣняются, полны насѣкомыхъ, пища недостаточная, вода часто тухлая, дисциплина жестокая, — постоянныя столкновенія съ тюремнымъ начальствомъ, голодные бунты и т. п. Интеллигенты, впрочемъ, давали о себѣ знать въ печати, вызывали запросы въ палатѣ, и ихъ обыкновенно выпускали до истеченія срока. Это жестокое наказаніе все-таки оставлено въ силѣ, но не примѣняется больше къ „подозрительнымъ“ политическимъ.

Политическіе выборы даютъ полный просторъ насилію и всякому вообще беззаконію: особенно часто примѣняются такіе пріемы на югѣ, въ Сициліи; къ обычнымъ средствамъ застраиванія, подкупа, ареста избирателей, одѣвленія избирательныхъ помѣщеній войсками тамъ прибавился союзъ правительства съ язвами Сициліи, Неаполя и другихъ мѣстностей, съ *мафіей* и *каморрой*. Объ этихъ двухъ явленіяхъ существуетъ цѣлая литература. Каморра — болѣе или менѣе организованная банда, вербующаяся среди разныхъ слоевъ населенія и ставящая себѣ цѣлью какъ воровство, шантажъ, мошенничество, такъ и завладѣніе общественнымъ имуществомъ, банками и властью. Мафію всего вѣрнѣе опредѣляютъ, какъ извѣстный психологическій складъ, какъ развитіе чувства „*omertà*“ — молодцоватаго самоуправства. Столѣтія чужеземнаго господства, отсутствіе всякой культуры, бездѣйствіе и лицепріятіе власти приучали сицилійца, особенно въ сѣверо-западной части острова, гдѣ всего болѣе развито крупное феодальное землевладѣніе, во всемъ обходиться „своимъ средствомъ“, — обращеніе къ власти позорно: раненый на смерть „*ricciato d'oniggi*“ (честный молодецъ) скрываетъ отъ властей имя убійцы, поручая мечь ближнимъ. Зато уложившій нѣсколькихъ человѣкъ и выпешій изъ тюрьмы внушаетъ, въ силу тѣхъ же взглядовъ,

глубокое уваженіе: его просятъ разобрать дѣло, оберечь имущество отъ нападеній; помѣщикъ охотно его беретъ въ сторожа своихъ стадъ. Такъ само собою онъ становится „сарошагіа“ (начальникомъ удалцовъ); вокругъ него собираются другіе „мафіозы“. Они могутъ оказывать важныя услуги, но горе тому, кто, разъ воспользовавшись ихъ услугою, не будетъ затѣмъ исполнять ихъ требованій: у него пропадетъ скотина, у него испортятъ фруктовый садъ, даже его жизнь будетъ въ опасности. Образуется рядъ мафій безъ всякой организаціи, безъ уставовъ, собраній, но умѣющихъ держать въ своихъ рукахъ цѣлые округа, облагая ихъ данью, влияя на составъ сторожей фруктовыхъ садовъ и пастуховъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ состоятъ сплошь изъ мафіозовъ.

Занимаясь въ обыкновенное время различными мелкими и крупными преступленіями и нерѣдко враждуя между собою, мафіозы представляютъ силу, которая съ выгодой можетъ быть примѣнена во время выборовъ, особенно политическихъ, такъ какъ въ нихъ заинтересована сравнительно небольшая часть жителей острова (другое дѣло—выборы коммунальные или провинціальныя). Убіиство директора банка Натарбарголо, арестъ и предстоящій въ маѣ процессъ бывшаго сицилійскаго депутата Палицуоло доказали, что съ мафіей связаны весьма многія лица изъ высшихъ слоевъ общества.

Въ послѣднее время противъ мафій и каморры особенно рѣзко стали выступать представители „народныхъ“ партій, особенно социаллисты. Рискуя жизнью, они стали обличать ея продѣлки; вмѣсто обычнаго самоуправства они стали требовать содѣйствія полиціи. Такая рѣшительность и отвага стали привлекать къ нимъ симпатіи мирныхъ гражданъ, лишь поневолѣ терпящихъ тиранію мафій, правительство же принуждено въ силу необходимости относиться къ борьбѣ противъ мафій и каморры болѣе, чѣмъ нейтрально. Префекты и другіе мѣстные его органы хорошо знаютъ, что правительству не провести на выборахъ столькокихъ своихъ кандидатовъ, сколькоихъ обыкновенно доставляютъ ему Сицилія и Неаполь, если бы въ пользу этихъ кандидатовъ не агитировали всесильныя мафія и каморра, которымъ на время выборовъ разрѣшаются всякія насилія, тогда какъ ихъ противники имѣютъ противъ себя и мафіозовъ, и полицію. Въ концѣ декабря истекшаго года въ Палермо полиція и карабинеры безо всякаго повода разогнали мирную избирательную демонстрацію, надававъ толчковъ извѣстному ученому и публицисту, депутату Колаяни, только потому, что демонстрація была въ пользу кандидата оппозиціи. Крайне характерно для современнаго положенія дѣль, что правительство силой вещей *лишь* *возможности* бороться съ страшнымъ общественнымъ зломъ, какъ мафія и каморра; энергически выступивъ противъ нихъ, правительство лишилось бы сотни, другой, депутатовъ, при помощи которыхъ удается проводить законы, противные истиннымъ интересамъ страны. Другія части страны присылаютъ въ парламентъ депутатовъ, значительная часть которыхъ вовсе не склонна плясать по дудкѣ даннаго министерства. Въ то же время потворства правительства мафій и каморрѣ все болѣе привлекаютъ симпатіи обывателей къ тѣмъ, кто смѣло возстаетъ противъ мафій и каморры.

Пріемы, къ которымъ приходилось прибѣгать въ Сициліи, чтобы проводить правительственныхъ кандидатовъ, ярко обнаружилась въ процессѣ, возбужденномъ противъ бывшаго сицилійскаго депутата Де-Феличе Джуффрида за обвиненія, выставленныя имъ въ печати противъ бывшаго намѣстника Сициліи, сенатора Кодронки. Процессъ происходилъ въ самомъ концѣ истекшаго года. Многочисленной публикѣ, наполнявшей грязныя, запущенныя залы бывшаго монастыря филиппиновъ, гдѣ временно (однако, уже долгіе годы) происходятъ засѣданія суда, пришлось выслушать свидѣтельскія показанія, возстановлявшія картину самаго беззащитнаго пользованія услугами мафіозовъ при выборахъ 1897 г. Напримѣръ, предъ выборами въ данный городокъ пріѣзжаютъ нѣсколько извѣстныхъ преступниковъ-рецидивистовъ, мафіозовъ; они открыто угрожаютъ всѣмъ, кто собирается голосовать противъ правительственнаго кандидата; они нападаютъ на противниковъ, бьютъ ихъ на улицахъ, вламываются ночью въ дома. Редакторъ газеты „*Corriere di Caltagirone*“ показалъ, между прочимъ, что въ г. Калалоджироне мафіозы наканунѣ выборовъ узнали, что въ виллѣ герцога Крешимани собрались сторонники оппозиціоннаго кандидата. Мафіозы немедленно отправились туда вмѣстѣ съ нѣсколькими полицейскими, взломали рѣшетки виллы и совершили насилія надъ бывшими въ виллѣ. Другіе свидѣтели говорили о досрочномъ освобожденіи, наканунѣ выборовъ, многихъ обвиняемыхъ и отбывавшихъ наказаніе, о выдачѣ извѣстнымъ мафіозамъ разрѣшенія на ношеніе оружія, въ чемъ отказывали сторонникамъ оппозиціи, и т. п. Въ результатъ Де-Феличе былъ обвиненъ, но судъ въ самомъ приговорѣ призналъ доказанными большинство злоупотребленій, которыя обличалъ Де-Феличе, не считая, однако, доказанной прямую виновность самого Кодронки въ этихъ злоупотребленіяхъ. Общественное мнѣніе убѣждено въ противномъ.

Та же полиція, которая обнаруживаетъ—но въ общемъ лишь вспышками—такое рвеніе противъ всѣхъ „несогласно мыслящихъ“, оказывается зачастую далеко не на высотѣ призванія, когда дѣло касается разслѣдованія обыкновенныхъ преступленій. Это отчасти объясняется жалкимъ вознагражденіемъ, получаемымъ полиціей; въ нее поэтому поступаютъ люди, которымъ не подъ силу другія занятія.

Не малую роль въ безнаказанности виновниковъ преступленій играетъ и сочувствіе къ нимъ со стороны бѣднѣйшаго населенія, котораго оно не обижаетъ. Теперь въ Калабріи благополучно скрывается въ горахъ извѣстный разбойникъ Музолино, убившій 14 человекъ; онъ сталъ разбойникомъ, подвергшись несправедливому осужденію на 21 годъ тюрьмы. Его ловить цѣлый полкъ и не можетъ поймать. А народъ поетъ про него пѣсни; издаются его біографіи; на свадьбѣ его сестры присутствуютъ всѣ мѣстные „нотабли“; самъ Музолино печатаетъ въ газетахъ возраженія и объясненія. Юмористическій журналъ „*l'Asino*“ („Оселъ“) помѣстилъ недавно очень ѣдкое четверостишіе: „Спросили Музолино, не хочетъ ли онъ стать „*suoversivo*“ (революціонеромъ). „Что я съ ума, что ли, сошелъ,—отвѣчалъ онъ,—вѣдь тогда я живо попалъ бы въ кутузку“.

Но въ общемъ и правительство, и большинство въ палатѣ слабы, лишены

ясной программы, непослѣдовательны; отчасти потому принимаютъ они порой, затѣмъ снова впадаю въ инерцію, — такія рѣзкія мѣры противъ своихъ соперниковъ.

Слѣдующая выписка изъ статьи д'Аннунціо „The Third Life of Italy“ („The North American Review“. Nov., 1900) лучше всего можетъ охарактеризовать современное итальянское правительство и его противниковъ. Рѣчь идетъ объ obstructiоніи крайней лѣвой противъ реакціонныхъ попытокъ весной 1900 г.

„Въ одинъ мартовскій вечеръ, сидя на своемъ мѣстѣ, на крайней правой, во временной залѣ, уже обреченной на сломъ, въ зданіи парламента на Монте-читоріо, я былъ свидѣтелемъ одной изъ самыхъ бурныхъ сценъ, которыя когда-либо происходили въ какомъ-либо законодательномъ собраніи. Уже много дней группа крайней лѣвой защищала, съ замѣчательной силой и упорствомъ, гарантированныя конституціей вольности противъ попытки правительства ихъ ограничить. Представитель Флоренціи.... внесъ предложеніе, отъ имени большинства (наложенное сѣренькимъ и неграмматическимъ языкомъ), нѣтъшее цѣлью однимъ взмахомъ положить конецъ либеральнымъ традиціямъ нашихъ парламентскихъ обсужденій. Я видѣлъ на скамьяхъ моей партіи этого рыжеволосаго, костляваго человѣчка, блѣднаго отъ партійнаго бѣшенства, окруженнаго группой сторонниковъ, старавшихся подражать звукамъ, которые можно слышать въ свинныхъ хлѣвахъ и на скотныхъ дворахъ. На противоположныхъ скамьяхъ засѣдала группа людей, твердо рѣшившихся защищать свою идею всѣми силами и всѣми средствами, находящимися въ ихъ распоряженіи. Воодушевленные горячей вѣрой, побуждаемые искреннимъ гнѣвомъ, нѣкоторые одаренные истиннымъ краснорѣчіемъ и могучими легкими, другіе — сильными мускулами и горячей кровью, всѣ они кипѣли жизнью и были способны выразить свою жизнеспособность истиннымъ мужествомъ и способностью къ сопротивленію. „Какъ далеки они отъ меня, — думалъ я, — какая разница между нами! И все же они одни отстаиваютъ здѣсь жизнь среди такой слабости, такой неувѣренности, такого упадка!“

„Атмосфера насыщалась электричествомъ. Шумъ иногда прерывался взрывами аплодисментовъ, раздававшимися сухимъ, жесткимъ звукомъ, напоминавшимъ удары по кремню. Могучій голосъ, подобный грому, повторялъ, снова и снова, ту же короткую фразу, исполненную угрозы, съ ритмомъ молота, бьющаго по наковальнѣ. Каждое лицо горѣло страстью изъ-за ряда угрожающе поднятыхъ кулаковъ. Вѣяніе трагедіи носилось надъ этими буйными головами, пробуждая смутныя воспоминанія бурныхъ собраній наканунѣ великихъ катастрофъ.

„Я инстинктивно всталъ съ мѣста, побуждаемый чувствомъ презрѣнія къ тѣмъ, кто не былъ въ состояніи поднять сильнаго и опредѣленнаго голоса противъ этой побѣдоносной энергіи, кто могъ только недостойно каркать. Я перешелъ на другой конецъ залы и поднялся на самую высокую скамью противоположной стороны, чтобы удобнѣе наблюдать оттуда за борющимися; и хотя я не раздѣляю ихъ взглядовъ, я тѣмъ не менѣе не могъ не удивляться ихъ могучимъ усиліямъ.

„Тѣмъ временемъ члены правительства оставались сидѣть на скамьяхъ власти, совершенно безжизненные, сложа руки, и съ глазами, устремленными на пото-

локъ, который не собирался рухнуть. Даже въ старыхъ стульяхъ было больше жизни, чѣмъ въ нихъ. Казалось, что даже бѣшеный звонъ президентскаго колокольчика не былъ въ состояніи передать малѣйшую вибрацію ихъ черепахъ въ то время, какъ они сидѣли, застывшіе, какъ разъ подъ предсѣдательскимъ жѣстомъ. Они оставались неподвижными и инертными, подобно восковымъ фигурамъ въ музеѣ“. Засѣданіе кончилось; крайняя лѣвая отправилась совѣщаться въ „Красную залу“ парламента. Внезапно рѣшившись, д'Аннунціо пошелъ туда же и встрѣтилъ тамъ восторженный пріемъ. Такой свой переходъ налѣво онъ объясняетъ „глубокой искренностью естественнаго инстинкта, который всегда располагалъ меня ко всякому мощному проявленію природы“. Въ слѣдующіе выборы онъ уже избранъ не былъ.

Дѣйствительно, въ Италіи въ настоящее время лишь двѣ партіи имѣютъ ясную, опредѣленную программу, лишь у двухъ всѣ отдѣльные поступки вытекаютъ изъ твердо исповѣдуемыхъ принциповъ. Эти двѣ партіи — социаллисты и клерикалы, два противоположныхъ полюса современнаго міровоззрѣнія. О роли церкви и ея демократическихъ попыткахъ намъ удастся, быть можетъ, поговорить въ слѣдующемъ письмѣ.

Ближайшія причины изображенной невеселой политической картины слѣдуетъ, повидимому, искать въ фактѣ объединенія Италіи, фактѣ необходимомъ, неизбежномъ, о которомъ мечтали лучшіе люди страны еще со временъ Данте и Маккиавели. За стремленіе къ объединенію столько благороднѣйшихъ личностей платились жизнью и свободой, тѣмъ не менѣе послѣдствія этого объединенія мало предвидѣлись, подготовленности къ нимъ было недостаточно и въ самой странѣ, и въ лучшихъ ея представителяхъ. Само объединеніе, въ силу благоприятныхъ внѣшнихъ комбинацій (военныхъ неудачъ австрійцевъ въ 1866 г. и затѣмъ французовъ въ 1870 г.), далось сравнительно легко. Столь же легко должна была, казалось, дасться и побѣда внутренняя. Убаюканные этой пріятной увѣренностью, объединители принялись вводить во всей странѣ пьемонтскіе порядки, далеко не бывшіе идеальными особенно въ отношеніи финансоваго управленія, въ Пьемонтѣ отличавшагося сложностью и нестройностью. Затѣмъ рѣшено было сразу зажить на широкую ногу: войско и флотъ для внѣшняго мира, промышленная, строительная и банковая горячка внутри государства. Быстро была сооружена цѣлая сеть желѣзныхъ дорогъ, обошедшихся очень дорого; окранны Рима застраивались многоэтажными домами, возведенными на живую руку; быстро наступившій кризисъ оставилъ многіе изъ нихъ въ состояніи развалинъ или полуразвалинъ, гдѣ въ страшной грязи теперь ютится бѣднота. Быстро возросли налоги, цѣны на квартиры, на жизненные припасы; была объявлена война прежней „простотѣ“, столь милой людямъ малокультурнымъ (грязныя улицы, нищія, свобода костюма, отеческое управленіе, небольшіе налоги и т. д.). Большая часть страны вовсе не была въ состояніи, въ силу слабого хозяйственнаго развитія, выдерживать такой новый образъ жизни. Она очутилась въ положеніи многіхъ римскихъ господъ, которые заводятъ экипажъ и лошадей, а сами питаются всякой дрянью. Возникъ и независимо отъ того рядъ серьезныхъ со-

ціальнихъ вопросовъ. Для работы надъ ними нужно было другое направленіе умовъ, другіе идеалы, между тѣмъ главнымъ до сихъ поръ идеаломъ было объединеніе, — идеалъ самъ по себѣ не особенно широкій; разъ онъ былъ достигнутъ, оставалась пустота, которую не могъ заполнить тотъ оппортунизмъ, въ который затѣмъ окунается итальянская политика. Но, кромѣ того, социальныя вопросы вообще не по сердцу націоналистамъ-патріотамъ, своими или отчасти своими руками создавшимъ государство изъ разъединенныхъ и покоренныхъ областей или даже изъ племенъ, за которыми въ началѣ XIX вѣка государственные люди не хотѣли признавать права на самостоятельное существованіе (напр., балканскія народности). Въ этихъ странахъ до послѣдняго времени двигающей силой являлся націонализмъ, который самъ по себѣ можетъ творить чудеса; но этотъ же націонализмъ, разъ достигнувъ цѣли, становится препятствіемъ дальнѣйшаго прогресса, который въ настоящее время не можетъ обыкновенно идти инымъ путемъ, какъ путемъ экономическихъ реформъ, внимательства государства въ хозяйственныя отношенія. Противъ такихъ реформъ рѣзко ополчается націоналистическая буржуазія, обыкновенно исповѣдующая манчестерскіе принципы, которые такъ на руку при исполненіи заповѣди: „Enrichissez vous!“ А за освободителями и объединителями Италіи шла толпа аферистовъ, которые послѣ побѣды быстро стали нагрѣвать себѣ руки на счетъ Средней и Южной Италіи, на которую смотрѣли какъ на военную добычу.

Такая точка зрѣнія была естественна для сѣверянъ въ силу крайняго партикуляризма, которымъ еще и теперь отличаются не только отдѣльныя области Италіи, но и отдѣльные города. Вся исторія этой страны есть исторія ожесточенной вражды между составлявшими ее частями, вражды, доводившей до постоянныхъ призывовъ иностранцевъ, не исключая обращенія за помощью и къ туркамъ (папа Александръ VI побуждаетъ турокъ къ походу противъ Венеціи; противъ нея же туркамъ помогаютъ неаполитанцы; въ томъ же обвиняли миланскаго герцога Лудовико Моро). Этотъ партикуляризмъ является теперь самъ по себѣ одной изъ причинъ политическаго индифферентизма, особенно сильнаго на Югѣ и въ Сициліи.

Индифферентизмъ же Юга, въ связи съ его нѣсколько имперіалистическими тенденціями, позволилъ правительству располагать извѣстнымъ парламентскимъ большинствомъ (южныя области и Сицилія составляютъ болѣе $\frac{1}{3}$ всего населенія) при проведеніи увеличенія военныхъ издержекъ и другихъ мѣръ, отъ которыхъ такъ страдаетъ страна. Такимъ образомъ, мы можемъ видѣть въ самомъ фактѣ присоединенія къ болѣе активному, но лишенному широкой программы Сѣверу индифферентнаго Юга одну изъ причинъ многихъ теперешнихъ бѣдъ. Вскорѣ послѣ объединенія проф. Антоніо Лабріола (самъ родомъ неаполитанецъ) даже выражалъ печатно сожалѣніе, что Римъ, столица новаго государства, расположенъ такъ близко къ Неаполю, этому очагу политическаго разврата. Въ самомъ Римѣ до сихъ поръ очень силенъ индифферентизмъ. Депутатъ П. Мацца (отъ г. Рима) говорилъ мнѣ: „Я республиканецъ. Но думаете, что мои избиратели тоже республиканцы? И десяти республиканцевъ въ моемъ округѣ

не насчитаете. Уйди я завтра, — на мое мѣсто будетъ избранъ монархизмъ. Почему же они меня избираютъ? Да просто потому, что я адвокатъ съ вліяніемъ, что у меня много личныхъ и семейныхъ связей“.

Такое отношеніе есть плодъ прошлой исторіи, послѣдствія которой вообще зачастую обращаютъ добытую свободу въ одинъ пустой звукъ. Народное невѣжество, бѣдность, долгія столѣтія безправія, подчиненія чужеземному игу — наложили на многое свою трудно изгладимую печать.

Вспомнимъ только, что за порядки были въ папскомъ Римѣ, въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, — полная безнаказанность обыкновенныхъ проступковъ и преступленій, шайки разбойниковъ, отсутствіе дорогъ, отсутствіе школъ, отсутствіе медицинской помощи, суровое преслѣдованіе интеллигенціи. Въ Римѣ ничего легче не было, какъ попасть подъ особый надзоръ; такому поднадзорному запрещалось выходить изъ дому послѣ Ave Maria; его жилище было открыто для обысковъ, при которыхъ отбирались самыя невинныя книги; выѣздъ за-границу былъ сопряженъ съ рядомъ затрудненій. Въ Неаполѣ мелочность преслѣдованій доходила до того, что запрещалось носить бороду, подстриженную „alla italiana“.

Теперь уже вступило въ жизнь поколѣніе, не знавшее этихъ развращающихъ порядковъ, но еще живы и зачастую занимаютъ вліятельное положеніе тѣ, кто пропитанъ идеями и привычками, прямо противорѣчащими основнымъ требованіямъ современности. Тѣмъ не менѣе и здѣсь жизнь настойчиво стучится въ дверь, громко заявляя свои требованія.

Я началъ писать это письмо при министерствѣ Саракко; пока я его писалъ, министерство успѣло пасть и назначено новое. Три дня (4, 5 и 6 февраля) длился бой въ палатѣ. Битва, въ сущности, происходила не между министерствомъ и его противниками, а между парламентскими партіями и группами. Министерство же заранѣе было обречено на гибель. Ликвидационное, временное министерство, имѣвшее цѣлью смягчить послѣдствія ухода Пеллу, — оно теперь какъ бы просто выходило въ тиражъ. Уходя, Саракко уносилъ не дурную память.

Трехдневный парламентскій бой привлекалъ всеобщее напряженное вниманіе по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, это министерство уходило послѣ неблагопріятнаго голосованія палаты, а не такъ, какъ это въ теченіе 8 лѣтъ дѣлалъ министерства, выходившія въ отставку послѣ неудачнаго оборота дѣлъ, не дожидаясь формальнаго провала въ палатѣ; во-вторыхъ, — и это самое важное, — палатѣ предстояло опредѣленно высказаться, какой политики она желаетъ въ ближайшемъ будущемъ: хочетъ ли она поворота налѣво, котораго все настойчивѣе требуетъ страна.

Предметомъ преній былъ вопросъ, характерный для настоящаго времени: отношеніе правительства къ стачкѣ (упомянутая въ началѣ письма стачка генуэзскихъ рабочихъ). Не мало колкостей и упрековъ наслушалось министерство какъ отъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ распущеніемъ рабочей палаты, такъ и отъ тѣхъ, кто возмущался уступчивостью правительства, ее затѣмъ возстановив-

шаго подъ давленіемъ грозной стачки и вслѣдствіе вмѣшательства нѣкоторыхъ депутатовъ крайней лѣвой.

Въ сущности, — повторяемъ, — вопросъ шель о томъ, выскажется ли палата въ пользу правительства съ твердымъ реакціоннымъ направленіемъ (съ Соннино во главѣ), или правительства, которое пойдетъ навстрѣчу либерально-прогрессивнымъ требованіямъ. Дальнѣйшія шатавія и колебанія становились нестерпимы.

Въ эти 3 дня въ палатѣ царило величайшее оживленіе. Вмѣсто 60—80 человекъ, лѣниво дежурящихъ на сѣренскихъ засѣданіяхъ, въ палату явилось болѣе 400 чел. (всѣхъ 500 съ лишнимъ). Трибуны переполнены. Полукруглый залъ съ сидѣніями, расположенными амфитеатромъ; стѣны, просто выбѣлennыя сѣрвовой краской; надъ длинной предсѣдательской каедрой—тексты, и результаты плебесцитовъ различныхъ областей по вопросу объ объединеніи. Большая галлерей для печати. За исключеніемъ рѣчей извѣстныхъ ораторовъ, все время оглушительный гулъ голосовъ. Но и рѣчи ораторовъ прерываются то страстными возгласами и фразами, то продолжительнымъ воемъ, которымъ встрѣчаютъ противниковъ. Къ естественному возбужденію присоединяется типичная итальянская привычка всюду держать себя шумно и непринужденно („Тихое и безмолвное житіе“ для нихъ было бы равносильно суровому наказанію). Въ театрѣ дѣлаютъ громкія замѣчанія; чуть понравилось—громко аплодируютъ; не понравилось—шипикаютъ и свистаютъ. Въ судѣ публика сидитъ чуть не рядомъ съ судьями, дѣлаетъ замѣчанія, аплодируетъ; знакомые судей подсаживаются чуть не рядомъ съ ними. Иначе и не можетъ быть: итальянецъ чувствуетъ глубоко и сильно; чувство такъ и ищетъ немедленно вылиться въ фразѣ во весь голосъ, причеиъ говорящій сверкаетъ глазами и бѣшено жестикулируетъ. Но при этомъ итальянской толпѣ прекрасно извѣстно чувство мѣры и она не звѣрѣетъ такъ легко, какъ другая толпа. Очень характерно, что журналисты, со своего райка, принимаютъ довольно дѣятельное участіе въ засѣданіи, не говоря о томъ, что они громко разсуждаютъ между собой. „Ого-го-го!“ „Ну, впередъ“. „Вотъ еще! ха-ха!“ „Старая пѣсня!“—такъ и сыплется оттуда. Предсѣдатель иногда грозитъ имъ глазами, потрясая колокольчикомъ, который, кстати, предъ самымъ голосованіемъ на третій день битвы, отказался служить: выпалъ язычокъ.

Жара, духота, ревъ голосовъ, возбужденныя группы депутатовъ, покинувшихъ свои мѣста, внимательныя лица публики, которая тоже иногда отваживается пошумѣть—и такъ три дня подъ-рядъ съ 2 часовъ дня до семи восьми часовъ вечера.

Сторонники сильной власти говорили мало. Представитель этого направленія, богачъ Сидней Соннино (англоманъ, котораго очень одобряютъ „Times“ и „Frankfurter Zeitung“) заявляетъ, что генуэзская рабочая камера—очагъ революціонныхъ идей; ее слѣдовало распустить; возстановленіе ея было актомъ непростительной слабости; говорить о необходимости экономическихъ и социальнихъ мѣръ и замѣчаетъ по поводу рѣчи Биссолари, издателя социалистической газеты „Avanti!“, утверждавшаго невозможность серьезныхъ социальнихъ реформъ для буржуазнаго правительства, — что изъ 90 депутатовъ крайней лѣвой 89 „sono dei buoni

borghesi“ (добрые буржуа). Интересно отмѣтить, что, будучи, по взглядамъ, правѣйшимъ изъ правыхъ, мистеръ Соннино предпочитаетъ выступать въ качествѣ лидера центра. Какъ ни была къ концу второго дня утомлена палата, она все-таки съ напряженнымъ вниманіемъ выслушала рѣчь депутата Кьеза (Chiesa), генуэзскаго лакировщика (теперь въ палатѣ 2 депутата рабочихъ). Просто, безыскусственно говорилъ онъ, но каждое слово его дышало особой убѣдительностью.

Шпилька Соннино о буржуазномъ составѣ крайней лѣвой не осталась безъ отвѣта. Въ послѣдній день, предъ самимъ голосованіемъ, туринецъ Турати, издатель „Critica Sociale“, tête forte социалистической партіи, началъ свою рѣчь съ отвѣта на это замѣчаніе.

Широкій съ лица, съ шапкой длинныхъ волосъ, блѣдный, онъ нѣсколько напоминаетъ русскаго интеллигента. Говорить нервной скороговоркой, ритмически повышая и опуская голосъ.

„Иронія вещей, — началъ онъ, — захотѣла, чтобы какъ бы по волшебному мановенію, въ то время, какъ глава центра (Соннино) дѣлалъ намъ ядовитое замѣчаніе, здѣсь раздался голосъ болѣе сильный, болѣе здоровый, чѣмъ нашъ. Дальше оставлять у власти это министерство нельзя: странѣ нуженъ рядъ серьезныхъ реформъ, — вся, между тѣмъ, добродѣтель этого министерства прямо пропорціональна его бездѣйствію. Идти за Соннино, въ сторону реакціи, невозможно, — это значило бы кончить революціей; опасность тѣмъ больше, чѣмъ болѣе замаскирована эта реакція. Остается третій путь, — „ориентировка къ свободѣ“, — путь, предлагаемый Джолитти, т. е. лояльное, интегральное признаніе конституціи, признаніе ея чуть не спустя 50 лѣтъ ея существованія, признаніе ея для всѣхъ гражданъ. Мы готовы мириться съ этой минимальной программой, такъ какъ въ свободѣ мы видимъ средство мирнаго гражданскаго осуществленія всѣхъ реформъ, — но эта программа насъ, конечно, не удовлетворяетъ“.

Рѣчь Джолитти, чиповника-либерала, предъ которымъ, силой вещей, открывалась дорога къ власти, была характерна для переживаемаго момента. Онъ началъ разъясненіемъ элементарныхъ истинъ, что необходимо уравнивать предъ лицомъ закона и капиталиста, и рабочаго; что плохо оплаченный и плохо питающійся рабочій не работаетъ такъ, какъ слѣдуетъ; что правящее лѣтство, оказывая давленіе въ пользу пониженія заработной платы, совершаетъ великую политическую и экономическую несправедливость. „Какъ серьезно экономическое и политическое положеніе страны, — продолжаетъ онъ, — можно судить по послѣднимъ политическимъ выборамъ: изъ нихъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что если бы голоса, поданные за кандидатовъ народныхъ партій, были бы распределены равномерно, то у крайней лѣвой было бы, навѣрное, 134 депутата (вмѣсто 93); если же будутъ еще два раза произведены выборы при условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, при которыхъ происходили послѣдніе, — то крайняя лѣвая будетъ въ этой палатѣ располагать большинствомъ“ (*Впечатленіе*).

Ораторъ признаетъ въ Италіи только три партіи, заслуживающія это имя: клерикаловъ, социалистовъ и конституціоналистовъ. Первые опираются на религиозное чувство, рядомъ съ которымъ организуется христіанская демократія; со-

ціалісты сильны тѣмъ, что взяли подъ свою защиту пролетаріатъ; но у нихъ есть очень слабое мѣсто: многія изъ ихъ обѣщаній не могутъ быть выполнены. Какъ же держать себя конституціоналистамъ относительно этихъ партій? Нужно содѣйствовать распространенію народнаго образованія и не отказывать въ кускѣ хлѣба дѣтямъ бѣдняковъ, посѣщающимъ школу (замѣтимъ, что буржуазія рветъ и мечетъ противъ даровыхъ школьныхъ завтраковъ, — соціалистамъ приходится съ бою проводить эту мѣру). (*Одобреніе на лѣвой*).

Эти истины признаются всѣми. Кто только не говорилъ избирательныхъ рѣчей на тему о помощи низшимъ классамъ; каждая тронная рѣчь упоминаетъ о нихъ. Но что же сдѣлано въ дѣйствительности?

Голоса: Ничего!

Переходя къ предложеннымъ финансовымъ проектамъ, разсматриваемымъ особой комиссіей, Джолитти находятъ, что государство испытываетъ бѣдшія неудобства отъ тѣхъ уступокъ, которыя эти проекты дѣлаютъ для богатыхъ классовъ, чѣмъ отъ тѣхъ, которыя дѣлаются для классовъ бѣдныхъ. Пошлины на предметы потребленія предполагается оставить въ томъ же размѣрѣ и не предвидится никакого облегченія для мелкой собственности.

Дѣло настолько обостряется, благодаря неисполняемымъ обѣщаніямъ, что, когда придется уступать предъ серьезными событіями, придется уступить гораздо больше, чѣмъ теперь. Трудно проповѣдывать благочестіе тому, кто умираетъ отъ голода. Указавъ на отсутствіе общественной безопасности, на нахожденіе доброй трети мѣстныхъ управленій въ рукахъ кагорры, Джолитти заключилъ словами: „Мы на порогѣ новаго историческаго періода“...

Крики „*Ai voti! Ai voti!*“ — „голосовать! голосовать!“ — становятся все настойчивѣе, все громче. Предстоитъ баллотировать моцію, внесенную группой Соннинно и поправку къ ней Фульги (цанардельянца). Моція, признавая, что поведение властей по поводу распущенія рабочей палаты обнаруживаетъ признаки неуверенности, приглашала правительство опредѣлять направленіе, не допускающее повторенія подобныхъ фактовъ. Фульги прибавилъ слова о неодобреніи правительства. По уставу, поправка должна баллотироваться первой. Быстро выкликались фамиліи депутатовъ; съ первыхъ двухъ — трехъ десятковъ именъ на почти сплошные „*si*“ приходились очень рѣдкіе „*no*“. Въ результатъ, изъ 427 депутатовъ 319 противъ 102 высказались противъ министерства (6 человекъ воздержались).

Но теперь, по уставу, нужно было все-таки голосовать и моцію соннинианцевъ, хотя министерство уже пало. Тщетно увертывались соннинианцы, стараясь взять моцію обратно, — теперь стало бы ясно, сколько у нихъ голосовъ (вѣроятно, всего 30—40). Крайняя лѣвая реветъ, требуя голосованія. „Попались въ ловушку!“ — кричитъ Ферри. „*Siete i quatho gatti*“ („Васъ всего четыре кошки“ — поговорка), — кричитъ кто-то другой. Соннинианцамъ не остается ничего, какъ скрыть свои голоса въ общей массѣ, и они голосуютъ — противъ собственной моціи, проваливаемой большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного.

Итакъ, прогрессистская часть палаты добилась того, что ей было важнѣе

ухода Саракко: добилась пораженія въ самомъ корябъ попытки Соннино взять власть въ руки. Сдѣланные промахи, настроеніе страны и парламента, все это заставляетъ корону составить министерство, идущее — или по крайней мѣрѣ о томъ заявляющее — по пути прогрессивныхъ реформъ, среди которыхъ реформы экономического характера должны занимать первое мѣсто. Читатели уже знаютъ изъ газетъ составъ новаго министерства; призваніе Цанарделли (предсѣдатель совѣта) и Джолитти (внутреннія дѣла) означаетъ максимумъ либеральныхъ реформъ, на которыя можетъ пойти монархія.

Была сдѣлана попытка дать въ министерствѣ мѣсто и представителямъ крайней лѣвой, — радикаламъ. Но они выставили опредѣленные требованія: фиксировать военный расходъ въ суммѣ 239 милліоновъ лиръ и дать радикаламъ 3 портфеля.

По мнѣнію крайней лѣвой, всѣ разговоры о соціальныхъ реформахъ не болѣе, какъ разговоры, пока не будутъ ограничены военные расходы, такъ какъ болѣе напрягать плательщика нельзя.

Удастся ли кабинету Цанарделли-Джолитти сдѣлать что-нибудь, какъ отнесутся къ нему правая и крайняя лѣвая, потребуетъ ли распущеніе и новые выборы—это покажетъ ближайшее будущее. Пока же даже бульварный и анти-парламентскій „Messaggero“ мало ждетъ толку, разъ въ министерство не попали представители „народныхъ“ партій.

Д. Протопоповъ.

Очерки текущей русской литературы.

„Три сестры“.

Говорить о художественном дарованіи Чехова—то же, что прославлять красоту утренней звѣзды или румяных лучей заката. Слишком очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ первокласснымъ дарованіемъ, которое съ каждымъ днемъ растетъ и ширится, испытываетъ все болѣе глубокія настроенія, а въ опредѣленности и тонкости своей художественной работы достигаетъ равенства съ образцами великихъ мастеровъ эпохи Возрожденія. Ничего лишняго и случайнаго, ничего кричащаго и бьющаго на эффектъ, а между тѣмъ впечатлѣніе отъ этихъ будничныхъ картинъ тусклой жизни съ нависшими надъ ней тяжелыми, сырыми тучами—огромно. И огромность впечатлѣнія даже отъ крошечныхъ разсказовъ въ Чехова всѣ чувствуютъ, хотя и не всегда легко выразить ее ясными и опредѣленными словами. Дѣло въ томъ, что по какому-то особенному аристократизму или по дѣломудрію своего творчества Чеховъ почти не высказывается отъ себя, не даетъ ни такихъ словъ, ни такихъ образовъ, которые разсѣяли бы читательское недоразумѣніе, сдѣлали бы личность писателя понятной и близкой и помогли бы разобраться въ этомъ обилии и богатствѣ унылыхъ картинъ, какъ будто таящій въ себѣ суровый и даже безнадежный приговоръ нашей жизни. Мы къ этому не привыкли; мы привыкли къ другому,— всегда спрашивать, чего же хочетъ художникъ, куда ведетъ онъ насъ, потому что сами мы малы и слабы и нуждаемся въ руководителяхъ. Эти сѣрые тоны, это уныніе, разлитое по всему, что вышло изъ-подъ пера Чехова, еще настойчивѣе заставляютъ искать и жадать выхода, потому что нѣтъ ничего страшнѣе, какъ признать, что выхода нѣтъ.

Въ послѣднемъ произведеніи г-на Боборыкина „Однокурсники“ одинъ изъ героевъ, очень милый и сердечный юноша, присутствуетъ на представленіи „Дяди Ваня“ на сценѣ московскаго Художественнаго театра. Юноша увлеченъ художественностью раскрывающихся передъ нимъ картинъ, онъ переживаетъ всѣ мельчайшія ощущенія героевъ пьесы и все же не можетъ заглушить въ себѣ смутнаго протеста противъ безнадежнаго тона пьесы. Ему кажется, что жизнь лучше, разнообразнѣе, богаче красками, что въ ней есть призывъ для каждаго. И я знаю, что не одинъ боборыкинскій юноша думаетъ такъ.

Попробую же разобраться въ этомъ на основаніи новой пьесы Чехова „Три

сестры“, только что напечатанной въ „Русской Мысли“. Куда она ведетъ и деть ли куда?

Разсказывать содержаніе пьесы и ея „архитектовику“ мнѣ совершенно нечего. Это завело бы меня въ такія подробности, изъ которыхъ мнѣ никакъ бы не удалось выбраться въ одной журнальной статьѣ. Достаточно сказать, въ смыслѣ фактическаго матеріала, что мѣсто дѣйствія—глухая провинція, которая какъ будто принадлежитъ къ составу „Вѣлой Арапіи“: до того въ ней все скучно и мутно, даже прямо не по людски. Здѣсь есть еще мысля барышни, щеголяющія въ розовыхъ платьяхъ съ зеленымъ поясомъ, здѣсь значительнымъ довѣріемъ пользуется извѣстіе, что черезъ всю Москву протянуть канатъ, или что въ Петербургѣ при двухсестрадушномъ морозѣ померзло 2.000 человекъ сразу. Здѣсь не жизнь, а какой-то призракъ жизни даетъ квартирующая временно артиллерійская бригада, здѣсь даже умные люди читая газеты интересуются преимущественно, а пожалуй исключительно, рецептами противъ облыснѣнія или извѣстіями, что Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ, здѣсь любовныя интриги глупы до тошноты и безстыдно-откровенны, здѣсь порядочные люди обязательно страдаютъ запоемъ, здѣсь нѣтъ общественныхъ дѣятелей, а лишь городской голова Протопоповъ или членъ управы Прозоровъ, играющій цѣлые дни на скрипкѣ и проклинающій судьбу за то, что ему приносятъ на домъ подписывать бумаги,— словомъ это такая глушь, что даже желѣзная дорога побоялась заглянуть сюда и выстроила себѣ вокзалъ за двадцать верстъ; и „никто не знаетъ почему это такъ“, и только офицеръ Соленый рѣшается дать такое объясненіе: „Это потому, что если бы вокзалъ былъ близко, то не былъ бы далеко, а если онъ далеко, то значить не близко“. И всѣ чѣмъ-то недовольны, всѣ этимъ недовольствомъ терзаются и, „если послушать здѣшняго интеллигента, штатскаго или военнаго, то съ женой онъ замучился, съ имѣніемъ замучился, съ лошадьми замучился, а жена и дѣти замучились съ нимъ“. Здѣсь есть, впрочемъ, и мужская и женская гимназія, но жизни ни въ чемъ и нигдѣ,—ни въ гимназіяхъ, ни въ управѣ, ни на улицѣ. Въ клубъ ѣздятъ только для того, чтобы выпить. И вотъ такими-то мелкими штрихами Чеховъ рисуетъ обстановку своей Вѣлой или, лучше сказать, Мутной Арапіи, слишкомъ близкой и родной нашему сердцу, чтобы не вѣрить въ ея существованіе или заподозрить ея характеристику.

На сценѣ, какъ всегда у Чехова, „интеллигенты“ и въ центрѣ ихъ три сестры: Маша, Ольга и Ирина, куда-то рвущіяся, мятежныя и раздраженно безпокойныя. Имъ опротивѣло.— больше,—очертѣло въ этомъ болотѣ, и всѣ мечты ихъ наболѣвшаго, измученнаго сердца сосредоточиваются на переѣздѣ въ Москву, гдѣ жизнь рисуется имъ въ какихъ-то чудныхъ и яркихъ краскахъ. Ольга и Ирина—дѣвушки, причѣмъ первая преподаетъ въ гимназіи, вторая мечется отъ работы къ работѣ, но обѣ одинаковы недовольны, потому что нѣтъ такого живого, творческаго дѣла, которое захватило бы ихъ. Маша—замужемъ, но ея мужъ, учитель гимназіи, не пошелъ дальше латинской этимологіи, которой и пропитался, какъ губка водой.

Возлѣ сестеръ много народу: нѣсколько человекъ офицеровъ артиллерійской

бригады, старикъ докторъ Чебутыкинъ, — грустное продолженіе Астрова изъ „Дяди Вани“, страдающій запоемъ, братъ Андрей, мечтавшій когда-то о профессурѣ, а потомъ удовлетворившійся мѣстомъ члена управы, которое доставилъ ему любовникъ его жены, мужъ Маши—Кулыгинъ, мѣстный педагогъ, весь какъ-то удивительно хорошо вылившійся въ фразѣ: „Директоръ у насъ съ выбритыми усами и ея тоже, какъ сталъ инспекторомъ, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволенъ. Съ усами или безъ усовъ я одинаково доволенъ“; жена Андрея—Наташа.

Сестры тоскуютъ и всѣ тоскуютъ воалѣ нихъ, всѣ ходятъ, какъ отравленные мухи по комнатамъ и ведутъ ненужные, томительно ненужные разговоры, пустые и безцвѣтные, какъ сырые осенніе сумерки. Тутъ мнѣ положительно хочется отмѣтить одинъ художественный приѣмъ, которымъ Чеховъ отмѣняетъ „нудную“ психологію своихъ героевъ: всѣ они какіе-то гипнотики, почти бессознательно повторяющіе тѣ же слова и фразы, точно внушенные откуда-то со стороны. Я не помню, чтобы кто раньше автора „Трехъ сестеръ“ добирался до такой удивительной и въ то же время естественной тонкости. А между тѣмъ подавленное состояніе духа, эти стѣсненные мысли, это спертое и стиснутое настроеніе невольно выражается въ унылой и однообразной формѣ. Какой-нибудь глупѣйшій мотивъ, бессмысленная ничего не выражающая фраза попадаетъ въ мысль и на языкъ и никакъ отъ нихъ не отдѣлаешься, точно отъ осенней мухи. Маша, самая живая и, вѣроятно, самая энергичная изъ трехъ сестеръ, но живая и энергичная при другихъ обстоятельствахъ и въ другой обстановкѣ, больше другихъ чувствуетъ тоску и скуку жизни и постоянно напѣваетъ, что-нибудь неподходящее, вроде „У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ“... а потомъ плаксиво жалуется: „Ну, зачѣмъ я это говорю?.. Привязалась ко мнѣ эта фраза съ самаго утра“... Въ четвертомъ дѣйствіи то же самое, когда прежняя тоска, временно разсѣянная любовью Вершинина, съ двойной силой овладѣваетъ ею. „Москва“... „уѣдемъ въ Москву“—и вообще, всѣ эти фразы о Москвѣ постоянно вертящіяся на языкъ и въ умѣ у сестеръ,—вѣдь это тотъ же гипнозъ, то же свидѣтельство подавленнаго духа.

Впрочемъ, тутъ всѣ или загниотизированы, или гипнотизируютъ себя, кто Москвой, кто зеленымъ дубомъ, кто газетными извѣстіями о бракосочетаніи Балъзака въ Вердичевѣ, кто латинской этимологіей. Не знаю, какъ вамъ, но мнѣ эта небольшая подробность кажется очень характерной. Она говоритъ о томъ, какъ стѣснена жизнь, все разнообразіе въ которую вносятъ развѣ Феропонтъ свои рассказы о купцѣ, который съѣлъ не то сорокъ, не то пятьдесятъ блиновъ сразу и тутъ же умеръ, или поручикъ Соленый своими дерзкими кадетскими бессмыслицами.

Кстати о Соленомъ. Это тоже жертва самовнушенія. Онъ вообразилъ себя вторымъ Лермонтовымъ, роковой натурой вообще, сочиняетъ стихи, говоритъ направо и налево грубо, подчеркивая ими свое высокомерное презрѣніе къ людямъ, разыгрываетъ съ Тузенбахомъ исторію Лермонтова съ Мартыновымъ, каждую минуту дразнить его и въ концѣ концовъ убиваетъ несчастнаго на дуэли.

Разница, значитъ, въ одноѣмъ пятомъ актѣ, но вѣдь и Соленый не Лермонтовъ, а просто отравленный мухи.

Въ одноѣмъ изъ предыдущихъ своихъ разсказовъ („Крыжовникъ“) Чеховъ высказываетъ такую вотъ мысль, которой, очевидно, онъ очень сочувствуетъ и которую цѣнить: „Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку. Человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а *весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа*“.

Я бы поставилъ эти слова эпитафией ко всему написанному Чеховымъ. Это—лучшая критика той жизни, которую онъ изображаетъ. Человѣку нужны весь земной шаръ, вся природа, всё откровения мысли и творчества, а ему, какъ трупу, отводится три аршина. На самомъ дѣлѣ сколько аршинъ пространства отведено героямъ „Трехъ сестеръ“ или „Въ оврагѣ?“ Ровно столько, чтобы они каждую минуту натаскались на глухую стѣну, чувствовали при каждомъ движеніи что-то тяжелое, придавившее ихъ, какъ земля покойниковъ, и задыхались съ убійственной медленностью. Какова же должна быть жизнь, которая ихъ окружаетъ? И если кто-нибудь оправдаетъ эту жизнь тѣмъ, что вокзалъ находится за двадцать верстъ отъ города, то я лично по разнымъ причинамъ такого оправданія принять не могу.

А между тѣмъ герои „Трехъ сестеръ“—люди хорошіе и не безъ хорошихъ порывовъ, не безъ серьезныхъ даже запросовъ. Посмотрите, съ какими красивымъ одушевленіемъ говоритъ, напр., Ирина о трудѣ, работѣ:

„Человѣкъ долженъ трудиться, работать въ потѣ лица, кто бы онъ ни былъ, и въ этомъ одномъ заключается цѣль и смыслъ его жизни, его счастье, его восторги. Какъ хорошо быть рабочимъ, который встаетъ чуть свѣтъ и бьетъ на улицѣ камни, или пастухомъ, или учителемъ, который учитъ дѣтей, или машинистомъ на желѣзной дорогѣ. . Боже мой, не только человѣкомъ, лучше быть воломъ, простою лошадыю, только бы работать, чѣмъ молодой женщиной, которая встаетъ въ 12 часовъ дня, потомъ пьетъ въ постели кофе, потомъ два часа одѣвается... О, какъ это ужасно! Въ жаркую пору такъ иногда хочется пить, какъ мнѣ захотѣлось работать“.

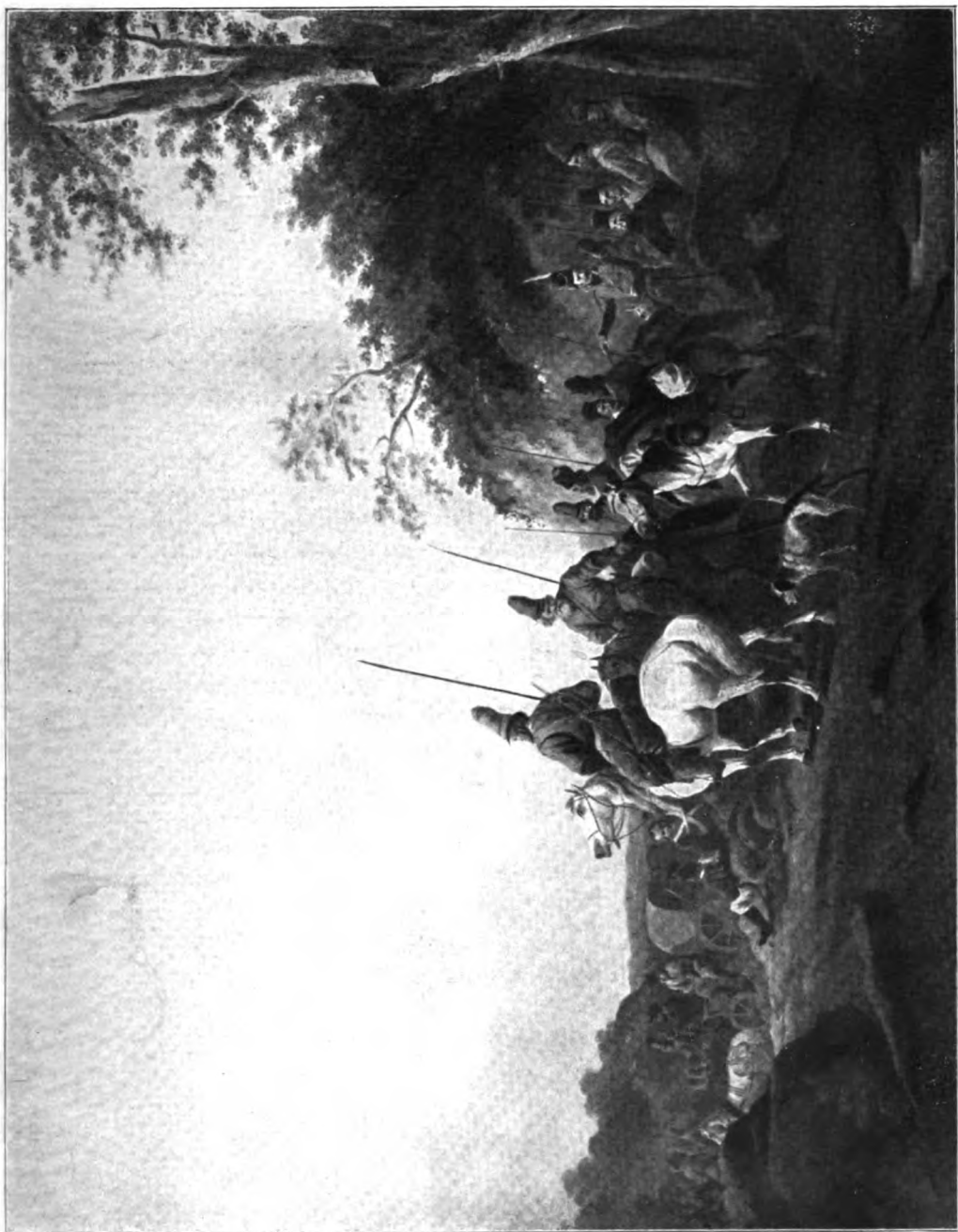
Влюбленный въ Ирину Тузенбахъ постоянно твердитъ о томъ же и въ концѣ концовъ снимаетъ даже съ себя офицерскую форму и, несмотря на свое баронское достоинство и тройную фамилію, рѣшается поступить на кирпичный заводъ. Ольга работаетъ до усталы, хотя и надъ не любимымъ дѣломъ. Сама Ирина то поступаетъ на телеграфъ, то въ управу, а въ концѣ концовъ хочетъ идти въ народныя учительницы, чтобы отдать свою жизнь и силы тому, кому они дѣйствительно нужны. Последнія ея слова въ пьесѣ „Буду работать, буду работать“. Для дочери бригаднаго генерала, къ тому же получающей пенсію, хорошо ужъ и это настойчивое буду.

Рядомъ съ этой практической драмой труда и на это тратящихся человѣческихъ силъ въ пьесѣ Чехова развивается и другая, такъ сказать, метафизическая. Всѣ лица съ какимъ-то уныніемъ, но и съ поразительной настойчи-

востью въ каждомъ своемъ разговорѣ возвращаются къ вопросу о смыслѣ жизни и развиваютъ его такъ нелѣпо и часто такъ скучно, что нельзя не согласиться порою съ замѣчаніемъ Соленого: „Если философствуетъ мужчина, то это будетъ философистика или тамъ софистика; если же философствуетъ женщина или двѣ женщины, то ужъ это будетъ—„потяни меня за палець“. Однако, самое присутствіе такого „вышей категоріи“ вопроса говорить о несовсѣмъ обычныхъ запросахъ въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, о нѣкоторомъ смутномъ исканіи твердой опоры своему существованію и о томъ конечно, что не одинъ тлѣнъ и прахъ ихъ интересуетъ. Конечно, никакого опредѣленнаго отвѣта они не находятъ: находятъ какіе-то отрывки отвѣтовъ, а чаще всего сталкиваются съ неразрѣшимой загадкой. Въ этомъ, впрочемъ, не ихъ вина. Въ такую же глухую стѣну, въ такой же тупикъ по необходимости долженъ удариться всякій, кто пойдетъ ихъ дорогой въ разрѣшеніи этого великаго, а быть можетъ, и величайшаго изъ вопросовъ человѣческаго бытія. Для нихъ, какъ будто для дѣтей или для очень неопытныхъ мыслителей, „смыслъ жизни“ представляется какою-то вещью въ себѣ, Ding an und für sich, сущностью и нуменомъ, чѣмъ-то независимо отъ человѣка и внѣ его существующимъ. Они не понимаютъ, что такой сущности, какъ сущности вообще, они, какъ и никто другой найти не могутъ и всѣ попытки человечества въ этомъ отношеніи, до сей поры по крайней мѣрѣ, не привели ни къ чему. *Понять* смыслъ жизни человѣкъ не можетъ, такъ какъ онъ не знаетъ ея конечной цѣли и конечной цѣли бытія всей вселенной, гдѣ мгновенно гаснутъ старыя міры и нарождаются новыя,—но тому же человѣку было бы странно и не расчетливо отказаться отъ надежды *придать* этой своей жизни смыслъ, что уже совсѣмъ не такъ трудно, и при извѣстныхъ обстоятельствахъ совершенно возможно. Это все равно, какъ физикъ, не зная, что такое сущность электричества, можетъ превосходно и радостно производить надъ нимъ опыты и идти отъ одного открытія къ другому. Ощущеніе смысла жизни сливается въ такомъ случаѣ съ ощущеніемъ удачнаго и творческаго труда, полноты и разнообразія жизни, той вдохновенной работы, которая одухотворяетъ, его скучную, разсудочную мысль. И мнѣ кажется, что пока на большее, какъ на мечту о томъ, чтобы человѣкъ на просторѣ могъ бы проявить „все свойства и особенности своего свободнаго духа“, мы не имѣемъ права, какъ не имѣемъ разумаго права (хотя и можемъ, на словахъ разумѣется) быть недовольными невозможностью перелетать по желанію на планету Марсъ и по желанію возвращаться оттуда. Слишкомъ для этого мы еще бѣдны и малы.

Но въ жизни героевъ Чехова ни настоящаго, ни кажущагося смысла нѣтъ. Есть только „слова“ о немъ...

Для такого плоскаго человѣка и донъ-жуана артиллерійскихъ казармъ, какъ подполковникъ Вершининъ, все въ достаточной степени ясно и не требуетъ особенныхъ размышленій: „Черезъ двѣсти, триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ прекрасной и изумительной,—говоритъ онъ.—Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали

Бивуак казаковъ.—А. Орловскаго.

его дѣдъ и отецъ“. Тузенбахъ радостно хватается за эту мысль, восклицая: „Черезъ много лѣтъ, вы говорите, жпзнь на землѣ будетъ прекрасной и изумительной! Но чтобы участвовать въ ней теперь, хотя издали надо приготовляться къ ней, нужно работать...“ Иринѣ мысль Вершинина нравится до такой степени, что она хочетъ ее записать, хотя въ этой мысли нѣтъ ровно ничего кромѣ словъ, и изготовлена она въ головѣ автора съ такой же легкостью, съ какой готовится московская селянка, что лп. Странно: совсѣмъ, кажется, ограниченный человѣкъ Кудыгпнъ, какъ, впрочемъ, и подобаетъ быть образцовому преподавателю латинской грамматики, однако и онъ не только не чуждъ этого вопроса, но даже и многолѣтняго скептическаго отношенія къ нему: „Мнѣ вотъ всю жизнь везетъ, — твердитъ онъ,—я счастливъ: вотъ имѣю даже Стаппслава 2-й степени, и самъ теперь преподаю другимъ это *ut consecutivum*... Конечно, я умный человѣкъ, умнѣе очень многихъ, но счастье не въ этомъ... Ничего не поймешь на этомъ свѣтѣ...“ Но лучше, полнѣе всего передаетъ идею и настроеніе пьесы Ольга въ словахъ, эту пьесу заключающихъ: „Пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки; насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса, и сколько насъ было; но страданія наши переждутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь. О милыя сестры, жизнь наша еще не кончена. Будемъ жить! Музыка играетъ такъ весело, такъ радостно и, кажется, еще немного,—и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ... Если бы знать, если бы знать!“

Изъ большихъ и частыхъ разговоровъ я привелъ, конечно, только отрывки. Я привелъ ихъ потому, что мнѣ хотѣлось отбѣнить именно эту сторону драмы, это настойчивое исканіе смысла жизни со стороны почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

Разумѣется, никто не нашелъ ничего, кромѣ Вершинина, который, прѣхавъ въ одинъ городъ, завелъ интригу съ Машей, а потомъ переѣдетъ въ другой и заведетъ интригу съ Катей. И что вы найдете въ этой нищей и чахлой жизни, ни къ чему не зовущей человѣка, никакныхъ бодрящихъ впечатлѣній ему не дающей и сведенной къ преподаванію *ut consecutivum* для къ подписыванію бумагъ? Жизнь должна давать кое-что человѣку, а не только брать съ него, и еще брать, и еще. Когда она отвела человѣку ровно столько, сколько требуется для трупа, т. е. три аршина, то что съ него и спрашивать. Онъ по необходимости будетъ выть, всѣмъ тяготиться, усыплять себя всяческими гипнозами, а потомъ, въ мигъ пробужденія, еще сильнѣе чувствовать тоску и пустоту существованія. Онъ по необходимости будетъ одинокомъ. И здѣсь, на сценѣ, дѣйствительно все одинокіе люди, которые сами не знаютъ, для чего они сходятся, для чего разговариваютъ о ненужныхъ вещахъ. Въ концѣ пьесы всѣ разсыпаются въ разныя стороны, и всѣ признаки чего-то хорошаго оказываются задушенными мертвой жизнью далекаго города.

Замѣчали ли вы на первый взглядъ странное явленіе въ жизни: чѣмъ она централизованнѣе, тѣмъ больше розни между людьми, тѣмъ болѣе они одиноки? Казалось бы, должно быть наоборотъ: единство должно бы создавать единеніе,

а между тѣмъ, въ дѣйствительности, выходитъ прямо противоположное. Наша жизнь централизована до послѣдней степени возможности и не только административно централизована она, но и духовно. Тяготѣніе къ центру—городу, къ еще высшему центру—столицѣ, къ извѣстнымъ общимъ идеаламъ, вызваннымъ къ жизни мѣщанствомъ,—идеаламъ карьеры, успѣха и наживы,—вездѣ кругомъ, и почти въ каждомъ изъ насъ. Но такъ какъ всѣ хотятъ того же, а того же на всѣхъ не хватаетъ, то чѣмъ же имъ и быть, какъ не врагами, тайными или явными, какъ не безнадежно одиночками, хотя и толпящимися, въ душѣ?

Мнѣ извинять это не совсѣмъ идущее къ дѣлу замѣчаніе, но вѣдь чуждая жизнь города, задушившая сестеръ, чѣмъ-нибудь да создана?

Сестры не добились ничего. Онѣ не переѣхали въ Москву, не нашли труда, который захватилъ бы ихъ, не нашли отвѣта на вопросъ о смыслѣ жизни. Но долженъ же чувствовать себя кто-нибудь, какъ рыба въ водѣ, даже въ этомъ чортовомъ болотѣ? Чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, въ этомъ чортовомъ болотѣ Наталья Николаевна Прозорова, супруга неудавшагося профессора, брата сестеръ—Андрея. Это замѣчательная женщина изъ породы грызуновъ.

Сначала она является передъ вами въ качествѣ кокетливой дѣвочки провинціального города, одѣвающаяся въ розовое платье съ зеленымъ поясомъ; тутъ же, при случаѣ, она тихоюлочкою цѣлуетъ съ мужчиной, который, впрочемъ, скоро становится ей мужемъ. На первыхъ порѣхъ, какъ видите, ничего кричащаго, кромѣ костюма. Но картина тотчасъ мѣняется, какъ только она, въ качествѣ супруги брата Андрея, входитъ равноправной хозяйкой въ домъ сестеръ. Понемногу она начинаетъ всѣхъ тѣснить, особенно послѣ рожденія первенца Бобочки, ребенка, конечно, исключительнаго. Бобочкѣ нужна лучшая комната въ домѣ, и Ирина изъ своей должна перебраться къ Ольгѣ; у Бобочки головка болитъ, и устроенное на праздникъ торжество отменяется, и т. д. Мужа своего, одного изъ безчисленныхъ русскихъ Платонъ Платоновичей, Наталья Николаевна быстро прибираетъ къ рукамъ. Правда, сначала онъ пытается противиться, жалуется (втихомолку отъ жены) на свою несчастную судьбу, она лакиваетъ неудавшуюся профессуру, сильно зашибаетъ въ карты, но въ концѣ концовъ покорно склоняетъ голову—и катаетъ дѣтей въ колясочкѣ. Послѣ Бобочки у Натальи Николаевны родится Софочка, и родительскій аппетитъ, пропорціонально этому, возрастаетъ вдвое. Ей уже надо весь домъ, ей всѣ мѣшаютъ, и надо отдать ей полную справедливость: безъ всякихъ разсужденій о смыслѣ жизни она очень осмысленно и даже премудро устраиваетъ свои планы. Вступивъ въ интимныя отношенія съ городскимъ головой, она достаетъ мужу бумажное мѣсто члена управы, сестрѣ Иренѣ—тоже какія-то занятія тамъ же и, постепенно окрыляясь духомъ отъ такихъ удачъ, начинаетъ на всѣхъ кричать, какъ полная хозяйка. Она идетъ своей дорогой, не заглядываясь по сторонамъ и, въ концѣ-концовъ, дѣйствительно выживаетъ всѣхъ изъ дома. Высшимъ моментомъ ея торжества въ пьесѣ является тотъ, когда она говоритъ горничной: „Что? Съ Софочкой посидитъ Протопоповъ, Михаилъ

Ивановичъ (голова), а Бобика пусть покатаетъ Андрей Сергѣевичъ (мужъ). Сколько хлопотъ съ дѣтьми (*Иринь*): Ты завтра уѣзжаешь;—такая жалость. Я къ тебѣ привыкла, и разстаться съ тобой, ты думаешь, мнѣ будетъ легко? Въ твою комнату я вѣлю переселять Андрея съ его скрипкой,—пусть тамъ пилить“.

Какъ всегда, у Чехова всѣхъ и вся побѣждаетъ хищникъ, хотя бы даже такой маленькій хищникъ-грызунъ, какъ Наталья Николаевна. Обстоятельство существенное, потому что если вы хотите дать правильную нравственную оцѣнку жизни, опредѣлите только, кто и что побѣждаетъ въ ней: оцѣнка явится сама собой.

Развязка пьесы опять-таки совершенно чеховская: какая-то глупѣйшая дуэль Соленого съ женихомъ Ирины—Тузенбахомъ, смерть послѣдняго, полная растерянность всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, крушеніе всѣхъ надеждъ. Даже призывъ къ работѣ, это настойчивое „надо работать“, проходящее красной нитью черезъ всю пьесу, и теперь заключающее ее, звучитъ, какъ похоронный мотивъ. Такъ или иначе, ни одинъ человѣкъ не нашелъ для себя выхода и лишь истомилъ душу свою въ бесполезныхъ поискахъ за нимъ. Но я не стану останавливаться на подробностяхъ и вернусь къ вопросу, поставленному еще въ первыхъ строкахъ этихъ очерковъ: зоветь ли насъ куда Чеховъ, или нигде не зоветь?

Согласенъ, что, быть можетъ, этотъ вопросъ—совершенно незаконный, что разъ художникъ образно изобразилъ жизнь, далъ синтезъ ея запутанныхъ и разбросанныхъ явленій, мы должны быть въ достаточной степени благодарны ему, а не приставать еще съ своими маленькими вопросиками. Но послѣ критики Добролюбова, послѣ произведеній Толстого или Достоевскаго намъ трудно поступать такъ. Намъ мало образа и мало картины,—намъ нужно нѣчто большее: намъ нуженъ „выходъ“, „указаніе цѣль“ (которую, разумѣется, мы можемъ, по желанію, принять или не принять), и, кажется, обстоятельства нашей жизни вполне оправдываютъ это наше „надо“. Впрочемъ, и то сказать, обиднаго въ этомъ вопросѣ рѣшительно ничего нѣтъ. Нѣтъ ни приставанія, ни желанія лютимничать или, тѣмъ менѣе, залѣзть въ чужую душу, — мы просто хотимъ отдать себѣ полный отчетъ въ идеѣ автора, во всемъ объемѣ ея смысла, въ ея волевыхъ элементахъ, безъ которыхъ она невозможна и немыслима. Если же это такъ, то, очевидно, „мы въ своемъ правѣ“.

Я бы такъ формулировалъ идею Чехова: „тусклая, бѣдная духомъ жизнь создаетъ лишь тусклыхъ, бѣдныхъ духомъ людей. Если же случайно появятся среди этой скучной толпы человѣкъ, лучше одаренный и носящій въ себѣ Божью искру геронческаго порыва, жажды подвига и совершенства, то болото, рано или поздно, все равно, затнетъ его,—это необозримое болото всякой пошлости, невѣжества, хамства и рабскаго духа. Человѣку, чтобы онъ могъ проявить всѣ богатства и все разнообразіе своего духа, нужна вся земля, вся природа, а не тотъ крошечный клочокъ званія, мысли, свободы,—словомъ, не тѣ три аршина земли, которыми его надѣляютъ, какъ трупъ, въ настоящее время“.

Это не весело, но это гордо, требовательно и не безнадежно.

Въ прошлой книжкѣ „Жизни“ я старался опредѣлить ту социологическую почву, на которой Чеховъ рисуеъ свои жизненные драмы. Я нашель, что эта почва — бѣдность и „разореніе“. Подкладка этихъ драмъ въ томъ, что озябшій, голодный, больной человекъ долженъ всю свою жизнь вести непосильную борьбу съ обнищавшей и расхищенной природой и разрушать все послѣднее, что попадаетъ ему подъ руку, потому, что ему, подъ угрозой голодной смерти дѣтей, нельзя и думать о завтрашнемъ днѣ, объ устройствѣ и созиданіи жизни. Дѣло тутъ въ опустошенной, расхищенной природѣ и въ опустошенной, тоже „расхищенной“, душѣ человека, коснѣющаго въ нищетѣ и невѣжествѣ, ошалѣвшаго и ополоумѣвшаго отъ нищеты, невѣжества, угрозъ завтрашняго голоднаго дня. Все было въ прекрасной и богатой природѣ, а теперь ничего нѣтъ; все водилось, а теперь все растащено и расхищено. Цѣлые уѣзды точно повторяютъ собою картины прошлаго послѣ нашествія татаръ. У такой жизни можетъ быть только одинъ герой, которому и книги въ руки, который все и всѣхъ побѣждаетъ,—это хищникъ.

Съ этой точки зрѣнія Чеховъ гораздо больше поэтъ нашего разоренія, чѣмъ, напримѣръ, Гл. Успенскій, потому что у Успенскаго была еще вѣра въ цѣлостность, красоту и силу народной жизни и кое-какіе хотя бы самыя маленькіе, факты для подтвержденія этой вѣры. У Чехова же ничего подобнаго нѣтъ. Онъ уже съ тоской видитъ передъ собою одно пустое, голое мѣсто. Что хищникъ пришелъ,—это было ясно уже въ 70-е годы, но тогда вѣрили, что народническая идея можетъ побѣдить его. Что хищникъ пришелъ, расплодился и окрѣпъ,—это твердо знали 80-е годы, но не видѣли никакой идеи, которую бы можно было противопоставить ему. Ихъ настроеніе было сѣрымъ и смутнымъ, и это-то настроеніе ярко выразилось и продолжаетъ выражаться въ произведеніяхъ Чехова. Надѣюсь, что даже мой краткій разборъ „Трехъ Сестеръ“ подтверждаетъ все это, сказанное мною уже въ прошлый разъ.

Чехова часто называютъ пессимистомъ, и это въ извѣстной степени справедливо, потому что никакого бодрящаго впечатлѣнія изъ всего написаннаго имъ вы не вынесете. Мелка жизнь, мелки люди — вотъ, что онъ постоянно говоритъ вамъ. Устами Сони онъ общаетъ человеку отдыхъ только за гробомъ; устами Ольги онъ зоветъ къ работѣ во имя прекрасной и счастливой земли будущаго и тутъ же ломаетъ руки надъ тайной дѣйствительнаго смысла жизни. Все это такъ, но, мнѣ кажется, что есть два рода пессимизма, которые надо очень строго отлпчать другъ отъ друга. Первый родъ пессимизма можно назвать мировымъ или, лучше сказать, метафизическимъ. Во всѣй природѣ и вселенной онъ признаетъ своего рода неудовлетворенность, безцѣльность и неосуществимость ея цѣли. Одинъ изъ нашихъ поэтовъ (не помню кто,—г. Минскій, или г. Мережковскій, или г. Бальмонтъ) говоритъ о тоскѣ, разлитой, о грусти мерцающихъ звѣздъ и т. д. Съ той же высокой и отвлеченной точки зрѣнія разсматривается и жизнь человека. Въ природѣ людей признается существованіе своего рода, „to proton pseudon“ — „первоначальной ошибки“, „первоначальнаго грѣха“,—благодаря чему счастье совершенно недостижимо, и чело-

вѣкъ вѣчно будетъ мучиться противорѣчіемъ между стремленіемъ къ этому счастью и недостижимостью его.

Такой пессимизмъ—вещь довольно безобидная. Не говоря уже о произвольности его основныхъ посылокъ, — къ нему, какъ кажется, очень нетрудно привыкнуть, какъ ко всякому хроническому злу. Мирятся же люди со своей неизбежною смертью, и смерть несколько не мѣшаетъ имъ ни работать, ни чувствовать себя бодрыми и жизнерадостными при мало-мальски сносныхъ окружающихъ условіяхъ; не мѣшаетъ даже быть героями, хотя все же она грознымъ приговоромъ стоитъ въ концѣ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

Другой родъ пессимизма—историческій, обращенный на данный историческій моментъ, цѣлую эпоху или даже цѣлый народъ, гораздо опаснѣе, потому что онъ острѣе и въ немъ есть, если можно такъ выразиться, воспалительные процессы. Онъ на самомъ дѣлѣ можетъ накинуть трауръ на все міросозерцаніе человѣка, заставить людей, особенно чувствительныхъ къ гнѣву и недостатку современности, окончательно сложить свои руки и съ полной безнадежностью смотрѣть на окружающее. Тутъ наступаетъ время рѣчей объ обреченныхъ локальных и обреченныхъ народахъ, о крушеніи цивилизацій, о колоссахъ на глиняныхъ ногахъ, а главное—о всемогуществѣ стихійныхъ условій жизни, которыя по произволу и съ нашей точки зрѣнія, глупо, безтолково, жестоко распоряжаются судьбою людей. Этотъ родъ пессимизма, отрицающій, повторяю, данное поколѣніе, данное общество, данную страну, имѣя передъ собой нѣчто конкретное и весьма определенное, а значить, и большой запасъ фактовъ въ своемъ распоряженіи,—гораздо острѣе, но зато, обращенный на нѣчто временное и скоропреходящее, можетъ быть излѣченъ значительно легче. Стоитъ лишь жизни нѣсколько встрепенуться, расправить свои крылья, стоитъ забиться пульсу важныхъ и общихъ духовныхъ интересовъ, какъ отъ историческаго пессимизма обыкновенно не остается слѣда.

Если Чеховъ дѣйствительно пессимистъ, то мнѣ кажется, что его пессимизмъ гораздо ближе ко второму роду, чѣмъ къ первому. Конечно, ни на какое личное признаніе его для подкрѣпленія этой своей мысли я сослаться не могу,—въ этомъ отношеніи онъ сдержанъ до щепетильности, но зато въ моемъ распоряженіи есть нѣкоторые факты въ достаточной степени объективнаго характера.

Я думаю прежде всего, что онъ былъ слишкомъ даже сильно захваченъ эпохой 80-хъ годовъ, а эта эпоха, какъ извѣстно, могла внушить мыслящему человѣку очень мало утѣшительнаго насчетъ близости той поры, когда человѣку будетъ предоставлена возможность проявлять „все богатство и разнообразіе своего свободнаго духа“. Онъ видѣлъ крушеніе всѣхъ народническихъ надеждъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крушеніе того высокаго духа, которымъ онѣ сопровождался. Волны, начавшіяся еще съ 60-хъ годовъ, отхлынули, и оказался голый песчаный берегъ. Мель съ каждымъ днемъ становилась все больше, все замѣтнѣе и общество довольно-таки спокойно усаживалось на нее. Вмѣсто подъема духа на сценѣ оказались карьеризмъ, шовинизмъ и прочіе „измы“, которые, конечно,

не могли радовать чуткую душу. Пошли и дальше въ сторону старательнаго оплеванія недавняго прошлаго и той откровенной наглости, духовнаго цинизма и распущенности, которыми вообще отличалась та мплая эпоха. Все заснуло, и какъ было не признать поколѣнїе „обреченныхъ“, — терминъ, который, встаети сказать, очень любитъ одинъ изъ героевъ Чехова. Въ это время и хищникъ, не встрѣчая уже никакихъ препонъ и препятствїй своему поведенію, заработалъ на славу, во всю, не презираемый уже, какъ наканунѣ, а возвеличиваемый и одобряемый. Онъ творилъ свое дѣло, какъ бы даже священнодѣйствуя, какъ бы сознавая, что онъ преслѣдуетъ нѣкоторую важную общественную задачу — оздоровленія корней, укрѣпленія основъ и пр. Онъ сталъ персоной и, снося дѣса, объѣлая рѣки, засыпая пескомъ степи, чувствовалъ себя человѣкомъ момента, чуть ли даже не государственнымъ мужемъ и былъ важенъ „въ сорокъ пудъ“, безъ поклона принимая воскуряемые ему фиміамы. Литература, кромѣ цинизма, шовинизма, всякаго рода предательства и ханства, выработала себѣ тотъ чухлый тщедушный индивидуализмъ, которымъ отличается русскїй индивидуализмъ вообще, такъ какъ до настоящаго индивидуализма мы, строго говоря, еще очень и очень не доросли. Но время было такое, что и это принималось за „вѣчто“ и мнило о себѣ со смѣшной напыщенностью, ребяческимъ самодовольствомъ и надменностью. И никто, никто не бросилъ въ то время въ лицо всѣмъ этимъ господамъ „стихъ, облитый горечью и злостью“. Все это закончилось мутной струей бездарнаго декадентства, по поводу котораго будущему историкъ съ удивленїемъ придется отмѣтить тотъ лишь фактъ, что и на него обращали вниманїе, и съ нимъ считались!.. Все это, вмѣстѣ взятое, — и оздоровленїе корней, и странный русскїй индивидуализмъ, и хищничество, — создало полную разрозненность людей, полное ихъ духовное одиночество. Чуткому человѣку трудно было не проникнуться этимъ ежедневными и уныло однообразными впечатлѣнїями жизни, нельзя было не признать и ихъ стихійности, и могущества. Они на самомъ дѣлѣ распоряжались жизнью людей по собственному усмотрѣнїю, неизвѣстно, какъ вторгались въ ихъ судьбу все сокрушая на своемъ пути. И Чеховъ проникся...

Но проникновенїе проникновенію рознь. Одно проникновенїе отличается характеромъ, нѣсколько легкомысленнымъ, но все же жизнерадостнымъ. Оно признаетъ, что фактъ есть фактъ, обстоятельство есть обстоятельство, а обстоятельствами надо пользоваться. Другое проникновенїе есть одинаково признанїе факта, но съ полнымъ отрицанїемъ его разумности, цѣнности его нравственнаго содержанїя. Какое рода проникновенїе Чехова, — мнѣ нечего даже и говорить, ибо никогда, ни въ началѣ, ни въ концѣ, онъ не былъ въ станѣ ляхующихъ, въ станѣ праздно болтающихъ.

Когда вы берете его произведенїя въ ихъ цѣломъ, вы не можете не замѣтить изъ фразы, изъ стиля, изъ содержанїя той грусти и даже тоски, которая разлита по нимъ, той глубокой жалости къ людямъ, которая заставила одного изъ его героевъ сказать: „Надо, чтобы за дверью каждаго довольнаго, счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные“; или: „Вы ссылаетесь на естественный порядокъ

вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность въ томъ, что я, живой, мыслящій человекъ, стою надъ рвомъ и жду, когда онъ заростетъ самъ или затянеть его плоть въ то время, какъ, быть можетъ, я могъ бы перескочить черезъ него или построить черезъ него мостъ? И опять-таки *во имя чего ждать?* Ждать, когда нѣтъ силы жить, а между тѣмъ *жить нужно и хочется жить*“.

„Жить нужно, хочется жить“, — но какая же жизнь возможна при трехъ аршинахъ, отведенныхъ человѣку, а вы помните, что „человѣку нужна вся земля, вся природа, чтобы онъ могъ проявить всѣ богатства и все разнообразіе своего свободного духа“.

О новыхъ пѣсняхъ г. Минскаго.

Кто—что, а г. Минскій все поетъ, и на этотъ разъ, какъ мнѣ кажется, удачно.

Признаюсь, я не безъ нѣкотораго страха раскрылъ эту книгу — „Новыя пѣсни“, потому что г. Минскій уже дважды меня напугалъ. Первый разъ это случилось съ выходомъ въ свѣтъ второго изданія его „Стихотвореній“. Тамъ тоже были „новыя пѣсни“, но слово „новыя“ означало не „позже написанныя“ или „раньше неизвѣстныя“, а „совсѣмъ другія“, и эти „совсѣмъ другія“ произвели на меня впечатлѣніе торжествующаго декаденства и нѣкоторой прямо-таки нежелательной разнузданности духа, безжѣрно собой возгордившагося. Второй разъ г. Минскій напугалъ меня своей „Альмой“ — трагедіей или комедіей (не помню), по поводу которой одинъ изъ нашихъ критиковъ очень удачно вспомнилъ изреченіе князя Оболенскаго — Ферлакуръ: „Не надобно, мой другъ, столь вяще изломиться“. „Альма“, быть можетъ, была и хорошей трагедіей или комедіей (не помню), но, выражаясь языкомъ одного изъ преподавателей Добролюбова, „до такой степени непонятной, что въ ней ничего нельзя было понять“. Но прочтя эти послѣднія „Новыя пѣсни“ я увидѣлъ, что пугаться ихъ мнѣ совершенно нечего: совсѣмъ другой тонъ, другое настроеніе, другіе мотивы, дѣйствительно свойственные господину Минскому, и въ изображеніи которыхъ онъ порою достигаетъ мастерства. Это тѣмъ лучше, что, по моему мнѣнію, всякій человекъ долженъ знать свою сферу, а другія сферы предоставить другимъ людямъ. Сфера же г-на Минскаго—это исканіе религіозно-философскихъ основъ жизни. При такой своей собственной почетной задачѣ, мнѣ кажется, ему совершенно излишне отвлекаться въ чуждую для него область общественныхъ отношеній („Альма“).

Форма стиховъ г-на Минскаго въ „Новыхъ пѣсняхъ“ мало измѣнилась, но стала какъ-то еще строже и суровѣе, еще сдержаннѣе и „скупѣе“. Правда, особенной легкостью и граціей она и раньше не отличалась. Ей всегда недоставало свободы и разнообразія, всегда въ ней чувствовалось что-то искусственное, пожалуй, даже тяжелое, такъ что одинъ изъ критиковъ, очень расположенныхъ къ Минскому, совершенно справедливо замѣтилъ: „Читая стихи Минскаго, вы чув-

ствуете, что достаточно глубокая, но недостаточно ясная и определенная философская мысль ищет своего воплощения въ словѣ и рѣдко находитъ дѣйствительно удачное“.

„Новыя пѣсни“ открываются „Гефсиманской ночью“. Здѣсь есть прекрасныя мѣста, особенно въ рѣчахъ Сатаны, навѣянныхъ „Великимъ инквизиторомъ“, но фигура Христа и серафима, картина ночнаго разврата — очень блѣдны и шаблонны.

Впрочемъ, не для того заговорилъ я о „Новыхъ пѣсняхъ“ Минскаго, чтобы любоваться его стихами, а просто, чтобы указать на интересную для меня въ настоящую минуту поэзію одиночества. У Минскаго она имѣетъ вполне определенную форму—гордой замкнутости въ себѣ, въ своемъ творествѣ, но хорошо что въ этомъ сборникѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, слишкомъ частыхъ и торопливыхъ выходовъ по адресу тѣхъ, кого такая гордая замкнутость не удовлетворяетъ. Самъ же Минскій воленъ быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ, и никому онъ этимъ не мѣшаетъ. Даже напротивъ того: жизнь настолько богата и разнообразна и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько важна для человѣка, что каждый ея отзвукъ въ душѣ достоинъ быть отмѣченнымъ, особенно же хорошо отмѣченнымъ. Про себя, какъ поэтъ, Минскій говоритъ:

„Такъ, никому не благодарный,
Лелѣю въ сердцѣ я своею
Слова свободы и безстрастья
И непреклонности нѣмой
Предъ властью, созданной не мной.

.....
Божь любви, бѣгу святынь,
Чуждаюсь кроткаго безсилья,
Люблю подъемяющія крылья
И снѣгъ нетронутыхъ вершинъ...“

“Это—индивидуализмъ въ его непримиримой формѣ. Но развѣ индивидуализмъ есть непременно отреченіе или, говоря другой терминологіей, развѣ нѣтъ спасенія въ міру и оно возможно только въ монастырѣ свободы и безстрастья? Вотъ вопросъ и очень большой вопросъ. Нельзя противопоставлять поэту непременно *семьянина*, какъ это дѣлаетъ г. Минскій въ своей рождественской сказкѣ. Кромѣ *семьянъ* мало ли есть кого на свѣтѣ, да и *семьяне* не все непременно съ пеленками въ рукахъ: вотъ Гарибальди напримѣръ. И не оттого ли поэзія г-на Минскаго въ концѣ концовъ такъ холодна и риторична, что онъ слишкомъ боится любви, бѣжить святынь.

Конечно, у индивидуализма должна быть своя боевая пора, пора гордыни и отрицанья всего прочаго, но не пережилъ ли уже онъ этой своей стадіи, создавъ лучшее и высшее, что можетъ быть создано на этой почвѣ,—поэзію Ницше? И не видитъ ли г. Минскій другаго индивидуализма, который долженъ явиться на смѣну первому, непримиримому, хотя и ждетъ еще своего выраженія для нашихъ дней? Если не видитъ, то право мнѣ его жаль.

Андреевичъ.

Жили-были.

РАЗСКАЗЪ.

Богатый и одинокій купецъ Лаврентій Петровичъ Кошевѣровъ пріѣхалъ въ Москву лѣчиться, и такъ какъ болѣзнь у него была интересная, его приняли въ университетскую клинику. Свои чемоданы съ вещами и шубу онъ оставилъ внизу, въ швейцарской, а вверху, гдѣ находилась палата, съ него сняли черную суконную пару и бѣлье и дали въ обмѣнъ казенный сѣрый халатъ, чистое бѣлье съ черной мѣткою „палата № 8“ и туфли. Рубашка оказалась для Лаврентія Петровича мала, и нянька пошла искать новую.

— Уже очень вы велики!—сказала она, выходя изъ ванной, въ которой производилось переодѣваніе больныхъ. Полуобнаженный Лаврентій Петровичъ терпѣливо и покорно ожидалъ и, наклонивъ большую лысую голову, сосредоточенно разсматривалъ свою высокую, отвислую, какъ у старой женщины, грудь, и припухшіи животъ, лежавшіи на колѣняхъ. Каждую субботу Лаврентій Петровичъ бывалъ въ банѣ и видѣлъ тамъ свое тѣло, но теперь, покрывшееся отъ холода мурашками, блѣдное, оно показалось ему новымъ и при всей своей видимой силѣ очень жалкомъ и больнымъ. И весь онъ казался не принадлежащимъ себѣ съ той минуты, когда съ него сняли его привычное платье, и готовъ былъ дѣлать все, что прикажутъ. Вернулась съ бѣльемъ нянька, и хотя силы у Лаврентія Петровича оставалось еще настолько, что онъ могъ пришибить няньку однимъ пальцемъ, онъ послушно позволилъ ей одѣть себя и неловко просунулъ голову въ рубашку, собранную въ видѣ хомута. Съ тою же покорною неловкостью онъ ждалъ, закинувъ голову, пока нянька завязывала у ворота тесемки, и затѣмъ пошелъ вслѣдъ за нею въ палату. И ступалъ онъ своими медвѣжьими вывернутыми ногами такъ нерѣшительно и осторожно, какъ дѣлаютъ это дѣти, кото-

рыхъ неизвѣстно куда ведутъ старшіе,—можетъ быть, для наказанія. Рубашка все же оказалась ему узка, тянула при ходьбѣ плечи и трещала, но онъ не рѣшился заявить объ этомъ нянѣкѣ, хотя дома, въ Саратовѣ, одинъ его суровый взглядъ заставлялъ судорожно метаться десятки людей.

— Вотъ ваше мѣсто, — указала нянька на высокую, чистую постель и стоявшій возлѣ нея небольшой столикъ. Это было очень маленькое мѣсто, только уголь палаты, но именно поэтому оно поправилось измученному жизнью человѣку. Торопливо, точно спасаясь отъ погони, Лаврентій Петровичъ снялъ халатъ, туфли и легъ. И съ этого момента все, что еще только утромъ гнѣвило и мучило его, отошло отъ него, стало чужимъ и неважнымъ. Память его быстро, въ одной молніезарной картинѣ, воспроизвела всю его жизнь за послѣдніе годы: неумолимую болѣзнь, день за днемъ пожиравшую силы; одиночество среди массы алчныхъ родственниковъ, въ атмосферѣ лжи, ненависти и страха; бѣгство сюда, въ Москву,—и также внезапно потушила эту картину, оставивъ на душѣ одну тупую, замирающую боль. И безъ мыслей, съ пріятнымъ ощущеніемъ чистаго бѣлья и покоя, Лаврентій Петровичъ погрузился въ тяжелый и крѣпкій сонъ. Послѣднимъ мелькнули въ его полузакрытыхъ глазахъ свѣжно бѣлыя стѣны, лучъ солнца на одной стѣнѣ, и потомъ наступили часы долгаго и полнаго забвенія.

На другой день надъ головою Лаврентія Петровича появилась надпись на черной дощечкѣ: „Кунецъ Лаврентій Кошевѣровъ, 52 л., поступилъ 25 февраля“. Такія же дощечки и надписи были у двухъ другихъ больныхъ, находившихся въ восьмой палатѣ; на одной стояло: „Діаконъ Филиппъ Сперанскій, 50 л.“, на другой—„Студентъ Константинъ Торбецкій, 23 лѣтъ“. Бѣлыя мѣловыя буквы красиво, но мрачно выдѣлялись на черномъ фонѣ, и когда больной лежалъ навзничъ, закрывъ глаза, бѣлая надпись продолжала что-то говорить о немъ и приобрѣтала сходство съ надмогильными оповѣщеніями, что вотъ тутъ, въ этой сырой или мерзлой землѣ, зарытъ человѣкъ. Въ тотъ же день Лаврентія Петровича свѣшали,—оказалось въ немъ шесть пудовъ двадцать четыре фунта. Сказавъ эту цифру, фельдшеръ слегка улыбнулся и пошутилъ:

— Вы самый тяжелый человѣкъ на всѣ клиники.

Фельдшеръ былъ молодой человѣкъ, говорившій и поступавшій, какъ докторъ, такъ какъ только случайно, по его словамъ, онъ не получилъ высшаго образованія. Онъ ожидалъ, что въ отвѣтъ на шутку больной улыбнется, какъ улыбались всѣ, даже самые тяжелые больные на ободрительныя шутки докто-

ровъ, но Лаврентій Петровичъ не улыбнулся и не сказалъ ни слова. Глубоко запавшіе глаза смотрѣли внизъ и массивныя скулы, поросшія рѣдкой сѣдовой бородой, были стиснуты, какъ желѣзныя. И ожидавшему отвѣта фельдшеру сдѣлалось пеловко и непріятно: опъ уже давно, между прочимъ, занимался фізіогномикой и по обширной матовой лысинѣ причислилъ купца къ отдѣлу добродушныхъ; теперь приходилось перемѣстить его въ отдѣлъ злыхъ. Все еще не довѣряя своимъ наблюденіямъ, фельдшеръ—звали его Иваномъ Ивановичемъ—рѣшилъ современемъ попросить у купца какую-нибудь его собственноручную записку, чтобы по характеру почерка сдѣлать болѣе точное опредѣленіе его душевныхъ свойствъ.

Вскорѣ послѣ взвѣшиванія Лаврентія Петровича впервые осматривали доктора; одѣты они были въ бѣлые балахоны и оттого казались особенно важными и серьезными. И затѣмъ каждодневно они осматривали его по разу, по два, иногда одни, а чаще въ сопровожденіи студентовъ. По требованію докторовъ Лаврентій Петровичъ спиналъ рубашку и все такъ же покорно ложился на постель, возвышаясь на ней огромной мясистою грудой. Доктора стучали по его груди молоточкомъ, прикладывали трубку и слушали, перекидываясь другъ съ другомъ замѣчаніями и обращая вниманіе студентовъ на тѣ или иныя особенности. Часто они начинали разспрашивать Лаврентія Петровича о томъ, какъ онъ жилъ раньше, и онъ неохотно, но покорно отвѣчалъ. Выходило изъ его отрывочныхъ отвѣтовъ, что онъ много ѣлъ, много пилъ, много любилъ женщинъ и много работалъ; и при каждомъ повомъ „много“ Лаврентій Петровичъ все менѣе уважалъ себя въ томъ человѣкѣ, который рисовался по его словамъ. Страшно было думать, что это дѣйствительно онъ, купецъ Кошевѣровъ, поступалъ такъ нехорошо и вредно для себя. И всѣ старыя слова: водка, жизнь, здоровье становились полны поваго и глубокаго содержанія.

Выслушивали и выстукивали его студенты. Они часто являлись въ отсутствіе докторовъ, и одни коротко и прямо, другіе съ робкою перѣшительностью просили его раздѣться, и снова начиналось внимательное и полное интереса разсматриваніе его тѣла. Съ сознаніемъ важности производимаго ими дѣла они вели дневникъ его болѣзни, и Лаврентію Петровичу думалось, что весь онъ перенесенъ теперь на страницы записей. Съ каждымъ днемъ онъ все менѣе принадлежалъ себѣ, и въ теченіе цѣлаго почти дня тѣло его было раскрыто для всѣхъ и всѣмъ подчинено. По приказанію нянекъ онъ тяжело носилъ это тѣло въ ванную или сажалъ его за столъ, гдѣ обѣдали и пили чай

всѣ могущіе двигаться больные. Люди ощупывали его со всѣхъ сторонъ, занимались имъ такъ, какъ пикто въ прежней жизни, и при всемъ томъ въ продолженіе цѣлаго дня его не покидало смутное чувство глубокаго одиночества. Похоже было на то, что Лаврентій Петровичъ куда-то очень далеко ѣдетъ, и все вокругъ него носило характеръ временности, неприспособленности для долгаго житія. Отъ бѣлыхъ стѣнъ, не имѣвшихъ ни одного пятна, и высокихъ потолковъ вѣяло холодной отчужденностью; полы были всегда слишкомъ блестящи и чисты, воздухъ слишкомъ ровенъ,—въ самыхъ даже чистыхъ домахъ воздухъ всегда пахнетъ чѣмъ-то особеннымъ, тѣмъ, что принадлежитъ только этому дому и этимъ людямъ. Здѣсь же онъ былъ безразличенъ и не имѣлъ запаха. Доктора и студенты были всегда внимательны и предупредительны: шутили, похлопывали по плечу, утѣшали, но когда они отходили отъ Лаврентія Петровича, у него являлась мысль, что это были возлѣ него служащіе, кондуктора на этой невѣдомой дорогѣ. Уже тысячи людей перевезли они и каждый день перевозятъ, и ихъ разговоры и разспросы были только вопросами о билетѣ. И чѣмъ больше занимались они тѣломъ, тѣмъ глубже и страшнѣе становилось одиночество души.

— Когда у васъ бываютъ пріемные дни?—спросилъ Лаврентій Петровичъ няньку. Онъ говорилъ коротко, не глядя на того, къ кому были обращены слова.

— По воскресеньямъ и четвергамъ. Но если попросить доктора, то можно и въ другіе дни,—словоохотливо отвѣтила нянька.

— А можно сдѣлать такъ, чтобы совсѣмъ ко мнѣ не пускали?

Нянька удивилась, но отвѣтила, что можно, и этотъ отвѣтъ, видимо, обрадовалъ угрюмаго больного. И весь этотъ день онъ былъ немного веселѣе и хотя не сталъ разговорчивѣе, но уже не съ такимъ хмурымъ видомъ слушалъ все, что весело, громко и обильно болталъ ему больной діакопъ.

Пріѣхалъ діакопъ изъ Тамбовской губерніи, въ клинику поступилъ на одинъ день раньше Лаврентія Петровича, но былъ уже хорошо знакомъ съ обитателями всѣхъ пяти палатъ, помѣщавшихся наверху. Онъ былъ невысокъ ростомъ и такъ худъ, что при раздѣваніи у него каждое ребро вытѣплялось, а животъ втягивался, и все его слабосильное тѣльце, бѣлое и чистое, походило на тѣло десятилѣтняго несложившагося мальчика. Волоса у него были густые, длинные, изсѣра-сѣдые и на концахъ желтѣли и закручивались. Какъ изъ большой, не по рисунку рамки выглядывало изъ нихъ маленькое, темное лицо съ правильными, но миниатюрными чертами. По сходству его съ темными и сухими лицами

древнихъ образовъ, фельдшеръ Иванъ Ивановичъ причислилъ діаконъ къ отдѣлу людей суровыхъ и нетерпимыхъ, но послѣ перваго же разговора измѣнилъ свой взглядъ и даже на нѣкоторое время разочаровался въ значеніи науки филологическіи. Отецъ діаконъ, какъ всѣ его называли, охотно и откровенно рассказывалъ о себѣ, о своей семьѣ и о своихъ знакомыхъ, и такъ любознательно и наивно спрашивалъ о томъ же другихъ, что никто не могъ сердиться, и всѣ такъ же откровенно рассказывали. Когда кто-нибудь чихалъ, о діаконъ издали кричалъ веселымъ голосомъ:

— Исполненіе желаній! За милую душу!—и кланялся.

Къ нему никто не приходилъ, и онъ былъ тяжело боленъ, но онъ не чувствовалъ себя одинокимъ, такъ какъ познакомился не только со всѣми больными, но и съ ихъ посѣтителями, и не скучалъ. Больнымъ онъ ежедневно по нѣскольку разъ желалъ выздоровѣть, здоровымъ желалъ, чтобы они въ весельѣ и благополучіи провели время, и всѣмъ находилъ сказать что-нибудь доброе и пріятное. Каждое утро онъ всѣхъ поздравлялъ: въ четвергъ—съ четвергомъ, въ пятницу—съ пятницей, и что бы ни творилось на воздухѣ, котораго онъ не видалъ, онъ постоянно утверждалъ, что погода сегодня пріятная на рѣдкость. При этомъ онъ постоянно и радостно смѣялся продолжительнымъ и неслышнымъ смѣхомъ, прижималъ руки къ впалому животу, хлопалъ руками по колѣнямъ, а иногда даже билъ въ ладоши. И всѣхъ благодарилъ,—иногда трудно было рѣшить, за что. Такъ, послѣ чая онъ благодарилъ угрюмаго Лаврентія Петровича за компанію.

— Такъ это мы съ вами хорошо чайку попили,—по-небесному! Вѣрно, отецъ, а? говорилъ онъ, хотя Лаврентій Петровичъ пилъ чай отдѣльно и никому компаніи составить не могъ.

Онъ очень гордился своимъ діаконскимъ саномъ, который получилъ только три года тому назадъ, а раньше былъ псаломщикомъ. И у всѣхъ,—и у больныхъ, и у приходящихъ,—онъ спрашивалъ, какого роста ихъ жены.

— А у меня жена очень высокая,—съ гордостью говорилъ онъ послѣ того или иного отвѣта.—И дѣти всѣ въ нее. Гранадеры, за милую душу!

Все въ клиникахъ—чистота, дешевизна, любезность докторовъ, цвѣты въ коридорѣ—вызывало его восторгъ и умиленіе. То смѣясь, то крестясь на икону, онъ изливалъ свои чувства передъ молчащимъ Лаврентіемъ Петровичемъ и, когда словъ не хватало, восклицалъ:

— За милую душу! Вотъ какъ передъ Богомъ, за милую душу!

Третьимъ больнымъ въ восьмой палатѣ былъ черпый бородатый студентъ Торбецкій. Онъ почти не вставалъ съ постели, и каждый день къ нему приходила высокая дѣвушка со скромно опущенными глазами и легкими, увѣренными движеніями. Стройная и изящная въ своемъ черномъ платьѣ, она быстро прошла коридоръ, садилась у изголовья большого студента и просиживала отъ двухъ ровно до четырехъ часовъ, когда, по правиламъ, кончался приемъ посѣтителей и няньки подавали больнымъ чай. Иногда они много и оживленно говорили, улыбаясь и понижая голосъ, но случайно вырывались отдѣльные громкія слова, какъ разъ тѣ, которыя нужно было сказать шопотомъ: „радость моя!“—„я люблю тебя“; иногда они подолгу молчали и только глядѣли другъ на друга загадочнымъ, затуманеннымъ взглядомъ. Тогда о. діаконъ кашлялъ и съ строгимъ дѣловымъ видомъ выходилъ изъ палаты, а Лаврентій Петровичъ, притворявшійся спящимъ, видѣлъ сквозь прищуренные глаза, какъ они цѣловались. И въ сердцѣ у него загоралась боль, и биться оно начинало перовно и спльно, а массивныя скулы выдавались буграми и двигались. И съ тою же холодною отчужденностью смотрѣли бѣлыя стѣны, и въ ихъ безупречной бѣлизнѣ была странная и грустная насмѣшка.

II.

День въ палатѣ начинался рано, когда еще только мутно свѣгло отъ первыхъ лучей разсвѣта, и былъ длинный, свѣтлый и пустой. Въ шесть часовъ больнымъ подавали утренній чай, и они медленно пили его, а потомъ ставили градусникъ, нѣмѣряя температуру. Многие, какъ о. діаконъ, впервые узнали о существованіи у нихъ температуры, и она представлялась чѣмъ-то загадочнымъ, и измѣреніе ея дѣломъ очень важнымъ. Небольшая стеклянная палочка со своими черными и красными черточками становилась показательницей жизни, и одна десятая градуса выше или ниже дѣлала больного веселымъ или печальнымъ. Даже вѣчно веселый о. діаконъ впадалъ въ минутное уныніе и недоумѣнно качалъ головой, если температура его тѣла оказывалась ниже той, которую ему называли нормальной.

— Вотъ, отецъ, штука-то. Азъ и фертъ,—говорилъ онъ Лаврентію Петровичу, держа въ рукѣ градусникъ и съ неодобреніемъ рассматривая его.

— А ты поддержи еще, поторгуйся,—насмѣшливо отвѣчалъ Лаврентій Петровичъ.

И о. діаконъ торговался и, если ему удавалось добыть еще одну

десятью градуса, становился веселъ и горячо благодарилъ Лаврентія Петровича за науку. Измѣреніе настраивало мысли на цѣлый день на вопросы о здоровьѣ, и все, что рекомендовалось докторами, выполнялось пунктуально и съ нѣкоторою торжественностью. Особенную торжественность въ свои дѣйствія вносили о. діакопъ и, держа градусникъ, глотая лѣкарство или выполняя какое-нибудь отправленіе, дѣлалъ лицо важнымъ и строгимъ, такимъ, какъ при разговорѣ о посвященіи его въ сапъ. Ему дали, для надобностей анализа, нѣсколько стаканчиковъ, и онъ въ строгомъ порядкѣ разставилъ ихъ, а номера, — первый, второй, третій... — попросилъ надписать студента, такъ какъ самъ писалъ недостаточно красиво. На тѣхъ большихъ, которые не исполняли предписаній докторовъ, онъ сердился и постоянно со строгостью увѣщевалъ толстяка Минаева, лежавшаго въ десятой палатѣ: Минаеву доктора не велѣли ѣсть мяса, а онъ потихоньку таскалъ его у сосѣдей по обѣденному столу и, не жуя, глоталъ.

Съ семи часовъ палату заливалъ яркій дневной свѣтъ, проходившій въ громадныя окна, и становилось такъ свѣтло, какъ въ полѣ, и бѣлыя стѣны постели, начищенные мѣдные тазы и полы — все блестѣло и сверкало въ этомъ свѣтѣ. Къ самымъ окнамъ рѣдко кто-нибудь подходилъ: улица и весь міръ, бывшій за стѣнами клиники, потеряли свой интересъ. Тамъ люди жили, тамъ, полная народа, пробѣгала конка, проходилъ сѣрый отрядъ солдатъ, проѣзжали блестящіе пожарные, открывались и закрывались двери магазина, — здѣсь больные люди лежали въ постеляхъ, едва имѣя силы повернуть къ свѣту ослабѣвшую голову; одѣтые въ сѣрые халаты, вяло бродили по гладкимъ поламъ; здѣсь они болѣли и умирали. Студентъ получалъ газету, но ни онъ самъ, ни другіе почти не заглядывали въ нее, и какая-нибудь неправильность въ отправленіи желудка у сосѣда волновала и трогала больше, чѣмъ война и тѣ событія, которыя потомъ получаютъ названіе міровыхъ. Около одиннадцати часовъ приходили доктора и студенты, и опять начинался внимательный осмотръ, длившійся часами. Лаврентій Петровичъ лежалъ всегда спокойно и смотрѣлъ въ потолокъ, отвѣчая односложно и хмуро; о. діакопъ волновался и говорилъ такъ много и такъ невразумительно, съ такимъ желаніемъ всѣмъ доставить удовольствіе и всѣмъ оказать уваженіе, что его трудно бывало понять. О себѣ онъ говорилъ:

— Когда я пожаловалъ въ клинику...

О нянкѣ передавалъ:

— Онѣ изволили поставить мнѣ клизму...

Онъ всегда съ точностью зналъ, въ какомъ часу и въ какую

минуту была у него изжога или тошнота, въ какомъ часу ночи онъ просыпался и сколько разъ. По уходъ докторовъ онъ становился веселѣе, благодарилъ, умилялся и бывалъ очень доволенъ собою, если ему удалось при прощаніи сдѣлать не одинъ общій поклонъ всѣмъ докторамъ, а каждому порознь.

— Такъ это чинно, — радовался онъ, — по-небесному!

И еще разъ показывалъ молчащему Лавренію Петровичу и улыбающемуся студенту, какъ онъ сдѣлалъ поклонъ сперва доктору Александру Ивановичу и потомъ доктору Семёну Николаевичу.

Онъ былъ боленъ неизлѣчимо, и дни его были сочтены, но онъ этого не зналъ, съ восторгомъ говорилъ о путешествіи въ Троицко-Сергіевскую лавру, которое онъ совершитъ по выздоровленіи, и о яблонѣ въ своемъ саду, которая называлась „бѣлый наливъ“ и съ которой нынѣшнимъ лѣтомъ онъ ожидалъ плодовъ. И въ хорошій день, когда стѣны и паркетный полъ палаты щедро заливались солнечными лучами, ни съ чѣмъ несравнимыми въ своей могучей силѣ и красотѣ, когда тѣпи на спѣжномъ бѣлѣ постелей становились прозрачно-синими, совсѣмъ лѣтними, — о. діаконъ громко пѣвалъ трогательную пѣснь:

„Высшую небесъ и чистѣйшую свѣтлостей солнечныхъ избавльшую насъ отъ клятвы Владычицу міра пѣсньми почтимъ!..“

Голосъ его, слабый и нѣжный теноръ, начиналъ дрожать, и въ волненіи, которое онъ старался скрыть отъ окружающихъ, о. діаконъ подносилъ къ глазамъ платокъ и улыбался. Потомъ, пройдясь по комнатѣ, онъ вплотную подходилъ къ окну и вскидывалъ глаза къ голубому, безоблачному небу: просторное, далекое отъ земли, безмятежно красивое, оно само казалось величавою божественною пѣснью. И къ ея торжественнымъ звукамъ робко присоединялся дрожащій человѣческій голосъ, полный трепетной и страстной мольбы:

„Отъ многихъ грѣховъ моихъ немощствуетъ тѣло, немощствуетъ и душа моя: къ Тебѣ прибѣгаю, Благодатнѣй, надеждѣ ненадежныхъ, Ты мнѣ помози!..“

Въ опредѣленный часъ подавался обѣдъ, снова чай и ужинъ, а въ девять часовъ электрическая лампочка задергивалась синимъ матерчатымъ абажуромъ и начиналась такая же длинная и пустая ночь.

Клиники затихали.

Только въ освѣщенномъ коридорѣ, куда выходили постоянно открытыя, двери палатъ, вязали чулки сидѣлки и тихо шептались и переругивались, да изрѣдка, громко стуча ногами, проходилъ кто-нибудь изъ служителей, и каждый его шагъ выдѣ-

Гадальщицы.—Венеціанова.

лялся отчетливо и замиралъ въ строгой постепенности. Къ одиннадцати часамъ замирали и эти послѣдніе отголоски мнпущаго дня, и звонкая, словно стеклянная, тишина, чутко сторожившая каждый легкій звукъ, передавала изъ палаты въ палату сонное дыханіе выздоравливающихъ, кашель и слабые стоны тяжелыхъ больныхъ. Легки и обманчивы были эти почные звуки, и часто въ нихъ таилась страшная загадка: хрипитъ ли то больнои, или же сама смерть уже бродитъ среди бѣлыхъ постелей и холодныхъ стѣпъ.

Кромѣ первой ночи, въ которую Лаврентій Петровичъ забылся крѣпкимъ сномъ, всѣ остальные ночи онъ не спалъ, и онъ полны были новыхъ и жуткихъ мыслей. Закипнувъ волосатыя руки за голову, не шевелясь, онъ пристально смотрѣлъ на свѣтившуюся сквозь снпій абажуръ изогнутую проволоку и думалъ о своей жизни. Онъ не вѣрилъ въ Бога, не хотѣлъ жизни и не боялся смерти. Все, что было въ немъ силы и жизни, все было растрачено и изжито безъ пужды, безъ пользы, безъ радости. Когда онъ былъ молодъ и волосы его кучерявились на головѣ, онъ воровалъ у хозяина; его ловили и жестоко, безъ пощады били, и онъ несправдливо тѣхъ, кто его билъ. Въ среднихъ годахъ онъ душилъ своимъ капиталомъ малепькихъ людей и презиралъ тѣхъ, кто попадался въ его руки, а они платили ему жгучей несправдливостью и страхомъ. Пришла старость, пришла болѣзнь — и стали обкрадывать его самого, и онъ ловилъ постороннихъ, и жестоко, безъ пощады билъ ихъ... Такъ прошла вся его жизнь, и была она одною горькою обидой и несправдливостью, въ которой быстро гасли летучіе огоньки любви и только холодную золу да пепель оставляли на душѣ. Теперь онъ хотѣлъ уйти отъ жизни, позабыть, по тихая ночь была жестока и безжалостна, и онъ то смѣялся надъ людскои глупостью и глупостью своей, то судорожно стискивалъ желѣзные скулы, подавляя долгій стопъ. Съ педовѣрjemъ къ тому, что кто-нибудь можетъ любить жизнь, онъ поворачивалъ голову къ сосѣдней постели, гдѣ спалъ діаконъ. Долго и внимательно онъ разсматривалъ бѣлыи, неопредѣленные въ своихъ очертаніяхъ, бугорокъ и темное пятно лица и бороды и злорадно шепталъ:

— Ду-рракъ!

Потомъ онъ глядѣлъ на спящаго студента, котораго днемъ цѣловала дѣвушка, и еще съ бѣльшимъ злорадствомъ поправлялся:

— Дура-ки!

А днемъ душа его замирала, и тѣло послушно исполняло все, что прикажутъ, принимало лѣкарство и ворочалось. Но съ каж-

дымъ днемъ оно слабѣло и скоро было оставлено почти въ полномъ покоѣ, неподвижное, громадное, и въ этой обманчивой громадности кажущееся здоровымъ и сильнымъ.

Слабѣль и о. діаконъ: меньше ходилъ по палатамъ, рѣже смѣялся, но когда въ палату заглядывало солнце, онъ начиналъ болтать весело и обильно, благодарилъ всѣхъ—и солнце, и докторовъ—и вспоминалъ все чаще о яблонѣ „бѣлый наливъ“. Потомъ онъ пѣлъ „Высшую небесъ“, и темное осунувшееся лицо его становилось болѣе свѣтлымъ, но также и болѣе важнымъ: сразу видно было, что это поетъ діаконъ, а не псаломщикъ. Кончивъ пѣснь, онъ подходилъ къ Лаврентію Петровичу и рассказывалъ, какую бумагу ему дали при посвященіи.

— Вотъ этакая огромная,—показывалъ онъ руками,—и по всей буквы, буквы. Какія черныя, какія съ золотой тѣнью. Рѣдкость, ей-Богу!

Онъ крестился на икону и съ уваженіемъ къ себѣ добавлялъ:

— А внизу печать архіерейская. Огромная, ей-Богу,—чисто ватрушка. Одно слово, за милую душу! Вѣрно, отецъ?

И онъ закатисто смѣялся, скрывая свѣтлѣющіе глаза въ сѣти тоненькихъ морщинокъ. Но солнце пряталось за сѣрой снѣжной тучей, въ палатѣ тускнѣло, и, вздыхая, о. діаконъ ложился въ постель.

III.

Въ полѣ и садахъ еще лежалъ снѣгъ, но улицы давно были чисты отъ него, сухи и въ мѣстахъ большой ѣзды даже пыльны. Только изъ палисадниковъ, обнесенныхъ желѣзными рѣшетками, да со дворовъ выбѣгали тоненькія струйки воды и расплывались лужей по ровному асфальту; и отъ каждой такой лужи въ обѣ стороны тянулись слѣды мокрыхъ ногъ, вначалѣ темные и частые, но дальше рѣдкіе и мало замѣтные,—какъ будто проходившая здѣсь толпа разомъ была подхвачена на воздухъ и опущена только у слѣдующей лужи. Солнце лило въ палату цѣлые потоки свѣта и такъ пригрѣвало, что приходилось отъ него прятаться, какъ лѣтомъ, и не вѣрилось, что за тонкими стеклами оконъ воздухъ холоднѣе, свѣжѣе и сырь. Сама палата, съ ея высокими потолками, казалась при этомъ свѣтѣ узкимъ и душнымъ закоулкомъ, въ которомъ нельзя протянуть руки, чтобы не наткнуться на стѣну. Голосъ улицы не проникалъ въ клинику сквозь двойныя рамы, но когда по утрамъ въ палатѣ открывали большую откидную фортку—внезапно, безъ переходовъ, врвался въ нее пьяно-ве-

сильный и шумный крикъ воробьевъ. Всѣ остальные звуки затихали передъ нимъ, скромные и какъ будто обиженные, а онъ торжествующе разносился по коридорамъ, подымался по лѣстницамъ, дерзко вривался въ лабораторію, звонко перебѣгая по стекляннымъ колбочкамъ. Удаленные въ коридоръ больные улыбались наивному, мальчишески дерзкому крику, а о. діаконъ закрывалъ глаза, протягивалъ впередъ руки и шепталъ:

— Воробей! За милую душу, воробей!

Фортка закрывалась, звонкій воробьиный крикъ умиралъ такъ же внезапно, какъ и родился, но больные точно еще надѣялись найти спрятанные отголоски его, торопливо входили въ палату, беспокойно оглядывали ее и жадно дышали расплывающимися волнами свѣжаго воздуха.

Теперь больные чаще подходили къ окнамъ и подолгу простаивали у нихъ, протирая пальцами и безъ того чистыя стекла; неохотно, съ ворчаніемъ ставили градусники и говорили только о будущемъ. И у всѣхъ будущее это представлялось свѣтлымъ и хорошимъ, даже у того мальчика изъ одиннадцатой палаты, который однажды утромъ былъ перенесенъ сторожами въ отдѣльный номеръ, а затѣмъ невѣдомо куда исчезъ,—„выписался“, какъ говорили няньки. Многіе изъ больныхъ видѣли, когда его перенесли вмѣстѣ съ постелью въ отдѣльный номеръ; несли его головою впередъ, и онъ былъ неподвиженъ, только темные впавшіе глаза переходили съ предмета на предметъ, и было въ нихъ что-то такое безропотно-печальное и жуткое, что никто изъ больныхъ не выдерживалъ ихъ взгляда—и отворачивался. И всѣ догадались потомъ, что мальчикъ умеръ, но никого эта смерть не взволновала и не испугала: здѣсь она была тѣмъ обыкновеннымъ и простымъ, чѣмъ кажется она, вѣроятно, на войнѣ. Умеръ за это время и другой больной изъ той же одиннадцатой палаты. Это былъ низенькій и на видъ довольно еще свѣжій старичокъ, разбитый параличемъ; ходилъ онъ, переваливаясь, однимъ плечомъ впередъ и всѣмъ больнымъ рассказывалъ одну и ту же исторію: о крещеніи Руси при Владимірѣ Святомъ. Что трогало его въ этой исторіи, такъ и осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ говорилъ онъ очень тихо и непонятно, закругляя слова и скрадывая окончанія, но самъ онъ, видимо, былъ въ восторгѣ, размахивалъ правой рукой и вращалъ правымъ глазомъ,—лѣвая сторона тѣла была у него парализована. Если настроеніе его было хорошее, онъ заканчивалъ рассказъ неожиданно громкимъ и побѣднымъ возгласомъ: „Съ нами Богъ!“ послѣ чего торопливо уходилъ, сконфуженно смѣясь и наивно закрывая рукою лицо. Но чаще онъ бывалъ печаленъ и жаловался, что ему не даютъ

теплой ванны, отъ которой онъ обязательно долженъ поправиться. За пѣсколько дней до смерти ему назначили вечеромъ теплую ванну, и онъ весь тотъ день восклицалъ „Съ нами Богъ!“ и смѣялся; когда онъ уже сидѣлъ въ ваннѣ, проходившіе мимо больные слышали торопливое и полное блаженства воркованіе: это старичокъ въ послѣдній разъ передавалъ паблюдавшему за нимъ сторожу исторію о крещеніи Руси при Владимірѣ Святомъ. Въ положеніи больныхъ восьмой палаты замѣтныхъ перемѣнъ не произошло: студентъ Торбецкій поправлялся, а Лаврентій Петровичъ и о. діаконъ съ каждымъ днемъ слабѣли; жизнь и сила выходили изъ нихъ съ такою зловѣщей безшумностью, что они и сами почти не догадывались объ этомъ, и казалось, что никогда они и не ходили по палатѣ, а все такъ же спокойно лежали въ постеляхъ. И все такъ же регулярно приходили доктора въ своихъ бѣлыхъ балахонахъ и студенты, выслушивали и выступивали, и говорили между собою.

Въ пятницу на пятой недѣлѣ великаго поста о. діаконъ водпил на лекцію, и вернулъ онъ изъ аудиторіи возбужденный и разговорчивый. Онъ закатисто смѣялся, какъ и въ первое время, крестился и благодарилъ, и по временамъ подносилъ къ глазамъ платокъ, послѣ чего глаза становились красными.

— Чего это вы плачете, о. діаконъ?—спросилъ студентъ.

— Ахъ, отецъ, и не говорите!—съ умиленіемъ отозвался діаконъ,—такъ это хорошо, за милую душу! Посадили меня Семень Николаичъ въ кресло, сами стали рядомъ и говорятъ студентамъ: „Вотъ, говорятъ, діаконъ...“

Здѣсь о. діаконъ сдѣлалъ важное лицо, нахмурился, но слезы снова навернулись на его глазахъ, и, стыдливо отвернувшись, онъ пояснилъ:

— Ужъ очень трогательно читаютъ Семень Николаевичъ! Такъ трогательно, что вся душа перевертывается. Жилъ, говорятъ, былъ діаконъ...

О. діаконъ всхлипнулъ.

— Жилъ-былъ діаконъ...

Дальше отъ слезъ о. діаконъ продолжать не могъ, но уже улегшись въ постель, изъ-подъ одеяла, шепнулъ сдавленнымъ голосомъ:

— Всю жизнь рассказали. Какъ это я былъ псаломщикомъ, не добдалъ. Про жену тоже, спасибо имъ, упомянули. Такъ трогательно, такъ трогательно: будто померъ ты и надъ тобою читаютъ. Жилъ, говорятъ... былъ, говорятъ... діаконъ.

И пока о. діаконъ говорилъ, всѣмъ стало видно, что этотъ человекъ умретъ, стало видно съ такою непреложною и страшною

ясностью, какъ будто сама смерть стояла здѣсь, между ними. Невидимымъ страшнымъ холодомъ и тьмою повѣяло отъ веселаго діакона, и когда съ новымъ всхлипываніемъ онъ скрылся подъ одѣяломъ, Торбецкій нервно потеръ похолодѣвшія руки, а Лаврентій Петровичъ грубо разсмѣялся и закашлялся.

Послѣдніе дни Лаврентій Петровичъ сильно волновался и непрестанно поворачивалъ голову по направленію къ сіявшему сквозь окно голубому небу; измѣнивъ своей неподвижности, опъ судорожно верочался на постели, кряхтѣлъ и сердился на пятекъ. Съ тѣмъ же волненіемъ онъ встрѣчалъ доктора при ежедневномъ осмотрѣ, и тотъ подъ конецъ замѣтилъ это. Былъ онъ добрый и хорошій человекъ и участливо спросилъ:

— Что съ вами?

— Скучно,—сказалъ Лаврентій Петровичъ. И сказалъ онъ это такимъ голосомъ, какимъ говорятъ страдающія дѣти, и закрылъ глаза, чтобы скрыть слезы. А въ его „дневникѣ“, среди замѣтокъ о томъ, каковы у больного пульсъ и дыханіе и сколько разъ его слабило, появилась новая отмѣтка: „больной жалуется па скуку“.

Къ студенту попрежнему приходила дѣвушка, которую онъ любилъ, и щеки ея отъ свѣжаго воздуха горѣли такой живою и нѣжной краской, что было пріятно и почему-то немного грустно смотрѣть на нихъ. Наклонясь къ самому лицу Торбецкаго, она говорила:

— Посмотри, какія горячія щеки.

И онъ смотрѣлъ, но не глазами, а губами, и смотрѣлъ долго и очень крѣпко, такъ какъ сталъ выздоравливать и силы у него прибавилось. Теперь они не стѣснялись другихъ больныхъ и цѣловались открыто; діаконъ при этомъ деликатно отвертывался, а Лаврентій Петровичъ, не притворяясь уже спящимъ, съ вызовомъ и насмѣшкою смотрѣлъ на нихъ. И они любили о. діакона и не любили Лаврентія Петровича.

Въ субботу о. діаконъ получилъ изъ дому письмо. Онъ ждалъ его уже цѣлую недѣлю, и всѣ въ клиникѣ знали, что о. діаконъ ждетъ письма, и безпокоились вмѣстѣ съ нимъ. Приободрившійся и веселый онъ всталъ съ постели и медленно бродилъ по палатамъ, всюду показывая письмо, принимая поздравленія, кланяясь и благодаря. Всѣмъ давно уже было извѣстно объ очень высокомъ ростѣ его жены, а теперь онъ сообщилъ о ней новую подробность:

— Здорово она у меня храпитъ. Какъ ляжетъ въ кровать, такъ ты ее хоть оглоблей бей,—не подымешь. Храпитъ да и все тутъ. Молодецъ, еи-Богу!

Потомъ о. діаконъ плутовато подмаргивалъ и восклицалъ:

— А этакую штуку видѣлъ? Отець, а отецъ?

И онъ показывалъ четвертую страницу письма, на которой немѣлыми, дрожащими линіями былъ обведенъ контуръ растопыренной дѣтской руки, и посерединѣ, какъ разъ на ладони, было написано: „Тосикъ руку приложилъ“. Передъ тѣмъ, какъ приложить руку, Тосикъ, повидимому, былъ занятъ какимъ-нибудь дѣломъ, связаннымъ съ употребленіемъ воды и грязи, такъ какъ на тѣхъ мѣстахъ, что приходились противъ выпуклостей ладони и пальцевъ, бумага сохраняла явственные слѣды пятенъ.

— Внукъ-то, хорошъ? Четыре года всего, а умень, такъ умень, что не могу я вамъ этого выразить. Руку приложилъ, а?—въ восторгѣ отъ остроумной шутки о. діаконъ хлопалъ себя руками по колѣнямъ и сгибался отъ приступа неудержимаго, тихаго смѣха. И лицо его, давно не видѣвшее воздуха, изжелта-блѣдное, становилось на минуту лицомъ здороваго человѣка, дни котораго еще не сочтены. И голосъ его дѣлался крѣпкимъ и звонкимъ, и бодростью дышали звуки трогательной пѣсни:

„Высшую небесъ и чистѣйшую свѣтлостей солнечныхъ, избавляющую насъ отъ клятвы, Владычицу міра пѣснями почитимъ!..“

Въ этотъ же день водили на лекцію Лаврентія Петровича. Пришелъ онъ оттуда взволнованный, съ дрожащими руками и кривой усмѣшкой, сердито оттолкнулъ няньку, помогавшую ему ложиться въ постель, и тотчасъ же закрылъ глаза. Но о. діаконъ, самъ пережившій лекцію, дождался момента, когда глаза Лаврентія Петровича пріоткрылись, и съ участливымъ любопытствомъ началъ допрашивать о подробностяхъ осмотра.

— Какъ, отецъ, трогательно, а? Тоже, небойсь, и про тебя говорили: жилъ, говорятъ, былъ купецъ...

Лицо Лаврентія Петровича гнѣвно передернулось; обжегши діакона взглядомъ, онъ повернулся къ нему спиной и снова рѣшительно закрылъ глаза.

— Ничего, отецъ, ты не безпокойся. Выздоровѣешь, да еще какъ откалывать-то начнешь,—по-небесному!—продолжалъ о. діаконъ. Онъ лежалъ на спинѣ и мечтательно глядѣлъ въ потолокъ, на которомъ игралъ невѣдомо откуда отраженный солнечный лучъ. Студентъ ушелъ курить, и въ минуты молчанія слышалось только тяжелое и короткое дыханіе Лаврентія Петровича.

— Да, отецъ, — медленно, съ спокойной радостью говорилъ о. діаконъ, — если будешь въ нашихъ краяхъ, ко мнѣ заѣзжай. Отъ станціи пять верстъ,—тебя всякій мужикъ довезетъ. Ей-Богу, пріѣзжай, угощу тебя за милую душу. Квасъ у меня—такъ это выразить я тебѣ не могу, до чего сладостень!

О. діаконъ вздохнулъ и, помолчавъ, продолжалъ:

-- Къ „Троицъ“ я вотъ тоже схожу. И за твое имя просфору выну. Потомъ соборы осмотрю. Въ баню пойду. Какъ онѣ, отецъ, прозываются: торговья, что ли?

Лаврентій Петровичъ не отвѣтилъ, и о. діаконъ рѣшилъ самъ:

-- Торговья. А тамъ, за милую душу—домой!

Діаконъ блаженно умолкъ, и въ наступившей тишинѣ короткое и прерывистое дыханіе Лаврентія Петровича напоминало гнѣвное сопѣніе паровика, удерживаемаго на запасномъ пути. И еще не разсѣялась передъ глазами діакона вызванная имъ картина близкаго счастья, когда въ ухо его вошли непонятныя и ужасныя слова. Ужасъ былъ въ одномъ ихъ звукѣ; ужасъ былъ въ грубомъ и злобномъ голосѣ, одно за однимъ ронявшимъ безсмысленныя, жестокія слова:

— На Ваганьково кладбище пойдешь,—вотъ куда!

-- Что ты говоришь, отецъ?—не понималъ діаконъ.

— На Ваганьково, на Ваганьково, говорю, пора, — отвѣтилъ Лаврентій Петровичъ. Онъ повернулся лицомъ къ о. діакону и даже голову спустилъ съ подушки, чтобы ни одно слово не миновало того, въ кого оно было направлено. — А то въ анатомическій тебя сволокуть и такъ тамъ тебя варѣжутъ, — за милую душу!

Лаврентій Петровичъ размѣялся.

-- Что ты, что ты, Богъ съ тобою!—бормоталъ о. діаконъ.

— Со мною-то ничего, а вотъ какъ тутъ покойниковъ хоронятъ, такъ это потѣха. Сперва руку отрѣжутъ, — руку похоронятъ. Потомъ ногу отрѣжутъ, — ногу похоронятъ. Такъ иноγο-то незадачливаго покойника цѣлый годъ таскаютъ, перетаскать не могутъ.

Діаконъ молчалъ и остановившимся взглядомъ смотрѣлъ на Лаврентія Петровича, а тотъ продолжалъ говорить. И было что-то отвратительное и жалкое въ безстыдной прямогѣ его рѣчи.

— Смотрю я на тебя, о. діаконъ, и думаю: старый ты человекъ, а глупъ, прямо сказать, до святости. Ну и чего ты ерещишься: къ „Троицъ“ поѣду, въ баню пойду. Или вотъ тоже про яблоню „бѣлый наливъ“. Жить тебѣ всего недѣлю, а ты...

— Недѣля?

— Ну да, недѣля. Не я говорю, — доктора говорятъ. Лежалъ я намедни, быдто спалъ, а тебя въ палатѣ не было, — вотъ студенты и говорятъ: а скоро, говорятъ, нашему діакону и того. Недѣльку протянешъ.

— Про-тя-не-тъ?

— А ты думаешь, она помилуетъ? — Слово „она“ Лаврентій Петровичъ выговорилъ съ страшной выразительностью. Затѣмъ онъ поднялъ кверху свой огромный бугроватый кулакъ и, пе-

чально полюбовавшись его массивнымп очертапіямп, продолжалъ. — Вотъ, глянь-ка! Приложу кого, такъ тутъ ему азъ и хверть и будетъ. А тоже... Ну да, тоже. Эхъ, діаконъ пустоголовый! къ „Тронць“, въ баню пойдю: Получше тебя люди жили, да и тѣ помирали.

Лицо о. діакона было желто, какъ шафранъ; ни говорить, ни плакать онъ не могъ, ни даже стонать. Молча и медленно онъ опустился на подушку и старательно, убѣгая отъ свѣта и отъ словъ Лаврентія Петровича, завернулся въ одѣяло и притихъ. Но тотъ не могъ не говорить: каждымъ словомъ, которымъ онъ поражалъ діакона, онъ приносилъ себѣ отраду и облегченіе. И съ притворнымъ добродушіемъ онъ повторялъ:

— Такъ-то, отче. Черезъ недѣльку. Какъ ты говоришь: азъ и хверть? Вотъ тебѣ азъ и хверть. А ты въ баню,—чудасія! Развѣ вотъ на томъ свѣтѣ насъ съ тобою горячими вѣниками попарять,— это отчего же, очень возможно.

Но тутъ вошелъ студентъ, и Лаврентій Петровичъ неохотно умолкъ. Онъ попробовалъ закрыться одѣяломъ, какъ и о. діаконъ, но скоро высунулъ голову изъ тьмы и насмѣшливо поглядѣлъ на студента.

— А сестрица-то ваша сегодня, вижу, опять не придуть? — спросилъ онъ студента съ тѣмъ же же притворнымъ добродушіемъ и нехорошей улыбкой.

— Да, нездорова,—коротко отъ окна бросилъ студентъ хмурый отвѣтъ.

— Какая жалость!—покачалъ головой Лаврентій Петровичъ. — Что же такое съ ними?

Но студентъ не отвѣтилъ: кажется, онъ не слыхалъ вопроса. Уже три раза дѣвушка, которую онъ любилъ, пропускала часы свиданій; не придетъ она и сегодня. Торбецкій дѣлалъ видъ, что смотритъ въ окно на улицу такъ, отъ бездѣлья, но въ дѣйствительности старался заглянуть влѣво, гдѣ находился невидимый подвѣздъ, и прижимался лбомъ къ самому стеклу. И такъ между окномъ и часами, глядя то на одно, то на другое, провелъ онъ время обычнаго пріема посѣтителей отъ двухъ до четырехъ часовъ. Усталый и поблѣднѣвшій, онъ неохотно выпилъ стаканъ чаю и легъ въ постель, не замѣтивъ ни странной молчаливости о. діакона, ни такой же странной разговорчивости Лаврентія Петровича.

— Не пришли сестрица! — говорилъ Лаврентій Петровичъ и улыбался нехорошей улыбкой.

IV.

Въ эту ночь, томительно долгою пустую, такъ же горѣла лампочка подь синимъ абажуромъ и звонкая тишина вздрагивала и пугалась, разнося по палатамъ тихіе стопы, храпъ и сонное дыханіе больныхъ. Гдѣ-то упала на камень чайная ложка, и звукъ получился чистый, какъ отъ колокольчика, и долго еще жилъ въ тихомъ и неподвижномъ воздухѣ. Въ палатѣ № 8 никто не спалъ въ эту ночь, но всѣ лежали тихо и походили на спящихъ. Одинъ Торбецкій, не думавшій о присутствіи въ палатѣ постороннихъ людей, безпокойно ворочался, ложась то на спину, то ницъ, густо вздыхалъ и поправлялъ сползавшее одѣяло. Раза два онъ ходилъ курить и наконецъ заснулъ, такъ какъ поздоровѣвшій организмъ бралъ свое. И сонъ его былъ крѣпокъ и грудь подымалась ровно и легко. Должно быть, и сны пришли къ нему хорошіе: на губахъ у него появилась улыбка и долго не сходила, странная и трогательная при глубокой неподвижности тѣла и закрытыхъ глазахъ.

Далеко, въ темной и пустынной аудиторіи, пробило три часа, когда въ ухо начавшаго дремать Лаврентія Петровича вошелъ тихій, дрожащій и загадочный звукъ. Онъ родился тотчасъ за музыкальнымъ боемъ часовъ и въ первую секунду показался нѣжнымъ и красивымъ, какъ далекая печальная пѣсня. Лаврентій Петровичъ прислушался: звукъ ширился и росъ, и, все та-кой же мелодичный, походилъ теперь на тихій плачь ребенка, котораго заперли въ темную комнату, и онъ боится тьмы и боится тѣхъ, кто его заперъ, и сдерживаетъ бьющіяся въ груди рыданія и вздохи. Въ слѣдующую секунду Лаврентій Петровичъ проснулся совсѣмъ и разомъ понялъ загадку: плакалъ кто-то взрослый, плакалъ некрасиво, давясь слезами, задыхаясь.

— Кто это?—испуганно спросилъ Лаврентій Петровичъ, но не получилъ отвѣта. Плачь замеръ, и отъ этого въ палатѣ стало еще печальнѣе и тоскливѣе. Бѣлыя стѣны были неподвижны и холодны, и не было никого живого, кому можно было бы пожаловаться на одиночество и страхъ, просить защиты.

— Кто это плачетъ?—повторилъ Лаврентій Петровичъ.—Дьяконъ, это ты?

Рыданіе словно пряталось гдѣ-то тутъ же, воалъ Лаврентія Петровича, и теперь, ничѣмъ не сдерживаемое, вырвалось на свободу. Одѣяло, укрывавшее о. діакона, заколыхалось и металлическая дощечка дребезжащимъ стукомъ ударилась объ желѣзку.

— Что ты! Что ты! — бормоталъ Лаврентій Петровичъ. — Не плачь.

Но о. діаконъ плакалъ, и все чаще ударялась дощечка, сотрясаемая рыдающимъ и бьющимся тѣломъ. Лаврентій Петровичъ сѣлъ на постель, задумался и потомъ медленно спустилъ на полъ затекшія ноги. Когда онъ всталъ на нихъ, въ голову ему ударило чѣмъ-то теплымъ и шумящимъ,—словно цѣлый десятокъ жернововъ завертѣлся и загрохоталъ въ его мозгу,—дыханіе прервалось и потолокъ быстро поплылъ куда-то внизъ. Съ трудомъ удержавшись на ногахъ отъ приступа головокруженія, ощущая толчки сердца такъ ясно, какъ будто изнутри груди кто-то билъ молоткомъ, Лаврентій Петровичъ отдышался и рѣшительно перешагнулъ пространство, отдѣлявшее его отъ постели о. діакона,—полтора шага. Здѣсь ему снова пришлось передохнуть. Прерывисто и тяжело сопя носомъ, онъ положилъ руку на вздрагивавшій бугорокъ, подвинувшійся, чтобы дать ему мѣсто на постели, и просительно сказалъ:

— Не плачь. Ну чего плакать?! Боишься умереть?

О. діаконъ порывисто сдернулъ одѣяло съ головы и жалобно вскрикнулъ:

— Ахъ, отецъ!

— Ну что? Боишься?

— Нѣтъ, отецъ, не боюсь,—тѣмъ жалобно поющимъ голосомъ отвѣтилъ діаконъ и энергично покачалъ головой.—Нѣтъ, не боюсь,—повторилъ онъ и, снова повернувшись на бокъ, застоналъ и дрогнулъ отъ рыданій.

— Ты на меня не сердись, что я тебѣ давеча сказалъ,—попросилъ Лаврентій Петровичъ.—Глупо, братъ, сердиться.

— Да я не сержусь. Чего я буду сердиться? Развѣ это ты смерть накликалъ? Сама приходитъ...—и о. діаконъ вздохнулъ высокимъ, все подымающимся звукомъ.

— Чего же ты плачешь?—все такъ же медленно и недоумѣнно спрашивалъ Лаврентій Петровичъ. Жалость къ о. діакону начала проходить и смѣнялась мучительнымъ недоумѣніемъ. Онъ вопросительно переводилъ глаза съ темнаго діаконова лица на его сѣденькую бороденку, чувствовалъ подъ рукою безсильное трепыханіе худенькаго тѣльца и недоумѣвалъ.

— Чего же ты реवेशь?—настойчиво спрашивалъ онъ.

О. діаконъ схватилъ руками лицо и, раскачивая головой, произнесъ высокимъ, поющимъ голосомъ:

— Ахъ, отецъ, отецъ! Солнушка жалко. Кабы ты зналъ... какъ оно у насъ... въ Тамбовской губерніи, свѣтитъ. За ми... За милую душу!

Какое солнце,—Лаврентій Петровичъ не понялъ и разсердился на діакона. Но тутъ же онъ вспомнилъ тотъ потокъ

горячаго свѣта, что днемъ вливался въ окно и золотилъ полъ, вспомнилъ, какъ свѣтило солнце въ Саратовской губерніи на Волгу, на лѣсъ, на пыльную тропинку въ полъ, — и всплеснулъ руками, и ударилъ ими себя въ грудь, и съ хриплымъ рыданіемъ упалъ лицомъ внизъ на подушку, бокъ-о-бокъ съ головой діакона. Такъ плакали они оба. Плакали о солнцѣ, котораго больше не увидятъ, о яблонѣ „бѣлый наливъ“, которая безъ нихъ дастъ свои плоды, о тѣмъ, которая охватитъ ихъ, о милой жизни и жестокой смерти. Звонкая тишина подхватывала ихъ рыданія и вадохи и разносила по палатамъ, смѣшивая ихъ съ здоровымъ храпомъ сидѣлокъ, утомленныхъ за день, со стонами и кашлемъ тяжелыхъ больныхъ и легкимъ дыханіемъ выздоравливающихъ. Студентъ спалъ, но улыбка исчезла съ его устъ, и синія мертвенныя тѣни лежали на его лицѣ неподвижномъ и, въ неподвижности своей, грустномъ и страдающемъ. Немигающимъ, безжизненнымъ свѣтомъ горѣла электрическая лампочка и бѣлыя высокія стѣны смотрѣли равнодушно и туго.

Умеръ Лаврентій Петровичъ въ слѣдующую ночь, въ пять часовъ утра. Съ вечера онъ крѣпко уснулъ, проснулся съ сознаниемъ, что онъ умираетъ и что ему нужно что-то сдѣлать: позвать на помощь, крикнуть или перекреститься, — и потерялъ сознание. Высоко поднялась и опустилась грудь, дрогнули и разошлись ноги, свисла съ подушки отяжелѣвшая голова и размашисто скатился съ груди массивный кулакъ. О діаконъ услышалъ сквозь сонъ скрипъ постели и, не открывая глазъ, спросилъ:
— Ты что, отецъ?

Но никто не отвѣтилъ ему, и онъ снова уснулъ. Днемъ доктора увѣрили его, что онъ будетъ жить, и онъ повѣрилъ имъ и былъ счастливъ: кланялся съ постели одной головой, благодарилъ и поздравлялъ всѣхъ съ праздникомъ.

Счастливъ былъ и студентъ и спалъ крѣпко, какъ здоровый. Въ этотъ день дѣвушка приходила къ нему, горячо цѣловала его и просидѣла дольше назначеннаго часа ровно на двадцать минутъ.

Солнце всходило.

Леонидъ Андреевъ.

Русскіе живописцы начала XIX вѣка.

(Продолженіе).

III.

Въ царствованіе Екаторины II русское общество сдѣлало большой шагъ впередъ по пути развитія. Это замѣтно на произведеніяхъ искусства. Въ первую половину XVIII вѣка русскіе художники получали европейское художественное образованіе всегда случайно. Первые изъ нихъ послали учиться за-границу Пётръ I, другіе пользовались указаціями пріѣзжихъ мастеровъ. Часто русскіе художники выказывали способности и успѣшно перенимали приемы отъ своихъ учителей и даже равнялись съ ними въ искусствѣ, но никогда въ выборѣ учителей они не руководились какой-либо опредѣленной мыслью. Они всегда учились у того, съ кѣмъ судьба ихъ сводила за-границей или дома — все равно. Со времени учрежденія академіи художествъ дѣло принимаетъ другой оборотъ. Познанія въ исторіи искусства проникаютъ въ русское общество. Русскіе люди начинаютъ разсуждать о достоинствахъ различныхъ школъ живописи и выбирать себѣ образцы въ искусствѣ для подражанія. Подражаніе для русскаго искусства въ то время, да и въ послѣдующее, являлось прямою необходимостію и потому конечно нельзя обвинять кого-либо за него. Россія становилась европейской страной и принуждена была идти и въ искусствѣ за европейскими образцами.

Имѣя возможность выбрать источникъ, изъ котораго слѣдовало черпать пониманіе формы и манеръ выраженія въ живописи, русскіе первые художники обратились къ великимъ представителямъ итальянскаго возрожденія и начали перенимать у нихъ. Впослѣдствіи не одинъ разъ русскихъ художниковъ обвиняли за выборъ, который они сдѣлали, но обвиненія эти совершенно несправедливы. Если принять въ соображеніе постепенное развитіе русскаго искусства то окажется, что другого выбора и нельзя было сдѣлать: всѣ европейскія школы искусства черпали изъ этого источника, и потому понятно, что и русскіе художники успѣшили стать въ одно положеніе со всѣми остальными своими собратьями. Результаты получились очень значительные, и если впослѣдствіе и были сдѣланы ошибки, окончательно уронившіе тотъ родъ русской живописи, который принято называть академическимъ, то въ этомъ конечно не виноваты первые представи-

теп академіи, люди живые и искренно преданные искусству, какъ это ясно видно изъ тѣхъ даже не многихъ свѣдѣній объ ихъ жизни, которыя намъ извѣстны.

Первый изъ извѣстныхъ учениковъ новой академіи, учрежденной въ 1758 году, былъ Угрюмовъ. Онъ родился въ 1764 году и былъ сыномъ купца. Въ академію онъ поступилъ въ ученики въ 1770 году за счетъ И. Бецаго и учился у Левитцаго. За картину „Агарь въ пустынѣ“ онъ былъ посланъ за-границу и провелъ четыре года въ Римѣ, затѣмъ вернулся въ Петербургъ и былъ назначенъ преподавателемъ въ академію, а потомъ за картину „Испытаніе силы Яна Усморя“ получилъ званіе академика. Объ его картинахъ „Взятіе Казани“ и „Призваніе Михаила Θεодоровича на царство“, я говорилъ выше. Главная заслуга Угрюмова — въ его преподавательской дѣятельности. Онъ былъ учителемъ Андрея Иванова, Егорова, Шебуева и Кипренскаго. Такое же точно значеніе имѣетъ и одинъ изъ старшихъ по возрасту его учениковъ, Андрей Ивановъ, сынъ неизвѣстныхъ родителей и отецъ знаменитаго художника Александра Иванова; онъ, получивъ 1-ю золотую медаль за картину „Жертвоприношеніе Ноя“, не былъ посланъ за-границу, потому что былъ уже женатъ, а тогда женатыхъ пенсионеровъ не полагалось. Ивановъ остался въ Петербургѣ, сдѣланъ былъ преподавателемъ въ академіи, за картину „Единоборство князя Мстислава Удалаго съ Редеемъ“ получилъ званіе профессора и всю свою жизнь посвятилъ педагогической дѣятельности. Учениками его были и Карлъ Брюлловъ, и его сынъ Александръ Ивановъ.

Впрочемъ, Андрей Ивановъ работалъ много и какъ живописецъ, преимущественно образа для храмовъ Петербурга.

Чему же обучали эти и другіе профессора въ петербургской академіи въ первые годы послѣ ея основаніе? Къ какой школѣ живописи они себя причисляли? Изучая ихъ произведенія, можно придти къ заключенію, что они не принадлежали ни къ какой изъ европейскихъ школъ, а представляли эклектиковъ, заимствовавшихъ понемногу отовсюду. Они преподавали ремесленные приемы искусства, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они преподавали плохо или чтобы наставленія ихъ были бесполезны. Напротивъ, тогда еще не примѣщивали къ преподаванію никакихъ политическихъ или иныхъ постороннихъ искусству видовъ, и потому профессора и все академическое начальство дѣйствительно стремились образовать дома въ Россіи какъ можно скорѣе наиболѣе опытныхъ художниковъ, необходимыхъ для двора и знатныхъ вельможъ, нуждавшихся въ украшеніи дворцовъ, въ сооруженіяхъ, статуяхъ и картинахъ.

И. И. Шуваловъ, основатель академіи, такъ и писалъ въ своемъ докладѣ, что академіи принесетъ „великую пользу казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные (художники) посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогатятся, возвращаются, не оставя по себѣ время ни одного русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ, что дѣлать“. Но несомнѣнно, что и Шуваловымъ, и Бецагимъ и другими просвѣщенными людьми того времени руководили не одни лишь матеріальные интересы при основаніи академіи. Они искренно увлеклись любовью къ искусству. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ

созданный ими уставъ академіи, дававшій такой широкій просторъ самостоятельности художникамъ - руководителямъ, совѣту и ректору, что впослѣдствіи, подъ влияніемъ иныхъ вѣяній, его понадобилось много разъ и сильно видоизмѣнять и перекраивать, пока, наконецъ, онъ не былъ совершенно реформированъ уже въ недавнее время.

Преподавали въ академіи элементарнымъ основаніямъ искусства, но преподавали хорошо. Это можно заключить прежде всего по тѣмъ успѣхамъ, которые были достигнуты такими талантливыми учениками академіи, какъ Шебуевъ и Егоровъ, а затѣмъ и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сохранились о преподаваніи элементовъ искусства въ то время. Существуетъ очень любопытное сочиненіе „Обозрѣніе скульптуры и живописи съ полнымъ показаніемъ сильнаго влияния анатоміи въ сіи два свободныя художества“ Ивана Віена, члена медицинскаго коллегіи и Вольно-Экономическаго общества, изданное, какъ сказано въ заглавіи „на пользу питомцевъ С.-Петербургской Академіи Художествъ“.

Книга эта написана тяжелымъ витіеватымъ языкомъ, лучшимъ образчикомъ котораго служитъ помѣщенный на первомъ листѣ эпитафійный стихъ поэта Княжнина:

„Безъ просвѣщенія напрасно всію старанье
Скульптура—кукольство, а живопись—маранье“.

Иванъ Віенъ былъ человѣкъ начитанный; это видно изъ многочисленныхъ выносокъ и ссылокъ на источники, помѣщенныхъ внизу страницъ и объемомъ превышающихъ самое сочиненіе. Въ своей книгѣ на-ряду съ массою анекдотовъ онъ даетъ свѣдѣнія объ исторіи искусства: о древнемъ искусствѣ, о различныхъ школахъ искусства европейскаго, начиная съ эпохи Возрожденія и хотя описываетъ и оцѣниваетъ не всегда правильно значеніе отдѣльныхъ художниковъ и отдѣльныхъ произведеній искусства, то все же общая проводимая имъ мысль о значеніи анатоміи въ скульптурѣ и живописи, несомнѣнно справедлива. Очень справедливы и интересны также его замѣчанія объ измѣненіи пропорцій скелета смотря по возрасту, о движеніи мускуловъ и, наконецъ о перспективѣ. Книга эта, изданная въ 1803 году, показываетъ, чему учили въ академіи и много раньше ея появленія. Она служитъ, какъ бы сводомъ того, что конечно и раньше профессора объясняли ученикамъ. Тогда не было краткихъ руководствъ и это, можетъ быть, затрудняло однообразный ходъ преподаванія, но въ то же время и улучшало его качество. Не имѣя удобной маленькой книжки, профессора по-неволѣ должны были обращаться къ первоначальнымъ источникамъ своего собственнаго званія и учить всему тому, что сами знали и понимали.

Первыми выдающимися учениками академіи являются Егоровъ и Шебуевъ. Родились они почти одновременно: первый въ 1776 году, а второй въ 1777 году, поступили же въ академію они въ одинъ и тотъ же годъ—въ 1782 году. Василій Кузьмичъ Шебуевъ былъ сынъ чиновника и родился въ Кронштадтѣ, гдѣ отецъ его былъ смотрителемъ какихъ-то магазиновъ. Пятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отданъ въ академію художествъ, и родители почти забыли о его существованіи, предоставивъ заботу о немъ исключительно этому заведенію. Въ 1790

году Шебуевъ былъ назначенъ ученикомъ къ профессору Акимову, а въ 1797 г. онъ уже получилъ золотую медаль и, исполнивъ нѣкоторыя работы,—мнеологическія фигуры на зеркалахъ въ Михайловскомъ замкѣ,—и написавъ еще нѣсколько портретовъ, онъ отправленъ былъ за-границу. Выѣхавъ Шебуевъ за-границу въ 1803 году и направился прямо въ Италію, гдѣ и провель три года. Это было время его совершенствованія въ искусствѣ. Онъ изучалъ великихъ художниковъ Возрожденія и въ особенности Леонардо да Винчи, какъ это видно по его „Тайной вечерѣ“, долго пролежавшей въ сверткѣ въ кладовой и только недавно выставленной въ музеѣ Александра III. Эта картина имѣетъ носомѣнныя достоинства и носить слѣды явнаго вліянія „Тайной вечера“ Леонардо да Винчи. Шебуевъ, однако, не подражалъ рабски Винчи, а старался проникнуться его духомъ, сохраняя въ то же время свободу въ выраженіи чувства и даже отличительныя свои національныя особенности. Достаточно взглянуть на его картину, чтобы убѣдиться, что всѣ апостолы имѣютъ у него русскій типъ. Конечно Шебуевъ сдѣлалъ это неволью, и поэтому эта національная черта его произведенія дѣйствительно имѣетъ цѣну. Онъ старался найти типъ наиболѣе благородный и симпатичный и неволью идеализировалъ типъ своего народа, русскаго народа, потому что самъ былъ русскимъ. Въ композиціи „Тайной вечера“ Шебуева есть очень оригинальная особенность, отличающая ее не только отъ „Тайной вечера“ Винчи, но и отъ всѣхъ другихъ картинъ, какъ предшествующихъ такъ и современной ей эпохи на тотъ же сюжетъ. Всѣ апостолы изображены здѣсь не сидящими за столомъ, а возлежащими.

Шебуевъ написалъ множество образовъ для церквей Петербурга, лучшими изъ нихъ считаются „Св. Василій Великій“ и „Св. Григорій Богословъ“ и нѣсколько громаднхъ композицій: плафонъ въ царскосельской дворцовой церкви, колоссальный плафонъ „Олимпъ“ въ Кругломъ залѣ академіи художествъ и „Взятіе Богородицы на небо“—стѣнную живопись въ Казанскомъ соборѣ, нѣсколько картинъ преимущественно изъ русской исторіи,—„Подвигъ купца Иголкина“ и „Петръ Великій въ сраженіи при Полтавѣ“. Кромѣ того сдѣлано имъ было много карандашныхъ эскизовъ въ томъ же стилѣ: „Крещеніе русскаго народа“, „Смерть Олега“, „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова“, „Дмитрій Довской“, „Князь Пожарскій“ и другіе подобныя. Всѣ эти историческія картины и эскизы принадлежать къ одному и тому же роду патріотическихъ изображеній историческихъ событій въ анекдотической формѣ. Ихъ нельзя признать настоящими историческими картинами. Въ то время русскій художникъ и не могъ написать исторической картины, потому что у него не было для этого ни достаточныхъ свѣдѣній, ни средствъ. Въ картинахъ Шебуева поэтому много шаблоннаго, выдуманнаго и заимствованнаго, но въ то же время въ нихъ есть и хорошія черты, даже кромѣ чисто техническихъ достоинствъ, кромѣ хорошаго рисунка и удачной группировки фигуръ. У Шебуева вездѣ видна любовь къ искусству, желаніе и умѣніе выразить благородное чувство, которое пробивается наружу сквозь условность формы. Этими дѣйствительно художественными качествами работы Шебуева сильно отличаются отъ многихъ картинъ послѣдующихъ академистовъ, повторяя-

шихъ лишь приемы рисованія и письма красками, и даже не подражая произведеніямъ великихъ мастеровъ, а просто помня школьную выучку. Шебуевъ до старости работалъ очень много. Участвуя въ украшеніи церкви, какъ живописецъ, онъ давалъ рисунки и для орнаментальныхъ работъ. Въ Новгородѣ алтарь Софійскаго собора обрамленъ барельефами, названными изъ серебра Устиновымъ по рисункамъ Шебуева, и много осталось послѣ него въ папкахъ рисунковъ и чертежей, какъ рассказываетъ Николай Рамазановъ, которые отчасти пошли въ дѣло, а отчасти остались лишь въ видѣ проектовъ.

Еще живя въ Италіи и увлекясь Леонордо да Винчи, Шебуевъ, слѣдуя, примѣру этого великаго художника, началъ серьезно заниматься анатоміею. Въ Петербургѣ онъ продолжалъ свои занятія, работая въ анатомическомъ музѣѣ медико-хирургической академіи вмѣстѣ съ хирургомъ И. В. Буяльскимъ. Шебуевъ составилъ цѣлый курсъ анатоміи и антропометріи. Анатомія была поднесена въ 1827 году Николаю I и даже было повелѣно академіи художествъ изыскать средства для ея изданія, но изданіе это не состоялось.

Шебуевъ имѣлъ несомнѣнное значеніе въ исторіи развитія русскаго искусства: онъ первый познакомилъ русскихъ художниковъ и русское общество, въ его время крайне ограниченное по численности, съ великими образцами итальянскаго искусства, потому что въ своихъ произведеніяхъ онъ передалъ хотя часть ихъ познаний формы и приемовъ творчества и притомъ передалъ это не случайно, а сознательно, зная что достойно изученія и подражанія.

Товарищъ Шебуева по выпуску изъ академіи, Алексѣй Егоровичъ Егоровъ, знаменитый рисовальщикъ, по художественному значенію очень близко подходитъ къ Шебуеву, но благодаря личнымъ качествамъ своего характера совершенно выдѣляется среди другихъ русскихъ художниковъ своего времени и стоитъ особнякомъ. Шебуевъ былъ человѣкъ добросовѣстный, прямой, добрый, снисходительный къ подчиненнымъ профессоръ и ректоръ академіи. Такимъ рисуетъ его по личнымъ воспоминаніямъ Николай Рамазановъ и такимъ онъ, конечно, и былъ. Онъ былъ талантливый художникъ и хорошій человѣкъ, обыкновеннаго буржуазнаго склада, вполне приуроченный для исполнительнои чиновничьей службы, которая тогда составляла удѣлъ каждому сколько-нибудь образованнаго русскаго человѣка. Эта умеренность характера конечно и способствовала успѣхамъ. Егоровъ, напротивъ, имѣлъ душу необыкновенно пылкую и горячую. Обладая большимъ талантомъ, онъ несомнѣнно былъ гораздо въ большей степени художникомъ чѣмъ Шебуевъ. Родился Егоровъ въ 1776 году гдѣ-то въ улусѣ калмыцкой орды, ушедшей изъ-за Волги въ Среднюю Азію. Говорятъ, что онъ былъ захваченъ казаками, преслѣдовавшими эту орду. Шести лѣтъ отъ роду онъ былъ помѣщенъ въ московскій воспитательный домъ, а затѣмъ въ 1782 году переведенъ въ академію художествъ. Учителями его были Акинновъ и Угрюмовъ. Егоровъ выказалъ очень большія способности къ искусству. Въ 1798 г. онъ былъ уже назначенъ въ число преподавателей академіи и исполнялъ свои учительскія обязанности до 1803 года, когда вмѣстѣ съ Шебуевымъ былъ отправленъ для усовершенствованія за-границу. Въ Италіи, въ Римѣ, онъ глав-

нымъ образомъ изучалъ Рафаэля, здѣсь же онъ настолько усовершенствовалъ свои способности къ рисунку, что приобрѣлъ извѣстность, какъ рисовальщикъ. Существуетъ преданіе, что онъ сблизился въ Римѣ съ Кановою и Коммучини, но къ сожалѣнію объ его отношеніяхъ съ ними не сохранилось никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Тѣ времена для русскихъ людей были еще періодомъ доисторическимъ, когда не было ни о чемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, когда русскіе художники ѣхали въ Римъ на кораблѣ и также присылали отсюда въ Петербургъ свои произведенія. Только рѣдкіе, отрывочные факты изъ жизни Егорова, даютъ возможность хотя приблизительно опредѣлить его душевный складъ. Въ воспоминаніяхъ Рамазанова, написанныхъ отрывочно и слащаво, но все же представляющихъ единственное свидѣтельство современника о многихъ русскихъ художникахъ, есть нѣсколько чертъ, рисующихъ личность Егорова. Онъ былъ простой въ обращеніи, но строгій профессоръ, требовавшій отъ учениковъ, чтобы они вполне отдавались одному только изученію искусства, неохотно бравшійся за обученіе диллетантовъ и совѣтывавшій своимъ ученикамъ—любителямъ изъ чиновниковъ—выходить въ отставку. Одному изъ такихъ своихъ учениковъ онъ замѣтилъ при Рамазановѣ, что и канарейка хорошо у него поетъ потому, что однимъ дѣломъ занимается. Какъ преподаватель онъ требовалъ главнымъ образомъ, чтобы ученики обращали все вниманіе на *общее* при передачѣ природы, и не вдавались въ частности. „Общее, батюшка, общее; это главное,—говаривалъ онъ ученикамъ,—пишетъ Рамазановъ,—а туда (въ правильно обозначенныя общія черты) хоть мусору насыпь,—все будетъ хорошо“.

Это требованіе *общаго*, столь разумное и ставшее впоследствии основаніемъ всего развитія европейскаго искусства, кажется страннымъ въ устахъ стараго профессора петербургской академіи давшей впоследствии столько живописцевъ, отличавшихся лишь одной сухостью и вылощенностью своихъ картинъ. Но это странность только кажущаяся. Явленіе это непонятно намъ только потому, что исторія русскаго искусства совершенно еще не разработана, потому что не выяснена еще вовсе связь или, напротивъ, противоположность различныхъ теченій въ русскомъ искусствѣ, и не указаны еще источники этихъ теченій. А между тѣмъ источники эти существуютъ и найти ихъ вовсе не трудно. Въ прошломъ столѣтіи Россія не могла жить и не жила совершенно самостоятельной жизнью; напротивъ, русскій народъ, какъ младшій среди европейскихъ народовъ, явившись позже другихъ на арену европейской цивилизаціи, жадно воспринималъ новыя вѣянія, мѣняя предметы своего поклоненія, сообразно своему умственному складу и еще болѣе согласуясь съ политическими и социальными условіями времени. Пластическое искусство, живопись въ особенности, сильно чувствовала гнетъ этихъ послѣднихъ условій, потому что по физическимъ свойствамъ своихъ произведеній,—картинъ,—требующихъ простора, публичной выставки и большихъ затратъ на производство, живопись всегда была гораздо меньше свободна, чѣмъ литература. Литература, когда насталъ жестокой стѣхъ по выраженію Пушкина, могла удалиться отъ официальной жизни и уйти вся въ оппо-

нцію, и дать тамъ тѣ прекрасныя произведенія, которыя дождались лучшихъ временъ. Живопись сдѣлала то же самое, но въ несравненно меньшей степени. Часть искусства, и значительная по численности произведеній, подчинилась требованіямъ времени, осталась удовлетворять по заказу текуція нужды — и погибла.

При дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь выяснитъ пережѣну, которая произошла въ русскомъ искусствѣ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ; я укажу источники и признаки пережѣны въ академическомъ искусствѣ, потому что тогда не было еще въ Россіи иного искусства; я укажу на то, что внѣшнія формы его сохранялись прежнія только повидимому, и хотя по-прежнему толковали въ академіи объ антикахъ и Рафаэлѣ, такъ же какъ говорили объ этомъ и вначалѣ, вскорѣ по основаніи академіи, но содержаніе академическаго искусства совершенно измѣнилось, и жизнь въ немъ замерла, такъ что живымъ людямъ оставалось лишь бросить его и искать иныхъ путей, что они и сдѣлали.

Но обратимся къ Егорову. Я указалъ уже на то, что онъ имѣлъ горячія душевныя стремленія. Они выражались у него очень большою набожною. Создавая картины изъ жизни Спасителя и святыхъ, онъ искренно принималъ свою работу къ сердцу и старался вложить въ картину свое душевное настроеніе. Это очень важная черта: она изобличаетъ въ немъ настоящаго художника, и сближаетъ его съ Александромъ Ивановымъ. Ивановъ находилъ невозможнымъ братья за писаніе образовъ, какъ за ремесленное исполненіе заказа, и потому вовсе не писалъ ихъ, несмотря на то, что положилъ всю свою жизнь на картины религіознаго содержанія; Егоровъ брался писать образа, но исполнялъ ихъ не всегда во вкусѣ заказчиковъ, вслѣдствіе чего въ 1840 г. былъ даже уволенъ отъ службы въ академіи. Причиной его увольненія послужило то обстоятельство, что онъ не могъ писать образа въ томъ новомъ стилѣ, который выработался въ царствованіе Николая I. Егоровъ не упалъ духомъ отъ этой невзгоды и до смерти продолжалъ работать. Лучшая картина Егорова, „Истязаніе Спасителя“, хранится въ музеѣ Александра III.

Шебуевъ и Егоровъ перенесли въ Россію итальянское искусство. Конечно прививка оказалась слабою. Нельзя было и рассчитывать на то, чтобы въ необразованномъ обществѣ, среди дикихъ нравовъ временъ крѣпостничества чистое искусство, искусство, изображающее не внѣшніе предметы, а душу и чувство человѣка, принесло вдругъ плоды, имѣющіе значеніе для всей Европы. Этого не могло быть. Итальянское искусство въ Россіи скоро видоизмѣнилось, но тѣмъ не менѣе, заслуга Шебуева и Егорова громадна. Они присоединили Россію къ жизни остальной Европы. Всѣ народы Европы въ свое время почерпнули изъ этого общаго источника — искусства Италіи — и русскимъ, чтобы стать европейцами, надо было сдѣлать то же самое. Черезъ Шебуева и Егорова геній Вивчи и Рафаэля оказалъ свое вліяніе на русское пониманіе формы. Микель-Анжело былъ обойденъ русскими художниками. Съ перваго взгляда это можетъ показаться странною случайностью, но это не случайность, а логическая необходимость. Вивчи и Рафаэля русскіе художники того времени, хотя и односторонне, но могли понять, Микель-Анжело же остался для нихъ совершенной загадкой. У Микель,

Анжело слишкомъ много самостоятельности мысли, слишкомъ широкій кругозоръ-чтобы русскій приниженный художникъ того времени, не забывавшій никогда, что тамъ гдѣ-то есть начальство, для котораго онъ и долженъ стараться, могъ имъ увлечься. Микель-Анжело казался хотя и гениальнымъ, но дерзкимъ, и такимъ образомъ его характеризуетъ и Иванъ Виень, а дерзость, даже кажущаяся, сплталась тогда грѣхомъ непростительнымъ.

Зерла, поствянныя Шебуевымъ и Егоровымъ, тотчасъ же принесли блестящіе результаты. Немедленно появилось два крупныхъ таланта, которые воспитались на художественной традиціи, занесенной въ Россію изъ Италіи, и выросли до колоссальныхъ размѣровъ. Брюлловъ и Бруни по воспитанію были итальянцами, хотя и получили образованіе въ Россіи. Одинъ изъ нихъ, Феделе Бруни, былъ итальянецъ по крови и родился въ Миланѣ, но былъ привезенъ въ Россію въ раннемъ дѣтствѣ, другой—Карлъ Брюлловъ, былъ русскій. Онъ принадлежалъ къ той международной семьѣ русской интеллигенціи, которая появилась въ Россіи со временъ Петра I, все увеличиваясь въ численности, и сдѣлалась необходимой частью русскаго общества.

Брюлловъ и Бруни были русскими какъ по воспитанію, такъ и по сознанію и по своимъ интересамъ. Они были первыми художниками, воспитанными въ Россіи на началахъ итальянскаго искусства. Они расцвѣли ярко и, несомнѣнно, съ ними и прекратилась традиція этого искусства въ Россіи. Это обстоятельство не должно вызывать удивленія. Сущность того искусства, которое они представляли, такъ не подходило ко всей окружавшей ихъ русской жизни, что только потому, что они впервые появились на свѣтъ, имъ позволили развиваться съ такимъ блескомъ. Загнѣвъ всѣ элементы русскаго общества, стоявшіе на стражѣ косности, увидя въ нихъ своихъ враговъ, тотчасъ же сплотились и приняли мѣры къ тому, чтобы такихъ художниковъ болѣе не появлялось.

Нерасположеніе вліятельныхъ сферъ общества къ духу творчества этихъ двухъ первенцевъ русскаго искусства было велико, но съ ними уже ничего нельзя было подѣлать; зато всѣ слѣдующіе за ними художники были угнетены и испорчены въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Существуетъ мнѣніе, совершенно ошибочное, что Брюлловъ зналъ однѣ удачи и испытывалъ только похвалы, получая постоянныя поощренія. Это совершенно ошибочный взглядъ, доказывающій лишь полное не знакомство съ исторіей. Въ письмахъ Иванова есть полное доказательство противнаго.

Говоря объ отношеніи къ себѣ академіи и Общества поощренія художниковъ, Ивановъ, между прочимъ, пишетъ: „Ожесточенные поступками Карла Брюллова, они, грозя ему палкою, надъ первымъ мною хотятъ привести въ дѣйствіе свои несбыточныя приказанія“. Дѣло идетъ здѣсь о композиціи картины „Іосифъ въ темницѣ“ Иванова, т. е. о вопросахъ чисто художественныхъ. Бруни оказался гораздо податливѣе Брюллова, поэтому онъ испыталъ гораздо меньше непріятностей, но въ то же время, какъ художникъ, подвергся и гораздо большей порчѣ, чѣмъ Брюлловъ, человекъ неокорнаго и смѣлаго характера.

Брюлловъ и Бруни не принадлежатъ уже первоначальному періоду русскаго

европейскаго искусства; они относятся уже ко второму періоду, и потому теперь надлежит возвратиться нѣсколько назадъ, и прослѣдить второе параллельное теченіе искусства, — изображеніе сценъ изъ обыденной жизни, жанръ. Это русско-много меньшее перваго, отличалось несравненно болѣе мѣрнымъ, ровнымъ и прозрачнымъ теченіемъ.

Если историческая живопись имѣетъ предметомъ изображеніе безграничнаго духовнаго міра человѣка, проявляющагося въ чувствѣ и мысли, то живопись жанра отведено гораздо меньшее поле, ограниченное наблюденіемъ и изученіемъ повседневной жизни. Произведенія жанра, конечно, также передаютъ чувство и мысль, но лишь при помощи *идей отношеній*, чрезъ посредство сравненія фактовъ и вывода изъ нихъ общей мысли самимъ зрителемъ. *Идеи силы* и *идеи правды* такъ же необходимо присутствуютъ въ картинахъ жанра, какъ и во всякой другой, но такъ какъ форма выраженія ограничена здѣсь внѣшнимъ обликомъ ежедневной дѣйствительной жизни, то эти идеи здѣсь могутъ проявляться въ болѣе обыденныхъ, даже заимствованныхъ чертахъ. Жанровый родъ живописи представляетъ наиболѣе однообразный отдѣлъ искусства во всѣхъ школахъ живописи всѣхъ временъ и народовъ. Это и понятно. Все разнообразіе и новизна достигается здѣсь тѣмъ, что изображено, а не тѣмъ, какъ изображено. Взявъ за образецъ типы, одежды и нравы новаго народа, новаго племени, художникъ уже достигъ своей цѣли — занять любознательность зрителя. Выбирая картину нравовъ, иллюстрирующую тотъ или иной социальный вопросъ, поставленный на разрѣшеніе обществомъ, авторъ картины обезпечилъ уже значеніе ся въ культурной жизни страны, и ему совершенно нѣтъ надобности находить новые способы выраженія мысли и чувства. Онъ легко можетъ довольствоваться тѣми средствами, которыя предоставляетъ въ его распоряженіе художественная школа, къ которой онъ принадлежитъ. Онъ даже не можетъ отдѣлаться отъ обыденныхъ способовъ выраженія, потому что выражаемые имъ мысли и чувства — самыя обыкновенныя, и весь смыслъ его произведенія построенъ исключительно на *идеяхъ отношенія*. Въ картинахъ жанра можетъ отсутствовать и композиція, и соразмѣрность частей, и выраженіе лицъ, т. е. определенное, имѣющее значеніе выраженіе. Это вполнѣ доказано нѣкоторыми картинами, которыя представляютъ прямо сцены изъ жизни людей со случайной точки зрѣнія, причемъ, вслѣдствіе условій перспективы, одинъ человѣкъ заслоняетъ другого или даже въ углахъ картины видны только части людей, уходящихъ остальной своей частью за раму. Въ жанровой картинѣ изъ чисто-художественныхъ эффектовъ необходимъ лишь колоритъ и свѣтовой эффектъ, потому что безъ этихъ особенностей подобныя произведенія становятся чрезмѣрно однообразны, входятъ въ разрядъ прикладнаго искусства, иллюстрацій къ извѣстнымъ социальнымъ изслѣдованіямъ и могутъ быть замѣняемы въ наше время даже фотографіей.

Первымъ русскимъ жанристомъ, т. е. художникомъ спеціально или, главнымъ образомъ, изображавшимъ сцены изъ обыденной жизни, былъ Танковъ. Онъ писалъ „Сельскіе праздники“, „Пожаръ въ деревнѣ“, и въ этихъ своихъ произведеніяхъ подражалъ голландцамъ до такой степени, что даже внѣшній видъ русскихъ людей и

ихъ костюмы передѣлывалъ на какой-то полуголландскій ладъ. Жанромъ занимались, конечно, и другіе русскіе живописцы, но они дѣлали это между прочимъ, а иногда даже пытались смѣшивать черты жанра съ задачами исторической живописи.

Въ музеѣ Александра III есть довольно большая картина Акимова, съ фигурами во весь ростъ, изображающая отправленіе на войну ополченца. На этой картинѣ, не имѣющей никакихъ достоинствъ, ясно видно, насколько приемы и цѣли жанра не пригодны для изображенія одной общей мысли автора. Акимовъ, конечно, хотѣлъ изобразить трогательную сцену благословенія отцомъ сына, идущаго на войну, но такъ какъ онъ пожелалъ въ то же время изобразить русскихъ мужиковъ со всѣми особенностями ихъ примитивной жизни, то онъ и не сумѣлъ найти истиннаго цѣльнаго настроенія. Сообразно высокой мысли, какъ онъ ее понималъ, онъ почувствовалъ надобность обобщить обликъ дѣйствующихъ лицъ, облагородить ихъ, какъ говорилось въ старину; но чтобы не удалиться вовсе отъ ежедневной дѣйствительности, онъ не посмѣлъ крѣпостного безправнаго мужика изобразить просто человѣкомъ, и вышла кисло-сладкая смѣсь, невольно возбуждающая улыбку. Въ картинѣ жанра можно изобразить самыя высокія и благородныя чувства и мысли, но не тѣмъ способомъ, какъ это пытался сдѣлать Акимовъ: нужно прибѣгнуть для этого къ тѣмъ приемамъ, которыми впоследствии такъ широко и удачно пользовались художники, нужно опереться, главнымъ образомъ, на *идеи отношенія*: нужно дать почувствовать зрителю все горе и жалкое положеніе человѣка, не могущаго, благодаря виѣшнимъ обстоятельствамъ, высказать высокія чувства, потребность въ которыхъ онъ ощущаетъ. Надо, однимъ словомъ, обратиться къ отрицательному способу изображенія, потому что положительный способъ, примѣнимый въ исторической живописи, здѣсь не имѣетъ почвы.

Первымъ крупнымъ русскимъ талантомъ въ *жанрѣ* былъ Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, родившійся въ 1779 году въ городѣ Нѣжинѣ. Онъ былъ сыномъ грека Формакі Венеціано, служилъ сперва землемѣромъ и лишь для собственнаго удовольствія занимался живописью въ свободное время. Затѣмъ занятія живописью увлекли его настолько, что онъ переселился въ Петербургъ и пошелъ даже въ число учениковъ Боровиковскаго. Наконецъ, въ 1810 году академія признала его своимъ академикомъ за портретъ, писанный имъ съ самаго себя. Выступивъ на художественномъ поприщѣ, какъ портретистъ, Венеціановъ приобрѣлъ первоначальную извѣстность карриатурами, которыя онъ рисовалъ во время Отечественной войны 1812 года и издавалъ вмѣстѣ съ Теребеневымъ, но впоследствии онъ создалъ цѣлый рядъ жанровъ изъ жизни русскихъ крестьянъ. Это и составляетъ его главную заслугу передъ русскимъ искусствомъ. Нравственный обликъ Венеціанова очень ярко выступаетъ какъ при изученія его произведеній, такъ и изъ воспоминаній его ученика Аполлона Мокрицкаго. Это былъ человѣкъ очень симпатичный, добрый и умный, но очень робкаго нрава. Онъ очень любилъ перспективную живопись, т. е. изображеніе внутренняго вида комнатъ и дворцовыхъ залъ, потому что въ такихъ видахъ можно лучше всего выразить стараніе, прилежаніе и аккуратность. Но Венеціановъ при этомъ былъ

одаренъ и художественнымъ чутьемъ. Картина Гране,—какъ рассказываетъ Мокрицкій,—„Обѣдня у Капуциновъ“, купленная въ двадцатыхъ годахъ и выставленная тогда же въ Зимнемъ дворцѣ, навела его на истинное пониманіе задачъ живописи въ смыслѣ свѣто-тѣни. Въ картинѣ этой превосходно изображенъ свѣтъ, падающій изъ окна позади алтаря, во внутренность церкви и рѣзко выдѣляющій освѣщенные предметы отъ окружающихъ сумерокъ.

Всѣ,—рассказываетъ Мокрицкій,—восхищались картиной, но Венеціановъ былъ ею пораженъ и долго, сидя передъ этимъ холстомъ, пытался разгадать секретъ эффекта. Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, онъ рѣшилъ: — „можетъ быть, это безхитрое воззрѣніе на натуру. Нарисуй себѣ комнатку по правиламъ перспективы и начни писать ее не фантазируя; копируй натуру настолько, сколько видитъ глазъ твой, потомъ помѣсти въ ней, пожалуй, и человѣка и скопируй его такъ же безхитрово, какъ стулъ, какъ лампу, дверь, замокъ, картину, — человѣкъ выйдетъ такъ же натураленъ какъ и полъ, на которомъ онъ стоитъ, и стулъ, на которомъ онъ сидитъ... Подробную“. Придя къ такому простому выводу Венеціановъ началъ примѣнять къ дѣлу свои правила и результатъ получился прекрасный. Вскорѣ онѣ переѣхалъ въ деревню, Вышневолоцкій уѣздъ, Тверской губерніи, гдѣ у него было небольшое имѣніе, и здѣсь написалъ цѣлый рядъ сценъ изъ жизни крестьянъ, выказывающихъ большую наблюдательность и тщательность отдѣлки. Внѣшній видъ изображаемыхъ имъ обыденныхъ сценъ отличается значительной правдивостью, но въ существѣ своемъ онѣ полны дѣланности и слащавости. Венеціановъ иначе и не могъ писать. Онъ былъ человѣкъ прежде всего скромный. Онъ былъ добръ къ своимъ ученикамъ, помогалъ имъ одѣться, купить краски и хлопоталъ за нихъ у министра двора князя Волконскаго, который его любилъ. Когда ему отказывали въ его просьбахъ, онъ плакалъ, но, конечно, никогда не могъ настоять на чемъ-нибудь, пользуясь своей извѣстностію и славой, потому что онъ вовсе не имѣлъ притязаній на такое положеніе въ обществѣ. Въ его картинахъ нѣтъ ни малѣйшаго возмущенія, ни малѣйшаго протеста, несмотря на то, что онъ изображалъ жизнь крестьянъ въ темную пору крѣпостного права. Есть у него даже картинка непріятно сентиментальная: „Мальчикъ грозитъ пальцемъ розгѣ“. Лучшія вещи Венеціанова—„Утро помѣщицы“, „Гумно“, „Гадальщицы“ и другія вещи, изображающія группы крестьянъ.

У Венеціанова было много учениковъ: Крыловъ, Плаховъ, Алексѣевъ, Крендовскій, Денисовъ, Тырановъ, Зорянко, Мокрицкій, но ни одинъ изъ нихъ не явился продолжателемъ дѣла Венеціанова, хотя всѣ они выучились у него хорошо работать. Венеціановъ не былъ и не могъ быть родоначальникомъ школы, потому что въ немъ не было основной мысли, точки зрѣнія. Онъ обладалъ всѣ качествами художника, кромѣ самаго главнаго, — ширины и провинциальности взгляда на жизнь, пониманія души человѣка. Дальнѣйшій путь русскаго жанра, рода искусства, достигшаго у насъ такого распространенія, круто повернулъ съ того направленія, которое далъ ему сперва Венеціановъ. Для новаго дѣла явились новые люди и первымъ вѣстникомъ ихъ

оказался не Венеціановъ, а Федотовъ. Изъ учениковъ Венеціанова одинъ только Зорянко достигъ почетнаго мѣста въ искусствѣ, какъ портретистъ, а остальные дожили свой вѣкъ второстепенными работниками.

Одновременно съ Венеціановымъ появилась цѣлая группа художниковъ разнообразныхъ оттѣнковъ въ дарованіи. Видимо, тогда были времена, благоприятныя для развитія русскаго общества. Это было свѣтлое время начала царствованія Александра I, время Сперанскаго и широко задуманныхъ имъ реформъ. Кипренскій, Тропининъ, Орловскій и графъ Толстой появились одновременно, а также пейзажистъ Сильвестръ Щедринъ, который хотя и былъ значительно моложе всѣхъ остальныхъ, но вслѣдствіе ранней своей смерти все же принадлежитъ скорѣе къ этому поколѣнію художниковъ, чѣмъ къ слѣдующему.

Самымъ талантливымъ изъ всѣхъ былъ Орестъ Адамовичъ Кипренскій. Истинная его фамилія была Швальбе и родился онъ въ 1783 году въ селѣ Конопорѣ, Петергофскаго уѣзда. Отецъ его былъ крѣпостнымъ человѣкомъ Дьяконова. Пятилѣтъ отъ роду онъ былъ отпущенъ на волю и принятъ въ число воспитанниковъ академіи художествъ, гдѣ и получилъ образованіе подъ руководствомъ Угрюмова и Левицкаго. Съ дѣтства появились въ немъ необыкновенныя художественныя способности, за которыя онъ и пользовался покровительствомъ президента академіи графа Строганова. Первая картина— „Филемонъ и Бавкида“. Она была окончена въ 1802 г., и ему присуждена была за нее 2-я золотая медаль. За проектъ памятника живописцу Коалову Кипренскій получилъ большую золотую медаль, пожертвованную предсѣдателемъ академіи, а въ 1805 году за картину „Великій князь Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ“ онъ получилъ 1-ую золотую медаль и право на поѣздку за-границу, но не былъ туда отпущенъ вслѣдствіе политическѣхъ событій. Оставшись въ Россіи, Кипренскій занялся главнымъ образомъ писаніемъ портретовъ. Въ 1816 году онъ поѣхалъ-таки за-границу и объѣхалъ Германію, Швейцарію и Италію, гдѣ и оставался до 1823 года. Возвратясь въ Россію не надолго, онъ опять уѣхалъ въ Италію въ 1828 году, гдѣ женился и жиялъ до смерти почти безвыѣздно. Умеръ онъ 5-го октября 1836 года въ Римѣ.

Портреты Кипренскаго превосходны. Они поражаютъ своею жизненностію и необыкновенной красотой и силой письма. За портреты Кипренскаго постоянно называли русскимъ Ванъ-Дейкомъ и Тиціаномъ и, хотя въ такихъ сравненіяхъ никогда не бываетъ точнаго основанія, но, дѣйствительно, Кипренскій является представителемъ въ Россіи именно этого стиля живописи. Въ своихъ жанрахъ онъ похожъ также на Мурильо. Лучшіе портреты Кипренскаго: „Поэта партизана Д. Давыдова“, „Отца художника, Адама Швальбе“, „Торвальдсена“, „Человѣка въ испанскомъ костюмѣ“. Эти портреты хранятся въ музеѣ Александра III. Изъ числа жанровъ Кипренскаго наиболѣе извѣстны: „Молодой садовникъ“, „Читатели газетъ“, „Тибуринская сивилла“, „Итальянская ворожея“. Часть этихъ картинъ находится въ музеѣ въ Петербургѣ, а часть въ Москвѣ. Кипренскій, по словамъ Кукольника, извѣщавшаго въ своей газетѣ, въ декабрьскомъ номерѣ 1836 года, объ его смерти, работалъ медленно, но много, и

работы его большею частью находятся въ частныхъ рукахъ. Въроятно, многія изъ его работъ исчезли и погибли отъ небрежнаго обращенія, какъ погибъ почти совершенно портретъ Пушкина, обратившійся нынѣ почти въ одно черное пятно.

Кипренскій не оставилъ послѣ себя учениковъ въ русскомъ искусствѣ и причиною этому является, конечно, перемѣна настроенія въ русской жизни, происшедшая въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Повѣяло вдругъ холодомъ, явились какія-то требованія, основанныя, повидимому, на порядкѣ и однообразіи во всемъ, но крайне неблагоприятныя для искусства, которое, начавъ расцвѣтать въ началѣ столѣтія, вдругъ завяло.

Одновременно съ Кипренскимъ работалъ и Тропининъ. Тропининъ также происходилъ изъ крѣпостной семьи, но былъ отпущенъ на волю уже взрослымъ человѣкомъ. Его владѣлецъ, графъ Марковъ, доставилъ ему средства получить художественное образованіе. Тропининъ, такъ же какъ и Кипренскій, имѣлъ значеніе для русскаго общества, потому что перенесъ и привилъ въ Россіи одинъ изъ стилей европейскаго искусства. Его справедливо называли русскимъ Грезомъ. Тропининъ писалъ головки, въ которыхъ, несмотря на сентиментализмъ, много жизни; писалъ онъ также и портреты. Наибольше извѣстны изъ его картинъ „Кружевница“, находящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ. Портретовъ его довольно много и между прочимъ знаменитый портретъ Пушкина въ молодости.

Александръ Орловскій былъ полякомъ по происхожденію. Судьба его крайне оригинальна и романтична. Въ молодости онъ бѣдствовалъ страшно и велъ бродячую жизнь, былъ даже кажется фокусникомъ. Учился онъ живописи въ Варшавѣ у француза: Норблена де-ла Гурденъ, принявшаго въ немъ участіе. Въ 1802 году Орловскій попалъ въ Петербургъ и здѣсь обратилъ на себя вниманіе великаго князя Константина Павловича своими карриатурами. Среди русскаго общества Орловскій пользовался громаднымъ успѣхомъ. Онъ нарисовалъ безчисленное множество набросковъ и карриатуръ, гдѣ всегда присутствовали изображенія лошадей, которыхъ онъ страстно любилъ. Изъ картинъ его самая значительная „Бивуакъ казаковъ“, за которую онъ и получилъ званіе академика. Орловскаго называли русскимъ Вуверманомъ, и дѣйствительно онъ является первымъ представителемъ въ Россіи этого жанра искусства: анекдотическихъ большихъ сценъ на открытомъ воздухѣ.

Графъ Федоръ Петровичъ Толстой былъ художникомъ-любителемъ; въ 1810 году, 27 лѣтъ отъ роду, онъ сталъ посѣщать академію. Работалъ онъ и масляными красками, и карандашомъ и главнымъ образомъ отличался въ медальерномъ искусствѣ. Особенно извѣстны его рисунки въ стилѣ Флаксмона, сдѣланные одними контурами безъ тѣней, къ поэмѣ „Душенька“, и цѣлое собраніе медальоновъ съ барельефами, изображающими пли, лучше сказать, олицетворяющими войну 1812 года. Участники войны изображены на нихъ въ видѣ грековъ.

Пейзажная живопись также имѣла своихъ представителей въ началѣ прошлаго столѣтія; послѣ Воробьева, Тимофея Васильева, Семена Щедрина, Галактионова, которые всѣ болѣе или менѣе удачно передали приемы пейзажной живописи

установившейся въ Западной Европѣ, послѣ Пуссена и Клода Лоррена появился Сильвестръ Щедринъ, родившійся въ 1791 году, сдѣлавшій въ пейзажѣ рѣшительный и громадный шагъ впередъ. Щедринъ воспитывался въ академіи съ 1800 года и въ 1809 году за картину „Приморской городъ вдаль и на первомъ планѣ стадо“ былъ посланъ за границу въ Италію, но могъ отправиться туда лишь въ 1818 году. Изъ Италіи Щедринъ уже не вернулся. Онъ написалъ множество итальянскихъ видовъ, изъ которыхъ многіе и до сихъ поръ поражаютъ яркостью и блескомъ передачи освѣщенія и прекрасными тонами дали. Щедринъ несомнѣнно былъ выдающимся художникомъ своего времени. Онъ ясно видѣлъ и чувствовалъ основанія того новаго пейзажа, который былъ созданъ Терниеромъ и въ послѣдствіи достигъ въ Европѣ такого колоссальнаго развитія. Щедринъ умеръ въ Сорренто, въ 1830 году.

Итакъ, въ началѣ, прошлаго столѣтія русское искусство близко слѣдовало за европейскимъ. Главнѣйшія стили европейскаго искусства имѣли уже своихъ представителей среди русскихъ художниковъ и можно было думать, что Россія готова уже слиться съ остальной Европой въ одной общей умственной жизни, но, однако, этому не суждено было сбыться такъ скоро. Явились препятствія надолго затормозившія развитіе русской жизни.

Въ снимкахъ съ картинъ иностранныхъ и русскихъ художниковъ я желалъ дать наглядное представленіе о непосредственномъ сродствѣ русскихъ мастеровъ съ иностранными ихъ прототипами. Такія сопоставленія могутъ быть очень интересны, потому что они показываютъ и воздѣйствіе европейскаго искусства на русское и то самостоятельное, что присуще специально русскому творчеству. Я и постараюсь выполнить эту программу, насколько позволитъ мнѣ ограниченное число снимковъ, помещаемыхъ въ книжкахъ журнала, но при томъ, въ силу частыхъ затрудненій въ полученіи фотографическихъ снимковъ съ иныхъ русскихъ картинъ, я принужденъ, извиниться передъ читателемъ за то, что снимки эти появляются въ книжкахъ „Жизни“ не въ должномъ порядкѣ, и приходится для сравненія ихъ разыскивать въ различныхъ нумерахъ журнала. Снимки съ „Тайной вечера“ Шебуева и „Истязанія Спасителя“ Егорова снимаются непосредственно съ картинъ въ первый разъ по заказу „Жизни“; на изданіе ихъ потребовалось много времени и потому они не могутъ появиться въ настоящей книжкѣ.

П. Го.

Изъ пѣсекъ скитальца.

Я хочу веселья, радостнаго пѣнья,
Буйнаго разгула, смѣха и остротъ,—
Оттого что зналъ я лишь одни мученья,
Оттого что жилъ я подъ ярмомъ заботъ.

Воздуха, цвѣтовъ мнѣ, солнечной погоды,—
Слишкомъ долго шелъ я грязью подъ дождемъ!
Я хочу размаха, я хочу свободы,
Оттого что былъ я скованнымъ рабомъ.

Я хочу рубиться, метить съ безумной страстью,
Оттого что долго былъ покоренъ злымъ...
И хочу любви я, и хочу я счастья,
Оттого что не былъ счастливъ и любимъ.

Скиталецъ.

ТРУДЪ.

Романъ Эм. Золя.

Перев. А. КОМОРСКОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

IV.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, Жорданы должны были вернуться съ вечернимъ поѣздомъ въ Боклеръ. Лука провелъ утро, прогуливаясь въ паркѣ Крешери. Паркъ этотъ занималъ пространство гектаровъ въ двадцать, не болѣе, но мѣстность, въ которой онъ былъ расположенъ, обиліе прозрачныхъ водъ, чудесная растительность дѣлали его уголкомъ рая, славящимся по всей странѣ. Домъ, — узкое кирпичное зданіе безъ всякаго стиля, — былъ построенъ дѣдомъ Жордана при Людовикѣ XVIII на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше было помѣстье, сожженное во время революціи. Онъ стоялъ у подножія громадной отвѣсной скалы, одного изъ отроговъ Монъ-Блезъ. Паркъ, защищенный подобнымъ образомъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, представляетъ изъ себя громадную теплицу, гдѣ царствовала вѣчная весна. Вся возвышенность Монъ-Блезъ съ этой стороны была сплошь покрыта могучей растительностью, благодаря обилію подземныхъ ключей, бившихъ повсюду прозрачными фонтанами. Среди ползучихъ растений и зеленаго кустарника вились узкія дорожки, продолбленные въ скаль. Множество маленькихъ ручейковъ соединились въ одно русло, орошали весь паркъ, обширныя лужайки, кущи прекрасныхъ вѣковыхъ деревьевъ. Жорданъ любилъ эту дикую природу и предоставлялъ всему расти и развиваться на полной свободѣ. Онъ дѣржалъ садовника и двухъ помощниковъ,

обязанности которыхъ заключались только въ томъ, чтобы поддерживать чистоту да разводить небольшое количество цвѣтовъ передъ домою.

Аврелій Жорданъ де Бовизажъ, дѣдъ нынѣшняго Жордана, родился въ 1790 г. передъ „терроромъ.“ Бовизажи были славный древній родъ, въ то время уже оскудѣвшій. Отъ прежнихъ громадныхъ владѣній у нихъ остались только двѣ фермы да тысяча гектаровъ голыхъ скалъ и пустырей—часть Монблезской возвышенности.

Аврелію было только три года, когда родители его вынуждены были эмигрировать. Они бѣжали ночью, зимой, изъ своего дома. объятаго пламенемъ. До 1816 г. Аврелій прожилъ въ Австріи; тамъ умеръ его отецъ, затѣмъ мать, оставивъ его въ страшной бѣдности. Онъ былъ рабочимъ-механикомъ въ желѣзныхъ копаяхъ.

Аврелій вернулся въ Боклеръ при Людовикѣ XVIII. Ему было тогда двадцать шесть лѣтъ. Его родовыя владѣнія за это время еще уменьшились: отобраны были двѣ фермы,—оставался только клочокъ земли, носившій прежнее названіе „парка“, да тысяча гектаровъ никому ненужныхъ скалъ.

Испытанныя гоненія сдѣлали Аврелія демократомъ. Онъ понималъ, что Бовизажи покончили свое существованіе, сохранивъ отъ своей фамиліи только одну половину—Жорданъ и, женившись на дочери зажиточнаго фермера, построилъ на мѣстѣ прежняго роскошнаго владѣнія простой кирпичный домъ, въ которомъ и по сіе время жилъ его внукъ.

Суровая школа нужды выработала изъ Жордана труженика. Опытъ, прибрѣтенный въ австрійскихъ желѣзныхъ рудникахъ, не пропалъ даромъ. Съ 1818 года онъ предается различнымъ изысканіямъ и въ голыхъ скалахъ своего помѣстья открываетъ желѣзную руду, о легендарномъ существованіи которой слышалъ еще въ дѣтствѣ отъ своихъ родителей. На склонѣ горы Жорданъ устраиваетъ доменный заводъ, первый еще въ странѣ. Съ тѣхъ поръ онъ превращается въ промышленника: дѣла его идутъ не особенно блестяще,—онъ ведетъ постоянную борьбу, постоянно нуждается въ деньгахъ. Единственной его заслугой было то, что постройкой доменнаго завода онъ привлекъ въ страну знающихъ людей, будущихъ основателей крупныхъ фабрикъ, и, между прочими, Блеза Кериньона, основавшаго Бездну въ 1823 году.

У Аврелія Жордана былъ одинъ только сынъ, Северинъ. Онъ родился, когда Жордану было уже тридцать пять лѣтъ. Въ 1852 году Аврелій умеръ, сынъ продолжалъ его дѣло, и съ тѣхъ поръ доменный заводъ Крешери начинаетъ преуспѣвать.

Северинъ женился на Франсуазѣ Мишонъ, дочери одного врача въ Маньолѣ. Это была женщина необыкновенной доброты и выдающагося ума. Она была душой всего дѣла. По ея совѣтамъ мужъ проложилъ въ рудникахъ новыя галлерей, развилъ выработку минераловъ и почти перестроилъ весь заводъ, вводя въ него всѣ современныя усовершенствованія. Жорданы нажили крупное состояніе, и единственное, что омрачало ихъ счастливую жизнь, было отсутствіе дѣтей. Жордану было сорокъ лѣтъ, когда у нихъ родился, наконецъ, послѣ десятилѣтняго супружества, сынъ Марсіаль, а десять лѣтъ спустя родилась еще дочь. Эта запоздалая плодовитость довершила ихъ счастье. Франсуаза была примѣрная мать и передала сыну весь свой умъ, всю нѣжную доброту своего сердца.

Докторъ Мишонъ, гуманистъ-мечтатель, горячій послѣдователь Фурье и Сень-Симона, поселился въ Крешери, гдѣ дочь выстроила ему флигель, занимаемый въ настоящее время Лукой. Старикъ и умеръ здѣсь, окруженный своими книгами, среди цвѣтовъ, пригрѣтый солнышкомъ и счастьемъ своихъ дѣтей и внуковъ. Франсуаза умерла пять лѣтъ спустя, и Крешери находился въ то время въ самомъ расцвѣтѣ своего благосостоянія...

Марсіалю Жорданъ было тридцать лѣтъ, а сестрѣ его двадцать, когда они остались одни. Марсіаль, несмотря на слабое здоровье и постоянное прихварываніе, отъ котораго мать исцѣляла его неусыпными заботами, все-таки успѣшно окончилъ политехническую школу. Возвратившись въ Крешери, онъ отказался отъ служебной карьеры, такъ какъ хорошее состояніе обезпечивало ему полную независимость, и со страстью предался научнымъ изслѣдованіямъ, открывавшимся для ученыхъ въ области примѣненія электричества. Онъ пристроилъ къ дому обширную лабораторію съ сильными электрическими двигателями и весь отдался своей мечтѣ,—плавленію металловъ въ электрическихъ печахъ,—стараясь реализовать этотъ способъ не только теоретически, но и практически для примѣненія его къ торговлѣ. Съ этого времени онъ живетъ замкнутой жизнью, всецѣло отдаваясь своимъ опытамъ, тому дѣлу, которое сдѣлалось цѣлью его существованія. Сестра заняла мѣсто умершей матери,—стала ангеломъ-хранителемъ брата, окружая его той нѣжной, теплой заботливостью, которая была ему такъ же необходима, какъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ. Чтобы избавить Марсіалья отъ скучныхъ хлопотъ, она взяла на себя все хозяйство, сдѣлалась секретаремъ брата, помогала ему въ лабораторіи,—и все это тихо, безъ шума ео спокойной лаской.

Къ счастью доменная печь продолжала работать по-прежнему.

При ней находился уже болѣе тридцати лѣтъ старый инженеръ Ларошъ, такъ что теперешній владѣлецъ, всецѣло погруженный въ свои научныя изысканія, могъ совершенно отрѣшиться отъ заботъ управленія. Онъ предоставилъ старику распоряжаться дѣломъ по разъ заведенной системѣ, не заботился объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, считая все это условными, временными, ничтожными мѣрами, съ тѣхъ поръ, какъ отдался своей цѣли—найти способъ плавить желѣзо при помощи электричества и преобразовать этимъ открытіемъ все металлургическое производство. Сестрѣ Жордана часто приходилось самой принимать участіе въ дѣлахъ, обсуждать и рѣшать съ Ларошемъ многіе вопросы, чтобы не отвлекать брата отъ его любимыхъ занятій. И вдругъ внезапная смерть стараго инженера внесла въ это мирное, правильное существованіе такой хаотической безпорядокъ, что Жорданъ, не честолюбивый, считающій себя достаточно богатымъ, готовъ былъ избавиться отъ своей доменной печи, продавъ ее Делаво.

Сестра, болѣе спокойная и благоразумная, просила его не предпринимать ничего, не посовѣтовавшись съ Лукой, къ которому питала большое довѣріе. Вотъ почему молодой человѣкъ и былъ вызванъ такъ поспѣшно въ Боклеръ.

Лука познакомился съ Жорданами у Буажелина въ Парижѣ. Они прожили тамъ цѣлую зиму ради какихъ-то научныхъ изысканій Марсіала. Лука быстро подружился съ ними: онъ преклонялся передъ братомъ, страстно увлекаясь имъ, какъ ученымъ, и чувствовалъ къ сестрѣ горячую симпатію, смѣшанную съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ дивному, идеально доброму существу.

Въ то время онъ самъ работалъ съ извѣстнымъ химикомъ Бурдиномъ, занимавшимся изслѣдованіемъ желѣзныхъ рудъ съ примѣсью сѣры и фосфора, которыя онъ желалъ сдѣлать годными для эксплуатаціи. Сестра Марсіала помнила тотъ вечеръ, когда Лука долго бесѣдовалъ съ ея братомъ о своихъ работахъ, и она запомнила этотъ разговоръ, полная неусыпной заботливости и стремленія быть полезной брату въ веденіи его дѣла.

Прошло уже десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ рудникъ, открытый Аврелиемъ Жорданомъ на Монблезской возвышенности, стоялъ заброшенный вслѣдствіе того, что преобладаніе въ немъ сѣры и фосфора не окупало при плавленіи руды расходовъ по разработкѣ. Шахта болѣе не эксплуатировалась; руда подвозилась въ Крешери изъ Гранвильскихъ рудниковъ, а также и каменный уголь—изъ сосѣднихъ каменноугольныхъ копей.

Все это стоило очень дорого, и сестра Марсіала часто подумывала о тѣхъ химическихъ способахъ обработки руды, про

которыя говорилъ Лука, подумывала о возможности примѣнить эти способы къ собственнымъ рудникамъ. Въ ея намѣреніе посоветоваться съ Лукой, прежде чѣмъ брать приметь какое-нибудь рѣшеніе, входило также желаніе узнать настоящую стоимость того, что Марсіаль собирался продать Буажелину.

Жорданы должны были прѣхать съ шести-часовымъ поѣздомъ, послѣ долгого двѣнадцати-часового пути, и Лука отправился ихъ встрѣчать, въ посылаемомъ на станцію экипажѣ.

Жорданъ, небольшого роста, тщедушный, съ длиннымъ, короткимъ лицомъ, обрамленнымъ свѣтло-каштановыми волосами и такой же бородой, вышелъ изъ вагона въ большой, широкой шубѣ, хотя сентябрь стоялъ еще очень теплый. Его черные, быстрые, пронизательные глаза, въ которыхъ, казалось, сконцентрирована была вся жизнь его существа, тотчасъ же увидѣли Луку.

— А, дорогой другъ, какъ это мило, что вы насъ подождали!.. Просто какая-то невѣроятная катастрофа: бѣдный двоюродный братъ умираетъ совершенно одинокій и намъ надо ѣхать его хоронить, а я еще, вдобавокъ, ненавижу всякія путешествія!.. Но теперь, слава Богу, все кончено, и мы дома!

— И, надѣюсь, въ добромъ здоровьи, не слишкомъ устали?— спросилъ Лука.

— Нѣтъ, не слишкомъ: къ счастью я поспалъ въ вагонѣ.

Сестра Марсіаля, удостовѣрившись, что всѣ плоды, взятые изъ предосторожности, цѣлы, вышла, въ свою очередь, изъ вагона. Она была некрасива, — маленькая, блѣдная, безцвѣтная, какъ тѣ женщины, которыя посвятили себя исключительной роли хозяйки и сидѣлки. Но прелестная улыбка скрашивала это непривлекательное лицо, въ которомъ хороши были только одни глаза, живые, полные страсти; въ глубинѣ ихъ горѣла заглушенная потребность любви, о которой она сама даже не подозрѣвала.

До сихъ поръ она не любила никого, кромѣ брата: братъ былъ для нее божествомъ, ради котораго она, какъ монахиня, отреклась отъ міра.

Увидѣвъ ихъ на платформѣ, она крикнула Марсіалю:

— Надѣнь шарфъ: ты простудишься.

Обратившись затѣмъ къ Лукѣ, она съ очаровательной привѣтливостью поздоровалась съ нимъ, выказывая ему всю свою симпатію.

— Мы кругомъ виноваты передъ вами, мосье Фроманъ! Что вы должны были подумать, не заставъ насъ?.. Хорошо ли вамъ было здѣсь?

— Великолѣпно! Обо мнѣ заботились, какъ о какомъ-нибудь принцѣ.

— Ну, полно-те!.. Уѣзжая я старалась сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, чтобы вамъ было удобно; но все-таки меня не было и я не могла слѣдить, исполняются ли мои приказанія. Вы не можете себѣ представить, какъ я мучилась мыслью, что вы живете одинъ въ этомъ пустомъ домѣ.

Они усѣлись въ экипажъ, продолжая разговаривать. Лука увѣрялъ брата и сестру, что все было прекрасно и что онъ провелъ два самыхъ интересныхъ дня въ своей жизни, о которыхъ расскажетъ имъ потомъ.

Уже смеркалось, когда они пріѣхали въ Крешери. Жорданъ съ восторгомъ и радостными восклицаніями оглядывалъ родныя знакомыя мѣста. Ему казалось, что прошло уже нѣсколько недѣль, какъ онъ уѣхалъ отсюда, и онъ удивлялся, какое удовольствіе могутъ находить люди, мыкающіеся по бѣлу свѣту, когда вся радость бытія должна была бы сосредоточиться въ томъ уголкѣ, гдѣ человекъ мыслить, работаетъ, не замѣчая даже, какъ идетъ жизнь кругомъ него?

Въ ожиданіи обѣда, о которомъ хлопотала сестра, онъ умылся теплой водой и повелъ Луку въ свою лабораторію, говоря съ радостнымъ смѣхомъ, что у него не будетъ аппетита къ обѣду, если онъ не подышитъ предварительно воздухомъ той комнаты, гдѣ протекало все его существованіе.

— Для меня, другъ мой,—это все равно, что любимые духи... Изъ всѣхъ запаховъ я болѣе всего люблю запахъ комнаты, въ которой работаю... Онъ меня привлекаетъ и бодритъ...

Лабораторія представляла обширное помѣщеніе, построенное изъ желѣза и кирпича: широкія окна его выходили въ паркъ; посрединѣ стоялъ огромный столъ, уставленный приборами; по стѣнамъ висѣли самые сложные инструменты вперемежку съ моделями, чертежами; по угламъ стояли электрическія печи; цѣлая сѣть кабелей и проводовъ тянулась подъ потолкомъ съ одного конца лабораторіи до другого и проводила токъ отъ электрическаго двигателя, находившагося подъ навѣсомъ, ко всѣмъ приборамъ.

Среди этой строгой ученой обстановки возлѣ одного изъ широкихъ оконъ былъ устроенъ уютный уголокъ: мягкія, покойныя кресла, низкіе шкапы, наполненные книгами, диванъ, на которомъ Жорданъ отдыхалъ въ опредѣленные часы, маленькій столикъ, за которымъ работала сестра.

Марсіаль нажалъ кнопку, и вся лабораторія освѣтилась электрическимъ свѣтомъ.

— Наконецъ-то я дома!—сказалъ онъ. Положительно я только здѣсь и чувствую себя хорошо... И знаете,—это несчастье, кото-

рое заставило меня отлучиться на три дня, случилось именно въ то время, когда я страстно увлекался однимъ опытомъ. Теперь я снова займусь всѣмъ этимъ... Господи! Какъ я хорошо чувствую себя здѣсь!

И онъ продолжалъ смѣяться, счастливый, оживленный. Усѣвшись поудобнѣе на диванѣ въ обычную для него позу, онъ усадилъ Луку рядомъ съ собой.

— У насъ впереди еще много времени, чтобы поговорить о всемъ томъ, ради чего я выписалъ васъ сюда, другъ мой,—продолжалъ Жорданъ. — Необходимо также, чтобы сестра присутствовала при нашемъ разговорѣ: она можетъ дать добрый совѣтъ... Если вы ничего противъ этого не имѣете, то мы отложимъ разговоръ на послѣ обѣда... А теперь я такъ счастливъ, что вы сидите здѣсь, передо мной, и я могу рассказать вамъ о своихъ работахъ. Подвигаются онѣ, правда, довольно медленно, но я работаю, а это—самое главное. Достаточно работать два часа въ день, чтобы завоевать мѣръ.

И уцепый молчальникъ заговорилъ, описывая свои труды, которые,—шутилъ онъ,—не повѣрялись еще никому, кромѣ дровьевъ парка.

Электрическая печь для плавки металловъ была уже изобрѣтена, и онъ искалъ только, какъ приспособить ее къ плавкѣ желѣзной руды. Въ Швейцаріи, гдѣ утилизируютъ силу потоковъ, что значительно сокращаетъ расходы, онъ видѣлъ печи, въ которыхъ превосходно плавился алюминій. Почему не попытаться плавить желѣзо тѣмъ же способомъ? Нынѣшнія домепныя печи не достигаютъ температуры свыше тысячи шестисотъ градусовъ, въ электрическихъ же печахъ она можетъ быть доведена до двухъ тысячъ градусовъ, что давало бы прекрасную, равномерную, быструю плавку. И Жорданъ изобрѣлъ электрическую печь, въ видѣ простого кирпичнаго куба, двухъ метровъ высоты, съ очагомъ изъ магнезита, самымъ огнеупорнымъ изъ всѣхъ тѣлъ. Но если печь была готова, хотя и въ видѣ модели, то какъ привести ее въ дѣйствіе, какъ приоровить къ практическимъ требованіямъ фабричнаго производства?

— Вотъ она, моя печь,—сказалъ Жорданъ, указывая на модель въ одномъ изъ угловъ лабораторіи.—Разумѣется, ее надо еще усовершенствовать: въ ней есть недостатки, которыхъ я не могъ устранить. Но даже въ этомъ видѣ она дала мнѣ нѣсколько образцовъ превосходной плавки, и я рассчитываю, что батарея въ десять такихъ печей, работая въ теченіе десяти часовъ, можетъ исполнить работу трехъ домепныхъ печей, какъ моя, работающихъ непрерывно днемъ и ночью. И какъ упростился бы

трудъ! Даже ребенокъ можетъ управлять моею печью, поворачивая только кнопки!.. Но долженъ признаться, что отлитыя образцы обошлись мнѣ такъ же дорого, какъ если бы они были слитками чистаго серебра, и потому настоящее положеніе вещей формулируется весьма просто: моя электрическая печь еще не болѣе, какъ лабораторная игрушка, для дѣла же она пригодится только тогда, когда я найду способъ снабжать ее электричествомъ по самой дешевой цѣнѣ, сокращающей расходы по плавкѣ желѣзной руды.

— Въ послѣднее время въ этомъ направленіи было сдѣлано много опытовъ, но ни одинъ не привелъ къ желанному результату,—сказалъ Лука.—Мнѣ кажется, что экономія въ данномъ случаѣ невозможна.

Жорданъ улыбнулся съ спокойнымъ упорствомъ человѣка, непоколебимо увѣреннаго въ достиженіи того, къ чему стремился путемъ упорнаго труда въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ.

— Никогда не слѣдуетъ вѣрить, пока не убѣдишься въ очевидности факта,—сказалъ опъ.—Мои опыты дали уже хорошіе результаты... Придетъ время, когда электрическою силою будутъ распоряжаться безъ всякихъ потерь. Если для достиженія моей цѣли потребуется двадцать лѣтъ, то я буду работать двадцать лѣтъ. Это такъ просто: работаешь каждый день и, если не удастся, то начинаешь сначала... Что бы я сталъ дѣлать, если бъ не начиналъ сначала?

Все это было сказано такъ просто, съ такимъ наивнымъ величіемъ, что Лука былъ тронутъ: ему казалось, что опъ видитъ передъ собою героя. Эта огромная лабораторія, загроможденная всевозможными гигантскими приборами, исполосованная проволоками, изъ коихъ каждая несла въ себѣ грозу и разрушеніе,—наполнялась ежедневно колоссальнымъ трудомъ этого слабого, хилаго, тщедушнаго существа, которое работало, копошилось здѣсь, какъ маленькая букашка, затерянная въ пескѣ. Гдѣ находился этотъ человѣкъ не только умственную, но и физическую силу, которая необходима была для веденія работъ настолько значительныхъ, что на нихъ потребовалась бы энергія нѣсколькихъ человѣкъ?

А опъ, Жорданъ, еле бродилъ, еле дышалъ и поднималъ цѣлый міръ слабыми ручками большого ребенка!

Вошла сестра и весело воскликнула:

— Что же вы не идете обѣдать, господи?... Марсіаль, голубчикъ, я запрю на ключъ твою лабораторію, если ты не будешь благоразуменъ.

Въ столовой и гостиной было тепло и уютно, какъ въ гнѣз-

дышкахъ, о которыхъ пеклось заботливое жепское сердце. Передъ окнами разстилалось громадное пространство полей и вспаханной земли, вплоть до самой Руманьи. Хотя вечеръ былъ теплый, но гардины у окопъ были уже спущены, и Лукъ снова бросилась въ глаза безконечная заботливость сестры о братѣ. У Марсіала были свои особья кушанья, свой хлѣбъ, и даже своя вода, слегка подогрѣтая. Онъ питался, какъ птичка, вставалъ и ложился съ пѣтухами, весьма благоразумными особами. Въ теченіе дня занятія его прерывались короткими прогулками и отдыхомъ. Тѣмъ, которыхъ поражало удивительное количество дѣлаемой имъ работы, и которые считали его необыкновеннымъ труженикомъ, чѣмъ-то вродѣ мученика науки, онъ отвѣчалъ обыкновенно, что работаетъ не болѣе трехъ часовъ въ день,—два часа утромъ и часъ днемъ. Утреннія занятія онъ прерывалъ небольшимъ отдыхомъ, такъ какъ не могъ сосредоточивать своего вниманія на одномъ предметѣ болѣе часа: у него дѣлались головокруженія и ему казалось, что голова его становится пустой. И такъ было всегда: вся его энергія заключалась въ сильной волѣ, въ упорствѣ, въ страстной любви къ своему дѣлу, которому онъ отдавался съ безпримѣрнымъ мужествомъ, хотя бы достиженія цѣли пришлось ждать долгіе годы.

И Лука попятъ теперь то, что всегда казалось ему загадкой: какимъ образомъ слабый болѣзненный Жорданъ могъ дѣлать такую массу труда? Отвѣтъ былъ простъ и заключался въ благоразумномъ пользоваіи тѣми слабыми силами, которыми могъ располагать этотъ человѣкъ. Даже хилость служила ему на пользу, защищая его отъ всякихъ неприятныхъ вторженій дѣйствительности въ его обособленный міръ. Но главная его сила заключалась въ томъ, что онъ постоянно стремился къ одной и той же цѣли, отдавалъ этому стремленію всѣ свободныя минуты, и дѣлалъ все это бодро, не падая духомъ, одушевленный тою непоколебимой, страстной, упорной вѣрой, которая горами двигаетъ. Трудно себѣ представить ту груды работы, которую можетъ сдѣлать человѣкъ, работая только два часа въ сутки, но работая прилежно, не отрываясь, не отвлекаясь ничѣмъ по сторонамъ! Это зернышки, наполняющія цѣлые кули, это та капля воды, которая заставляетъ рѣку выйти изъ береговъ. Камень за камнемъ возвышается зданіе и перерастаетъ горы. Вотъ почему и этотъ слабый, большой человѣкъ, вѣчно закутанный пледомъ, который пилъ теплую воду, боясь простудиться, воздвигалъ колоссальное зданіе труда, приспособляя себя къ нему какимъ-то чудомъ, отдавая ему ту здоровую умственную бодрость, которую онъ умѣлъ отвоевать у своихъ ничтожныхъ физическихъ силъ.

Обѣдъ прошелъ весело, въ дружескихъ разговорахъ. Прислуга была женская: сестра Марсіаля находила, что мужчины слишкомъ грубы и шумливы для ея больного брата. Дѣвушки, — тихія, ловкія, съ симпатичными, привѣтливыми лицами, — не нарушали мирной атмосферы, царившей въ этомъ счастливомъ домѣ, открытомъ только для немпогихъ близкихъ друзей.

Обѣдъ былъ очень простъ и состоялъ изъ хорошаго бульона, рыбы, пойманной въ Міопнѣ, жареныхъ цыплятъ, салата.

— Нѣтъ, серьезно, вы не слишкомъ здѣсь скучали? — спросила у Луки сестра Марсіаля, когда всѣ трое усѣлись за столъ въ маленькой, уютной столовой.

— Да пѣтъ же, нисколько, увѣряю васъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Къ тому же вы не повѣрите, какъ я былъ занятъ все это время.

И Лука сталъ подробно рассказывать о глухомъ недовольствѣ, въ которомъ засталъ Боклеръ, о томъ какъ Напэ укралъ хлѣбъ, объ арестѣ Лапжа, о посѣщеніи Боппера, этой жертвы стачки. Но изъ чувства какой-то странной, ему самому непонятной сдержанности онъ умолчалъ о своей встрѣчѣ съ Жозиною, — не упомянулъ даже о ней.

— Бѣдные люди! — съ жалостью сказала молодая дѣвушка. — Эта ужасная стачка посадила ихъ на хлѣбъ и на воду... И еще счастливы тѣ, у которыхъ былъ хлѣбъ... А что дѣлать? Какъ помочь имъ? Милостыня слишкомъ ничтожна... Вы не можете себѣ представить, въ какомъ я была отчаяніи эти два мѣсяца, сознавая, что мы, богачи, счастливыцы, не можемъ оказать никакой радикальной помощи этимъ обездоленнымъ.

Опа была гуманистка, воспитанница дѣдушки Мпшона, сентимониста и послѣдователя Фурье. Когда она была маленькая, онъ сажалъ ее къ себѣ на колѣни и рассказывалъ ей сказки о чудныхъ островахъ, гдѣ всѣ люди жили въ полномъ счастьи и довольствѣ, гдѣ царила вѣчная весна.

— Какъ помочь имъ? — повторила она, и въ голосѣ ея звучало страданіе, и ея прекрасные, добрые глаза были съ мольбой устремлены на Луку. — Надо же для нихъ сдѣлать хоть что-нибудь!

Лука былъ взволнованъ.

— Да, время пришло, надо дѣйствовать! — вырвалось у него крикомъ изъ глубины сердца.

Но Жорданъ скептически качалъ головой. Въ своей затворнической жизни онъ не интересовался политикой; онъ даже какъ-то презрительно относился къ ней, что было совершенно несправедливо, такъ какъ люди не могутъ и не должны проявлять индефферентизма къ тому, какъ ими управляютъ. Живя въ

мірѣ отвлеченныхъ идей и вѣчныхъ истинъ, онъ невольно съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на текуція событія, на всѣ každодневныя случайности. Онъ былъ убѣжденъ, что одна только наука можетъ привести человѣчество къ истинѣ, къ справедливости, къ окончательному торжеству добра и счастья, создать ему то идеальное будущее, къ которому народы идутъ еще такимъ медленнымъ шагомъ, съ такимъ страхомъ и опаской. Къ чему же еще задаваться какими-то повыми цѣлями? Не достаточно ли того, что наука неукоснительно идетъ впередъ? Да, идетъ, несмотря ни на что, и одерживаетъ блестящія побѣды... И какія бы катастрофы, какія бы препятствія не встрѣтились ей на пути, впереди все-таки—торжество жизни, торжество человѣчества, исполнившаго свою задачу. Такой же кроткій и сострадательный, какъ сестра, Жорданъ тѣмъ не менѣе сознательно отстранялся отъ современной борьбы, запирается въ свою лабораторію, говоря, что тамъ онъ фабрикуетъ будущее счастье человѣчества.

— Надо дѣйствовать! — повторилъ онъ слова Луки.—Но помоему мысль—самое лучшее оружіе для покоренія міра. Знаемъ ли мы, какія сѣмена зрѣютъ въ настоящее время въ глубокихъ нѣдрахъ земли?.. Мое сердце рвется на части отъ жалости при видѣ бѣдняковъ, но я спокоенъ: я знаю, что наступитъ часъ, когда сѣмя, брошенное въ землю, дастъ благотворную жатву.

Лука молчалъ: онъ не хотѣлъ возражать, чувствуя себя слишкомъ нервнымъ и возбужденнымъ. Въмѣсто отвѣта онъ продолжалъ рассказывать: упомянулъ о завтракѣ въ Гердашѣ, о людяхъ, съ которыми познакомился, о слышанныхъ разговорахъ. Онъ замѣтилъ, что братъ и сестра слушаютъ холодно, не интересуясь, повидимому, всѣмъ этимъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ Буажелины поселились здѣсь, мы рѣдко видимся,—сказала Жорданъ съ своей обычной спокойной откровенностью.—Въ Парижѣ мы были въ очень хорошихъ отношеніяхъ, но здѣсь живемъ такъ замкнуто, что невольно какъ-то перестали поддерживать знакомство. Да и кромѣ того, мы слишкомъ расходимся во взглядахъ и въ образѣ жизни. Про Делаво могу сказать только, что это умный и дѣльный человѣкъ, поглощенный, такъ же какъ и я, своимъ дѣломъ. А главное,—я просто боюсь всей боклерской аристократіи, готовъ запереться отъ нея подъ замокъ и очень счастливъ, что привожу ее въ негодованіе, и она смотритъ на меня, какъ на опаснаго безумца.

— Марсіаль немного преувеличиваетъ,—смѣясь сказала сестра.— У насъ бываетъ аббатъ Марль. Это добрый человѣкъ; затѣмъ докторъ Новаръ и учитель Гемерлигъ, съ которыми я люблю побесѣдовать. И хотя съ Буажелинами мы сохранили только внѣшнія

вѣжливья отношенія, но я искренно люблю эту милую, прелестную Сюзанну.

Жорданъ, любившій иногда подразнить сестру, прервалъ ее:

— Да ужъ говори прямо, что это изъ-за меня у пась никто не бываетъ, и что если бъ не я,—ты бы настезь открыла двери всему обществу.

— Разумѣется!—весело воскликнула молодая дѣвушка.—Хочешь я дамъ большой балъ и приглашу подпрефекта Шателляра, мэра Гурье, предсѣдателя Гома, капитапа Жоливе и Мазелей, и Буажелиновъ, и Делаво?.. И ты откроешь балъ съ госпожей Мазель.

Оба шутили, счастливые, что снова вернулись въ родное гнѣздышко, и радуясь присутствію Луки. За десертомъ приступили, наконецъ, къ дѣлу. Прислуживавшія горничныя ушли, тихо ступая въ своей мягкой войлочной обуви, и въ уютной столовой царилъ та отрадная обаятельная атмосфера близкой дружбы и симпатіи, при которой думается такъ свободно и такъ легко говорится.

— Сейчасъ объясню вамъ, милый другъ, чего мы ждемъ отъ васъ,—сказалъ Жорданъ.—Вы подумайте и затѣмъ скажите мнѣ, какъ поступили бы вы на моемъ мѣстѣ.

И изложивъ, въ чемъ дѣло, онъ старался выяснить настоящее положеніе вещей. Онъ уже давно освободился бы отъ доменной печи, если бы работы на ней не продолжали идти какъ бы сами собой, по разъ заведенному порядку. Доходы были достаточны, но это не имѣло значенія въ его глазахъ, такъ какъ онъ считалъ себя богатымъ помимо ихъ; съ другой стороны, если бъ онъ пожелалъ увеличить эти доходы, то для этого потребовалось бы обновить весь машинный отдѣлъ и кромѣ того отдаться всецѣло этому дѣлу. Этому Жорданъ не могъ и не хотѣлъ тѣмъ болѣе, что доменная печь съ ея первобытной конструкціей не интересовала его нисколько, не имѣла никакого отношенія къ увлекавшему его дѣлу. И онъ предоставилъ Ларошу распоряжаться ею, не обращая на нее никакого вниманія.

— И вдругъ Ларошъ умираетъ, и все падаетъ на меня!.. Вы себѣ представить не можете, сколько тутъ требуется всякихъ заботъ и хлопотъ; цѣлой жизни не хватитъ, если отнестись къ этому дѣлу добросовѣстно. А я ни за какія блага въ мірѣ не откажусь отъ моихъ научныхъ изысканій. Такъ что самое лучшее—домну продать. Я уже почти рѣшился на это, хотѣлось бы только знать ваше мнѣніе.

— Весьма понятно, что вы не можете измѣнить теперь вашимъ работамъ,—перевернуть всю свою жизнь,—отвѣчалъ Лука,—и вы, и міръ потеряете тогда слишкомъ много. Но все-таки не

мѣшаетъ еще подумать: можетъ быть найдется другой выходъ... Для того, чтобы продать, надо еще найти покупателя.

— Покупщикъ есть,—отвѣчалъ Жорданъ.—Делаво спитъ и видитъ присоединить Крешери къ Безднѣ. Онъ уже намекалъ мнѣ на это,—мнѣ только стоитъ слово сказать.

При этихъ словахъ Лука сдѣлалъ невольное движеніе. Теперь онъ понималъ, почему Делаво спрашивалъ его съ такимъ безпокойствомъ. Жорданъ, подмѣтивъ его жестъ, освѣдомился, не имѣетъ ли онъ чего противъ управляющаго заводомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Лука,—я вполне согласенъ съ вами, что это умный и дѣльный человѣкъ.

— Вотъ, именно; и дѣло попало бы въ опытныхъ руки,—продолжалъ Жорданъ.—Хотя придется, вѣроятно, разсрочить уплату на довольно продолжительный срокъ,—у Буажелина въ настоящее время нѣтъ свободныхъ денегъ. Но это безразлично: я могу ждать.—заводъ достаточно гарантируетъ меня.

И глядя Лукѣ прямо въ глаза, Жорданъ заключилъ:

— Такъ какъ же? Совѣтуете вы мнѣ вступить въ переговоры съ Делаво?

Лука молчалъ. Онъ испытывалъ какое-то непонятное чувство неловкости... Его почему-то возмущала мысль отдать дѣло въ руки этого человѣка, какъ будто онъ совершалъ этимъ что-то дурное, что-то противъ совѣсти!.. А между тѣмъ у него не было никакихъ причинъ отсовѣтовать Жордану поступить такъ, какъ онъ хочетъ.

— Разумѣется, все, что вы говорите совершенно вѣрно,—отвѣчалъ онъ наконецъ,—но, право, лучше подумайте еще хорошенько, прежде чѣмъ принимать окончательное рѣшеніе.

Молодая дѣвушка все время внимательно прислушивалась къ разговору. Она, повидному, раздѣляла смутное безпокойство Луки и отъ времени до времени тревожно взглядывала на него, ожидая, что онъ скажетъ.

— Дѣло не въ одной доменной печи,—сказала она наконецъ,—есть еще рудникъ и вся мѣстность, прилежащая къ нему.

Жорданъ нетерпѣливо махнулъ рукой: ему видимо хотѣлось поскорѣй прекратить весь этотъ скучный разговоръ.

— Делаво и пустыри возьметъ, если захочетъ... На что они намъ? Голыя обожженные скалы, на которыхъ даже репейникъ не растетъ? Онѣ и не нужны болѣе, такъ какъ рудникъ не эксплуатируется.

— Но дѣйствительно ли рудникъ болѣе негоденъ?—настаивала молодая дѣвушка.—Помните, мосье Фроманъ: вы какъ-то рассказывали намъ, что въ восточныхъ губерніяхъ обрабаты-

вается, благодаря новому химическому способу, руда, признанная негодною?.. Почему бы и намъ не воспользоваться этимъ открытіемъ?

Жорданъ съ комическимъ отчаяніемъ поднялъ руки къ небу:

— Почему? почему? Да потому, дружокъ, что Ларошъ былъ человѣкъ безъ всякой инициативы, потому что я лично не имѣю времени заниматься этимъ дѣломъ, потому что все шло, такъ сказать, по инерціи и не могло идти иначе... Неужели ты не понимаешь... Я именно потому и хочу все продать, чтобы избавиться отъ хлопотъ управленія... Я просто заболѣю отъ всего этого.

Онъ порывисто всталъ, и сестра не возражала, видя его волненіе и опасаясь, чтобы у него не сдѣлалась лихорадка.

— Иногда я просто готовъ позвать Делава и предложить ему взять все, хоть даромъ... У меня сердце не лежитъ къ веденію дѣла, которое одному бы мнѣ приносило выгоды... Это то же, что съ электрическими печами: какъ только я найду рѣшеніе увлекающей меня задачи, я тотчасъ же отдамъ ихъ въ общее пользование, чтобы всѣ получили свою долю счастья и богатства... Итакъ, значить, дѣло рѣшено: нашъ другъ согласенъ съ моимъ проектомъ, находитъ его благоразумнымъ... Завтра мы рѣшимъ, на какихъ условіяхъ совершить продажу—и съ рукъ долой.

Лука молчалъ. Ему не хотѣлось принимать прямого участія въ этомъ почему-то несимпатичномъ ему дѣлѣ, но Жорданъ былъ въ возбужденномъ состояніи и предложилъ сходить сейчасъ же посмотреть, какъ работала доменная печь во время его трехдневнаго отсутствія.

— Я немного беспокоюсь,—прибавилъ онъ,—вотъ уже недѣля, какъ Ларошъ умеръ, и я еще никого не нашелъ на его мѣсто и поручилъ все дѣло мастеру Морфену. Это прекрасный человѣкъ: онъ родился здѣсь и, можно сказать, выросъ въ огнѣ, но тѣмъ не менѣе управлять всѣмъ дѣломъ,—слишкомъ большая отвѣтственность для него.

— Какъ, ты хочешь идти сейчасъ, въ десять часовъ вечера—со страхомъ воскликнула сестра Марсіаля.—Но вѣдь ты же усталъ, только что пріѣхалъ!..

— Ничего, ничего, сестренка, не беспокойся,—отвѣчалъ Жорданъ, нѣжно цѣлуя ее.—Ты вѣдь знаешь, что я ничего не дѣлаю выше силъ. Увѣряю тебя, что я буду лучше спать ночь, если побываю тамъ... На дворѣ не холодно, и я надѣну теплое пальто.

Она повязала ему шею большимъ фуляромъ и сама спустилась съ крыльца, желая убѣдиться, что ночь дѣйствительно чу-

деспая. Вода, деревья, поля—все безмятежно спало подъ темнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами.

— Я поручаю его вамъ, мосье Фроманъ,—сказала молодая дѣвушка.—Не давайте ему тамъ слишкомъ долго засниваться.

Лука и Жорданъ завернули за уголъ дома и стали подниматься по узкимъ ступенькамъ, которыя были высѣчены въ скалѣ и вели къ доменной печи, построенной на откосѣ Монблезской возвышенности. Тропинка вилась среди сосенъ и ползучихъ растений,—это былъ какой-то лабиринтъ, полный дикою прелестю. При каждомъ поворотѣ передъ глазами вставалъ темный силуэтъ домы, все болѣе и болѣе отчетливо вырѣзавшіяся на синемъ небѣ причудливыми очертаніями всѣхъ своихъ механическихъ частей.

Жорданъ шелъ впереди маленькими шажками. Дойдя до площадки, онъ остановился передъ грудой скалъ, среди которыхъ свѣтился огонекъ.

— Подождите минутку,—сказалъ онъ,—я посмотрю, дома ли Морфенъ.

— Какъ это, дома—ли?—спросилъ Лука, съ удивленіемъ оглядываясь кругомъ.

— Онъ живетъ здѣсь, въ этихъ пещерахъ, которыя превратилъ въ жилое помѣщеніе, и, несмотря на всѣ мои увѣщанія, ни за что не хочетъ переѣхать въ болѣе удобную квартиру.

Ущелье Бріа переполнено такими пещерами, въ которыхъ ютится цѣлое населеніе бѣдняковъ.

Морфенъ родился здѣсь сорокъ лѣтъ тому назадъ и продолжалъ жить по доброй волѣ. Ему нравилось, что доменная печь—его жизнь, его каторга и его царство,—находится у него подъ бокомъ. Въ качествѣ культурнаго человѣка онъ ввелъ нѣкоторый комфортъ въ свое пещерное существованіе: обнесъ пещеру крѣпкой стѣной, сдѣлалъ двери и окна. Внутри было три комнаты: спальня отца и сына, комната дочери и общая столовая, которая была въ то же время и кухней, и мастерской. Столы, стулья были грубой, но прочной работы, и вездѣ царила образцовая чистота.

Морфены, отъ отца къ сыну, были плавильщиками въ Крешери. Дѣдъ принималъ участіе въ первой плавкѣ, впускъ слѣдилъ за нею теперь... и такъ шло уже восемьдесятъ лѣтъ... и Морфенъ гордился своимъ положеніемъ и званіемъ, какъ титуломъ дворянства. Жена его умерла четыре года тому назадъ, оставивъ сына шестнадцати и дочь четырнадцати лѣтъ. Сынъ тотчасъ же сталъ работать при доменной печи, а дочь взялась за хозяйство: варила супъ, прибирала комнаты. Теперь ей было уже восем-

надцать лѣтъ, а брату двадцать, и отецъ спокойно смотрѣлъ въ будущее, дожидаясь того времени когда онъ, въ свою очередь, передастъ домну сыну.

— А, вы дома, Морфень!—сказаль Жорданъ, отворяя дверь.— Я только что вернулся и зашелъ узнать, какъ дѣла.

Отецъ и сынъ сидѣли за столомъ, на которомъ горѣла маленькая лампа. Они ужинали передъ уходомъ на работу; дочь стояла возлѣ.

— Непріятная исторія случилась, г-нъ Жорданъ,—отвѣчаль Морфень своимъ медленнымъ густымъ басомъ.

Онъ и сынъ встали со своихъ мѣстъ. Всѣ трое были такого богатырскаго роста, что ихъ головы почти доходили до низкаго, закопченнаго потолка. Лука съ удивленіемъ глядѣлъ на нихъ и ему казалось, что онъ видитъ передъ собою остатки давно исчезнувшихъ поколѣній людей, тѣхъ мощныхъ великановъ, усилія которыхъ побѣждали дикую, суровую природу.

Колоссальная фигура Морфена напоминала Вулкана, этого бога огня: огромная голова съ широкимъ, словно изрытымъ, сожженнымъ пламенемъ лицомъ, выпуклый лобъ, большой орлиный носъ, огненные глаза. Ротъ съ красными, мясистыми губами, казался яркимъ ожогомъ на этомъ лицѣ. Могучія руки цвѣтомъ и силой походили на пару темныхъ стальныхъ клещей.

Сына звали „Маленькій Па“. Это прозвище осталось за нимъ съ дѣтства. Онъ худо выговариваль нѣкоторыя слова и однажды чуть не оставилъ своихъ маленькихъ пальчиковъ въ формѣ растопленнаго чугуна. Это былъ, такой же колоссъ, какъ отецъ, съ такимъ же крупными чертами лица и горящими глазами, но еще не настолько закаленный работой; къ тому же онъ былъ грамотный, что нѣсколько смягчало выраженіе энергичнаго лица.

Дочь походила на башню: это была высокая, статная, бѣлокурая красавица, величественная въ своей простотѣ. Морфень, обожавшій дочь, звалъ ее Голубихой. У нея были громадныя голубые глаза, такіе свѣтлые, глубокіе, безбрежные, что невольнo поражали и влекли къ себѣ своей небесной прелестью.

Эта самая красивая, самая застѣнчивая, самая молчаливая изъ всѣхъ окрестныхъ дѣвушекъ читала книги, мечтала, думала о такихъ вещахъ, о которыхъ окружающіе не имѣли понятія. Лука съ восхищеніемъ глядѣлъ на эту семью тружениковъ, олицетворяющихъ собою долгій убійственный трудъ, гордость безропотно переносимаго страданія.

— Въ чемъ дѣло? Какая неприятная исторія?—спросилъ обезпокоенный Жорданъ.

— Фурма засорилась. Два дня я ждалъ бѣды,—спать просто

не могъ, такъ досадно было, что это несчастье случилось при мнѣ, да еще въ ваше отсутствіе... Не сходите ли посмотрѣть, если у васъ есть время. Сейчасъ кстати и плавка начнется.

Морфены, стоя, торопясь, доѣли свой ужинъ; дочь въ это время прибирала со стола. Они рѣдко разговаривали между собой: взгляды, жесты—и они понимали другъ друга.

Уходя, отецъ обратился къ Голубихѣ:

— Можешь тушить огонь и ложиться спать,—сказалъ онъ своимъ грубымъ голосомъ, въ которомъ звучала нотка нѣжно-сти,—мы сегодня тамъ ночуемъ.

Морфены вышли слѣдомъ за Жорданомъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, Лука оглянулся. Голубиха стояла на порогѣ дикаго жилища, высокая, статная красивая, какъ гетера древности, мечтательно устремивъ куда-то вдаль свои голубыя очи.

Вскорѣ показался высокій силуэтъ домны. Она была старинной конструкціи, всего въ пятнадцать метровъ вышины, неуклюжая и какъ-бы вросшая въ землю. Съ теченіемъ времени кругомъ нея выросли постепенно разныя новыя пристройки. Недавно отстроенный литейный дворъ, посыпанный мелкимъ пескомъ, съ желѣзными стропилами, поддерживающими черепичную кровлю, выглядѣлъ изящно. Налѣво, подъ стекляннымъ навѣсомъ находилась воздуходушная машина; направо возвышались двѣ группы большихъ цилиндровъ: одни были предназначены для очистки горючихъ газовъ, другіе для нагрѣванія холоднаго воздуха, выдуваемаго паровой машиной. Воздухъ этотъ проходилъ въ доменную печь уже горячимъ и содѣйствовалъ плавкѣ. Тутъ же находились холодильники или конденсаторы,—цѣлая система трубъ, поддерживающихъ притокъ холоднаго воздуха вокругъ кирпичной стѣны домны, съ цѣлью предохранить ее отъ сильнаго нагрѣванія. Самая домна исчезала подъ пристройками; здѣсь были различныя резервуары, крытые листовымъ желѣзомъ; металлическія трубы, хитро переплетавшіяся между собой, принимавшія ночью чудовищно-фантастическія очертанія. Наверху, въ скалѣ, устроены были перекидные мостки, чрезъ которые руда подвозилась къ самой воронкѣ домпы. Тотчасъ подъ нею чернѣлъ корпусъ громаднаго горна, а затѣмъ отъ распора печи вплоть до заплечиковъ шла крѣпкая металлическая броня, защищающая кирпичную стройку и служащая опорой конденсаторамъ и четыремъ водянымъ фурмамъ. Въ самомъ низу находился металлопріемникъ съ литникомъ, то есть боковой щелью, заткнутой кускомъ огнеупорной глины. Громадное чудовище глотало камни, переваривало ихъ и возвращало обратно въ видѣ расплавленнаго металла!

Все было тихо: нигдѣ ни звука, ни свѣта. Могучее пищевареніе совершалось молча среди глубокаго мрака. Слышенъ былъ только легкій шорохъ, производимый каплями воды, медленно скатывающимися съ кирпичныхъ стѣнъ на землю. На нѣкоторомъ разстояніи отъ домны пыхтѣла безъ умолку воздуходушная машина. Гдѣ-то вдали, подъ громадными темными навѣсами, мелькалъ слабый свѣтъ четырехъ фонарей. Во дворѣ бродили какія-то тѣни,—это почные литейщики дожидались начала плавки. Наверху у воронки печи едва можно было различить засыпщиковъ, которые молча, повинувшись сигналамъ, получаемымъ снизу, сыпали въ печь руду и уголь. И все это дѣлалось молча, безъ разговоровъ, безъ возгласовъ, безъ свѣта. Казалось вершится во мракѣ какое-то непонятное, темное дѣло, что-то дико-чудовищное.

Жорданъ, видимо, взволнованный неприятными извѣстіями, сказалъ, указывая Лукъ на домну:

— Ну, посмотрите вы на это безобразное чудовище! Не правъ ли я, желая замѣнить все это моими электрическими печами, такими простыми, чистыми, на которыхъ такъ легко работать?.. Право, съ тѣхъ поръ, какъ первые люди рыли ямы въ землѣ, чтобы плавить въ нихъ руду, смѣшивая ее съ горящими вѣтвями, плавка металловъ сдѣлала мало успѣховъ. Приемы остаются все такими же дѣтски-примитивными; наши домны—тѣ же ямы до-историческихъ временъ, въ которыя бросаютъ зря руду и уголь. Это какія-то адскія чудовища, въ которыя непрерывно всыпаютъ пищу, состоящую изъ желѣза и каменнаго угля, которую они перевариваютъ въ ураганѣ огня и возвращаютъ назадъ въ видѣ расплавленнаго металла, отбрасывая въ сторону уголь, мусоръ, спекшуюся золу, шлакъ и проч... И замѣтите, что вся операція сводится исключительно къ этому перевариванію; всѣ донынѣ сдѣланныя усовершенствованія имѣютъ единственную цѣль—облегчить его. Такъ, прежде обходились безъ дутья, — плавка совершалась болѣе медленно и была гораздо хуже. Затѣмъ устроено было дутье холоднымъ воздухомъ, но вскорѣ убѣдились, что плавка идетъ успѣшнѣе, если воздухъ горячій. Благодаря всѣмъ этимъ открытіямъ, первобытная домна была дополнена новыми приспособленіями: явились воздуходушная машина, резервуары для очистки газовъ, цилиндры для нагрѣванія воздуха, не говоря уже обо всей этой воздушной канализаціи, окружающей сѣтью доменную печь. Но какъ ни старались ее усовершенствовать, всѣ попытки были какими-то дѣтскими и достигли только того, что нововведенія сдѣлали этого гиганта болѣе хрупкимъ и подверженнымъ порчѣ. О, болѣзни этого чу-

довища, вы даже представить себѣ не можете, что это такое! Ни одинъ, я думаю, хилый ребенокъ не причипяетъ своей семьѣ такого смертельнаго безпокойства, какъ этотъ колоссъ. Шесть засыпщиковъ наверху, восемь литейщиковъ внизу, смотрители, ипжеперъ чередуются ночь и день, поглощенные исключительной заботой о прокормленіи чудовища, о производимой имъ плавкѣ, обезпоеппые этимъ труднымъ пищевареніемъ. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ здѣсь идетъ непрерывная работа, и топка не прекращается ни на одну минуту. Такъ можетъ продолжаться еще пять лѣтъ, если ея не погасятъ для какихъ-нибудь поправокъ. Мы находимся подъ вѣчной угрозой, что въ одинъ прекрасный день она погаснетъ сама собой вслѣдствіе какой-нибудь внутренней катастрофы, которую мы не въ состояніи будемъ предвидѣть; вотъ почему мы и окружаемъ ее такими неусыпными заботами и попеченіями.—Погаснуть для нее равносильно смерти... Ахъ, мои маленькія электрическія печи, которыми дѣти будутъ свободно управлять, они никому не помѣшаютъ спать, и всегда будутъ здоровы, дѣятельны, послушны!

Лука невольно размѣялся паивпой нѣжности, съ которой Жорданъ относился къ своимъ научнымъ открытіямъ.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Морфенъ съ Маленькимъ Па и сказалъ, указывая на одну изъ чугунныхъ трубъ, которыя на высотѣ трехъ метровъ входили въ нѣдра колосса:

— Вотъ эта самая фурма засорилась, господинъ Жорданъ, и на бѣду случилось это въ то время, какъ я ушелъ домой спать... Замѣтилъ я это только на другой день... Притокъ воздуха прекратился, произошло охлажденіе, металлъ стекся въ слитокъ, и загородилъ проходъ. Меня предупредили объ этомъ только въ моментъ плавки, когда шлакъ сталъ выходить густой, черной массой. Вы поймете, до какой степени я испугался. То же самое случилось у насъ десять лѣтъ тому назадъ и пришлось разрушить цѣлую стѣну.

Никогда еще Морфенъ не говорилъ такъ много. Его голосъ дрожалъ при одномъ воспоминаніи о прошлой катастрофѣ. Въ доменномъ производствѣ цѣтъ ничего ужаснѣе этого внезапнаго охлажденія воздуха, гасящаго тонку и превращающаго руду въ плоткую компактную массу, которая составляетъ одно цѣлое съ самой домной, и тогда остается только разрушить всю домну, спести ее, какъ старую ненужную башню, заваленную камнями.

— Что же вы сдѣлали?—спросилъ Жорданъ. Морфенъ молчалъ нѣкоторое время, глядя на домну. Онъ любилъ это чудовище, которое болѣе тридцати лѣтъ жгло его пламенными потоками

кипучей лавы, этого бога огня, передъ которымъ онъ клонилъ выю съ самаго дѣтства ради насущнаго куска хлѣба.

Полуграмотный, незатропутый новыми вѣяніями, онъ молча, покорно подчинялся тяжелому рабству, гордясь силой своихъ мускулистыхъ рукъ, своей ежечасной борьбой съ огнемъ, своей вѣрностью колоссу, за которымъ неусыпно ухаживалъ, ни разу за всѣ тридцать лѣтъ не участвуя ни въ одной стачкѣ. Поклоняясь своему дикому, страшному божеству, онъ и любилъ его, скрывая это чувство подъ суровымъ видомъ, и теперь дрожалъ и блѣднѣлъ при мысли о пережитой опасности, отъ которой спасъ его своимъ самоотверженіемъ.

— Что я сдѣлалъ?—спросилъ онъ наконецъ.—Да началъ съ того, что утронлъ засыпки угля, затѣмъ постарался освободить фурму съ помощью воздуходувной машины,—г. Ларошъ прибѣгалъ иногда къ этому способу,—но теперь поврежденіе было слишкомъ серьезно: пришлось разобрать фурму и прочистить ее ломомъ. Работка была не легкая, обломали мы на ней руки порядочно, а все же добились—таки того, что воздухъ началъ проходить. Сегодня утромъ я нашелъ въ шлакѣ кусочки руды; это меня немного успокоило,—значить прицѣпка разошлась. Сейчасъ начнется работа и мы увидимъ, какая будетъ плавка.

Утомленный своей длинной рѣчью, Морфенъ прибавилъ вполголоса:

— Если бѣ дѣло не устроилось, я бы, кажется, самъ бросился въ домбу отъ отчаянія... Я—простой рабочій, и вы, господинъ Жорданъ, имѣли ко мнѣ настолько довѣрія, что поручили мнѣ обязанности инженера, и вдругъ я же сгубилъ бы все дѣло! Нѣтъ, легче было бы умереть!.. Двѣ послѣднія ночи я не спалъ совсѣмъ, сидѣлъ здѣсь, какъ сиживалъ бывало у постели больной жены. Ужипъ, за которымъ вы меня застали, былъ моей первой пицей за сорокъ восемь часовъ... желудокъ у меня былъ также закупоренъ, какъ домна... И если бѣ вы только знали, какъ я счастливъ, что не обманулъ вашего довѣрія!

Онъ почти плакалъ, этотъ гигантъ со стальными мускулами, закаленный въ огнѣ; Жорданъ ласково пожималъ ему руки.

— Я знаю, что вы молодчина, Морфенъ, и что, если бѣ случилось несчастье, то вы боролись бы до конца.

Маленькій Па стоялъ поодаль, не вмѣшиваясь въ разговоръ, и какъ бы очнулся только тогда, когда отецъ приказалъ ему что-то относительно плавки. Въ теченіе сутокъ производилось пять плавокъ, черезъ каждые пять часовъ. Рудничные возки, подвозившіе обыкновенно восемьдесятъ топивъ въ день, подвозили въ настоящее время только пятьдесятъ тоннъ, и каждая плавка была

въ десять тоннъ. Приготовленія дѣлались тихо и молча, при слабомъ свѣтѣ фонарей. Въ пескѣ литейнаго двора были прорыты борозды. Тѣни литейщиковъ скользили медленно взадъ и впередъ, въ то время, какъ божество съ горящими внутренностями стояло неподвижное, нѣмое. Слышенъ былъ только слабый шорохъ, производимый каплями, медленно скатывающимися на землю.

— Желаете вы присутствовать при литьѣ шлака, господинъ Жорданъ?—спросилъ Морфенъ.

Жорданъ и Лука послѣдовали за нимъ на небольшое возвышеніе, образовавшееся изъ разныхъ отбросовъ. Щель, черезъ которую вытекалъ расплавленный шлакъ, находилась съ лѣвой стороны домны и шлакъ лился уже огненнымъ потокомъ, наполняя малепькіе вагончики изъ листового желѣза.

— Цвѣтъ, какъ видите, хорошъ, — весело сказалъ Морфенъ, обращаясь къ Жордану.—Бѣда, кажется, миновала; вотъ сейчасъ увидимъ.

Они снова вернулись на литейный дворъ, слабо освѣщенный фонарями. Маленькій Па только что размахнулся и своими сильными руками всадилъ ломъ въ глиняную задѣлку, затыкающую литникъ. Теперь восемь человѣкъ съ помощью сокола *) вбивали ломъ ритмическими ударами. Темные силуэты мелькали во мракѣ, наполняемомъ глухими ударами. И вдругъ передъ глазами мелькнула свѣтящаяся точка, точно внутренній пожаръ прорвался наружу яркимъ, тонкимъ лучомъ. Маленькій Па взялъ въ руки другой ломъ и, засунувъ его въ отверстие, съ силою повернулъ, чтобы увеличить дыру: и вдругъ раскаленный потокъ хлынулъ, какъ огненный водопадъ, наполняя своими шипящими волнами борозды въ пескѣ и чугунныя изложницы и остѣпляя глаза присутствующихъ невыносимымъ жаромъ и блескомъ. Съ этого поля огня поднимались цѣлыя снопы синихъ и золотыхъ искръ, точно васильки, перемѣшанные со спѣлыми колосьями. Казалось, яркое солнце вдругъ облило своими жгучими лучами всю домпу, литейный дворъ, топкія желѣзныя стропила, крыши построекъ, рабочихъ, казавшихся до сихъ поръ какими-то призраками и вдругъ ожившихъ въ сказочномъ апофеозѣ свѣта. Громадное зарево охватило даже всю окрестность,—скалы Монъ-Влеза, крыши домовъ въ Боклерѣ,—и, постепенно расширяясь, дошло до равнинъ Руманьи.

— Плавка великолѣпная, —сказалъ Жорданъ, опредѣляя качество чугуна по цвѣту лившагося металла.

*) Подвѣшенная тяжесть, которой бьютъ нѣсколько человѣкъ (Примѣчаніе переводчика).

Морфенъ торжествовалъ.

— Да, да, господинъ Жорданъ, работа хорошая, я надѣялся, что такъ и будетъ, и радъ, что вы убѣдились въ этомъ собственными глазами. По крайней мѣрѣ вы теперь не будете безпокоиться.

Лука также заинтересовался происходящимъ. Жаръ былъ такъ силенъ, что жегъ его сквозь одежду. Вскорѣ всѣ формы были наполнены расплавленнымъ чугуномъ, и литейный дворъ представлялъ цѣлое море пламени. Когда всѣ десять тоннъ вылились, воздуходувная машина съ адскимъ шумомъ выкинула изъ отверстія цѣлый ураганъ пламени и искръ.

Борозды между тѣмъ понемногу остывали; ослѣпительный бѣлый свѣтъ переходилъ въ красный, розовый и въ коричневый. Литейный дворъ, домна, всѣ сосѣднія постройки снова потонули во мракъ, прерываемомъ кое-гдѣ блѣдными точками фонарей. Небольшая кучка людей суетилась возлѣ литника, затыкая отверстіе кускомъ огнеупорной глины.

— Надѣюсь, вы теперь пойдете спать? — сказала Жорданъ, обращаясь къ Морфену.

— Нѣтъ, я подежурю здѣсь еще эту ночь.

— Какъ, вы и сегодня намѣрены не спать? Это будетъ уже третья бессонная ночь!

— Нѣтъ, въ пріемной есть складная кровать, на ней можно отлично выспаться. Каждые два часа мы будемъ чередоваться съ сыпомъ.

— Но это совершенно лишнее, такъ какъ теперь все благополучно... Прошу васъ, Морфенъ, быть благоразумнымъ и идти почевать къ себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Жорданъ, ужъ предоставьте мнѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію... Я самъ знаю, что опасности больше нѣтъ, но все же я буду спокойнѣе, если останусь здѣсь до завтра. Это ужъ моя добрая воля.

Жорданъ и Лука удалились, пожавъ ему руку. Лука былъ растроганъ. Въ обликъ Морфена онъ видѣлъ воплощеніе труда, горькаго и покорнаго, труда тѣхъ героическихъ временъ, о которыхъ говорилъ Жорданъ, — когда первые люди плавили руду въ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ. Когда эти потомки древнихъ вулкановъ завоевали желѣзо, — они сдѣлались властелинами міра, открылась эра цивилизаціи. Морфенъ, въ своей пещерѣ среди скалъ, представлялся Лукѣ потомкомъ этихъ первобытныхъ людей, молчаливымъ, смиреннымъ, отдающимъ всего себя неблагодарному труду. Сколько пота пролито, сколько рукъ обезсилено за эти тысячи лѣтъ!

Пока Жорданъ спускался съ лѣстницы и отдавалъ какое-то приказаніе новому сторожу, передъ Лукой промелькнуло видѣніе: за кустарникомъ, среди обвалившихся скалъ онъ увидѣлъ двѣ тѣни; онѣ стояли обнявшись, сливъ губы въ поцѣлуѣ. Лука узналъ высокую, бѣлокурую красавицу Голубиху и Ахилла Гурье, сына мэра, красиваго, гордаго юношу, который во время завтрака въ Гердашѣ обратилъ на себя вниманіе Фромана своимъ презрительнымъ отношеніемъ къ этой развращенной буржуазіи. Проводя свои каникулы въ вѣчныхъ экскурсіяхъ по горамъ Монъ-Блеза, то охотясь, то занимаясь рыбной ловлей, онъ встрѣтилъ здѣсь, вѣроятно, эту дикарку, такую обворожительную, за которой тщетно увивались всѣ окрестные парни; она, въ свою очередь, также, вѣроятно, не осталась равнодушной къ появленію въ своей глуши этого сказочнаго принца, принесшаго ей очаровательную иллюзію о новомъ, лучезарномъ будущемъ. Не эта ли надежда на будущее ярко горѣла въ глазахъ Голубихи, когда, стоя у входа въ свою пещеру, она мечтательно смотрѣла на темнѣющее небо? Пока отецъ и братъ работали, она пробиралась по скалистымъ тропинкамъ, и „будущее“ олицетворялось для нея въ красивомъ, ласковомъ юношѣ, который обращался съ ней, какъ съ равной, обѣщая жениться на ней и любить вѣчно.

У Луки сжалось сердце; онъ подумалъ о горѣ стараго Морфена, когда все это откроется, и въ то же время онъ съ нѣжностью смотрѣлъ на влюбленныхъ, на эту нѣжную, свободную любовь. Не предсказываетъ ли этотъ союзъ двухъ существъ, принадлежащихъ къ столь различнымъ слоямъ общества, то свѣтлое будущее, которое воцарится когда-нибудь на землѣ?

Прощаясь съ Жорданомъ въ паркѣ, Лука спросилъ:

— Вы не озябли? Ваша сестра никогда не проститъ мнѣ, если вы простудитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ Жорданъ, — я чувствую себя прекрасно... Сейчасъ лягу спать въ самомъ лучшемъ расположеніи духа... Я такъ счастливъ при мысли, что избавлюсь, наконецъ, отъ этого дѣла, которое совершенно не интересуется меня и причиняетъ мнѣ однѣ только хлопоты.

Лука помолчалъ немного; это рѣшеніе снова поднимало въ немъ смутное чувство неловкости.

— Подождите еще немного... Дайте мнѣ подумать хоть одинъ день; завтра вечеромъ поговоримъ и рѣшимъ окончательно, — сказалъ онъ, пожимая руку своего друга.

Они разстались. Лука пошелъ къ себѣ. Онъ жилъ во флигелѣ, построенномъ нѣкогда для доктора Мишона, дѣда Жордана съ материнской стороны. Луку помѣстили въ ту большую, свѣтлую

комнату, гдѣ старикъ провелъ послѣднее время своей жизни, окруженный книгами; и молодому человѣку нравилось это тихое убѣжище, гдѣ все, казалось, еще дышитъ сладкимъ миромъ труда.

Прежде чѣмъ лечь въ постель, Лука подошелъ къ окну и, распахнувъ его, облокотился на подоконникъ. Ему было душно, онъ чувствовалъ себя возбужденнымъ и разстроеннымъ тѣми сомнѣніями и колебаніями, которыя пробудилъ въ немъ разговоръ съ Жорданомъ.

Окно выходило на дорогу въ Боклеръ, за ней тянулись пустыри, а вдали, на горизонтѣ, смутно чернѣли крыши спящаго города.

Лука съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя чистый воздухъ обширныхъ полей Руманьи.

Ночь была теплая и влажная, съ неба, усѣяннаго звѣздами, тихо лился на землю голубоватый свѣтъ; Фроманъ разсѣянно прислушивался къ отдаленнымъ звукамъ, несущимся откуда-то изъ темноты. Это были глухіе, ритмическіе удары паровыхъ молотовъ въ Безднѣ, этой кузницѣ циклоповъ, день и ночь бьющихъ сталь и желѣзо. Доменная печь, на которую Монблезская возвышенность отбрасывала черную тѣнь, стояла унылая и нѣмая. Взглядъ Луки снова перенесся на скученныя крыши города, который спалъ, убажкиваемый мѣрнымъ шумомъ работающихъ машинъ, похожимъ издали на тяжелое дыханіе гиганта, какого-нибудь страдающаго Прометея, навѣки прикованнаго къ труду.

Все это усиливало только тоскливое настроеніе Луки. Впечатлѣнія прожитыхъ здѣсь трехъ дней вставали въ памяти; лица и событія проходили передъ глазами въ какой-то трагической процессіи, и онъ тщетно старался уловить смыслъ и связующую нить всего видѣннаго и слышаннаго. Это мучительное состояніе росло въ немъ, и онъ чувствовалъ, что не сомкнетъ глазъ, пока не придетъ къ какому-нибудь-выводу.

Вдругъ до ушей его со стороны поля, донесся какой-то слабый шорохъ... Птица ли взмахнула крыльями, насѣкомое ли какое проползло въ травѣ?.. Лука нагнулся и сталъ прислушиваться... Черезъ нѣсколько минутъ шорохъ возобновился ближе. Заинтересованный, охваченный какимъ-то страннымъ, ему самому непонятнымъ волненіемъ, Лука пристально вглядывался въ темноту и ему казалось, что въ полѣ, надъ травой мелькаетъ что-то, какая-то тонкая тѣнь... Вдругъ тѣнь выпрямилась и, перебѣжавъ дорогу, бросила въ окно маленькій букетикъ цвѣтовъ; бросила такъ ловко, что онъ попалъ прямо въ лицо Лукѣ. Это прикосновеніе было нѣжно, какъ ласка, и только что сорванныя горныя фіалки наполнили комнату ароматомъ.

Жозина! Это была Жозина! Лука узналъ ее въ этомъ очаровательномъ привѣтѣ, въ этомъ напоминаніи о своей безконечной благодарности! И въ ночной часъ, среди мрака, это было такъ поэтично, такъ полно своеобразной прелести. Какимъ образомъ она очутилась здѣсь? Она, вѣрно, поджидала его, спрятавшись въ какомъ-нибудь уголкѣ, и теперь, напомнивъ о себѣ этими душистыми цвѣтами, такъ мило брошенными, поспѣшно убѣгала, исчезая въ темнотѣ ночи. Рядомъ съ ней бѣжала другая тѣнь, поменьше. и Лука догадался, что это былъ Нанэ. Обѣ скрылись изъ глазъ, и до слуха Луки снова доносился только равномерный стукъ молотовъ. Его настроеніе было все то же, но сердце, внезапно согрѣтое чѣмъ-то могучимъ, сладостно билось. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ ароматъ маленькаго букетика...

О доброта, дѣлающая людей братьями! О любовь, спасающая и обновляющая міръ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Затерянный.

(изъ Лонгфелло).

Вотъ и день отошелъ, и у ночи
Легкій сумракъ спадаетъ съ крыла,
Какъ перо ипогда упадаетъ
Отъ летящаго мимо орла.
Тамъ я вижу—огни вдоль деревни
Сквозь туманъ и сквозь дождикъ горять,
И томительнымъ чувствомъ печали
Противъ воли я властно объять,—
Этимъ чувствомъ томленья и грусти,
Что несродно съ тревогою ранъ,
И походить на муку лишь такъ же,
Какъ походятъ дожди на туманъ.
Сядь со мной, почитай мнѣ, окутай
Безыскусственною пѣсней меня,
Чтобы я успокоилъ томленья
И забылъ помышленія дня.
Не изъ старыхъ великихъ поэтовъ,
Не изъ бардовъ, пѣвучихъ, какъ сонъ,
Чьи шаги отдаленные, эхомъ,
Будятъ звонъ въ коридорахъ времени.
Нѣтъ, какъ громы военного марша,
Этихъ мыслей высокихъ прибой
Мнѣ напомнить житейскія битвы,
А сегодня мнѣ нуженъ покой.
Нѣтъ, прочти мнѣ смиренныя пѣсни
Незамѣтнаго міру пѣвца,
Что возникли, какъ дождикъ изъ тучи,
Что упали, какъ слезы съ лица.

Тѣ немудрыя пѣсни, что, скудный,
Опъ слагаль по ночамъ и по днямъ,
Утомленной душою внимая
Для него трепетавшимъ струнамъ.
Эти пѣсни умѣютъ такъ кротко
Умиленіе въ сердцѣ создать,
Какъ въ сердцахъ у молящихся,—тихо
Отъ молитвы горить благодать.
Такъ читай же изъ книги завѣтной,
Что откроешь, то звучно скажи,
И въ пѣвучую думу поэта
Свой чарующій голосъ вложи.
И наполнится ночь благозвучьемъ,
И заботы въ тотъ сладостный часъ,
Какъ арабы шатры свои сложать
И безмолвно исчезнуть отъ насъ.

И. Бальмонтъ.

Поездка въ Манчестеръ.

(ПИСЬМО ИЗЪ АНГЛИИ).

„Радость—это пробирный камень природы, это знакъ ея одобренія. Когда человекъ счастливъ,—онъ въ гармоніи съ самимъ собою и со всѣмъ окружающимъ“.

Уайльдъ.

I.

Снова надвинулись ноябрскіе лондонскіе туманы...

Сколько разъ уже встрѣчаю я осень въ Лондонѣ. Пора бы, кажется, привыкнуть къ этимъ удушливымъ туманамъ, сѣрымъ, желтымъ и чернымъ, смѣняющимъ другъ друга, жадно поглощающимъ всѣ лучи свѣта, охватывающимъ и скрывающимъ всѣ линіи и контуры предметовъ и водворяющимъ ту безформенную безпросвѣтность, которая служила первообразомъ для байроновской „Тьмы“. Но нѣтъ, не свывается душа съ безпросвѣтностью, съ каждымъ годомъ содрогается сердце все съ большимъ ужасомъ передъ этими туманами и все сильнѣе гнететъ безотчетное отчаяніе измученную грудь. Когда послѣ ночи, проведенной въ грезахъ о далекихъ безграничныхъ равнинахъ, о родномъ говорѣ, родныхъ лицахъ и родныхъ безобразіяхъ, я отдергиваю оконную занавѣсъ и мой взоръ встрѣчаетъ вмѣсто яснаго солнышка одну лишь тупую стѣну молчаливаго тумана, я чувствую, точно могильная плита налегла на меня и все глубже вдавливаясь въ холодную землю. Въ прошлые вѣка въ Англіи человека, отказывавшагося признать надъ собою юрисдикцію королевскаго суда, связывали, клали на землю и накладывали на него тяжелые камни. пытка эта не прекращалась до тѣхъ поръ, пока подсудимый не соглашался признать себя таковымъ или же пока онъ не умиралъ. Этотъ жестокой законъ былъ отмѣненъ въ 1772 году. Но законы природы болѣе постоянны, чѣмъ законы людскіе, и тяжесть лондонскихъ тумановъ давить попрежнему душу несчастливца, попавшаго въ ихъ лапы.

Въ эти туманные, безсвѣтные дни иностранецъ, проживающій въ Лондонѣ начинаетъ понимать, что такое таинственный *сплинъ*; для него дѣлается яснымъ, почему злополучный англичанинъ рыскаетъ по всему бѣлому свѣту, гонимый не-

одолимой жаждой новыхъ впечатлѣній, перемены мѣста, *achange*, — какъ говорятъ въ Англіи. Эту потребность „провѣтриться“ чувствовалъ я теперь всѣми фибрами моего организма, чувствовалъ несравненно интенсивнѣе, чѣмъ въ какой-либо изъ предыдущихъ годовъ моей жизни въ Лондонѣ. Раньше подавляющая монотонность лондонскихъ впечатлѣній скрашивалась той необычайной уютностью жизни, какую, какъ бы въ противовѣсъ неуютному климату, создали себѣ англичане. Ни въ какой чужой странѣ вы не чувствовали себя настолько дома, какъ въ Англіи съ ея несравненными свободными учрежденіями, съ ея удивительной терпимостью и уваженіемъ къ чужимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Васъ примиряла съ „суровымъ Альбіономъ“ добросовѣстность и честность его населенія, его *my home—my castle*, его серьезная и безпристрастная „буржуазная“ пресса, воспользовавшаяся своей свободой не для печатанія скабресныхъ, залитыхъ кровью романовъ, наполняющихъ французскую прессу, а для обстоятельнаго изслѣдованія соціальныхъ вопросовъ, — пресса, настолько безпристрастная, что она сдѣлала ненужнымъ и, слѣдовательно, невозможнымъ появленіе соціалистической прессы, такъ какъ рабочій могъ всегда найти прокрасивѣйшіе отчеты о положеніи своего класса въ буржуазныхъ газетахъ. Васъ, наконецъ, примиряло болѣе всего то, что вы могли здѣсь говорить, писать, принимать участіе въ общественной жизни свободно, наравнѣ съ коренными британцами.

Теперь все перевернулось. Откуда-то налетѣла огромная, тяжелая волна имперіализма и сразу унесла съ собой на дно морское всѣ прелести англійской жизни, оставивъ взаменъ на берегахъ Альбіона одну лишь мутную тину клеветъ и чело-вѣконенавистничества, удушающей смрадь „желтой прессы“, кровавые клики джингонистской толпы, торжествующихъ негодяевъ у власти.

И я бродилъ цѣлыми часами и днями по холоднымъ улицамъ Лондона, потерявшійся и прибитый этой волной. Этотъ многолюднѣйшій центръ міра, съ его шестимилліоннымъ населеніемъ, казался мнѣ теперь огромной безлюдной пустыней, и я чувствовалъ себя въ ней чуждымъ, одинокимъ скитальцемъ. Я бродилъ и всматривался въ встрѣчныя лица, вслушивался въ рѣчи на улицахъ и въ залахъ митинговъ, вчитывался въ газеты и журналы. Все было мнѣ чужимъ, новымъ, незнакомымъ. Куда же дѣвалась старая Англія, эта страна, которую я началъ любить, какъ свою родину, этотъ народъ, которому каждый могъ, какъ своему другу, доверить свои мечты о завѣтныхъ идеалахъ.

Подавленный этими мыслями и разочарованіями, я однажды столкнулся на улицѣ лицомъ къ лицу съ однимъ моимъ старымъ пріятелемъ, англичаниномъ, мистеромъ Роулей, котораго я не встрѣчалъ цѣлые годы. Я обрадовался ему и тотчасъ сталъ дѣлиться съ нимъ моими мыслями.

- Вы спрашиваете, куда дѣвалась старая Англія, — Англія Роберта Овена и Брайта, Кобдена и Гладстона? — сказала мнѣ мой пріятель мистеръ Роулей. — Поѣзжайте со мною въ Манчестеръ, — тамъ вы увидите тѣхъ тружениковъ, которые создали колоссальное богатство Англіи, тамъ я васъ познакомлю съ тѣми людьми, которые съ дѣтства пропитались принципами „манчестерской школы“ и которые тѣмъ не менѣе не застыли на мертвой догмѣ, а идутъ вслѣдъ за вѣ-

комъ. Лондонъ слишкомъ великъ, и всякое прогрессивное начинаніе тонетъ въ немъ, какъ капля въ морѣ. Сверхъ того, Лондонъ—городъ космополитическій и биржевой. Въ немъ живутъ всѣ тѣ капиталисты, у которыхъ въ долгу всѣ правительства міра. Это—городъ ростовщиковъ и биржевыхъ игроковъ, дирижирующихъ громадной арміей клерковъ, лакеевъ, агентовъ, приказчиковъ. Манчестеръ тишичѣ и прогрессивнѣ Лондона.

Я не заставилъ себя долго упрашивать. На другой же день мы сѣдѣли въ вагонѣ третьяго класса, быстро уносившемъ насъ отъ туманнаго, холоднаго Лондона съ его монотонностью и деревянной, но неодолимой мощью. Англійскіе вагоны третьяго класса почти такъ же комфортабельны, какъ и вагоны перваго класса. Разница заключается лишь въ цвѣтѣ обивки мягкихъ сѣдѣній. Безшумно и бережно мчатъ они васъ въ невѣдомое пространство, и вы невольно яритесь съ чрезмѣрными тарифами, какими облагаетъ васъ желѣзнодорожная монополія. Въ четыре съ четвертью часа поѣздъ пробѣгаетъ отдѣляющія Лондонъ отъ Манчестера 275 верстъ, и мы съ моими пріятелемъ естественно проболтали все это время.

Удивительный человекъ мистеръ Роулей! Онъ родился, выросъ и прожилъ всю свою жизнь въ Анкотсѣ, рабочемъ округѣ Манчестера. Анкотсъ состоитъ весь изъ множества перепутавшихся узкихъ улицъ съ низенькими, крошечными домиками для производителей и колоссальными черными зданіями для производства бумажной пряжи и тканей. Половина дѣтей, родившихся въ этомъ округѣ, умираетъ, не доживши до пятилѣтняго возраста. Мистеръ Роулей былъ изъ числа счастливецъ второй половинны, но онъ носитъ на себѣ всѣ слѣды той враждебной для развитія жизненныхъ силъ обстановки, среди которой онъ родился и выросъ. Его маленькое тѣло кажется такимъ дряблымъ, что, иди съ нимъ рядомъ, я всегда боюсь, какъ бы ненарокомъ не сшибить его съ ногъ. Его большой, неправильный, какъ-то странно раздавшійся впрямь черепъ, покрытый жидкими волосами желтоватаго цвѣта, сократовскій носъ—картошкой—и рѣдкіе рыжіе усы и борода—все это носитъ на себѣ печать несомнѣннаго уродства... и въ то же время умные, ясные, голубые глаза, сверкающіе добротой, энергіей и неутомимымъ интересомъ къ жизни, придаютъ этому уродству какую-то непонятную прелесть и обаятельную силу. Ему уже 62-ой годъ, но въ его волосахъ и бородѣ нѣтъ еще и признака сѣдины, а на видъ вы ему не дадите болѣе 45 л. Онъ вѣчно оживленъ, вѣчно шутитъ, постоянно переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, стоитъ въ центрѣ дожныи просвѣтительныхъ учрежденій, занимаетъ въ Манчестерѣ должности мирового судьи, директора одной крупной фирмы, предсѣдателя распорядительнаго комитета *школы искусства*, секретаря Анкотскаго братства рабочихъ и т. п. Онъ, наконецъ, нитимный другъ всѣхъ лучшихъ художниковъ Англій и каждому изъ нихъ оказываетъ множество услугъ. Его двѣ главныя страсти, это—искусство и рабочее населеніе его роднаго Анкотса. Онъ объѣхалъ почти всѣ страны свѣта, чтобы ознакомиться съ первымъ; онъ посвящалъ и посвящаетъ всю свою энергію на то, чтобы внести лучъ свѣта и счастья въ жизнь втораго. И, несмотря на массу дѣлъ, мистеръ Роулей какъ-то умудряется быть всегда аккуратнымъ и добросовѣстнымъ, какъ истый англичанинъ.

— Скажите мнѣ, мистеръ Роулей, въ чемъ заключается секретъ вашей неистощимой энергій и вѣчной юности?—спросилъ я, ласково похлопывая его по хрупкому колѣну.—Я увѣренъ, если бы я столько работалъ, сколько вы, мои кости давно бы покопались въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

— Ха-ха-ха! Шутникъ вы, право!—разсмѣялся, какъ ребенокъ, мистеръ Роулей.—Я старѣюсь, мой другъ, я чувствую, что старѣюсь. Не такимъ я былъ раньше.

И его живые, искривленные глаза смѣялись лукаво, совершенно по-мальчишески.

— Никакого секрета тутъ нѣтъ,—продолжалъ уже серьезно мистеръ Роулей.— Вы помните принципы Вильяма Мориса: „Всякій долженъ работать“, и при этомъ работать только такую работу, которая доставляетъ ему удовольствіе и которая полезна другимъ. Вотъ я и живу согласно этому принципу, хотя открылъ я его еще, когда работалъ мальчишкой въ мастерской моего отца, то есть гораздо раньше Мориса. Когда я устаю, я бросаю работу, запраюсь въ своемъ домикѣ и отдыхаю душой и тѣломъ, пока не почувствую снова потребности въ работѣ и въ людяхъ. При этомъ я берусь только за такую работу, которая доставляетъ мнѣ удовольствіе. И я не гонюсь за деньгами. Когда я увидѣлъ, что у меня уже достаточно средствъ, чтобы прожить остатокъ дней безбѣдно, я отказался почти отъ всякой платной работы; только одно директорство я оставилъ за собой, потому что оно мнѣ доставляетъ мало хлопотъ.

II.

Вагоны, увлекаемые усовершенствованнымъ англійскимъ локомотивомъ, неслышно и быстро скользили по гладкимъ рельсамъ, оставляя позади шумные города съ высокими, пзвергающими черные клубы дыма фабричными трубами, тихія, безлюдныя деревни и меланхолическія пастбища съ мирно пасущимися на нихъ счастливыми овцами. Я сидѣлъ противъ моего пріятели, смотрѣлъ въ его доброе, живое лицо, казавшееся прекраснымъ несмотря на все свое безобразіе, и слушалъ его образные рассказы о дѣтствѣ и о его родицѣ—Анкотсѣ.

— Мое генеологическое дерево не имѣетъ глубокихъ корней,—говорилъ мистеръ Роулей.—Нашъ фамильный архивъ сохранилъ несомнѣнныя доказательства лишь того, что у меня, кромѣ родителей, были еще дѣдъ да бабка. Былъ ли у меня прадѣдъ,—въ точности неизвѣстно.

И мистеръ Роулей набросалъ мнѣ картину своего дѣтства въ отцовскомъ домѣ и всей своей жизни въ родномъ Анкотсѣ.

Анкотсѣ, хотя и составляетъ неразрывное цѣлое съ Манчестеромъ, отличается отъ него тѣмъ не менше рѣзко. Манчестеръ въ настоящее время почти совершенно потерялъ характеръ фабричнаго города. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось население и дорожала земля въ Манчестерѣ, его бумагопридильныя и ткацкія фабрики переселялись въ окрестныя деревни, гдѣ вода обильнѣе, земля и трудъ

дешевле и санитарный контроль не такъ стѣснителенъ. И мало-по-малу окрестныя деревни превращались въ обширныя фабричныя города, а Манчестеръ сдѣлался ихъ торговымъ и биржевымъ центромъ. Самъ Манчестеръ имѣеть всего лишь немногимъ болѣе полумилліона жителей, но вмѣстѣ съ окрестными городами, изъ которыхъ можно добраться до Манчестера по желѣзной дорогѣ въ нѣсколько минутъ, число жителей достигаетъ до 2 милліоновъ. Если мы проведемъ изъ центра Манчестера кругъ радіусомъ въ 20 верстъ, мы получимъ площадь, населенную 2 мѣл. жителей: сюда войдутъ такіе крупныя города-предмѣстья, какъ Стайфортъ, Бойтонъ, Олдгемъ, Рочдэйль и т. д. Но Манчестеръ въ дѣйствительности является коммерческимъ центромъ гораздо большаго района,—района, обнимающаго населеніе, по крайней мѣрѣ, въ 7.500.000 чел. Неудивительно поэтому, что по количеству биржевыхъ сдѣлокъ, по роскоши своихъ магазиновъ, по оживленію и по удобству путей сообщенія Манчестеръ конкурируетъ съ Лондономъ. Но Анкотъ сохранилъ вполне черты фабричнаго города, съ чисто рабочимъ населеніемъ.

Анкотъ былъ застроенъ быстро въ началѣ XIX вѣка. Гигантскія фабрики были сооружены,—большинство ихъ еще существуетъ,—и окружены рядами коморокъ, которымъ дали почетное названіе коттеджей. Въ этихъ коморкахъ рабочіе проводили лишь немногіе часы сна, все же остальное время они работали на фабрикахъ. Теперь почти всѣ эти фабрики уже устарѣли, и многія изъ фабричныхъ зданій превращены въ склады и магазины, а вмѣсто нихъ выстроены новыя, роскошныя фабрики, снабженныя самыми усовершенствованными машинами и всѣми новѣйшими санитарными приспособленіями. Старыя машины были выброшены вонъ,—таковъ законъ современнаго производства...

— Мой дѣдъ былъ уроженцемъ Чешайра и переселился въ Анкотъ въ самомъ началѣ столѣтія, какъ разъ во время появленія на свѣтъ этого округа. Онъ поселился тамъ для заработка. Я еще помню ручной ткацкій станокъ въ нашемъ домѣ, на которомъ въ стародавнія времена работали и дѣдъ, и бабка моя, и они говорили, что зарабатывали хорошія деньги. Мой отецъ былъ чартистомъ и принималъ участіе въ знаменитомъ митингѣ на Петерлоо. Онъ и два, три его товарища постоянно работали для распространенія народнаго образованія. Это была типичная группа людей полуобразованныхъ, но полныхъ неутолимой жажды знанія и страстнаго стремленія къ прогрессу. Въ его маленькой библіотечкѣ, составленной цѣною не малыхъ жертвъ, такъ какъ доходъ отпа былъ тогда очень малъ, не было ни одной легкомысленной книги. Мнѣ вспоминаются въ особенности красивое изданіе Шекспира, „Пенсовая Энциклопедія“, „Иллюстрированная библія“,—все превосходныя изданія Чарльза Найта, лучшаго издателя того времени; также изданія „Общества для распространенія полезнаго знанія“, которымъ руководилъ лордъ Бругэмъ. Диккенсъ и „Пунчъ“, конечно, тоже имѣлись. Какъ я научился читать,—я не помню; въ школу я не ходилъ, такъ какъ былъ слишкомъ слабымъ ребенкомъ. Но я помню, какъ я пожиралъ всѣ эти книги: я ихъ какъ бы вѣдрилъ въ себя... То было хорошее время!.. Потомъ я началъ работать въ мастерской отца и оставался за этой работой

въ продолженіе 25 лѣтъ. И это было славное время. Работа смѣнялась чтеніемъ прогулками съ веселыми товарищами. Улица, мастерская, книги и товарищи,—имъ я обязанъ моимъ воспитаніемъ... Насъ было девятеро товарищей, когда мы, въ концѣ 50-хъ годовъ, образовали „Братство“, которое мы почему то прозвали нелѣпнымъ именемъ „Якобинцевъ“. Оно выросло изъ клуба для игры въ криветъ. И въ теченіе 35 лѣтъ мы аккуратно собирались вмѣстѣ, и тѣ изъ насъ, которые остались въ живыхъ, до сихъ поръ питають другъ къ другу мальчишескую привязанность, и мы другъ съ другомъ до сихъ поръ разговариваемъ на уличномъ жаргонѣ. Мы дали слово держаться всегда вмѣстѣ,— и мы его сдержали. Мы поклялись никогда не жениться, и мы—всѣ поженнались, кромѣ одного, и этотъ одинъ, бѣдняга, первый отпавилса на тотъ свѣтъ; двое другихъ умерло потомъ, и насъ теперь осталось только шесть. Этотъ союзъ сдѣлалъ изъ насъ здоровыхъ и трудолюбивыхъ городскихъ парней. Мы всѣ любили свѣжій воздухъ и никогда не теряли удобнаго случая побродить по окрестнымъ полямъ, лугамъ и лѣсамъ, окружавшимъ тогда Манчестеръ... Мы также устраивали періодическія собранія для совмѣстныхъ чтеній; но болѣе всего мы любили гулять по Benett-Street, гдѣ находилась женская школа, и оказывать разныя мелкія услуги встрѣчнымъ гимназисткамъ... Такъ мы жили. Въ 1862 году наступилъ страшный хлопковый голодъ. То было трудное время для жителей Анкотса, такъ какъ почти всѣ фабрики стали, а въ Анкотсѣ всякій зависить прямо или косвенно отъ фабрики... Этотъ голодъ принесть свою пользу... Онъ открылъ глаза богачамъ на жизнь бѣдняковъ. Богачамъ пришлось спускаться въ подвалы, чтобы разыскивать „достойныхъ“ помощи. Я не могу забыть ужасающихъ запаховъ этихъ подваловъ, которые я тогда посѣтилъ. И если меня, выросшаго въ Анкотсѣ, такъ ужаснули эти подвалы, то какъ должны были они подѣйствовать на другихъ, пришедшихъ со стороны. Въ городѣ тогда было 70.000 отхожихъ мѣстъ первобытнаго вида. Изъ нихъ нечистоты приходилось вывозить по улицамъ. Нелыханное варварство! Теперь эти учрежденія окончательно запрещены: устроена канализація и обязательные ватеръ-клозеты въ каждомъ домикѣ...

Гомерическій, оглушительный смѣхъ здоровенныхъ легкихъ прервалъ мистера Роулей. Хототалъ нашъ сосѣдъ, ирландецъ, незадолго передъ тѣмъ на станціи вошедшій въ нашъ вагонъ. Это былъ широкоплечій, крѣпко сложенный старикъ съ круглымъ выбритымъ, загорѣлымъ лицомъ и веселыми, лукавыми голубыми глазами. По одеждѣ и огромнымъ мозолистымъ рукамъ его можно было принять за фермера средней руки.

Мы оба недоумѣвающе посмотрѣли на ирландца.

— А вотъ мы въ нашихъ коттеджахъ свиней выращиваемъ, чтобы платить ренту англійскимъ лэндлордамъ, — заговорилъ громко ирландецъ, дружески склонившись къ мистеру Роулей.—Такъ и живутъ вмѣстѣ съ нами, въ той же спальнѣ. Выкормимъ свинью, продадимъ и денежки отдадимъ агенту лэндлорда. Свинья-то насъ и спасаетъ. А въ этомъ году картофель не уродился... Самимъ, значить, нечего ѣсть, и свиней нечѣмъ кормить. Пропадать, значить, вмѣстѣ. Лэндлордъ ждать не станетъ...

Ирландецъ говорилъ такъ весело и свободно, точно онъ въ кругу друзей дѣлился самыми радостными извѣстіями.

Веселый ирландецъ видимо заинтересовалъ англичанъ. Глазки мистера Роулей засверкали отъ восхищенія. Но тѣмъ не менѣе никто ничего не сказалъ ирландцу. Англичане столь же сдержаны и замкнуты съ чужими, столько ирландцы словоохотливы.

Ирландецъ оглядѣлъ всѣхъ сидѣвшихъ въ отдѣленіи вагона, подождать, не откликнется ли кто-нибудь на его попытку завести бесѣду, и неожиданно хлопнулъ сильно рукой по газетѣ, которую читалъ.

— You got a good thrashing, you-English! — воскликнулъ онъ тѣмъ же веселымъ и громкимъ голосомъ. — Хорошо васъ потрепали буры... Кабы не нашъ старпчокъ Робертъ...

Но ирландца уже никто не слушалъ. Лица англичанъ мгновенно приняли свое обычное деревянное выраженіе, каждый углубился въ чтеніе своей газеты или въ созерцаніе видовъ изъ окна вагона, и ирландецъ почувствовалъ себя бойкотированнымъ.

Мы съ мистеромъ Роулей возобновили нашу прерванную столь неожиданно бесѣду. Ирландецъ вынулъ изъ кармана гутаперчевый кошелекъ съ табакомъ, свернулъ папироску и своимъ громкимъ голосомъ снова нарушилъ нашу мирную бесѣду.

— Васъ не побезпокоитъ моя папироска, моя лэди? — обратился онъ съ изысканной любезностью къ сидѣвшей въ нашемъ отдѣленіи дамѣ.

Наше отдѣленіе было „для некурящихъ“.

— Я бы предпочла, чтобы вы не курили здѣсь, сэръ... — отвѣтила дама.

— О, я и не хочу курить! — еще любезнѣе обратился къ ней ирландецъ. — Но у меня настоящій ирландскій табакъ, настоящій ирландскій, моя лэди! Я хотѣлъ показать вамъ, какой у него чудесный запахъ. Такъ вы позволите?!

— Въ сосѣднемъ отдѣленіи можно курить, — отозвался извѣстно одѣтый старый джентльменъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?! Пожалуйста, посмотрите, не найдется ли тамъ мѣста для меня...

Растерявшійся джентльменъ не сообразилъ, что ирландецъ могъ бы самъ пойти посмотрѣть, и вышелъ изъ вагона. Черезъ минуту онъ вернулся съ сообщеніемъ, что мѣсто для ирландца найдется. Ирландецъ, довольный, что заставилъ англичанина сыграть роль слуги, поднялся, бросилъ на насъ ликующій лукавый взглядъ и вышелъ. Въ сосѣднемъ отдѣленіи были солдаты, и компанія ирландца очевидно имъ пришлась по душѣ. Тамъ послышалась вскорѣ оживленная бесѣда, раздалась веселая ирландская пѣсня, сопровождаемая зычнымъ хохотомъ откормленныхъ солдатъ. А черезъ нѣсколько минутъ кто-то изъ нихъ уже отправился разыскивать кондуктора съ какой-то вѣрпой просьбой отъ ирландца...

— Но помню санитарныхъ улучшеній, измѣнилось ли положеніе рабочихъ за послѣдніе полдѣка? — возобновилъ я бесѣду съ мистеромъ Роулей.

— Общее благосостояніе трудящихся классовъ несомнѣнно поднялось. Вотъ

вамъ примѣръ. Въ нашемъ Анкотскомъ братствѣ имѣется теперь 320 членовъ, владеющихъ собственными велосипедами. Это признакъ матерьяльнаго благополучія. 30 — 40 лѣтъ тому назадъ нельзя было и думать о такой благодати. Точно также огромная перемена къ лучшему замѣтна въ платьѣ, въ манерахъ и въ умственномъ развитіи. Въ молодыхъ рабочихъ и дѣвушкахъ эта перемена просто поразительна. Наконецъ, средній уровень здоровья и красоты теперь внѣ всякаго сомнѣнія выше, чѣмъ былъ во дни моей юности. Приписывайте это одной причинѣ или совокупности причинъ, но это факты, очевидные для всякаго, кто имѣетъ возможность сравнивать...

— Не вы, конечно, не думаете, что мы достигли предѣла возможныхъ улучшеній?—спросилъ я.

— О, нѣтъ! Посмотрите, какъ необычайно развилась и умножились полезныя филантропическія учрежденія за послѣдніе полвѣка. За это время произошла у насъ настоящая социальная революція. Раньше всякій крупный манчестерскій фабрикантъ или купецъ жилъ въ самомъ Манчестерѣ. И онъ умѣлъ ладить съ наемнымъ персоналомъ своей мастерской, фабрики или товарнаго склада. Они болѣе или менѣе сознательно поддерживали „гармонію интересовъ“ между трудомъ и капиталомъ, теперь же акціонерный безличный капиталъ занялъ мѣсто патріархальныхъ хозяевъ.

— А эти безчисленныя филантропическія учрежденія? Развѣ они не служатъ новымъ соединительнымъ звеномъ между имущими и неимущими классами?

— Гмъ!.. Отчасти, только отчасти... Знаете, мнѣ всегда приходитъ въ голову талантливое описаніе Тэна той филантропін, которая сдѣлалась популярной среди высшихъ классовъ Франціи въ періодъ, предшествовавшій великой революціи. Аристократическія дамы и джентльмены, стали проникаться глубокимъ убѣжденіемъ, что филантропія есть принадлежность фешенебельности и аристократической утонченности; что лица съ тонкимъ вкусомъ и изящными манерами должны помогать „бѣднымъ“ и развивать въ нихъ хорошія манеры... То же самое можно часто наблюдать теперь въ Англіи. Элегантныя лэди и сентиментальныя джентльмены, съ пустыми сердцами и... и головами, принимаютъ посѣщать такія трущобы, переполненныя бѣдняками, какихъ много въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ или въ нашемъ Анкотсѣ. Но такіе господа дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ пользы. Я слышала однажды, какъ одна молодая аристократка рассказывала своей матери, что она убѣдила одного изъ своихъ бѣдныхъ подписать клятву не пить больше, и что она теперь постарается взять съ него обѣщаніе не курить. Въ ея собственной семьѣ всякій имѣетъ за тѣдой стаканъ прекраснаго вина, и всѣ мужчины курятъ до одурѣнія. Если пить и курить— зло, почему она не начинаетъ со своей собственной семьи? Такая „филантропія“ никуда не годится... Никто такъ быстро не угадываетъ лицемѣра, какъ рабочій.

Но, съ другой стороны, истинный труженикъ всегда относится съ довѣріемъ къ дѣйствительно дружеской, товарищеской помощи, приходящей отъ лицъ, болѣе одаренныхъ или поставленныхъ въ болѣе счастливыя условія...

III.

За бесѣдой мы и не замѣтили, какъ поѣздъ подкатилъ къ Манчестеру.

— Куда же мы теперь?—спросилъ я мистера Роулей.

— Сначала въ Анкотское братство на лекцію; затѣмъ мы переночуемъ меня, а завтра утромъ я вамъ буду показывать Манчестеръ.

Черезъ полчаса мы подъѣхали въ кабѣ къ просторному дому братства, *Нью-Ислингтонъ-Холлу*.

Широкая деревянная лѣстница вела къ огромному залу, уставленному скамьями, на которыхъ могло умѣститься около 1.000 человекъ. На эстрадѣ стояла рояль одной изъ лучшихъ англійскихъ фирмъ. У дверей зала—надпись: „Братство разсчитываетъ, что каждый посѣтитель приобрететъ программу. Цѣна 1 пенсъ“ (около 4 коп.). Я купилъ программу и сразу убѣдился въ оригинальности организаціи митинговъ братства. Программа была весьма изящно отпечатана красными буквами на сложенной вдвое листѣ кремовой бумаги. На первой страницѣ напечатано названіе лекціи съ цитатами изъ ея начала и конца, чтобы дать слушателю понятіе о предметѣ, который будетъ излагать лекторъ. На этотъ разъ юристъ Дэвисъ долженъ былъ читать лекцію *объ эволюціи общественной науки*. Вотъ приведенныя цитаты.

„Если человекъ можетъ предсказать, почти съ полной достовѣрностью, явленія, законы которыхъ онъ знаетъ; если даже, не зная ихъ, онъ по опыту можетъ съ большою вѣроятностью предвидѣть будущія слѣдствія,—то почему считать химическимъ предпріятіемъ желаніе начертить съ нѣкоторыми правдоподобіемъ картину будущихъ судебъ человѣческаго рода, по результатамъ его исторіи?“ *)

На остальныхъ трехъ страницахъ имѣлась программа концерта, которымъ сопровождается каждая лекція, и слова всѣхъ пѣсень, какія предполагалось пѣть: то были пѣсни и отрывки изъ Гайдна, Сулливана, Гуно, Ваттиньяля, Коуэна, Генделя, Монкъ-Гульда и Рандеггера.

Мы прибыли за пять минутъ до трехъ часовъ,—часа, назначеннаго для начала концерта. Зала была уже полна; артисты и лекторъ имѣлись на-лицо. Публика въ залѣ состояла изъ рабочихъ, приказчиковъ и конторщиковъ. Лица были попережку грубыя и интеллигентныя. Было не мало женщинъ и дѣвушекъ. Всѣ держали себя спокойно и съ достоинствомъ.

— Вы увидите,—мы воспитали прекрасную аудиторію,—шепнулъ мнѣ мистеръ Роулей.—Раньше было не то: шумъ, гамъ...

Ровно въ три часа двери залы были закрыты и доступъ въ нее прекращенъ. Мистеръ Роулей, артисты, лекторъ и нѣсколько друзей появились на эстрадѣ. Митингъ начался вокальнымъ концертомъ. Одна пѣвица, окончившая мѣстаую консерваторію, и два профессиональныхъ пѣвца изъ мѣстной оперы приготовились пѣть подъ аккомпаниментъ профессора мѣстной консерваторіи доктора музыки

*) Кондорсе.

Генри Вотсона. Но англійскіе митинги обставлены довольно сложнымъ церемониаломъ, выполненіе котораго составляетъ обязанность заранее назначаемаго предсѣдателя. Постояннымъ предсѣдателемъ и секретаремъ Анкотскаго братства состоитъ мистеръ Роулей. Онъ открылъ концертъ рѣчью, въ которой представилъ доктора Вотсона и лектора публикѣ.

— Многие изъ васъ, вѣроятно, слышали про доктора Вотсона. Это тотъ самый чудакъ, который собралъ, путемъ многолѣтнихъ успій и цѣной большихъ жертвъ, богатѣйшую коллекцію музыкальныхъ инструментовъ. Если бы я владѣлъ такимъ сокровищемъ, я бы его заперъ въ своемъ домѣ или продалъ бы его за большія деньги, а деньги помѣстилъ бы въ выгодное предпріятіе или въ банкъ. Но докторъ Вотсонъ человѣкъ *не* практичный (*смѣхъ въ публикѣ*): онъ взялъ да отдалъ коллекцію городу, и теперь каждый можетъ изучать по ней исторію музыки (*всеобщіе апплодисменты*)...

И мистеръ Роулей приплелъ нѣсколько анекдотовъ, чѣмъ привелъ публику въ веселое настроеніе. Видно было, что между нимъ и его слушателями давно уже установилась тѣсная духовная связь. Его понимали съ полуслова, отъ него ждали остротъ, его встрѣчали и привѣтствовали какъ стараго любимаго товарища.

Докторъ Вотсонъ и Дэви вначалѣ нѣсколько смутились отъ неожиданныхъ комплиментовъ, но черезъ минуту общее настроеніе непринужденности и товарищества охватило и ихъ, и они отвѣчали на рѣчь Роулей нѣсколькими словами, также переплетенными остротами и комплиментами. Такимъ образомъ, церемониаль прошель весело.

Концертъ продолжался около получаса. Артисты держали себя такъ же непринужденно и въ то же время выдержанно, какъ публика и мистеръ Роулей. Пѣвица, молодая дѣвушка съ интеллигентнымъ лицомъ и смѣлыми глазами, напомнившими мнѣ русскихъ курсистокъ, пѣла, не снимая своей шляпки и верхней кофточки. На пѣвцахъ были не фраки, а простые пиджаки. Но пѣніе было высокоартистическое: голоса были великолѣпны.

Но вотъ, наконецъ, началась лекція. Лекторъ спокойнымъ и звучнымъ голосомъ, безъ малѣйшей жестикудляціи, принялся развертывать передъ внимательными слушателями картину эволюціи разныхъ отраслей общественной науки. Онъ началъ съ исторіи права и показалъ, какъ каждая изъ юридическихъ наукъ въ своемъ развитіи стремилась къ все большему и большему воплощенію принципа справедливости.

Родовая мсть съ развитіемъ общественной жизни смѣнилась принципомъ *устрашенія*, который въ свою очередь уступилъ въ настоящее время мѣсто теоріи *исправленія* преступниковъ. Исслѣдованія ученыхъ антропологической школы уголовнаго права показали, что „злая воля“, безъ которой нѣтъ состава преступленія, — не есть самопроизвольное явленіе, а неизбежный продуктъ воспитанія и соціальныхъ условій. Отвѣтственность за преступленіе, такимъ образомъ, падаетъ не столько на самого преступника, сколько на существующій общественный строй. Общество наказываетъ своихъ членовъ за дѣянія, въ которыхъ само общество должно нести большую отвѣтственность, чѣмъ эти члены.

Наказаніе, поэтому, является, съ точки зрѣнія справедливости, зломъ, хотя— временно— зломъ необходимымъ. „Для исправленія преступниковъ, для искорененія преступности необходимо прежде всего обратиться къ самимъ источникамъ преступности, къ недостаткамъ современнаго общественнаго строя. Главнѣйшимъ изъ этихъ источниковъ являются нищета и духовное невѣжество съ одной стороны и отсутствіе всякихъ моральныхъ устоевъ— съ другой. Необходимо поэтому реорганизовать общественный строй такимъ образомъ, чтобы сдѣлалась невозможными крайности нищеты, и чтобы всѣ члены общества получали тщательное и всестороннее образованіе“ (*Слушайте! слушайте! и апплодисменны въ публикъ*).

„Къ аналогичному выводу мы приходимъ при анализѣ исторіи другихъ отраслей права“. Въ исторіи финансоваго права мы видимъ, какъ прямыя, подушные налоги смѣнялись болѣе равномерно падающими на насленіе косвенными налогами, косвенные налоги— подоходнымъ налогомъ, а послѣдній прогрессивнымъ налогомъ на доходъ и наслѣдство. И здѣсь мы опять-таки видимъ неуклонное стремленіе къ водворенію все большей справедливости въ людскихъ отношеніяхъ. Но и полное равенство обложенія не можетъ быть достигнуто безъ установленія другой, болѣе высокой формы общегитія. Самый малый налогъ на доходы людей, едва сводящихъ концы съ концами, все-таки гораздо чувствительнѣе для нихъ, чѣмъ гораздо большій налогъ для богачей, платящихъ отъ своихъ избытковъ.

Въ исторіи государственнаго права мы наблюдаемъ то же проникновеніе закона принципомъ справедливости. Понятіе частной собственности и теорія договора,— эти двѣ основныя категоріи гражданскаго права,—измѣняются все болѣе и болѣе: право частной собственности, нѣкогда распространившееся и на самого человѣка, теперь все болѣе ограничивается даже по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ, а частный договоръ между капиталомъ и трудомъ теперь все болѣе превращается въ общественный актъ, подлежащій всестороннему контролю государства.

Исторія самого государственнаго права, исторія превращенія деспотіи, опирающейся на полное безправіе подданныхъ, въ современныя демократическія государства обнаруживаетъ опять-таки ту же тенденцію установленія справедливаго общественнаго строя. Но и въ данной области эволюція еще не закончена. Политическое равенство является безспорнымъ благомъ само по себѣ. Но равенство передъ государственнымъ закономъ останется въ значительной степени мертвой буквой. Такимъ образомъ, мы и здѣсь видимъ, что истинная справедливость немислима безъ преобразованія національнаго производства.

И далѣе лекторъ принялся доказывать, что эволюція общественной морали, искусства, религіи, всѣхъ областей дѣятельности человѣческаго духа отмѣчена совершенно той же тенденціей, которую мы наблюдаемъ въ исторіи права. Вездѣ мы наблюдаемъ постепенный процессъ преобразованія современнаго общественнаго строя въ новый, болѣе идеальный строй. Вездѣ мы приходимъ къ одному и тому же выводу о желательности такого преобразованія въ интересахъ

истины и справедливости. Но новѣйшее развитіе экономической науки доказываетъ намъ, что это преобразование не только желательно, но и необходимо, и неизбежно.

„Истина есть великая основа всякой науки, — закончилъ онъ. — Справедливость есть великая цѣль, къ которой стремится человѣчество. Справедливость будетъ царить надъ будущимъ общественнымъ строемъ. Это будущее общество не должно представлять себѣ библейскимъ раемъ на землѣ, полнымъ мира и кротости, раемъ, гдѣ левъ и овечка, соединенные узамъ братской любви, повѣдутъ счастливую жизнь безъ печалей и безъ страданія. Въ идеальномъ строѣ будутъ великія муки и великая борьба, какъ онѣ есть теперь. Но та борьба будетъ возвышенной борьбой, и тѣ страданія будутъ благородными страданіями. Современная борьба бѣдняка противъ влещей голодной смерти, — унизительна для человѣчества. Муки матери, не имѣющей хлѣба, чтобы накормить своихъ голодныхъ дѣтей, или лишенной возможности дать имъ образованіе — такія муки являются клеймомъ на нашемъ обществѣ. Идеальный общественный строй покончить съ нищетой и голодомъ, съ невѣжествомъ, съ расовой ненавистью. Каждому будутъ открыты все пути къ тому, чтобы приобрести знанія, развить свои мозги, возвысить свою душу. И тогда будетъ также достаточно борьбы и страданій: борьба съ могущественными и таинственными силами природы, чтобы подчинить ихъ человѣчеству; муки ученаго въ его томительныхъ поискахъ за истиной; страданія общественнаго дѣятеля въ его трудной работѣ на пользу его соотечественниковъ; страданія человѣка въ его безпредѣльной и самоотверженной любви къ ближнему... Къ этому-то идеальному общественному строю теперь стремится всякій мыслящій человѣкъ!..“

Такъ закончилъ лекторъ свой рефератъ. Я здѣсь далъ лишь сжатый конспектъ его рѣчи. Она вся была обильно уснащена фактами, примѣрами, сравненіями, и, благодаря этому, несмотря на сухой, слишкомъ абстрактный остовъ лекціи, публика была въ состояніи слѣдить за изложеніемъ лектора. Интересно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушала публика; по окончаніи лекціи раздавался громъ рукоплесканій.

Но черезъ нѣсколько мгновеній публикѣ пришлось затихнуть. Началась заключительная часть концерта. „Не довѣряйся грядущему!“ — запѣла сильнымъ мелодическимъ сопрано молодая дѣвушка съ смѣлыми глазами извѣстный *Псалмъ Жизни* Коузена *):

„Не довѣряйся грядущему, какъ бы оно ни казалось прекрасно!

Не заботься о прошломъ: пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ!

Дѣйствуй въ настоящемъ, — дѣйствуй въ жизни этой

Съ мужественнымъ сердцемъ, съ вѣрой сильной въ Бога!..“

Слова *Псалма Жизни* полны силы и эвергіи, и молодая пѣвица видно прониклась духомъ этой пѣсни и спѣла ее съ замѣчательнымъ чувствомъ. „Не говори мнѣ, что жизнь есть пустая греза, — звенѣлъ протестъ металлическаго сопрано, — не говори, что душа жертва и вещи совсѣмъ не то, что кажется.

*) Слова Лонгфелло.

Жизнь дѣйствительна! Жизнь—самое важное! Могила не есть наша цѣль, и не для радостей и печалей мы живемъ... Мы живемъ для энергичной дѣятельности, для борьбы, мы живемъ для того, чтобы каждый новый день находилъ насъ дажѣ по пути прогресса, чѣмъ день предыдущій!..“

Прекрасные, гармоничные звуки смягчили взволнованныя чувства слушателей, но нисколько не измѣнили ихъ приподнятаго настроенія.

„England arise!“ — запѣлъ голосъ изъ публики, и пѣсня любимаго народнаго поэта Эдуарда Карпентера была сразу подхвачена тысячью голосовъ:

„England arise! the long, long night is over,
Faint in the east, behold the dawn appear;
Out of your evil dream of toil and sorrow—
Arise, o England, for the day is here;
From your fields and hills,
Hark! the answer swells—
Arise, o England, for the day is here!

* * *

Over your face a web of lies is woven,
Laws that are falsehoods pin you to the ground,
Labour is mocked, its just reward is stolen,
On its bent back sits Idleness encrowned.
How long, while you sleep,
Your harvest shall it reap?
Arise, o England, for the day is here! etc.“

Этой энергичной и торжественной пѣсней закончился митингъ. Оживленная публика рассыпалась по мрачнымъ улицамъ Анкотса. Мы съ мистеромъ Роулей, артистамъ и мѣстной интеллигенціей отправились пить чай въ „образцовый рабочій коттедж“.

Этотъ коттеджъ по своей величинѣ и расположенію комнатъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ рабочихъ домиковъ Анкотса, но онъ обитъ изящными обоями работы Вильяма Морриса, на стѣнахъ его висятъ нѣсколько дешевыхъ по цѣнѣ, но прекрасно сдѣланныхъ снимковъ съ лучшихъ картинъ англійскихъ художниковъ; мебель простая, но оригинальная, также работы Морриса. Коттеджъ этотъ оплачивается, какъ и большинство другихъ домиковъ въ Анкотсѣ, 2¹/₂ руб. въ недѣлю. Но братство сдаетъ его даромъ молодой рабочей парѣ, которая содержитъ его въ замѣчательной чистотѣ и показываетъ его посѣтителямъ.

IV.

Комитетъ Анкотскаго братства печатаетъ каждый годъ брошюры съ отчетомъ и программой своей дѣятельности. Страницы этихъ брошюръ окаймлены всякаго рода цитатами изъ сочиненій великихъ людей, и одна изъ этихъ надписей гласитъ: „Нѣтъ сомнѣній,—никакое преобразование общественнаго строя не будетъ устойчивымъ, пока не совершится соотвѣтственное преобразование въ духовной жизни людей“. Въ этой фразѣ заключается ключъ къ пониманію дѣятельности Анкотскаго братства. Задача братства заключается исключительно въ томъ,

чтобы расширить умственный горизонтъ рабочаго, вызвать въ немъ болѣе высокія потребности, пробудить въ немъ дремлющія способности, эстетическій вкусъ, любовь къ природѣ. Для достиженія этихъ цѣлей „братство“ прибѣгаетъ къ весьма оригинальнымъ приѣмамъ. Такъ, напримѣръ, часть членовъ организовалась въ „клубъ прогулокъ“. Нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ рабочихъ отправляются каждое воскресенье—конечно, лѣтомъ—на прогулку за предѣлы Манчестера. Каждый разъ выбирается какое-нибудь новое мѣсто, извѣстное красотами своей природы. Если это мѣсто находится далѣе, чѣмъ въ двадцати верстахъ отъ Манчестера, компанія подѣзжаетъ станціи 2—3 по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ дѣлаетъ 10—15, а иногда и 20 верстъ пѣшкомъ. Прогулка, конечно, сопровождается закуской и чаепіиємъ на лонѣ природы, то есть пикникомъ. Экспедиціей обыкновенно руководить мистеръ Роулей или какое-нибудь другое лицо, имѣющее запасъ свѣдѣній о жизни природы вообще и о данной мѣстности въ частности. На такія прогулки каждый рабочій тратитъ отъ нѣсколькихъ копеекъ до рубля и больше. Нерѣдко какой-нибудь сельскій хозяинъ приглашаетъ къ себѣ весь клубъ, и тамъ имъ читается практическая лекція по земледѣлію, садоводству, огородничеству или пчеловодству. Если погода плоха и дороги неудобны для прогулокъ, вся компанія отправляется осматривать въ самомъ Манчестерѣ или въ какомъ-нибудь сосѣднемъ городѣ картинную галерею, музей или какое-нибудь зданіе, замѣчательное по своей архитектурѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочимъ прочитывается наглядная лекція специалистомъ. Такъ, напримѣръ, клубъ этотъ ходитъ часто въ манчестерскій университетъ (такъ наз. *Коллегія Оуэна*) осматривать имѣющіеся тамъ музеи: зоологическій, геологическій, ботанический и др. Осмотръ сопровождается лекціей профессора ботаники, зоологіи и т. п., причѣмъ лекторъ старается сообщить слушателямъ такія свѣдѣнія о жизни растений, животныхъ или объ исторіи земли, которыя были бы имъ полезны во время ихъ загородныхъ прогулокъ и, такъ сказать, держали бы имъ глаза открытыми на жизнь природы. Наряду съ клубомъ для прогулокъ пѣшкомъ, въ братствѣ существуетъ „клубъ велосипедистовъ“, совершающихъ такія же путешествія на своихъ велосипедахъ; этотъ клубъ насчитываетъ теперь 320 членовъ.

Легко видѣть, что этими прогулками въ извѣстной мѣрѣ достигаются всѣ тѣ цѣли, какія себѣ поставило братство. Но ими, сверхъ того, достигается еще одна важная вещь: благодаря имъ освѣжается и укрѣпляется организмъ рабочаго. Послѣ шести дней однообразной работы въ душной мастерской рабочій нуждается въ новыхъ впечатлѣніяхъ и прогулкѣ по полямъ по меньшей мѣрѣ столько же, сколько въ нихъ нуждается фабрикантъ, лэндлордъ или интеллигентъ. Тамъ, гдѣ онъ этихъ освѣжающихъ впечатлѣній не находитъ, его тянетъ въ кабакъ, къ вышивкѣ и драктѣ, стимулирующей ослабѣвшіе нервы.

Зимой дороги Англій обыкновенно покрыты грязью, и потому рѣдко удается совершить загородную прогулку пѣшкомъ или на велосипедахъ. Въ виду этого зимой братство проводитъ свои воскресенья въ Нью-Ислингтонъ-Холлѣ: днемъ читаются лекціи, сопровождаемыя концертами, вечеромъ устраиваются танцы и всякаго

рода товарищескія собранія. Наконецъ, когда попадаетея нѣсколько праздничныхъ дней подъ-рядъ (Пасха, Рождество, Троица, Банковые дни), устраивается какая-нибудь экскурсія за-границу. Такъ, братство посѣтило послѣднюю парижскую выставку, объѣздило въ прошломъ году города Голландіи и Бельгіи для осмотра картинныхъ галлерей и музеевъ, и т. п. Такія экскурсіи уже сопряжены съ значительными издержками, хотя, надо замѣтить, что, въ общемъ, онѣ обходятся дешево, такъ какъ желѣзныя дороги дѣлають крупныя уступки компаніямъ туристовъ.

Замѣтимъ еще, что Анготское братство лишено всякой политической окраски. Это не значитъ, что оно отрицаетъ политическую дѣятельность. Оно ея не отрицаетъ: оно предоставляет своимъ членамъ полную свободу вѣрить и дѣлать, что они хотятъ, въ области политики. Но, какъ *общественная организація*, братство задается лишь одной задачей: возвысить духовный уровень своихъ членовъ и доставить имъ наибольшую сумму счастья. Въ выборѣ лекторовъ и сюжетовъ для своихъ лекцій братство сторонится всякихъ предубѣжденій и заботится лишь о томъ, чтобы каждый вопросъ былъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ, для иллюстраціи, программа лекцій для текущей зимы:

7 октября 1900 г. *Эстлинъ Карпенгеръ* (профессоръ оксфордскаго университета): „Конфуцій и китайскіе мудрецы“. 14 октября. *Огюстинъ Биррель* (тайный совѣтникъ, радикальный членъ палаты общинъ): „Томасъ Карлейль“. 21 октября: *Эйлеръ Модъ* (англійскій популизаторъ и послѣдователь ученія Л. Толстого). „Искусство и жизнь“. 28 октября. *Джорджъ Харвудъ* (либеральный членъ палаты общинъ): „Иисусъ Христосъ“.

4 ноября 1900 г. *Преосвященный Раунслей*: „Мистерія первыхъ вѣковъ христіанства“. 11 ноября. *Князь П. Крапоткинъ*: „Русская литература“. 18 ноября. *Фордъ Дэвисъ* (юристъ): „Эволюція общественной науки“. 25 ноября. *Докторъ Стэббсъ* (христіанскій социалистъ, занимающій очень высокій постъ въ англиканской церкви): „Шекспиръ, какъ учитель религіи“.

2 декабря 1900 г. *Волтеръ Баттерворсъ* (гласный манчестерской думы): „Вожественная комедія Данте“. 9 декабря. *Миссъ Жанетъ Ачерчъ* (актриса): Бесѣды о театрѣ. 16 декабря. *Чарльсъ Хюгсъ*: „Шейлокъ Шекспира“. 23 декабря. *Джонъ Харвудъ*: „Чтенія изъ Диккенса“.

6 января 1901 г. *Г-жа Скоттъ* (жена редактора лучшей радикальной газеты „Manchester Guardian“): „Наши задачи въ новомъ вѣкѣ“. 13 января: *Профессоръ Хиксонъ*: „Первобытные народы“. Съ туманными картинками. 20 января. *Филсонъ Юнгъ* (военный корреспондентъ): „Снятіе осады съ Мэфкинга“. 27 января. *Дж. Грэггъ*: „О патриотизмѣ“.

3 февраля 1901 г. *Г-жа Друммонъ Фрэйзеръ*: „Красоты семейной жизни“. 10 февраля. *Джонъ Вокеръ*: „Чтенія изъ Роберта Брунинга“. 17 февраля. *Дж. Аткинсъ* (военный корреспондентъ): „Освобожденіе Лэдисмита и походъ Роберта къ Влюмфонштейну“.

V.

На слѣдующій день я поѣхалъ осматривать Манчестеръ и его учрежденія.

Мистеръ Роудей, въ качествѣ мирового судьи, повелъ меня прежде всего въ мировой судъ. Это была настоящая фабрика буржуазнаго правосудія: огромная, высокая, свѣтлая комната, раздѣленная на цѣлый рядъ отдѣленій различной величины съ отдѣльными входами. Процессъ правосудія совершается съ быстротой необычайной, благодаря приѣмленію высокоусовершенствованной системы раздѣленія труда. Всѣ роли тщательно распределены и заранее подготовлены самымъ добросовѣстнымъ образомъ, чисто по-англійски. Судебный приставъ вызываетъ подсудимаго, сторожъ вводитъ его, секретарь читаетъ дѣло, свидѣтель, — обыкновенно городской, — принимаетъ присягу и даетъ показанія, подсудимый подтверждаетъ или опровергаетъ свидѣтеля, официальный обвинитель резюмируетъ обвиненіе, судья ставитъ приговоръ или откладываетъ дѣло. Всякій изъ участвующихъ лицъ имѣетъ свое отдѣленіе со всѣми приспособленіями для наиболѣе быстрого исполненія ролей, и весь механизмъ работаетъ съ быстротой, чисто волшебной. Вы положительно не успѣваете оглянуться, какъ дюжина важныхъ джентльменовъ уже успѣла одинъ за другимъ подняться, что-то сказать, снова усесться, и въ отдѣленіи для подсудимыхъ какой-нибудь жалкій бѣднякъ изъ Анкотса или другого рабочаго квартала успѣлъ уже смѣниться другимъ такимъ же жалкимъ нарушителемъ закона. Дѣла по большей части мелкія и однородныя: прошеніе милости, беспорядокъ на улицѣ, произведенный подвыпившимъ рабочимъ, нарушеніе санитарныхъ законовъ, мелкая кража или мошенничество и т. п.

Главнымъ, по большей части единственнымъ свидѣтелемъ обыкновенно является городской, накрывшій нарушителя закона. Онъ показываетъ подъ присягой и, должно быть показываетъ правду: англійскій городской по большей части неподкупенъ. Подсудимый обыкновенно не возражаетъ.

— Имѣете ли вы что-нибудь сказать, подсудимый? — спрашиваетъ безстрастнымъ голосомъ судья.

— Ничего не имѣю, your Lordship! — отвѣчаетъ жалкій бѣднякъ робкимъ голосомъ, какъ бы угнетенный тѣмъ, что заставлялъ столько важныхъ джентльменовъ утруждать себя по его дѣлу.

— Десять шиллинговъ штрафа, съ замѣной, въ случаѣ неуплаты, тремя днями тюрьмы! — возглашаетъ строгій представитель Феиды.

И бѣднякъ спѣшитъ внести 10 ш., если имѣетъ ихъ, и бѣжить домой къ семьѣ, довольный, что такъ дешево отдѣлался за свое несурзазное поведеніе на улицѣ. Онъ знаетъ, что если бы онъ сталъ возражать противъ показаній толстого городского и ссылаться на своихъ свидѣтелей, дѣло бы затянулось и, въ концѣ концовъ, его бы, быть можетъ присудили къ болѣе суровому наказанію. Такимъ образомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, весь процессъ правосудія сводится къ показанію городского и къ чтенію приговора.

— На прошлой недѣлѣ я въ одинъ день рѣшилъ 260 дѣлъ, — сказалъ мнѣ вчера мистеръ Роудей. Теперь я понялъ, какъ онъ могъ это сдѣлать.

Изъ камеры мирового судьи мы отправились прямо въ мѣстную тюрьму (*Local Prison*). Въ мѣстныхъ тюрьмахъ Англіи отсиживаютъ осужденные на срокъ не свыше двухъ лѣтъ. Осужденные на болѣе долгіе сроки заключаются въ арестантскія или каторжныя тюрьмы (*Convicts' Prisons*).

Я вынесъ изъ мирового суда ощущеніе какой-то подавленности. Какъ бы ни былъ хорошо организованъ судъ,—онъ волей-неволей долженъ держаться рамокъ главнымъ образомъ „формальной“ правды и рѣдко можетъ дать волю чувству правды матеріальной и жизненной, и потому, при современныхъ условіяхъ, никакой судъ, какъ бы онъ ни былъ независимъ отъ исполнительной власти, не можетъ вызвать въ васъ чувства удовлетворенности, не можетъ произвести на васъ отраднаго впечатлѣнія. Но отправиться изъ суда въ тюрьму,—значитъ попасть изъ огня въ полымя. Видъ людей, лишенныхъ свободы, этого самого неотъемлемаго условія всякой жизни, производитъ всегда самое тягостное впечатлѣніе.

Я почувствовалъ это, лишь только закрылись за нами огромныя рѣшетчатыя ворота, и мы очутились въ самомъ центрѣ тюрьмы. Эта тюрьма была выстроена по плану всѣхъ современныхъ одиночныхъ тюремъ, которыхъ мнѣ удалось осмотрѣть множество, когда я принималъ участіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—въ международномъ конгрессѣ криминалистовъ. Изъ круглой центральной огромной башни расходятся въ видѣ радіусовъ нѣсколько крыльевъ зданія; каждое крыло пусто, но стѣны его состоятъ изъ нѣсколькихъ этажей одиночныхъ камеръ съ узкими желѣзными галереями вдоль стѣнъ. Я заглянулъ въ нѣкоторыя изъ этихъ камеръ. Онѣ были тщательно вымыты, но миниатюрны, клѣткообразны. На полкѣ имѣлось нѣсколько книгъ изъ тюремной библіотеки, отчасти духовнаго, но главнымъ образомъ свѣтскаго содержанія. Въ окнахъ — слѣпныя матовыя стекла, чтобы заключенные не смотрѣли въ нихъ. Въ нѣкоторыхъ камерахъ я нашелъ арестантовъ сидящими на полу и кроющими или шьющими мѣшки. Лица блѣдныя безжизненныя.

— Много ли они зарабатываютъ?—спросилъ я надзирателя.

— Которые досиживаютъ до двухъ лѣтъ, уносятъ иногда съ собою до двухъ фунтовъ (до 20 руб.),—больше они не могутъ заработать за два года.

Большинство заключенныхъ было или на прогулкѣ, или на совѣстной работѣ. Гуляютъ они по кругу на обширномъ дворѣ. Процессъ прогулки англичане тоже усовершенствовали. Заключенные гуляютъ по тремъ концентрическимъ кругамъ. По вѣшнему наибольшему кругу гуляютъ здоровые и сильные арестанты: по среднему—болѣе слабые, старики и малолѣтки; наконецъ, по небольшому внутреннему кругу еле влачатъ свои ноги больные. Если бы они гуляли всѣ вмѣстѣ по одному кругу, старики и больные задерживали бы молодыхъ и здоровыхъ.

Совѣстная работа производится на тюремной мельницѣ, учрежденіи, столь же оригинальномъ, сколько возмутительномъ. Роль двигательной силы здѣсь исполняетъ не паръ и не паденіе воды, а человекъ. Мельница приводится въ движеніе посредствомъ вдѣланнаго въ стѣну колеса съ лопастями, напоминаю-

цаго парходныя колеса, съ той, однако, разницей, что длина мельничныхъ лопастей равна футамъ двадцати. Стѣна, въ которой вертится колесо, раздѣлена вертикально на нѣсколько перегородокъ, и въ каждой перегородкѣ работаетъ по одному арстанту. Работа заключается въ томъ, что арстантъ поднимается по лопастямъ, какъ по ступенькамъ лѣстницы; лопасть уступая тяжести его тѣла, опускается, арстантъ поднимается на слѣдующую лопасть, которая также опускается и т. д. Такимъ-то образомъ, подъ тяжестью 10—12 человѣческихъ тѣлъ, двигаются лопасти, колесо и вся мельница. Трудъ этотъ очень утомителенъ, такъ какъ приходится напрягать постоянно одни и тѣже мускулы, а главное—онъ угнетаетъ своей необычайной монотонностью. Арстанты отдѣлены другъ отъ друга перегородками; поднимаясь по лопастямъ, они обращены лицомъ къ стѣнѣ,—можно сказать, почти упираются носомъ въ стѣну. Такимъ образомъ, они лишены во время работы всякихъ зрительныхъ впечатлѣній.

Арстанты не въ силахъ выносить болѣе шести часовъ такой работы въ день. Они работаютъ подъ-рядъ только четверть часа и затѣмъ по очереди отдыхаютъ пять минутъ на стулѣ. Во все время работы надзиратель выкрикиваетъ номера арстантовъ, которымъ пора присѣсть, и номера другихъ, которые должны замѣнить кончившихъ свои пятнадцать минутъ работы.

— Six off! Ten on! Five off! Nine on! Шестъ внизъ! Десять вверхъ! Пять внизъ! Девять вверхъ! — раздаются непрестанныя выкрикиванія надзирателя; арстанты смѣняются другъ друга, и ихъ безжизненные лица ясно показываютъ, что они не что иное, какъ мертвыя части мельничнаго механизма, изобрѣтеннаго съ спеціальной цѣлью, „чтобы человѣкъ не баловался“...

Не стану передавать всѣхъ деталей тюремнаго режима. Онъ такой же, какъ и повсюду въ одиночныхъ тюрьмахъ; разница лишь та, что въ Англии этотъ режимъ проводится съ большею строгостью и неумолимостью. Весь этотъ режимъ направленъ къ тому, чтобы лишить арстанта всѣхъ радостей существованія, превратить его въ машину, способную лишь исполнять чужія приказанія, стереть всякій слѣдъ его индивидуальности и уничтожить остатокъ его воли. Превращенный въ безвольнаго и окончательно разслабленнаго субъекта, арстантъ по отбытіи срока выходитъ на волю еще менѣе способнымъ противостоять искушенію, чѣмъ онъ былъ до заключенія въ тюрьму. И современная система строгаго одиночнаго режима является школой не „исправленія“ преступниковъ, а подготовленія ихъ къ рецидивизму.

— Наши заключенные не долго гуляютъ на волѣ. Они всегда возвращаются скоро назадъ къ намъ,—говорили мнѣ въ одинъ голосъ надзиратели тюремъ.

Передъ тѣмъ, какъ оставить тюрьму, мы зашли къ ея начальнику проститься.

— Ну, какъ вы нашли нашу тюрьму?—обратился онъ ко мнѣ самодовольнымъ голосомъ.

Я ему отвѣтилъ, что нахожу режимъ ея ненужно жестокимъ, слишкомъ мало обращающимъ вниманіе на человѣческое достоинство заключенныхъ.

Начальникъ сдвинулъ брови.

— Если бы сдѣлать дальнѣйшія послабленія, то ужъ лучше совсѣмъ закрыть тюрьму. И безъ того арестанты теперь совсѣмъ распущены благодаря новому закону 1899 г. Этотъ законъ сдѣлалъ тюрьму гостиницей...

И энергичный начальникъ бросилъ суровый взглядъ на стоявшихъ у дверей двухъ надзирателей.

— Какія же послабленія ввелъ новый законъ?—мягко освѣдомился мистеръ Роудей.

— Какія послабленія?!—съ силой повторилъ начальникъ. — Тысячу послабленій! Возьмите напримѣръ письма. Прежде краткосрочные получали право написать первое письмо своимъ роднымъ черезъ три мѣсяца по прибытіи въ тюрьму а второе письмо черезъ новыхъ три мѣсяца. А теперь они пишутъ первое письмо черезъ два мѣсяца, а затѣмъ они имѣютъ право писать каждый мѣсяць по письму!.. И то же самое со свиданіями.

— Ну и что жъ? При старомъ законѣ многіе ли изъ отбывшихъ наказаніе попадали снова въ тюрьму?—спросилъ я.

— То-то и есть, что и при старомъ режимѣ рѣдко кто не попадалъ обратно. А ужъ что будетъ теперь,—и сообразить не могу...

Спорить съ этимъ профессиональнымъ тюремщикомъ было бесполезно.

— А скажите пожалуйста, почему это арестантамъ не позволяется зарабатывать въ тюрьмѣ болѣе фунта ст. въ годъ? Вѣдь если бы они могли честнымъ трудомъ скопить въ тюрьмѣ нѣсколько денегъ,—они бы по выходѣ на волю имѣли больше шансовъ найти какой-нибудь честный заработокъ, — спросилъ я начальника на прощаньи.

— Да помилюйте, если бы тюрьма давала хорошей заработокъ, тогда намъ отбою не было бы отъ арестантовъ. Всѣ потянулись бы въ тюрьмы...

Мы поторопились выйти на свѣжій воздухъ.

Д. Сатуринъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Городскіе выборы.

(Письмо изъ Саратова).

Нигдѣ и никогда на протяженіи 30 лѣтъ (т. е. со времени введенія городского положенія) не былъ такъ рѣзко поставленъ вопросъ объ участіи и значеніи интеллигенціи въ городскомъ общественномъ самоуправленіи, какъ у насъ въ Саратовѣ въ нынѣшнюю избирательную кампанію.

Здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, до настоящаго года въ сущности не было рѣзкаго дѣленія кандидатовъ въ гласныя думы на партіи, не было и настоящей предвыборной и избирательной борьбы: „черная сотня“ всецѣло и безраздѣльно „княжила и володѣла“ городомъ и, повидному, никто спорить и прекословить этому не хотѣлъ. Правда, и прежде передъ выборами „киты“ какъ будто немного оживлялись и волновались, но это было волненіе людей, желавшихъ провести въ думу „своего человѣчка“ или „устранить“ нежелательнаго конкуррента-лабазника.

Повторяемъ, все шло тихо и гладко въ теченіе 30 лѣтъ и, переступая порогъ XX столѣтія, наши „толстосумы“ полагали, что такъ пойдетъ дѣло и впредь. Какъ вдругъ раздался громъ съ яснаго неба, и передъ самымъ носомъ биржевиковъ выросъ съ ногъ до головы вооруженный врагъ; этотъ врагъ смѣло оспаривалъ права монополистовъ на владѣніе городомъ и дерзко вызывалъ ихъ сразиться.

Въ одномъ лагерѣ были давно знакомые намъ „отцы города“, гг. лабазники, въ другомъ—небольшая кучка людей, не владѣющихъ ни трактирами, ни заводами, ни лавками, но сильныхъ духомъ и богатыхъ умомъ и знаніями. Они скромно называли себя „новодумцами“, такъ какъ мечтали обновить старую, затхлую думу, и на своемъ знамени написали: „наша сила въ единеніи и стремленіи безкорыстно служить на пользу пасынковъ города“.

21 января было устроено первое совѣщаніе избирателей новодумской партіи подъ предсѣдательствомъ стараго гласнаго гр. А. Д. Нессельроде; на собраніи присутствовало около 100 человѣкъ, и имъ предложена была слѣдующая печатная программа:

Не группировка вокругъ извѣстныхъ лицъ, а лишь объединеніе на почвѣ общихъ принциповъ можетъ въ общественной жизни принести пользу. Кличка

такой группѣ объединившихся людей безразлична. Назовите ихъ хоть новодумцами. Отмѣтимъ только пункты, которые должны быть включены въ ихъ программу.

1. Наивозможнѣйшее расширеніе (путемъ докладовъ, ходатайствъ и т. п.) круга лицъ, имѣющихъ пользоваться избирательнымъ правомъ на городскихъ выборахъ.

2. Наибольшее объединеніе дѣятельности городскихъ органовъ съ дѣятельностью отдѣльныхъ Обществъ культурнаго или благотворительнаго характера, съ привлеченіемъ всѣхъ живыхъ силъ къ городу, какъ первоисточнику городской общественной дѣятельности.

3. Самая широкая огласка дѣятельности городскихъ органовъ и постоянное ознакомленіе населенія съ состояніемъ городского хозяйства путемъ изданія, по примѣру другихъ городовъ, собственнаго органа печати.

4. Серьезнѣйшее предварительное изученіе всѣхъ фактовъ и матеріаловъ, касающихся городской жизни, и постоянное наблюденіе за ними, въ связи съ устройствомъ городской статистики.

5. Постепенное повышеніе образовательнаго ценза, требуемаго отъ городскихъ служащихъ.

6. Раціональная переоценка городскихъ имуществъ и—какъ послѣдствіе ея—болѣе равномерное распредѣленіе тяжести налога между плательщиками.

7. Широкое развитіе городскихъ промышленныхъ предпріятій.

8. Достиженіе наибольшаго вліянія города въ регуляризациі торговли предметами первой необходимости. Содѣйствіе при организациі Обществъ потребителей, взаимопомощи и т. п.

9. Переорганизациа сдачи въ аренду городскихъ земель на болѣе справедливыхъ началахъ. Ходатайство предъ правительствомъ объ отпускѣ ссуды на меліорацию. Развитіе агрономической помощи арендаторамъ.

10. Упорядоченіе дѣятельности городскихъ органовъ. Учрежденіе самостоятельной комиссиі объ общественныхъ пользахъ и нуждахъ. Установленіе думскими постановленіями наиболѣе правильной дѣятельности городскихъ органовъ, начиная съ управы.

11. Возобновленіе ходатайства о выдѣленіи города въ особую земскую единицу.

12. Ходатайствованія о созывахъ въ Москвѣ постоянныхъ съѣздовъ городскихъ дѣятелей при существованіи тамъ же постоянного ихъ бюро съ изданіемъ общаго органа на общія всѣхъ городовъ средства.

13. Введеніе въ жизнь всѣхъ мѣропріятій, могущихъ содѣйствовать полнотѣ умственнаго и нравственнаго развитія населенія. Борьба съ алкоголизмомъ.

14. Образцовая постановка вопроса объ отношеніяхъ города, какъ хозяина къ своимъ рабочимъ. Устройство пенсіонныхъ кассъ, страхованія и т. п.

15. Изданіе обязательныхъ постановленій, охраняющихъ интересы здоровья рабочаго класса отъ неблагоприятныхъ условій ихъ труда. Защита малолѣтнихъ рабочихъ.

16. Улучшеніе санитарныхъ условій города въ самомъ широкомъ смыслѣ.

17. Развитіе профессиональнаго образованія и кустарныхъ промысловъ.

18. Организациа мелкаго кредита на основаніи изученія мелкой городской промышленности.

19. Объединеніе отдѣльныхъ организацій общественнаго призрѣнія и руководствъ ими. Забота о заброшенныхъ дѣтяхъ, неизлѣчимыхъ больныхъ и т. п.

По прочтеніи программы, д-ръ Романовъ предложилъ дополнить ее нѣкото-

рмня болѣе точными пунктами, касающимися необходимыхъ для города санитарныхъ мѣропріятій. Ораторъ говорилъ объ ужасной смертности въ Саратовѣ (41 на тысячу), въ два и болѣе раза превышающей смертность европейскихъ городовъ, и вообще признаеть Саратовъ по санитарному состоянію неблагополучнымъ. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на смертность дѣтей, составляющую треть всей смертности, и на недостатокъ помѣщеній въ заразныхъ отдѣленіяхъ больницъ при наличности постоянныхъ гнѣздъ заразныхъ болѣзней въ родѣ ночлежныхъ домовъ. Д-ръ Романовъ въ заключеніе предлагалъ внести въ программу слѣдующіе пункты: 1) ввести въ городѣ канализацію и дренажъ, 2) расширить и улучшить водоснабженіе, 3) улучшить замощеніе улицъ, 4) учредить надзоръ за съѣстными припасами и особенно молокомъ, 5) расширить заразные отдѣленія больницъ и 6) устроить образцовыя ночлежныя квартиры.

Нѣкоторые ораторы подвергли строгой критикѣ существующую до сихъ поръ систему городского „хозяйничанья“, указывали на вредъ преобладанія купцовъ въ составѣ думы, на ихъ косность и противодѣйствіе расширенію избирательныхъ правъ; другіе выясняли огромное значеніе и необходимость организаціи новой партіи (новодумской), способной провести въ жизнь всѣ пункты намѣченной программы; третьи останавливались на вопросѣ о тактикѣ и избирательной дисциплинѣ. Въ заключеніе собраніе постановило: избрать комитетъ, который занялся бы привлеченіемъ избирателей и составленіемъ списка желательныхъ кандидатовъ въ городскіе гласные.

Черезъ недѣлю (28-го января) было устроено второе совѣщаніе новодумской партіи, которое привлекло еще болѣе участниковъ и носило чисто дѣловой характеръ. Каждому, входившему въ залъ собранія, вручались два списка: 1) списокъ избирателей, приглашенныхъ примкнуть къ новодумской программѣ, и 2) списокъ кандидатовъ новодумской партіи въ гласные думы. Въ первомъ списокѣ значилось 255 избирателей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ слоямъ городского населенія; во второмъ было записано 105 человекъ разныхъ профессій и сословій; изъ нихъ только 31 человекъ изъ состава прежней думы. Этотъ списокъ впоследствии былъ пополненъ еще 9 кандидатами; и такимъ образомъ, общее число кандидатовъ новодумской партіи равнялось 114, изъ коихъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, насчитывалось ровно 50; по своему общественному положенію кандидаты раздѣлялись такъ: купцовъ 28 человекъ, присяжныхъ повѣренныхъ и юристовъ 19, врачей 12, инженеровъ 10, бухгалтеровъ 9, офицеровъ 5, учителей 4, нотаріусовъ 3, аптекарей 2, агрономъ 1 и разныхъ профессій 21.

Такимъ образомъ, проектируемая дума, будучи вполне интеллигентной, не только не исключаетъ купеческаго элемента, но отводитъ ему очень видное мѣсто,—до $\frac{1}{4}$ всѣхъ кандидатовъ. Но среди намѣченныхъ новодумцами кандидатовъ изъ купцовъ—много лицъ съ высшимъ образованіемъ или извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей въ области культуры и благотворенія.

Открывши собраніе, предсѣдатель гр. А. Д. Нессельроде отъ имени комитета предлагалъ слѣдующій порядокъ занятій: пусть каждый избиратель въ получен-

номъ имъ печатномъ списокѣ кандидатовъ вычеркнуть нежелательныхъ, по его мнѣнію, лицъ или дополнить списокъ пропущенными, по его мнѣнію, желательными кандидатами и передать въ бюро, которое будетъ сейчасъ образовано для подсчета и окончательнаго списка кандидатовъ. Предложеніе это было принято собраніемъ.

Въ концѣ совѣщанія г. Алексѣевъ дѣлаетъ заявленіе, что группа избирателей мѣщанъ въ 180 человекъ жадеетъ присоединить свои голоса за кандидатовъ новодумской партіи, если, въ свою очередь, послѣдняя будетъ подавать голоса за 12 кандидатовъ мѣщанской партіи (представленъ списокъ). Собраніе, однако, не рѣшилось тотчасъ дать тотъ или иной отвѣтъ мѣщанскимъ уполномоченнымъ и постановило передать ихъ предложеніе на предварительное заключеніе избирательнаго комитета.

Черезъ 2 дня въ мѣстныхъ газетахъ мѣщанами было опубликовано, что съ передачей „списка“ у нихъ вышла „ошибка“ (?), что они, мѣщане, всегда имѣли тяготѣніе къ купцамъ, а съ интеллигентами не хотятъ имѣть ничего общаго. Списокъ мѣщанскихъ кандидатовъ перешелъ на биржу, гдѣ въ это время происходили засѣданія купеческой партіи.

21-го января здѣсь устроено было первое совѣщаніе, подъ предѣдательствомъ Н. И. Селиванова (предѣдателя биржевого комитета), для подготовленія къ городскимъ выборамъ. Это собраніе ознаменовалось рѣчью руководителя „Сарат. Дневн.“ (газета принадлежитъ виднымъ купцамъ) г-на Марковича. Человѣкъ, получившій высшее образованіе, выступаетъ передъ собраніемъ лабазниковъ и мазутчиковъ и начинаетъ протестовать противъ „интеллигентовъ“. Въ рѣчи „мазутнаго оратора“ особенно хороши были тѣ мѣста, гдѣ интеллигенты сравнивались съ китайскими мандаринами, „которые, хотя и имѣютъ ученныя степени, но привели свое отечество къ гибели“. Выводъ по отношенію къ новодумцамъ—ясенъ. Впрочемъ, великодушный ораторъ отмѣчаетъ и хорошія качества интеллигенціи,—это люди, которыхъ съ несомнѣнной пользой можно посылать... въ экспедиціи къ сѣверному полюсу! Такая рѣчь кандидата физико-математическихъ наукъ сильно понравилась толстосумамъ, и въ благодарность за „усердіе“ предѣдатель собранія г. Селивановъ усиленно рекомендовалъ его выбрать въ гласные.

Рѣчь другого оратора г. Карноухова (если можно назвать рѣчью несвязное бормотанье) отличалась еще большей откровенностью. Этотъ „ораторъ“ смотритъ на интеллигентовъ, какъ на зачумленныхъ, и боится ихъ, какъ „иноплеменниковъ“, которые, какъ вступаютъ въ управленіе городомъ, такъ и примутся за санитарію.

Однако, добрые люди внушили откровеннымъ ораторамъ биржи, что съ подобными аргументами далеко не уѣдешь, — во всякомъ случаѣ не дальше „Будильника“; и вотъ не болѣе какъ черезъ недѣлю лидеры торгово-промышленной партіи явились на биржу немного умытыми. Поились длинныя и сладкія (хотя и не всегда складныя) рѣчи о значеніи торговли и промышленности для государства вообще и города Саратова въ частности; говорили о томъ, что всѣмъ

лучшимъ и въ области народнаго просвѣщенія, и въ области вѣшняго благоустройства, и въ области экономическихъ улучшеній городъ обязанъ купцамъ—и только имъ однимъ; что же касается гласныхъ изъ интеллигенціи, то они всегда и вездѣ тормозили всякія благія начинанія представителей Верхняго Базара!

Потомъ ораторы биржи занялись разборомъ новодумской программы, которую они называли то „утопіей“, то „скороспѣлой ученической работой“, то простымъ „пересказомъ городского положенія“, то „наборомъ фразъ и общихъ мѣстъ“. Сильно досталось и самимъ новодумцамъ. Многіе ораторы хотѣли видѣть въ нихъ лишь слѣпое орудіе членовъ управы и всю партію называли не новодумской, а управской; другіе дошли до того, что всю „эту затѣю“ приписывали адвокату Славину, которому нужно-де провести въ думу своихъ родственниковъ чуть не до 10-го колѣна. Нѣкоторые третировали новодумцевъ, какъ несмысленнейшей и идиотиковъ, едва умѣющихъ отличать правую руку отъ лѣвой.

Иные заподозривали „новодумцевъ“ въ особой политикѣ. Такъ, г. Селивановъ просилъ собраніе „хорошенько выикнуть“ въ новодумскій списокъ. „Въ немъ,—говорилъ онъ,—110 кандидатовъ,—изъ нихъ 23 купца и 77 другихъ лицъ. Но не подумайте, что всѣ 23 купца пройдутъ. Я убѣжденъ, что относительно купцовъ у новодумцевъ есть особое „соглашеніе“. Сперва они проведутъ всѣмъ составомъ своихъ голосовъ не-купцовъ, а на долю купцовъ отвѣдутъ „маленечко поменьше“ голосовъ. Что же выйдетъ? А вотъ что. Въ гласные пройдутъ 77 интеллигентовъ, а на долю купцовъ останется *три мѣста*... Понимаете ли, три мѣста! Остальные же купцы, допущенные новодумскою партією, попадутъ въ „кандидаты къ гласнымъ“, т. е. такъ хотѣли бы устроить новодумцы. И вотъ новодумцы возьмутъ въ руки городское управленіе. Чему же мы отъ нихъ научимся?“

Но и это не все: Л. С. Лебедевъ и Д. Е. Карноуковъ настолько разошлись, что начали обвинять своихъ заклятыхъ враговъ—новодумцевъ—не болѣе, не менѣе, какъ въ хищеніяхъ, причемъ первый изъ ораторовъ сдѣлалъ даже такого рода обобщеніе: „Когда у насъ совершаются растраты купцами, то всѣ (и общество, и печать) объ этомъ кричатъ всеуслышаніе, когда же расточителемъ общественныхъ суммъ является интеллигентъ, всѣ стараются замалчивать этотъ фактъ“.

Оргія закончилась исключеніемъ изъ списка кандидатовъ всѣхъ видныхъ руководителей новодумской партіи. Отъ гг. биржевниковъ перейдемъ теперь опять въ станъ новодумцевъ.

2 февраля въ зданіи клуба состоялось послѣднее, самое оживленное и многочисленное собраніе новодумцевъ; присутствовало около 200 человекъ.

Послѣ обсужденія разныхъ дѣловыхъ вопросовъ новодумцы перешли къ рѣчамъ, отличнo характеризующимъ и то положеніе, какое заняла эта партія, и ея значеніе для общественной жизни Саратова.

Такъ, г. Токарскій сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Наша партія возникла всего 12 дней тому назадъ. Ея программа подверглась ожесточенной критикѣ со стороны противной партіи. Эта послѣдняя колыхнулась и задумалась

надъ тѣмъ, что она такое. Сначала она назвала себя „купеческой“ партией, а потомъ „торгово-промышленной“. Теперь опредѣленіе сдѣлано, и это — первый результатъ новодумской программы. Назвавшись „торгово-промышленной“, партія значительно сократила свои права въ городскомъ управленіи, потому что она представляетъ собой не интересы всего населенія, а интересы кружка, одного торгово-промышленнаго класса. Затѣмъ вмѣсто серьезной критики нашей программы она пустилась на мелкія придирки, стала искать у насъ того, чѣмъ сама всегда обладала, именно — мелкихъ личныхъ побужденій. Дошли до того, что всю агитационную предвыборную дѣятельность приписали одному лицу, И. Я. Славину, который желаетъ провести въ думу своихъ родственниковъ. Но кто же повѣритъ этой нелѣпости, чтобы личные интересы одного лица могли объединить и сплотить такое большое общество? Неужели это критика? „Саратовскій Дневникъ“ довелъ эти нелѣпости до Геркулесовыхъ столбовъ, заподозривши новодумскую партію даже въ томъ, будто она нарочно добилась назначенія выборовъ въ субботу въ расчетѣ на отсутствіе купеческихъ избирателей, привыкшихъ по субботамъ ходить въ церковь и мыться въ банѣ (*смѣхъ*). Словомъ, возгорѣлась такая борьба, программа произвела такой эффектъ, какого мы и не ожидали. Намъ кидаютъ смѣшныя слова, будто мы молоды и легкомысленны, не средн насъ много людей, которыя по 20—30 лѣтъ уже за свой счетъ работаютъ въ разныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ Обществахъ... Мы стоимъ за общественно-городское хозяйство, а не за интересы какого-нибудь одного класса, какъ партія торгово-промышленная, и не за отдѣльныхъ личностей (*рукоплесканія*).

Встаетъ прис. пов. *И. Я. Славинъ* и произноситъ слѣдующую рѣчь: „Я уже 22 года безсмысленно состою гласнымъ думы, и на моихъ глазахъ она обивается 7-й разъ, но ничего подобнаго той избирательной агитаціи, свидѣтелями которой мы сейчасъ являемся, прежде не бывало. Тогда предвыборная агитація ограничивалась тѣснымъ кругомъ лицъ: теперь на собранія избирателей можетъ придти каждый, и даже партія биржи и взаимнаго кредита мало-по-малу открываетъ свои двери; не менѣе удивительно и то, что очень небольшой кружокъ лицъ,—изъ тѣхъ, которыхъ не приглашаютъ на биржу, своего рода „оглашенныхъ“,—организовался и создалъ новое, не только у насъ, въ Саратовѣ, но и вообще во всей Россіи, явленіе: открытое провозглашеніе программы. Торгово-промышленная партія встрѣтила его съ озлобленіемъ, озлобленіемъ монополиста, почувшаго соперника. Этотъ соперникъ пока еще малъ, но онъ подрастетъ и явится выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Пусть Юпитеръ сердится но онъ самъ виноватъ, что не привлекъ на свою сторону общества, что прикрывался тайной. Мы уже и теперь одержали побѣду, заставивъ нашихъ противниковъ отворить двери, вести свою агитацію гласно. Благодаря этому, мы узнали, въ чемъ обвиняютъ интеллигенцію. И чѣмъ только не стараются запугать! Говорятъ, что разъ только интеллигенты станутъ во главѣ управленія городомъ, они разорятъ торговлю, уничтожатъ фабрики. Не вѣдь это — сказки для дѣтей младшаго возраста, которымъ уже не повѣрятъ

дѣти средняго возраста. Представители торгово-промышленной партіи говорятъ: „Мы безкорыстны, у насъ нѣтъ матеріальныхъ интересовъ“. Но когда въ серединѣ 80-хъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ возбудило вопросъ о законности существованія нмущества купцовъ и мѣщанъ и предложило передать его городу, то торгово-промышленное сословіе, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, воспротивилось этому и ходатайствовало въ Петербургѣ о томъ, чтобы реформа эта не вводилась. Вотъ какъ заботятся она объ интересахъ города! Другой примѣръ. Въ думѣ возникъ вопросъ о надѣленіи квартирантовъ избирательными правами. Какъ же отнеслась къ нему торгово-промышленная партія? Она сравнила квартирантовъ съ дикой ордой, которая придетъ, все разрушитъ, и высказалась противъ расширенія избирательныхъ правъ“.

Послѣ цѣлаго ряда рѣчей, въ которыхъ ораторы-гласные какъ будто давали отчетъ передъ своими избирателями, председатель *гг. Нессельроде* призываетъ собраніе новодумцевъ твердо стоять за своихъ кандидатовъ и другъ за друга. Въ отвѣтъ на опасеніе, что новую партію провалятъ на выборахъ, ораторъ указываетъ на историческіе примѣры, когда слабый, но правый, боролся съ успѣхомъ противъ сильнаго. „Да и сейчасъ мы присутствуемъ при подобной борьбѣ буровъ съ англичанами... Пусть девизомъ новодумцевъ будетъ: одинъ за всѣхъ и всѣ за одного!“ (*Рукоплесканія*).

Въ бѣгломъ очеркѣ предвыборной агитаціи мы дошли до самой избирательной урны; но тутъ мы должны на-время воротиться назадъ. Дѣло въ томъ, что борьба партій далеко не ограничивалась стѣнами биржи и клуба; въ ней приняли участіе рѣшительно всѣ слои общества, весь городъ, не исключая и окраинъ. Трудно передать то оживленіе, ту необыкновенную страстность, съ какою на разные лады обсуждались вопросы о новодумцахъ, ихъ программѣ, приблизительныхъ шансахъ на побѣду, о биржевикахъ и проч. проч. Нужно правду сказать, что на сторонѣ торгово-промышленной партіи было все, кромѣ кажется, правды: во-первыхъ, она владѣла правомъ давности, такъ какъ безраздѣльно царствовала надъ городомъ подъ-рядъ 30 лѣтъ; во-вторыхъ, ея вожаки стоятъ во главѣ Общества взаимнаго кредита и держатъ въ своихъ рукахъ всѣхъ купцовъ и промышленниковъ, а потому перейти къ новодумцамъ значило навсегда лишиться себя кредита въ названномъ Обществѣ, но на это едва ли у многихъ хватить гражданскаго мужества; далѣе, взаимно-кредитная партія имѣетъ такое качество, котораго лишены ея противники, именно, беззащитность: нисколько не стѣсняясь она распускала про новодумцевъ такія нелѣпости, какія могутъ придти въ голову только людямъ крайн не культурнымъ. Наконецъ, у биржевиковъ есть своя собственная газета, „Саратовскій Дневникъ“, которая сослужила „черной сотнѣ“ огромную службу.

Новодумцы такъ расшевелили всѣхъ, что въ предвыборной агитаціи принялъ участіе даже официальный органъ — „Саратовскія Губернскія Вѣдомости“. Въ одномъ изъ январскихъ номеровъ этой „газеты“ была помѣщена „критика новодумской программы“, вскорѣ перепечатанная „Сарат. Дневн.“ и названная г. Марковичемъ „очень правильной и остроумной“.

Въ первые два дня выборовъ „Сарат. Дневн.“ печатаѣ, рассылаѣ и раздавалъ прокламаціи (конечно, съ разрѣшенія цензуры) слѣдующаго содержанія:

„Положеніе выяснено! Маски сняты! Новодумская партія, это—партія городской управы. Чтобы сохранить свое положеніе, городская управа, въ лицѣ большинства ея представителей, подписалась подѣ программю широкоѣщательныхъ обѣщаній, грозящихъ населенію чрезмѣрными платежами, если бы начали ее дѣйствительно выполнять. Но эта программа — только избирательный маневръ...“

„Избиратели, произнесите свой судъ! Моментъ серьезный! Положеніе опасное! Управская партія крѣпко организована. Она будетъ дѣйствовать такъ, какъ сказалъ графъ А. Д. Нессельроде: „одинъ за всѣхъ, — всѣ за одного“. Держитесь же и вы, представители нуждъ коренного населенія Саратова! Такъ: одинъ за всѣхъ,—всѣ за одного! Къ избирательнымъ ящикамъ, граждане Саратова!“

Право, читая эту прокламацію, забываешь, что ты живешь въ Саратовѣ, а не въ Парижѣ, напримѣръ. Очевидно, прошлогодня поѣздка г. Марковича въ Парижъ на выставку не пропала даромъ.

3 февраля приступили къ выборамъ. Во всей муниципальной исторіи г. Саратова никто не запомнитъ такого дня: число избирателей было такъ велико, что всѣ думскіе залы и коридоры не могли вмѣстить желающихъ подать свой голосъ: избиратели буквально задыхались отъ непомѣрной жары и духоты, и все же терпѣливо ждали своей очереди и результатовъ голосованія съ раннего утра и до позднего вечера!

Утомленіе однако не унимало страстей: биржевики недружелюбно посягали на новодумцевъ, и когда стало ясно, что послѣдніе потерпѣли сильное поражение, они съ восторгомъ аплодировали и шумно торжествовали свою побѣду. Но не оставались въ долгу и новодумцы. Когда было объявлено, что г. Марковичъ забаллотированъ, въ думѣ произошла цѣлая буря: раздались громкіе аплодисменты, поднялся шумъ, свистъ, кричали „браво!“ и „ура!“

— Я удивляюсь,—взволнованно заговорилъ тогда повышеннымъ тономъ г. Солоковъ,—поведенію гг. новодумцевъ. Когда вчера объявили списокъ забаллотированныхъ новодумцевъ,—противники не аплодировали.

— Неправда! неправда!—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Вы, должно быть, вчера не были въ думѣ.—Снова раздаются аплодисменты, свистъ и шумъ.

Городской голова быстро поднимается съ мѣста и „призываетъ къ порядку“:

— Господа! Господа! я васъ прошу... господа! я, наконецъ, требую, чтобы вы прекратили эти манифестаціи! Слушайте же: я предупреждаю васъ, что если здѣсь будутъ продолжать вести себя такъ, то я закрою собраніе и прикажу очистить залъ. А потомъ: никто не смѣетъ пользоваться „словомъ“ безъ моего разрѣшенія.

Слѣдующіе дни выборовъ 5-го и особенно 20-го и 21-го февраля прошли уже болѣе спокойно; усердіе биржевиковъ ослабло, и новодумцамъ удалось провести значительное число своихъ кандидатовъ.

Выборы обнаружили „политиканство“ купеческой партіи. Какъ мы уже общали выше, мѣщане примкнули къ биржевикамъ подѣ условіемъ, чтобы тѣ

поддержали ихъ 12 кандидатовъ; они согласилсь. И что же случилось въ результатѣ? Купцы въ первые дни проводили своихъ кандидатовъ, за которыхъ подавали голоса, согласно условію, и мѣщане; но лишь только дошла очередь до мѣщанскихъ кандидатовъ, вѣроломные купцы безпощадно забросали ихъ черныяками, такъ что вмѣсто 12, едва-едва, и то съ грѣхомъ пополамъ, прошелъ въ гласные одинъ-единственный мѣщанинъ! Мѣщане, вѣроятно, не забудутъ этого урока.

Теперь сообщимъ окончательные результаты выборовъ. Въ составъ думы на 1901—4 гг. вышло 58 старыхъ гласныхъ и 22—новыхъ, т. е. дума обновилась на 27,5%. Изъ общаго числа гласныхъ (80)—36 проведено изъ списка кандидатовъ купеческой партіи, 32—„общихъ“, т. е. занесенныхъ въ реестры обѣихъ партій, 11 исключительно принадлежавшихъ къ новодумцамъ и 1 изъ партіи мѣщанъ. По своему общественному положенію или званію гласные раздѣляются такъ: купцовъ 46 чел., потом. поч. гражданъ 7 чел., прис. повѣр. и юристовъ 7 чел., инженеровъ 6 чел., докторовъ 4 чел., нотаріусовъ 3 чел., заст. мѣсто город. головы 1, членъ управы 1, провизоръ 1, мѣщанинъ 1, статскій совѣтникъ 1, графъ 1, князь (предв. двор.) 1. Итого 80 гласныхъ.

Въ заключеніе мы должны еще разъ повторить, что новодумская партія, несмотря на кратковременность своего существованія, имѣла огромное значеніе: это городская интеллигентная партія, явившаяся на выборы строго организованною, съ открыто выставленнымъ знаменемъ и опредѣленной программой. Новодумцы пробудили спящихъ и апатичныхъ избирателей и заставили ихъ задуматься надъ многими вопросами городской и общественной жизни; они ввели гласность при выборной агитаціи и дали, такъ сказать, пробный урокъ муниципальной борьбы. Такова моральная заслуга новодумской партіи, но она имѣла и практическіе результаты: новая дума стала гораздо интеллигентнѣй старой. Любопытно и то, что новая партія, подвергнувъ критикѣ прежнихъ „воротилъ“ и думскихъ „дѣятелей“, невольно заставила ихъ „подтянуться“: въ послѣднемъ засѣданіи думы „цари биржи“ вдругъ заговорили уже совершенно необычнымъ для нихъ языкомъ,—для нихъ оказались дороги интересы просвѣщенія низшихъ классовъ, они проявили заботу о фабричныхъ рабочихъ, они даже предложили ходатайствовать объ отменѣ тѣлеснаго наказанія крестьянъ и т. п.

А. В. Пановъ.

Одна изъ нуждъ земства.

(Письмо изъ Торжка).

Здѣсь, въ Торжкѣ, всеобщее вниманіе обращаетъ на себя все развивающаяся дѣятельность въ нашихъ земскихъ дѣлахъ второго избирательнаго собранія и представителей крестьянскаго населенія. Еще очень недавно обѣ эти избирательныя группы, а въ особенности представители отъ сельскихъ обществъ, вели себя весьма пассивно и не принимали дѣятельнаго участія въ земскихъ дѣлахъ. Въ настоящее же время обѣ группы эти *забрали силу* и принимаютъ дѣятельное участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи общественныхъ дѣлъ, замѣтно влияя на ходъ и исходъ этихъ дѣлъ. Несмотря на численное свое меньшинство, горожане и крестьяне, имѣющіе въ собраніи только 14 мѣсть, совершенно *вышли изъ повиновенія* большинству, представленному 16-ью голосами отъ 1-го (дворянскаго) избирательнаго собранія, направлявшаго здѣсь земское дѣло со времени самаго основанія земства и держащаго еще и по сейчасъ въ своихъ рукахъ „земскую гегемонію“. Прежнія „единогласныя“, во всемъ согласныя съ предложеніями „дворянъ“, постановленія, нынѣ зачастую смѣнялись распадениемъ голосовъ въ собраніи на равныя половины, и только голосъ предсѣдательствующаго, склонявшагося въ пользу проводимаго предложенія, разрѣшалъ дѣло въ пользу того предложенія, и оно получило силу и значеніе постановленія собранія. Нынѣ уже не представляетъ здѣсь ничего выдающагося, наприимѣръ, избраніе въ члены управы или губернскіе гласные или другія должности большинствомъ двухъ-трехъ шаровъ, тогда какъ раньше такіе вопросы разрѣшались подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Прежде доклады управы или комиссін „принимались“, а горожане и крестьяне почти не представляли какихъ-либо возраженій, — нынѣ это становится все болѣе и болѣе исключеніемъ, и въ собраніи ведутся, наоборотъ, оживленные дебаты по всякому маломальски важному дѣлу, въ которыхъ зачастую видную даже роль играютъ горожане и крестьяне, пользующіеся поддержкой представителей отъ вѣдомствъ, а подчасъ и поддержкой *независимыхъ и свободомыслящихъ* членовъ большинства. Прежде вовсе не было слышно ни о протестахъ, ни объ особыхъ мнѣніяхъ, ни объ „остановкахъ“ предсѣдательствующаго, — нынѣ въ собраніи въ теченіе сессіи можно, и не разъ,

встрѣтить и то, и другое и со стороны горожанъ, и со стороны крестьянъ и предсѣдательское veto по отношенію къ нимъ. Прежде предложеніе кандидатуръ всецѣло и исключительно исходило отъ большинства,—нынѣ наблюдаются и обратныя примѣры и настойчивое стремленіе къ проведенію другихъ лицъ. А одна изъ мѣстныхъ нашихъ особенностей, издавна существующая,—неизмѣнная посылка въ губернское собраніе гласныхъ отъ дворянъ „волнуетъ“ уже многихъ изъ крестьянъ, указывающихъ на совершенное отсутствіе въ губернскомъ земствѣ представителей отъ крестьянъ.

Люди, близко знакомые съ мѣстными дѣлами, указываютъ, какъ на *одну* изъ причинъ такого раскола въ нѣдрахъ собранія, на безсмѣнное, постоянное избраніе въ составъ земскихъ исполнительныхъ органовъ почти однихъ и тѣхъ же лицъ отъ одного и того же 1-го избирательнаго собранія (или хотя изъ другихъ избирательныхъ группъ, но не по предложенію этихъ группъ, а по предложенію этого же 1-го собранія).

И это объясненіе имѣетъ долю правды, хотя не имѣетъ большого значенія, ибо въ основныхъ пунктахъ общей программы земской дѣятельности мѣстнаго земства между спорящими сторонами не можетъ быть да и нѣтъ особо много существенныхъ разномыслія, такъ какъ программа эта во многихъ отношеніяхъ принесла много пользы нашему краю и сдѣлала его дѣйствительно благоустроеннымъ во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Всеобщій, наконецъ, почетъ и уваженіе меньшинствомъ нѣсколькихъ лицъ изъ большинства, много, долго и плодотворно потрудившихся надъ исполненіемъ вышеуказанной программы, въ связи съ многократными дѣйствіями меньшинства поддержать эту программу и избраніемъ отъ города одного виднаго представителя „староземства“ въ составъ гласныхъ служить порукой солидарности этого меньшинства со многими пунктами программы. Поэтому въ видахъ единенія и пользы, можетъ быть, и пришло уже время большинству подѣлать свою „власть и вліяніе“ съ меньшинствомъ. Выразимъ же пожеланіе, чтобы только начавшееся трехлѣтіе ознаменовалось дружной работой всѣхъ элементовъ, составляющихъ наше земство, а населеніе, знакомясь съ этой работой, продолжало бы крѣпнуть въ сознаніи и увѣренности, что на почвѣ общественной самодѣятельности только и могутъ быть достигнуты благіе результаты.

Он.

Библиографія.

Н. Брешко-Брешковскій. Мятажная душа и др. рассказы. Спб. 1901. Цѣна 1 р.

Я совсѣмъ не хочу смѣшивать произведенія г. Брешко-Брешковскаго съ беллетристической макулатурой, все болѣе и болѣе обременяющей нашъ книжный рынокъ. На основаніи двухъ вышедшихъ уже въ свѣтъ томиковъ его рассказовъ можно за молодымъ авторомъ признать нѣкоторыя литературныя права и преимущества, хотя гадать о будущемъ не берусь. Будущее неясно; въ настоящемъ же г. Брешко-Брешковскій представляетъ изъ себя довольно искуснаго беллетриста, которому иногда не чужды поэтическія настроенія и умѣнье передавать ихъ безъ вычурности и особыхъ претензій. Это уже кое-что. Есть у г. Брешко-Брешковскаго небольшой запасъ наблюденій, есть небольшія идейки насчетъ людей порядочныхъ и непорядочныхъ и этимъ малымъ матеріаломъ распоряжается онъ не безъ искусства. Наблюденія его по-преимуществу, почти даже исключительно, относятся къ жизни маленькихъ городковъ и мѣстечокъ Юго-Западнаго края, причѣмъ на сценѣ неизмѣнно фигурируютъ незначительные чиновники акцизнаго управленія, податные инспектора и ихъ письмоводители, мировые судьи и т. д. Люди это все самые незначительные, но любопытные потому, что они ядро, основная масса нашей бюрократической арміи, знакомится съ психологіей которой русскому человѣку, по выраженію Щедрина, вѣще и вѣще поучительно. Ни на какія обобщенія г. Брешковскій не рискуетъ, никакой глубины въ его рассказахъ нѣтъ, — но все литературно и прилично. Очень даже прилично, слишкомъ пожалуй, черезчуръ. Въ молодомъ, начинающемъ авторѣ хотѣлось бы видѣть больше творческой фантазіи, хотя бы нѣсколько даже растрепанной и неупорядоченной, больше исканія, больше намековъ.— пусть даже неясныхъ,— на будущее. Ничего этого у г. Брешковскаго нѣтъ. Онъ, точно первый ученикъ беллетристическаго среднеучебнаго заведенія, пишетъ твердо и безъ запинки, такъ что, со стороны глядя, становится чуть-чуть даже обидно, потому что въ жизни первые ученики рѣдко оправдываютъ надежды наставниковъ и родителей. Но и за то спасибо, что г. Брешковскій прилично описываетъ маленькую чиновничью жизнь. Но какъ только онъ выходитъ изъ этой сферы, у него—увы!—ровно ничего не получается, и лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить его рассказъ „Мятажная душа“. Тутъ авторъ своими словами, какъ зритель со стороны и.и. какъ г. Скабичевскій, рассказываетъ длинно и вяло, хотя и не безъ претензій, очень сложную психологію женщины, ищущей правды и смысла

жизни. Психологія остается неясной, нисколько васъ не захватываетъ, потому что изъ нея сообщаются лишь отрывки. Такой приѣмъ, конечно, не представляетъ изъ себя никакихъ затрудненій, зато и не даетъ ничего; сущность же, ядро, трагизмъ исканія, очевидно, г. Врешковскому не подъ силу. Зачѣмъ же онъ и берется за такія темы?

А.

А. Л. Волинскій. Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

Г. Волинскій работаетъ очень усердно и выпускаетъ въ свѣтъ за томомъ томъ своихъ критическихъ изслѣдованій: въ прошломъ году вышелъ сборникъ его статей и замѣтокъ о текущей литературѣ подъ общимъ заглавіемъ „Борьба за идеализмъ“, теперь—„Царство Карамазовыхъ и Н. С. Лѣсковъ“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были изданы, печальной памяти, „Русскіе критики“. Очевидно, г. Волинскій работаетъ и работаетъ очень усердно. Въ каждомъ своемъ изслѣдованіи онъ хочетъ обнять предметъ со всѣхъ сторонъ, использовать весь даже малодоступный матеріалъ и если бы такой цѣнный приѣмъ велъ бы къ цѣннымъ результатамъ, то, разумѣется, не оставалось бы желать ничего лучшаго. Къ сожалѣнію, результаты, достигнутые г. Волинскимъ, ничуть не соотвѣтствуютъ количеству затраченнаго имъ труда и въ большинствѣ случаевъ возбуждаютъ одно недоумѣніе, поражая читателя или полной своей безтактностью, или, что еще чаще, полной своей ненужностью. Такъ что критика обращая, вообще говоря, такъ мало вниманія на томы г. Волинскаго, не представляется намъ совершенно неправой, и обвиненіе ея въ томъ, что она бойкотируетъ г. Волинскаго, трусливо держась къмъ-то наложеннаго на его произведенія либеральнаго запрета, едва ли основательно. Какъ бы то ни было, собравшись говорить о „Царствѣ Карамазовыхъ и Н. С. Лѣсковъ“, постараюсь исполнить свою задачу возможно основательнѣе.

Впрочемъ „Царство Карамазовыхъ“ лучше оставить въ сторонѣ. Это слишкомъ огромная и слишкомъ важная тема, чтобы можно было говорить о ней въ библиографической замѣткѣ. Но дѣятельность покойнаго Лѣскова—матеріалъ, очень подходящій, такъ какъ ничего огромнаго и важнаго въ этой дѣятельности нѣтъ, хотя г. Волинскій и посвятилъ этой дѣятельности болѣе 200 страницъ. Да, болѣе 200 страницъ и притомъ только о произведеніяхъ Лѣскова, безъ его біографіи, почти безъ его отношенія къ общественнымъ движеніямъ (о чемъ лишь нѣсколько страницъ въ началѣ изслѣдованія), и такимъ образомъ самый размѣръ работы внушаетъ читателю мысль, что Лѣсковъ—величина очень крупная, что его произведенія—нѣчто очень существенное, что, не интересуясь Лѣсковымъ, мы совершаемъ литературный грѣхъ. Но ни одного изъ этихъ положеній г. Волинскій не доказалъ. Съ самаго начала, впрочемъ, позволю, себѣ разъяснить, какъ я лично смотрю на Лѣскова.

Мнѣ лично онъ представляется писателемъ съ большимъ нетерпѣливымъ самолюбіемъ, очень неискреннимъ и такимъ, который всѣ свои усилія устремлялъ на то, чтобы выдѣлиться чѣмъ-нибудь и прослыть оригинальнымъ. Но у него никогда не было идеи, не было опредѣленнаго отношенія къ жизни, и онъ бѣжалъ за тѣмъ, что въ данную минуту обѣщало ему успѣхъ, попадая при этомъ въ большинствѣ случаевъ впродолженіе, потому что говорилъ онъ не отъ себя, а отъ своего мстительнаго раздраженія „противъ либераловъ“. Его литературная карьера началась

очень скверно—статьями, въ которыхъ онъ, напр., ничуть не сочувствуя женскому эмансипационному движенію,—что въ послѣдствіи и высказалъ совершенно откровенно,—заигрывалъ съ нимъ однако, понимая все его могущество и даже властность его, и другими подобными же статьями хотъ и по инымъ вопросамъ. Но случился съ нимъ въ это же время, т. е. въ началѣ 60-ыхъ годовъ, именно въ 62-омъ году, и еще худшій эпизодъ,—рѣзкій и возмущающій. Въ Петербургѣ происходили пожары. Полиція сбилась съ ногъ, такъ какъ бѣдствіе принимало прямо-таки стихійныя размѣры. Обыватели окончательно растерялись. Лѣсковъ выступилъ тогда со своими „разоблаченіями“ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и среди общаго тревожнаго настроенія, которое искало себѣ не только выхода, но и жертвъ для отмщенія, заговорилъ о поджогахъ и поджигателяхъ, о прокламаціяхъ, о студентахъ и, наконецъ, прямо обвинилъ въ пожарахъ „неизвѣстную коалицію изъ нѣмцевъ“, преслѣдующую цѣли грабежа! Г. Волинскій называетъ это безтактностью. Нѣтъ, тутъ что-то худшее, гораздо худшее, и надо припомнить съ какимъ возмущеніемъ возстала на Лѣскова вся печать, съ какимъ негодованіемъ приводились выдержки изъ его статей. И послѣ этого эпизода Лѣсковъ разошелся съ либеральной журналистикой,—какъ говоритъ его критикъ,—вѣрнѣе,—со всѣми порядочными людьми. Онъ озлобился послѣ этихъ неудачныхъ дебютовъ и, нисколько не думая взять хоть часть вины на себя, весь ушелъ въ раздраженное самолюбіе, въ жажду мести. Онъ сталъ преслѣдовать „нигилистовъ“, и тогда уже, когда нигилисты свою роль сыграли и подверглись другимъ болѣе серьезнымъ преслѣдованіямъ. Въ результатѣ такого настроенія явились знаменитые романы: „Некуда“ и „На ножахъ“. Посрамленію нигилистовъ, самому пошлomu, разнузданному, посрамленію уже лежащихъ людей, отведена и большая часть романа „Соборяне“—по установившемуся мнѣнію, лучшему изъ произведеній Лѣскова. Реакціонный и „консервативный“ лагерь,—что въ тѣ дни (начало 70-хъ годовъ) значило то же самое, послужилъ ему литературнымъ пристанищемъ. Но онъ понималъ, что здѣсь рядомъ не только съ Катковымъ и Леонтьевымъ, но даже Болеславомъ Маркевичемъ онъ не можетъ играть никакой роли. А ему нужна была роль, прежде всего роль, потому что этотъ человѣкъ самъ въ своихъ собственныхъ глазахъ наполнялъ собою все бытіе, былъ выше всего окружающаго, не признавалъ никого и ничего. Онъ завидывалъ всякому успѣху и г. Волинскій хорошо дѣлаетъ, признавая, что отъ своей злобной раздраженной зависти Лѣсковъ не могъ отдѣлаться до конца дней своихъ. Ему страшно хотѣлось видѣть крушеніе враговъ своихъ.—людей передоваго лагеря,—но тѣ стояли твердо, хотя бы только въ общественномъ мнѣніи. Пользуясь умственной сумятицей восьмидесятихъ годовъ, онъ изрѣдка сталъ печататься въ ихъ органахъ. Но это было ему не на пользу. Духовное одиночество можетъ воспитать и закалить только сильную душу. Душа слабая и себялюбивая, съ узкимъ горизонтомъ, становится еще меньше, еще мелочнѣе отъ нанесенной ей обиды, которая, какъ проказа, расползается по всему ея существу, не оставляя въ концѣ концовъ ни единого живого мѣста, не отравленнаго заразой. Такъ случилось и съ Лѣсковымъ. Въ злобѣ и обидѣ сгорѣлъ и тотъ небольшой художественный талантъ, который былъ въ немъ, но самолюбіе, жажда успѣха толкали къ письменному столу, и Лѣсковъ сталъ изощряться. Онъ создалъ тотъ невозможный вычурный стиль, ту лубочную поддѣлку подъ языкъ древнихъ сказаній, который характеризуетъ произведенія послѣднихъ 20 лѣтъ его жизни.—эти плохо, но съ претензіей на остроуміе рассказанные анекдоты, полные смакующаго сла-

дотрастія, безсильної, но голодної чувствениости. Етотъ стиль Лѣскова—прямо позоръ нашей литературы и нашего языка. Напр., обрушиваясь на „дыбастыхъ“ женщинъ онъ увѣряетъ, что настоящая женщина должна быть „понѣдристѣ“, „потѣльнѣ и помясистѣ“. Настоящія женщины—это славянскія красавицы, у которыхъ „носина не горбылемъ, а все будто пипочкой; но этакая пипочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо поувѣтливѣ...“ Или на одной только страницѣ одного изъ разсказовъ Лѣскова г. Волинскій отмѣтилъ такіе вотъ слова: „вадрючка“ „вагефантулка“, „пришпандорка“, „изутіе“, „изутіе сапога“, „выгонъ на ять—голубей гонять“—и такую вотъ образцовую фразу: „это нигдѣ не писано закономъ, но преданіемъ блюдется до такой степени чинно и безспорно, что когда съ упраздненіемъ выволочки и изутія, вошелъ въ обычай болѣе сообразный съ мягкостью вѣка—выгонъ на ять голубей гонять, то чины не обманулись, и это мѣропріятіе ими прямо было отнесено къ самой тяжелой категоріи т. е. къ вагефантулкѣ...“ Это уже паясничество, это полная протрація не только языка, но и писательства, ибо тутъ все непристойность.

Надо отдать г. Волинскому полную справедливость: отрицательныхъ сторонъ Лѣскова онъ не скрываетъ. Разбавляя даже свое изслѣдованіе личными воспоминаніями о Лѣсковѣ, онъ укрѣпляетъ въ представленіи читателя образъ его, какъ натуры мелкой, завистливой, обидчиво-раздражительной и сладострастной. Но въ то же время онъ такъ настойчиво выдвигаетъ на первый планъ художественныя заслуги Лѣскова и такъ мало и слабо связываетъ его творчество съ личнымъ характеромъ, что, несмотря на всю кропотливость изслѣдованія и эти безконечныя 200 страницъ, цѣльной, синтизированной фигуры передъ вами нѣтъ.

По свойственному ему отсутствію перспективы, г. Волинскій ставитъ художественное творчество Лѣскова на ходули, и естественно, что пишетъ о немъ приподнятымъ, вычурнымъ языкомъ. Напр., „все произведеніе запечатлѣно фантастической наивностію“; или о птицахъ: „художникъ выдвигаетъ эту трогательную любовь въ простыхъ тваряхъ, которыя несутся на легкихъ крыльяхъ къ высимъ цѣлямъ, послушныя волѣ Бога“; или: „тонкая нѣжность свѣтится въ этой подробности, созданной неземнымъ юморомъ“; или: „наступало то послѣднее бѣлое сіяніе, въ которомъ растворяется всякое искусство: приближалась смерть“; или: „мелкія подробности его наружности—эти тонкія губы, запавшія на изломанныхъ зубахъ, истощенное, блѣдное лицо съ красивыми темно-кариими глазами, и, наконецъ, безкровныя руки съ четырехугольными ногтями внушаютъ тысячу значительныхъ (конечно, только г-ну Волинскому) психологическихъ представленій, которыя не вызываются чтеніемъ романа“, и т. д. Слишкомъ, согласитесь, все это высоко, чтобы можно было тутъ понять что-нибудь, и чѣмъ это хуже или лучше словечекъ Лѣскова, вродѣ: „куфарка“, толкучка, рендательша, глазурныя очи, заковычный другъ, долбица умноженія, миліаннорное личико? Все это изъ той же оперы стилистической вычурности, и мнѣ жаль довѣрчиваго читателя, котораго могутъ отуманить эти хиромантологическія соображенія о четырехугольныхъ ногтяхъ, внушающихъ тысячи значительныхъ (ну, конечно) психологическихъ представленій.

Окончательный свой приговоръ о Лѣсковѣ г. Волинскій формулируетъ такъ: „Лѣсковъ былъ типичнымъ русскимъ проповѣдникомъ, то вдохновеннымъ, то юродствующимъ. *Этимъ объясняется* обиліе шутовскихъ выходокъ, скоморошества, забавнаго для толпы, но невыносимаго для

любителей чистаго искусства, въ повѣстяхъ и разсказахъ всѣхъ периодовъ его литературной дѣятельности. Несмотря на единство художественной правды, скрытой во всемъ, что онъ писалъ, произведенія Лѣскова временами кажутся оторванными отъ главнаго корня его внутренней творческой жизни: въ глубинѣ его души царить многозначительная тишина, но передъ толпою, которая всегда имѣла власть надъ его воображеніемъ, онъ любилъ выступать съ потѣшными анекдотами и прибаутками“. Это слишкомъ лестно. Въ Лѣсковѣ видно не столько типичное русское проповѣдничество, а юродствующее іосифлянство и притомъ юродство самаго низкаго пошиба, дѣланное, искусственное, какъ у знаменитаго нѣкогда „старца“ Антонія, босымъ исходившаго всю Европейскую и Азіатскую Россію. Это—юродство мелкаго характера, своими кривляніями желающаго обратить на себя вниманіе. Это—Зазубрина Горькаго, но безъ его добродушія, а Зазубрина злая, мстительная, хоть одинаково трусливая. Не дай Господи такимъ „талантамъ“ „власти и вліянія“: покалѣчатъ и опозорятъ все, что искренно пойдетъ имъ навстрѣчу; всякій порывъ осмѣютъ и огадать своею мстительностью, сладострастіемъ... Мстительный скоморохъ и злой „карла“ былъ покойный Лѣсковъ.

Еще говоритъ Волинскій о Лѣсковѣ: „По таланту это былъ писатель, призванный именно (?) возвеличить маленькаго человѣка, подчеркнуть и освятить величіе божественной малости на землѣ“. Фраза, какъ всегда, кудрявая, но смыслъ ея уловить можно, потому что смыслъ ея намъ и раньше внушали до пресыщенія. Будьте малы, смиренны и велики своимъ смиреніемъ въ земномъ ничтожествѣ своемъ. Развѣ не старая это пѣсня? Развѣ не увѣковѣчили ее Тютчевъ, сказавъ:

„Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный.
Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ нищетѣ твоей смиренной?..“

И скажите, неужели вамъ не надоѣло все то же и то же самое? Возвеличивать маленькаго человѣка, дѣло конечно хорошее, гуманное, но чувствуется въ то же время что-то затхлое, застоявшееся въ этомъ возвеличеніи. Развѣ сила не нужна человѣку, сила науки, знанія, инициативы, сознанія своихъ правъ и обязанностей, чувства собственнаго достоинства, хорошей человѣческой жизни, которая не укладывается цѣликомъ въ византійско-монашескіе идеалы?—все это нужно. Довольно уже, кажется, намъ этой „нищеты смиренной“, и что за смыслъ ея проповѣдывать, развѣ ея и такъ много, развѣ некуда уйти отъ нея? Но найди эту струну этого мотивъ въ нѣкоторыхъ, немногихъ, впрочемъ, произведеніяхъ Лѣскова, г. Волинскій немедленно выдаетъ ему патентъ на безсмертіе, и такой же, какой онъ раньше выдалъ „Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями“. И тамъ и здѣсь полное отсутствіе исторической перспективы, вычурность и ходульность застоявшейся мысли.

Цѣликомъ дарованія Лѣскова я конечно не отрицаю, но думаю, что все любопытное, сдѣланное этимъ дарованіемъ, сдѣлано подъ вліяніемъ Достоевскаго, которому онъ подражалъ и на чье мѣсто имѣлъ даже претензіи!..

Это уже слишкомъ!

Конечно, немногіе созданныя имъ художественныя вещи такъ художественными вещами и останутся, но дѣло въ томъ, что Лѣсковъ былъ столько же художникомъ, сколько художникомъ - публицистомъ, всегда

творившимъ съ нѣкоторою заднею цѣлью и заднею мыслью, почему съ одной эстетикой и съ однимъ эстетическимъ мѣриломъ здѣсь не обойдешься. А какъ публицистъ Лѣсковъ звалъ всегда въ Византію, въ ея государственность, ея презрѣніе къ гражданской самостоятельности или, возвышаясь надъ этимъ, въ смиренное самоограниченіе. Самъ Лѣсковъ слишкомъ настойчиво напоминаетъ объ этомъ, чтобы оно могло быть забыто, и поэтому-то мнѣ, право, жаль г-на Волынскаго съ очевиднымъ и искреннѣйшимъ желаніемъ преувеличить Лѣскова. Тѣмъ болѣе жаль, что со стороны внимательнаго отношенія къ изслѣдуемому матеріалу работа г-на Волынскаго исполнена безукоризненно, и это было бы совсѣмъ хорошо, если бы Лѣсковъ не фигурировалъ въ качествѣ вдохновеннаго проповѣдника, чуть ли не пророка. Хорошо вотъ почему:

Видю я въ современной литературѣ какую-то возмущающую душу небрежность, неточныя цитаты, полное невниманіе къ чужому труду и чужимъ мыслямъ, желаніе отдѣлаться острымъ словомъ и презрительнымъ, небрежнымъ замѣчаніемъ отъ того, о чемъ стоило бы подумать. Наша критика перестала вчитываться и писать свои статьи, причеиъ та, которая покороче называется библиографической, а та которая подлиннѣе и поругательнѣе—критическимъ изслѣдованіемъ. Ничего хорошаго въ этомъ нѣтъ. Литературу надо любить, а разбираемымъ авторомъ надо по крайней мѣрѣ сильно интересоваться, чтобы изъ критическихъ предпріятій выходилъ какой-нибудь прокъ. Нужно напряженное вниманіе и серьезная работа. Не только напряженное, но прямо мелочное вниманіе, не только серьезная, но и педантически серьезная работа видна у г. Волынскаго. И вотъ жаль, что все это ни къ чему. Ходульности, искусственной вымученной приподнятости слишкомъ у него много и въ языкѣ, и въ мысляхъ. Что это за языкъ, за стиль, какимъ онъ пишетъ! На каждомъ шагу риторика, выверты фразы, привстананье на ципочки, что-то надутое, топорщашееся! То же и въ мысляхъ, то же и въ точкѣ зрѣнія—непремѣнное желаніе блеснуть оригинальностью, сказать „что-нибудь такое, эдакое“ не въ примѣръ прочимъ,—совсѣмъ какъ у Лѣскова, на котораго въ этомъ отношеніи (къ счастью, въ этомъ и только) Волынскій очень похожъ. И въ результатѣ—въ лучшемъ случаѣ снисходительная улыбка, потому что въ довершеніи всего г. Волынскій серьезенъ, какъ жрецъ. Скоморошествуетъ онъ насчетъ четырехугольных ногтей величественно, и даже мрачно, величественно, и мрачно разсуждаетъ онъ о различіи пыбастыхъ и тѣлистыхъ женщинъ, съ пипочкой вмѣсто носа. Ну и смѣшно, потому что человѣкъ съ видомъ чрезвычайнаго посланника клеитъ коробочки и таскаетъ бирюльки.

Не всегда даже смѣшно, потому что г. Волынскій хочетъ почему-то установить какую-то изувѣрскую точку зрѣнія на психологію русскаго человѣка и русскаго народа. Онъ клянется, что эта психологія дорога ему и восторгается ей, но, право,—не поздоровится отъ этакихъ похвалъ. Нѣкогда онъ восторгался „Перепиской съ друзьями“ Гоголя, а теперь восторгается Лѣсковымъ и куритъ имъ, по терминологіи послѣдняго „фиміазмы“. Все это ведетъ къ возвеличенію и даже ипостазированію „божьяго“ человѣка“, великаго въ своемъ ничтожествѣ, которому не нужно ничто внѣшнее, мишурное и чья вся сила почерпается изъ соприкосновенія съ таинственной основной жизни. Словомъ,—старая погудка на новый ладь: тотъ же панегирикъ смиренумудрія подъ именемъ богофильства. Мы все это слышали, и даже очень слышали еще отъ первыхъ славянофиловъ. Но тѣ, какъ люди умнѣйшіе, говорили съ осторожностью и но

только это, — тѣ же, кто смѣнилъ ихъ и кому былъ не по-плечу духъ свободы, все же владѣвшій и Аксаковымъ, и Хомяковымъ, и Самаринимъ, — тѣ ограничились одними панегириками. Г. Вольтинскій идетъ за *этими* и неловко, грубо сводитъ къ *этимъ* даже Достоевскаго, которому и поетъ хвалу.

Я бы на этотъ счетъ посовѣтовала Вольтинскому или быть осмотрительнѣе, или ужъ высказаться не отдѣльными фразами, часто робкими и какъ бы неувѣренными, а совсѣмъ откровенно. Въ этомъ направленіи онъ, во всякомъ случаѣ, не долженъ опасаться одиночества, хотя и можетъ очутиться въ своеобразной компаніи. А.

А. Н. Майковъ. Полное собраніе сочиненій. Изданіе седьмое А. Ф. Маркса, исправленное и дополненное. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1901 г. Цѣна 4 р.

Въ художественныхъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе крупныхъ художественныхъ произведеніяхъ, я никогда не ищу направленія и не спрашиваю себя, читая ихъ, насколько они „содѣйствуютъ демократіи“, и думаю, что лучшая формула искусства въ нашей критикѣ дана Апол. Григорьевымъ, который сказалъ: „Искусство должно осмысливать жизнь, опредѣлять разумъ ея явленій положительно или отрицательно“. И только. Направленіе остается въ сторонѣ, но зато во всей его важности выступаетъ вопросъ объ *идеѣ* того или другого художественнаго произведенія и о томъ, *какъ* эта идея воплощена въ образахъ. Идея должна быть, художникъ долженъ положительно или отрицательно опредѣлить *разумъ* изображенныхъ имъ явленій, дать философскую исповѣдь о пониманіи имъ смысла или безсмыслицы жизни, но въ выборѣ направленія онъ свободенъ... при томъ, конечно, условіи, если онъ не взялъ его въ видѣ казенной субсидіи и не кривилъ душою—что всегда чувствуется—въ своихъ обожествленіяхъ и гипостазированіяхъ. Выслушаемъ всѣхъ, выберемъ немного, но пойдемъ лишь за собой. Это лучше, чѣмъ дѣлать изъ художественной литературы пригтовительную школу, лучше потому, что такой взглядъ основанъ на вѣрѣ въ человѣка, на уваженіи къ нему... „Широкъ человѣкъ,—я бы его сузилъ“, — съ обычной своей экспансивностью говоритъ Дмитрій Карамзовъ. Но его формула несправедлива. „Узокъ человѣкъ, страшно узокъ и хорошо бы ему расшириться“, — это вѣрнѣе,—расширится до полного простора своихъ мыслей, чувствъ и настроеній, до пониманія, по крайней мѣрѣ, что спасеніе, выходъ, смыслъ жизни не въ догматическихъ рачаткахъ. И въ этомъ случаѣ, что лучше художественныхъ произведеній? Въдъ конечная ихъ цѣль—та же, что и у науки: опредѣлить разумъ явленій, дать обобщеніе, синтезъ фактовъ жизни. Разница лишь въ методахъ, ибо ядро всякаго искусства лирическое, субъективное, лично данному человѣку и никому больше не принадлежащее. И это ядро—самое цѣнное, это смыслъ жизни приданный ей всѣмъ опытомъ, всей мыслью, всей организацией человѣка, наконецъ, всей совокупностью создавшихъ его условій,—это отвѣтъ на вопросы, зачѣмъ я живу и чего я хочу?..

Мнѣ извинять эти элементарнѣйшія мысли, потому что поймутъ, что, когда перечитываешь Майкова, обойтись безъ нихъ нельзя. Майковъ то замалчиваемый съ достаточнымъ упрямствомъ до полного игнорированія, то превозносимый безъ достаточнаго разумія до равенства съ Пушкинымъ, еще не нашелъ истиннаго себѣ мѣста въ исторіи литературы. Ясно

одно, что ни въ какомъ случаѣ это не первое мѣсто, но и далеко не послѣднее.

У Майкова много „направленнскихъ“ стихотвореній. Я думаю, что не только мнѣ, но и никому они не могутъ нравиться, потому что всё они безъ единого радостнаго исключенія казенныя и писаны какъ будто на гербовой бумагѣ съ подписомъ и приложеніемъ печати. Имѣя въ виду именно эти стихотворенія, Щедринъ какъ-то хорошо сказалъ: „Рѣшено предложить г-ну Майкову написать на случай свѣтопреставленія гимнь“. Эти стихи въ мундирахъ и съ регалиями можно оставить въ покоѣ: пусть въ мирѣ почиютъ до радостнаго утра. До основной идеи Майкова они не касались.

Основная идея произведеній Майкова, подсказанная ему романтической школой или вѣрнѣе ея эллинистскимъ теченіемъ, заключалась въ сознаніи радости и красоты жизни, ея веселія—словомъ въ его „мудромъ“ эпикурействѣ. Больше всего привлекали поэта Греція и Римъ съ ихъ пластическими формами жизни, потому что онъ по существу своему былъ поэтъ пластикъ, и если бы его музѣ надо было указать ближайшихъ родственницъ среди другихъ музъ, пришлось бы остановиться на скульптурѣ или даже архитектурѣ, но никакъ и никогда на музыкѣ. Звуковъ, тѣхъ звуковъ, про которые Лермонтовъ сказалъ: „Есть рѣчи, значенье“...—почти не было въ его поэзіи,—это поэзія холодная, изъ мрамора, поражающая правильностью линій, строгостью орнаментовъ. Поэтому лучшими вещами Майкова навсегда останутся его „Антологія“ и „Три смерти“, а то произведеніе, надъ которымъ онъ работалъ всю свою жизнь—„Два міра“—прямо неудачно. Тутъ Майковъ захотѣлъ быть философомъ и проповѣдникомъ: онъ, государственный по натурѣ и характеру, захотѣлъ быть христіаниномъ перваго восторженнаго и мученическаго вѣка христіанства, и, разумѣется, ровно ничего не вышло. Въ своей же сферѣ онъ создалъ чудныя вещи, и тѣмъ его казенщины ничуть не падаютъ на нихъ.

Можно теперь поднять вопросъ, насколько эта казенщина искренна? Въ значительной ея искренности я рѣшительно не сомнѣваюсь. Самая сущность майковской натуры,—его эллинизмъ, его любовь и пристрастіе къ правильнымъ формамъ и линіямъ,—должны были влечь его къ государственности. Индивидуализмъ, особенно индивидуализмъ XIX вѣка, всегда протестующій, недовольный, часто буйный, и то и дѣло перѣходившій въ анархію, долженъ былъ ему претить, являться чѣмъ-то отталкивающимъ по своей порывистости и безпорядочности, даже отвратительнымъ. Но чтобы разсмотрѣть сквозь брызги и пѣну этихъ Sturm и Drang истинныя основы грядущаго индивидуализма, къ которому, хорошо ли, дурно ли, но неизбѣжно выбиваются люди,—Майковъ былъ слишкомъ мало философъ и обладалъ слишкомъ малой художественной проницательностью. Въ жизни онъ различалъ и любилъ только готовое, сложившееся, оформленное.

Впрочемъ, мнѣ надо характеризовать не поэзію Майкова, а новое седьмое исправленное и дополненное изданіе его сочиненій. Оно дѣйствительно очень дополненное, и весь 4-ый томъ—это прямо находка для любителей и историковъ литературы. Послѣ него можно сказать, что мы имѣемъ всего Майкова. Совершенно справедливо говорится въ предисловіи: „Произведенія, вошедшія въ 4-ый томъ настоящаго изданія, были прежде время помѣщаемы авторомъ въ журналахъ или входили въ изданія прежнихъ годовъ, либо были издаваемы въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, но затѣмъ исключены изъ позднѣйшихъ собраній сочиненій А. Н. Майкова имъ самимъ“. Тутъ читатель найдетъ юношескіе опыты Майкова, его

знаменитую „Коляску“ и не менѣ знаменитаго „Отставного солдата Перфильева“, смѣшную и прямо неискусную вещь „Двѣ судьбы“ съ странной параллелью между итальянскимъ бандитомъ и русскимъ помѣщикомъ Обломовымъ, большую и трогательную, хотя слишкомъ уже шаблонную, поэмю „Машенька“, гдѣ рассказывается печальная судьба только что выпущенной институтки, соблазненной кавалеристомъ, брошенной имъ и вернувшейся, наконецъ, къ старику-отцу.

Просматривая этотъ 4-ый томъ, видишь, какъ глубоко сидѣли въ Майковѣ казенные мотивы, какъ рано и настойчиво заговорили они въ немъ и какъ родственна была его натурѣ риторика. Это поэтъ-риторъ по преимуществу, поэтъ строгихъ орнаментовъ, но риторъ хорошей пробы. Отъ этой риторики вѣетъ холодкомъ, но она красива.

Самое изданіе изящно, только странно, что при немъ нѣтъ ни біографіи Майкова, ни статьи о немъ, ни его писемъ. Пора бы въ предѣлахъ возможности и пристойности вскрыть его душу.

А.

Андрей Нѣмовскій. Листопадъ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ съ польскаго А. Тихова. Изданіе Ненашева. Москва. 1900 г. Цѣна 25 коп.

Маленькія, граціозныя вещицы. вѣющія, однако, то глубокой вдумчивостью, то сильнымъ могучимъ размахомъ мысли! Онѣ до такой степени быстро и рѣшительно полюбились нашей публикѣ, познакомившейся съ ними изъ журнальныхъ переводовъ, что имя Андрея Нѣмовскаго всего чаще соединяется именно съ его „Листопадомъ“, „Листопадъ—ноябрь,— время, когда слетаютъ пожелтѣвшіе листья съ деревьевъ, когда умирающая природа заставляетъ человѣка невольно оглянуться кругомъ себя и глубже вдуматься въ окружающее... Такимъ глубокимъ, вдумчивымъ настроеніемъ проникнуты и всѣ маленькія „стихотворенія въ прозѣ“ Нѣмовскаго, и это настроеніе сказывается даже тамъ, гдѣ онъ рисуетъ картины, повидимому, не отвѣчающія „листопаду“. Особенность большинства этихъ картинъ та, что первое мѣсто въ нихъ отводится рабочему. Нѣмовскій одинъ изъ первыхъ нашелъ могучую поэзію въ грохотѣ машины, нашелъ грозныя, но эффектныя сравненія для страшныхъ условий труда. Но въ то же время онъ ясно видитъ и этотъ самый ужасъ, и глубокая скорбь за человѣка сквозитъ тутъ же, и страстной вѣрой въ лучшее будущее звучатъ другія стихотворенія въ прозѣ, и могучій призывъ впередъ слышится дальше, и горькая насмѣшка готова для отстающихъ, и вмѣстѣ горькая жалоба о разбиваемыхъ надеждахъ срывается съ пера. Лучшія въ этомъ смыслѣ вещи, какъ „Полдень“, „Змѣя“, „Старуха“, „Подземный праздникъ“, „Ссора“, „Машинистъ“, „Автоматы“, „Листопадъ“. Въ пространствѣ, какъ-то сами врѣзаются въ память. Переводъ Тихова приличный, хотя журнальные переводы Арабажиной, Ольшевской и др. помнятся, были иногда лучше. Для примѣра укажемъ конецъ „Полдня“: „Гудятъ маховыя колеса, въ бѣшеной пляскѣ вертятся веретена, снуютъ миллионъ нитокъ... Волны горячаго воздуха звучатъ, какъ звуки органа, какъ отдаленная пѣсня изъ тысячи грудей... Прядильня, словно гигантскій корабль, плыветъ по волнамъ моря. Дальше, дальше! Кто ослабѣетъ? Въ чье сердце закрадется сомнѣнье? Здѣсь нѣтъ мѣста ни прежнимъ добродѣтелямъ, ни новымъ, ни состраданью, ни милосердію... Здѣсь есть

одна только какая-то могучая жизнь... здѣсь организмы, какъ скалы"... Очень красивое мѣсто, но оно было бы лучше, если бы тутъ не было этихъ лишнихъ „какъ“, „какая-то“, если бы слова „дальше, дальше“ были бы замѣнены словами: „впередъ! впередъ!“ Тутъ нѣтъ мѣста слабости, нѣтъ мѣста страху.. и т. д.

Чтобы не обрывать этого эффектнаго мѣста, кончимъ по другому переводу:

„Тутъ лишь одна великая, мощная жизнь, общій трудъ, неодолимое стремление впередъ! Здѣсь организмы—скалы; характеры—гранитъ! Здѣсь толпа могучая, какъ исполинъ, который лишь одинъ можетъ дышать среди этого жара, можетъ идти, не падая на своемъ тяжеломъ трудовомъ пути... Только онъ одинъ вынесетъ огненное крещенье своего вѣка, и чрезъ пылающее море труда достигнетъ новой земли для новой жизни...“

Такъ же эффектенъ „Праздникъ подъ землей“ и многія другія вещи, указанные выше.

Изданіе приличное, хотя для Нѣмовскаго могло бы быть изящнѣе. Цѣна умѣренная.

А. Н.

Труды комиссіи, избранной XIII съѣздомъ нефтяннхъ промышленниковъ для разработки вопросовъ объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ. Баку. 1900 г.

Нефтяная промышленность на Кавказѣ быстро развивается. Необычайные соблазнительные барыши, получаемые нефтяннхъ промышленниками, привлекаютъ и русскихъ, и иностранныхъ капиталистовъ. Нефтяные фонтаны превращаются въ обильные золотые источники для предпринимателей, но въ то же время, служатъ часто могилой для обитателей „Чернаго городка“. Несчастія съ рабочими, увѣчья очень часты, а недавно при пожарѣ бассейна съ мазутомъ погибло больше сотни жертвъ. Между тѣмъ до настоящаго времени мы имѣемъ лишь труды комиссіи по вопросу объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ! Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда... Разумѣется, желаніе нефтяннхъ промышленниковъ выработать форму обезпеченія пострадавшихъ рабочихъ вызвано стремленіемъ уменьшить рискъ каждаго отдѣльнаго предпринимателя, и постановленіе XIII съѣзда нефтяннхъ промышленниковъ служить признакомъ не стремленія ихъ обезпечить пострадавшихъ, а желанія „гарантировать себя отъ судебныхъ процессовъ“. „Несомнѣнный ростъ правосознанія среди рабочихъ, побуждающій ихъ все чаще искать себѣ обезпеченія въ случаѣ несчастій, черезъ посредство суда, съ другой,—быстрое развитіе промышленности и связанное съ нимъ увеличеніе числа несчастныхъ случаевъ, все это вынуждаетъ предпринимателей найти способъ такъ или иначе гарантировать себя отъ судебныхъ процессовъ и сопряженныхъ съ ними неприятностей“. Такимъ образомъ въ объяснительной запискѣ комиссіи мотивируется возбужденіе вопроса о страховой кассѣ.

Изъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіей, наибольшій интересъ представляютъ докладъ Г. Е. Старцева „Рабочіе и служащіе на Балахно-Сабунчинскихъ промыслахъ“ и статья Е. Канцеля „Матеріалы къ статистикѣ несчастныхъ случаевъ на промыслахъ Балахно-Сабунчинскаго района“.

Докладъ г. Старцева представляетъ сводку матеріаловъ, полученныхъ отъ спеціальной переписи и опроса рабочихъ по особымъ карточкамъ.

Всего зарегистрировано на Балахно-Сабунчинских промыслах 18.875 рабочих, т. е. около 85% всех рабочих и служащих этого района.

Наиболее интересные данные приведены г. Старцевым о грамотности и о заработной платѣ балахно-сабунчинских рабочих.

Нужно замѣтить, что составъ рабочихъ этого района отличается отъ обычнаго состава фабрично-заводскихъ рабочихъ другихъ районовъ Европейской Россіи. Значительную часть рабочихъ составляютъ иностранные подданные (персы), культурный уровень которыхъ значительно ниже даже русскихъ.

Изъ русскихъ подданныхъ только 19,4% принадлежать къ русской національности, а остальные рабочіе распределяются по національностямъ въ слѣдующемъ порядкѣ: армяне, персы, лезгины, татары и проч. Культурный уровень этихъ народностей также ниже уровня русскихъ рабочихъ, поэтому и средний культурный уровень рабочихъ этого района долженъ быть ниже уровня въ другихъ промышленныхъ районахъ Россіи. Напр., по народностямъ процентъ грамотныхъ среди мастеровыхъ и черно-рабочихъ по національностямъ слѣдующій:

	Мастеровые:	Чернорабочіе:
русскіе	70,94%	37,16%
армяне	49,85%	16,37%
лезгины	9,09%	0,61%
персы	0(!)	0,67%

Разумѣется, культурный уровень рабочихъ различныхъ профессій въ значительной степени опредѣляется національнымъ составомъ рабочихъ данной профессіи. Въ тѣхъ профессіяхъ, гдѣ больше персовъ и лезгинъ, большой процентъ должны составлять и безграмотные. Тѣмъ не менѣе и при одинаковомъ національномъ составѣ различныхъ профессій даютъ различный процентъ грамотныхъ. Наибольшій процентъ грамотныхъ оказывается среди токарей (87,96%), слесарей (73,46), литейщиковъ (59,32), буровыхъ мастеровъ и кузнецовъ (57%), плотниковъ (42,78%), вообще среди болѣе квалифицированныхъ рабочихъ. Въ другихъ профессіяхъ, къ которымъ принадлежитъ большинство рабочихъ, процентъ грамотныхъ чрезвычайно низкій, главнымъ образомъ потому, что большинство въ этихъ профессіяхъ состоитъ изъ чрезвычайно малокультурныхъ инородцевъ. Напр., изъ числа всехъ чернорабочихъ грамотные составляютъ только 7,68%, хотя изъ русскихъ чернорабочихъ грамотные составляютъ 37,16%. Изъ всехъ тартальщиковъ только 2,62% грамотныхъ!

Несмотря на то, что наиболѣе ответственныя должности занимаютъ русскіе и армяне, ихъ образовательный цензъ чрезвычайно низокъ. Грамотные машинисты составляютъ только 74,19%, а буровые мастера—57,43% изъ числа лицъ этой профессіи. „Горный надзоръ,—говоритъ Г. Старцевъ,—требуетъ, чтобы въ каждой буровой на русскомъ, армянскомъ и татарскомъ языкахъ, на видномъ мѣстѣ, были вывѣшены правила технической предосторожности, и строго преслѣдуетъ всякое отступленіе отъ этого требованія. Въ протоколахъ, составленныхъ по поводу несчастныхъ случаевъ, нерѣдко можно встрѣтить указаніе, что правила были вывѣшены на видномъ мѣстѣ, что тартальщикъ или рабочій такой-то могъ де легко узнать, какъ нужно было работать, а потому въ происшедшемъ несчастіи виновенъ самъ. Но вотъ вопросъ: какимъ чудомъ этотъ злополучный тартальщикъ или рабочій могли бы прочесть требуемыя закономъ правила, если даже самъ буровой мастеръ, руководитель работъ, не знаетъ „азбуки“,

хотя § 22 „обязательныхъ правилъ“ требуетъ, чтобы „къ завѣдыванію и управленію буровыми работами были допускаемы только лица, которымъ хорошо извѣстны приемы буровой техники“. Безграмотность и хорошее, основательное знаніе техники!

По возрастному составу зарегистрированныхъ рабочихъ видно, что производство требуетъ и поглощаетъ рабочихъ въ расцвѣтъ силъ и очень рано выбрасываетъ ихъ. Наибольшее число рабочихъ—въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ. Въ возрастѣ до 40 лѣтъ насчитывается 18,8%, а выше 40 лѣтъ только 5,1%. Авторъ совершенно основательно заключаетъ отсюда, что „съ каждымъ годомъ организмъ промысловаго рабочаго изнашивается все сильнѣе, и къ сорока годамъ онъ превращается въ большинство случаевъ въ инвалида, неспособнаго отъ преждевременной старости и болѣзней къ производительному труду“. Эту мысль авторъ подтверждаетъ сравненіемъ возрастнаго состава различныхъ профессій, причемъ оказывается, что въ профессіяхъ съ антигигиенической обстановкой процентъ рабочихъ старше 40 лѣтъ значительно ниже.

Въ заключеніе приведемъ сравнительныя данныя о заработной платѣ которыми авторъ иллюстрируетъ ея относительную высоту на промыслахъ. Стоимость часа труда чернорабочаго:

на промыслахъ	4,6	коп.
въ Московск. губ.	5,07	„
въ Англіи	19,45	„
въ Соедин. Шт.	25,00	„

при относительно большей дороговизнѣ на промыслахъ всѣхъ продуктовъ.

Е. Канцель въ своей статьѣ „Матеріалы къ статистикѣ несчастныхъ случаевъ на промыслахъ Балахно-Сабунчинскаго района“ даетъ слѣдующіе итоги: отношеніе всѣхъ несчастныхъ случаевъ на промыслахъ ко всему рабочему населенію равняется 22,8% за 1 годъ; отношеніе всѣхъ временно утратившихъ способность къ труду ко всему населенію—21,24% за 1 годъ; отношеніе всѣхъ частично утратившихъ способность къ труду *на всю жизнь* ко всему населенію 1,15% за 1 годъ. Такимъ образомъ только вслѣдствіе увѣчій $\frac{1}{4}$ часть рабочихъ дѣлается инвалидами въ теченіе 20 лѣтъ. Не удивительно, что на промыслахъ почти нѣтъ рабочихъ старше 40 лѣтъ.

П. Масловъ.

Законодательная охрана труда. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatwissenschaften“. Перев. съ нѣм. подъ ред. М. Тузанъ-Барановскаго. Спб. 1901. 319 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Безконечныя и теперь еще не прекратившіеся споры о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства въ сферу экономическихъ отношеній обыкновенно остаются безплодными, какъ евангельская смоковница, въ силу неправильной постановки вопроса: при современной организаціи государства собственно рѣчи быть не можетъ о полномъ невмѣшательствѣ государства, такъ какъ государство не представляетъ нѣчто существующее внѣ и надъ обществомъ, съ его экономическими отношеніями. Государство по необходимости отражаетъ въ себѣ соотношеніе общественныхъ силъ, и о его невмѣшательствѣ, поэтому такъ же ошибочно толковать, какъ и о свободѣ воли. Къ сожалѣнію, подобная постановка вопроса, способна

выяснить многое въ вѣковомъ спорѣ противниковъ и сторонниковъ вмѣшательства государства, очень и очень мало распространена.

Когда противники вмѣшательства государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, и теперь еще довольно многочисленные въ особенности во Франціи, доказываютъ „несправедливость“ этого вмѣшательства, то они забываютъ, что теперешнія отношенія между трудомъ и капиталомъ создались длинными десятками лѣтъ вмѣшательства государства въ пользу капитала... Еще вплоть до XVIII в. въ Англіи государство законодательнымъ путемъ стремилось *увеличить* рабочій день и не разрешало фабрикантамъ устанавливать рабочій день *ниже* извѣстной нормы.

Лишь съ восемнадцатаго вѣка начинается обратное движеніе, — законодательное ограниченіе длины рабочаго дня, вмѣсто прежняго его законодательнаго увеличенія. Въ Западной Европѣ на этомъ пути сдѣлано уже очень много, еще больше остается и будетъ сдѣлано въ будущемъ. Какъ извѣстно, и у насъ въ Россіи за послѣдніе годы сдѣланъ рядъ законоположеній въ этой области, значеніе которыхъ можетъ быть вполне оцѣнено только при знакомствѣ съ постановкой этого вопроса въ западноевропейскихъ странахъ. Хорошимъ источникомъ для этого знакомства послужитъ вышеназванный сборникъ статей. Статьи эти написаны очень сухо и даютъ чисто фактическій матеріалъ. Исключеніе составляютъ лишь статья г. Туганъ-Барановскаго о русскомъ фабричномъ законодательствѣ. Авторъ, въ противоположность своимъ нѣмецкимъ собратьямъ, не ограничивается сухими фактическими данными, а выясняетъ и реальные причины и поводы появленія законовъ, давая очень вѣрную имъ оцѣнку. Переведена книга вполне удовлетворительно, издана же довольно небрежно: встрѣчается много опечатокъ и въ концѣ книги страницы совершенно перепутаны.

П. Б.

D-r Franz Oppenheimer. *Das Bevölkerungsgesetz des T. R. Malthus und der neueren Nationalökonomie. Darstellung und Kritik. Berlin 1901. VII+168. Preis 4 M.*

Коренная ошибка теоріи народонаселенія Мальтуса заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ придавалъ абсолютный, неизмѣнный характеръ росту народонаселенія, видя въ законъ народонаселенія естественный, а не социальный законъ. Ученіе Мальтуса появилось въ Англіи въ эпоху сильнѣшаго социальнаго броженія среди рабочихъ классовъ, находившихся въ ужасающей нищетѣ. Защитникъ интересовъ рабочихъ Уильямъ Годвинъ выступилъ тогда съ рядомъ горячихъ памфлетовъ, гдѣ доказывалъ, что всѣ бѣдствія рабочаго класса вызваны социальными причинами и устранимы социальною борьбою. Въ противоположность этому, принадлежавшій къ господствующей партіи Мальтусъ выпустилъ свой знаменитый „Опытъ о законѣ народонаселенія“, гдѣ доказывалъ, что бѣдствія рабочихъ вызываются не социальными, а естественными причинами и никакими социальными мѣрами устранимы быть не могутъ; все дѣло, по его мнѣнію, въ томъ, что народонаселеніе имѣетъ природную тенденцію расти въ геометрической прогрессіи, тогда какъ источники людскаго существованія растутъ лишь въ арифметической прогрессіи, —отсюда постоянное несоотвѣстіе между числомъ ртовъ и количествомъ пищи, отсюда бѣдствія рабочихъ классовъ. Противъ этого естественнаго зла есть лишь естественное средство —сократить потомство: онъ рекомендуетъ поэтому рабочему классу половое воздержаніе.

Эта теорія, принятая съ восторгомъ господствующими классами, была, однако, подвергнута затѣмъ столь основательной критикѣ, въ особенности въ „Капиталѣ“ Маркса, что въ настоящее время ее уже никто не рѣшится поддерживать во всей ей неприкосновенности, но осталась еще возможность ея перекраиванія, истолковыванія, исправленія. Этимъ дѣломъ въ настоящее время занимаются еще очень многіе экономисты, и въ послѣдніе годы довольно сильно распространилось неомальтузіанство. Сторонниками его выступили у насъ въ Россіи, между прочимъ, гг. Водовозовъ и Струве. Въ виду этого представляетъ большой интересъ заняться выясненіемъ этого вопроса при свѣтѣ современной жизни и науки—задача, которую и ставитъ себѣ нѣмецкій экономистъ Францъ Оппенгеймеръ въ своемъ очень дѣльномъ и живо написанномъ сочиненіи о Мальтусѣ и неомальтузіанствѣ.

Въ иныхъ мѣстахъ своего знаменитаго „Опыта о законѣ народонаселенія“ Мальтусъ самъ невольно долженъ былъ признать вліяніе *соціальныхъ* условій на ростъ народонаселенія. На стр. 219 первой книги (русск. переводъ П. Бибикова) онъ, напр., пишетъ: „Главные причины слабаго населенія Турціи, сравнительно съ ея протяженіемъ, состоятъ безспорно въ свойствѣ ея правительства. Тиранія правительства, скверные законы, еще болѣе дурная администрація, а потому и необезпеченная собственность представляютъ такія препятствія для земледѣлія, что оно съ каждымъ годомъ упадаетъ, а съ нимъ уменьшается и населеніе“. То же самое въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ объ Абиссиніи и Египтѣ, но это нисколько не мѣшаетъ ему говорить о законѣ народонаселенія, какъ о вѣчномъ неизмѣнномъ законѣ, установленномъ природою и Богомъ—the law of nature being a law of God.

Факты, опровергающіе законъ народонаселенія, установленный Мальтусомъ въ изобиліи доставляетъ и историческая, и современная дѣйствительность и не подлежатъ сомнѣнію, что законъ народонаселенія есть *соціальный*, а не естественный законъ, что ростъ народонаселенія зависитъ отъ *соціальныхъ*, а не естественныхъ причинъ.

Францъ Оппенгеймеръ старается, и это ему вполнѣ удается,—показать, что законъ Мальтуса въ его послѣдовательномъ развитіи самъ себя опровергаетъ.

Авторъ справедливо указываетъ на то, что формулировка закона народонаселенія, сдѣланная Мальтусомъ, настолько неопредѣленна и растяжима, что она мирится съ самыми противоположными фактами и теоріями. Возрастаетъ сильно народонаселеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ нужда и бѣдствія не растутъ, то тогда Мальтусъ приписываетъ это случайнымъ благоприятнымъ условіямъ, если же, наоборотъ, этотъ быстрый ростъ народонаселенія сопровождается быстрымъ ростомъ бѣдности, то тогда законъ, очевидно, оказывается вполнѣ справедливымъ; если, несмотря на застой въ ростѣ народонаселенія, народъ все-таки бѣдствуетъ, то для объясненія этого явленія Мальтусъ ссылается на непреодолимые препятствія природы, не дающія возможности развиться народному благосостоянію. Такое *иезуйтское* истолковываніе фактовъ не даетъ возможности уличить Мальтуса въ формально-логической ошибкѣ. Но помимо этого формально-логическаго есть другой путь для опроверженія мальтузіанства.

Мальтусъ принималъ, какъ извѣстно, что въ густо населенныхъ странахъ средняя величина продукта, приходящаяся на долю cadaго, не можетъ возрастать. Если послѣ тщательнаго изслѣдованія мы убѣдимся, что эта доля дѣйствительно не растетъ въ густонаселенныхъ странахъ, то теоріи Мальтуса подтверждается; если же окажется, что эта доля пони-

зилась, то тогда теорія Мальтуса окажется непримѣнимой, по крайней мѣрѣ, для прошедшаго, но она еще сохраняетъ значеніе для настоящаго и будущаго; если же эта доля повысилась, то теорія Мальтуса оказывается ложной. Исслѣдованіе подтверждаетъ ростъ этой доли и, стало быть, опровергаетъ и основную посылку теоріи Мальтуса. Съ 1840 по 1888 г. площадь воздѣлываемой земли въ культурныхъ государствахъ возросла съ 492 милліоновъ акровъ до 807 милліоновъ, т. е. на 65%, тогда какъ жатва съ нея возросла за это же время съ 4.119 милліоновъ бушелей до 9.122 милліоновъ, т. е. на 120%, населеніе же увеличилось лишь на 70%. Въ этихъ странахъ число земледѣльцевъ возросло за этотъ же періодъ съ 55 до 80 милліоновъ, т. е. менѣе чѣмъ на 50%. Въ 1840 г. земледѣльческое населеніе производило 73 бушеля на голову, а въ 1887 г. уже 114 бушелей. Въ 1831—1840 г. на голову всего населенія приходилось 14 бушелей хлѣба, а въ 1887 уже 16 бушелей.

Слѣдовательно, мы видимъ, что съ ростомъ населенія росла доля продуктовъ, приходящаяся въ среднемъ на долю каждого, а стало быть оказывается призрачнымъ „законъ“ Мальтуса.

Мальтусъ затѣмъ установилъ законъ падающей производительности, по которому всякое приложеніе труда къ землѣ приноситъ съ дальнѣйшимъ временемъ сравнительно меньше чѣмъ прежде продуктовъ. Увеличившееся вдвое населеніе при затратѣ вдвое большаго труда на землю, получить менѣе чѣмъ вдвое большее количество жатвы,—говоритъ Мальтусъ. Но его исходная точка зрѣнія ошибочна: всякая рабочая единица въ среднемъ обнаруживаетъ несравненно большую производительность при густомъ, чѣмъ при рѣдкомъ населеніи, чего совершенно не замѣчаетъ Мальтусъ. Отъ Мальтуса авторъ переходитъ къ неомальтузіанству и подробно разбираетъ и очень остроумно опровергаетъ ихъ теоріи.

Онъ доказываетъ сначала неисторичность и неорганичность той теоріи, которая доказываетъ, что дальнѣйшее экономическое развитіе ведетъ къ образованію все большаго числа „лишняго“ населенія. Эта теорія, лишь по недоразумѣнію называющая себя мальтузіанской, игнорируетъ факты конкретной дѣйствительности, совершенно отрицающіе наличность тенденціи къ несоотвѣтствію между экономическимъ развитіемъ и ростомъ населенія.

Относительно второго вида неомальтузіанства, опирающагося на доводъ, что въ „концѣ концовъ“ пищи должно не хватить безостановочно растущему населенію, Оппенгеймеръ вполне справедливо замѣчаетъ, что этотъ „конецъ концовъ“ можетъ наступить лишь въ очень и очень отдаленное время, которое принесетъ, конечно, столько измѣненій, что разсуждать о немъ мы теперь не можемъ. Давъ очень остроумную критику ученія Мальтуса и доказавъ его полную научную необоснованность, авторъ спрашиваетъ: почему же эта такъ плохо обоснованная теорія получила такое широкое распространеніе? и отвѣчаетъ: да прежде всего потому, что она сваливала отвѣтственность за всѣ ужасающія бѣдствія тогдашняго англійскаго пролетаріата съ плечъ буржуазіи на плечи безотвѣтственной природы. Это было очень пріятно и утѣшительно для буржуазной совѣсти и кармана: ничего не подѣлаешь: природа—съ!

Было уже замѣчено, что Мальтусъ далъ не столько теорію населенія, сколько теорію бѣдности, но именно въ качествѣ таковой его теоріи совершенно не выдерживаетъ критики, такъ какъ бѣдность—явленіе социальное, а не природное. Если рѣчь можетъ идти о перенаселеніи, какъ причинѣ бѣдности, то подразумѣвается здѣсь относительно перенаселеніе.

вызываемое недостаточною организациею производительныхъ силъ, а не абсолютное народонаселеніе, вызываемое естественнымъ закономъ. Безспорно, всякая организациа производительныхъ силъ обладаетъ извѣстною емкостью по отношенію къ количеству народонаселенія, но измѣненіе этой организации даетъ снова широкій просторъ росту народонаселенія.

Мы рекомендуемъ новый трудъ Франца Оппенгеймера, какъ одну изъ наиболѣе систематическихъ и удачныхъ попытокъ раскрыть научную не состоятельность мальтузіанства и неомальтузіанства.

П. Берлинъ.

И. В. Трубниковъ. Богатства Россіи. Часть I. Спб. 1901 г.

Вотъ книга, которую во многихъ отношеніяхъ можно признать очень характерной для переживаемаго нами времени, особенно для тѣхъ сферъ, которыя называются „дѣловыми“, разумѣя здѣсь не только „тузовъ“, но и всякаго рода мелкую сошку, имѣющую отношенія къ биржѣ, торговлѣ, промышленности и финансамъ. Авторъ вовсе не мракобѣсъ, потому что дикій обскурантизмъ катковскихъ эпигоновъ, вродѣ г. Грингмута съ его присными,—совершенно не въ модѣ, опротивѣлъ и надолѣлъ своей заскорузлой грубостью и невозможной нелѣпостью. Онъ и не круглый невѣжда въ стилѣ князя Мещерскаго: вѣдь наивное невѣжество теперь перестало даже и смѣхъ возбуждать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, стоитъ только обратить вниманіе на то, съ какимъ порицаніемъ относится г. Трубниковъ къ болѣе чѣмъ умѣренно-либеральной тирадѣ въ одной изъ статей „Новаго Времени“ (см. стр. 207—208), чтобы убѣдиться, что онъ едва ли еще не менѣе склоненъ къ либерализму, хотя бы самому блѣдно-розовому, чѣмъ къ реакціи въ ея ничѣмъ не прикрытомъ видѣ.

Но все это—черты отрицательной характеристики книги и ея автора все это показываетъ, чего въ книгѣ и ея авторѣ нѣтъ. Посмотримъ, что же въ нихъ есть? Первое, что поражаетъ читателя книжки г. Трубникова это ея необыкновенно панегирической тонъ по адресу нашего финансоваго вѣдомства. Г. Трубниковъ хвалитъ рѣшительно все, доволенъ всѣми мѣропріятіями министерства финансовъ безъ какихъ бы то ни было исключеній и ограниченій: онъ одобряетъ и реформу денежнаго обращенія и составленіе смѣты, явно рассчитанное на превышеніе бюджетныхъ предположеній дѣйствительными поступленіями, и сокращеніе количества кредитныхъ билетовъ, имѣющихся въ обращеніи, и законъ о предѣльности земскаго обложенія, и казенную винную монополію, и реформу государственнаго банка, и выпуски 4% ренты взаимѣн срочныхъ облигацій и пр., и пр. Непрестанно распѣвая дионирамбы финансовому вѣдомству г. Трубниковъ яростно полемизируетъ съ такими доморощенными экономистами, какъ г. Шараповъ и публицисты „Новаго Времени“, въ тѣхъ случаяхъ, когда они высказываютъ мнѣнія, несогласныя съ взглядами министерства финансовъ. Мы согласны, во многомъ съ тѣмъ, что говорить г. Трубниковъ, во всякомъ случаѣ его взгляды гораздо разумнѣе возрѣвнѣй „Новаго Времени“ и г. Шарапова, если только можно говорить о возрѣвнѣяхъ „Новаго Времени“, какъ о чемъ-то устойчивомъ и опредѣленномъ. Но нельзя не признать, что авторъ разбираемой книги часто хватается черезъ край, ошибочно полагая, что „каши масломъ не испортишь“: нельзя, напримѣръ, удержаться отъ улыбки, читая на стр. 77—78 неумѣренныя похвалы казенной продажѣ вина, которая, при всѣхъ ея

хороших сторонахъ, очевидно, все-таки ни въ какомъ случаѣ не можетъ создать сама по себѣ, независимо отъ другихъ влiяній, тѣ благодѣтельныя хозяйственныя явленiя, которыя усердно расписываетъ авторъ съ голоса податной инспекци. Вообще главная черта книжки г. Трубникова заключается въ томъ, что эта книжка представляетъ собою не что иное, какъ сочувственный, мѣстами даже не въ мѣру восторженный комментарий къ дѣйствiямъ руководителей нашей финансовой политики.

Г. Трубниковъ, несомнѣнно, не дурной практикъ, хорошо освѣдомленъ въ практической обстановкѣ финансовыхъ мѣропрiятiй, и потому тамъ, гдѣ онъ остается на чисто-практической почвѣ, его можно читать не безъ пользы: онъ приводитъ, на примѣръ, нѣсколько хорошо подобранныхъ статистическихъ цифръ, характеризующихъ ростъ русскаго бюджета, развитiе промышленности, производство хлѣба, ростъ капиталовъ и акционерныхъ предпрiятiй, земскiе бюджеты, состоянiе народнаго образованiя и т. д.; всѣ эти цифры не новы, но знакомство съ ними въ той удобной формѣ, въ какой ихъ сообщаетъ г. Трубниковъ, было бы небезполезно для большой публики, вообще мало освѣдомленной въ статистическомъ матеріалѣ. Точно такъ же опытный практикъ виденъ тогда, когда г. Трубниковъ предлагаетъ проектъ введенiя билетовъ закладной ренты или усиленно и вполне справедливо настаиваетъ на необходимости широкаго развитiя кредита для земствъ и городовъ съ цѣлями распространенiя всеобщаго образованiя и созданiя ряда подъездныхъ рельсовыхъ и гужевыхъ путей сообщенiя, столь необходимыхъ для нашей промышленности не только обрабатывающей, но едва ли еще не въ большей степени и сельско-хозяйственной. Вообще тѣ мѣста книги, гдѣ авторъ здраво и спокойно разсматриваетъ практическiе вопросы текущей финансовой политики, не увлекаясь похвалами, принадлежатъ къ числу лучшихъ. Эта практическая складка не является ли опять-таки признакомъ, характернымъ для извѣстной группы дѣятелей въ наше время? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ несомнѣненъ для того, кто помнитъ подлинныя слова одного высокопоставленнаго лица, что оно никогда не занималось теорiей.

И какъ только г. Трубниковъ изъ практической сферы переходитъ въ область теорiи,—его ждутъ неизбѣжныя неудачи. „Философiя“ ему рѣшительно не дается, и онъ беспомощно запутывается въ разныхъ „измахъ“, безъ разбора сваливая ихъ въ одну беспорядочную кучу. Уже первая фраза „Введенiя“ повергнетъ читателя въ немалое недоумѣнiе: „Въ механизмъ историческаго развитiя,—говоритъ г. Трубниковъ,—судьбы каждаго народа до извѣстной степени предопредѣлены роковыми событиями или силою вещей“ (стр. 3). Что это за „роковыя событiя“ и за „сила вещей“, въ какихъ взаимныхъ отношенiяхъ тѣ и другая между собою находятся, и какъ это не вполне ясное положенiе можно примирить съ отстаиваемымъ ниже (на стр. 4—5, 7) взглядомъ на зависимость экономическаго развитiя Россiи исключительно отъ „здоровой финансовой политики“,—все это остается тайной для читателя, да, надо думать, и для автора, который въ противномъ случаѣ выразался бы яснѣе и связывалъ бы свои мысли логичнѣе. Далѣе мы узнаемъ, что русское государственное и народное хозяйство „получало содержанiе болѣе или менѣе извнѣ“, что реакцiя повела къ пессимизму, и въ то же время этотъ пессимизмъ былъ не результатомъ реакцiи, а слѣдствiемъ „проникновенiя въ литературу и общественныя сферы нѣмецкой философiи пессимизма“ (стр. 3). Неясность и путаница такимъ образомъ продолжаютъ

Затѣмъ г. Трубниковъ, ничто же сумняшеся, приготавливаетъ уже совершенно неудобоваримый винигретъ, указывая, какъ на зло, на „пропаганду всяческихъ ересей въ политической экономіи и политической философіи, начиная съ фритредерства и бумажно-денежнаго хозяйства и кончая марксизмомъ и нѣмецкимъ пессимизмомъ, не говоря уже о дѣятельной популяризаціи идей франмасонства и буддизма“ (стр. 9), и, наконецъ, доходитъ до того, что называетъ „Новое Время“ („Новое Время“!) „органомъ нѣмецкаго пессимизма и франмасонства“ (стр. 15). Всѣ эти курьезы свидѣлствуютъ не о чемъ иномъ, какъ о полнѣйшемъ теоретическомъ бесилии автора и о пробѣлахъ въ его научныхъ знаніяхъ. И опять-таки въ этомъ отношеніи г. Трубниковъ является не раритетомъ, не исключеніемъ, а типическимъ представителемъ современныхъ дѣльцовъ разныхъ ранговъ и положеній.

Мы такъ долго остановились на книжкѣ г. Трубникова не потому, чтобы она блистала достоинствами, а исключительно вслѣдствіе ея типичности. Чтобы закончить характеристику книги, остается только отмѣтить, что авторъ совершенно не обладаетъ даромъ послѣдовательнаго и систематическаго изложенія, а стиль его отличается неправильностью, безцвѣтностью и иногда даже прямо грѣшитъ противъ грамматики. По всѣмъ этимъ причинамъ можно думать, что книга г. Трубникова едва ли найдетъ достаточный кругъ читателей, хотя въ ней далеко не все было бы бесполезно для большой публики, если бы послѣдняя могла отнестись критически къ нѣкоторымъ воззрѣніямъ автора.

Н. Рожновъ.

Павель Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка 1774—1789 г. Томъ I. Спб. 1900 г.

Каждый изслѣдователь, конечно, свободенъ въ выборѣ предмета своихъ специальныхъ занятій: его интересы направляютъ его работу, и послѣдняя можетъ быть плодотворной, несомнѣнно, лишь въ томъ случаѣ, если она интересуется изслѣдователя. Но какъ ни законны сами по себѣ личныя симпатіи и специальные интересы, все-таки свобода выбора темы имѣетъ свои предѣлы, зависящіе отъ состоянія науки: къ чему заниматься тѣмъ, что, за сравнительно неважными исключеніями, хорошо извѣстно? Не лучше ли посвятить свои силы изслѣдованію того, что почти еще не тронуто ученой работой? Положимъ, специалистъ интересуется исторіей стараго порядка во Франціи. Старый порядокъ—понятіе многообъемлющее, и для изслѣдователя открываеся при его изученіи широкое поле, но онъ не долженъ направлять свои усилія на разработку тѣхъ сторонъ стараго порядка, которыя болѣе или менѣе извѣстны; лучше и плодотворнѣе для науки и почетнѣе для самого работника будетъ изученіе наиболѣе темныхъ сторонъ вопроса. Остается такимъ образомъ и въ предѣлахъ данной темы достаточно простора для приложенія своихъ личныхъ интересовъ къ дѣлу.

Г. Ардашевъ не вполне удачно выбралъ тему для своей книги: онъ взялъ для изученія какъ разъ ту сторону стараго порядка, которая является наиболѣе изслѣдованной,—именно провинціальную администрацію. Это обстоятельство роковымъ образомъ предопредѣлило и результаты его работы: какъ бы хорошо авторъ ни былъ освѣдомленъ въ матеріалѣ, какъ бы ни зналъ онъ литературу, наконецъ, каковы бы ни были его способности,—въ разработанномъ вопросѣ трудно, чтобы не сказать не-

возможно, придти къ новымъ *общимъ* выводамъ, и самое большее, чего можно ожидать, это—разъясненія отдѣльныхъ спорныхъ пунктовъ второстепеннаго значенія. А между тѣмъ въ научной работѣ, какъ въ всякой другой, необходимо экономизировать силы, направлять ихъ туда, гдѣ онѣ всего нужнѣе.

Г. Ардашеву едва ли можно сдѣлать хотя бы одинъ упрекъ по части эрудиціи: онъ превосходно начитанъ въ литературѣ и изучилъ массу неизданнаго архивнаго матеріала, равно какъ и весь печатный. Но все, чего ему удалось достигнуть, сводится къ частнымъ поправкамъ, болѣе или менѣе важнымъ, но не мѣняющимъ общаго взгляда на вопросъ, какъ этотъ взглядъ сложился благодаря предшествующей литературѣ, особенно благодаря такимъ изслѣдователямъ, какъ Токвиль, Тэнъ и Бабо. Важнѣйшія изъ новыхъ наблюденій г. Ардашева заключаются въ слѣдующемъ: имъ очень хорошо изложена исторія перехода генеральства—первоначально финансоваго территориальнаго дѣленія—въ административный округъ интендантства (стр. 146 и сл.); серьезны поправки, вносимыя въ пониманіе дѣйствительнаго значенія королевскаго совѣта: оказывается, что, вопреки мнѣнію Ганато, король довольно часто дѣйствовалъ безъ совѣта (стр. 219 и прим. 1), что вообще совѣтъ лишь юридически имѣлъ серьезное значеніе въ управленіи, на дѣлѣ же его отодвигали на второй планъ министры, особенно генеральный контролеръ (стр. 235 и сл.); важны доказательства фактической самостоятельности интендантовъ въ ихъ административно-судебной дѣятельности (стр. 262 и сл.), и особенно цѣнно изображеніе дѣйствительнаго положенія интенданта, какъ администратора и судьи, въ IX главѣ (стр. 555 и сл.). Не мало отдѣльныхъ поправокъ можно встрѣтить тамъ, гдѣ г. Ардашевъ говоритъ о внѣшней обстановкѣ жизни интендантовъ, объ ихъ жалованьѣ, о парламентахъ и т. д. Въ другихъ случаяхъ, напр. о городскомъ и сельскомъ управленіяхъ и о финансовыхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, въ книгѣ г. Ардашева можно найти не много новаго сравнительно съ прекрасными трудами Бабо: „La ville sous l'ancien régime“ и „La province sous l'ancien régime“. Заслуживаетъ вниманія также то обстоятельство, что г. Ардашевъ, вслѣдъ за Бабо, Буалилемъ и Ганато, доказываетъ, что провинціальныя интенданты существовали и до Ришелье, который лишь „воспользовался ими, какъ готовымъ орудіемъ для своей централистской политики“, причемъ оказывается, что знаменитый указъ 1635 года, въ которомъ видѣли законодательный актъ, утвердившій интендантство, какъ постоянное учрежденіе, вовсе и не относится къ провинціальнымъ интендантамъ (стр. 150—156). Однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ книги г. Ардашева невольно возбуждаетъ недоумѣніе и заставляетъ ставить вопросы, не разрѣшаемые авторомъ. Такъ, г. Ардашевъ утверждаетъ, что институтъ такъ называемыхъ „выборныхъ“ (élus) восходитъ къ генеральнымъ штатамъ 1355 года (стр. 139), тогда какъ Бабо („La province sous l'ancien régime“, т. I, стр. 233) находитъ выборныхъ еще въ XIII вѣкѣ и дѣлаетъ при этомъ важное замѣчаніе, что тогда они дѣйствительно *выбирались* согражданами для раскладки налоговъ; если Бабо въ данномъ случаѣ не правъ, то г. Ардашеву слѣдовало оговорить и доказать это. Далѣе, Бабо относитъ приобрѣтеніе должностю выборныхъ продажнаго характера ко времени Карла VII („La province“, т. I, стр. 233), а г. Ардашевъ почему-то, руководясь болѣе старымъ сочиненіемъ Маугу, приписываетъ эту перемену Людовику XII (стр. 140): опять слѣдовало мотивировать свой выводъ. Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ г. Ардашевъ (прим. 1, на стр. 148) говоритъ о 12 ге-

нераль-губернаторахъ при Францискѣ I, когда Бабо знаетъ всего двухъ („La prov.“, т. I, стр. 254). Происхожденіе субделегатовъ, на нашъ взглядъ, лучше изображено у Бабо („La prov.“, т. II, стр. 68 и сл.), чѣмъ у г. Ардашева (стр. 194; ср. стр. 317 и сл.). То же нужно сказать и о происхожденіи историческихъ французскихъ провинцій (см. Бабо, т. I, стр. 1 и сл., и у г. Ардашева стр. 208 и сл.). Наконецъ, II томъ сочиненія Бабо, посвященный дѣятельности интендантовъ, имѣетъ то немаловажное преимущество передъ соотвѣтствующими частями книги г. Ардашева, что въ немъ помѣщена заключительная глава „Le rôle des intendants“, представляющая собою стройную картину цѣлаго, блестяще и ярко набросанную. Этого совершенно нѣтъ у г. Ардашева.

Переходя къ заключительной характеристикѣ новаго русскаго труда о провинціальной администраціи во Франціи при старомъ порядкѣ, надо признать книгу г. Ардашева полезной для изученія многихъ специальныхъ подробностей даннаго вопроса, но поворотнымъ пунктомъ въ изученіи послѣдняго она не будетъ. При всей полезности разбираемой книги въ специальной сферѣ приходится все-таки пожалѣть, что г. Ардашевъ не направилъ своихъ силъ въ другую сторону и не употребилъ громадный трудъ, имъ потраченный, гораздо болѣе производительнымъ образомъ. Результаты его труда далеко не вполне окупаютъ затрату.

Н. Рожновъ.

А. Беклей. Побѣдители въ жизненной борьбѣ. Великая семья позвоночныхъ. Перев. съ англійскаго съ измѣненіями и дополненіями В. Н. Львова. Изд. Сабашниковыхъ. 1900 г. Ц. 2 р.

Рѣдкія достоинства сочиненія А. Беклей о позвоночныхъ животныхъ могутъ быть резюмированы такъ: во-первыхъ, *широта*, съ которой охватывается разбираемый предметъ, во-вторыхъ, *сжатость изложенія*, которая исключаетъ ненужное нагроможденіе фактовъ и никогда не идетъ въ ущербъ ясности, и въ-третьихъ, *ясность и простота* изложенія, которая нерѣдко доходитъ до художественности.

Богатство и содержательность того плана, который заложенъ въ основу сочиненія А. Беклей, можно видѣть уже изъ одного оглавленія книги: мы съ своей стороны можемъ лишь прибавить, что это оглавленіе строго соотвѣтствуетъ содержанію книги. Генетическая связь положена въ основу всей книги и проведена не только для классовъ, но въ иныхъ случаяхъ даже и для отрядовъ. Въ первой главѣ „Преддверіе позвоночной жизни“ авторъ, по обыкновенію, очень удачно находитъ генетическую связь между позвоночными и безпозвоночными животными: для этого онъ даетъ описаніе строенія *Amphioxus lanceolatus* и асциды, которое иллюстрируется двумя прекрасными рисунками, затѣмъ онъ дѣлаетъ экскурсію въ область эмбриологіи асцидій,—и пропасть, раздѣляющая безпозвоночныхъ и позвоночныхъ, закрывается. Здѣсь мы отмѣтимъ ту простоту и легкость, съ которой все это выполнено на какихъ-нибудь двухъ страницахъ, написанныхъ прекраснымъ и легкимъ языкомъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, которое касается прочихъ классовъ позвоночныхъ животныхъ, генезъ проводится точно съ такой же ясностью и простотой. При достиженіи этой цѣли авторъ съ большимъ искусствомъ пользуется эмбриологическими, сравнительно-анатомическими, палеонтологическими, геологическими и др. данными, въ то же время изложеніе его не перестаетъ быть сжатымъ и крайне янте-

реснымъ. Нужно автору выяснитъ происхождение амфибій,—сейчасъ же онъ ведетъ читателя въ область эмбриологии лягушки, выясняетъ законъ соотношенія филогеніи и онтогеніи, даетъ анатомію рыбъ вообще, двоякодышащихъ въ частности; нужно ему выяснитъ генезъ другихъ классовъ,—сейчасъ же слѣдуетъ сравнительная анатомія *os quadratum*, конечно, въ самой общей, самой доступной и даже въ увлекательной формѣ.

Слѣдя, такимъ образомъ, за эволюціей позвоночныхъ, авторъ въ то же время ни на минуту не упускаетъ и другого крайне важнаго вопроса: почему же изъ множества получившихся видовъ одни уцѣлѣли до нашего времени, получили преобладающее значеніе среди всѣхъ прочихъ, другіе же вымерли? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ является художественное изображеніе жизни животныхъ въ самыя различныя геологическія времена съ ихъ борьбою за существованіе, и эта часть книги является образцомъ для естественно-историческихъ описаній. Здѣсь вполне отсутствуетъ тотъ искусственно приподнятый тонъ, которымъ популяризаторы такъ любятъ замѣнять отсутствующее у нихъ на самомъ дѣлѣ восхищеніе.

Достоинства книги еще болѣе увеличиваются вслѣдствіе большого числа прекрасно сдѣланныхъ рисунковъ.

Книгу эту можно рекомендовать для чтенія всякому, независимо отъ его образованія: ее прочтеть съ пользой незнакомый съ зоологіей вообще, изъ нея извлечетъ не мало пріятныхъ минутъ и человѣкъ, знающій зоологію по хорошимъ учебникамъ.

Николай Малышевъ.

Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный сборникъ, издаваемый Императорскимъ Обществомъ поощренія художествъ. 1-й годъ изданія. 1901. Цѣна 8 руб. съ доставкой.

Нельзя не привѣтствовать появленія новаго изданія Общества поощренія художествъ, сборника „Художественныя сокровища Россіи“. Это изданіе несомнѣнно будетъ очень интереснымъ и полезнымъ. Сборникъ снимковъ съ картинъ, статуй всевозможныхъ художественныхъ предметовъ, начиная отъ церквей и дворцовъ и оканчивая украшеніями туалета,—застежками, брошками и серьгами, является въ настоящее время прямою необходимостью. Художественныхъ предметовъ въ Россіи достаточно, даже можно сказать, много, а между тѣмъ они совершенно неизвѣстны, такъ что въ двадцать разъ легче знать о произведеніяхъ искусства, находящихся далѣко за-границей, чѣмъ о тѣхъ, которыя находятся въ Россіи. Несомнѣнно, что Общество поощренія художествъ, обладая громадными средствами и связями, вполне можетъ, хотя и не вдругъ, пополнить этотъ недостатокъ и дать точныя свѣдѣнія о всемъ дѣйствительно выдающемся по части искусства, хранящемся въ Россіи не только въ правительственныхныхъ учрежденіяхъ, но и въ частныхъ рукахъ. „Художественныя сокровища Россіи“—не журналъ. Это просто рядъ снимковъ съ произведеній искусства съ подробнымъ описаніемъ каждаго предмета въ отдѣльности. Въ каждомъ номерѣ двѣнадцать отдѣльныхъ снимковъ. Исполнены они удовлетворительно автотипіей (черезъ сѣтку) и даже фототипіей. Краткія, но хорошо составленныя объясненія къ каждому снимку въ отдѣльности, т. е. подробный каталогъ, занимаютъ около печатнаго листа въ каждомъ выпускѣ; въ концѣ выпуска приложена еще „хроника“, въ которой кратко изложены свѣдѣнія о художественныхъ новостяхъ и дѣятельности Об-

щества поощренія художествъ; здѣсь же помѣщены краткія некрологи умершихъ художниковъ.

Изданіе это предпринято подѣ редакціей А. Н. Бенуа и, судя по первому номеру и по тѣмъ краткимъ, но содержательнымъ и интереснымъ описаніямъ таблицъ, которыя здѣсь помѣщены, оно обѣщаетъ занять въ библіотекахъ любителей искусства подобающее ему мѣсто.

П. Ге.

Провинціальныя картинки.

„Человѣкъ въ футлярѣ“, какъ герой нашего времени въ провинціи. — Милые разговоры енисейскихъ думцевъ. — Переполохъ въ г. Барнауль. — Курскія гимназистки въ роли балеринъ. — Инженеры водяные и сухопутные. — Новый бичъ нашихъ путей сообщенія. — Какъ проглотили саратовскаго журналиста г. Марковича. — Какъ опекаютъ китайское имущество въ Благовѣщенскѣ. — Батюшка съ матушкой. — Боязнь „отупѣть“, какъ причина бѣгства изъ деревень. — Любитель музыки.

Есть у А. П. Чехова маленькій рассказъ съ чрезвычайно большимъ и глубокимъ содержаніемъ, называется онъ „Человѣкъ въ футлярѣ“. Въ этомъ рассказѣ авторъ захватилъ цѣлое явленіе изъ области общественной психологіи, нарисовавши намъ яркими красками типъ новаго общественного дѣятеля... Какъ выработался этотъ новый типъ, — авторъ не показалъ, но одна фраза, то и дѣло вылетающая изъ устъ героя, мнѣ кажется, достаточно поясняетъ дѣло: „Какъ бы чего изъ этого не вышло?!“ Очевидно, долгое пребываніе подъ страхомъ всякихъ непріятныхъ и неожиданныхъ „послѣдствій“ было основною причиною выработки „человѣка въ футлярѣ“... Этотъ „человѣкъ въ футлярѣ“, какъ наиболѣе приспособленный къ нашему времени, быстро размножился и продолжаетъ множиться, вытѣсняя съ арены общественной дѣятельности человѣка безъ футляра... Оглянитесь вокругъ, присмотритесь къ окружающимъ людямъ, и вы будете поражены изобиліемъ футлярныхъ человѣковъ!.. Едва ли будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что чеховскій „человѣкъ въ футлярѣ“ — знаменіе времени... Не только отдѣльныя лица, а цѣлыя собранія, учрежденія торопливо заказываютъ футляры и облакаются въ нихъ, стараясь приспособиться къ духу времени. Человѣкъ безъ футляра дѣлается рѣдкостью: онъ начинаетъ вырождаться... Оно и понятно: „У сатира всегда найдется серьезный поводъ надѣть штаны и наставить, чтобы надѣлъ ихъ и Аполлонъ“, — сказалъ Гейне; въ силу этого люди въ футлярахъ косо и непріязненно относятся къ людямъ безъ футляровъ, а послѣдніе всюду начинаютъ чувствовать нѣкоторую неловкость, испытывая подлое ощущеніе „человѣка безъ галстука“ въ „приличномъ обществѣ“... И въ лучшемъ случаѣ наши малочисленные Аполлоны торопятся засѣсть въ укромномъ уголкѣ, откуда ихъ мало видно и мало слышно, а чаще бѣгутъ вонъ, провожаемые кривыми усмѣшками сатировъ...

Позвольте, затѣмъ вы бѣжите?

— Не могу... У меня такое ощущение, словно я жду, что меня сейчасъ выведутъ...

Современная общественная жизнь даетъ удивительныя иллюстраціи къ чеховскому разсказу. Порой кажется, что читаешь не отчетъ о какомъ-нибудь застѣданіи, а страницу изъ чеховскаго „человѣкъ въ футлярѣ“. Вотъ вамъ прижѣръ разговора нашихъ общественныхъ дѣятелей:

— Укажите мнѣ, гдѣ это разрѣшается?

— Разъ это нигдѣ не разрѣшается, значить — не запрещается! Разъ въ уставахъ нигдѣ не запрещено обсуждать такіе вопросы, значить обсуждать можно.

— Нѣтъ. То, что въ законахъ не разрѣшено, значить—запрещается. Надо спросить губернатора.

Угадайте, читатель, по поводу чего ведется этотъ милый разговоръ о томъ, разрѣшено ли то, что не запрещено! Ведется онъ въ енисейской городской думѣ и вотъ по какому поводу: какой-то корреспондентъ подалъ прошеніе въ городскую управу, гдѣ просилъ допустить его къ ознакомленію съ дѣлами городского хозяйства...

Управа долго искала, гдѣ это разрѣшено, но, не найдя, рѣшила поискать статей закона, гдѣ это запрещено. И вѣдь нашла! Нашла и ухватилась обѣими руками... Искала трое сутокъ, всѣ XVI томовъ закона перерыла, 5.000 циркулярвъ пересмотрѣла и, наконецъ, съ облегченіемъ вздохнула:

— 107 ст. цензурнаго устава и циркуляръ такой-то № запрещаютъ чиновнику, безъ дозволенія начальства, обнародовать дѣла и свѣдѣнія, ввѣренныя ему по службѣ, а равно разглашать дѣла, производимыя въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ.

— Ясно, что запрещено!..—глубокомысленно произнесъ голова, когда секретарь познакомилъ управу съ 107 ст. устава о цензурѣ и печати.

— А у кого слѣдуетъ испрашивать разрѣшеніе? Кто разумѣется здѣсь подыменемъ „начальства“?

— Само собою, губернаторъ!..

Такъ управа доложила и думѣ: запрещено, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ спросить губернатора, чтобы „чего-нибудь не вышло“...

— Спросить!—закричали гласные.

— Лучше! Спокойнѣе!..

— Не разрѣшено, такъ нечего и спрашивать... Отклонить!

Въ средѣ гласныхъ нашелся только одинъ человѣкъ безъ футляра, нѣкто докторъ Станкѣевъ. Онъ всталъ и произнесъ:

— Зачѣмъ же спрашивать?.. 107 ст. и циркуляръ къ намъ не относятся: тамъ говорится о чиновникахъ, а мы—дума. Что же представляетъ въ такомъ случаѣ наше самоуправленіе, когда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы и имѣемъ право сами рѣшать, мы будемъ обращаться за разрѣшеніемъ?

— Спросить!

— Спокойнѣ!

— А лучше отклонить—и дѣлу конецъ!— шумать гласные.

Поставили вопросъ на баллотировку и 14 голосами противъ 2 не допустили корреспондента къ ознакомленію съ дѣлами... На 14 человекъ въ футлярахъ оказались только 2 безъ оныхъ!..

„Человѣкъ въ футлярѣ“ задаетъ свой тонъ даже въ сферахъ нашего самоуправления, а про другія сферы и говорить нечего,—тамъ онъ безусловно господи́тъ дѣла... Особенно рѣзко и крикливо заявляетъ онъ о себѣ въ нашемъ педагогическомъ мірѣ: тутъ почти сплошной „человѣкъ въ футлярѣ“!.. Не даромъ и Чеховъ взялъ свой дивный образецъ изъ среды педагоговъ... Казалось бы, что дѣло воспитанія молодого поколѣнія, какъ наиболѣе живое, душевное дѣло, менѣе всего можетъ мириться съ „футляромъ“... А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ напротивъ, и ничего живого не надо, никакой души не требуется, а требуется только футляръ, достаточно прочный, съ хорошими застежками и крѣпкими запоромъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что первый футляръ былъ приготовленъ столичными мастерами. По этому образцу начали мастерить футляры въ провинціи, гдѣ быстро развилось это производство со всѣми недостатками зхолоустной аляповатости. Вотъ почему провинціальный „человѣкъ въ футлярѣ“ очень угловатъ, неуклюжъ и часто коробитъ свѣжаго обывателя... Быстро наполнивши педагогическій мірокъ Европейской Россіи, человѣкъ въ футлярѣ достигъ уже Сибири и началъ тамъ свои футлярные подвиги... Я получилъ письмо изъ Барнаула, посвященное описанію первыхъ „недоразумѣній“, вызванныхъ появленіемъ тамъ человекѣвъ въ футлярѣ... Очевидно, барнаульцы были недостаточно подготовлены къ этому явленію: они страшно переполошились и дружно подвигались противъ футлярнаго духа...

Еще недавно барнаульская интеллигенція находилась въ повышенномъ настроеніи: она восторгалась предстоящимъ открытіемъ „народнаго дома“ при мѣстномъ Школьномъ обществѣ, чего ожидала съ громаднымъ нетерпѣніемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Свершилась завѣтная мечта мѣстныхъ ревнителей просвѣщенія: завтра открывается „народный домъ“,—этотъ мѣстный „народной университетъ“!.. Пышно и торжественно барнаульцы задумали отпраздновать это значительное въ ихъ общественной жизни событіе: сперва — молебствіе, потомъ — литературно-вокальный концертъ съ почетными и непочетными гостями... Но еще наканунѣ появились зловѣщіе симптомы: совѣтъ Школьнаго общества командировалъ своего члена къ директору реальнаго училища съ просьбой разрѣшить реалистамъ участвовать въ хорѣ пѣвчихъ на торжественномъ молебствіи, но директоръ разогорчилъ, даже болѣе — огорошилъ:

— Я не позволю своимъ ученикамъ принимать участіе въ лицедѣйствѣ!

Уполномоченный Школьнаго общества широко раскрылъ глаза и повторилъ просьбу:

— У насъ открытіе народнаго дома... Мы просимъ лишь объ участіи въ хорѣ на молебствіи...

- Я сказалъ, что не позволю...
- Но почему же?
- Это—мое дѣло...

Открытие состоялось. Послѣ молебствія былъ концертъ, программу котораго необходимо привести, дабы читатель воочию убѣдился, что ничего предосудительнаго присутствующіе, въ томъ числѣ и учащаяся молодежь, тамъ не слышала: Въ I отд.: а) Увертюра Зуппе—оркестръ, б) Стих. Фофанова „На добрую память“, в) Вторая рапсодія Листа на рояли, г) „Ты не плачь, сиротинушка—Глинка, д) „Въ бурю во грозу“, е) „Весенняя сказка“ Надсона; во II отд.: а) Тріо изъ Рейснера, б) Отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“, в) „Буря жглоу небо кроетъ, г) „Буря на Волгѣ“, д) „Матушка голубушка“, е) „Изъ страны, страны далекой...“

Представьте же себѣ огорченіе мѣстнаго интеллигентнаго общества, когда на другой день послѣ этого праздника директоръ реального училища и начальница женской гимназіи воспретили ученикамъ и ученицамъ посѣщать концерты, спектакли, елки, дѣтскія утра въ народномъ домѣ даже *въ сопровожденіи родителей!*.. А начальница гимназіи пошла еще дальше: она наказала всѣхъ гимназистокъ, бывшихъ на упомянутомъ концертѣ, въ томъ числѣ и дочерей предсѣдателя Общества, искренняго друга просвѣщенія, который счелъ совершенно удобнымъ привести на праздникъ своихъ дѣтей... Главнымъ видомъ наказанія преступницъ было: убавленіе отмѣтки по поведенію и лишеніе права посѣщать въ теченіе всѣхъ рождественскихъ праздниковъ всякіе дѣтскіе вечера.

Всего удивительнѣе то обстоятельство, что г-жа начальница не только не выразила протеста противъ посѣщенія учащихся дѣвцами мѣстныхъ клубовъ, гдѣ происходятъ частые дебоши, гдѣ пьютъ горькую и гдѣ играютъ въ карты, но даже указала на сіи мѣста, какъ вполне приличествующія дѣвцамъ изряднаго возраста, когда тѣ просили о разрѣшеніи бывать въ народномъ домѣ, гдѣ ни водки, ни картъ, ни дебошевъ не происходитъ, и гдѣ разумныя развлечения протекаютъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ лучшихъ людей города.

- Въ народный домъ—ни подъ какимъ видомъ! Въ клубъ—можете!
- Почему?..

Вѣроятно потому, что домъ называется „народнымъ“, а клубъ—„благороднымъ“... А этотъ благородный клубъ, какъ нарочно, не далѣе, какъ на тѣхъ же святкахъ взялъ да и заявилъ о себѣ отмѣннѣйшимъ скандаломъ на весь городъ: благороднѣйшій членъ и старшина благороднаго клуба г. Тутуринъ избилъ съ окровавленіемъ члена клуба топографа Чухнова, не стѣсняясь присутствующими...

Мѣстное общество сперва было обезкуражено непонятными распоряженіями „человѣка въ фулярь“, а потомъ дружно вознегодовало и подняло знамя возстанія. Предсѣдатель Школьнаго общества отправилъ попечителю Западно-Сибирскаго округа такую телеграмму:

„Школьное общество для просвѣтительныхъ нуждъ города отстроило зданіе, которое вы изволили осматривать; для разумныхъ развлеченій народа и дѣтей

Обществом устраниваются елки, концерты, спектакли. Начальница гимназій и директоръ реального училища запретили отцамъ и матерямъ брать съ собою въ домъ Общества своихъ учащихся дѣтей. Совѣтъ Общества прибѣгаетъ къ нашему просвѣщенному вмѣшательству *прекратить произволъ завѣдующихъ средними учебными заведеніями*. Подобную же телеграмму отправилъ почечителю мѣстный городской голова, причѣмъ отмѣтилъ параллельное разрѣшеніе посѣщать клубы. Затѣмъ 17 гласныхъ подали въ думу заявленіе съ просьбой возбудить ходатайство предъ попечителемъ, а если понадобится, то и предъ г. министромъ, о снятіи незаконнаго veto. Дума возбудила это ходатайство. Нѣкоторые изъ родителей самостоятельно обратились къ попечителю съ жалобой на „человѣковъ въ футлярахъ“. Отпоръ вообще вышелъ дружный и внушительный...

Теперь барнаульскіе пионеры футлярнаго духа ходятъ растерянные, съ блуждающимъ взоромъ: со дня на день изъ Томска ожидается командированный попечителемъ окружный инспекторъ г. Поповъ, которому поручено разслѣдовать этотъ первый у насъ конфликтъ между „родителями и учителями, ведущими насъ къ познанію блага“.

Свѣжій народъ въ Барнаулѣ!.. Такое единодушіе, отзывчивость и настойчивость, съ какими барнаульцы встрѣтили „человѣка въ футлярѣ“, сдѣлали бы честь многимъ нашимъ „центрамъ“...

Будемъ ждать результатовъ разслѣдованія этого конфликта: авось онъ выяснитъ, гдѣ кончаются права родителей и начинаются права „человѣка въ футлярѣ“, и какъ велики полномочія послѣдняго въ смыслѣ „veto“, и чѣмъ онъ руководится, налагая это „veto“: тѣмъ ли, что „все, неразрѣшенное закономъ, запрещено“ или иными соображеніями. А то, право, теряешься въ догадкахъ...

Посѣщать дѣтскіе спектакли, литературные вечера и концерты въ сопровожденіи родителей нельзя, а вотъ выступать въ роли балеринъ предъ почтеннѣйшей публикою можно... И не только можно и разрѣшается, а даже поощряется, вопреки желанію родителей... Такъ было въ Курскѣ. Куряне перещеголяли орловцевъ. Послѣдніе, какъ помнятъ читатели, поставили балетъ въ пользу дома трудолюбія, причѣмъ исполнителями выступили взрослые дѣвицы и кавалеры, мѣстнаго бомонда; куряне тоже закатили балетецъ, но еще болѣе пикантный: они нарядили въ коротенькія юбочки и ажурные чулочки гимназистокъ старшихъ классовъ и заставили ихъ выдѣлывать разныя „па“, передъ солидными обывателями...

Танцевали подростки (не свыше 16 лѣтъ), напряжѣръ, испанскій балетный танецъ...

Испанскіе танцы, какъ извѣстно, очень стремительны и выразительны, и любителямъ коротенькихъ юбочекъ доставляютъ массу чрезвычайно разнообразныхъ и тонкихъ ощущеній!..

Вотъ и разберись, что запрещается и что не запрещается!..

„Многія лица мѣстнаго общества недовольны этой исторіей“ — добавляетъ

корреспондентъ, — особенно родителей“. Еще бы! Хорошо „познаніе блага“, къ которому ведутъ воспитатели юныхъ дѣвъ!..

Хорошо было бы послать и въ Курскѣ окружнаго инспектора: два параллельныхъ разслѣдованія, въ Барнаулѣ и въ Курскѣ, дали бы цѣнный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о томъ, что должно разрѣшаться, а что запрещаться... А то ходить въ публичныя библіотеки нельзя, а въ клубы — можно, посѣщать дѣтскіе спектакли нельзя, а выступать въ роли балеринъ — почтено... Дѣло дошло до того, что даже и театры начинаютъ фигурировать въ роли тѣхъ страшныхъ учрежденій, которыя изъемятся изъ обихода учащихся. Я получилъ письмо изъ одного приволжскаго города съ жалобой родителей именно по сему поводу:

„Когда гимназистки желаютъ посѣтить театръ, то происходитъ такая исторія: поднимается вопросъ, отпустить или не отпустить? Для рѣшенія этого вопроса созываются учителя не только литературы и словесности, но даже математики и педагогики вмѣстѣ съ классными дамами, и всегда кому-нибудь кажется, что „лучше на эту пьесу не пускать“. Трудно пройти пьесѣ черезъ такой ужасный комитетъ изъ педагоговъ совокупно съ престарѣлыми дѣвами!.. Нѣкоторые родители стали брать съ собою въ театръ дѣтей безъ спроса и вопреки разрѣшенію комитета, — тогда гимназисткамъ объявили, что имъ *совершенно воспрещено посѣщать театр!*.. На какомъ же основаніи?“ — спрашиваетъ корреспондентъ.

— Въ законахъ не разрѣшено, слѣдовательно воспрещено...

Такая логика теперь въ большомъ ходу и примѣняется ко многимъ просвѣдительнымъ учрежденіямъ и начинаніямъ: театрамъ, литературнымъ вечерамъ, библіотекамъ... Въ моемъ распоряженіи имѣется большая коллекція такихъ случаевъ. О нѣкоторыхъ я уже писалъ и пока дополню картину лишь черниговскимъ происшествіемъ.

При мѣстной общественной библіотекѣ имѣлось отдѣленіе „дѣтской читальни“. До поры до времени это отдѣленіе функционировало и никто не сомнѣвался, что дѣтское чтеніе, дѣтскія книги и журналы могутъ кому-либо вредить, тѣмъ болѣе что дѣтская литература у насъ какъ будто бы пользуется даже нѣкоторымъ покровительствомъ министерства народнаго просвѣщенія... И вдругъ бумага за №:

„Принимая во вниманіе, что чтеніе малолѣтнихъ и учащихся можетъ быть полезно при руководствѣ со стороны родителей и воспитателей и при соответствующемъ подборѣ книгъ, въ читальнѣ же при общественной библіотекѣ исполненіе этихъ условій ничѣмъ не обезпечено, я, по соглашенію съ попечителемъ округа, призналъ необходимымъ закрыть означенную читальню“.

Вскорѣ на дверяхъ общественной библіотеки появилось объявленіе „По распоряженію г. начальника губерніи входъ въ читальню воспрещенъ для малолѣтнихъ“. Одновременно начальство мѣстныхъ мужской и женской гимназій строжайше воспретило учащимся входить въ библіотеку *даже по порученію родителей*. Эго уже, что называется, *идти настрѣчу*... Вѣдь въ числѣ учащихся имѣются юноши въ 17 лѣтъ!.. Какимъ образомъ чтеніе библіотеч-

ныхъ книгъ испортить такихъ малолѣтокъ—непонятно!.. Вообще этотъ вопросъ назрѣлъ для болѣе точной и осмысленной его постановки и яснаго и осмысленнаго разрѣшенія на какихъ-либо общихъ основаніяхъ. А теперь всякъ орудуетъ по-своему.

Въ декабрѣ прошлаго года въ томъ же Черниговѣ профессоръ Эваряницкій прочелъ лекцію о „древностяхъ Запорожской сѣчи“ въ пользу общественной бібліотеки. На слѣдующій день профессоръ долженъ былъ прочитать вторую лекцію на тему объ исторической археологіи. Уже кажется, археологія одна изъ такихъ наукъ, которыя никогда не были „подъ сумленіемъ“, а между тѣмъ въ Черниговѣ и археологія подверглась подозрѣнію въ неблагонадежности. Лекція, по программѣ одобренная попечителемъ округа и разрѣшенная кѣмъ это слѣдуетъ, не состоялась: предъ самымъ началомъ лекціи профессоръ получилъ извѣстіе, что читать не слѣдуетъ...

— Почему?—недоумѣвающе спрашиваетъ публика, озираясь другъ на друга. Профессоръ пожимаетъ плечами.

— Не знаю, господа! Рѣшительно не знаю!.. Должно быть у васъ въ Черниговѣ вообще не любятъ просвѣщенія...

Губернскій предводитель дворянства камеръ-юнкеръ А. А. Мухановъ, прослушавшій первую лекцію и намѣревавшійся выслушать и вторую, былъ изумленъ не менѣе всѣхъ присутствующихъ и отправился за разъясненіемъ этого археологическаго недоразумѣнія. Но и онъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу археологіи...

И черниговцы разошлись въ глубокомъ недоумѣніи...

— Не позволили?

— Не позволили.

— Почему бы это, Иванъ Ивановичъ, какъ вы думаете?

— Что-нибудь не такъ...

— Помилуйте! да вѣдь это археологія-съ, мертвая, такъ сказать, наука!

— Мертвая-то она мертвая, а все-таки возможны и тамъ предобудательныя вещи...

— Трудно-съ...

— Замѣйте: историческая археологія!.. Тутъ можно извѣстный образъ мысли высказать.—догадывается черниговскій „человѣкъ въ футлярѣ“.

Господа инженеры путей сообщенія раздѣляются на водяныхъ и сухопутныхъ. Первые любятъ очищать фарватеръ рѣкъ отъ перекатовъ и мелей, вторые—полотно дороги отъ снѣжныхъ заносовъ. Когда зима бываетъ безснѣжная, вода въ рѣкахъ низкая, когда лѣто бываетъ бездождное и сухое, — водяной инженеръ оживаетъ, окрыляется и начинаетъ усиленно „сосать“ рѣку особыми машинками. Это „сосаніе“ похоже на переливаніе изъ пустого въ порожнее, потому что песокъ, высосанный на одномъ мѣстѣ, сливается поблизости, и весьма быстро рѣка творитъ изъ него новыя мели и новыя перекаты, подлежащія „сосанію“. Когда зима бываетъ снѣжная, когда бураны и метели крутятъ и носятся по землѣ,

оживаетъ инженеръ сухопутный и начинаетъ усиленно бороться съ снѣговыми „заносами“... Мнѣ случалось видѣть въ такихъ случаяхъ какъ водяныхъ, такъ и сухопутныхъ инженеровъ. И тѣ и другіе бываютъ неузнаваемы: появляется бодрость духа, избытокъ силъ и энергіи, голосъ поднимается на два тона выше, и вся фигура олицетворяетъ собою жажду борьбы. Тогда они дѣлаются похожими на воиновъ предъ скорою битвою или на охотниковъ, приготавливающихся къ облавѣ.

— Жарища-то!—радостно озираясь, произносить водяной и, рассматривая въ бинокль сѣвшій на мель пароходъ, качаетъ головою и думаетъ вслухъ:

— Пососать надо!.. Пососать! Вишь, какая коса образовалась?!..

— Охъ, разокъ, да вотъ разокъ, да ухъ!—гудятъ на пароходѣ матросы, отпихиваясь баграми отъ песчаной отмели.

— Ничего, голубчики, не сдѣласте... Пососать тутъ надо!—отвѣчаетъ имъ водяной инженеръ, и на лицѣ его блуждаетъ мягкая улыбка, причущаяся подъ усами тонкою змѣйкой...

Богъ вѣсть, о чемъ думаетъ тогда водяной инженеръ!.. Быть можетъ, въ его головѣ проносятся „командировки“, „суточные“, „1.000 рабочихъ дней“, „высокія цѣны“ на рабочія руки...

— Вдоль по улицѣ мятелица мятежь!—весело потирая руки, говоритъ сухопутный инженеръ, вваливаясь въ контору своей дистанціи.

— Пуржить?

— У-у!.. Свѣту Вожьяго не видать! Отлично мететь... Всѣ снѣговія защиты къ чорту полетятъ...

— Значить, опять заносы?

— Непремѣнно!..

И всѣ веселы: и самъ, и дорожные мастера, и конторщики, и счетоводы... Снѣгъ валить съ неба, крутить въ воздухѣ и заметаешь холодную сталь рельсовъ... Завтра экстренная наемка рабочихъ, капитальная расчистка пути, табеля, дни, рубли, рубли, рубли... въ табеляхъ—кресты, кресты, кресты (за неграмотностью получателя).

Если съ пзмѣчивостью фарватера рѣкъ бороться трудно, то, казалось бы, что съ снѣжными заносами—легче... Не тутъ то было!.. Волѣ пятидесяти лѣтъ рассаживаютъ вдоль пути „саженцы“, разводять живыя стѣны отъ снѣга—ничего не выходитъ! Полоса отчужденія подъ полотно дорогъ оказывается той каменистой почвой, на которую упадаетъ доброе сѣмя... Вездѣ можно вырастить лѣсъ, только вдоль полотна дороги—невозможно... Не растеть, читатели!.. А ужъ, кажется, всѣ даные для успѣха имѣются: и специалисты-садовники, и рабочая сила, и сторожа для охраны, и вода для полвки... И приходится ставить „щиты“, тратить много денегъ совсѣмъ безъ толку... Я увѣренъ, что если подсчитать всѣ расходы по очисткѣ пути отъ снѣжныхъ заносовъ, по заготовкѣ и установкѣ щитовъ, по найму садовниковъ и пр. и пр., то можно было бы давно уже выстроить на эти деньги не только деревянные, а даже кирпичные заборы!.. И тогда не было бы никакихъ „заносовъ“...

Перекаты, мели и заносы были до сихъ поръ главными препонами нашихъ путей сообщенія, требующими громадныхъ затратъ со стороны казны и непрестанной энергій инженеровъ. Теперь къ нимъ препонамъ прибавилась еще одна, новая. Открылась она въ Сибири на Восточно-Китайской дорогѣ: тамъ начали падать мостовые „быки“. Подобно тому, какъ въ Европейской Россіи не принимаются по линіи сажены, въ Сибири не держатся выстроенные инженерами быки: кривятся, валятся и не хотятъ стоять!.. „Вост. Обзор.“ сообщаетъ, что, начиная отъ самаго Портъ-Артура до конца укладки пути начался повальный падежъ мостовыхъ быковъ: на 4-й дистанціи упалъ одинъ быкъ, на 5-й—половина всѣхъ сооруженныхъ инженерами Пляцковскимъ быковъ, а у инженера Лувина всѣ быки склонились на бокъ и всѣ имѣютъ явную тенденцію свалиться...

— Что же тогда будетъ?

— Начнутъ строить новые,—больше ничего!..

Этототъ новый бичъ нашихъ путей сообщенія пока наблюдается только въ Азіи. Необходимо локализовать эпизоотію, дабы къ нашимъ снѣжнымъ заносамъ не прибавился еще падежъ быковъ... Довольно съ насъ и однихъ снѣжныхъ заносовъ!.. Откуда взялась эта болѣзнь? Несомнѣнно, она занесена „большимъ улакомъ“ и всѣ убытки должны быть возмѣщены на счетъ китайской вдовствующей императрицы...

Строитель дороги крайне встревоженъ эпизоотіей... Всякому начальнику свойственно желать, чтобы у него было „все благополучно“. Отсюда — исжеланіе, чтобы „эпизоотія“ сдѣлалась достояніемъ гласности. Подобно тому, какъ губернаторъ Капской области долго скрывалъ появленіе чумы, такъ строитель манчжурской линіи не желалъ, чтобы эпизоотія на быкахъ сдѣлалась публичною въ Европѣ. Мѣры, принятыя имъ по сему поводу, также напоминаютъ англійскія: циркуляромъ за № 3.850 строитель дороги внушительно напомнилъ служащимъ, что имъ воспрещается посылать какія-либо корреспонденціи въ журналы или газеты безъ предварительнаго просмотра управленія постройкою. Конечно, въ управленіи будутъ дѣлать съ этими корреспонденціями то же, что дѣлаетъ англійская цензура въ южной Африкѣ: свалится, напримѣръ, половина всѣхъ быковъ на дистанціи, а напишутъ: „одинъ изъ быковъ далъ трещину, что, впрочемъ, не представитъ значительныхъ затрудненій“... Говорятъ, что представители государственнаго контроля поѣхали осматривать манчжурскую линію послѣ погрома ея „большими кулаками“... Будемъ надѣяться, что они выяснятъ истинное положеніе вещей и сумѣютъ отдѣлать дѣйствія китайскихъ кулаковъ отъ кулаковъ отечественнаго происхожденія и не позволять зря обижать китайскую вдовствующую императрицу.

Саратовцы отдыхаютъ послѣ битвы: послѣдніе городскіе выборы ознаменовались небывалымъ въ дѣтописяхъ города напряженіемъ агитаціонной борьбы, принявшей на сей разъ нѣкоторый организаціонный характеръ. На нашихъ городскихъ выборахъ обыкновенно бываетъ одинъ сплошной хаосъ, въ которомъ нп-

чего не разберешь; саратовцы подали примѣръ борьбы партійной, организованной... Несомнѣнный шагъ впередъ. Боролсь двѣ партіи: стародумская и новодумская; первая сгруппировала купечество, вторая — интеллигенцію; мѣщане также проявили тенденціи къ нѣкоторой партійности, но купеческая партія проглотила мѣщанъ безъ остатка. Проглотила она и „интеллигенцію“. Мѣстная пресса принимала горячее участіе въ этой борьбѣ, при чемъ одна изъ мѣстныхъ газетъ — „Сар. Листокъ“ — являлась органомъ новодумцевъ, а другая, — „Сар. Дн.“ — органомъ стародумцевъ. Помогая купцамъ глотать „интеллигенцію“ редакторъ „Дневника“ г. Марковичъ, сынъ извѣстной писательницы Марко-Вовчокъ и самъ „интеллигентъ“. Старался онъ изо всѣхъ силъ, не щадя собственного живота, такъ что со стороны можно было подумать, что онъ превратился вдругъ въ капиталиста. Работая въ руку купечества, г. Марковичъ усиленно доказывалъ, что мѣщанамъ надо быть за одно съ купцами, потому что каждый мѣщанинъ можетъ сдѣлаться купцомъ. Вотъ его „сладкія рѣчи“, писанныя его рукою въ его же газетѣ:

„У торговыхъ мѣщанъ городскіе интересы одинаковы съ купеческими.

„У всѣхъ мѣщанъ городскіе интересы не разойдутся съ думскою торгово-промышленною партіей. Даже мѣщанская *бѣдность* сильно заинтересована въ томъ чтобы городское хозяйство находилось въ умѣлыхъ и экономныхъ рукахъ, ибо на нихъ, на *бѣдноту*, особенно тяжело ложатся всякіе платежи. Такимъ образомъ они могутъ твердо положиться на купцовъ и обратно, т. е. купцы такъ же положиться на мѣщанъ“.

Такъ выкрикивалъ журналистъ Марковичъ на своихъ страницахъ, доказывая, что бѣднотѣ будетъ лучше, если во главѣ городского хозяйства станутъ купцы... Купецъ, г. Марковичъ, давно извѣстенъ, какъ благодѣтель и отъ него всегда ле репадаетъ дѣтшишкамъ на молочнишко... Это вы, г. Марковичъ, правильно... Въ этомъ вся „политическая экономія“... Радуюсь за васъ, что вы послѣ долгихъ блужданій, наконецъ, узрѣли истину и громогласно объявили о ней въ своей страстной рѣчи...

Поручая интересы „бѣдноты“ купцу-благодѣтелю, г. Марковичъ заявлялъ далѣе, что и самъ онъ будетъ по мѣрѣ силъ стоять за всяческую справедливость:

— Буду, — говоритъ онъ, — бороться со всѣми тѣми несправедливыми явленіями въ нашей общественной жизни, съ которыми я и прежде, по мѣрѣ силъ, боролся!..

При такомъ взглядѣ на истину, это, г. Марковичъ, мало утѣшительно. Очевидно, ваши понятія о справедливости перевернулись кверху ногами, и вы не въ состояніи отличить, что было прежде, и что стало теперь...

Г. Марковичъ вполне безкорыстенъ; онъ заявляетъ, что ему все равно: страдать или наслаждаться:

— Это (т. е. бороться съ несправедливостью въ общественныхъ отношеніяхъ) я буду дѣлать все равно: *выберутъ меня въ гласные или нѣтъ*.

Каково безкорыстіе!..

— Если же избиратели удостоятъ меня званіемъ гласнаго думы, то мнѣ только *легче* будетъ проводить... (справедливость).

А все-таки г. Марковичу, видимо, очень хотѣлось, соединившись съ купцами, поработать на пользу саратовской бѣдности...

— Я противникъ пустыхъ фразъ и торжественныхъ обѣщаній. И теперь я не дамъ никакой клятвы. Я только повторяю, что за мной десять лѣтъ газетной работы!.. Готовъ принять и думскую работу. В. Марковичъ,

Никакихъ клятвъ. Никакихъ обѣщаній! Сказано сильно и даже какъ будто величественно. Вспоминаются „30.000 курьеровъ“.

Не повѣрили вѣдь г. Марковичу ни мѣщане, ни купцы!.. Не выбрали его въ гласные-то...

Но ему все равно: онъ будетъ бороться съ несправедливыми явленіями по мѣрѣ силъ и забаллотированный... Труднѣе, конечно, ему будетъ, но ничего не подѣлаешь...

Похвально, г. Марковичъ, стоять за бѣдноту, но рекламировать собственную персону въ собственной газетѣ,— это какъ будто бы приличному журналисту и не подобасть... Такое поведеніе даже и въ торгово-промышленныхъ кругахъ, видимо, не внушило къ г. Марковичу особаго довѣрія, не говоря уже о бѣднотѣ, которую всегда бываетъ очень легко провести и вывести...

Купцы съѣли интеллигенцію, съѣли мѣщанъ, потомъ взяли г. Марковича понохали его со всѣхъ сторонъ и тоже проглотили послѣ нѣкоторыхъ сомнѣній.

— Напѣ, али ученый?

— Нашъ никакъ... Духъ-отъ отъ него нашъ идетъ...

— Ни Боже мой! Это тоже интеллигентъ, только возлѣ насъ долго держался,— вотъ оно и показывается, что нашъ... Посоли да глотай!..

— А преда не выйдеть? Попорченный онъ какъ будто...

— Ничего... Мягкій онъ!.. Выпьешь да закусишь и больше ничего!..

И г. Марковича проглотили...

Поучительно.

Читатели, конечно, знаютъ, что китайцы очень плохо плаваютъ и что ихъ очень много потонуло въ Амурѣ, когда стояло только проплыть рѣку и выѣзти на другой берегъ... Послѣ утопленниковъ въ г. Благовѣщенскѣ осталось много имущества, которое взято подъ опеку.

20 января сиротскій судъ пригласилъ вновь назначеннаго опекуна г. Новоселова, гласнаго Ефимова и помощника пристава Шабанова и предложилъ имъ всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ складамъ, гдѣ хранится китайское имущество, дабы, впредь до принятія этого имущества опекой, наложить на дверяхъ складовъ печати сиротскаго суда.

Помощникъ пристава былъ крайне занятъ:

— Сегодня не могу присутствовать... Отложимъ это дѣло! Имущество не убѣжить.

— Когда же вы свободны?

— Завтра часовъ въ 10 утра.

— Отлично. Завтра, такъ завтра.

Опекунъ согласился, согласился и гласный. Вечеромъ въ тотъ же день опекунъ г. Новоселовъ, проходя мимо складовъ съ китайскимъ имуществомъ, былъ крайне изумленъ: стоять шесть локовыхъ извозчиковъ, одинъ китаецъ и съ ними помощникъ пристава Шабановъ... Затѣмъ видитъ опекунъ, что китайское имущество выносятся изъ склада и укладывается на телеги.

— Что это такое?—удивился опекунъ.

— Ничего особеннаго...

— Позвольте-съ... Имущество это сдано подъ опеку... Куда вы его увозите?

Помощникъ приставъ не растерялся:

— Значить, такъ слѣдуетъ...

Опекунъ поскакалъ къ гласному Ефимову, чтобы составить актъ о столь рѣшительныхъ дѣйствіяхъ полиціи, но по дорогѣ встрѣтилъ мирового судью Ревдата:

— Куда?

— Спасать китайское имущество!

— А что?

— Грабятъ.

Опекунъ рассказалъ мировому судѣ, они сѣли и поѣхали обратно къ складамъ. Но подводы, нагруженные китайскимъ имуществомъ, уже поѣхали со скрипомъ прочь.

Опекунъ и мировой судья поскакали вдогонку. Увы! имъ пришлось увидѣть только, какъ опекаемое имущество перешло въ лавку Чанъ-сунъ-ча...

— Все равно: и Чанъ-сунъ-ча китаецъ!..

Свротскій судъ подалъ заявленіе въ окружный судъ, и послѣдній постановилъ довести до свѣдѣнія г. военного губернатора объ этомъ грабежѣ подъ охраною полицейскаго чиновника...

Не церемонятся съ китайскими бѣдняками, а тѣмъ болѣе съ ихъ имуществомъ...

Корреспондентъ добавляетъ, что вотъ уже мѣсяца два, какъ ближайшіе жители китайскаго квартала расхищаютъ ставни, доски и даже полы покнутыхъ и обятаемыхъ китайскихъ жилищъ:

— Что ты дѣлаешь?—окрикнуть грабителя...

— На топливо!..

— Развѣ это можно? Вѣдь это грабежъ?

— Китайское это... Я зря не трону...

„Желѣзные части, крыши и ручки, замки и затворы отрываются безъ всякихъ разговоровъ и сбываются на глазахъ у всѣхъ на толкучемъ рынкѣ. Хищеніе приняло большіе размѣры, между тѣмъ, стоило бы поставить городовыхъ—и этого бы не было“—заканчиваетъ корреспондентъ.

Онъ, видимо, большой оптимистъ... Если поставить помощника пристава Шабанова, то будетъ еще лучше...

Опять недоразумѣніе между сельскимъ учителемъ и батюшкой, напоминающее исторію съ безменою, о которой я писалъ въ прошлый разъ.

Изъ Херсонской губерніи я получилъ слѣдующее письмо:

„Священникъ Г. письменно приказалъ учителю Махио „ставить учениковъ по лѣвой сторонѣ церкви, внимательно слѣдя за ихъ поведеніемъ“. Такъ и было сдѣлано. Но на лѣвой сторонѣ „матушка“ потребовала себѣ мѣста, приблизительно въ три квадратныхъ сажени. 6 декабря, во время благодарственнаго Господу Богу молебствія, когда ученики стояли на колѣняхъ, явилась матушка и стала требовать себѣ мѣста, разгоняя учениковъ. Учитель попросилъ ее не дѣлать этого. Священникъ бросилъ чтеніе св. Евангелія, вошелъ въ среду учениковъ, разогналъ ихъ и далъ мѣсто матушкѣ, причемъ кричалъ и размахивалъ руками:

„— Учитель! Онъ Богу не молится. Мѣшаетъ совершать богослуженіе!“

„Въ слѣдующее воскресенье помощникъ учителя и помощница его повели учениковъ въ церковь, разставили ихъ въ ряды, какъ вдругъ батюшка, увидѣвъ, что мѣсто матушки занято, поднялъ крикъ, и выгналъ учащихся и учащихся... Помощница безъ чувствъ упала, дѣти подняли крикъ“. Подписано учителями и свидѣтелями.

Не любятъ батюшки и матушки учителей и учительницъ народныхъ школъ... При всякомъ удобномъ случаѣ они обвиняютъ ихъ въ ереси и богоотступничествѣ, причемъ не стѣсняются мѣстомъ обличенія... Трудно при такихъ условіяхъ „просвѣщать“... Нужда, захолустное одиночество и полная безпомощность. Недаромъ лучшіе учителя бѣгутъ безъ оглядки... Это бѣгство учителей наблюдается, какъ постоянное явленіе, и отмѣчается отчетами многихъ земствъ.

Отчетъ хорольской земской управы за 1899 годъ даже пытается объяснять это печальное явленіе.

„Одна учительница, напр., пишетъ, что она не покинула бы службы, если бы не боялась отупѣть... Такъ и заявила: „боюсь отупѣть“. Заявленіе это управа освѣщаетъ слѣдующей отсѣбятиной: „Изученіе психологіи одного индивидуума при данномъ положеніи, при наличныхъ условіяхъ среды, дастъ больше для расширенія духовнаго горизонта учителя, чѣмъ кривотолки и пересуды съ единомыслящими въ умственныхъ центрахъ на тему: „какъ бы это было хорошо, когда бы того-то не было“. Мнѣ (члену управы) кажется, что истинной причиною бѣгства изъ деревни въ данномъ случаѣ является не боязнь отупѣть, а грубѣйшій эгоизмъ, нежеланіе чѣмъ-нибудь послужить на пользу темнаго люда“.

Такимъ образомъ, „боязнь отупѣть“ не признается за достаточный поводъ уходить изъ деревни.

Вторая причина: „люди жаждутъ знанія и стремятся въ высшія учебныя заведенія для своего умственнаго кругозора“.

Членъ управы признаетъ эту причину основательной, но лишь въ томъ случаѣ, если это стремленіе имѣетъ цѣлью расширеніе своихъ правъ, а не питается одной любознательностью, желаніемъ раскрывать одну за другой тайны неизвѣстнаго.

„Я склоненъ думать, — говоритъ составитель отчета, — что любопытствующая

посредственность, микроскопирующая и бактерию культивирующая для самоуслаждения, должна быть отнесена къ классу паразитирующихъ“.

Третья причина даже и ученѣйшимъ членомъ управы признается основательной:

„Иные, пишеть онъ, мѣняють учительскія должности на болѣе оплачиваемыя, напримѣръ, въ акцизѣ. Эти причины ухода изъ службы на естественной потребности, присущей и учителю,—пить и ѣсть. А какъ извѣстно, учительскаго жалованья и для одного едва хватаетъ на физическую и духовную пищу. Пить и ѣсть всякому хочется и никому не доставляетъ удовольствія видѣть своихъ дѣтей не одѣтыми, голодными, непросвѣщенными, и потому стремленіе учителей къ болѣе обеспеченному положенію я признаю правильнымъ...“

Боязнь отупѣть—непонятна, а пить-ѣсть всякій дуракъ хочетъ.

Обругавъ учительницу за боязнь отупѣть эгонисткой, составитель отчета на слѣдующей же страницѣ пишеть:

„Если постоянная нужда и жизнь впроголодь являются удѣломъ сельскаго учителя; если, едва пропитывая себя, онъ вынужденъ отказывать себѣ въ удовлетвореніи духовныхъ потребностей; если зачастую онъ вынужденъ отказаться отъ семейной жизни; если, наконецъ, присоединить сюда еще и зависимость сельскаго учителя отъ произвола лицъ, подчасъ имѣющихъ безусловное отношеніе къ надзору за школами („матушка“, напримѣръ), то получается довольно мрачная картина учительскаго быта, дѣлающая бѣгство учителей во многихъ случаяхъ явленіемъ, вполне понятнымъ“.

А эта самая „мрачная картина“ несомнѣнно и создаетъ всѣ условія для того „отупѣнія“, о которомъ говоритъ обруганная въ отчетѣ „эгонисткою“ учительница...

Въ уѣздномъ городѣ М. очень музыкальный городской голова: онъ любитъ ходить по городу съ оркестромъ музыки и задавать серенады своимъ пріятелямъ. Любовь къ музыкѣ становится въ немъ столь непреодолимой, что недавно, захвативъ съ собою оркестръ, онъ, среди глубокой полночи, явился въ собственныя „номера для гг. пріѣзжающихъ“ и приказалъ грянуть „маршъ“. Обитатели повскакали съ постелей и начали метаться въ испугѣ по номерамъ, а голова хотѣлъ до упаду, взирая на этотъ переполохъ...

Въ порядкѣ ли у него голова?

Евгеній Чуриковъ.

Хроника внутренней жизни.

Нѣсколько словъ о голодѣ.—Московскій съѣздъ дѣятелей по начальному народному образованію.—Послѣднія распоряженія относительно печати.—Объявленіе отъ совѣта Московскаго университета.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ отпаденіи отъ православія графа Льва Николаевича Толстого.—Г. министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ.—Покушеніе на жизнь оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева.—Обязательное постановленіе с.-петербургскаго градоначальника отъ 8-го марта.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 марта.—Распоряженіе спб. градоначальника о закрытіи Союза русскихъ писателей.—Послѣднія распоряженія по финляндскимъ дѣламъ и относительно финляндской печати.

Съ начала осени минувшаго года въ печати стали появляться тревожныя вѣсти объ ожидаемомъ неурожаѣ хлѣбовъ и травъ въ нѣкоторыхъ южныхъ и сибирскихъ губерніяхъ. Земскія собранія осенней сессіи испрашивали болѣе или менѣе значительныя суммы на оказаніе населенію продовольственной помощи, хотя предполагаемая передача продовольственнаго дѣла въ земскихъ губерніяхъ изъ рукъ земства въ руки новыхъ правительственныхъ органовъ по продовольственному дѣлу и не могла не отразиться на энергіи, проявленной земскими дѣятелями въ продовольственной кампаніи минувшаго года. Вскорѣ, однако, выяснилось, что во избѣжаніе ломки палаженнаго дѣла въ самый горячій и трудный моментъ, правительство рѣшилось оставить въ теченіе текущей кампаніи дѣло народнаго продовольствія, съ нѣкоторыми ограниченіями, въ рукахъ земства пострадавшихъ отъ неурожая губерній. Какъ бы то ни было, нужда, нужда острая, успѣла заявить о себѣ раѣе, чѣмъ были приняты официальные мѣры борьбы съ ней. Лишь въ концѣ января настоящаго года появилось официальное сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ болѣе или менѣе пострадавшими отъ неурожая и нуждающимися въ помощи были признаны десять губерній и областей: Херсонская, Таврическая, Бессарабская, Подольская, Киевская, Томская, Тобольская, Акмолинская, Семипалатинская и Забайкальская. Правительственная помощь пострадавшему населенію опредѣлилась въ суммѣ 5.529.519 рублей.

Указывая официально признанный размѣръ нужды населенія названныхъ губерній и областей и правительственной помощи, сообщеніе министерства констатировало вмѣстѣ съ тѣмъ, что и для частной благотворительности остается еще

достаточно мѣста. Безъ сомнѣнія,—говорилось въ немъ,—ассигнуемыя населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній и областей продовольственные ссуды, въ общей суммѣ превышающія 5½ милліоновъ рублей, даже въ совокупности со значительными на тотъ же предметъ затратами изъ мѣстныхъ общественныхъ и губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ и запасовъ, не могутъ возмѣстить всѣхъ убытковъ, понесенныхъ населеніемъ вслѣдствіе неурожая, размѣръ коего достаточно характеризуется тѣмъ, что въ одной Херсонской губерніи мѣстное населеніе не дополучило въ 1900 году, сравнительно съ нормальнымъ сборомъ хлѣба, болѣе чѣмъ 45.000.000 пудовъ зерна. Равнымъ образомъ невозможно ожидать: чтобы организованная нынѣ на мѣстахъ продовольственная помощь устранила всѣ тѣ тяжкія для сельскаго населенія послѣдствія неурожая, которыя выражаются обыкновенно въ значительномъ паденіи мѣстныхъ цѣнъ на рабочія руки, невыгодности для крестьянъ заключаемыхъ ими договоровъ на лѣтнія работы, нѣкоторомъ сокращеніи потребления продуктовъ первой необходимости, сбытъ всякаго излишка хозяйственнаго инвентаря и, наконецъ, въ уменьшеніи площади, нанимаемой крестьянами въ арендное пользованіе или приобретаемой въ собственность ненадѣльной земли. Еще менѣе основаній надѣяться, чтобы принятыя нынѣ въ отношеніи неурожайныхъ мѣстностей мѣры предотвратили всѣ безъ исключенія случаи естественнаго въ подобное время разоренія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, особенно слабыхъ, крестьянскихъ хозяйствъ, неспособныхъ, по составу рабочихъ силъ или инымъ условіямъ, къ перевесенію хотя бы и кратковременнаго экономическаго кризиса, или, наконецъ, чтобы мѣры эти устранили нужду и нищету въ средѣ того бѣднаго люда, который въ извѣстномъ числѣ найдется во всякомъ, даже зажиточномъ, сельскомъ обществѣ, особливо въ селахъ Новороссіи, гдѣ, за отсутствіемъ общественныхъ передѣловъ надѣльной земли, благосостояніе части домохозяевъ возрастаетъ, иногда, наряду съ обѣднѣніемъ извѣстнаго процента хозяйствъ. По изложеннымъ соображеніямъ, представлялось бы неосторожнымъ отрицать цѣлесообразность привлеченія къ дѣлу продовольственной помощи частной благотворительности со стороны лицъ, способныхъ отнестись съ участіемъ къ нуждамъ пострадавшаго сельскаго населенія“.

Въ общемъ сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ признавало, однако, чисто продовольственную нужду населенія вполне обеспеченной и организацію этой помощи вполне удовлетворительной. Однако, въ печать продолжали и продолжаютъ проникать, хотя и довольно скудныя, свѣдѣнія, указывающія на все большее и большее обостреніе нужды въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и на развитіе обычныхъ спутниковъ голодовки,—различныхъ эпидемическихъ болѣзней. Чтобы не утомлять читателя ссылками на газетныя корреспонденціи изъ пострадавшихъ мѣстностей, рисующія слишкомъ уже знакомую всѣмъ картину положенія голодающаго населенія, укажемъ на послѣдовавшее со стороны самого министерства разрѣшеніе земствамъ оргѣвскому, сорокскому и аккерманскому произвести займы въ размѣрѣ по 100.000 рублей каждому. Этотъ фактъ, думается намъ, наглядно подтверждаетъ, что выраженная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ увѣренность въ томъ, что „въ средствахъ для борьбы съ послѣдствіями недорода мѣстныхъ

завѣдывающія продовольственнымъ дѣломъ учрежденія не встрѣчаютъ недостатка“, — не совсѣмъ оправдалась на дѣлѣ. Очевидно, что и на этотъ разъ, какъ и въ годы предыдущихъ неурожаевъ, оффиціальныи учетъ нужды населенія даже въ чисто продовольственной помощи оказался значительно ниже дѣйствительной потребности въ ней. Красному Кресту пришлось значительно расширить сферу своей дѣятельности по сравненію съ первоначальными предположеніями. Пришлось разрѣшить открытіе столовыхъ и земствамъ, и частнымъ лицамъ, хотя первоначально, повидимому, предполагалось частную помощь, по возможности, ограничить и сконцентрировать ее такъ или иначе около дѣятельности Общества Краснаго Креста. Жизнь и на этотъ разъ наглядно показала, что въ такомъ дѣлѣ, какъ оказаніе помощи голодающему населенію обширныхъ районовъ, безъ широкаго общественнаго содѣйствія внѣ узкихъ рамокъ дѣятельности оффиціальныи учреждений, обойтись невозможно.

• Такимъ образомъ въ настоящее время открывается широкое поле для дѣятельности частныхъ лицъ и учреждений по оказанію голодающему населенію продовольственной помощи. Нельзя не замѣтить, однако, что именно теперь и печать, и общество удѣляютъ этому дѣлу, сравнительно, мало вниманія. Причины подобнаго явленія многообразны. Извѣстную роль играетъ, конечно, и привычка къ хронически повторяющимся то тамъ, то здѣсь массовымъ голодовкамъ крестьянскаго населенія, ибо человекъ привыкаетъ ко всему, особенно, если данное явленіе его непосредственно не затрагиваетъ; не лишено значенія и все болѣе и болѣе въкореняющееся убѣжденіе, что доступными обществу средствами и способами, весьма ограниченными и поверхностными, нѣтъ возможности бороться съ хозяйственными послѣдствіями неурожаевъ, которымъ и суждено, повидимому, въ нашихъ условіяхъ каждый разъ неизбѣжно сопровождаться голодовками, болѣзнями и усиленной смертностью сельскаго населенія. Не особенное равнодушіе общества именно въ настоящую продовольственную кампанію нуждается, думается намъ, въ особомъ объясненіи. Такое объясненіе и заключается частью въ томъ, что общественное вниманіе приковано къ другимъ злободневнымъ вопросамъ, и частью въ потерѣ надежды на должное довѣріе къ дѣятельности общественныхъ силъ. Не говоря уже о томъ, что подобное недовѣріе красной нитью проходитъ черезъ всю исторію послѣднихъ двадцати лѣтъ, спеціально по вопросу о народномъ продовольствіи, новыя правила 1900-го года положили конецъ всякимъ надеждамъ и иллюзіямъ. Бюрократическій идеалъ добраго стараго времени, сводившійся къ выдренію въ обывательскихъ умахъ во что бы то ни стало сакраментальной формулы: „все обстоитъ благополучно“ и въ минувшемъ году по отношенію къ населенію пострадавшихъ губерній сыгралъ свою роль и нашелъ ревностныхъ адептовъ. Газеты сообщили, что инспекторъ народныхъ училищъ 3-го района Херсонской губ. г. Боголюбовъ обратился къ завѣдующимъ народными училищами въ уѣздѣ со слѣдующимъ характернымъ циркуляромъ:

„Въ газетахъ стали появляться корреспонденціи за подписью учащихся вѣреннаго мнѣ района о случаяхъ недостаточнаго домашняго питанія учащихся по случаю недорода, сопровождаемыя воззваніями о помощи. Между тѣмъ, до на-

стоящаго времени никто изъ учащихъ не доносилъ мнѣ о такихъ случаяхъ. Находя такой образъ дѣйствій ненормальнымъ и непрактичнымъ, предлагаю всемъ учащимъ прекратить корреспондированіе въ газеты, а вмѣсто того о такихъ случаяхъ немедленно доносить мнѣ, сообщая о томъ, находятся ли на мѣстѣ какія-либо средства противъ означеннаго явленія, и кто жертвователи. Если средства окажутся, на нихъ можно тотчасъ устраивать въ самыхъ школахъ или у жертвователей подѣ своимъ наблюденіемъ горячіе завтраки или обѣды, доносить объ этомъ; если же средствъ на мѣстѣ нѣтъ, я буду просить мѣстный комитетъ Краснаго Креста о помощи, который несомнѣнно не откажетъ въ этомъ“.

Между тѣмъ изъ Елисаветградскаго уѣзда той же Херсонской губ. сообщалось въ „Южное Обзоріе“, что всѣ текушія средства Краснаго Креста истощены, и мѣстному отдѣлу его выслано экстренно еще 10.000 руб., которыхъ, однако, далеко недостаточно. Для иллюстраціи положенія газета привела сообщеніе волостного старшины Липняжскій волости, въ которомъ говорится, что „изъ 1.450 дворовъ въ одной Липняжской волости можно смѣло считать 1.000 дворовъ голодающихъ!.. Большая часть лачугъ и хижинъ безъ крышъ, которыя употреблены на топливо. Дома сыро, холодно и голодно... Брюшной тифъ свирѣпствуетъ. У многихъ людей замѣчаются первые признаки цынги. Выданныя земствомъ 11 тысячъ пудовъ хлѣба на продовольствіе оказались каплей въ морѣ нужды. Отчаянно также, по словамъ, старшины, положеніе евреевъ-разночинцевъ. Не люди, а тѣни бродятъ по Липняжской волости“.

Какъ бы, однако, ни объяснялся общественный индифферентизмъ въ вопросѣ объ оказаніи помощи голодающему населенію, ему долженъ быть положенъ предѣлъ. Когда вопросъ идетъ въ буквальномъ смыслѣ слова о сохраненіи человеческихъ жизней, которымъ грозитъ опасность если не отъ голодной смерти, то отъ развивающихся на почвѣ голодовки эпидемій истощенія, тогда безнадежность попытокъ бороться съ хозяйственными послѣдствіями неурожаевъ и нѣкоторыми внѣшніми препятствіями должны отходить и отходить на задній планъ. Задача, стоящая теперь не въ первый разъ передъ наиболее отзывчивыми элементами общества, весьма проста и ясна: сохранить въ голодающихъ губерніяхъ возможно большее количество человеческихъ жизней. Осуществленіе такой задачи даже въ самыхъ широкіхъ размѣрахъ ни на юту, конечно, не подвипеть разрѣшенія тѣхъ наиболѣе важныхъ вопросовъ современности, которые поставлены исторіей передъ нашимъ поколѣніемъ; но это нисколько не мѣняетъ дѣла, ибо всѣ вопросы въ человеческомъ обществѣ ставятся и разрѣшаются людьми и ради людей, и человеческая жизнь представляется съ общественной точки зрѣнія наивысшею цѣнностью.

1-го марта въ Москвѣ открытъ созданный попечителемъ Московскаго учебнаго округа съѣздъ дѣятелей по начальному народному образованію, о первоначально намѣченныхъ составѣ и программѣ котораго намъ приходилось уже говорить въ одной изъ предыдущихъ нашихъ хроникъ. Въ настоящее время, кромѣ

директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, директоровъ учительскихъ семинарій и председателей училищныхъ совѣтовъ, къ участию въ занятіяхъ съѣзда приглашены, согласно ходатайству московскаго губернскаго земства, представители губернскихъ земствъ Московскаго учебнаго округа и духовенства. Такимъ образомъ общественный элементъ, хотя и въ весьма незначительной дозѣ, получилъ доступъ на съѣздъ, и это обстоятельство, вѣроятно, все-таки отразится такъ или иначе на характерѣ его работъ. Но и въ настоящее время преобладаніе бюрократическаго элемента въ составѣ съѣзда весьма значительно. Это послѣднее обстоятельство, лишая работы съѣзда должной широты кругозора и рѣшительности выводовъ, должно придать, однако, нѣкоторымъ его резолюціямъ особый вѣсъ и особое значеніе въ глазахъ самого министерства народнаго просвѣщенія.

Занятія съѣзда еще не окончены, и о его работахъ намъ придется, можетъ быть говорить въ слѣдующей хроникѣ, но въ настоящій моментъ онъ успѣлъ уже высказаться о министерскомъ проектѣ „Наказа“ училищнымъ совѣтамъ, и намъ кажется своевременнымъ отмѣтить касающіяся этого вопроса резолюціи съѣзда. По распоряженію председателя детальное обсужденіе проекта „Наказа“ было устранено по той причинѣ, что въ училищныхъ совѣтахъ „Наказъ“ подвергся уже всесторонней оцѣнкѣ и недостатки его выяснены въ достаточной степени. Съѣзду было предложено высказаться по четыремъ принципиальнымъ вопросамъ: „1) нуженъ ли и желателенъ ли общій министерскій „Наказъ“, и если нуженъ, то въ чемъ онъ долженъ заключаться; 2) измѣняетъ ли существенно переданный на обсужденіе съѣзда проектъ „Наказа“ нынѣшнее положеніе училищныхъ совѣтовъ, председателей училищныхъ совѣтовъ, дирекцій и инспекціи народныхъ училищъ, учредителей, содержателей и попечителей училищъ; 3) представляется ли въ настоящее время желательнымъ и своевременнымъ какое-либо принципиальное измѣненіе въ положеніи 1874 года; 4) если желательно сохраненіе основныхъ началъ положенія 1874 г., то не слѣдуетъ ли внести въ это положеніе поправки и дополненій, не измѣняющихъ эти основные начала“.

По первому вопросу послѣ долгихъ прервій большинство членовъ съѣзда высказалось за нежелательность общаго министерскаго наказа и за желательность, вмѣсто него, мѣстныхъ инструкцій, вырабатываемыхъ самими училищными совѣтами. По второму вопросу было признано единогласно, что проектъ „Наказа“ существенно измѣняетъ положеніе всѣхъ органовъ, заведующихъ начальнымъ образованіемъ по Положенію 1874 года. Единогласно же отвергнута желательность и своевременность въ данный моментъ какихъ бы то ни было принципиальныхъ измѣненій въ дѣйствующемъ положеніи и признана желательность частичныхъ поправокъ и измѣненій, не затрагивающихъ его сущности.

Такимъ образомъ, большинство представителей министерства народнаго просвѣщенія, работающихъ на мѣстахъ, у живого дѣла, а не въ департаментскихъ канцеляріяхъ, признало, что устраненіе общественнаго элемента отъ всякаго активнаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія и регулированіе этого дѣла мелочными инструкціями и предписаніями изъ центра—нежелательно и вредно. Мо-

сковскій съѣздъ по самому своему составу не можетъ быть заподозрѣнъ въ излишнемъ либерализмѣ, и поэтому его резолюція по интересующему насъ вопросу получаютъ особое значеніе. Онѣ показываютъ, что даже съ точки зрѣнія дѣловыхъ чиновниковъ, стоящихъ близко къ дѣйствительной жизни, осуществленіе дѣлаго ряда насущнѣйшихъ задачъ современности невозможно безъ дѣятельнаго участія и содѣйствія общественныхъ силъ.

Въ настоящей хроникѣ приходится отмѣтить рядъ правительственныхъ распоряженій о печати, не налагающихъ, а снимающихъ ранѣе наложенныя кары. Прежде всего 26 февраля министръ внутреннихъ дѣлъ съ Высочайшаго соизволенія сложилъ съ газеты „Гражданинъ“ силу предостереженій, объявленныхъ ей 16-го августа 1888 года, 26-го января 1893 года и 5 октября 1896 года. Затѣмъ, въ день празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея изданія газеты „Новое Время“ Суворинымъ, 28-го февраля съ нея была снята сила предостереженій объявленныхъ ей 6 января 1879 г. и 2 октября 1880 г. Наконецъ, распоряженіемъ отъ 2 марта сняты предостереженія съ „С.-Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, объявленныя первой газетѣ 25-го марта 1878 года и 4-го февраля 1899 года, а второй—24-го апрѣля 1890 года и 16-го сентября 1892 года.

Остается только пожелать, чтобы старые грѣхи были прощены и другимъ органамъ. Цензурное вѣдомство настолько серьезно вооружено на случай злоупотребленій печатнымъ словомъ, что опасаться какихъ бы то ни было вредныхъ послѣдствій отъ подобной всеобщей амнистіи нѣтъ никакихъ рѣшительно основаній.

Въ № 56 „Русскихъ Вѣдомостей“ было напечатано слѣдующее объявленіе. вывѣщенное въ зданіи Московскаго университета, перепечатанное затѣмъ и въ другихъ газетахъ: Профессоры университета (И. Н. Новацкій, В. И. Герье, И. О. Клейнъ, Н. В. Бугаевъ, А. Д. Булыгинскій, А. М. Макѣевъ, Д. Н. Зерновъ, И. И. Нейдингъ, А. П. Лебедевъ, Н. А. Умовъ, В. О. Ключевскій, Н. А. Елеонскій, И. В. Цвѣтаевъ, В. С. Богословскій, А. Б. Фохтъ, К. А. Андреевъ, В. О. Снегиревъ, графъ Л. А. Комаровскій, Д. Я. Самоквасовъ, А. И. Кирпичниковъ, Ф. О. Фортунатовъ, А. П. Сабанѣевъ, П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, В. О. Мпллеръ, И. Т. Тарасовъ, Р. О. Врандтъ, А. С. Алексѣевъ, Д. Н. Анучинъ, А. П. Соколовъ, Н. Е. Жуковскій, О. И. Сяпичинъ, Г. Е. Колоколовъ, А. П. Павловъ, А. А. Тихомировъ, В. К. Цераскій, П. Э. Соколовскій, Е. А. Нефедьевъ, С. О. Бубновъ, Л. М. Лопатинъ, В. Д. Шервинскій, Н. Н. Любавинъ, В. А. Тихомировъ, Н. О. Филатовъ, Н. Ю. Зографъ, М. В. Духовской, Н. С. Суворовъ, В. К. Млодзѣевскій, К. М. Павлиновъ, П. М. Поповъ, С. И. Соболевскій, Л. А. Кассо, М. И. Соколовъ, Н. С. Курсаковъ, А. А. Крюковъ, Н. О. Голубовъ, Н. А. Митропольскій, Н. Д. Зелинскій, П. И. Дьяконовъ, Л. З. Мороховецъ, М. Н. Никифоровъ, И. К. Спизжарный, В. К. Ротъ, Л. К. Лахтинъ, К. О. Клейнъ, А. П. Гу-

баревъ, В. И. Вернадскій, В. М. Хвостовъ, Р. Г. Виперъ, Э. Е. Лействъ, П. Н. Лебедевъ, кн. С. Н. Трубецкой), собравшись въ экстренныхъ засѣданіяхъ 24-го и 25-го февраля, постановили обратиться къ студентамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Когда въ семьѣ случается горе,—обязанность старшихъ стать на стражѣ семьи и дать свой совѣтъ. Потому мы, профессоры, ваши учителя, друзья и товарищи по научной работѣ, считаемъ долгомъ обратиться къ вамъ съ совѣтомъ и просьбой.

„Чтобы выйти изъ тяжелаго положенія, нужны самообладаніе и вѣра во всепобѣждающую силу истины. Первое необходимо для того, чтобы точно распознать правый путь отъ ложнаго, второе,—чтобы уничтожить въ себѣ уныніе духа. Проникнитесь этими двумя началами и выслушайте насъ, какъ людей опытныхъ, проводившихъ десятки лѣтъ въ стѣнахъ университета, дорожащихъ честью и достоинствомъ его и любящихъ васъ.

„Васъ запутываютъ, обманываютъ и намѣренно ухудшаютъ ваше и безъ того нелегкое положеніе.

„Люди, непричастные къ интересамъ науки и университета, навязали вамъ новое несвойственное студенту слово и дѣяніе „забастовка“, т. е. заставили васъ смотрѣть на университетъ какъ на учрежденіе фабричное, а не научное, чтобы такимъ образомъ стереть самое названіе университета. Вдумайтесь въ такое положеніе дѣлъ и скажите по совѣсти, возможно ли подобное отношеніе къ университету со стороны людей, посвятившихъ себя изученію науки? Достойно ли это сыновъ русскаго народа, народа, который послѣднія крохи свои отдаетъ на ваше научное воспитаніе? Итакъ это — путь ложный и опасный. Этихъ путей уже достигнуты „Временныя правила“; теперь вамъ предлагаютъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, т. е. несомнѣнно стремятся ухудшить еще больше ваше положеніе. Вамъ устраняютъ сходки и на эти сходки приглашаютъ людей, совершенно чуждыхъ университету; частное явленіе университетской жизни стремятся раздуть въ общій пожаръ. Въ васъ будятъ страсти, сообщая вамъ ложныя свѣдѣнія, соблазняя васъ мыслью, что въ вашемъ дѣлѣ принимаютъ участіе всѣ учебныя заведенія и само общество, называя такіе факты „грандіозными манифестаціями“. Вамъ печатаютъ и рассказываютъ о вымышленныхъ злодѣяніяхъ, которыя возбуждаютъ ужасъ и трепетъ. Въ вашу университетскую семью завлекаютъ доверчивыхъ и сострадательныхъ женщинъ, нервность и возбудимость которыхъ еще болѣе смущаетъ и волнуетъ васъ. Вывѣшываютъ плакаты съ надписью: „Требуемъ отмены временныхъ правилъ“, хорошо сознавая, что требованіе равносильно приказу, и тѣмъ отрѣзывая вамъ путь къ отступленію. Въ васъ будятъ чувства жалости и негодованія, смущая васъ перспективой нагайки, и все это совершаютъ люди, не имѣющіе, можетъ-быть, никакой связи ни съ вами, ни съ университетомъ, ни съ наукой.

„Университетъ становится злосчастной отдушницей, черезъ которую люди всѣхъ ранговъ и сословій стараются пропустить свое недовольство, будетъ ли то недовольство политическое, экономическое, социальное и т. д.

„Университетъ находится въ осадѣ. Какъ же выйти изъ этого положенія? Забудемъ слово „забастовка“ и никогда не примѣнимъ его въ стѣнахъ университета. Выйдемъ изъ тяжелаго положенія путемъ точнаго изслѣдованія фактовъ, — единственно вѣрнымъ путемъ. Но для этого необходимо, чтобы жизнь университета не прерывалась и занятія шли ненарушенными; только при этомъ условіи и при полномъ довѣріи съ вашей стороны профессеры получаютъ возможность содѣйствовать приведенію въ порядокъ осложненнаго университетскаго дѣла. Мы просимъ васъ, — продолжайте ваши занятія“.

Въ № 57-мъ той же газеты было напечатано слѣдующее заявленіе, перепечатанное не во всѣхъ газетахъ. „Ректоръ Императорскаго Московскаго университета проситъ насъ заявить, что напечатанное вчера воззваніе профессоровъ къ студентамъ походить отъ совѣта профессоровъ университета. Въ этомъ воззваніи поименованы профессеры, присутствовавшіе въ засѣданіяхъ совѣта, указанныхъ въ воззваніи“.

Какъ видно въ настоящее время изъ сообщенія министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованнаго въ № 51-мъ „Правительственнаго Вѣстника“ объявленіе совѣта Московскаго университета вызвано было тѣмъ, что студенты университета принимали участіе въ уличныхъ беспорядкахъ въ Москвѣ 23—26-го февраля и 4-го марта.

24-го февраля въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ опубликовано слѣдующее опредѣленіе Святейшаго Синода объ отпаденіи отъ православной церкви графа Льва Николаевича Толстого: „Святейшій Синодъ, въ своемъ попеченіи о чадахъ православной церкви, охраненіи ихъ отъ губительнаго соблазна и спасеніи заблуждающихся, имѣвъ сужденіе о графѣ Левѣ Толстомъ и его противохристіанскомъ и противоцерковномъ лжеученіи, призналъ благовременнымъ, въ предупрежденіе нарушенія мира церковнаго, обнародовать нижеслѣдующее посланіе: „Божіею милостію Святейшій Всероссійскій Синодъ вѣрнымъ чадамъ православныя католическія греко-россійскія церкви о Господѣ радоватися. Молимъ вы, братіе, блюдитесь отъ творщихъ распри и раздоры, кромя ученія, ему же вы научитесь, и уклонитесь отъ нихъ (Римл. 16, 17). Изначала церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились испровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога живаго; но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть церкви святой, которая пребудетъ neodолѣнною во вѣки. И въ наши дни Божіимъ попущеніемъ явился новый лжеучитель графъ Левъ Толстой, извѣстный міру писатель. Русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его матери-церкви православной и посвя-

тиль свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которой жили и спасались наши предки и которую доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ съ ревностью фанатика не-проверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго, живаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради, человѣковъ, и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ; отрицаетъ безсѣмное зачатіе по чловѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи; не признаетъ загробной жизни и извозданія; отвергаетъ всѣ таинства церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, святую евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прікрывенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно, отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ церковью православною; бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею церковью къ утвержденію правосостоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся, особливо же къ новому вразумленію самого графа Толстого. Многие изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ на концѣ дней своихъ остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ благословенія и молитвъ церкви и отъ всякаго общенія съ нею. Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины (2 Тим. 2, 25). Молимся, милосердый Господи, не хотяи смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко святой твоей церкви. Аминь“. Подписали: Смиранный Антоній, митрополитъ петербургскій и ладожскій. Смиранный Феогностъ, митрополитъ кievскій и галицкій. Смиранный Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій. Смиранный Геронимъ, архіепископъ холмскій и варшавскій. Смиранный Іаковъ, епископъ кишиневскій и хотинскій. Смиранный Маркель, епископъ. Смиранный Борисъ, епископъ.

14-го февраля во второмъ часу дня, въ пріемной комнатѣ министра народнаго просвѣщенія въ зданіи министерства, во время обхода Н. П. Боголюбывымъ просителей, бывшій студентъ Пестръ Карповичъ выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ министру рану въ шею. Несмотря на всѣ принятыя мѣры и

на ежедневныя консультаціи лучшихъ русскихъ хирурговъ и выписаннаго по телеграфу изъ Берлина профессора Вергмана, министр скончался 2-го марта. Карповичъ, по производствѣ слѣдствія судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ подъ наблюдениемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты, преданъ суду этой палаты съ сословными представителями. Тѣло покойнаго министра погребено въ Москвѣ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

„Въ ночь съ 8-го на 9-е марта, въ началѣ перваго часа, прибывшій изъ города Самары сынъ титулярнаго совѣтника Николай Константиновъ Лаговскій, служащій статистикомъ въ самарской губернской земской управѣ, подходя къ дому оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, на Литейномъ проспектѣ, къ освѣщеннымъ въ нижнемъ этажѣ окнамъ кабинета, въ которомъ въ это время занимался дѣйствительный тайный совѣтникъ Побѣдоносцевъ, произвелъ по направле- нію къ письменному столу два выстрѣла, затѣмъ еще одинъ выстрѣлъ въ окно швейцарской, а четвертый выстрѣлъ далъ осѣчку. Къ счастью, пули, направленные злоумышленникомъ, ударили въ потолокъ. Слѣдствіе производится судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ Кузьминымъ подъ наблюдениемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты Максимовича“.

8-го марта опубликовано въ газетахъ и расклеено на улицахъ слѣдующее объявленіе отъ С.-Петербургскаго градоначальника:

Обязательное постановленіе С. - Петербургскаго Градоначальника изданное на основаніи ст. 15 и пп. 1 и 2 ст. 16 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

(Прил. къ ст. 1 Уст. о пред. и преемч. пр. Св. Зак., т. XIV).'

Ст. 1. Сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, скверахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ, для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, воспрещаются.

Ст. 2. При возникновеніи уличнаго безпорядка, скопленіе сторонней публики на перечисленныхъ въ ст. 1-й и ближайшихъ къ мѣсту происшествія мѣстахъ воспрещается.

Ст. 3-я. Вышеупомянутыя сходбища и собранія (ст. 1), а равно сторонняя публика (ст. 2) обязаны по первому требованію полиціи разойтись.

Ст. 4-я. виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются, въ административномъ порядкѣ, аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до пятисотъ рублей.

Ст. 5-я. Настоящее постановленіе вступаетъ въ законную силу со дня его опубликованія и распространяется на столицу и пригородныя мѣстности.

С.-Петербургскій Градоначальникъ Ген.-Лейт. *Клейгельсъ*.

8-го марта 1901 г.

Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ по почтовой части великаго княжества Финляндскаго 7-го февраля 1901 года, на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 31-го мая (12-го іюня) 1890 года объ объединеніи почтовой части великаго княжества Финляндскаго съ таковою же въ имперіи, дѣйствующія внутри Финляндіи почтовые правила дополняются слѣдующимъ постановленіемъ: „Содержаніе открытаго письма не должно заключать въ себѣ чего-либо противнаго законамъ, общественному порядку, нравственности и приличію. Если почтовое учрежденіе усмотритъ открытое письмо съ недозволеннымъ содержаніемъ, то такое письмо не будетъ передано по адресу“.

* * *

Въ „Финляндской Газетѣ“ напечатано:

„Въ № 20 „Финляндской Газеты“ былъ помѣщенъ очеркъ происшедшихъ 5-го (18-го) февраля въ Гельсингфорсѣ уличныхъ безпорядковъ. Всестороннее выясненіе ихъ обстановки не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ полнѣйшемъ бездѣйствіи чиновъ мѣстной городской полиціи. Отсутствие въ этихъ послѣднихъ предусмотрительности, находчивости и распорядительности, какъ по предупрежденію, такъ и пресѣченію зла, облегчили возможность шайкѣ темныхъ агитаторовъ не только безнаказанно устроить въ одномъ случаѣ подъ покровомъ свѣта, а въ другомъ — тьмы, рядъ преступныхъ демонстрацій, по и посягнуть, съ присущей толпѣ дерзостью, на неприкосновенность домашняго очага мирныхъ обывателей города. Усматривая въ настоящемъ случаѣ новое фактическое основаніе къ неблагоприятному заключенію о соотвѣтственности подполковника Горди требованіямъ успѣшнаго исполненія возложенныхъ на него закономъ обязанностей по охраненію и поддержанію въ городѣ порядка и безопасности, генералъ-губернаторъ призналъ необходимымъ нынѣ же удалить гельсингфорскаго полицеймейстера отъ должности, о чемъ и сообщилъ Императорскому финляндскому сенату.

„Затѣмъ степень вины гласныхъ и негласныхъ участниковъ гельсингфорскихъ безпорядковъ будетъ обнаружена при дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, пслѣдованіи дѣла, наблюденіе за ходомъ котораго его высокопревосходительство, въ виду особаго значенія въ краѣ Гельсингфорса, ввѣрилъ своему помощнику при содѣйствіи исправляющаго должность прокурора сената.

Высочайшимъ приказомъ отъ 14-го сего февраля гельсингфорскимъ полицеймейстеромъ назначенъ офицеръ-воспитатель перваго кадетскаго корпуса подполковникъ Карлstedтъ.

* * *

По отношенію къ финляндской печати за истекшій мѣсяцъ приняты слѣдующія мѣры:

I. Главное управленіе по дѣламъ печати въ Финляндіи объявило предостереженіе отвѣтственному издателю выходящей на финскомъ языкѣ въ городѣ Гамля-Карлебу газеты *Kaokkola* за опубликованную въ газетѣ отъ 2-го февраля статью „Письмо изъ Карлебу“

II. 15-го февраля генералъ-губернаторъ по докладѣ ему протокола особаго

сообщанія по дѣламъ печати, въ виду усвоеннаго газетою *Dagligt-Allehanda* уже признаннаго вреднымъ направленія запрещенной газеты *Nya Pressen*, съ особенной ясностью выразившагося въ помѣщенныхъ въ №№ 4 и 41 статьяхъ „Почтовая задача“ и „Бдительность—гражданскій долгъ“, на основаніи пункта 8-го §§ 12 и 31 постановленія о печати, на первый разъ и только во вниманіе къ особому за эту газету ходатайству не прекратилъ ее навсегда, а лишь прекратилъ ее на три мѣсяца.

III. Помощникъ генералъ-губернатора ген.-лейтенантъ Шиповъ по докладѣ протокола особаго по дѣламъ печати сообщанія 22-го текущаго февраля приказалъ на основаніи пункта 8-го §§ 12 и 31 постановленія о печати: во-первыхъ, объявить предостереженіе газетѣ *Hufvudstadsbladet* за помѣщенные въ №№ 310, 5 и 30 статьи „Исторія нашей административной организаціи“, „Правовое положеніе финляндскихъ чиновниковъ“ и „Финляндское право въ петербургскомъ университетѣ“; во-вторыхъ, приостановить на 2 мѣсяца изданіе газеты „*Tamerfors-Nyheter*“ за помѣщенную въ № 25-мъ статью „Одна свѣчная исторія“; въ-третьихъ, приостановить на два мѣсяца изданіе газеты *Borgonya-Tidning* за помѣщенные въ №№ 100 и 12 статьи „Священники и святость закона“ и „О ты, мой Вольдемаръ!“; въ-четвертыхъ, приостановить на четыре мѣсяца изданіе газеты *Ittä-Suomen-Sanomats* за помѣщенные: въ № 6-мъ кошунственную передѣлку молитвы Господней, въ № 11-мъ статью „Декретные доносы“ и въ № 17 „Телефонъ“; въ-пятыхъ, за постоянное вредное направленіе газеты *Wiiborgbladet*, вновь выразившееся въ помѣщенныхъ въ №№ 234, 235, 236, 12, 31, 33 статьяхъ „Нашимъ читателямъ“, „Опять на полѣ брани“ и письмо изъ Гельсингфорса, объявить газетѣ этой предостереженіе; въ-шестыхъ, изданіе газеты *Borgobladet* за помѣщенные въ №№ 1 и 7-мъ стихотвореніе „При наступленіи вѣка“ и статью „При наступленіи новаго года“ приостановить на 3 мѣсяца; въ-седьмыхъ, за помѣщенные въ №№ 1 и 7-мъ газеты *Wiipurin-Sanomats* статьи „Привидѣніа“ и письмо изъ Гельсингфорса и за общее вредное направленіе, котораго газета эта упорно придерживается, несмотря на неоднократно наложенныя на нее взысканія, согласно единогласному заключенію сообщанія, изданіе газеты *Wiipurin-Sanomats* прекратить навсегда.

Циркуляръ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по департаменту полиціи, отъ 12-го сего марта 1901 года, за № 1230, гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицей-местерамъ.

„Въ концѣ минувшаго февраля и первыхъ числахъ текущаго марта общественный порядокъ и спокойствіе въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи были нѣсколько разъ нарушены уличными беспорядками.

Изъ представленныхъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣній о ходѣ означенныхъ беспорядковъ я усмотрѣлъ, что хотя со стороны мѣстныхъ властей и были принимаемы къ ихъ устраненію признававшіяся ими соотвѣтственными мѣры, но во многихъ случаяхъ распоряженія полиціи едва ли могутъ быть признаны вполне отвѣчающими требованіямъ

той быстроты и рѣшительности, которыя представляются безусловно необходимыми для немедленнаго устранения возникшаго безпорядка и восстановления нарушенныхъ благочинія и общественнаго спокойствія. Кромѣ того, обращаетъ на себя мое вниманіе и то, что подлежащія полицейскія власти, повидимому, недостаточно усвоили себѣ сознаніе, что органы полиціи въ равной, если даже не въ большей степени, обязаны изыскивать мѣры не только къ пресѣченію всякаго рода нарушеній закона, но въ особенности къ предупрежденію таковыхъ. Въ примѣненіи къ случаямъ уличныхъ безпорядковъ, эта предупредительная дѣятельность полицейскихъ органовъ представляется особенно необходимою, такъ какъ своевременно изысканныя и правильно примѣняемыя мѣры являются желательными именно въ то время, когда толпа только еще начинаетъ собираться на мѣсто безпорядковъ, дальнѣйшему развитію коихъ можетъ быть положенъ такимъ образомъ предѣлъ въ самомъ ихъ началѣ.

Къ сожалѣнію, отсутствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должной распорядительности замѣчено мною главнымъ образомъ въ этотъ первоначальный, подготовительный періодъ безпорядковъ, что, конечно, влечетъ за собою необходимость прибѣгать къ серьезнымъ мѣрамъ для прекращенія безобразій со стороны толпы, самаго скопленія которой, быть можетъ, удалось бы избѣгать предупредительными распоряженіями. Равнымъ образомъ я не могу не отмѣтить и нѣкоторую медлительность властей въ соответственномъ примѣненіи имѣвшихъ уже въ ихъ распоряженіи, по вызовѣ полицейскаго наряда и войскъ, достаточныхъ къ подавленію безпорядковъ средствъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, полиціею, за нѣсколько часовъ до момента, когда подготовлявшаяся заранѣе демонстрація обратилась въ уличный безпорядокъ, было уже, повидимому, замѣчено направление лицъ, намѣревавшихся произвести безпорядки, къ избранному для сего мѣсту; обращало на себя вниманіе и то, что независимо лицъ, непосредственно проникнувшихъ въ заранѣе избранное мѣсто, многіе собирались довольно значительными группами въ ближайшемъ сосѣдствѣ, оставаясь въ выжидательномъ положеніи. Мѣръ къ устраненію возникшаго скопища, однако, своевременно принято не было, и дѣятельность полицейскихъ органовъ проявилась на дѣлѣ лишь тогда, когда собравшіеся успѣли сплотиться уже въ толпу, превышавшую нѣсколько сотъ человекъ, и отказались исполнить предъявленное имъ требованіе разойтись. Въ другомъ случаѣ уличный безпорядокъ, начавшійся въ срединѣ дня, при участіи около полутораста человекъ, постепенно возрастаая, принялъ къ вечеру того же дня серьезные размѣры по числу участниковъ, для разсѣянія коихъ пришлось прибѣгнуть къ вызову войскъ. Между тѣмъ немедленное воздѣйствіе на собиравшуюся толпу и устраненіе скопленія публики въ самомъ началѣ, по всей вѣроятности, было бы достаточнымъ для недопущенія образованія большого скопища. Мнѣ извѣстенъ также случай, когда чины полиціи, замѣчая постепенное скопленіе лицъ, несомнѣнно собиравшихся въ данное мѣсто для недозволенныхъ цѣлей, въ теченіе болѣе часа ограничивались, повидимому, одними лишь слабыми увѣщаніями, приступивъ къ удаленію нарушающей порядокъ толпы съ мѣста происшествія спустя довольно значительный промежутокъ времени. Отсутствіемъ своевременно принятыхъ мѣръ я объясняю себѣ и предоставленную въ одномъ случаѣ возможность толпѣ образоваться около мѣста временнаго задержанія лицъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ, и даже вступить въ переговоры съ заключенными. Наконецъ, неоднократно чины полиціи, вмѣсто того, чтобы не допускать никакихъ ско-

вленій на улицахъ, приступали къ разсѣянію бунновъ уже послѣ соединенія ихъ въ болѣе или менѣе значительныя толпы, которыя до того безнаказанно двигались по улицамъ съ шумомъ, криками и пѣснями, будучи притомъ сопровождаемы любопытными и другимъ празднымъ людомъ.

Охраненіе общественнаго порядка и спокойствія, недопущеніе шумныхъ и безпорядочныхъ скопищъ и принятіе соотвѣтственныхъ по сему мѣрѣ составляютъ прямую обязанность чиновъ полиціи (ст. 113, 120 и 121 уст. о пред. прест., п. 5 ст. 681, 688 и 726 общ. губ. учр. т. II св. зак.), на отвѣтственность же губернаторовъ, градоначальниковъ и оберъ-полицеймейстеровъ законъ возлагаетъ принятіе, при возникновеніи безпорядковъ между обывателями, всѣхъ нужныхъ дѣйствительнѣйшихъ и удобнѣйшихъ мѣръ для прекращенія сихъ безпорядковъ, вразумленія заблуждающихся и усмиренія ослушныхъ. Для сего они могутъ требовать содѣйствія войскъ и, въ случаѣ необходимости, силою и строгостью полагають конецъ неустройствамъ.

Не признавая возможнымъ давать какія-либо ближайшія указанія относительно самыхъ способовъ прекращенія безпорядковъ, такъ какъ способы эти, съ одной стороны, указаны закономъ, а съ другой, въ отношеніи выбора при ихъ примѣненіи, нерѣдко зависятъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и условій времени и мѣста, я, тѣмъ не менѣе, въ силу возложенной на меня по закону обязанности охраненія внутренней безопасности въ Имперіи, нахожу необходимымъ преподавать гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ нижеслѣдующія руководящія соображенія относительно мѣръ, признаваемыхъ мною наиболѣе цѣлесообразными, въ случаяхъ возникновенія безпорядковъ.

Соотвѣтственно тѣмъ моментамъ, на которые можетъ быть расчленяемо самое разсматриваемое событіе, мѣры, въ отношеніи его принимаемыя, должны касаться: 1) предупрежденія возникновенія безпорядка, 2) прекращенія возникшаго безпорядка и 3) восстановленія нарушеннаго порядка.

Обращаясь къ разсмотрѣнію мѣръ первой категоріи, я прежде всего признавалъ бы желательнымъ, чтобы мѣстныя высшія губернскаѣ власти озаботились изысканіемъ соотвѣтственныхъ способовъ къ тому, чтобы, по возможности, быть заранѣе освѣдомленными о замышляемомъ безпорядкѣ. Въ этихъ цѣляхъ надлежитъ обратить особое вниманіе на наблюдательную дѣятельность чиновъ полиціи. Полиція, при внимательномъ наблюденіи за элементами населенія, наиболѣе, по условіямъ даннаго времени или мѣста, склонными къ производству безпорядковъ, должна получить заблаговременно хотя бы нѣкоторыя указанія на подготовленіе безпорядка въ той или иной формѣ. По полученіи подобныхъ указаній или же свѣдѣній о начинающемся ненормальномъ скопленіи народа въ извѣстномъ районѣ, надлежитъ безотлагательно усилить мѣстный полицейскій нарядъ, главная обязанность коего должна первоначально заключаться въ принятіи мѣръ къ недопущенію скопленія публики и недозволенію лицамъ, замышляющимъ устройство безпорядка, соединиться въ толпу болѣе или менѣе значительнаго размѣра. Для сего чины полиціи должны, въ это именно время, тщательно наблюдать за появленіемъ на мѣстѣ группъ изъ нѣсколькихъ лицъ, остановками на улицѣ или тротуарѣ проходящихъ, не вызываемыми какими-либо основательными причинами, и т. п. Замѣтивъ подобное явленіе, чины полиціи обязаны немедленно предъявить требованіе разойтись, не останавливаясь и слѣдовать своею дорогою, не загромождая свободный проходъ другимъ. Требованіе это должно быть предъявлено

въ вѣжливой, но непремѣнно авторитетной, формѣ и притомъ ко всѣмъ лицамъ, не взирая на ихъ званіе и положеніе и памятуя, что всѣ безъ различія обязаны безпрекословно подчиняться законнымъ требованіямъ полиціи. Не повинующихся такому требованію чинъ полиціи долженъ предупредить о послѣдствіяхъ неповиновенія, а, въ случаѣ упорства, задержать и препроводить въ ближайшее полицейское помѣщеніе для составленія протокола и привлеченія къ законной отвѣтственности. Въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ Положеніе объ усиленной охранѣ, такія лица должны быть подвергаемы взысканію въ административномъ порядкѣ, для чего вездѣ должны быть своевременно изданы, на основаніи 15 и 16 ст. ст. указаннаго Положенія, соответственные обязательныя постановленія о недопущеніи уличныхъ собраній и скопищъ.

Если, однако, несмотря на всѣ принятыя мѣры, лица, задавшіяся цѣлью произвести безпорядокъ, приступаютъ къ дѣйствіямъ, клонящимся къ нарушенію общественнаго порядка и спокойствія, т. е. соберутся въ скопище, не желающіе разойтись, начнутъ производить шумъ, крикъ, произносить рѣчи, покушаться на оказаніе сопротивленія распоряженіямъ полиціи по задержанію того или другого лица и т. п., то на обязанность административныхъ и полицейскихъ чиновъ возлагается безотлагательное примѣненіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядка, а также къ удаленію съ мѣста послѣдняго любопытствующей публики, присутствіе которой нерѣдко въ значительной степени парализуетъ дѣятельность полицейскихъ чиновъ, отвлекая вниманіе ихъ отъ достиженія главнѣйшей цѣли и вынуждая ихъ удѣлять часть времени и средствъ второстепеннымъ задачамъ. При этомъ представляется безусловно необходимымъ придавать указаннымъ распоряженіямъ въ высшей степени энергичный характеръ, дабы быстрымъ и настойчивымъ образомъ дѣйствія заставили производящихъ безпорядокъ лицъ тотчасъ же разсѣяться и очистить мѣсто происшествія. Отсутствіе быстроты, энергіи и настойчивости со стороны чиновъ полиціи въ первый же моментъ возникновенія безпорядка несомнѣнно влечетъ за собою дальнѣйшее его развитіе и необходимость затѣмъ примѣненія крайнихъ мѣръ. Въ этотъ моментъ всѣ чины полиціи должны быть проникнуты одною лишь цѣлью: достигнуть быстрого возстановленія порядка во что бы то ни стало и принимать всѣ надлежащія къ тому способы, не останавливаясь передъ необходимостью дѣйствовать строгостью и силою.

Для достиженія требуемаго результата представляется безусловно необходимымъ, чтобы всѣ дѣлаемые по сему поводу распоряженія исходили отъ одного авторитетнаго лица, находящагося притомъ непосредственно на мѣстѣ происшествія. Совершенно соответственнымъ явилось бы, по мнѣнію моему, чтобы въ этихъ случаяхъ непосредственное главное руководство чинами полиціи на мѣстѣ принимали на себя лично гг. губернаторы, градоначальники и оберъ-полицеймейстеры: буде же лица эти, по особо важнымъ причинамъ, не могли бы принять на себя эту обязанность, на мѣстѣ безпорядка должно, во всякомъ случаѣ, находиться уполномоченное ими на то лицо, которое и обязано единолично дѣлать надлежащія распоряженія. При возникновеніи безпорядковъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ каждое изъ нихъ должно быть назначено особое лицо изъ старшихъ и наиболѣе опытныхъ полицейскихъ чиновъ, которое и принимаетъ необходимыя мѣры подъ личною своею за нихъ отвѣтственностью. Въ распоряженіи полиціи отнюдь не должно быть допущаемо вмѣшательство, въ какой бы то ни было формѣ, лицъ poste-

ронникъ, не взирая на ихъ положеніе, чинъ или званіе; появленіе подобныхъ лицъ должно немедленно повлечь за собою ихъ задержаніе. Нижнихъ полицейскихъ чиновъ слѣдуетъ избѣгать ставить въ положеніе самостоятельныхъ распорядителей; имъ должно быть внушено, что личная инициатива съ ихъ стороны въ принятіи какихъ-либо мѣръ можетъ быть допущена лишь въ исключительныхъ и отдѣльныхъ случаяхъ. Посему представляется необходимымъ имѣть въ составѣ дѣйствующаго на мѣстѣ полицейскаго наряда возможно большее число полицейскихъ офицеровъ и чиновниковъ, на обязанность коихъ и должно было возложено руководство нижними чинами и строгое наблюденіе за ихъ дѣйствіями.

При невозможности прекратить безпорядокъ наличными силами полиціи, законъ уполномочиваетъ прибѣгать для сего къ содѣйствію войскъ. Мѣра эта не должна, однако, быть употребляема безъ серьезной къ тому необходимости, такъ какъ пріучать толпу къ вызову войска, если дѣйствіе послѣдняго ограничивается пассивнымъ присутствіемъ на мѣстѣ безпорядка, совершенно не желательно. Слѣдуетъ, напротивъ, вселить въ населеніи увѣренность, что появленіе войска указываетъ не только на возможность, но и на необходимость употребить въ дѣло оружіе. Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ вызову пѣхотныхъ частей; что же касается кавалеріи, то своевременный вызовъ послѣдней, не исключительно въ цѣляхъ употребленія оружія, представляется иногда весьма соотвѣтственнымъ и желательнымъ.

По прибытіи войска, по вызову гражданскаго начальства, послѣднее въ силу закона (п.п. 15 и 16 прилож. къ ст. 316 (прим.) т. II общ. губ. учр.) отнюдь не должно присвоивать себѣ права распоряженія нижними воинскими чинами; оно ограничивается сообщеніемъ прибывшему на мѣсто старшему начальнику военнаго отряда о положеніи дѣла, а также передаетъ ему указанія о цѣли, которую имѣется въ виду достигнуть; затѣмъ на обязанности старшаго на мѣстѣ представителя гражданской власти остается, по исчерпаніи всѣхъ зависящихъ отъ него средствъ къ усмиренію неповинующихся, опредѣленіе времени, когда войска должны прибѣгнуть къ дѣйствію оружіемъ.

По подавленіи возникшаго безпорядка, разсѣяніи буйствующей толпы и очищеніи мѣста сборища, дѣйствія полиціи должны немедленно принять снова вполне спокойный и нормальный характеръ. Чины полиціи должны постоянно помнить, что имъ по закону не предоставлено карательной власти, а насколько отъ нихъ требуется энергія и принятіе самыхъ строгихъ и иногда даже чрезвычайныхъ мѣръ при подавленіи безпорядка настолько послѣдующая ихъ дѣятельность должна быть основана на точномъ и хладнокровномъ примѣненіи закона и направляться, главнымъ образомъ, къ облегченію возможности правильнаго разслѣдованія дѣла и привлеченія виновныхъ въ безпорядкахъ къ отвѣтственности. Поэтому старшіе чины полиціи на мѣстѣ дѣйствія должны обращать особое вниманіе на то, чтобы подчиненные имъ младшіе чины, при задержаніи замѣченыхъ въ участіи въ безпорядкѣ лицъ, препровожденіи ихъ въ мѣста заключенія, восстановленіи пріостановленнаго движенія на улицахъ и т. п. всегда соблюдали должное спокойствіе, отнюдь не дозволяя себѣ дѣйствій, не вызываемыхъ болѣе необходимостью.

Предлагая гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ изложенныя выше указанія къ обязательному руководству и точному исполненію, я твердо увѣренъ, что, при внимательномъ, разумномъ и строгомъ отношеніи къ дѣлу со стороны подлежащихъ властей

уличные безпорядки имѣть мѣста *не должны*, а посему своевременное принятіе мѣръ къ ихъ предупрежденію и прекращенію я возлагаю на личную строгую отвѣтственность всѣхъ обязанныхъ къ тому по закону должностныхъ лицъ.

Съ содержаніемъ настоящаго циркуляра предлагаю ознакомить всѣхъ высшихъ и низшихъ чиновъ полиціи, съ преподаніемъ имъ надлежащихъ по сему разъясненій и указаній.“ („Пр. В.“).

На основаніи 2-й части статьи 42 устава Союза взаимопомощи русскихъ писателей при Русскомъ литературномъ обществѣ с.-петербургскимъ градоначальникомъ, 12 сего марта сдѣлано распоряженіе о закрытіи этого союза.“ („Пр. В.“).

Государь Императоръ объявляетъ строгій выговоръ члену Государственнаго Совѣта, генераль-лейтенанту князю Вяземскому за вмѣшательство въ дѣяствія полиціи при прекращеніи уличныхъ безпорядковъ.

Иностранное обозрѣніе.

Иезуиты.—Законъ объ ассоціаціяхъ.—Мефистофель и Марта.—Вильгельмъ II и князь Мещерскій. — О тѣлесныхъ наказаніяхъ. — „Новое Время“ и Бебель.— Смерть „короля“ Штумма. — Статья „Вѣстника Финансовъ“.—Правительственное сообщеніе о китайскихъ дѣлахъ. — Парижская корреспонденція „Новаго Времени“.

Почти всѣ католическія страны въ данный моментъ волнуются обострившейся „культурной“ борьбой съ католическимъ клерикализмомъ, въ особенности съ его наиболѣе яркими и въ то же время загадочными представителями — иезуитами. Иезуитскій орденъ существуетъ около пяти столѣтій, онъ оказалъ за это время огромное вліяніе на міровую исторію, онъ одержалъ массу побѣдъ и вынесъ множество гоненій, онъ воевалъ съ королями и папами, онъ удерживалъ взрывы народнаго негодованія, онъ угасалъ и затѣмъ оживалъ окрѣпшимъ и обновленнымъ, онъ измѣнчивъ, какъ хамалеонъ, и въ то же время въ немъ живетъ какая-то неизмѣнная, какая-то постоянная сила. Иезуитовъ славословятъ и проклинаютъ, но для большинства, какъ друзей, такъ и враговъ, они въ сущности — загадка. „Это — люди, выдающіеся своею ученостью и мудростью, это — люди, руководимые божественною мудростью, - которая надежище всякой философіи“. „Это — общество людей или, вѣрнѣе, ангеловъ, которое было предсказано пророкомъ Исаіей въ словахъ: „Грядите, ангелы, быстрые и легкіе“. „Это орлиные умы; это толпа финиковъ“. „Они измѣнили лицо христіанства“. Такъ славословилъ иезуитовъ авторъ книги „Imago primi saeculi societatis Iesu“, изданной въ 1640 году по поводу столѣтняго юбилея существованія ордена.

„Христіанскія добродѣтели ихъ совершенно неизвѣстны“, „мораль ихъ языческая“, — писалъ объ иезуитахъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ и правовѣрныхъ католиковъ Блезъ Паскаль *).

„Полу-волки, полу-лисицы“ — бичевалъ ихъ поэтъ Беранже.

На ихъ изгнаніи изъ Германіи настоялъ князь Бисмаркъ; за ихъ возвращеніе подавали голоса Бебель и Либкнехтъ. Ими основаны были въ разныхъ государствахъ образцовыя для своего времени высшія и низшія школы, и на нихъ же

*) Блезъ Паскаль, „Письма къ провинціалу“. Спб. 1898 г. Изд. Л. Ф. Пантелѣева.

въ то же время падаетъ значительная часть вины за невѣжество народныхъ массъ въ Испаніи, Португаліи и другихъ католическихъ странахъ. Изъ нихъ среды вышелъ цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ, въ томъ числѣ знаменитый Секки, и они же вдохновили папу при составленіи энцикликъ, осуждающихъ свободу научныхъ изслѣдованій. Они принимали дѣятельное участіе въ бельгійской революціи 1830 года, вспыхнувшей послѣ представленія оперы „Нѣмой изъ Португи“, и противъ нихъ же направлено нынѣшнее революціонное движеніе Испаніи, начавшееся въ связи съ представленіями драмы „Электра“. Можно бы было привести еще много такихъ противопоставленій. Іезуитскій орденъ могъ бы рекомендоваться словами Гетевского Мефистофеля:

„Was ist verwünscht und stets willkommen?
Was ist ersehnt und stets verjagt?
Was immerfort in Schutz genommen?
Was hart gescholten und verklagt? *)

Вообще, въ іезуитахъ есть носомыѣнно что-то мефистофельское, и ихъ союзъ съ римскимъ папою походить на союзъ Мефистофеля съ Фаустомъ.

Въ концѣ концовъ папа тихо погрузится въ вѣчный сонъ, его же спутникъ провалится, извиваясь подъ градомъ розъ, моментально превращающихся въ раскаленные угли.

Розы, какъ и въ гетевскомъ „Фаустѣ“, будутъ сыпаться изъ рукъ ангеловъ, поющихъ радостную пѣсню:

„Blüthen, die seligen,
Flammen, die fröhlichen.
Liebe verbreiten sie,
Wonne bereiten sie,
Herz wie es mag;
Worte, die wahren,
Aether im klaren
Ewigen Schaaren
Ueberall Tag!“ **)

Мы чувствуемъ, что задали загадку, но не разгадали ее; впрочемъ, разгадывать загадки, какъ справедливо замѣтилъ гетевскій императоръ, дѣло государственныхъ мужей и придворныхъ шутовъ.

Скромный же „иностранный обозрѣватель“ русскаго журнала долженъ стараться просто излагать событія и притомъ не всё, а только тѣ, кои не могутъ слишкомъ затруднить разгадчиковъ загадокъ.

Принимая во вниманіе высокіе ордена, полученные недавно Вальдекомъ-Руссо

*) „Что проклинается и что всегда привѣтствуется?
Что признается и всегда изгоняется?
Что всегда берется подъ защиту?
Что жестоко ругается и обвиняется?“

**) Цвѣты священные, огни веселые, вы сѣте любовь, готовите блаженство. и все, чего желаетъ сердце; слова правдивыя, отъ васъ исходить всюду день, распространяясь въ ясныхъ, вѣчныхъ массахъ эфира.

и Миллераномъ, мы полагаемъ, что дѣятельность ихъ министерствъ можетъ быть объективно излагаема безъ опасенія кого-нибудь затруднить, хотя мы все же нѣсколько опасаемся, что шуты „Новаго Времени“ держатся иного мнѣнія. Но это все же шуты, а не государственные мужи! Итакъ, съ Богомъ! Министерство Вальдека-Руссо, какъ и всѣ истинно республиканскія французскія министерства, сочло своимъ долгомъ начать борьбу съ клерикализмомъ и въ данный моментъ можетъ поздравить себя съ серьезною побѣдой. 29 (16) марта палата депутатовъ 305 голосами противъ 223, т. е. большинствомъ 82 голосовъ, приняла наконецъ „законъ о сообществахъ или ассоціаціяхъ“, законъ, выработанный самимъ Вальдекомъ-Руссо. За этотъ законъ голосовали 191 радикалъ и радикалъ-соціалистъ, 47 социалистовъ, 61 республиканецъ и 6 націоналистовъ. Противъ него голосовали 16 радикаловъ, 119 республиканцевъ, 67 монархистовъ и 21 націоналистъ; 25 депутатовъ отъ голосованія воздержались. Борьба была долгая и упорная; судьба министерства нѣсколько разъ висѣла на волоскѣ. Обсужденіе законопроекта началось 1 (14) января и потребовало 27 засѣданій палаты. Было пропозано 216 рѣчей, изъ нихъ Трульо, докладчикомъ комиссіи, разсматривавшей законопроектъ,—45 и самимъ министромъ-президентомъ Вальдекомъ-Руссо 24. Къ закону было сдѣлано 118 дополнительныхъ предложеній; изъ нихъ 67 обсуждалось и три были приняты. Изъ 21 статьи только три вышли изъ преній палаты въ совершенно неизмѣненномъ видѣ; это доказываетъ серьезность происходившей борьбы; но во всякомъ случаѣ Вальдеку-Руссо удалось провести все, что онъ считалъ существеннымъ и необходимымъ.

Законопроекту предстоитъ еще пройти черезъ сенатъ, но надо думать, что нѣпѣшніе французскіе сенаторы поддержать Вальдека-Руссо и не пожелають вступить въ конфликтъ съ большинствомъ палаты депутатовъ, тѣмъ болѣе, что новымъ закономъ заполняется существенный пробѣлъ въ политическомъ строѣ республиканской Франціи. Какъ это ни странно, но до сихъ поръ во Франціи *формально* не существовало свободы сообществъ. Буржуазной республикѣ, основанной на трупахъ нѣсколькихъ тысячъ коммунаровъ, республикѣ, имѣвшей первымъ своимъ президента Тьера, который, по словамъ „Figaro“, не побоялся „пролить на улицахъ Парижа больше крови, чѣмъ когда-либо было пролито Бонапартомъ, орлеанами или бурбонами“, этой республикѣ сначала было, во всякомъ случаѣ, неудобно заботиться о санкціонированіи какихъ бы то ни было „свободъ“. Цѣлыхъ 10 лѣтъ послѣ низложенія Наполеона и провозглашенія республики во Франціи не было даже свободы собраній и свободы печати.

Лишь въ іюнѣ 1881 года, въ президентство перваго, дѣйствительно республиканскаго президента Жюль Гревъ, министерство Ферри провело законъ о свободѣ собраній, который съ тѣхъ поръ предоставляется созывать каждому гражданину безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи. Почти одновременно былъ проведенъ и законъ о печати: залогъ въ 12.000 франковъ при полученіи права на изданіе газеты отиѣнялся, преступленія печати передавались суду присяжныхъ; впрочемъ, клеветы и диффамачіи остались въ вѣдѣніи исправительныхъ судовъ.

Этимъ важнымъ реформамъ предшествовали мѣропріятія противъ іезуитовъ и другихъ католическихъ братствъ или конгрегацій. 29 марта 1880 года министерство Фрейсназ издало два декрета: одинъ, объявлявшій о распущеніи іезуитскаго общества, „противъ котораго уже не разъ высказывалось національное чувство“, другой, распускавшій всѣ остальные духовныя братства, которыя въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ не представятъ своихъ уставовъ на утвержденіе правительства. Эти декреты стояли въ связи съ законами о народномъ образованіи, которое до тѣхъ поръ почти всецѣло находилось въ рукахъ католическихъ братствъ, преимущественно іезуитовъ. У частныхъ университетовъ, содержавшихся на счетъ клерикаловъ, отнято было право давать ученые степени; въ среднихъ школахъ преподаваніе Закона Божія объявлено необязательнымъ; наконецъ, начальное образованіе сдѣлано бесплатнымъ и вполнѣ свѣтскимъ (преподаваніе Закона Божія въ стѣнахъ школъ запрещено).

Въ одномъ изъ этихъ законовъ имѣлась статья (ст. 7), запрещающая лицамъ, принадлежавшимъ къ недозволеннымъ духовнымъ братствамъ (въ томъ числѣ къ іезуитскимъ), стоять во главѣ частныхъ или общественныхъ учебныхъ заведеній и заниматься въ нихъ преподаваніемъ. При обсужденіи закона въ палатѣ депутатовъ статья эта вызвала ожесточенныя нападки со стороны явныхъ и тайныхъ клерикаловъ, но въ концѣ концовъ была все же принята большинствомъ 100 голосовъ; однако, сенатъ, въ то время проникнутый еще клерикально-монархическими тенденціями, отвергнулъ ее, и прошло болѣе 20 лѣтъ, прежде чѣмъ настоящее министерство Вальдека-Руссо рѣшилось снова внести ее въ палату, на этотъ разъ въ видѣ статьи 14 „закона о собственности“.

Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ борьба съ клерикалами и либеральныя реформы были тѣсно связаны между собой, но не были слиты въ одинъ законъ, министерство же Вальдека-Руссо въ своемъ законопроектѣ, такъ сказать, однимъ ударомъ проводить либеральную реформу, устанавливая полную свободу сообществъ, и наносить ударъ клерикализму, отнимая у членовъ недозволенныхъ сообществъ право содержать школы и преподавать въ нихъ.

Та часть законопроекта, которая устанавливаетъ право каждого образовывать политическія и профессиональныя сообщества безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, не могла встрѣтить въ нынѣшней палатѣ серьезныхъ возраженій. Палата пошла даже дальше правительства, вычеркнувъ требованіе обязательнаго *заявленія* объ учрежденіи новаго сообщества. Сторонники *заявительной* системы защищали ее не столько, конечно, по полицейскимъ, сколько по статистическимъ соображеніямъ.

Правительство, согласившись на уничтоженіе „заявленій“, желало, чтобы въ этомъ случаѣ не дѣлалось никакихъ исключеній, но большинство палаты оставило заявительную систему для религиозныхъ сообществъ. Но не въ этомъ восстановленіи опасность для іезуитовъ и имъ подобныхъ духовныхъ конгрегацій или братствъ. Духовныя конгрегаціи раздѣляются во Франціи на дозволенныя или утвержденныя и не дозволенныя, т. е. тѣ, которыя терпѣлись вопреки декретамъ 29-го марта 1880 года. Недозволенныхъ братствъ, главнымъ обра-

зомъ іезуитскихъ, въ настоящее время 744, и они отлично процвѣтали подъ сѣнью республиканской свободы, быстро умножая свое движимое и недвижимое имущество.

Теперь „законъ о сообществахъ“ постановляетъ, чтобы всѣ неутвержденные духовныя братства въ теченіе 6 мѣсяцевъ обратились съ просьбою объ утвержденіи, причемъ *утвержденіе всякой духовной конгрегаціи требуетъ каждый разъ новаго закона, проведеннаго, конечно, черезъ палату и сенатъ.*

Конгрегаціи, не просившія или не получившія утвержденія, объявляются распущенными, и ихъ имущество должно быть распределено между имѣющими на него право, т. е., напр., жертвователями, членами братствъ и т. д. Вопросъ о правѣ на владѣніе каждый разъ рѣшается судомъ. Въ случаѣ отсутствія лицъ, имѣющихъ это право, имущество поступаетъ въ распоряженіе государства.

Параграфы объ имуществѣ въ первоначальномъ видѣ были гораздо опредѣленнѣе и выгоднѣе для государственной казны, но правая въ союзѣ съ центромъ, употребила всѣ усилія, чтобы государству, по возможности, не досталось ни одного гроша изъ капиталовъ іезуитовъ.

Самыхъ свободомыслящихъ буржуа, самыхъ заклятыхъ враговъ іезуитовъ испугалъ призракъ конфискаціи. Они серьезно выражали опасеніе, чтобы конфискація іезуитскихъ земель и капиталовъ не повела за собой конфискаціи и ихъ „движимаго и недвижимаго“. Ихъ страхъ былъ тѣмъ болѣе „законенъ“, что крайняя лѣвая вдругъ совершенно неожиданно внесла въ палату предложеніе о прогрессивномъ налогѣ на наслѣдство, причемъ для миллионныхъ наслѣдствъ налогъ возросталъ до 65% стоимости наслѣдуемаго имущества. Правая, въ томъ числѣ цѣлый рядъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, чтобы подставить свинью ненавистному министерству и еще больше запугать свободомыслящихъ буржуа, поддержала социалистовъ, и ихъ предложеніе—о, ужасъ!—было принято значительнымъ большинствомъ. Само собою разумѣется, сенатъ отвергнетъ этотъ „скандальный“ законъ и вторично онъ не пройдетъ въ палатѣ, но эффектъ все же получился огромный и для іезуитовъ полезный. Надо замѣтить, что вообще почтеннымъ буржуа надо бы быть поосторожнѣе съ іезуитомъ—Мефистофелемъ, который, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ примкнетъ къ социалистамъ и путемъ общественной конфискаціи начнетъ овладѣвать свободомыслящими душами.

Тѣмъ же страхомъ передъ „конфискаціей“ отчасти объясняется *единогласное* постановленіе палаты о помѣщеніи на стѣнахъ *всѣхъ* французскихъ школъ плакатовъ съ текстомъ „декларации правъ челоуѣка“. Въ этой деклараціи имѣется, какъ извѣстно, нѣсколько строкъ о неприкосновенности частной собственности.

Что касается до другихъ „правъ челоуѣка“, вродѣ свободы совѣсти, слова, преподаванія и т. д., то за нихъ теперь горой стоятъ маркизы и аббаты, монархисты и клерикалы.

Во время преній о статьѣ 14, нарушающей свободу преподаванія, графъ

де-Менъ въ своихъ славословіяхъ свободы положительно превзошелъ Демулена и Дантона.

Статья эта тѣмъ не менѣе прошла. Французскіе радикалы придаютъ этому огромное значеніе и ликуютъ. Намъ со стороны это ликованіе мало понятно: мы не думаемъ, чтобы подобными „статьями“ можно было убить іезуитовъ и вообще клерикаловъ. А главное, вѣрна ли съ мѣщанской точки зрѣнія знаменитая формула Пейра и Гамбетты: „Le cléricalisme—voilà l'ennemi“ („Клерикализмъ—вотъ врагъ“)? Почему бы французскому мѣщанству не послѣдовать примѣру гетевской Марты, такъ мило кокетничавшей съ іезуитомъ-Мефистофелемъ? Вѣдь мѣщанскій мужъ, „волтерьянецъ“, давно уже умеръ и его не воскресить!

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что у мѣщанской Марты хмурится теперь уже только лѣвый глазъ, а правый подмигиваетъ Мефистофелю любовно и весело. Богъ дастъ,—сойдутся! Мефистофель, какъ извѣстно, не требователенъ. Помните во время Вальпургіевой ночи его обращеніе къ „старухѣ“?

„Einst hatt'ich einen wüsten Traum“...

Но, если Мефистофель не требователенъ, то о Мартѣ и говорить нечего, а на Марту очень похожа почтенная тетюшка „Temps“.

Она страшно напугана грандіозными стачками портовыхъ рабочихъ въ Марселѣ и углекоповъ въ Монсо и готова броситься на шею хоть самому чорту, лишь бы избавиться отъ такого корректнаго министра, какъ Миллеранъ, которому удалось выйти побѣдителемъ изъ парламентскихъ дебатовъ о стачкахъ. Въ передовой статьѣ, по поводу этихъ дебатовъ, „Temps“, въ полномъ согласіи съ утвержденіемъ Миллерана, меланхолически заявляетъ, что отвѣтственность правительствъ не можетъ распространяться на „экономическія фатальности“ и „кризисы труда“, но затѣмъ тотчасъ начинаетъ пускать отравленные стрѣлы.

Соглашаясь, что отъ „кризисовъ труда“ не застрахована ни одна изъ странъ міра, почтенная газета прибавляетъ: „Возможно, что развитіе стачекъ во Франціи поощряется присутствіемъ въ министерствѣ социалиста. Въ интересахъ безпристрастія желательнo было бы, чтобы эту гипотезу приняли какъ друзья, такъ и противники министерства. Разумѣется нельзя опредѣлить съ полвой точностью значеніе моральной и очевидно невольной поддержки, которую Миллеранъ оказываетъ стачкамъ. Примемъ, что эта моральная поддержка—фактъ, коэффициентъ котораго не можетъ быть опредѣленъ“.

Миллеранъ, какъ бы то ни было, министръ и даже кавалеръ ордена св. Анны первой степени,—съ нимъ необходимо быть осторожнымъ; другое дѣло марсельскій мэръ, тоже, увы, социалистъ. Съ этимъ тетюшка „Temps“ не церемонится.

„Все, — говорятъ она, — скопилось, чтобы сдѣлать эту марсельскую стачку самою бѣдственной изъ всѣхъ. Мэръ, социалистъ, покровительствуетъ ей, презирая законы, презирая даже декреты, въ которыхъ г. Миллеранъ, министръ социалистъ, требуетъ, чтобы отношеніе иностранныхъ рабочихъ къ рабочимъ французскимъ при

государственныхъ и общинныхъ работахъ не превосходило 10⁰/. Эти иностранные рабочіе, разоряющіе Марсель,—итальянцы. Мы не говоримъ, чтобы они разоряли Марсель нарочно къ выгодѣ Генуи; но нѣтъ преувеличеній въ утвержденіи, что они не могутъ быть чувствительными къ національной горести, которую мы испытываемъ, видя, какъ готовится паденіе Марселя“. „Марсельскій мэръ,—говоритъ далѣе „Temps“,—хотя онъ и французъ, не отказалъ въ своемъ покровительствѣ „интернаціональному“ синдикату, который всѣмъ руководитъ. Это—ошибка, ошибка тѣмъ болѣе тяжелая, что законъ предполагаетъ у администраторовъ синдиката качества французскаго гражданина. Мэръ Марселя за несчастія, переживаемыя Марселемъ, отвѣтственъ въ той самой мѣрѣ, въ какой этотъ незаконный синдикатъ руководитъ стачкой“, и т. д. все въ томъ же родѣ.

Мы не беремся защищать министра торговли и марсельскаго мэра, намъ предстоитъ задача гораздо болѣе благодарная—защитить Вильгельма II отъ князя Мещерскаго.

Императоръ Вильгельмъ II во время его недавняго посѣщенія Бремена былъ слегка раненъ въ щеку кускомъ желѣза, брошеннымъ какимъ-то полоумнымъ эпилептикомъ. О преднамѣренномъ покушеніи не могло быть рѣчи, врачи-эксперты признали, что эпилептикъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ галлюцинацій, нерѣдко появляющихся передъ наступленіемъ эпилептическаго припадка. Несмотря на это ярые охранители пожелали придать бременскому приключенію значеніе серьезнаго политическаго покушенія, и одинъ изъ нихъ, президентъ прусскаго ландтага фонъ Крехеръ, поздравляя императора съ избавленіемъ отъ грозившей опасности, сравнилъ бременскій случай съ покушеніями Гёделя и Нобилинга на жизнь Вильгельма I, покушеніями, послужившими предлогомъ для введенія „закона противъ социалистовъ“.

Въ отвѣтной рѣчи императоръ Вильгельмъ II взялъ крайне пессимистическій тонъ, прямо заявивъ о замѣтномъ упадкѣ авторитета короны. Крехеръ сообщилъ отвѣтъ императора ландтагу и вызвалъ полемику не столько въ стѣнахъ прусской палаты депутатовъ, сколько въ печати, которой, по словамъ президента, императоромъ ставилась въ вину слишкомъ рѣзкая критика правительственныхъ мѣропріятій. Противъ утвержденія императора объ упадкѣ авторитета короны въ сущности никто не спорилъ, но большая часть печати не соглашалась нести за это отвѣтственность и не находила никакой причинной связи между рѣзкой критикой правительственныхъ мѣропріятій, паденіемъ авторитета короны и бременскимъ приключеніемъ.

Не успѣла затихнуть полемика по поводу „президентской“ рѣчи императора, какъ онъ успѣлъ уже подлить масла въ огонь „гренадерскую“ рѣчью, обращенною къ „гренадерскому полку императора Александра“ по случаю перевода этого полка въ новыя казармы, расположенныя близъ дворца.

Рѣчь эта была въ сущности повтореніемъ прежнихъ обращеній императора къ солдатамъ, которыхъ онъ предупреждалъ, что имъ можетъ быть придется стрѣлять въ отцовъ и братьевъ. На этотъ разъ императоръ былъ только еще болѣе откровененъ и определенъ. По версіи берлинскаго „Lokalanzeiger“ онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Какъ незыблемая скала высптается вблизи моего замка это новое прекрасное полковое зданіе. Вы, такимъ образомъ, являетесь какъ бы тѣлохранителями прусскаго короля и должны быть готовы во всякій часъ дня и ночи пожертвовать жизнью и пролить кровь за своего короля. Я твердо убѣжденъ, я увѣренъ, что, слѣдуя традиціямъ своего полка, вы всегда останетесь вѣрны чувству своего долга. Если вновь наступятъ тяжелыя времена, уже пережитыя полкомъ, если вновь въ городѣ поднимется противъ короля дерзость и неповиновеніе, то штыкъ александровскаго гренадера сумѣетъ отбросить ихъ назадъ“.

Противъ этой рѣчи поднялись рѣзкіе протесты со стороны даже самыхъ благонамѣренныхъ органовъ. Особенно, конечно, не нравится ссылка на „тяжелыя времена“, т. е. мартовскую революцію 1848 года.

Князь Мещерскій въ „Гражданинѣ“ договорился въ своихъ нападкахъ на императора до вещей, совершенно неповолительныхъ въ устахъ консерватора. „Александрійцевъ“ князь прямо называетъ преторіанцами, а обращеніе къ нему германскаго императора считаетъ „необузданнымъ“.

„Для блага германскаго цезаря,—говоритъ между прочимъ кн. Мещерскій,—искренно не желаю, чтобы этотъ прогрессивный ходъ необузданности его рѣчей былъ зловѣщимъ признакомъ начинающагося умственнаго недуга, но думаю, тѣмъ не менѣе, что дѣло не въ явленіяхъ, которыя входятъ въ область психіатрической клиники, а въ томъ психическомъ процессѣ самообожанія, какъ монарха, который съ раннихъ лѣтъ сталъ главнымъ двигателемъ его умственнаго міра, и который, съ годами развиваясь, побуждаетъ его все сильнѣе воздавать себѣ царственный культъ поклоненія, все ненормальнѣе относиться къ противорѣчію себѣ въ людяхъ, какъ къ оскорбленію этого культа, и все нагляднѣе проявлять нарушеніе равновѣсія между практическимъ здравымъ смысломъ и оболъщеніями его культа самообожанія. Вслѣдствіе этого нарушеннаго равновѣсія въ его цезарскую голову входитъ уже опасная мысль, что нѣмецъ, не раздѣляющій съ нимъ его обожанія къ себѣ въ одинаковой мѣрѣ, есть его врагъ...“

Бѣдный князь Мещерскій стоекъ только въ одномъ пунктѣ своей консервативной программы—въ обожаніи розогъ. Въ Германіи онъ могъ бы имѣть свою „розочную“ партію, по крайней мѣрѣ, изъ 20.000 человекъ. Вѣдь нашлось же 20.000 нѣмцевъ, внесшихъ въ рейхстагъ петицію о возстановленіи за особенно безправственныя преступленія тѣлеснаго наказанія. Эту петицію, впрочемъ, не рѣшился поддержать ни одинъ изъ представителей правительствъ, и, послѣ ряда рѣчей, бичевавшихъ самое мысль о возможности возстановленія тѣлеснаго наказанія, рейхстагъ всѣми голосами противъ трехъ, постановилъ перейти къ очереднымъ дѣламъ, не разсматривая петицію. Увлеченіе тѣлесными наказаніями надо, впрочемъ, искать не столько въ политическихъ убѣжденіяхъ, сколько въ психологіи или вѣрнѣе патологіи ихъ защитниковъ. Нашелся же нѣсколько лѣтъ тому назадъ даже среди социалдемократовъ какой-то депутатъ, высказавшійся за тѣлесныя наказанія и едва ли не противъ анархистовъ. Партія немедленно исключила его, но фактъ остается фактомъ.

Императоръ Вильгельмъ II—сторонникъ штыка, но врядъ ли онъ сторонникъ

розги. Во всякомъ случаѣ не Мещерскому сомнѣваться въ нормальности умственныхъ способностей Гогенцоллерна.

Ожесточеніе князя Мещерскаго противъ императора Вильгельма II намъ такъ же мало понятно, какъ увлеченіе „Новаго Времени“ Августомъ Бебелемъ, вождемъ нѣмецкой социалдемократіи. Берлинскій представитель суровинскаго органа недавно посѣтилъ Бебеля и просилъ позволенія снять съ него фотографію для помѣщенія на страницахъ „Новаго Времени“, при этомъ онъ всѣми силами старался завербовать Бебеля въ сторонники органа, гдѣ пишутъ такіе ученые и талантливые люди, какъ Сигма, Эльпе, Энгельгардтъ, не говоря уже о самомъ Алексѣ Сергѣевичѣ. Бебель, судя по словамъ корреспондента, былъ очень тронутъ и согласился, что русскія газеты нововременскаго пошиба много выше нѣмецкихъ. Провожая гостя, Бебель очень внимательно слѣдилъ за всѣми его движеніями. Оказалось, что вождь социалдемократіи боялся, какъ бы представитель „Новаго Времени“ не бросилъ на полъ папироснаго окурка. Кстати, Бебель лишился своего знаменитаго противника „короли“ Штумма, съ которымъ онъ столько разъ выходилъ на словесный поединокъ.

Штуммъ умеръ 8-го марта нов. ст. въ своемъ замкѣ Вребахъ. Штуммъ былъ суровымъ противникомъ какъ социалдемократовъ, такъ и вообще всѣхъ защитниковъ рабочаго класса, какъ самостоятельной группы, имѣющихъ право на защиту своихъ интересовъ безъ предварительнаго разрѣшенія хозяевъ. Онъ произнесъ не мало рѣчей на эту тему, и эти рѣчи издавались самими социалдемократами, служа прекраснымъ агитаціоннымъ средствомъ. Въ своемъ „королевствѣ“, въ томъ обширномъ желѣзнопромышленномъ районѣ, гдѣ онъ властвовалъ, царилъ „патріархальные“ порядки. Рабочіе получали довольно, но не „чрезмѣрно“ хорошую заработанную плату, помѣщались въ недурныхъ квартирахъ, пользовались благотворительнымъ учрежденіемъ, но не могли „сидѣть свое сужденіе ниѣтъ“. Штуммъ не допускалъ никакихъ синдикатовъ и собраний и старался изгнать всѣхъ „социалдемократовъ“. Въ концѣ концовъ его усилія конечно, оказались тщетными, и социалдемократическая пропаганда захватила и большинство его „подчиненныхъ“.

Во всякомъ случаѣ Штуммъ былъ „дѣльный“ и сильный человекъ, и этимъ объясняется его продолжительное вліяніе на императора Вильгельма II.

Въ отношеніяхъ Россіи къ иностраннымъ дружественнымъ державамъ, насколько это можно судить по официальнымъ и неофициальнымъ сообщеніямъ, произошли нѣкоторыя перемѣны.

Въ этомъ отношеніи особенно важна статья органа министерства финансовъ „Вѣстника Финансовъ, Пром. и Торг.“, по поводу торговыхъ договоровъ, и послѣднее правительственное сообщеніе по китайскому вопросу.

Статья „Вѣстн. Фин.“ направлена противъ германскаго правительства, заявившаго, въ лицѣ канцлера Булова, о необходимости повысить хлѣбныя пошлины; она написана чрезвычайно рѣзко.

Приведемъ изъ нея нѣсколько характерныхъ мѣстъ.

„Устойчивыя договорныя международныя отношенія и понынѣ признаются драгоцѣннымъ культурнымъ благомъ, которое русское правительство всѣми мѣрами будетъ ограждать, не поступаясь, конечно, ни своимъ достоинствомъ, ни выгодами своей страны. Но соблюденіе сихъ мирныхъ и взаимно полезныхъ отношеній возможно лишь при добромъ желаніи обѣихъ договаривающихся сторонъ. Если же одна изъ нихъ сходитъ съ почвы взаимнаго уваженія обоюдной выгоды и проявляетъ притязаніе удовлетворить свои односторонніе интересы, нанося лишь ущербъ другой странѣ, то на такихъ условіяхъ она можетъ заключить договоръ, можетъ быть, съ какимъ-нибудь безпомощнымъ государствомъ, почему-нибудь отъ нея зависящимъ, но никакъ не съ Россіей, которая и сама извлекаетъ пользу изъ торговли, и для другихъ предоставляетъ у себя обширный и выгодный рынокъ. Если ей стѣснять условія сбыта ея товаровъ въ какое-либо государство, то само-собою понятно, что и она затруднитъ привозъ товаровъ оттуда къ себѣ. А это для противной страны будетъ чувствительной потерей, ибо именно въ послѣднее время привозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію значительно усилился подъ влияніемъ, между прочимъ, потребностей растущей промышленности, нуждающейся и въ машинахъ и орудіяхъ, и въ нѣкоторыхъ видахъ сырья, и вообще въ разнообразныхъ производительныхъ благахъ. Нѣкоторыя государства, на примѣръ, сосѣднее—Германія—широко воспользовалась этимъ возросшимъ спросомъ изъ Россіи, и если бы она отказалась отъ торговыхъ сношеній съ нами, то всѣ эти предметы мы легко нашли бы у ея соперниковъ, сбывая имъ же и нашъ хлѣбъ“.

Грозя затѣмъ лишитъ германскихъ подданныхъ охраны изъ торговыхъ и вообще имущественныхъ интересовъ, органъ министерства финансовъ заявляетъ:

„По всей этой части, несомнѣнно, Россія больше и щедрѣе даетъ другимъ договаривающимся сторонамъ, чѣмъ беретъ себѣ. Ни русскіе купцы не ведутъ сколько-нибудь серьезныхъ промысловъ или торговыхъ дѣлъ въ Западной Европѣ, ни русскіе подданные вообще не переселяются туда въ поискахъ за кускомъ хлѣба, ни русскіе капиталы не ищутъ себѣ тамъ помѣщенія,—слишкомъ еще много видятъ всѣ они предъ собою мѣста и дѣла у себя на родинѣ, И кто громогласно объявляетъ о томъ, какъ онъ намѣренъ поступить относительно привоза товаровъ къ себѣ изъ Россіи, тотъ, конечно, помнитъ, что, дергая одинъ конецъ договора, онъ потрясаетъ и всѣ прочія его статьи. Какъ бы Россія ни дорожила мирными торговыми отношеніями съ прочими государствами, но если ей обѣщаютъ нанести ущербъ сбыту произведеній ея основного промысла—сельскаго хозяйства, то на всѣхъ современномъ международнаго строя экономическихъ интересахъ она сумѣетъ найти соотвѣтствующій противовѣсъ.“

„Русское правительство отчетливо сознаетъ, какая сложная сѣть разнообразныхъ и существенныхъ интересовъ иностранцевъ сплетена въ настоящее время на русской почвѣ подъ покровительствомъ торговыхъ договоровъ, и тѣ, кто занимается дѣлежомъ шкуры, не убивъ еще медвѣдя, должны быть готовыми къ встрѣчѣ противника и равноправнаго, и хорошо вооруженнаго. Ясно сознавая это истинное положеніе дѣлъ, русское правительство нисколько не смущается происходящею за-границею агитаціею по поводу торговыхъ договоровъ и, готовое отвѣтить на каждую репрессалію репрессаліей же, оно спокойно готовится къ переговорамъ на почвѣ взаимнаго уваженія обоюдныхъ выгодъ договаривающихся сторонъ“.

Въ послѣдней правительственномъ заявленіи по китайскимъ дѣламъ сообщается о различныхъ разногласіяхъ между русскимъ правительствомъ и другими „союзниками“. Вліянію нѣкоторыхъ правительствъ приписывается отказъ Китая подписать русско-китайское соглашеніе относительно Манчжуріи и заявляется, что русское правительство при данныхъ условіяхъ не намѣрено очищать Манчжурію отъ своихъ войскъ.

„Сохраняя,—заканчиваетъ „Правительственное сообщеніе“,—настоящую временную организацію въ Манчжуріи, въ цѣляхъ поддержанія порядка вблизи обширной границы Россіи, и оставаясь въ то же время неукоснительно вѣрнымъ своей первоначальной, неоднократно заявленной политической программѣ, Императорское правительство будетъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода событій“.

Въ томъ же № „Новаго Времени“, гдѣ мы прочли это „Правительственное сообщеніе“ помѣщена очень любопытная корреспонденція изъ Парижа. Въ ней сообщаются слухи, неблагопріятные для русско-французскаго союза. Слухамъ этимъ корреспондентъ не придаетъ особенно серьезнаго значенія, но все же заявляетъ:

„Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что во французскомъ обществѣ, особенно въ дѣловыхъ кружкахъ, замѣчается какое-то охлажденіе къ Россіи, нѣкоторая ворчливость и какъ бы разочарованіе въ результатахъ франко-русскаго сближенія. Жалобы сводятся къ тому, что Россія недовольно предупредительна къ Франціи, и особенно къ тому, что всѣ выгоды отъ соглашенія достались, будто бы, на долю Россіи, Франція же только даетъ деньги“.

Будемъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода событій.

В. П.

НОВЫЯ КНИГИ,

ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Географическія чтенія.—Европа. Пер. съ англ. М. Изд. Мамонтова Ц. 50 к.

„Новая Библіотека“. 1) Л. Уманецъ. Жизнь и труды Эдиссона. Ц. 20 к.;—2) А. Максимовъ. Русскіе инородцы. Ц. 20 к.;—3) Южные сосѣди китайцевъ. Ц. 25 к. Изд. „Русской Мысли“, М., 1901.

М. Коломеннина, сост. Пѣсни русскихъ поетовъ, оригинальныя и переводныя. Спб. 1900.

Крестыанское скотовладѣніе въ Вятской губ. въ 1898—99 гг. Лошади и крупный рогатый скотъ. Изд. вят. губ. зем. Вятка. 1*00.

А. Агаловъ. Искусственные способы рѣшенія уравненій 2 ст. со мн. неизвѣстными. Для старш. классовъ ср. уч. заведеній. 3 изд. Оренб. 1901. Ц. 60 к.

П. Н. Арианъ. Первый женскій календарь за 1901 г. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Н. А. Рубанинъ. „Искорки“. Очерки и наброски публициста. Изд. Ф. Дубровина. Спб., 1901. Ц. 1 р.

Грамотность дѣтей сельскаго населенія въ Смоленской губерніи. Изд. смол. губ. зем. упр. Смоленскъ, 1900.

Вл. П. Лебедевъ. Тихія пѣсни 1889—1900. Спб., 1901. Ц. 1 р.

М. Б. Карскій. Старь и новь. Очерки. Спб. 1900.

С. Булановъ. Капитализмъ и земледѣліе. Т. I и II. Спб. 1900. Ц., 5 р.

В. Михайлова. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Киевъ. 1901. Ц. 20 к.

Докладъ уфимской земской управы губ. зем. собранію 1900 г. О положеніи нач. нар. образованія въ уфимской губ. Уфа. 1900.

А. Трачевскій. Учебникъ древней исторіи. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Онъ же. Учебникъ средней исторіи. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Онъ же. Новая исторія. Т. I. (1500—1750). Спб. 1900. Ц. 3 р.

Н. Муравлевъ. Упрощенные приемы для производства умственныхъ вычисленій. М. 1900. Ц. 35 к.

Ем. Уманецъ. Бары и народъ. Разказы. Тифл. 1901. Ц. 1 р.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезоны 1898—1899 и 1899—1900.

Нижегородскій край на 1901 г. Изд. нижег. губ. правленія. Годъ 2. Ниж.-Новгородъ. Ц. 1 р.

Русскій астрономическій календарь на 1901 г. Нижегородск. кружка любителей физики и астрономіи, подъ ред. председателя С. Щербакова. Н.-Новг. 1900. Ц. 75 к.

Трудовая помощь въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Симбирской. Отчетъ уполномоченнаго. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Гр. П. П. Капнистъ. Сочиненія. Томы 1 и 2. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к. за к. т.

Отчетъ комитета благотворительнаго Общества въ г. Барнауль за 1899 г.

Изданія В. Раппъ и В. Потапова: Вакланъ. В. Дмитріевой. Ц. 6 к.—Бродячій мальчишъ. Е. Чирикова. Ц. 7 к.—Мягюха-учитель. В. Дмитріевой. Ц. 25 к.—Степанъ Ежикъ. Ивановича. Ц. 10 к.—Харьковъ. 1901.

А. Ровинскій. Русскія народныя картинки. Т. II. Спб. Издан. Голике. 1900. Ц. 2 тома 8 руб.

Годишный актъ въ Императ. Казанскомъ университетѣ 5 ноября 1900 г.

А. Долинскій. На кладбищѣ надеждъ и упованій. Юмористич. очерки. Ц. 40 к. Харьковъ. 1901.

И. С. Рутковский. Стихотворенія. Могилевъ. 1900. Ц. 50 к.

Слѣпые въ Сибири. Дѣятельность глазнаго отряда. Спб. 1901.

Изданія К. Тихомірова: В. Спасскій. Летучіе пески. Ц. 5 к.—Н. Мурашкинцевъ. Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Ц. 10 к.—И. Селивановскій. Сельско-хозяй-

- ственные рассказы. Ц. 20 к.—В. С п а с с к і й. Какъ разводить и откармливать свиней. Ц. 10 к.—В. С п а с с к і й. Торфъ. Ц. 8 к. М. 1901.
- С. Г. Ручь. Ореографическій словарь. Съ показателемъ ударений и корневыхъ словъ русск. происх. Подъ ред. Д. Сославина и И. Мириманова. Спб. 1901. Ц. 1 р.
- А. Р. Уоллеса. Оспопрививаніе есть заблужденіе. Пер. съ англ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1901. Ц. 40 к.
- Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губерніи за 1899 г. Вып. II. Изд. оцѣн. стат. отд. сарат. губ. зем. упр. Саратовъ. 1900.
- Ант. Радцигъ. Производство и потребление ржи на всемъ свѣтѣ. Стат. изсл. Спб. Ц. 1 р.
- И. Шафровъ. Учебникъ геометріи. Курсъ 6 отд. город. училищъ. Ц. 40 к. Изд. К. Тихомірова. М. 1900.
- И. Тодгентеръ. Координатная геометрія на плоскости въ приложеніи къ прямой линіи и къ коническимъ сѣченіямъ. Ц. 1 р. 50 к. 1901.
- Изданія Ф. Павленкова: А. А. Сапожниковъ. Судьбы Китая. Спб. 1901. Ц. 35 к.
- С. Г. Москаленко. Поддѣльная сцена въ трагедіи В. Шекспира „Гамлетъ“. Изд. ред. журн. „Театръ и Искусство“. Ц. 30 к. Спб. 1901.
- Н. Раменскій. Замужъ. Рассказъ. 1901. Рихардъ Мутеръ. Исторія живописи. Пер. подъ ред. К. Бальмонта. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.
- Д-ръ С. Фишеръ. Что такое хирургія или какъ лѣчать ножомъ. Ц. 5 к.—Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. Ц. 5 к.—Какъ кровь движется по нашему тѣлу и какая намъ отъ нея польза. Ц. 5 к.—Чѣмъ и для чего мы питаемся. Ц. 5 к.—Чѣмъ и для чего человекъ дышитъ. Ц. 5 к.—Наши пять чувствъ. Ц. 5 к.—Отчего болѣютъ и мрутъ наши дѣти. Ц. 5 к.—Что такое сифилисъ и какъ съ нимъ бороться. Ц. 5 к. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1901.
- В. Виндельбандъ. Исторія и естествознаніе. Рѣчь. Пер. Ф. Лембергъ. М. 1901. Ц. 20 к.
- Д-ръ С. Фишеръ. Что такое чахотка и какъ отъ нея уберечься. Ц. 5 к.—Что такое зараза и какъ должно отъ нея оберегаться. Ц. 5 к. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1901.
- М. И. Покровская. О падшихъ. Спб. 1901. Ц. 40 к.
- С. Ростовцевъ. Какъ составлять гербаріи? Краткое руководство къ собранію тайнобрачныхъ и явнобрачныхъ растений. М. 1900. Ц. 30 к.
- П. Н. Петровский. Стихотворенія. М. 1901. Ц. 75 к.
- М. Д. Гродецкий. Бельгія на порогѣ XX в. Житомиръ. 1901. Ц. 75 к.
- Т. Циглеръ. Умственные и общественныя теченія XIX в. Пер. Г. Генкеля. Спб. 1901. Ц. 3 р.
- М. В. Неручевъ. Сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей въ ряду земскихъ агрономическихъ мѣропріятій. Симферополь. Изд. таврич. губ. зем. упр. 1901.
- Д-ръ М. Черниковъ. Вопросъ о еврей въ еврейскомъ вопросѣ. Открытое письмо антисіонисту NN. Одесса. 1900. Ц. 25 к.
- Ив. Тобиловичъ. Бурлака. Др. на 5-дѣй. Кіевъ. 1900. Ц. 7 к.
- Н. И. Герасимовъ. Ницшеанство. М. 1901. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. Парнеръ. Лекціи по элементарной биологіи. Съ 129 рис. Пер. В. Н. Львова. Изд. 2. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.
- Dr. V. Totomjanz und E. Toptschjan Die sozial-ökonomische Türken. Berlin. 1901.
- Ф. Лассаль. Дневникъ. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901. Ц. 1 р.
- М. Тихоміровъ. Пушкинъ—въ его отношеніи къ Байрону. Витебскъ. 1899.
- Н. Д. Тихоміровъ. Современные кумиры. Витебскъ. 1900.
- Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы. Пер. съ англ. Изд. А. В. Ермолаевой. Спб. Ц. 85 к. 1901.
- Д-ръ В. Ф. Вислиценусъ. Астрофизика. Пер. съ нѣм. Н. Синеекова „Библиотека Знанія“. Спб. 1900. Ц. 40 к.
- А. А. Вольтскій. Царство Карамазовыхъ. Н. С. Львовъ. Замѣтки. Спб. 1901.
- П. И. Мамаевъ. Знакомство съ жизнью растений путемъ наблюденій и опытовъ. Изд. „Сотрудн. Шк.“ Залѣвской. М. 1900. Ц. 30 к.
- А. Е. Оболенскій. Исторія мысли. Опытъ критической исторіи философіи. Спб. Изд. Н. И. Гарвей. 1901. Ц. 1 р. 25 к.
- Г. Ибсенъ. Врачъ народа. (Докторъ Штокманъ). Драма. Пер. Н. Миревичъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1901. Ц. 30 к.
- Р. Мутеръ. Исторія живописи. 1 ч. Перев. подъ ред. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 70 к. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1901.
- А. Н. Майковъ. Полное собраніе сочиненій. Изд. 7. Въ 4 тт. А. Ф. Маркса. Спб. 1901. Ц. 4 руб.
- Э. Мартинъ. Исторія кусочка каменнаго угла. Пер. съ англ. Изд. А. С. Суворина Спб. 1901.
- Д-ръ Э. Махъ. Этюды по теоріи познанія. Изд. Маноцковой. М. 1901. Ц. 1 р. 25 к.
- Р. Майо Смитъ. Статистика и социологія. Пер. съ англ. подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарволускаго. М. Изд. С. Скирмунта. Ц. 1 р. 25 к.
- Проф. Е. Вармингъ. Ойкологическая гео-

графія растений. „Библиотека для само-

образования“. Изд. Баладина. М. 1901.
М. Г. Васильева. Пѣсни сибирячки. Изд.
 Кобычева. Спб. 1901. Ц. 1 р.

М. М. Реабилитация Пушкина. — Нѣ-
 сколько словъ о Гауптманѣ. Спб. 1901.
 Ц. 25 к.

Ив. Наживинъ. Убогая Русь. Ц. 1 р.
 М., 1901.

А. Вовенаргъ. Афоризмы. Изд. А. С.
 Суворина. Ц. 20 к. Спб. 1901.

И. П. Миролюбова. Восемь лѣтъ на Са-
 халинѣ. Съ илл. Спб. Изд. Суворина.
 Ц. 2 р.

А. Новиковъ. Сборникъ статей 1899—
 1900 гг. Изд. Суворина. Спб. Ц. 1 р.
 1901.

Д-ръ **А. Шабанова.** О первой помощи
 въ несчастныхъ случаяхъ. Спб. Изд.
 Суворина. 1901. Ц. 60 к.

А. Бухенбергеръ. Основные вопросы
 сельско-хозяйственной экономіи и поли-
 тики. Пер. А. Гурьева. Спб. Тип. Кирш-
 баума. 1901. Ц. 2 р.

А. Чумановъ. Основы къ разрѣшенію
 задачи воздухоплавания. Асхабадъ. 1901.
 Ц. 15 к.

М. Зеленоглазый. Въ пути. Драма. М.
 1901.

Ф. А. Щербина. Крестьянскіе бюджеты.
 Изд. Вольнаго Экономическаго Обще-
 ства. Воронежъ. 1900. Ц. 3 р.

Труды по распоряженію начальника
 края. Совѣщанія врачей инспекто-
 ровъ Киевской, Подольской и Воронеж-
 ской губ. Къ вопросу о лучшей поста-
 новкѣ врачебно-санитарнаго дѣла въ
 Юго-зап. краѣ. Кіевъ 1901.

Б. Нѣмцова. Бабушка. Спб. Изд. Су-
 ворина, 1900.

Прокопій Хохолушна. Историческіе раз-
 сказы изъ южно-славянскаго быта. Сбп.
 Изд. Суворина.

И. П. Поздниковъ. Мечтатель. Изд. Су-
 ворина. Спб. 1901.

В. Зомбаргъ. Организация труда и тру-
 дящихся. Изд. Звонарева. Ц. 1 р. 50 к.
 Спб. 1901.

А. Новиковъ. По закону. Изд. Суво-
 рина Сбп. 1901. Ц. 1 р.

Лесаажъ. Хромой Лѣсъ. Изд. Суворина.
 Спб. 1901.

В. Ярмонкинъ. Письма идеалиста. VIII
 письмо. Спб. 1901.

А. Шницлеръ. Трилогія: 1) Подруга
 жизни, 2) Зеленый попугай, 3) Пора-
 цельзій. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Д-ръ **Н. Поповъ.** Шесть лекцій о про-
 грессивномъ параличѣ помѣшанныхъ.
 Каз. 1901.

И. Забрежневъ. Теноръ ди Грація.

Робертъ дэль Оуэнъ. Спорная область
 между двумя мірами. Наблюденія и изы-
 сканія въ области медіумическихъ явлен-
 ній. Спб., 1901. Изд. Суворина. Ц. 1 р. 50 к.

Труды комиссій по вопросамъ зем-
 ской статистики. Изд. статистической
 комиссіи при III отд. Вольнаго Эконо-
 мическаго Общества. Ц. 1 р. 50 к. Спб.
 1901.

Э. Лависсъ. и **А. Рамбо.** Всемирная исто-
 рія съ IV столѣтія до нашего времени.
 Т. VII. XVIII вѣкъ. Изд. И. Т. Солда-
 тенкова. М. 1901. Ц. 3 р.

А. Кругловъ. Домна ректорша. М. Изд.
 Спиридонова 1901.

А. Герасимовъ. Подарокъ неизгнаннаго
 неба. „Рожокъ-самъ-гудокъ“. М. 1901.
 Ц. 50 к.

Календарь Синяго Креста за 1901 г.
 Спб.

Ал. Н. Будищевъ. Стихотворенія. Спб.
 Изд. т-ва „Трудъ“. 1901. Ц. 1 р.

П. П. Гидичъ. Первый томъ комедій.
 Изд. 2-ое, т-ва „Трудъ“ 1901. Спб.

На постройку школъ въ Вирскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, поступили слѣдующія пожертвованія:

		Руб.	Коп.
1)	Отъ гг. офицеровъ 113 пѣхотнаго Старорусскаго полка.	25	75
2)	" " " 91 пѣхотнаго Двинскаго полка.	8	90
3)	" " " 53 пѣхотнаго Волынскаго полка.	1	98
4)	" " " 2-го Оренбургскаго казачьяго полка.	1	55
5)	" " " 22 пѣхотн. Нижегородскаго Ея Высочества Великой Княгини Вѣры Константиновны полка.	10	90
6)	Отъ гг. офицеровъ 190 пѣхот. Резерви. Венгерскаго полка.	2	41
7)	" " " 149 пѣхотнаго Великаго Князя Михаила Николаевича Черноморскаго полка.	7	90
8)	Отъ гг. офицеровъ 40 драгунскаго Малороссійскаго полка.	2	—
9)	" " " 16 " Глуховскаго Ея Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны полка.	2	—
10)	Отъ начальницы Елабужской женск. гим. А. А. Дорофеевой.	4	—
11)	Отъ г.г. офицеровъ 135 пѣхотнаго Керчь-Еникальскаго полка	1	95
12)	" " " 12 артилл. бригады.	9	—
13)	Отъ 8 сапернаго баталіона.	7	10
14)	Отъ 93 пѣхотнаго Иркутскаго полка	1	—

Всѣ эти пожертвованія вмѣстѣ съ ранѣ поступившими предназначены на постройку школы въ деревнѣ Уржумовой, Мишкинской волости.

Ив. А. Бунинъ.

„На край свѣта“ и др. рассказы („На край свѣта“. — „На дачѣ“. — „Фантазеръ“. — „Вѣсти съ родины“. — „Танька“. — „Кастрюкъ“. — „Тарантелла“. — „На Донцѣ“). Изд. О. Н. Поповой. Цѣна 1 руб.

„Пѣснь о Гайаватѣ“

Генри Лонгфелло.

Полный переводъ съ англійскаго

Ив. А. Бунина.

Изд. „Книжнаго Дѣла“. Съ портретомъ автора, рисунками въ текстѣ и 7 отд. автотипіями америк. художника Ремингтона, исполненными въ Вѣнѣ. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

ЛИСТОПАДЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Книгоиздательство „Скорпіонъ“. М. 1901 г. 184 стр. Цѣна 1 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ О. Н. ПОПОВОЙ.
СПБ., Невскій пр., 54. Телефонъ 3159.

Васильева, М. Пѣсни сибирячки. Стр. 186. Спб. 1901 г., 1 р.
Вересаевъ, В. *Очерки и рассказы.* На мертвой дорогѣ. — Товарищи. — По-
рывъ. — Прекрасная Елена. — Загадка. — Безъ дороги. — Повѣтріе. Изд. *третье.*
Спб., 1901. 265 стр. 1 р.

Дарвинъ. Ч. Сочиненія, 4 тома. Съ 58 табл. рисунковъ. Стр. L + 2457.
Ц. 9 р. Томъ I. *Автобіографія.* Ч. Дарвина. Перев. проф. К. Тимирязева. — *Пу-
тешествіе вокругъ свѣта на корабль „Бигль“.* Переводъ подъ редакціей про-
фессора А. Бенетова. — *Теорія происхожденія видовъ путемъ естественнаго от-
бора.* Переводъ проф. К. Тимирязева. — Томъ II. *Происхожденіе человека и по-
ловой отборъ.* Переводъ проф. И. Съченова. — *О выраженіи ощущеній у человека*
и животныхъ. Переводъ подъ ред. академика А. О. Ковалевскаго. — Томъ III.
Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Переводъ В. Ковалевскаго.
для новаго изданія переработанный профессоромъ М. А. Мензбиромъ и про-
фессоромъ К. А. Тимирязевымъ. — Томъ IV. *Приспособленіе орхидныхъ къ опло-
дотворенію насекомыми.* Перед. И. Петровскаго, подъ ред. проф. К. А. Тимир-
язева. — *О движеніяхъ и повадкахъ лазящихъ растеній.* Перев. И. Петровскаго
подъ ред. К. А. Тимирязева. — *Насткомоядныя растенія.* Переводъ подъ редак-
ціей проф. К. А. Тимирязева. — *Образованіе растительнаго слоя дѣятельностью*
дождевыхъ червей и наблюденія надъ образомъ жизни послѣднихъ. Переводъ
проф. М. А. Мензбира.

Томы III и IV продаются отдѣльно—4 р. 50 к.

Кюлье, О. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Б.
Струве съ библиографическими добавленіями Я. Н. Колубовскаго. Стр. 343.
Спб. 1901 г. 1 р. 25 к

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣще-
нія для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ
заведеній Министерства.

Лихтенберже, А. Философія Нитше. Перев. съ франц. подъ редакціей и
со вѣтупительной статьей М. Невѣдомскаго съ портретомъ Фр. Нитше.
Стр. CXLIV + 242. Спб. 1901 г. 1 р. 80 к.

Рэмлю, Э. Земля. Описаніе жизни земного шара. Вып. V Атмосфера и
воздушныя явленія. 68 рисунковъ и 3 карты. Перев. съ французскаго подъ
ред. Д. А. Коробчевскаго. Съ дополненіями Э. Ф. Лесгафта. Изд. *второе*
О. Н. Поповой. Стр. 214. Спб., 1901 г. 1 р.

Сюзль. Черный красавецъ. Автобіографія лошади. Пов. для юношества.
Пер. съ англ. С. Гулишамбаровою. Съ 13 рис. Стр. 224. Спб., 1901 г. 1 р.

Туганъ-Барановскій, М. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Исто-
рико-экономическое изслѣдованіе. Томъ I. Историческое развитіе русской
фабрики въ XIX вѣкѣ. Второе, значительно дополненное изданіе. Изд. О.
Н. Поповой. Стр. XII + 562. Спб., 1900 г., 3 р. 50 к.

Чириковъ, Евг. *Очерки и рассказы.* Кн. 3-я. Танино счастье. — Въ лощинѣ
межъ горъ. — Какъ это случилось. — Фаустъ. — Имениница. — Лунная ночь. —
Лошадка. — Предатель. — Обостренныя отношенія. — Одуванчикъ. Спб., 1901.
325 стр. 1 р.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

Веббъ О. и Б. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, т. II.
Золя, Э. Трудъ. Зомбартъ. Очерки по исторіи промышленнаго развитія Гер-
мани, II ч. Липсъ. Логика. Огаревъ, Н. Собраніе стихотвореній Юнгъ. Уроки
астрономіи А. М. Федоровъ. Стихотворенія.

Книжный магазинъ О. Н. Поповой принимаетъ подписку на всѣ
періодическія изданія, высылаетъ всякаго рода книги, учебники,
учебныя пособія, волшебныя фонари и картины къ нимъ. Ката-
логъ изданій и книжнаго магазина высылается бесплатно.

3 2044 012 767 133

10p
80-1513 "n"

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CANCELLED

